H. misc.
360 e

Očerki

Н. Сысоевъ
1755 год

14/28/12

III P
4195

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ И НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЙ.

(НОВАЯ ИСТОРІЯ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Государственный Исторический фонд

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе братьевъ Салаевыхъ.
1873.

S. n. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Дозволено Цензурою. Москва. 12 Октября 1872 г.

(Печатано съ изданія 1863 г.)

Типографія Грачева и комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ГЛАВА I.

Изобрѣтенія и открытія.

ИЗОБРѢТЕНІЯ.

1. Іоаннъ Гутенбергъ.

1.

Возможностію имѣть и читать недорого-стоющія книги, возбуждающія въ человѣкѣ мысль о добрѣ и пользѣ, мы обязаны нѣмцу, уроженцу Майнца, Іоанну Гутенбергу, родившемуся, въ 1397 г., на хуторѣ Гензефлейшъ. Отецъ его, Фріело или Фридрихъ Гензефлейшъ, присоединилъ къ своей фамиліи,— что̀ было въ обычаѣ въ тѣ времена,— фамилію жены своей, Эльзы или Елисаветы Гутенбергъ, послѣдней въ родѣ Гутенберговъ. Фамиліи Гензефлейшъ и Гутенбергъ принадлежали къ дворянству и считались почетными въ Майнцѣ. Между богатыми дворянскими родами и фамиліями цеховыхъ и гражданъ города Майнца изстари существовала вражда, изъ-за того, что дворянскіе роды, по бо̀льшей части, удерживали за собою всю власть въ городѣ и часто притѣсняли гражданъ. Вражда эта укоренилась и была причиною многихъ смутъ. Такъ было и въ 1420 г. Возстаніе горожанъ принудило семейства дворянъ, называвшихъ себя старыми горожанами, (Альтбюргерами), удалиться изъ Майнца. Гензефлейшы искали убѣжища въ Страсбургѣ; они остались тамъ на житье даже и послѣ того, какъ, по мирнымъ условіямъ, „старымъ гражданамъ“ разрѣшено было возвратиться въ Майнцъ. Молодость Іоанна Гутенберга, равно какъ мѣсто и обстоятельства, въ которыхъ онъ пріобрѣлъ свои многостороннія познанія, — совершенно не-

извѣстны; достовѣрно только то, что, съ 1436 по 1438 г., онъ, сообща со многими другими, занимался дѣланіемъ зеркалъ и шлифованіемъ камней; тогда же, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ самимъ пресса, началъ онъ первые, несовершенные опыты надъ печатаніемъ книгъ. Въ прежнее время, семья Гутенберга была сильна и богата, но бѣгство изъ Майнца разорило ее и Гутенбергъ принужденъ былъ, даже для прокормленія себя, примѣнять къ дѣлу многоразличныя свои познанія, а при томъ и обучать другихъ; вырученныя за работу деньги онъ употреблялъ на дорого-стоившіе ему опыты. Впрочемъ, извѣстно, что ни одна книга не была еще напечатана имъ въ Страсбургѣ.

Мысль о книгопечатаніи должна бы давно придти кому нибудь въ голову, такъ какъ уже печатались образа святыхъ съ стихами и изрѣченіями. Это дѣлалось такимъ образомъ: на дощечкѣ изъ грушеваго дерева вырѣзывали образъ святаго и какое-нибудь его изрѣченіе; черты изображенія, переводимыя на бумагу, дѣлались выпукло, остальныя же мѣста на дощечкѣ углублялись рѣзцомъ. Эти выпуклыя черты покрывались черной краской и оттискивались на бумагѣ посредствомъ особой скалки.

Отъ такого способа распространять изображенія уже недалеко было до книгопечатанія, однако до Гутенберга никому не приходила мысль о томъ. Сначала, онъ сталъ вырѣзывать цѣлыя рѣченія выпукло на доскахъ и покрывалъ ихъ черной краскою; но такъ надо было имѣть особую дощечку для каждой страницы, притомъ и печатаніе посредствомъ скалки оказалось неудобнымъ: печать выходила не вездѣ ровною. Тогда придумалъ онъ прессъ, изъ-подъ котораго оттискъ выходилъ гораздо ровнѣе. Между тѣмъ, Гутенбергъ, все по-прежнему, былъ бѣденъ, приходилось ему работать на чужія деньги, — что́ доставило много непріятностей и даже тяжебъ. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ, вдругъ озарила его свѣтлая мысль: онъ подумалъ: „если каждую букву вырѣзать отдѣльно изъ деревянной доски, то можно будетъ складывать ихъ какъ угодно, и составлять изъ отдѣльныхъ буквъ разныя слова“. Сказано — сдѣлано. Съ подвижными буквами Гутенбергъ могъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе прежняго; конечно, вырѣзанныя изъ доски буквы оставались однѣ и тѣже, но такъ какъ онѣ были подвижныя, то можно было располагать ими свободно. Мы объяснимъ это примѣромъ. Имѣя подъ рукою отдѣльныя буквы: a, b, e, n, d,—Гутенбергъ, различнымъ образомъ передви-

гая и складывая буквы эти, могъ составлять изъ нихъ слова: abend, ab, end, Bad, Baden, den, и проч.; между тѣмъ какъ неподвижными, на деревѣ вырѣзанными, буквами можно было отпечатать одно только слово: abend. Стало-быть, Гутенбергъ сдѣлалъ тутъ великій шагъ впередъ. Но онъ тотчасъ же замѣтилъ, что деревянныя буквы скоро стираются, даютъ нечистые оттиски и не долго держатся; а притомъ, надо чрезвычайно много труда и траты времени, чтобы вырѣзать изъ дерева количество буквъ, потребное для напечатанія большой книги, въ особенности же, — Библіи. И онъ началъ обдумывать какъ бы дѣлать буквы изъ металла: свинца, олова или мѣди. Но прежде еще исполненія этого намѣренія, онъ оставилъ Страсбургъ и отправился въ Майнцъ. Здѣсь онъ заключилъ съ богатымъ майнцскимъ гражданиномъ Фустомъ условіе, по которому оба они должны были открыть въ Майнцѣ типографію и снабдить ее типографскими снарядами; Фустъ обязывался доставить деньги на это предпріятіе; барыши же условлено было дѣлить поровну. Кромѣ того, Гутенбергъ обязывался платить шесть процентовъ за капиталъ, а Фустъ — прибавлять ежегодно денегъ, сколько придется, на покрытіе издержекъ.

Если бы честный Гутенбергъ повелъ дѣло съ честнымъ же товарищемъ, — нѣтъ сомнѣнія, что труды его, изобрѣтенія, долговременная борьба съ разными препятствіями, были бы вознаграждены; но Фустъ былъ плутъ, выше всего ставившій деньги и наживу, а въ Гутенбергѣ нашелъ онъ человѣка, котораго легко было обмануть.

Тогда какъ Фустъ добивался только денегъ, Гутенбергъ употреблялъ всѣ старанія изобрѣсти искусство, открывшее міру двери знанія. Въ Майнцѣ, онъ напалъ на мысль отливать металлическія буквы, вмѣсто деревянныхъ. То былъ еще новый шагъ впередъ: металлическія буквы были правильнѣе, мельче, красивѣе деревянныхъ. Это составляло уже великое усовершенствованіе въ дивномъ, великомъ искусствѣ, принесшемъ, впослѣдствіи, только пользы для всего міра. Вотъ какіе пріемы употреблялъ Гутенбергъ: на отчетливо-вырѣзанныя изъ мѣди буквы онъ наливалъ свинцу; такимъ способомъ получались углубленныя формы, въ которыя отливалъ онъ уже оловянныя и бронзовыя буквы. Если разсудить: сколько сотенъ буквъ могъ онъ отлить въ одинъ день да сравнить этотъ способъ съ прежней ручной вырѣзкой изъ дерева, — успѣхъ въ дѣлѣ представится уже громаднымъ.

2.

Прежде всего, Гутенбергъ задумалъ издать Библію, — и это указываетъ на благочестивый образъ его мыслей: зачатки искусства, изобрѣтеннаго дарованною ему отъ Бога прозорливостью, онъ хотѣлъ посвятить слову Божію. Онъ началъ печатать Библію въ 1452 г. окончилъ печатаніе въ 1455; но предпріятіе это повлекло за собою большіе расходы; самая продолжительность труда свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ устройства книгопечатанія, о томъ, какъ еще мало опытности имѣли въ этомъ дѣлѣ наборщики.

Около того же времени, поступилъ въ товарищи къ Гутенбергу и Фусту Петръ Шефферъ, изъ Гернсгейма. Шефферъ былъ очень ловкій человѣкъ; онъ имѣлъ прекрасный почеркъ и придалъ особенную красоту буквамъ; онъ же придумалъ лучшіе пріемы для дѣланія болѣе прочныхъ буквъ. Фустъ давно уже замышлялъ отдѣлаться отъ Гутенберга, чтобы удержать за собою всѣ выгоды предпріятія: поэтому, увидавъ способности Шеффера, онъ старался сойтиться съ нимъ какъ можно ближе — и, наконецъ, отдалъ за него дочь свою.

Послѣ столькихъ размышленій, трудовъ, пожертвованій, Гутенбергъ достигъ уже цѣли, но тутъ-то именно и обрушился на него жесточайшій ударъ. Алчный, лукавый Фустъ неожиданно потребовалъ отъ Гутенберга весь свой капиталъ и съ процентами, которые, однако, прежде того, простилъ ему на словахъ.

Гутенбергъ былъ кроткій, добродушный человѣкъ, весь преданный наукѣ, мало опытный въ дѣлахъ житейскихъ. Полагаясь на эту неопытность Гутенберга, Фустъ навязалъ бѣдняку тяжелую тяжбу; притомъ же, онъ велъ ее всевозможными кривыми путями, съ помощью лжи и обмана. Онъ имѣлъ богатство и значеніе, онъ подкупилъ судей и, вопреки всякому праву, выигралъ тяжбу. Гутенбергъ былъ не въ состояніи выплатить взыскиваемую противникомъ сумму — и судьи приговорили за искъ Фуста отдать ему, въ полную собственность, всю типографію Гутенберга.

Это происходило въ декабрѣ 1455 г. Сердце обливается кровью, при мысли о положеніи Гутенберга. Всѣ плоды его стараній, — награда за многолѣтніе труды и опыты, — были похищены у него самымъ подлымъ образомъ, похищены тѣмъ человѣкомъ, кого онъ такъ довѣрчиво посвя-

тилъ въ тайну своего искусства. Настала жестокая зима. Безъ денегъ, безъ хлѣба, безъ всякихъ пособій, безъ покровительства, безъ надежды на правосудіе,—что было дѣлать въ Майнцѣ бѣдному Гутенбергу? Подавленный горемъ, онъ еще оставался тамъ нѣкоторое время,—потомъ, человѣкъ этотъ, прозорливости котораго весь міръ обязанъ средствами къ образованію, принужденъ былъ, съ посохомъ странника, покинуть вторично родину, покинуть нищимъ, безпомощнымъ скитальцемъ и, — что̀ всего хуже, — обманутымъ въ довѣріи своемъ къ честности другихъ людей.

Онъ отправился опять въ Страсбургъ, гдѣ уже вытерпѣлъ столько горькихъ испытаній. Въ Страсбургѣ, онъ надѣялся основать типографію и снискивать честнымъ трудомъ пропитаніе. Съ этой надеждой, поддерживавшей его во всѣхъ бѣдствіяхъ, онъ и прибылъ въ Страсбургъ. Но надежды оказались напрасными: богатые знакомые Гутенберга не обратили вниманія на его мольбы и убѣжденія и отказали въ денежныхъ средствахъ для исполненія его предпріятія. Нужда подавляла Гутенберга; а Фустъ и Шефферъ, въ это же самое время, собирали жатву съ того, что̀ онъ посѣялъ. Съ предательской хитростію, скрыли они отъ Гутенберга изобрѣтенный Шефферомъ способъ изготовленія болѣе прочныхъ и красивыхъ буквъ, и, только отдѣлавшись отъ своего товарища, пустили въ ходъ это изобрѣтеніе. Они издали великолѣпный псалтирь, который и до сихъ поръ считается образцовымъ произведеніемъ книгопечатанія. Оба они обогатились чрезвычайно, а благородный Гутенбергъ, изобрѣтатель искусства, которому они всѣмъ были обязаны, жилъ въ нуждѣ и едва находилъ мѣсто, гдѣ приклонить голову, отягощенную заботами и горемъ.

3.

Положеніе Гутенберга въ Страсбургѣ становилось отчаяннымъ, — но вдругъ взошла надъ нимъ звѣзда спасенія. Онъ вступилъ въ сношенія съ докторомъ Конрадомъ Гюмери, богатымъ синдикомъ въ Майнцѣ, который и предложилъ ему средства завести въ этомъ городѣ новую типографію. Гутенбергъ возвратился въ родной городъ, гдѣ испыталъ столько горя, гдѣ вѣроломные товарищи обманомъ лишили его всего, — и опять

основалъ типографію. Онъ долженъ былъ начинать съизнова, между тѣмъ какъ прежде чуть-было не достигъ цѣли. Онъ сталъ созидать съ основанія; приложилъ всѣ силы свои къ наилучшему устройству типографіи, къ тому, чтобы, хоть подъ конецъ, получить награду за умственный и матеріальный трудъ свой, — насколько оставили на то возможности Фустъ и Шефферъ: — однако, и послѣдняя надежда обманула его.

Тайна его искусства, изъ которой онъ думалъ извлечь пользу и для себя, — на что̀, конечно, имѣлъ полное право, особенно при стѣсненномъ своемъ положеніи,—тайна эта была разглашена — и это глубоко огорчало его. Въ то время, какъ онъ тягался съ Фустомъ и Шефферомъ и наконецъ отошелъ отъ нихъ, въ дѣлахъ по типографіи произошла остановка: многіе мастера, обязавшіеся подъ клятвою никому не открывать тайны искусства, лишились работы. Они разошлись, а такъ какъ дѣла прекратились, эти мастера и сочли себя разрѣшенными отъ клятвы. Они основали типографіи въ другихъ городахъ: въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Бамбергѣ, — вскорѣ изъ всѣхъ этихъ мѣстъ стали распространяться по всюду печатныя сочиненія. Къ этой бѣдѣ для Гутенберга присоединилась другая, впрочемъ, еще болѣе способствовавшая распространенію искусства книгопечатанія по цѣлому міру. Римскій папа лишилъ архіепископскаго сана курфирста майнцскаго Дитера и поставилъ на его мѣсто Адольфа, графа нассаускаго. Не покоряясь этому приговору, Дитеръ собиралъ войско; Адольфъ нассаускій послѣдовалъ его примѣру — и между обоими соперниками началась кровопролитная война. Жители Майнца были приверженцами Дитера, — онъ укрѣпился въ ихъ городѣ. Адольфъ осадилъ Майнцъ и взялъ его въ одну туманную, осеннюю ночь. Граждане оборонялись, но принуждены были уступить нечаянности нападенія, превосходству силы. Дружины Адольфа рѣзали безпощадно, подожгли часть города и страшно свирѣпствовали. Въ эту ужасную ночь, постигла вѣроломнаго Фуста достойная кара: типографія его, со всѣми снарядами при ней, сгорѣла—и прошло много времени, прежде чѣмъ собрался онъ съ силами основать новую. Мастера его разошлись по разнымъ мѣстамъ и основали новыя типографіи. Несчастіе этой кровавой ночи такъ жестоко постигло и многострадальнаго Гутенберга, что онъ не могъ уже держать новооснованную типографію и принужденъ былъ уступить ее въ собственность доктору Гюмери, давшему

ему въ займы денегъ. Впрочемъ, кажется, люди, хорошо-расположенные къ Гутенбергу, давали ему надлежащую поддержку; такъ, докторъ Гюмери предоставилъ Гутенбергу надзоръ за типографіею, а близкіе родственники его занялись типографіей, переведенной въ Этвиль, въ Рейнгау. На ту пору, въ Этвилѣ имѣлъ пребываніе курфирстъ-архіепископъ, Адольфъ, графъ нассаускій, столько же ненавидѣвшій жителей Майнца за нерасположеніе къ нему, сколько и жители Майнца ненавидѣли его за кровавыя дѣйствія его наемниковъ, при взятіи города. Архіепископъ Адольфъ принялъ Гутенберга въ число своихъ камеръ-юнкеровъ. Конечно, это было не Богъ знаетъ какое завидное мѣсто: наши каммеръ-юнкеры и каммергеры пришли бы въ ужасъ отъ содержанія, какое получалъ бѣдный Гутенбергъ. Ежегодно давали ему только придворное платье, да сверхъ того, онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ податей и налоговъ и имѣлъ право ввозить въ Майнцъ каждый годъ, безпошлинно, 20 мальтеровъ ржи и двѣ бочки вина; но притомъ, онъ былъ освобожденъ и отъ всякой службы при дворѣ. Чѣмъ же тутъ было жить?—вѣроятно, часто приходилось голодать Гутенбергу, если только типографія не приносила ему побольше доходу.

Вѣроятно то, что золотыхъ дней онъ не дождался, не получилъ заслуженной награды. Но сознаніе, что онъ открылъ путь къ высшему, всемірному образованію, должно было утѣшать его возвышенную душу. Читая слово Божіе на родномъ языкѣ или другую какую-либо полезную книгу, мы должны благословлять память человѣка, изобрѣтательность котораго доставила намъ способъ для этого. Съ прискорбіемъ, должны мы сказать, что Гутенбергъ умеръ (въ 1469 г.) въ бѣдности и несчастіи, преслѣдовавшихъ его во всю жизнь. Кажется, онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ. Его похоронили въ старой францисканской церквѣ, въ Майнцѣ, и какой-то добрый родственникъ поставилъ надъ могилой его простую плиту. Гутенбергъ былъ послѣднимъ изъ рода Гензефлейшъ-Гутенбергъ. Неблагодарный міръ долго не признавалъ заслугъ великаго человѣка. Только въ наше время жители Майнца догадались, что, какъ для себя, такъ и для великаго своего гражданина, они обязаны воздвигнуть памятникъ. Памятникъ этотъ торжественно поставленъ 12 августа 1837 г. Если кто-нибудь изъ читателей нашихъ пріѣдетъ въ Майнцъ, —да не замедлитъ онъ взглянуть на бронзовую статую Гутенберга, по-

среди площади близь собора, которая носитъ его имя! Пусть, приэтомъ, подумаетъ онъ, что Гутенбергъ былъ орудіемъ Божіимъ, послужившимъ къ открытію людямъ стезей знанія и науки, пусть не забудетъ тоже, что всѣ мы обязаны съ благодарностію вспоминать о человѣкѣ, искусствомъ котораго, по волѣ Божіей, сдѣлалось намъ причастнымъ все наше знаніе—отъ азбуки и до Библіи!

Сначала монахи называли благородное искусство книгопечатанія діавольскимъ изобрѣтеніемъ, именно за то, что оно отнимало у нихъ одинъ изъ источниковъ ихъ доходовъ,—переписку книгъ. А, можетъ, они предчувствовали, что время слѣпой вѣры миновало, что, вслѣдъ за Гутенбергомъ, выступитъ Лютеръ.

2. Изобрѣтеніе писчей бумаги.

Древнѣйшій видъ бумаги, это—египетскій *папирусъ*, изготовлявшійся изъ египетскаго растенія Cyprius Papyrus. Растеніе это принадлежитъ къ семейству злаковъ; стебель его окруженъ снизу налистниками м вѣнчается зонтиковиднымъ цвѣткомъ; его находятъ въ стоячей водѣ, въ Египтѣ, по берегамъ Нила, а также въ Сициліи. Кожицу или волокно папирусоваго тростника отдѣляли тонкими рядами отъ стебля, разстилали ихъ на столѣ, вспрыснутомъ нильской водою, и поливали клейкимъ кипяткомъ изъ той же воды; потомъ, на первый слой клали второй, выжимали изъ нихъ влажность прессомъ, сушили ихъ на солнцѣ и лощили свинымъ зубомъ. Римляне долго употребляли папирусъ (объ ихъ сверткахъ изъ папирусу была уже рѣчь во второй части нашей книги). До покоренія Мексики Испанцами, Мексиканцы подобнымъ же способомъ приготовляли бумагу изъ листьевъ агавы (алоя).

Израильтяне, во время Давида, вмѣсто книгъ, имѣли свертки изъ кожъ разныхъ животныхъ; Іонійцы Малой Азіи тоже писали на невыдѣланныхъ бараньихъ и козьихъ кожахъ, съ которыхъ соскабливали только волосъ. Впослѣдствіи, волосъ стали сводить извѣстью, и кожи, очищенныя такимъ способомъ, назывались *пергаментомъ*, отъ города Пергама, въ Малой Азіи, гдѣ искусство очищать кожи, для письма на нихъ, было усовершенствовано. Но ни египетскій папирусъ, ни перга-

ментъ не были удобны для употребленія; къ тому же, они были очень дороги. Между тѣмъ, Индійцы, еще прежде Рождества Христова, изобрѣли искусство изъ необработанной хлопчатой бумаги, которую превращали они въ кисель, приготовлять массу, годную для письма. Отъ нихъ, эта, такъ-называемая, хлопчато-бумажная бумага перешла въ Среднюю Азію, въ Бухарію; преимущественно же изготовлялась она въ городѣ Самаркандѣ. Проникнувъ побѣдоносно въ Бухару, Арабы познакомились съ изготовленіемъ и употребленіемъ этой бумаги и завели въ Меккѣ бумажныя фабрики; въ одинадцатомъ же столѣтіи, бумага, чрезъ Арабовъ, сдѣлалась извѣстной въ Испаніи. Тамъ уже заведены были *водяныя мельницы*, за ними,—основали, первыя въ Европѣ, и *писчебумажныя мельницы*, которыя впослѣдствіи, введены были въ Италіи, Франціи и Германіи. Но и хлопчатобумажная бумага имѣла много недостатковъ,—она нестолько выдерживала, была ломче бумаги изъ *льнянаго трепья*. Вскорѣ придумали, вмѣсто хлопчатой бумаги, употреблять старое хлопчатобумажное тряпье, превращая его въ густую массу, а потомъ выжимая подъ прессомъ въ тонкіе листы. Опытъ удался, первый шагъ повелъ къ другому, именно—къ употребленію, вмѣсто бумажнаго, льнянаго трепья, которое, допрежде, выбрасывалось безъ всякой пользы. Одинъ нѣмецъ привелъ эту мысль въ дѣло: но до насъ не дошло ни имя его, ни годъ изобрѣтенія. До 1300 г., не встрѣчается бумаги изъ льнянаго тряпья; но съ 1318 г., хранятся въ архивѣ Кауфбейернскаго госпиталя документы, писанные на бумагѣ изъ льнянаго тряпья; въ тамошнемъ же городовомъ архивѣ хранятся подобные документы отъ 1326 и отъ 1331 гг.—доказательство, что этотъ родъ бумаги первоначально сдѣлался извѣстенъ въ Германіи: ибо въ испанскихъ и италіянскихъ библіотекахъ нѣтъ такой бумаги до 1367 г. Изобрѣтеніе это напрасно приписывается Китайцамъ, потому что и до сихъ поръ они изготовляютъ свою бумагу изъ невыдѣланной пеньки, изъ бамбука и изъ лыка шелковицы (шолковая бумага).

Бумага изъ льнянаго тряпья—самая крѣпкая, удобная и дешовая; безъ изобрѣтенія ея, самое книгопечатаніе не сдѣлало бы такихъ быстрыхъ успѣховъ.

3. Изобрѣтеніе компаса (магнитной стрѣлки).

Все мореходство древнихъ ограничивалось плаваньемъ вдоль береговъ (каботажемъ): у нихъ не было вѣрнаго путеводителя по обширнымъ пустынямъ моря. Единственными путеводителями ихъ были солнце и звѣзды, но они измѣняли, когда небо покрывалось облаками. И долго никому въ голову не приходило, что небольшой кусочекъ желѣза можетъ указывать стороны свѣта, что съ этимъ путеводителемъ можно безбоязненно ввѣрять себя, при самыхъ отдаленныхъ путешествіяхъ, неизмѣримому океану. Только въ среднихъ вѣкахъ, около 1300 г., неаполитанецъ *Флавіо Джіойа* первый открылъ силу *магнитной стрѣлки.* Это—стальная стрѣлка, натертая магнитомъ и свободно обращающаяся на точкѣ опоры. Въ сѣверномъ полушаріи, конецъ ея постоянно обращенъ на сѣверъ; въ южномъ—на югъ. Если опустить ее въ ящикъ, на днѣ котораго нарисована картушка (Wind-Rose) указатель вѣтровъ, то, во всякое время, днемъ, ночью, при ясномъ и при пасмурномъ небѣ, извѣстно будетъ направленіе пути. Устроенный такимъ образомъ ящикъ называется компасомъ. По изобрѣтеніи компаса, великій океанъ пересталъ казаться замкнутымъ міромъ; европейцы открыли морской путь въ Восточную Индію и переплыли Атлантическій Океанъ до западнаго полушарія, гдѣ и нашли цѣлую новую страну свѣта.

4. Изобрѣтеніе пороха.

Порохъ имѣлъ такое же важное значеніе въ военномъ дѣлѣ, какое имѣлъ компасъ для мореплаванія и торговли; онъ произвелъ великую реформу во всѣхъ сословіяхъ и силахъ народовъ. Китайцы выдаютъ себя за изобрѣтателей пороха и утверждаютъ, что онъ извѣстенъ у нихъ болѣе 1600 лѣтъ. Думаютъ, что отъ Китайцевъ узнали порохъ Арабы, которые вели торговлю съ Индіей; Арабы же познакомили съ нимъ Европу. Первые слѣды употребленія пороха находимъ мы въ Испаніи, завоеванной Арабами въ 711 г. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, употребляли огонь и нѣчто въ родѣ пороха для взрыва камней въ Раммельсбергѣ, при Госларѣ. Этотъ опытъ навелъ сына Генриха Льва къ мысли взорвать

точно такимъ же способомъ стѣны одного замка (въ 1200). Но употребленіе пороха на войнѣ явилось позднѣе: протекло довольно много времени, прежде чѣмъ вздумали насыпать пороху въ мортиру (собственно *иготь*) и, чрезъ воспламененіе его, метать ядра.

Изобрѣтеніе пороха обыкновенно приписываютъ францисканскому монаху *Бартольду Шварцу*, имѣвшему пребываніе въ городѣ Фрейбургѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Онъ жилъ около 1350 г., любилъ заниматься химіею, особенно же опытами надъ металлами,—можетъ быть, онъ надѣялся найти средство дѣлать золото. Разъ, онъ нечаянно истолокъ въ иготи нѣсколько селитры, сѣры и угля: смѣсь эту прикрылъ онъ камнемъ и сталъ высѣкать огонь подлѣ иготи; вдругъ запала въ иготь искра: смѣсь мгновенно воспламенилась—и, съ чрезвычайной силой, подбросила кверху камень, прикрывавшій иготь. Испуганный химикъ стоялъ въ недоумѣніи и изумлялся необычайному происшествію. Но онъ повторилъ опытъ надъ смѣсью—и явленіе повторилось. Тогда Шварцъ ознакомилъ многихъ съ своимъ открытіемъ и указалъ какую пользу можно было бы извлечь изъ него для разрушенія на войнѣ стѣнъ, мостовъ и другихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью, стали дѣлать стволы, имѣвшіе видъ иготи, и называвшіеся тоже мортирами. Въ устье мортиръ насыпали пороху, а посверхъ наваливали каменьевъ; у задняго, глухаго конца мортиры находилась скважина, къ которой прикладывали огонь для воспламененія пороха. До сихъ поръ, тяжолыя бомбы кидаютъ изъ широкихъ мортиръ. Впослѣдствіи, прибавили длину мортиръ и превратили ихъ въ пушки: сначала и въ нихъ накладывались камни, но потомъ стали ихъ заряжать ядрами болѣе значительной величины. Въ 1378 г., отлили въ Аугсбургѣ три пушки, изъ которыхъ самая большая могла метать, на разстояніи тысячи шаговъ, большія ядра въ 127 фунтовъ вѣсу, средняя—въ 70 фунтовъ, а меньшая—въ 50 фунтовъ. Но эти громадныя орудія трудно было сдвигать съ мѣста, поэтому стали дѣлать ихъ меньшаго размѣра, такъ что они могли дѣйствовать и въ открытомъ полѣ и для защиты крѣпостей. Позднѣе, начали отливать пушки съ такимъ тонкимъ стволомъ, что одинъ человѣкъ удобно могъ носить ихъ и распоряжаться свободно. Эти переносныя оружія, равно какъ мортиры и пушки, имѣли отверстія, къ которымъ прикладывался фитиль для воспламененія пороху. Древнѣйшее свидѣтельство объ употребленіи этихъ руч-

ныхъ снарядовъ относится къ 1387 г., въ которомъ городъ Аугсбургъ выслалъ своимъ союзникамъ на подмогу тридцать ружейныхъ стрѣлковъ. Долго въ Аугсбургѣ и Нюренбергѣ изготовляли лучшія ружья и пушки, а со временемъ, во многомъ усовершенствовали ихъ. Такъ нашли очень неудобнымъ зажигать ружья, какъ и пушки, посредствомъ фитиля, а придумали курокъ, къ которому привинчивался кремень, къ курку же придѣлывалось стальное колесо, вертѣвшееся кругомъ и высѣкавшее огонь изъ кремня. Это изобрѣтеніе было сдѣлано въ Нюренбергѣ, въ 1517 г.; такой ружейный замокъ назывался нѣмецкимъ. Но дѣйствовать колесомъ этимъ все-таки было трудно, поэтому Французы изобрѣли ударный ружейный замокъ. Для того, чтобы можно было, при случаѣ, употреблять новое оружіе вмѣсто копья, стали привинчивать къ устью его другое оружіе, называемое штыкомъ, (по французски, bayonnette отъ города Байонны, гдѣ это оружіе было изобрѣтено). Нынѣ перестаютъ употреблять кремень: искру, производящую выстрѣлъ, гораздо удобнѣе и легче добываютъ изъ накладываемаго на курокъ *пистона*.

Сначала новые военные снаряды мало употреблялись въ походахъ; ихъ считали коварнымъ оружіемъ, неприличнымъ для честнаго воина. Особенно же рыцари возставали противъ такъ-называемаго „адскаго изобрѣтенія.“ На что̀, въ самомъ дѣлѣ, были ихъ сила и ловкость, превосходное вооруженіе и доспѣхи, когда какой-нибудь трусъ, однимъ прикосновеніемъ пальца, могъ издали повернуть ихъ на землю? Когда простые пѣхотницы выходили противъ рыцарей, съ мушкетами и пушками,— рыцари слагали съ себя мечи и бросали копья. Съ той поры, военную службу начали отправлять наемники — *солдаты* (отъ слова „solde“ плата): образовались постоянныя войска, и, прежде всего во Франціи, гдѣ постоянныя дружины gens d'arme'овъ чрезмѣрно усилили власть государей. Въ битвахъ перестали сражаться съ прежнимъ ожесточеніемъ, потому что рѣшеніе боя зависѣло уже не отъ силы отдѣльно взятыхъ воиновъ, а отъ искусства вождя, отъ быстроты въ передвиженіяхъ цѣлыхъ массъ. Война сдѣлалась искусствомъ, способъ же вести ее—наукой.

5. Изобрѣтеніе часовъ.

Это изобрѣтеніе, важное, какъ для частной жизни, такъ и для науки, относится тоже къ среднимъ вѣкамъ, но только въ послѣднее время до-

ведено до великаго совершенства. Въ самой глубокой древности, узнавали, много ли прошло дня—по положенію солнца; по тѣни же, различнымъ образомъ набрасываемой на землю солнцемъ, смотря по его положенію, съиздавна научились изготовлять *солнечные часы*. Но ими можно было пользоваться только днемъ, и то при сіяніи солнца, для ночи же не было никакого мѣрила. Для опредѣленія времени и днемъ и ночью и въ каждое мгновеніе, потребно было такое орудіе, которое, при постоянномъ и равномѣрномъ движеніи, подавало бы видимый или слышимый знакъ, сколько протекло частей времени. Такъ древніе народы, и между прочими Китайцы, давнымъ-давно изобрѣли *водяные часы*. Для этого Китайцы употребляли круглый сосудъ, имѣвшій внизу круглое, маленькое отверстіе; сосудъ этотъ, пустой, вставляли въ другой сосудъ, наполненный водою. По мѣрѣ того, какъ вода изъ нижняго сосуда проникала въ верхній, послѣдній постепенно опускался и показывалъ части протекшаго времени. Въ западной Азіи, изобрѣтатели водяныхъ часовъ были, вѣроятно, Ассиріяне; отъ нихъ, во времена великаго персидскаго завоевателя, Кира, перешли они въ Малую Азію, къ Грекамъ. Первые водяные часы Римляне пріобрѣли только въ 160 г. до Р. Х. Юлій Цезарь привезъ такіе часы изъ Британіи въ Римъ. Въ 390 г., король Остготовъ Теодорихъ послалъ въ подарокъ водяные часы бургундскому королю Гундобальду,—они показывали тоже движенія солнца и мѣсяца: вѣроятно въ сосудѣ, содержавшемъ воду, были сдѣланы колеса, которыя приводились въ движеніе капавшей водою. Того же рода часы арабскій халифъ Гарунъ—аль-Рашидъ подарилъ Карлу Великому. Они были металлическіе, имѣли часовую стрѣлку, и были устроены такимъ образомъ, что, съ окончаніемъ каждаго часа, падало въ подставленный внизу тазъ столько же металическихъ шариковъ, сколько протекло времени; при паденіи шариковъ, выходили изъ дверецъ рыцари, которые, съ послѣднимъ часомъ дня, возвращались назадъ и запирали дверцы: колеса, приводимыя въ движеніе посредствомъ воды, отворяли дверцы, изъ которыхъ выкатывались шарики и выходили рыцари.

Но вода все-таки имѣла много неудобствъ; лѣтомъ, въ жары, она увеличивается въ объемѣ, становится слишкомъ жидкою и испаряется; зимой замерзаетъ: по этому, съ давнихъ поръ, стали замѣнять воду пескомъ, который, если совершенно высушенъ, легко сыплется чрезъ са-

мое маленькое отверстіе сосуда. Песокъ насыпали въ двѣ соединенныя между собою вазы, и когда онъ весь высыпался изъ верхней вазы, тогда песочные часы переворачивали. Но и такіе часы все-таки невѣрно обозначали время. Тогда человѣческій разумъ придумалъ *часы съ колесами*, для которыхъ не нуженъ ни песокъ, ни вода, ни солнечная тѣнь: сила, приводящая въ дѣйствіе колеса, всегда одинакова, и никогда не ослабѣваетъ.

Силу эту нашли, сначала, въ *гиряхъ*, привѣшанныхъ къ часамъ и приводившихъ въ дѣйствіе всю систему колесъ. Такіе часы съ гирями—изобрѣтатель ихъ не извѣстенъ—были устроены еще, въ 996 г., въ Магдебургѣ французскимъ монахомъ *Гербертомъ*, тѣмъ самымъ, корый, впослѣдствіи, сдѣлался папою, подъ именемъ Сильвестра II. Часы эти были безъ боя, и только триста лѣтъ спустя, доходятъ до насъ извѣстія о боевыхъ часахъ. Въ 1344 г., устроили въ Падуѣ первые башенные часы, которые били всякій часъ, а въ 1370 г., французскій король Карлъ V выписалъ изъ Германіи знаменитаго часовщика Генриха Вика, который сдѣлалъ первые большіе часы въ Парижѣ и поставилъ ихъ на башнѣ королевскаго дворца. Въ Германіи, первымъ городомъ, имѣвшимъ боевые часы, былъ, кажется, Аугсбургъ; покрайней мѣрѣ, такіе часы находились въ немъ уже въ 1364 г.

Но всѣ эти часы были не совершенны, потому что не доставало имъ *маятника*, уравновѣшивающаго постепенное развертываніе гирь. Этимъ важнымъ открытіемъ обязаны мы знаменитому флорентинскому естествоиспытателю Галилею, (1564—1642), который, въ качаніи паникадилъ въ церкви, открылъ цѣлое ученіе о маятникѣ, напримѣръ: что всѣ обороты маятника одинаковы по времени, что бо̀льшая или меньшая быстрота движеній маятника зависитъ отъ его длины, и проч. Этотъ маятникъ примѣнили къ часамъ, такъ что самое незначительное сотрясеніе поддерживаетъ движеніе въ нихъ.

Это повело наконецъ къ изобрѣтенію *карманныхъ часовъ*, которые всякій можетъ удобно носить при себѣ. Слава изобрѣтенія ихъ принадлежитъ нѣмцу *Петру Геле*, часовщику въ Нюренбергѣ, который, около 1560 г., сдѣлалъ первые карманные часы. Сначала они были черезъ чуръ велики, имѣли видъ яйца, и потому назывались *нюренбергскими яичками*. Но вскорѣ стали употреблять меньшіе размѣры,

болѣе удобной формы, а наконецъ достигли того, что цилиндрическіе часы помѣщались даже въ перстнѣ. Голландецъ Гюйгенсъ, жившій въ 17-мъ столѣтіи, много усовершенствовалъ карманные часы, которые, въ нынѣшнее время, сдѣлались такъ дешевы, что рѣдкій мальчикъ не носитъ ихъ въ карманѣ.

Всѣ упомянутыя выше и многія другія изобрѣтенія Нѣмцевъ даютъ право Германіи со славой занимать мѣсто на ряду другихъ державъ. Это убѣжденіе должно утѣшать нѣкоторымъ образомъ въ томъ, что другіе народы нерѣдко насмѣхаются надъ Нѣмцами, частію за ихъ неповоротливость, частію за то, что они отказываются быть Нѣмцами. Глубиною своего мышленія, стойкостію въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ задачъ, въ изобрѣтательности и въ искусствѣ, Нѣмцы могутъ поспорить со всѣми прочими націями.

ОТКРЫТІЯ.

1. Генрихъ мореходецъ.

1.

На Пиренейскомъ полуостровѣ, когда еще имѣли тамъ владѣнія Мавры, рядомъ съ двумя христіанскими государствами, Аррагоніей и Кастиліей, возникло изъ одной кастильской провинціи отдѣльное королевство, Португальское. Французскій принцъ *Генрихъ* помогалъ испанскимъ христіанамъ въ войнѣ противъ Мавровъ. Въ благодарность за это, кастильскій король Альфонсъ VI далъ ему, какъ особое графство, полосу земли, между Мухо и Дуэро, которая получила названіе Португаліи отъ пристани Cale (Porto Cale). Постепенными завоеваніями у Мавровъ область эта была распространена до устьевъ рѣки Гвадіаны. Преемники Генриха назвались королями и храбро бились съ Маврами; по изгнаніи же Мавровъ съ полуострова, они и въ самой Африкѣ преслѣдовали этихъ наслѣдственныхъ враговъ своихъ: король Іоаннъ (1411 — 1433) переправился черезъ Гибралтарскій проливъ и ему удалось взять

сильную крѣпость Цейту, на африканскомъ берегу. Изъ гавани этого города предприняты были великія открытія.

Третій сынъ короля Іоанна, инфантъ *Генрихъ*, посвящалъ всѣ досуги свои наукамъ, особенно же географіи и астрономіи. Жажда къ ученію заставила его покинуть дворъ, — онъ поселился въ южной части Португаліи, въ Логосѣ, близь мыса св. Винцента. Оттуда недалеко до африканскаго берега, и инфанту сподручно было собирать разныя свѣдѣнія о сосѣдяхъ. Въ это время господствовало всеобщее стремленіе открыть морской путь въ Индію, въ эту страну, столь прославленную своимъ плодородіемъ и богатствомъ. Инфантъ Генрихъ думалъ, что можно, объѣхавъ Африку, достигнуть Юго-западной Азіи—вѣдь должна же эта часть свѣта имѣть гдѣ-нибудь конецъ. Сохранялось отъ древнихъ временъ преданіе (см. часть I. Гл. 1), что нѣкогда Финикіяне объѣхали всю Африку: но боялись несносной жары подъ экваторомъ, думали, что жара эта спалитъ всякаго, кто переплыветъ черезъ линію; притомъ разсказывалось о дикихъ, лютыхъ звѣряхъ, нападающихъ на корабли, объ огненныхъ потокахъ, объ илистой водѣ, густой какъ студень, въ которой вязли будто бы корабли. Такія сказки не допускали никакихъ попытокъ, оттого мореходцы продолжали еще держаться береговъ,—и хоть компасъ былъ уже открытъ съ 1300 г., однако неохотно пускались въ открытое море.

Старательно развѣдывалъ Генрихъ отъ мореплавателей и купцовъ о западномъ берегѣ Африки. Собранныя свѣдѣнія поощряли его снарядить на свой счетъ нѣсколько судовъ и отправить ихъ для далекихъ открытій. Но головы первыхъ мореходцевъ слишкомъ еще были набиты всяческими страхами: при вступленіи въ открытое море, ужасъ одолѣлъ ихъ и они воротились, ничего не сдѣлавъ, на что Генрихъ сильно прогнѣвался. Наконецъ, нашелъ онъ двухъ храбрыхъ рыцарей, которые дали ему слово возвратиться домой только тогда, когда откроютъ что-нибудь достойное вниманія. Пустились они въ путь и плыли все дальше да дальше, какъ разразилась буря и выбросила ихъ судно на маленькій островъ *Порто-Санто*. Генрихъ приказалъ основать тамъ колонію, засѣять почву хлѣбомъ, засадить овощами, развести виноградники; кромѣ того, переселены были туда разныя животныя, которыя весьма размножились подъ этимъ прекраснымъ, благорастворенным небомъ: такъ од-

на сукотная самка кролика развела, въ нѣсколько лѣтъ, такое многочисленное потомство, что, не безъ основанія, стали опасаться, какъ бы не истребило оно всѣ посѣвы на островѣ.

2.

Часто, при ясной погодѣ, въ Порто-Санто виднѣлись далекія туманныя горы на горизонтѣ, — и Генрихъ приказалъ плыть въ ихъ направленіи. Въ 1420 г., открыли островъ Мадеру, поросшій сплошнымъ, дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, никогда не бывала нога человѣка. Лѣсъ подожгли, и, говорятъ, онъ горѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ. И здѣсь Генрихъ основалъ колонію: онъ выслалъ туда разныхъ сѣмянъ, домашнихъ животныхъ, и приказалъ пересадить виноградныя лозы съ острова Кипра, а сахарный тростникъ изъ Сициліи; оба растенія превосходно принялись, въ почвѣ удобренной золою, подъ благорастворенныхъ небомъ острова. До сихъ поръ, сахаръ съ острова Мадеры—самаго высокаго качества, хотя и мало его тамъ добывается; за то, вина вывозится оттуда въ Европу ежегодно до 30, 000 бочекъ. Большое количество этого жгучаго вина отправляется въ Восточную и въ Западную Индію.

Открытіе острова Мадеры еще болѣе ободрило принца; только мореплаватели его не совсѣмъ еще отдѣлались отъ прежняго страха. Вскорѣ Португальцы пристали къ находившимся невдалекѣ отъ Мадеры Канарскимъ островамъ, извѣстнымъ уже древнимъ подъ именемъ „счастливыхъ острововъ." Они увидали тамъ нѣсколько огнедышущихъ горъ, а высокій Пикъ Тенерифскій испускалъ изъ себя густыя облака дыму. Мореплаватели пришли къ заключенію, что, вѣроятно, тутъ-то и начинается огонь экватора; однако, не смотря на это, поплыли они дальше въ открытое море—и, въ 1432 г., открыли Азорскіе острова, лежащіе на полпути изъ Португаліи въ Америку и отстоящіе на 200 миль отъ берега. Эти острова были совсѣмъ безлюдны,—только въ 1449 г. поселились на нихъ первые жители. Нынѣ они изобилуютъ хлѣбомъ, виномъ и снабжаютъ припасами португальскіе и испанскіе корабли, идущіе въ Америку и въ Остиндію.

3.

Между тѣмъ, мореплаватели не ходили еще южнѣе Канарскихъ островов, потому что къ западу находится мысъ, вдающійся въ море: мысъ этотъ долго считался границей міра и назывался мысомъ *Нономъ*. Здѣсь находятся въ морѣ страшные водовороты, здѣсь самымъ смѣлымъ морякамъ есть отчего призадуматься. Однако, мужественный, разумный кормчій Гильанецъ отважился попытать счастія; первыя попытки его были неудачны; наконецъ направилъ-таки онъ бѣгъ своего корабля далѣе въ открытое море и удалось ему (въ 1433) объѣхать опасный мысъ Нонъ, которому, оттого, перемѣнили названіе и прозвали его мысомъ *Боядоромъ*, т. е. объѣханнымъ мысомъ. Это событіе возбудило всеобщее вниманіе и доставило великую радость инфанту Генриху, не смотря на то, что берегъ по ту сторону нашли пустымъ и необитаемымъ. Оттуда добывали только кожи моржей и тюленей.

Христіанскіе мореплаватели хотѣли видѣть въ жителяхъ африканскаго берега враговъ христіанства. Людей этихъ они убивали, грабили, уводили въ плѣнъ. Эти разбойничьи подвиги подали поводъ къ торговлѣ Неграми. Въ 1442 г., въ первый разъ видѣли въ столицѣ Португаліи, Лиссабонѣ, чернокожихъ людей, съ толстыми губами и волнистыми волосами: они захвачены были въ плѣнъ по сосѣдству отъ золотоносной рѣки. Несчастные предлагали золотой песокъ въ выкупъ за свободу. Этого именно и добивались алчные европейцы. Тогда возникло всеобщее стремленіе къ путешествіямъ; жажда золота гнала на корабли людей, которые иначе никогда не рѣшились бы проникнуть за предѣлы извѣстнаго въ то время міра. Венеціянскіе и генуэзскіе купцы снаряжали суда; — всѣ желали открывать новыя страны съ золотосными потоками. Когда же такихъ потоковъ не находили,—захватывали въ полонъ Негровъ.

Около 1440 г., Португальцы достигли рѣки Сенегала. Тамъ, въ первый разъ, нашли они Негровъ, дикихъ язычниковъ; Негры, встрѣчавшіеся имъ на сѣверѣ, были магометане. Близь устья рѣки Сенегала, находится Зеленый Мысъ, а передъ нимъ, лежатъ десять островов, которые были названы островами Зеленаго Мыса. Туда прибыли Португальцы въ 1447 г. Эти острова гористы, но воздухъ на нихъ такъ тепелъ, что низины покрыты вѣчно-зеленѣющими деревьями. Португальское правительство

немного заботится о нихъ, поэтому они мало обработаны и почти безлюдны. — Въ 1562 г., открыли берегъ собственно Гвинеи; достигли страны, лежащей подъ экваторомъ и страшившей столь многихъ: однако, никого не сжегъ тамошній зной. — Тамъ нашли много золота, слоновой кости, воска и другихъ дорогихъ товаровъ, такъ что, съ слѣдующаго же года, путешествія въ Африку весьма усилились.

Всѣми этими открытіями, отъ Порто-Санто до Гвинеи, на протяженіи 500 миль, обязаны мы инфанту Генриху. Хотя самъ онъ не ходилъ въ море, однако, всѣ поименованныя путешествія были предприняты по его предначертаніямъ. Какъ долженъ былъ онъ радоваться, видя, что предначертанія эти увѣнчались такимъ успѣхомъ! Онъ положилъ основаніе величію и силѣ небольшаго Португальскаго королевства, которое, одно время, было самымъ цвѣтущимъ, самымъ могущественнымъ торговымъ государствомъ въ цѣлой Европѣ.

2. Бартоломео Діазъ и Васко де Гама.

По смерти Генриха-Мореходца, остылъ нѣсколько жаръ къ открытіямъ, потому что, на первый разъ, всѣ были вполнѣ удовлетворены золотымъ пескомъ, найденнымъ въ Гвинеѣ. Но въ 1481 г., на престолъ Португаліи вступилъ король Іоаннъ II, который принялся за планы Генриха и, съ большимъ рвеніемъ, продолжалъ ихъ. Онъ заложилъ на берегахъ Гвинеи колоніи и крѣпости и послалъ оттуда корабли для важнѣйшихъ еще открытій. Мореплаватели его прошли еще 300 миль на югъ, за экваторъ, и были обрадованы тѣмъ, что Африка не только не расширяется къ югу, какъ было показано на старыхъ картахъ, но напротивъ, постепенно съуживается къ юго-востоку. Тогда живѣе, чѣмъ когда-нибудь, возникла надежда достигнуть южной оконечности Африки, объѣхать ее и добраться моремъ до Остиндіи. Смѣлый *Бартоломео Діазъ* отважился на эту попытку; онъ плылъ все далѣе на югъ, открылъ еще на 200 миль новыхъ земель и, въ 1486 г., благополучно достигъ южной оконечности Африки, гдѣ водрузилъ крестъ. Но солдаты и матросы его думали, что пришли на край свѣта, что коли дальше плыть, такъ не минуешь погибели; къ тому же разыгрались сильныя бури, которыя и нынѣ очень обыкновенны въ этихъ мѣстностяхъ: доблестный Діазъ принужденъ былъ

возвратиться въ Лиссабонъ. Онъ назвалъ южную оконечность Африки Бурнымъ Мысомъ. Но получивъ радостное извѣстіе, король Іоаннъ вскричалъ: „нѣтъ, этотъ мысъ мы назовемъ мысомъ *Додрой Надежды!*“ Названіе это, по праву, осталось господствующимъ, ибо, сверхъ ожиданія, исполнились надежды Іоанна.

Въ это же самое время, король Іоаннъ послалъ къ королю Абиссиніи, о существованіи котораго какъ-то провѣдалъ, двухъ отважныхъ людей, хорошо знавшихъ по арабски: они должны были употребить всѣ средства, для заключенія съ нимъ торговаго договора. Они отправились по Средиземному морю въ Каиръ, а оттуда, съ караваномъ, къ Адену, на Чермное море. Тамъ они разстались. Одинъ изъ нихъ отправился въ Абиссинію и былъ на дорогѣ убитъ; другой отплылъ въ Индію, увидалъ собственными глазами прекрасную страну, посѣтилъ Калькутту и Гою и благополучно возвратился въ Португалію. Онъ не находилъ словъ для описанія всѣхъ богатствъ Индіи. Разсказы его поощрили Португальцевъ къ отъисканію морскаго пути въ эту благословенную страну. Между тѣмъ, умеръ Іоаннъ. Преемникъ его, король Эммануилъ, снарядилъ четыре корабля, отдалъ ихъ подъ начальство отважному мореходцу *Васко де Гамѣ* и велѣлъ ему испытать—нельзя ли объѣхать кругомъ Африку. Васко де Гама не робѣлъ нисколько,—не таково было настроеніе духа у его экипажа, состоявшаго изъ 160 человѣкъ: они ожидали неминучей смерти, и постомъ и молитвой приготовлялись къ ней. 8-го Іюля 1497 г., флотъ выступилъ подъ полными парусами. Васко де Гама прибылъ къ мысу Доброй Надежды въ самое неблагопріятное время года: страшныя бури ежеминутно угрожали потопить его суда въ морской пучинѣ. Но еще грознѣе для Гамы было отчаяніе его матросовъ, которые не одинъ разъ собирались выбросить за бортъ виновника опаснаго ихъ положенія. Но Васко де Гама оставался непоколебимо твердъ и спокоенъ; стойкость его превозмогла всѣ опасности; мятежныхъ моряковъ онъ заковалъ въ цѣпи, а самъ сталъ у кормила. Наконецъ, 20 ноября, при попутномъ вѣтрѣ, обогнули мысъ. Однако, Васко де Гама не тотчасъ пустился въ открытое море, а поплылъ вверхъ по восточному берегу Африки, въ томъ предположеніи—не попадутся ли тутъ какія нибудь свѣдѣнія объ Индіи. Чѣмъ дальше плылъ онъ на сѣверъ, проходя мимо страны Готтентотовъ, около Каріентскаго мыса, вдоль по берегу *Софалы*, тѣмъ больше

находилъ слѣдовъ благосостоянія и сношенія съ Индіею. Въ мартѣ 1498 г., онъ вступилъ въ *Мозамбикскій портъ* и въ первый разъ увидалъ тамъ парусныя суда. На судахъ этихъ не было ни одного гвоздя; доски связывались бичевками: а эти бичевки дѣлались изъ волоконъ коры кокосоваго дерева, которыми тоже конопатились суда: паруса были сдѣланы изъ пальмовыхъ листьевъ, на нѣкоторыхъ изъ большихъ судовъ находились карты и компасы. Португальцы нашли тамъ не только индійскія произведенія: шелкъ, жемчугъ, пряности, но и — магометанъ, которые вывозили товары эти къ Аравійскому заливу. Теперь Португальцы увѣрились, что достигли цѣли своего путешествія. Гама доплылъ потомъ до *Мелинды*, подъ самой экваторіальной линіей. Тамъ былъ онъ принятъ ласково, ему дали моряковъ, уже нѣсколько разъ ѣздившихъ въ Индію, и, проплывъ еще 500 миль черезъ океанъ, 19 мая 1498 г., сталъ онъ на якорь въ *Калькуттской* гавани, на Малабарскомъ берегу.

Наконецъ достигли великой цѣли великихъ и смѣлыхъ предпріятій — благословенной Индіи. Но вскорѣ Португальцы сознали, что съ тремя кораблями (четвертый сгорѣлъ у нихъ на дорогѣ) невозможно имъ дѣлать завоеваній, что нельзя тоже начать и торговли колокольчиками, стеклянными бусами и другими блестящими бездѣлушками. Индійцы были не невѣжественные Негры, они пользовались цвѣтущимъ благосостояніемъ, имѣли города, мануфактуры, занимались торговлей и земледѣліемъ; король ихъ былъ окруженъ блестящимъ придворнымъ штатомъ.

Одинъ тунисскій купецъ, проживавшій въ Калькуттѣ по торговымъ дѣламъ, очень обрадовался, что такъ неожиданно встрѣтился съ Европейцами и можетъ объясняться съ ними по испански. Васко де Гама представился *Заморину* или королю калькуттскому и имѣлъ уже основательныя надежды на заключеніе съ нимъ выгоднаго торговаго договора, когда вмѣшались въ это дѣло магометане. Они опасались, чтобы европейцы не отбили у нихъ всѣ выгоды отъ торговли, и навлекли на Поргальцевъ подозрѣніе, будто они не торговать хотятъ, а дѣлать, съ опасными цѣлями, развѣдки о странѣ короля. Оттого, Заморинъ рѣшился засадить въ тюрьму навязчивыхъ чужеземцевъ. Васко де Гама съ судами своими насилу избѣгнулъ опасности. Онъ поспѣшно поплылъ въ Мелинду, а оттуда, мимо мыса Доброй Надежды, возвратился въ Европу. 14 сентября 1499 г., онъ благополучно вошелъ, съ маленькимъ флотомъ сво-

имъ, въ устье Таго,—совершивъ самое долгое и самое трудное, съ изобрѣтенія мореплаванія, морское путешествіе.

3. Мартинъ Бегаймъ.

Разсказывая исторію открытій, сдѣланныхъ Португальцами и Испанцами, мы не хотимъ позабыть о доблестномъ землякѣ нашемъ, Бегаймѣ, котораго императоръ Максимиліанъ считалъ „гражданиномъ германской имперіи, совершившимъ самое далекое путешествіе.“ Мартинъ Бегаймъ происходилъ отъ знатной нюренбергской фамиліи. Съ-молоду, онъ обучался торговлѣ сукномъ; какъ купецъ, желалъ посмотрѣть на бѣлый свѣтъ, и нѣкоторое время былъ прикащикомъ въ Зальцбургѣ и въ австрійскихъ владѣніяхъ. Оттуда отправился онъ, въ 1457 г., въ Венецію. Въ 1477 г., онъ находился въ Мехельнѣ, въ услуженіи у купца Іоріуса фанъ Дорфа, и ѣздилъ по дѣламъ его на франкфуртскую ярмарку; посѣщалъ онъ также и нидерландскіе торговые города: Антверпенъ, Гентъ, Брюгге, и проч. Года черезъ четыре, онъ отправился въ Португалію. Въ это время, всѣ Португальцы, принадлежавшіе къ купечеству, бредили новыми торговыми путями и открытіями; повидимому, и Мартинъ Бегаймъ поддался всеобщему увлеченію: онъ участвовалъ во многихъ морскихъ путешествіяхъ, совершенныхъ вдоль берега Африки. Зная хорошо математику, онъ вскорѣ отличился отъ толпы мореплавателей; король Іоаннъ II избралъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими опытными людьми, для исправленія астролябіи на пользу мореплаванія. Познанія доставили почести Бегайму; въ 1485 г., король португальскій торжественно посвятилъ его въ рыцари, причемъ герцогъ Эммануилъ, наслѣдникъ престола, застегнулъ ему правую шпору. Самъ же король опоясалъ его мечемъ. Послѣ того, Бегаймъ поселился на Файялѣ, одномъ изъ Азорскихъ острововъ, гдѣ поселилась фламандская колонія, начальникъ которой рыцарь Іобстъ фонъ Моэркирхенъ былъ уже давно съ нимъ друженъ. Бегаймъ женился на его дочери и жилъ спокойно и привольно, въ тепломъ здоровомъ климатѣ острова.

Но пожелалъ онъ еще разъ увидать родину и показаться въ ней во всемъ своемъ блескѣ. Благополучно прибывъ въ Нюренбергъ, онъ болѣе году прогостилъ тамъ у родныхъ своихъ. Легко вообразить съ какимъ

удивленіемъ честные граждане древняго имперскаго города, въ особенности же достопочтенные дядюшки и тетушки, смотрѣли на Бегайма и осыпали вопросами этого человѣка, который хвастался, что видѣлъ „третью часть земнаго шара.“ Онъ разсказывалъ много любопытнаго о разныхъ странахъ свѣта,—что и подало поводъ нюренбергцамъ просить Бегайма нарисовать имъ на память земной шаръ. Въ угоду имъ, Бегаймъ выточилъ деревянный шаръ въ 1 футъ 8 дюймовъ въ поперечникѣ, оклеилъ его пергаментомъ и нарисовалъ на немъ всѣ видѣнныя и невидѣнныя имъ страны; тутъ же написалъ онъ красными и черными чернилали всѣ диковины, какія зналъ про нихъ. Глобусъ этотъ до сихъ поръ хранится въ Нюренбергѣ и служитъ доказательствомъ, что Бегаймъ не имѣлъ яснаго понятія объ Индіи, Китаѣ, Японіи и др., а украшалъ только, во вкусѣ своихъ современниковъ, баснословные разсказы Птоломея и Плинія и нѣкоторые болѣе достовѣрные—Марко Поло. Тамъ, гдѣ лежитъ Америка, онъ нарисовалъ огромную группу островоВъ и подписалъ подъ нею толкованія въ родѣ слѣдующихъ:

Zanziber insula. Этотъ островъ, именуемый Занзиберомъ, имѣетъ 2000 миль въ окружности. Тамъ есть свой король, особый языкъ: жители покланяются идоламъ. Эти жители — очень большіе люди; каждый изъ нихъ съ четырехъ нашихъ объемомъ, а иной постоитъ и пятерыхъ нашихъ. Они ходятъ нагіе, и всѣ черны, почти безобразны, съ большими длинными ушами, широкими ртами, большими страшными глазами, и руки у нихъ вчетверо больше рукъ прочихъ людей....“

Объ островѣ Java minor написано между прочимъ:

„Въ королевствѣ Ямбри люди,—мужчины и женщины,—имѣютъ назади хвостъ, какъ собаки. Тамъ растетъ многое множество пряностей и живутъ разныя животныя: единороги и другія. Въ другомъ королевствѣ, Фанфарѣ, растетъ лучшая въ свѣтѣ камфара и продается на вѣсъ золота. Есть тоже тамъ высокія пальмы, между древесиной и корой которыхъ сокъ превращается въ очень вкусную муку; Марко Поло пишетъ, въ свой третьей книгѣ, что пять мѣсяцевъ пробылъ на этомъ островѣ.“

О большомъ островѣ Зипангу (Японіи) находится длинное примѣчаніе:

„Тамъ находятъ множество чудъ морскихъ, сиренъ и другихъ рыбъ. Если кто пожелаетъ больше узнать объ этомъ чудномъ народѣ, о рѣдкостныхъ рыбахъ въ тамошнемъ морѣ и о животныхъ на сушѣ, тотъ

пусть прочтетъ книги Плинія, Исидора, Аристотеля, Страбона, Specula Vincenzi и другихъ учителей и проч. и проч.“

Далѣе:

„Островъ Коилусъ. На островѣ Коилусѣ св. Ѳома, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, претерпѣлъ мученіе.“

Такимъ образомъ весь глобусъ мелко исписанъ. Очень интересно знать, что думали, во времена Колумба, о странахъ другаго полушарія. Все нижнее пространство великаго всемірнаго океана занято длиннымъ извѣстіемъ на томъ же нюренбергско-нѣмецкомъ нарѣчіи объ изготовленіи глобуса. Въ заключеніи сказано такъ:

„Художество это и яблоко сооружено въ 1492 г., по Рождествѣ Христовѣ. Вышеупомянутый господинъ Мартинъ Бегаймъ завѣщаваетъ его въ честь и удовольствіе города Нюренберга; пусть поминаютъ о немъ добромъ, послѣ того какъ онъ уѣдетъ домой къ супругѣ, живущей отсюда за 700 миль; тамъ имѣетъ онъ домъ и на островѣ тамъ думаетъ провести остатокъ дней своихъ.“

4. Христофоръ Колумбъ (род. 1447. ум. 1506).

1.

Въ то время, какъ горячка новыхъ открытій на морѣ охватила всѣхъ предпріимчивыхъ людей, голову одного опытнаго и геніальнаго человѣка озарила мысль, исполненіе которой имѣло послѣдствіемъ открытіе четвертой, не подозрѣваемой дотолѣ, части свѣта. Замѣчательный человѣкъ этотъ былъ Христофоръ Колумбъ (*).

Онъ родился въ Генуѣ (1447), но около времени вступленія Іоанна II на португальскій престолъ, переселился въ Португалію и женился тамъ на дочери Бартоломео Перестрелло, капитана корабля, участвовавшаго во многихъ морскихъ путешествіяхъ, совершенныхъ, съ цѣлію открытій, при инфантѣ Генрихѣ. Перестрелло сохранилъ тщательно отъ этихъ путешествій дневники, рисунки и карты. Познанія и любознательность Колумба расположили этого человѣка въ его пользу; къ тому же,

(*) По итальянски Christoforo Kolombo, по испански Christoval Colon.

Колумбъ былъ уже извѣстенъ, какъ искусный мореходецъ, не имѣвшій почти себѣ равнаго. Колумбъ происходилъ отъ знатнаго, но обѣднѣвшаго генуэзскаго рода; нужда, а также собственная охота, съ раннихъ поръ пріучили его къ мореплаванію; а вскорѣ, убѣдившись, что, безъ геометріи, астрономіи, географіи и рисованія, придется навѣкъ остаться простымъ морякомъ, онъ, съ самаго дѣтства, по доброй своей волѣ, обратился къ наукѣ. Съ 14-го года отъ рожденія, онъ ознакомился съ моремъ, посѣщалъ лучшія гавани Средиземнаго моря и, какъ разсказываютъ, отправлялся съ Англичанами даже на китовый промыселъ въ Исландію.

Въ Португаліи, онъ ревностно перечитывалъ и сравнивалъ дневники своего тестя, и совершилъ самъ путешествіе на остр. Мадеру, на Азорскіе и Канарскіе острова. Мало-по-малу возникла въ немъ мысль, что можно достигнуть Индіи, плывя на западъ по открытому морю. Тогда уже знали, покрайней мѣрѣ, думали, что земля есть шаръ. На этомъ шарѣ, Индія лежала далеко на востокъ; по сказаніямъ древнѣйшихъ путешественниковъ, это была огромная страна, о восточной оконечности которой никто не имѣетъ положительныхъ свѣдѣній. „Кто знаетъ, думалъ Колумбъ: не лежитъ ли она близко къ Западной Европѣ? Если же не такъ, то нельзя ли достигнуть Индіи, направляясь прямо на западъ?“—Мысль эта казалась еще вѣроятнѣе оттого, что португальскіе мореплаватели встрѣчали иногда на морѣ необыкновенные тростники, искуственно-обработанное дерево, а разъ видѣли даже два трупа особой породы людей,—и все это плыло по морю отъ запада и прибивалось къ берегамъ Азорскихъ островов̆ъ. Въ умѣ Колумба все болѣе и болѣе утверждалась мысль о близости Индіи къ западу Европы. Тесть Колумба и другіе свѣдущіе люди, которымъ изложилъ онъ свое мнѣніе, одобрили его; надо было только склонить короля къ планамъ смѣлаго мореходца. Однако, Колумбъ, какъ вѣрный сынъ своей родины, прежде всего, обратился съ предложеніемъ къ родной Генуѣ. Онъ просилъ нѣсколькихъ кораблей, для открытія новаго пути; но ему отказали съ насмѣшкой, какъ мечтателю. Тогда, конечно, ближе всего было ему искать помощи своего государя, Іоанна II. Король, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ совѣтниковъ, принялись разсматривать предложенія Колумба, но когда вдохновенный Колумбъ изложилъ сановникамъ всѣ свои мысли, они были на

столько низки, что стали водить его двусмысленными отвѣтами, а втихомолку задумали испытать его дѣло на собственную свою пользу. Португальскій король приказалъ наскоро снарядить нѣсколько судовъ и выслалъ ихъ съ другимъ мореходцемъ. Но человѣкъ этотъ не былъ героемъ, могшимъ совершить такое предпріятіе. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія на западъ, онъ возвратился и объявилъ, что нечего и думать отыскивать тамъ землю.

2. Колумбъ въ Испаніи.

Огорченный и негодуя на португальскихъ министровъ, Колумбъ обратился къ испанскому двору. Въ Испаніи царствовали тогда *Фердинандъ Аррагонскій* и *Изабелла Кастильская*. Царственная чета передала предложеніе Колумба на разсмотрѣніе комитету ученыхъ, которые хоть и были честнѣе португальскихъ сановниковъ, но показали себя гораздо глупѣе ихъ. Это были все духовныя лица, вовсе несвѣдущія въ математикѣ и морскомъ дѣлѣ; къ тому-жь, Испанія не была дотолѣ морской державою, и Испанцы, въ бездѣйствіи, смотрѣли на открытія своихъ сосѣдей. Одинъ изъ духовныхъ совѣтниковъ думалъ, что если заплыть такъ далеко, то придется все глубже и глубже спускаться внизъ, такъ что, на возвратномъ пути, невозможно будетъ взобраться на водяную гору. Другой говорилъ, что еслибъ оттуда можно было доставать что нибудь, то, навѣрное, древніе знали бы про то. Третій соглашавшійся, па крайней мѣрѣ, что это дѣло возможное, утверждалъ что надо плыть до цѣли не менѣе трехъ лѣтъ; а четвертый, наконецъ, объявилъ даже проектъ безбожнымъ и дерзкимъ.

Къ этимъ мудрымъ соображеніямъ духовнымъ, присоединились еще денежный недостатокъ и стѣсненныя обстоятельства Фердинанда и Изабеллы, по причинѣ ожесточенной борьбы съ Маврами, которые все еще держались въ южной Испаніи; Колумбу объявили, что, въ настоящее время, невозможно пускаться въ такія невѣрныя, дорогостоющія предпріятія. И этого рѣшенія бѣдный Колумбъ долженъ былъ дожидаться ровно пять лѣтъ!

Словно предчувствуя такой исходъ, Колумбъ передъ отъѣздомъ въ Испанію, послалъ брата своего, Бартоломео, въ Англію, чтобы, если

можно, склонить тамошняго короля къ участію въ этомъ предпріятіи. Но Бартоломео не давалъ о себѣ вѣсточки ни полусловомъ: Колумбъ не зналъ, что онъ попался въ руки къ морскимъ разбойникамъ. Послѣ многоразличныхъ печальныхъ приключеній, Бартоломео прибылъ нищимъ въ Англію, гдѣ сначала принужденъ былъ заработывать себѣ деньги черченіемъ картъ для того, чтобы явиться ко двору въ приличной одеждѣ.

Колумбъ хотѣлъ уже уѣхать въ Англію, когда пріоръ монастыря *Рабиды*, гдѣ воспитывались его дѣти, подалъ ему, за нѣсколько дней до отъѣзда, другую мысль. Этотъ человѣкъ пользовался довѣріемъ Изабеллы и льстилъ себя надеждою, что рекомендація его можетъ послужить къ пользѣ. Дѣйствительно, Колумба пригласили ко двору, но война съ Маврами все еще продолжалась, казна Фердинанда была пуста совершенно, а испанскіе совѣтники, вторично спрошенные, не поумнѣли. Такъ протекло еще *три года*.

Наконецъ, стойкость Колумба увѣнчачась успѣхомъ. Мавры были побѣждены. Изабелла съ торжествомъ вступила въ столицу ихъ, *Гренаду*. Тогда друзья Колумба воспользовались счастливымъ событіемъ, чтобъ склонить королеву къ исполненію великаго его предначертанія. Больше всѣхъ хлопоталъ за Колумба казначей Аррагоніи *Сант - Анжело*. Вкрадчивостію своею онъ выманилъ согласіе у королевы, которая, однако, призналась ему, что у ней вовсе нѣтъ денегъ на предпріятіе,—впрочемъ, она вызывалась заложить свои драгоцѣнныя вещи. Сант-Анжело предложилъ ей все свое состояніе, простиравшееся до 70,000 червонцевъ. Изабелла приняла ихъ заимообразно—и, 17 апрѣля 1492, подписала договоръ съ Колумбомъ. Въ силу этого договора, Колумбъ назначался адмираломъ всѣхъ новыхъ морей и вицекоролемъ всѣхъ земель и островов, какіе онъ откроетъ. Далѣе,—уступался ему десятый процентъ со всѣхъ будущихъ доходовъ и эти привиллегіи должны были перейти по наслѣдству къ его прямымъ потомкамъ.

Велика была радость Колумба! Онъ поспѣшилъ въ *Полосъ*, морской портъ въ Андалузіи, гдѣ снаряжался маленькій флотъ. Въ концѣ іюля, все было готово къ отплытію. Три весьма посредственныхъ судна, изъ которыхъ два меньшихъ были просто большіе боты, составляли весь флотъ Колумба. Экипажъ состоялъ изъ 90 человѣкъ, между которыми

находилось много дворянъ, частію по доброй своей волѣ, частію по приказанію Изабеллы. Наканунѣ отплытія, весь экипажъ двинулся, въ торжественной процессіи, къ монастырю Рабиды: въ жаркихъ молитвахъ онъ поручилъ себя Богу и всѣмъ святымъ, исповѣдался, получилъ разрѣшеніе въ грѣхахъ и причастился Св. Таинъ,—какъ подобаетъ благочестивымъ христіанамъ.

3. Первое путешествіе Колумба (1492).

На слѣдующее утро, въ пятницу, 3-го августа 1492 г., передъ самымъ восходомъ солнца, въ присутствіи безчисленныхъ зрителей, взорами и восклицаніями провожавшихъ искателей приключеній, флотилія отплыла съ пристани. Первыя недѣли всѣ находились въ добромъ расположеніи духа, потому что плыли по извѣстнымъ водамъ, въ направленіи къ Канарскимъ островамъ. Только когда сломался руль, боязливѣйшіе приняли это за дурное предзнаменованіе. Но острововъ достигли благополучно и остановились у одного изъ нихъ для починки судовъ.

6-го сентября, отплыли дальше, прямо на западъ, по неизмѣримому океану. Попутный вѣтеръ, дувшій до самаго конца, благопріятствовалъ путешественникамъ—и уже на слѣдующій день земля изчезла изъ глазъ ихъ. Страшное положеніе для людей, впервые отрѣзанныхъ отъ сообщенія со всѣмъ живымъ, преданныхъ, на кое-какъ сколоченныхъ бревнахъ и доскахъ, бушующимъ волнамъ, не видящихъ передъ собою ничего кромѣ неба да воды, увлекаемыхъ все дальше и дальше, Богъ знаетъ куда, подъ предводительствомъ отчаяннаго удальца, который о цѣли путешествія знаетъ только то, что представляла ему фантазія! Право, нельзя ставить въ вину самымъ отважнымъ изъ экипажа Колумбова флота, если и они начинали трепетать, если и они проклинали безумца, который хладнокровно подвергалъ гибели 90 человѣкъ.

Между тѣмъ, спокойствіе Колумба внушало удивленіе и довѣріе. Безъ устали, стоялъ онъ день и ночь на палубѣ, съ лотомъ и инструментами для наблюденій, спалъ весьма мало и записывалъ даже малѣйшія наблюденія. Гдѣ замѣчалъ печаль и уныніе, тамъ онъ ласково ободрялъ, а ропщущихъ развеселялъ добрыми обѣщаніями. Удивительно, какую власть пріобрѣлъ онъ надъ умами.

Но страхъ малодушныхъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. Приблизившись къ чертѣ пассатныхъ вѣтровъ, суда полетѣли какъ изъ лука стрѣла. Боже! что̀ будетъ съ нашими моряками! Къ первому октября, суда промчались уже 770 морскихъ миль. Правда, Колумбъ убавлялъ нѣсколько разстояніе для спрашивавшихъ, но все не могъ ихъ утѣшить.

Изрѣдка представлялись кое-какія надежды. Попадались птицы невѣдомыхъ породъ; но не знали, что морскія птицы залѣтаютъ весьма далеко. Въ одномъ мѣстѣ море было покрыто такой густою зеленой травою, что она задерживала ходъ судовъ. Но черезъ нѣсколько дней, изчезли птицы и трава,—бѣдняки опять увидали себя, какъ бы заброшенными на безбрежномъ океанѣ. Боязнь ихъ превратилась въ отчаяніе. Самые робкіе яростно требовали вождя своего къ отвѣту,—они грозили выбросить его за бортъ, если тотчасъ же не воротится онъ назадъ. Еще разъ успокоилъ онъ ихъ своей ясной спокойной увѣренностію: онъ притворялся будто весьма доволенъ сдѣланными успѣхами, будто имѣетъ основательную надежду скоро достигнуть цѣли.

Птицы снова показывались и исчезали; солнце восходило и заходило; суда, съ быстротою молніи, летѣли на западъ. Отчаяніе моряковъ не знаетъ болѣе границъ; они хотятъ наложить руки на Колумба. Одна мысль: кто поведетъ ихъ назадъ-удерживаетъ отъ преступленія. Колумбъ проситъ подождать еще три дня: коли въ теченіи этихъ трехъ дней земля не покажется,—онъ согласенъ воротиться. Не безъ сопротивленія, принимаютъ моряки это условіе.

Добрый ли геній внушилъ эту мысль Колумбу или открылъ онъ какіе-нибудь знаки близости земли,—только на слѣдующій же день опущенный лотъ достигалъ уже дна; тростники и одномачтовое дерево съ красными ягодами плыли въ направленіи къ Испанцамъ, земныя птицы садились на мачтахъ. Солнце только-что закатилось. Еще ничего не было видно. Колумбъ приказалъ свернуть паруса, чтобы, ночью, не наткнуться на подводные камни. За два часа до полуночи, замѣтили огонь въ отдаленіи. Земля! земля! раздалось на судахъ. Всѣ бросились въ объятія другъ къ другу, всѣ рыдали,—и Колумбъ имѣлъ утѣшеніе видѣть у ногъ своихъ тѣхъ самыхъ людей, которые еще недавно угрожали его жизни. Послѣ перваго упоенія восторга, вспомнили о болѣе высокомъ долгѣ—и отъ души запѣли благодарственныя хвалы Богу. Вся

ночь прошла въ изъявленіяхъ радости. Съ разсвѣтомъ, (пятница 12-го октября) Испанцы увидали передъ собою прекрасный, зеленѣющій островъ.

4. Гванагани. Куба. Испаньола.

Съ восхожденіемъ солнца, моряки сѣли въ лодки и, съ музыкой, съ распущенными знаменами, стали гресть къ острову. На берегу собралось почти все населеніе туземцевъ, которые столько же дивились чуднымъ гостямъ, сколько и въ нихъ возбудили удивленія. Они были совсѣмъ наги, имѣли красновато-мѣдный цвѣтъ кожи, черные, щетинистые волосы. Языкъ ихъ имѣлъ что-то несвязное, какъ бы звѣриное; они походили на стадо робкихъ сернъ,—такъ боязливо, беззащитно, торопливо перебѣгали они туда и сюда. Испанцы сначала не знали, точно ли, это люди.

Конечно, эти дикари все-таки были люди; но силы духа ихъ нисколько не были развиты. Ограниченные однимъ только островомъ, теплый климатъ котораго доставлялъ имъ въ изобиліи плоды, маисъ и коренья маніока, они не были принуждаемы необходимостію заниматься землед̀ѣліемъ, скотоводствомъ или охотой; имъ даже не зачѣмъ было заботиться о теплой одеждѣ, о постоянныхъ жилищахъ. На островѣ не было и большихъ звѣрей, въ борьбѣ съ которыми могли бы они упражнять свою силу, ловкость и хитрость. Отъ всего этого, островитяне были такъ слабы, что одинъ европейскій бульдогъ обращалъ въ бѣгство цѣлую толпу Индійцевъ. Впрочемъ, число этихъ людей было очень невелико: оттого не отнимали они пищи другъ у друга; ни у кого не было собственности, да и не соединены были они даже въ общество, а жили просто, какъ звѣри въ дубровѣ.

Колумбъ, въ богатомъ платьѣ, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, стоялъ на носу первой изъ лодокъ, которая пристала къ берегу: онъ хотѣлъ быть первымъ европейцемъ, ступившимъ на почву новаго свѣта. За нимъ послѣдовали другіе и, въ чувствѣ радости за спасеніе жизни, послѣ шестинедѣльной смертной тоски на утлыхъ доскахъ,—бросились на колѣна и съ восторгомъ цѣловали твердую землю. То была благодарственная жертва природѣ; другую жертву предписывала имъ религія:

они воздвигли крестъ и излили передъ нимъ благочестивыя молитвы. Послѣ того, Колумбъ принялъ островъ во владѣніе короля испанскаго, съ церемоніями, какія соблюдали Португальцы при открытіяхъ своихъ въ Африкѣ. Индійцы съ изумленіемъ смотрѣли на все это, и естественно—ничего ни понимали, такъ какъ и самое появленіе бѣлыхъ людей, въ одеждѣ, съ бородами, съ диковинною рѣчью и еще болѣе диковинными пріемами, уже было для ихъ непостижимымъ.

Дикари называли свой островъ *Гванагани*; — такъ называется онъ и доселѣ. На картѣ онъ находится въ числѣ Багамскихъ островов. Колумбъ хорошо видѣлъ, что не найдешь тутъ сокровищъ Индіи, и рѣшился плыть дальше. Индійцы, замѣтившіе алчность европейцевъ къ маленькимъ золотымъ колечкамъ, какія носили они, для украшенія, въ носу и въ ушахъ, указали имъ на югъ. Во время этого путешествія, проплыли мимо нѣсколькихъ плоскихъ островковъ и, наконецъ, открыли большой островъ, который взятые на суда Индійцы называли *Кубой*; на первый разъ, Колумбъ принялъ его за материкъ Индіи. Онъ присталъ къ берегу, вездѣ на немъ нашелъ такую роскошную растительность, такую красоту мѣстоположенія, которымъ нельзя было довольно надивиться; но нигдѣ не было и слѣда обработки. Толпы нагихъ людей, также звѣроподобно и робко, какъ и на Гванагани, бѣгали взадъ и впередъ, и, казалось, не заботились ни о золотѣ, ни о хлѣбѣ. Когда показали имъ золотыя кольца, они закричали *Гаити* и указали на востокъ. Колумбъ послѣдовалъ ихъ указанію—и, 6-го декабря, прибылъ на островъ Гаити, который назвалъ Испаньолой (т. е. Малой Испаніей). Этотъ островъ назвали также *Санъ-Доминго*.

Испанцы нашли тамъ все ту же прелесть мѣстоположенія, то же плодородіе почвы, туже добродушную, слабую породу людей, которые не знали одежды, не имѣли понятія о трудѣ. Эти островитяне были, однако, раздѣлены на нѣсколько племенъ, и каждое изъ нихъ состояло подъ начальствомъ *Кацика* или вождя. Одного изъ этихъ кациковъ четверо Индійцевъ носили на носилкахъ; впрочемъ, онъ былъ нагъ, какъ и остальные. Знаками онъ растолковалъ Испанцамъ, что иногда, въ выдолбленныхъ изъ дерева челнахъ (канотахъ), заходятъ къ нимъ враги съ сосѣднихъ (открытыхъ, впослѣдствіи, Караибскихъ) острововъ, враждебно нападаютъ на его народъ, а взятыхъ плѣнниковъ увлекаютъ къ

себѣ и тамъ пожираютъ. Колумбъ содрогнулся. Такъ какъ и прежде онъ имѣлъ намѣреніе основать на Гаити поселеніе, то далъ понять касику, что хочетъ построить у него крѣпостцу и оставить въ ней нѣсколько людей изъ своихъ спутниковъ. Дикари поняли его намѣреніе и обрадовались, какъ дѣти. Съ любопытствомъ, смотрѣли они на испанскихъ плотниковъ и сами помогали таскать лѣсъ. Всѣ золотыя кольца свои они съ радостію отдавали за стеклянныя бусы, за бубенчики и булавки. На вопросъ о мѣсторожденіи золота, они опять указали на югъ.

Между тѣмъ, обстоятельства уже не допускали Колумба дѣлать дальнѣйшія открытія: одно изъ судовъ его разбилось о скалы, на другомъ командиръ донъ Пинсонъ удалился тайкомъ для отъисканія въ свою пользу золотоносной страны. У Колумба оставался одинъ только корабль, и то самый маленькій. На немъ онъ рѣшился возвратиться въ Испанію, прежде чѣмъ предупредитъ его тамъ донъ Пинсонъ. Въ новопостроенной крѣпостцѣ, названной Навидадомъ, Колумбъ оставилъ 38 Испанцевъ, далъ имъ мудрые совѣты и наказалъ кротко обращаться съ Индійцами, — а съ остальными спутниками и нѣсколькими Индійцами пустился опять въ море (14-го декабря 1493.)

5. Первое возвращеніе (1493 г.)

На третій день обратнаго пути, Колумбъ настигъ уже вѣроломнаго Пинсона, который ничего не открылъ и хотѣлъ пробраться въ Европу, чтобы, первому, доставить туда вѣсть объ успѣхѣ экспедиціи. Одинъ видъ Колумба поразилъ негодяя: онъ хотѣлъ-было оправдать свой поступокъ выдуманными предлогами, но великій человѣкъ избавилъ его отъ униженія: онъ увѣрилъ его, что все уже позабылъ.

Вскорѣ потомъ страшная буря угрожала потопить смѣлыхъ моряковъ и уничтожить навсегда слѣды ихъ великихъ открытій. Экипажъ, съ трепетомъ отчаянія, ждалъ гибели плохихъ судовъ, одинъ Колумбъ сохранилъ присутствіе духа. Онъ наскоро написалъ на пергаментѣ извѣстіе о своемъ открытіи, тщательно уложилъ его въ боченокъ и бросилъ въ море. Но судьба доставила ему самому удовольствіе возвѣстить о великомъ своемъ подвигѣ. Небо прояснилось,—и 15 января, около вечера, увидали землю. То была Санта-Марія, одинъ изъ Азорскихъ острововъ.

Тамъ принуждены были простоять около шести недѣль, для исправленія сильно пострадавшихъ судовъ. На послѣднемъ переѣздѣ, новая буря загнала Колумба въ устье рѣки Таго (4 марта), такъ что онъ принужденъ былъ явиться въ Лиссабонъ. Молва предшествовала ему. Король Іоаннъ II португальскій захотѣлъ самъ переговорить съ нимъ и очень раскаявался, что не послушалъ, десять лѣтъ тому назадъ, смѣлаго Колумба.

Наконецъ (15 марта), Колумбъ вступилъ въ гавань Палосъ. Съ кликами восторга, встрѣтила его любопытная толпа народа, семь мѣсяцевъ тому назадъ смотрѣвшая на отплытіе его съ того же самаго мѣста. Звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, чуть не задушили Колумба въ объятіяхъ, когда, какъ благочестивый христіянинъ, пошелъ онъ, съ спутниками своими, къ Рабитскому монастырю. На ту пору, дворъ находился въ *Барселонѣ*: поэтому, Колумбъ проѣхалъ по всей Испаніи, какъ бы въ тріумфѣ, и имѣлъ торжественный въѣздъ въ Барселону. Фердинандъ и Изабелла сидѣли на тронѣ; герой приклонилъ предъ ними колѣно, принесъ имъ присягу въ вѣрности и отдалъ вѣрный отчетъ во всемъ, что̀ видѣлъ и что̀ съ нимъ случилось. Его осыпали почестями и похвалами, а въ знакъ особенной милости, возвели въ званіе дворянина.

Молва объ открытіи новаго свѣта, въ тысячу кратъ увеличенная, пронеслась по всей Европѣ; но живѣйшій интересъ возбудила она въ самой Испаніи. Въ скоромъ времени, нашлось около 1500 человѣкъ, желавшихъ участвовать во второмъ путешествіи, предпринятомъ съ цѣлью открыть собственно золотоносныя страны. Король снарядилъ 17 кораблей и послалъ на нихъ ремесленниковъ и рудокоповъ; а Колумбъ озаботился взять съ собою европейскихъ животныхъ и растеній, которыя, какъ онъ надѣялся, должны были превосходно разводиться на плодоносныхъ островахъ.

Напередъ было испрошено соизволеніе папы, который не преминулъ подарить испанской коронѣ всѣ страны, какія будутъ открыты. Когда же Португалія начала возражать противъ этого, папа ограничилъ дары свои землями, лежащими по ту сторону линіи Меридіана, мысленно проведенной имъ сначала на 100, а потомъ на 300 миль западнѣе крайнихъ Азорскихъ острововъ, отъ одного полюса къ другому. Все, открытое по сю сторону Меридіана, должно было принадлежать Португаліи. Поэтому, впослѣдствіи, Бразилія сдѣлалась собственностію Португаліи.

6. Второе путешествіе Колумба (1493).

На этотъ разъ флотъ выступилъ (25 сентября) изъ Кадикской пристани и направился болѣе на югъ. 22 ноября, достигли перваго карaибскаго острова, который Колумбъ назвалъ *Дескада*, а затѣмъ, были открыты, одинъ послѣ другаго: *Доминика*, *Маригалантъ Гваделупа*, *Антигоа*, *Порторико* и проч.: на всѣхъ этихъ островахъ нашли враждебныя племена и многіе слѣды людоѣдства.

Заботы о новооснованной колоніи повели Колумба на Испаньолу, куда онъ прибылъ 22 ноября. Но къ ужасу своему, онъ не нашелъ ни колоніи, ни крѣпостцы. Безчеловѣчное обращеніе Испанцевъ съ добродушными Индійцами вооружило послѣднихъ къ справедливой оборонѣ: они умертвили всѣхъ своихъ притѣснителей, разрушили крѣпостцу и скрылись во внутренность острова. Тогда Колумбъ рѣшился основать колонію на болѣе удобномъ мѣстѣ и, съ истиннымъ восторгомъ, заложилъ первый городъ въ новомъ свѣтѣ; въ честь королевы, онъ назвалъ его *Изобеллою*. Но тутъ началось сцѣпленіе несчастій, во всю жизнь преслѣдовавшихъ великаго человѣка. Изъ всѣхъ 1500 спутниковъ не болѣе трехъ человѣкъ не проклинали Колумба. Они считали, что не за тѣмъ явились въ Индію, чтобы воздѣлывать поля, розработывать дикія страны, терпѣть недостатокъ во всѣхъ удобствахъ цивилизованныхъ государствъ: кто хотѣлъ обоготиться тяжкимъ трудомъ, тому, по ихъ мысли, не зачѣмъ было и покидать Европы.

Положеніе Колумба, точно, было нехорошо. Король ожидалъ скоро получить первый корабль, нагруженный золотомъ. Правда, на Испаньолѣ находили много золотаго песку,—но съ какимъ трудомъ надо было отъискивать его и какъ мало приносило это занятіе! Для удовлетворенія короля и своихъ товарищей, благородный Колумбъ былъ вынужденъ поработить бѣдныхъ дикарей, наложить на нихъ дань золотомъ и хлопчатой бумагою. Какъ злополучные рабы, Индійцы должны были отъискивать золотой песокъ; когда же, воодушевляемые врожденной любовью къ свободѣ, они хотѣли сопротивляться,—въ нихъ стрѣляли изъ пушекъ, травили этихъ голыхъ бѣдняковъ большими собаками, — и пришлось имъ покориться своимъ притѣснителямъ.

Между тѣмъ, Колумбъ, слѣдуя указаніямъ Индійцевъ, опять отправился на югъ, объѣхалъ на судахъ Кубу и открылъ Ямайку. Тамъ онъ заболѣлъ. Съѣстные припасы вышли у экипажа, — и достигнувъ, съ неслыханнымъ трудомъ, Испаньолы, онъ нашелъ здѣсь полный мятежъ. Испанцы опять стали обращаться безчеловѣчно-жестоко съ Индійцами. Индійцы же уничтожили посѣвы маиса и маніока. Многіе недовольные возвратились въ Испанію. Вскорѣ явился испанскій придворный, съ большимъ полномочіемъ, и началъ изслѣдованіе — и передъ нимъ, въ чемъ хотѣли, въ томъ и обвинили Колумба. Но Колумбъ, столько же изъ негодованія на дерзость этого придворнаго, сколько и изъ желанія предупредить его дѣйствія, передалъ начальство брату своему, Бартоломео, а самъ поспѣшно отправился въ Испанію (1494). Тамъ онъ нашелъ, что злые люди очернили его и, хотя, на этотъ разъ, присутствіе его разсѣяло клевету, однако, цѣлыхъ два года медлили снаряженіемъ флота для новаго путешествія, да и тутъ, когда Колумбъ отправился въ это путешествіе,—дали ему только нѣкоторое число грубыхъ преступниковъ.

7. Третье путешествіе Колумба (1496).

Въ третье путешествіе свое, Колумбъ направился еще далѣе на югъ и, можетъ быть, достигъ бы Бразиліи, еслибы безвѣтріе и палящій зной подъ экваторомъ не принудили его обратиться на западъ: всѣ бочки съ виномъ и водою начали трескаться, а съѣстные припасы—портиться. Такъ прибылъ онъ на островъ *Тринидадъ*, при устьѣ рѣки Ореноко, быстрота и сила теченія которой чуть не разбили суда его о скалы. По громадности этого потока, Колумбъ заключилъ, что онъ выходитъ не изъ острова, а приблизившись къ берегу,—на дѣлѣ удостовѣрился, что достигъ материка. Но не находя вѣроятнымъ, чтобы материкъ этотъ находился въ связи съ Индіей (Восточной), онъ предположилъ, что гдѣнибудь найдется проходъ: этотъ проходъ и былъ открытъ дѣйствительно, но не тамъ, гдѣ искалъ Колумбъ, а гораздо южнѣе, при самой оконечности новой части свѣта.

Болѣзнь Колумба и ропотъ экипажа принудили, на этотъ разъ, адмирала отправиться въ Испаньолу. Но и тамъ мало чему было радоваться. Братъ его, Бартоломео, съ нѣкоторыми изъ своихъ людей, отправился

на другую сторону острова, для основанія новаго поселенія, Сан-Доминго. Между тѣмъ, одинъ испанскій дворянинъ взбунтовалъ своихъ земляковъ противъ обоихъ намѣстниковъ, обвинивъ Колумба будто онъ щадитъ Индійцевъ съ намѣреніемъ—поработить Испанцевъ. Не слѣдуетъ довѣрять генуэзцу! Мятежники захватили для себя три корабельныхъ груза съ съѣстными припасами, и Бартоломео, съ товарищами, чуть не умиралъ съ голоду на другомъ концѣ острова. Вотъ какое положеніе дѣлъ засталъ Колумбъ! Трудно было ему бороться съ мятежомъ—только сила ума спасла его отъ рукъ убійцъ. Онъ отправлялъ королю самыя вѣрныя донесенія о положеніи дѣлъ, но и враги его посылали цѣлыя груды обвинительныхъ противъ него актовъ, а клеветы эти легко находили доступъ у подозрительнаго короля. Наконецъ, король послалъ знатнаго и властолюбиваго испанца, Франциско *Бовадиллу* для изслѣдованія дѣла по обоюднымъ жалобамъ, съ тѣмъ, что если доносы на Колумба окажутся справедливыми, то смѣнить его и занять его мѣсто.

Прибывъ въ Испаньолу, Бовадилла, безъ всякихъ изслѣдованій, наложилъ запрещеніе на домъ и на имущество Колумба, приказалъ всѣмъ и каждому признавать начальникомъ его, Бовадиллу, и послалъ Колумбу, отъ имени короля, заранѣе изготовленную отставку. Затѣмъ уже, онъ открылъ судебныя засѣданія, вызывая всѣхъ приносить жалобы на Колумба и даже поощряя обвинителей. Въ этихъ обстоятельствахъ, Колумбъ явилъ то спокойствіе, ту умѣренность, которыми такъ часто спасалъ ввѣренныхъ ему людей отъ смертной опасности; онъ все перенесъ терпѣливо и требовалъ только, чтобы и его выслушали. Но не допустивъ его до себя, Бовадилла приказалъ заковать въ цѣпи обоихъ братьевъ Колумбовъ и на разныхъ корабляхъ отправить въ Европу. Многіе честные Испанцы не могли выносить вида этихъ цѣпей. Какъ скоро суда нѣсколько отдалились отъ твердой земли, капитанъ корабля почтительно подошелъ къ Колумбу и хотѣлъ снять съ него цѣпи. Но Колумбъ не допустилъ до этого: онъ хотѣлъ, чтобы вся Испанія видѣла, какъ награждаетъ король человѣка, открывшаго Новый Свѣтъ. Видъ Колумба, обремененнаго цѣпями, возбудилъ въ Испаніи всеобщее негодованіе. Фердинандъ и Изабелла устыдились и тотчасъ приказали снять цѣпи съ Колумба, а королева послала ему даже денегъ, чтобы онъ могъ пристойно явиться ко двору. Молча, но съ видомъ оскорбленной доблести, поверг-

ся Колумбъ у ступеней трона. И на этотъ разъ, правительство не забыло увѣрить Колумба въ милостивомъ расположенiи и даже созналось въ совершенной ошибкѣ; наконецъ, и Бовадилла былъ отставленъ,—но о контрактѣ съ Колумбомъ и не поминалось вовсе, напротивъ того, посланъ былъ намѣстникомъ, въ колонію нѣкто Овандо (2500). Съ негодованіемъ, Колумбъ оставилъ дворъ, повсюду возилъ съ собою свои цѣпи и завѣщалъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, положили ихъ и въ гробъ съ нимъ.

8. Четвертое путешествіе Колумба (1502).

Но вскорѣ проснулась въ душѣ Колумба прежняя страсть къ путешествіямъ и въ особенности желаніе отъискать предполагаемый проходъ въ Индію. Онъ опять явился ко двору просителемъ. Фердинандъ, завидовавшій открытіямъ Португальцевъ въ Индіи, далъ Колумбу четыре плохихъ корабля, съ которыми онъ и отплылъ изъ Кадикса (9 мая 1502). Съ первыхъ же недѣль, одинъ изъ кораблей получилъ течь, и это принудило Колумба, плыть на Испаньолу, которую онъ такъ желалъ миновать. Враждебно къ нему расположенный, Овандо не дозволилъ ему пристать къ гавани. Колумбъ направилъ суда свои къ материку, плылъ вдоль берега отъ мыса *Грацiосъ о Дiосъ* на югъ до Портебелло, но не нашелъ желаннаго прохода. Прелесть страны подала ему мысль основать колонію; но ненасытная алчность Испанцевъ возстановила противъ нихъ Индійцевъ, такъ что Колумбъ, потерявъ нѣсколькихъ изъ своихъ людей, поспѣшно удалился и оставилъ этотъ край.

Съ той поры, обрушились на него несчастіе за несчастіемъ. Бури, страшныя непогоды ежедневно тревожили его флотилію; одинъ изъ жалкихъ кораблей потонулъ, другіе съ такой силою сшиблись, что чуть не разбились. Послѣ многихъ трудовъ, достигли наконецъ Ямайки (14 іюня 1503). Принуждены были вытащить на сушу почти раздробленныя суда, о починкѣ ихъ нечего было и думать. Еслибъ небо не сжалилось надъ несчастными и не послало имъ для спасенія чужой корабль, то знаменитому человѣку, сдѣлавшему всемірныя открытія, предстояла бы печальная участь—окончить жизнь между дикарями, питаясь маніокомъ и маисомъ, будучи позабыть цѣлою Европою.

Для избѣжанія такой участи, двое отважныхъ моряковъ, испанецъ Мендозъ и италіянецъ Фіески, предприняли удалую попытку. На двухъ выдолбленныхъ изъ дерева челнахъ они отправились въ Испаньолу, лежащую въ 30 морскихъ миляхъ; десять дней плыли они по взволнованному морю; наконецъ, удалось имъ благополучно достигнуть цѣли. Колумбъ долженъ былъ считать ихъ погибшими, потому что прошло полгода, а о нихъ не было ни какого слуху. Эти полгода были для Колумба самымъ несчастнымъ временемъ во всю его жизнь. Матросы его забыли всякую подчиненность; увѣщанія Колумба не обижать Индійцевъ ни къ чему не служили; собралась шайка Испанцевъ и, покинувъ совсѣмъ начальника да скитаясь по острову, алчно и жестоко свирѣпствовала между туземцами. Скоро всѣ дикари удалились изъ того края и перестали доставлять жизненные припасы назойливымъ гостямъ. Только сила соображенія и ученость больнаго Колумба спасли его экипажъ отъ голодной смерти. Въ день наступленія полнаго луннаго затмѣнія, вычисленнаго имъ заранѣе, онъ объявилъ дикарямъ, что Богъ его разгнѣвался на Индійцевъ, за неуваженіе ихъ къ бѣлымъ (т. е. Испанцамъ), и что они усмотрятъ его гнѣвъ на ясномъ мѣсяцѣ, который затмится. Какъ предсказалъ онъ, такъ и случилось. Мѣсяцъ помрачался все болѣе и болѣе; испуганные Индійцы пали къ ногамъ человѣка, покровительствуемаго богами, и умоляли его умилостивить гнѣвъ небесный: они обѣщались приносить жизненныхъ припасовъ, сколько потребуется.

Безпорядки, произведенные на островѣ бѣжавшей шайкой Испанцевъ, были такъ велики, что лучшіе изъ спутниковъ Колумба опасались самыхъ худыхъ для себя послѣдствій. Они выступили противъ неисправимыхъ земляковъ своихъ и, подъ предводительствомъ Бартоломео Колумба, дали настоящее сраженіе, послѣ котораго оставшіеся въ живыхъ бродяги возвратились къ повиновенію.

Наконецъ, послѣ осьми томительныхъ мѣсяцевъ, явились вѣрные сподвижники, Мендозъ и Фіески, и взяли покинутыхъ на большой корабль, который насилу могли вытребовать отъ жестокосердаго Ованды. Измученный горемъ и болѣзнію, Колумбъ прибылъ на Испаньолу и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы возвратиться въ Испанію.

9. Кончина Колумба.

Первое извѣстіе, полученное Колумбомъ въ Испаніи, было очень печально—королева Изабелла скончалась. Она всегда уважала его, на ней онъ основывалъ послѣднія свои надежды. Теперь надежды эти изчезли, ибо на короля Фердинанда нечего было разчитывать.

Послѣ неблагодарности короля всего болѣе огорчало Колумба спѣсивое пренебреженіе, съ какимъ смотрѣли на его открытіе высокомѣрные вельможи, которымъ дѣло это, разъ исполненное, казалось весьма легкимъ, такъ что и всякой, по ихъ мнѣнію, могъ бы также хорошо его исполнить. Однажды, Колумбъ сидѣлъ за столомъ съ такой премудрой компаніей; стали подавать вареныя яйца. „Какъ вы думаете, господа", сказалъ Колумбъ: „можно ли поставить на столъ яйцо острымъ концомъ, такъ чтобы оно держалось безъ посторонней помощи"? Все объявили, что это невозможно, только одинъ или двое попробовали. „Хорошо, смотрите же", молвилъ Колумбъ. Онъ взялъ яйцо, крѣпко ударилъ имъ о столъ, и поставилъ его на разбитомъ концѣ. „Да такъ-то и мы бы сдѣлали"! воскликнули всѣ.—Почему же вы не сдѣлали?" спросилъ Колумбъ.

Нѣсколько разъ скромный герой являлся ко двору съ просьбами, ссылался на дарованныя ему привиллегіи, на королевское обѣщаніе;—но все было напрасно. Онъ былъ оставленъ на жертву всѣмъ лишеніямъ бѣдности. Наконецъ, смерть Колумба разрѣшила вѣроломнаго короля отъ даннаго слова. Колумбъ умеръ въ Вальядолидѣ, 22 мая 1506 г., 59 лѣтъ отъ рожденія. Братъ перенесъ останки его на Санъ-Доминго, положилъ ихъ въ соборѣ и не забылъ повѣсить цѣпи надъ гробницей.

Сынъ Колумба, Діэго, получилъ наконецъ намѣстничество надъ новооткрытыми странами; впрочемъ, не потому что онъ былъ сыномъ Колумба, а потому что женился на племянницѣ всемогущественнаго герцога Альбы. Даже имени Колумба не дали открытой имъ странѣ: честь эта выпала на долю флорентинскаго дворянина Америго Веспуція, совершившаго нѣсколько путешествій въ Новый Свѣтъ и издавшаго описаніе ихъ: новую часть свѣта назвали страной Америга или *Америкой*. Только въ новѣйшіе времена назвали Колумбіей, въ честь великаго человѣка, одну провинцію Южной Америки.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ АМЕРИКѢ. ПЕРВОЕ КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

1. Альварецъ Кабраль.

Послѣ Колумба, почти ежегодно слѣдовали новыя открытія въ Америкѣ. Еще при жизни его, въ 1500 г., король португальскій Эммануилъ послалъ флотъ по новооткрытому пути въ *Остъ-Индію*; онъ приказалъ адмиралу *Альварецу Кабралю*, проплывъ мимо мыса Доброй Надежды, держаться какъ можно далѣе на западъ. Кабраль такъ и сдѣлалъ— и открылъ въ Южной Америки *Бразилію*, которую тогда же принялъ во владѣніе отъ имени короля Португаліи. Пославъ въ Лиссабонъ одинъ изъ 13 кораблей своихъ съ радостнымъ извѣстіемъ объ этомъ открытіи, съ остальными 12 кораблями, Кабраль оставилъ Бразилію, 5 мая 1500 г., и направился къ мысу Доброй Надежды. На этомъ пути застигла его страшная буря; онъ имѣлъ несчастіе видѣть какъ передъ его глазами погибъ одинъ изъ лучшихъ кораблей его, а вмѣстѣ съ нимъ—и доблестный Бартоломео Діазъ, открывшій мысъ. Послѣ многихъ опасностей, Кабраль достигъ Мелинды и 13 августа вступилъ въ гавань Калькутты. Онъ представилъ подарки Заморину отъ имени своего короля, предложилъ торговый союзъ и просилъ дозволенія основать во владѣніяхъ Заморина фортъ для безопасной складки португальскихъ товаровъ. Сначала казалось, что Заморинъ готовъ согласиться на это, но вскорѣ завистливые магометане измѣнили его расположеніе и подконецъ онъ даже напалъ враждебно на Португальцевъ. Кабраль, не имѣвшій достаточныхъ силъ для обороны, оставилъ Калькутту, пригрозивъ, впрочемъ, что скоро возвратится, затѣмъ поплылъ вдоль по Малабарскому берегу и заѣхалъ по пути къ мелкимъ королькамъ Кохима и Конанора. Они приняли его дружелюбно и промѣняли на европейскіе его товары огромный грузъ перцу и другихъ пряностей,—съ чѣмъ и возвратился Кабраль благополучно въ Лиссабонъ (31 іюля 1501 г.).

Обширная Бразилія сначала мало цѣнилась Португальцами; правда, они нашли тамъ плодородную почву, но мало дорогихъ предметовъ для торговли; къ томужь не попадалось имъ ни золота ни серебра. Только въ

1695 г., открыли они богатыя золотыя руды, а въ 1730 г., копи алмазовъ, подобныхъ которымъ, по красотѣ и величинѣ, не находили на цѣломъ земномъ шарѣ.

2. Ласъ Казасъ.

Испанцы, не находившіе тоже покуда золота, угнетали несчастныхъ Индійцевъ на островахъ, принуждая ихъ къ обработкѣ плодородной почвы. Они хотѣли обогатиться работой дикарей. Преимущественно же сажали они сахарный тростникъ, составляющій и донынѣ главное богатство тѣхъ острововъ. Но Индійцы были слабосильны, не привычны къ работѣ; они быстро умирали подъ палкою жестокихъ своихъ властителей, такъ что отъ милліона населенія, считавшагося первоначально на Испаньолѣ, черезъ 15 лѣтъ послѣ открытія этого острова, осталось не болѣе 60,000 человѣкъ. Еще безчеловѣчнѣе поступали съ тѣми изъ Индійцевъ, которые желали избѣжать владычества Испанцевъ; голыхъ Индійцевъ травили собаками, рубили мечами, застрѣливали изъ ружей; а кациковъ, для острастки прочихъ, сожигали на медленномъ огнѣ. И священники ученія Христова не только спокойно смотрѣли на ужасы эти, но еще поощряли къ нимъ,—если бѣдные дикари отказывались становиться на колѣна передъ распятіемъ или читать христіанскій символъ вѣры.

Но было нѣсколько благородныхъ людей и между духовенствомъ. Сильно возставалъ противъ безчеловѣчнаго обращенія съ Индійцами почтенный доминиканецъ, *Бартломео де Ласъ-Казасъ*. Самъ онъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ, а какъ никто не внималъ его увѣщаніямъ, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Испанію, для возбужденія сострадания короля и его совѣтниковъ. На короткое время это удалось ему; но вскорѣ алчные европейцы подкупами при дворѣ достигли того, что все осталось по-прежнему. Конечно, труденъ былъ для разрѣшенія вопросъ: кѣмъ замѣнить Индійцевъ для работы. Тогда благородный Ласъ-Казасъ напалъ на мысль, вмѣсто слабой американской расы, употреблять на работу Негровъ, болѣе привычныхъ къ труду и болѣе крѣпкихъ тѣлосложеніемъ. Мысль эту нашли столь выгодною, что ежегодно стали вывозить изъ Африки въ Америку болѣе 80,000 черныхъ невольниковъ.

Такъ, тягота, которую Ласъ-Казасъ хотѣлъ снять съ одной части свѣта, всею силою своею обрушилась на другую. Впрочемъ, и гораздо прежде его, несчастныхъ Негровъ уже продавали и покупали въ неволю.

3. Васко Нунецъ де Бальбоа.

Бальбоа былъ необразованный человѣкъ, низкаго происхожденія; но во время путешествія къ Даріенскому перешейку онъ доказалъ такое необыкновенное мужество, что всѣ товарищи единогласно избрали его начальникомъ, на мѣсто прежняго, неспособнаго капитана корабля. Бальбоа оправдалъ ихъ довѣріе и основалъ *Санту Марію*, первую колонію на материкѣ.

Главнымъ желаніемъ его было добыть соизволеніе короля на новый свой санъ: онъ надѣялся испросить его, явившись передъ трономъ съ богатой добычей. Поэтому, на разъѣздахъ своихъ, онъ досталъ, сколько могъ, золотыхъ пластинокъ отъ дикарей, а ласковымъ обращеніемъ съ Индійцами такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они охотно отдавали, что̀ имѣли. Разъ, когда, по обыкновенію, онъ пытливо распрашивалъ о золотѣ, молодой кацикъ замѣтилъ ему: „на что̀ вамъ эта ненужная дрянь? Если ужь очень надобится она вамъ, то ступайте вотъ въ эту землю, которая лежитъ по ту сторону, у самаго океана, въ шести солнцахъ отсюда. Только для этого надо, чтобы много было васъ.“

Какая вѣсть! Кацикъ подразумѣвалъ *Перу*, а другой океанъ, въ шести дняхъ пути, былъ то именно Южное Море, о которомъ всегда мечталъ Колумбъ. Бальбоа поспѣшилъ отправить въ Испаньолу съ этимъ извѣстіемъ вѣрнаго гонца, который долженъ былъ тоже поднесть намѣстнику значительные подарки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ успѣлъ увеличить свой отрядъ свѣжими солдадами: надежды на полученіе огромныхъ богатствъ заманили многихъ принять участіе въ трудахъ и бѣдствіяхъ, неразрывныхъ съ первымъ странствованіемъ по дикой пустынѣ, по лѣсамъ, болотамъ и горамъ.

Сто девяносто смѣлыхъ искателей приключеній пустились въ путь съ цѣлью завоевать въ пользу испанскаго короля страну, густо населенную дикими народами. Великая способность Бальбоа властвовать надъ умами выказалась и въ сношеніяхъ съ кациками, попадавшимися по дорогѣ.

Онъ дружился со всѣми; тысячи Индійцевъ добровольно слѣдовали за нимъ и помогали Испанцамъ нести поклажу. Жаркія, сырыя низины въ этой чрезмѣрно-нездоровой части Америки, широкіе потоки, непроходимые лѣса, змѣи и москитосы, недостатокъ свѣжей воды и здоровой пищи дѣлали это путешествіе однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ, какія когда-либо были предприняты. Но Бальбоа участіемъ своимъ въ трудахъ товарищей унималъ ихъ ропотъ. Переправиться ли въ бродъ чрезъ болото, прорубить ли дорогу черезъ дикій, колючій кустарникъ—онъ вездѣ былъ первый, и ни одна черта неудовольствія не туманила всегда веселаго его лица.

Между тѣмъ, шесть солнцевъ протянулись на двадцать пять; а все еще не видать было океана. Естественно! Въ иные дни, не смотря на всѣ усилія, проходили не болѣе одной мили. Наконецъ дошли до высокой горы. Тутъ Индійцы сказали, что коли взойти на гору, то увидишь у ногъ своихъ океанъ. Восторженный Бальбоа пожелалъ первый насладиться этимъ зрѣлищемъ; онъ оставилъ людей своихъ внизу, а самъ взобрался на гору. И вотъ, глазамъ его открылся обширный океанъ, катящій темныя волны свои изъ необозримой дали крайнихъ предѣловъ небосклона. Бальбоа простеръ руки, палъ на колѣна и, съ горячими слезами радости, возблагодарилъ Бога, приведшаго его на это мѣсто. Спутники не могли долѣе выдержать, бросились на вершину горы и приняли участіе въ радостныхъ чувствахъ и въ молитвахъ своего вождя. Бальбоа сошелъ на самый берегъ моря, съ мечемъ и щитомъ въ рукѣ, сталъ по поясъ въ воду и, съ обычными церемоніями, принялъ во владѣніе океанъ отъ имени короля Испаніи.

Эта часть Южнаго Моря составляла заливъ, находящійся на востокѣ отъ Панамы. Бальбоа далъ ему названіе залива св. Михаила, сохранившееся и до сихъ поръ. И здѣсь привязалъ онъ къ себѣ Индійцевъ честнымъ съ ними обращеніемъ; они приносили ему во множествѣ съѣстныхъ припасовъ, а касики дарили его золотомъ и жемчугомъ. Вездѣ подтверждалась молва о богатой странѣ золота, но, по словамъ сосѣдей, господствовалъ въ ней могущественный государь. Это обстоятельство заставило Бальбоа возвратиться за подкрѣпленіями. Покрытый славою, съ большимъ запасомъ золота, онъ прибылъ опять, въ началѣ 1514 г., въ колонію свою Санта-Марію.

Тогда онъ послалъ королю Фердинанду такой подарокъ золотомъ, какого не получали еще изъ новооткрытой страны, и просилъ намѣстничества надъ Даріентомъ и подкрѣпленій для небольшаго своего войска. Можно вообразить восторгъ короля. Но было не въ политикѣ подозрительнаго испанскаго правительства слишкомъ возвышать дѣятельныхъ и счастливыхъ людей,—какъ и испыталъ это на себѣ Колумбъ. Намѣстничество, котораго просилъ Бальбоа, было дано не ему, а человѣку, несравненно хуже его, Давилѣ. Давила отправился въ Южную Америку съ пятнадцатью превосходными кораблями и съ 1200 солдатами; сверхъ того, къ войску его присоединились добровольно 1500 дворянъ. Молва о богатствахъ тѣхъ странъ была столь преувеличена, что въ Испаніи сложилось сказаніе будто стоитъ только сѣть закинуть въ тамошнее море, чтобы наловить сколько хочешь золота.

Честный Бальбоа, въ толстомъ полотняномъ камзолѣ и въ посконныхъ плетушкахъ вмѣсто обуви, покрывалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Индійцами свою хижину, когда явилось къ нему большое общество знатныхъ господъ и, между ними, донъ Педрарія Давила, гордо объявившій себя новымъ намѣстникомъ. Какъ ни глубоко затронула Бальбоа неблагодарность короля, какъ ни роптали во всеуслышаніе его вѣрные солдаты, онъ, однако, принялъ съ покорностію приказанія новаго начальника, который тотчасъ же счелъ нужнымъ подвергнуть Бальбоа суду, за присвоеніе начальства, и потребовать за то значительную денежную пеню.

Впрочемъ, Педрарія никакъ не могъ отыскать несмѣтныхъ богатствъ страны; напротивъ, онъ страдалъ отъ лишенія всѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкъ, а нездоровый климатъ вскорѣ похитилъ у него около 600 человѣкъ. Остальные, которыми не умѣлъ онъ управлять, шатались, какъ разбойники, по странѣ, грабили дикарей и производили такія насилія, что всѣ дружественныя связи, основанныя Бальбоа съ касиками, мгновенно рушились.

Между тѣмъ, Бальбоа, подобно Колумбу, не могъ равнодушно покинуть столь счастливо начатое имъ дѣло. Черезъ друзей своихъ въ Испаніи, онъ пытался найдти справедливость у короля и, дѣйствительно, получилъ мѣсто аделантадо или второстепеннаго намѣстника въ краѣ при Южномъ Морѣ. П. Давила принужденъ былъ предоставить въ его распоряженіе четыре бригантина, на которыхъ Бальбоа и вознамѣрился дости-

гнуть завѣтной своей цѣли—открыть Перу. Но какъ ни спѣшилъ онъ, а все-таки не могъ уйдти отъ насилія завистливаго своего начальника. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ былъ призванъ къ намѣстнику, обвиненъ въ небываломъ преступленіи и осужденъ на казнь. Вся колонія единогласно просила за него; но не съ тѣмъ взяли его подъ караулъ, чтобы помиловать. Съ ужасомъ и горестью, увидали Испанцы публичную казнь человѣка, котораго считали они самымъ способнымъ начальникомъ, который могъ не только задумывать, но и исполнять великіе планы.

4. Фернандо Кортецъ (1485—1547).

Между тѣмъ путешествія для новыхъ открытій все продолжались. Далѣе всѣхъ проникъ на югъ *Жуанъ Діазъ де Солисъ*, посланный въ 1515 г. для отысканія прохода въ Южное Море. Онъ уже думалъ, что нашелъ его, но, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, замѣтилъ, что то была только рѣка—*Ла Плата*, чрезвычайная ширина которой (болѣе 30 миль) легко могла ввести его въ заблужденіе. Во время попытки пристать къ этой странѣ, неосторожный предводитель, вмѣстѣ со многими своими спутниками, былъ убитъ враждебными дикарями, которые изжарили и съѣли его,—послѣ чего остальные поспѣшно бѣжали оттуда.

Другіе Испанцы изъ Кубы посѣщали берега великой *Мексиканской Имперіи* и доставляли самыя благопріятныя свѣдѣнія объ обработкѣ и богатствахъ этой страны. Это побудило намѣстника острова Кубы, дона *Веласкеца*, послать туда надежнаго человѣка, который привезъ бы какъ можно больше золота, и доставилъ бы ему, намѣстнику, честь значительно увеличить владѣнія короля испанскаго. Трусливый характеромъ, онъ желалъ найдти человѣка предпріимчиваго, но не слишкомъ умнаго, не слишкомъ самостоятельнаго, такого, однимъ словомъ, который бы принялъ на себя всѣ труды, а ему предоставилъ почести и выгоды. Веласкецу указали на бѣднаго, но храбраго офицера, по имени *Кортеца*. Кортецъ былъ горячая голова; онъ прежде учился праву въ Саламанкскомъ университетѣ, но не доучился, поступилъ въ военную службу и пустился въ Америку искать счастья. Кортецъ никогда еще не командовалъ войсками, однако, садясь на суда, поступалъ такъ умно и ловко,

что Веласкецъ удивился и вздумалъ-было отнять у него начальство надъ экспедиціей. Кортецъ замѣтилъ это, и тотчасъ отплылъ съ своими одинадцатью судами. Онъ остановился на время на другомъ концѣ острова, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ. Веласкецъ пустился въ погоню за нимъ,—и только вѣрность и приверженность его спутниковъ спасла его отъ участи Бальбоа. Несмотря на то, что Кортецъ былъ снабженъ патентомъ намѣстника, все-таки поступалъ онъ какъ мятежникъ, ибо Веласкецъ приказалъ-было истребовать отъ него патентъ.

12 февраля 1519 г. флотъ Кортеца оставилъ Кубу и направился къ Мексикѣ. Распространеніе христіанской религіи не было упущено изъ виду и на всѣхъ знаменахъ развѣвался святой крестъ. Эти 617 человѣкъ, съ 13 мушкетами, 16 лошадьми и 14 небольшими пушками, надѣялись, во имя Христово, покорить страну, которая могла выставить противъ нихъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ.

5. Прибытіе въ Мексику.

Первая высадка произошла 2-го апрѣля на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится *Санъ Жуанъ де Улоа*. Вступивъ въ страну, Испанцы нашли въ ней гораздо болѣе многочисленное населеніе и высшую степень образованія, чѣмъ въ прежде-открытыхъ американскихъ земляхъ. Испанцамъ посчастливилось скоро войдти въ сношенія съ жителями посредствомъ одной индіянки, весьма быстро обучившейся по испански. Сначала самый видъ Испанцевъ, бороды ихъ и одѣяніе внушали къ нимъ уваженіе: Мексиканцы долго недоумѣвали — людей или боговъ видятъ они передъ собою. Они разсказали, что всѣ сосѣдственныя племена и народы платятъ дань могущественному царю, по имени *Монтецумѣ*, который живетъ,—въ какихъ нибудь двадцати дняхъ ѣзды, — въ большомъ городѣ и имѣетъ великолѣпный придворный штатъ. Монтецума содержалъ скороходовъ во всѣхъ частяхъ своей имперіи, которые быстро передавали ему всѣ замѣчательные случаи; чрезъ нихъ-то узналъ онъ и о прибытіи дивныхъ чужеземцевъ. Вскорѣ явились отъ него послы къ Кортецу, поднесли ему богатые подарки и спросили, что̀ ему надобно. Кортецъ назвалъ себя посланникомъ отъ великаго короля испанскаго, отправленнымъ къ мексиканскому царю для передачи ему лично важнаго

порученія. Гонцы поспѣшили назадъ, но вскорѣ возвратились и сказали, что государь ихъ проситъ Кортеца оставить его имперію,—въ знакъ же благоволенія посылаетъ ему еще болѣе богатые подарки. Съ своей стороны, Кортецъ настаивалъ на томъ, чтобы видѣться съ царемъ мексиканскимъ, и продолжалъ свой походъ. Гонцы явились въ третій разъ, съ еще болѣе богатыми подарками, но именно этими подарками они разлакомили алчныхъ пришельцевъ, которые и не думали удалиться. Чтобы привязать къ себѣ надежнѣе своихъ солдатъ, Кортецъ, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, убѣдилъ ихъ сжечь свои корабли. Этимъ самымъ, шесть сотъ искателей приключеній отрѣзывали себѣ путь къ возвращенію.

Подвигаясь въ глубь страны, Кортецъ добрался до двухъ многолюдныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ назывался *Тласкалой*. Порядокъ, въ какомъ держалъ онъ своихъ воиновъ, достоинство, съ какимъ шли Испанцы, всадники, о которыхъ туземцы думали, что они срослись съ лошадьми, а болѣе всего, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, — все это такъ сильно подѣйствовало на Индійцевъ, впрочемъ, вовсе не робкихъ, что они сочли благоразумнымъ стать подъ покровительство могущественныхъ иностранцевъ. Этимъ способомъ думали они спастись, еслибы даже погибло все мексиканское государство. Они приносили въ изобиліи съѣстные припасы Испанцамъ — и Кортецъ не забылъ привязать къ себѣ ихъ начальниковъ маленькими подарками, причемъ пользовался всякимъ случаемъ показать какое наказаніе постигнетъ тѣхъ изъ нихъ, которые измѣнятъ ему. По одному только подозрѣнію въ существованіи тайнаго заговора, онъ велѣлъ отрубить руки пятидесяти Тласкальцамъ. Страшная жестокость!

Но то было только прелюдіей къ великой трагедіи. Придя въ слѣдующій городъ, *Холулу*, онъ истребилъ почти все его населеніе, для спасенія жизни 500 Испанцамъ: Кортецъ узналъ отъ переводчицы, что жители Холулы притворились доброжелательными, для того, чтобы вѣрнѣе напасть ночью на Испанцевъ и умертвить ихъ до послѣдняго человѣка. Тотчасъ схватилъ онъ начальниковъ, отдалъ ихъ подъ стражу и, по данному знаку, приказалъ своимъ солдатамъ рубить жителей и зажигать ихъ дома. Тутъ погибло шестьдесятъ тысячъ человѣкъ изъ жителей города; остальные разбѣжались. Кортецъ объявилъ начальникамъ причину своей суровости, побранилъ ихъ, однако, отпустилъ, приказавъ собрать

разбѣжавшихся жителей и снова обстроить городъ. Жители вели себя какъ подѣломъ-наказанныя дѣти, и съ той поры стали покорными.

Ни одно изъ мексиканскихъ племенъ не было такъ вѣрно Кортецу, какъ Тласкальцы. Тысячами слѣдовали они за нимъ на войну противъ Монтецумы. Они ненавидѣли этаго царя, который незадолго передъ тѣмъ покорилъ ихъ. Обстоятельство, очень выгодное для Испанцевъ! Черезъ это, войско ихъ весьма усилилось, и Кортецъ, безъ опасеній, могъ идти прямо на столицу.

Наконецъ, увидали они эту столицу, во всемъ ея протяженіи, съ бѣлыми домами и храмами, столицу замѣчательную для народа, который не зналъ употребленія желѣза и не имѣлъ рабочаго скота. Испанцы насчитывали въ немъ 600,000 жителей. Городъ былъ расположенъ на островѣ, посреди озера; взойдти въ него было можно по широкимъ плотинамъ. Кортецъ осторожно прошелъ по одной изъ этихъ плотинъ и очутился съ войскомъ своимъ въ городѣ, прежде чѣмъ Монтецума рѣшилъ какъ принять иностранцевъ,—друзьями или врагами.

Наконецъ, онъ явился самъ на носилкахъ, окруженный вельможами, въ хлопчатобумажныхъ мантіяхъ, увѣшанныхъ золотыми бляхами, видъ которыхъ весьма порадовалъ Испанцевъ. Монтецума много дивился бѣлизнѣ и длиннымъ бородамъ гостей; онъ учтиво раскланялся съ Кортецомъ, который сошелъ съ лошади, и, неизвѣстно для чего, передалъ ему поклонъ отъ короля Испаніи. Монтецума призадумался. Онъ вспомнилъ старинное преданіе о томъ, что предки его пришли съ Востока, и что вожди ихъ ушли назадъ, обѣщаясь нѣкогда возвратиться и исправить законы страны. Кортецъ поддержалъ его въ мнѣніи, что нынѣ исполняется это преданіе, и, съ солдатами своими, вступилъ во владѣніе однимъ каменнымъ зданіемъ, которое, незамѣтно для Мексиканцевъ, онъ превратилъ въ крѣпостцу. Заряженныя пушки и строгій караулъ предохраняли его отъ нечаяннаго нападенія.

Вотъ какимъ образомъ 500 удальцовъ (100 изъ нихъ остались въ фортѣ Вера-Круцѣ) счастливо пробрались въ средоточіе великой имперіи, въ которой они должны были или утвердить свое владычество, или же—погибнуть до послѣдняго человѣка.

6. Плѣнъ Монтецумы (1519).

Когда пошло дѣло на удалое предпріятіе,—оно можетъ быть довершено только рядомъ смѣлыхъ подвиговъ. Кортецъ былъ человѣкъ, исполнявшій съ твердостію самые отчаянные замыслы,—какъ будто сама неизбѣжная судьба сражается за него. Если ужь хотѣлъ онъ овладѣть имперіей, то долженъ былъ сдѣлать что-либо рѣшительное. Самъ царь долженъ былъ уступить ему свой санъ, а чтобы довести его до этого, надо было взять его въ плѣнъ въ виду подданныхъ.

Только удалой Кортецъ могъ составить такой планъ, отъ котораго пришли было въ ужасъ храбрѣйшіе его офицеры; только съ умомъ и хладнокровіемъ Кортеца можно было счастливо исполнить планъ этотъ. Царь нѣсколько уже разъ посѣщалъ Кортеца и принималъ его посѣщенія, — какъ въ одинъ день, Кортецъ, переговоривъ заранѣе съ своими солдатами, отправился въ жилище царя съ лучшими своими офицерами. Прежде всего, онъ началъ говорить на счетъ только-что полученнаго извѣстія о нападеніи дальняго мексиканскаго полководца на Испанцевъ, оставленныхъ въ колоніи Вера-Круцѣ: одинъ изъ Испанцевъ былъ убитъ и голова его прислана въ столицу, для того, чтобы показать всѣмъ Мексиканцамъ, что Испанцы—тоже смертные люди. Этотъ враждебный поступокъ Кортецъ представилъ такимъ неслыханнымъ оскорбленіемъ для короля Испаніи, и притомъ онъ принялъ такой суровый видъ, что бѣдный Монтецума страшно перепугался. Далѣе Кортецъ объявилъ, что, навлекши на себя этимъ поступкомъ подозрѣніе въ тайной враждѣ, Монтецума можетъ изгладить это впечатлѣніе только необычайнымъ доказательствомъ довѣрія и преданности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Монтецума обѣщалъ выдать Испанцамъ провинившагося полководца, для наказанія его, по всей ихъ волѣ. Кортецъ отвѣчалъ, что это само собою разумѣется, но что такимъ образомъ онъ все еще далеко не будетъ удовлетворенъ. Нѣтъ для Монтецумы инаго средства возвратить себѣ довѣріе Испанцевъ, какъ, добровольно рѣшившись, провести съ ними нѣсколько времени. Монтецума поблѣднѣлъ, но скоро опять собрался съ духомъ и отвѣчалъ, какъ человѣкъ, понимающій свое достоинство. Кортецъ становился все суровѣе. Три часа длилась бесѣда; наконецъ, одинъ пылкій

испанскій офицеръ воскликнулъ: „Кчему эти проволочки? Долой его, или сейчасъ заколите!“ Голосъ и движенія этого человѣка испугали Монтецуму; онъ спросилъ у переводчицы, что̀ значатъ слова его. Узнавъ же ихъ значеніе, онъ затрепеталъ еще больше и, послѣ долгаго колебанія, отдался Испанцамъ. Когда вели его изъ дворца, сбѣжался весь изумленный народъ; но Монтецума подавалъ знаки руками и принялъ на себя веселый видъ,—онъ желалъ увѣрить своихъ подданныхъ, что по собственной волѣ слѣдуетъ за Испанцами. Впрочемъ, Кортецъ ничего не упускалъ, что̀ могло сдѣлать сноснѣе положеніе огорченнаго царя и оказывалъ ему самую изысканную вѣжливость. Прежніе совѣтники имѣли ежедневно доступъ къ царю. Злополучнаго же мексиканскаго полководца, съ знатнѣйшими его офицерами, къ ужасу всѣхъ соотечественниковъ, сожгли живаго на кострѣ, сложенномъ изъ мексиканскаго оружія.

Для упроченія за собою власти, Кортецъ убѣдилъ царя отставить лучшихъ его совѣтниковъ и замѣнить ихъ другими—поглупѣе. Подъ предлогомъ дать ему понятіе объ искусствѣ Европейцевъ строить корабли, чѣмъ давно уже возбудилъ онъ его любопытство, Кортецъ заставилъ соорудить два бригантина и пустить ихъ по Мексиканскому озеру; этимъ самымъ очень ловко утвердилъ за собою всѣ воды, окружавшія столицу. Наконецъ, проведя слабаго царя по всѣмъ ступенямъ униженія, онъ сталъ внушать ему, чтобы онъ объявилъ себя вассаломъ короля испанскаго и платилъ ежегодную дань. При этомъ требованіи, несчастный царь залился слезами. Но могъ ли онъ отказать теперь? Всѣ формальности подданства, которыя Кортецъ составилъ какъ можно торжественнѣе, совершились передъ глазами цѣлаго народа и привели его въ неописанную печаль.

При всемъ несчастіи, Монтецума все еще питалъ надежду, что скоро удалятся грозные гости. Кортецъ оставлялъ его при такихъ надеждахъ и говорилъ, что надо напередъ построить необходимые для этого корабли. Собственно же онъ только ждалъ подкрѣпленій изъ Испаніи, куда послалъ депеши, уже 9 мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ не зналъ, что депеши эти задержаны врагомъ его, Веласкецомъ, и что издалека собирается надъ нимъ гроза, которая разомъ можетъ уничтожить всѣ плоды его благоразумія и отваги.

7. Памфило Нарваэцъ.

Веласкецъ выслалъ флотъ изъ 18 судовъ съ 800 человѣками пѣхоты, 80 всадниками, 12 пушками и множествомъ мушкетовъ; командиру этого флота, *Нарваэцу*, поручено было прислать Кортеца въ цѣпяхъ на Кубу и вмѣсто его продолжать завоеваніе. Какое положеніе для Кортеца!

Сначала онъ пытался привлечь на свою сторону Нарваэца. Но молодому вождю слишкомъ привлекательно грезились лавры, какіе могъ онъ пожать въ Мексикѣ, и, конечно, онъ не захотѣлъ уступить ихъ Кортецу. Вопросъ о власти приходилось рѣшить войною — войною на жизнь и смерть. Кортецъ сдѣлалъ нужныя распоряженія въ Мексико, оставивъ тамъ небольшой гарнизонъ и увѣривъ Монтецуму, что отправляется онъ на встрѣчу къ друзьямъ, для совѣщаній. Съ горстью людей, онъ выступилъ противъ непріятеля впятеро сильнѣе.

По счастью для него, Нарваэцъ былъ простоватъ и очень неловокъ; онъ не внушалъ довѣрія ни своимъ солдатамъ, ни Индійцамъ, такъ что одни съ ропотомъ слѣдовали за нимъ, а другіе ставили ему всяческія препятствія. Эмиссары Кортеца, пробравшись въ лагерь Нарваэца, щедро сыпали деньгами,—и половина солдатъ была уже на сторонѣ Кортеца, прежде еще чѣмъ дошло дѣло до сраженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленнымъ маршемъ, храбрые, испытанные воины Кортеца нагрянули на непріятеля скорѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Въ непроглядную ночь, перешли они вбродъ черезъ широкую рѣку, отдѣлявшую ихъ отъ непріятеля, и ударили на него такъ стремительно, что дремавшіе солдаты Нарваэца пришли въ безпорядокъ: они не знали откуда взялся непріятель и какъ велико число его войска. Въ нѣсколько мгновеній, тяжелыя орудія ихъ очутились въ рукахъ Кортеца и были направлены противъ войска Нарваэца. Съ опрометчивой отвагой, бросился Нарваэцъ на ряды нападающихъ, но тотъ же часъ получилъ смертельную рану. Кортецъ обѣщалъ простить всѣхъ, которые ему сдадутся,—и до разсвѣта дѣло было окончено. Подкрѣпленный свѣжими войсками и хорошими орудіями, Кортецъ собирался уже возвратиться въ столицу,—въ это время онъ получилъ страшную вѣсть.

8. Смерть Монтецумы (1 іюня 1520).

Оставленный въ Мексико, офицеръ хотѣлъ быть строгъ, какъ Кортецъ, но не имѣлъ его благоразумія—и испортилъ все дѣло. По простому подозрѣнію, онъ напалъ, во время торжественныхъ игръ Мексиканцевъ, на нѣкоторыхъ изъ ихъ вельможъ и велѣлъ умертвить ихъ. За это весь городъ взбунтовался, даже быстрое появленіе Кортеца не могло успокоить волненія. 60, 000 Индійцевъ изготовились къ битвѣ. Трудно было устоять противъ нихъ 500 Испанцамъ! Кортецъ заперся въ своихъ укрѣпленіяхъ, сдѣлалъ нѣсколько вылазокъ, но потерялъ много солдатъ и самъ былъ раненъ въ лѣвую руку. При такой крайности, онъ искалъ спасенія въ посредничествѣ Монтецумы, о которомъ, въ послѣднее время, очень мало заботился. Онъ уговорилъ его явиться на стѣнѣ въ царскомъ его одѣяніи. Но лишь только царь показался,—разъяренный народъ осыпалъ его ругательствами и пустилъ въ него градъ камней и стрѣлъ. Тяжело раненный въ голову, несчастный царь упалъ и, черезъ нѣсколько дней, умеръ.

Съ каждымъ днемъ, народъ изъ окрестностей все больше и больше стекался въ столицу и ежедневно же, съ остервененіемъ, подступали Мексиканцы къ испанскимъ укрѣпленіямъ. Возлѣ каменнаго зданія, занятаго ими, находилась башня, съ которой Индійцы безпрестанно кидали въ Испанцевъ каменьями. Напрасны были всѣ попытки согнать ихъ съ этой башни. Вдругъ самъ Кортецъ, приказавъ привязать щитъ къ раненой рукѣ своей, бросился, во главѣ храбрѣйшихъ воиновъ, на приступъ къ башнѣ. Одаренный необычайной силою, онъ уничтожалъ все, что̀ попадалось ему, и, не смотря на это, Индійцы все еще не бѣжали. Двое мексиканскихъ юношей, жаждавшіе геройской смерти, обхватили Кортеца, когда онъ сталъ на краю башни, и безстрашно хотѣли ринуться внизъ, чтобы только увлечь его съ собою въ паденіи. Но богатырская сила опять-таки спасла Кортеца: онъ высвободился изъ объятій юношей и они одни погибли. Послѣ долгихъ усилій, Испанцамъ удалось поджечь башню и разсѣять, на этотъ разъ, непріятелей.

Но Кортецъ уже не надѣялся удержаться въ своемъ укрѣпленіи. Въ полночь, вся дружина его въ тихомолку выступила въ обратный путь.

Вѣрные Тласкальцы должны были прикрывать отступленіе. Они столпились на узкой плотинѣ, — и въ темную ночь были настигнуты градомъ камней и стрѣлъ. Ѳзеро кишѣло лодками. Старанія Испанцевъ спасти свои сокровища еще увеличили гибельное замѣшательство. Ужасъ и отчаяніе проникли въ сердца самыхъ храбрыхъ; въ толкотнѣ, въ давкѣ, страшномъ смятеніи, всѣ двигались впередъ, какъ попало. Утромъ, послѣдовавшимъ за этой страшной ночью, Кортецъ нашелъ живыми только половину своихъ сподвижниковъ, и не могъ удержаться отъ слезъ, когда сталъ дѣлать имъ смотръ. Многіе лучшіе офицеры или были убиты или утонули; недоставало тоже 2000 добрыхъ Тласкальцевъ: нѣкоторыхъ изъ нихъ Мексиканцы взяли живьёмъ, чтобы принести ихъ въ жертву богамъ своимъ. Всѣ орудія и порохъ были потеряны, почти всѣ лошади погибли, и не много было спасено изъ великихъ сокровищъ.

Въ этой крайности, Кортецъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственнымъ образцомъ для опечаленныхъ солдатъ своихъ. Онъ раздѣлялъ съ ними всѣ тяготы и лишенія, ободрялъ ихъ своимъ спокойствіемъ, своею вѣрою въ будущее. Но самое худшее оставалось еще впереди. Не дошли они до Тласкалы, какъ вдругъ, съ одного пригорка, увидали широкую равнину, всю покрытую Мексиканцами. Оставалось одно — побѣда или смерть. Кортецъ не далъ позадуматься своимъ солдатамъ: сказавъ имъ нѣсколько восторженныхъ словъ, очертя голову, повелъ онъ ихъ въ битву. Они рубились, какъ отчаянные, но небольшое число ихъ терялось въ несмѣтныхъ толпахъ, окружавшихъ и почти душившихъ ихъ. Тутъ увидалъ Кортецъ большое государственное знамя Мексиканцевъ и вдругъ вспомнилъ, что отъ участи этого знамени,—какъ слышалъ онъ какъ-то въ Мексико, — всегда зависитъ исходъ сраженія. Онъ пришпорилъ коня своего и, съ нѣсколькими храбрыми товарищами, пробился къ мексиканскому палладіуму; знаменосца онъ опрокинулъ копьемъ, мексиканскихъ воиновъ, окружавшихъ знамя, разогнали другіе Испанцы — и Кортецъ съ торжествомъ унесъ знамя. Увидавъ это, Мексиканцы тотчасъ же разбѣжались. И такъ внезапно все это случилось, что Испанцы приписали спасеніе свое молитвамъ Святыхъ.

На слѣдующее утро, они вступили въ вѣрную Тласкалу.

9. Новое нападеніе на Мексико.

Можно ли было думать, что человѣкъ, едва избѣжавшій смерти, станетъ упорствовать въ мысли покорить громадную массу непріятелей и завоевать обширную монархію? Но именно такъ и случилось. Кортецъ никакъ не хотѣлъ отступить спокойно — онъ больше, чѣмъ когда-либо, жаждалъ достигнуть своей цѣли.

Такая стойкость, конечно, не всякому свойственна. Многіе солдаты бранили его, называли отчаяннымъ, недорожащимъ жизнью, безумцемъ, были чрезвычайно недовольны новыми его замыслами. Но однихъ онъ склонилъ къ своему намѣренію тѣмъ, что разжигалъ желаніе ихъ отмстить „собакамъ язычникамъ,“ другихъ занялъ рубкой и отёсываніемъ деревъ изъ лѣсовъ тласкальскихъ для постройки судовъ, третьихъ ободрялъ погоней за отдѣльными шайками враговъ, показывавшимися еще въ окрестностяхъ. Онъ давно уже послалъ довѣреннаго человѣка въ Испаньолу для закупки пороху и оружія и для набора искателей приключеній; но счастливый случай доставилъ ему неожиданную помощь.

Прибыли изъ Кубы два корабля съ грузомъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, назначавшихся для давно уже погибшаго Нарваэца. Краснорѣчивый Кортецъ легко овладѣлъ и грузомъ и самымъ экипажемъ. Точно также удалось ему воспользоваться грузомъ купеческаго корабля, прибывшаго для распродажи товаровъ. Но это еще не все: вскорѣ явились три корабля, посланные для открытій намѣстникомъ Ямайки, но не успѣвшіе ничего сдѣлать. Экипажъ ихъ съ радостію поступилъ къ Кортецу, по найму, на службу.

Тогда Кортецъ, давъ отставку всѣмъ недовольнымъ изъ войска Нарваэца, отослалъ ихъ въ Вера-Круцъ. Съ остальными же 550 солдатами и при нихъ съ 40 лошадьми, 80 мушкетами и самопалами и 9 пушками, бодро выступилъ въ походъ на Мексико (28-го декабря). Его сопровождали 10,000 Тласкальцевъ, которые несли множество отёсанныхъ бревенъ и досокъ для сооруженія изъ нихъ на берегу Мексиканскаго озера новаго флота.

Сооруженіе флота задержало Кортеца на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время, онъ, съ великимъ искусствомъ, старался пріобрѣсть расположе-

ніе сосѣдственныхъ селеній. Затѣмъ, приказалъ онъ разрушить водопроводы, ведущіе къ столицѣ. Для совершенной безопасности, городъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ. Кортецъ дѣйствовалъ медленно и осторожно: онъ зналъ, что теперешній король *Гуатимоцинъ*, племянникъ Монтецумы, былъ человѣкъ умный и рѣшительный. Наконецъ, 3-го іюля, былъ назначенъ общій приступъ къ городу. Планъ Кортеца былъ превосходно задуманъ; каждому офицеру назначено свое мѣсто; а для безопаснаго отступленія, въ случаѣ неудачи, одному изъ новоприбывшихъ офицеровъ было приказано прикрывать мостъ на плотинѣ, черезъ которую надо было проходить. Но офицеръ этотъ, вѣроятно, вообразивъ, по легкомыслію своему, что его обдѣлятъ при дѣлежѣ добычи, если онъ останется для охраны моста, забылъ всякое повиновеніе и стремительно вмѣшался въ ряды сражавшихся. Гуатимоцинъ тотчасъ замѣтилъ это и приказалъ подрубить мостъ. Между тѣмъ, сражавшіеся до ночи Испанцы, не видя возможности противиться превосходству непріятельскихъ силъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. Но куда бѣжать? Страшная была давка на плотинѣ; бѣжавшіе впереди попадали въ отверстіе на мосту и изъ труповъ своихъ образовали новый мостъ. Во время этой задержки, Мексиканцы напали на отсталыхъ и сорокъ человѣкъ Испанцевъ живьёмъ попались имъ въ руки. Они отвели ихъ въ храмъ свой; тамъ разрѣзали грудь каждому Испанцу, вынимали сердце и приносили въ жертву богамъ. Спасшіеся Испанцы съ ужасомъ смотрѣли издали на это діавольское торжество; они видѣли, какъ упоенные радостію Мексиканцы ликовали и плясали въ ярко освященномъ храмѣ; думалось имъ узнавать по голосу терзаемыя жертвы; волосъ у нихъ становился дыбомъ. Но Кортецъ задумалъ уже новый приступъ.

10. Взятіе Мексико (1521 г. 13-го августа).

Испанцы потеряли 60 человѣкъ. Кортецъ заперся въ окопахъ и держался тамъ довольно долго, съ тою именно цѣлію, чтобы опровергнуть пророчество языческихъ жрецовъ, будто, въ теченіи осьми дней, истреблены будутъ всѣ Испанцы. Неимѣніе у Мексиканцевъ желѣзнаго оружія, голодъ ихъ въ столицѣ, три четверти которой были сожжены, измѣна имъ сосѣдственныхъ племенъ — все это дало возможность пятистамъ

европейскимъ искателямъ приключеній низпровергнуть обширную монархію, которая, можетъ быть, болѣе вѣка была грозою своихъ сосѣдей. Увидавъ, что нѣтъ другаго спасенія, — Гуатимоцинъ бѣжалъ; но его поймали и привели къ Кортецу. „Я дѣлалъ то, что̀ слѣдуетъ царю, сказалъ онъ съ достоинствомъ: до послѣдней крайности защищалъ мой народъ. Теперь не остается мнѣ ничего, кромѣ смерти. Возьми свой кинжалъ и порази меня въ сердце.“

Гаутимоцинъ остался въ плѣну. Вскорѣ за тѣмъ сдалась и столица. Солдаты надѣявшіеся найдти несмѣтную добычу, были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Вообразивъ, что побѣжденные, изъ мести, побросали въ озеро свои богатства, они, для разузнанія мѣстъ, гдѣ потоплено будто бы золото, имѣли жестокость подвергать пыткѣ многихъ изъ знатныхъ Мексиканцевъ. Разсказываютъ даже, что и благороднаго Гуатимоцина раздѣли, обременили оковами и, вмѣстѣ съ однимъ изъ его друзей, положили на горячіе уголья. Сознаваться ему было не въ чемъ — онъ лежалъ на угольяхъ молча, но другъ его, менѣе твердый, стеня и изгибаясь на пламени, называлъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. „А развѣ я лежу на розахъ?“ замѣтилъ ему Гуатимоцинъ съ твердостію, достойною спартанца.

Тутъ подошелъ Кортецъ, и, устыдясь позорнаго зрѣлища, освободилъ страдальцевъ.

11. Смерть Кортеца (2 декабря 1547 г.)

И такъ завоеватель Мексики счастливо достигнулъ своей цѣли. Но врагъ его, Веласкецъ, не замедлилъ возбудить противъ Кортеца гнѣвъ короля Карла V. Лишь только совершилось завоеваніе Мексики, явился туда съ обширными полномочіями королевскій коммисаръ *донъ Тапія*. Ему было приказано арестовать Кортеца, отобрать отъ него все имущество и подвергнуть суду его дѣйствія.

Кортецъ, съ перваго же взгляда, смекнулъ, что донъ Тапія — глупъ. И онъ представился ему въ высшей степени почтительнымъ, говорилъ о королѣ съ благоговѣніемъ, а всѣмъ этимъ сбилъ съ толку донъ Тапію, такъ что добрякъ этотъ не зналъ, какъ и взяться ему за дѣло, а наконецъ—удалился. Тогда Кортецъ самъ обратился къ королю, съ правди-

вымъ разсказомъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и кстати съ богатымъ подаркомъ; онъ просилъ себѣ при этомъ, заслуженнаго имъ мѣста намѣстника. Карлъ V, самъ предпріимчивый воинъ, пришелъ въ восторгъ отъ подвиговъ Кортеца и согласился на его просьбу.

Кортецъ обстроилъ снова Мексико, раздѣлилъ земли и сталъ дѣлать развѣдки въ золотоносныхъ копяхъ. Индійцы были подѣлены, какъ вещи, между Испанцами — и принуждены исполнять въ золотыхъ рудникахъ тяжкую работу невольниковъ. Отъ этой работы они быстро умирали. Трупы бездыханныхъ Мексиканцевъ лежали сотнями у входа въ каждый рудникъ и заражали воздухъ; а межъ тѣмъ, ястреба стаями слѣтались на обильную добычу, такъ что издали земля казалась тутъ подернутою чернымъ сукномъ. Всякое покушеніе порабощенныхъ Индійцевъ возвратить себѣ человѣческія права ставилось имъ въ тягчайшее преступленіе и наказывалось ужасно. Въ одной провинціи были сожжены разомъ 60 касиковъ и 400 благородныхъ Мексиканцевъ; женъ ихъ и дѣтей принудили присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. По самому легкому подозрѣнію, повѣсили благороднаго Гуатимоцина, а съ нимъ вмѣстѣ касиковъ, Тацевко и Табуки, нѣкогда столь преданныхъ Испанцамъ и помогавшихъ Кортецу въ завоеваніи Мексико.

Однако, устройство Мексики было предоставлено не одному Кортецу. Ему придали изъ Испаніи цѣлую правительственную коммиссію, съ которой независимый и властолюбивый Кортецъ никакъ не могъ ужиться. Начались снова жалобы, клеветы, интриги при дворѣ; безпрестанно являлись въ Мексику новые коммисары, требовавшіе къ суду намѣстника. Слишкомъ гордый, чтобы подвергнуть себя постыдному допросу въ странѣ, гдѣ онъ такъ прославился, Кортецъ предпочелъ лично представиться королю. Съ пышностію, приличною его сану, окруженный свитой мексиканскихъ дворянъ, онъ явился въ Испанію въ 1528 г. Карлъ припринялъ его съ отличіемъ и осыпалъ почестями; но не рѣшился предоставить ему всю власть. Онъ подчинилъ гражданское управленіе Мексикою особой коллегіи, Кортецу же поручилъ только военную часть и заботы о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ.

Разстроенный возвратился Кортецъ въ Мексику и старался разсѣяться новыми походами. Послѣ безконечныхъ трудовъ, въ 1536 г., открылъ онъ большой полуостровъ *Калифорнію* и осмотрѣлъ большую часть за-

лива, отдѣляющаго этотъ полуостровъ отъ твердой земли. Въ 1540 г., онъ отправился опять въ Испанію, но встрѣтилъ при дворѣ совсѣмъ иной пріемъ. Король Филиппъ, повидимому, и знать ничего не хотѣлъ про его заслуги; любимцы же и министры короля отдѣлывались отъ него только вѣжливыми рѣчами. Фернандо Кортецъ умеръ 62 лѣтъ отъ роду, сѣтуя, какъ Колумбъ, на неблагодарность своего государя.

ПОРТУГАЛЬЦЫ ВЪ ОСТЪ-ИНДІИ.

1. Эдуардо Пахеко Перейра.

Пока Испанцы дѣлали, съ такими усиліями, завоеванія въ Америкѣ, Португальцы не оставались праздными въ Остъ-Индіи. Кабраль нашелъ слишкомъ значительными силы калькуттскаго Заморина и вліяніе торговавшихъ въ его государствѣ магометанъ; поэтому, королю Эммануилу оставалось или отказаться отъ торговли съ Остъ-Индіею, или послать туда военную силу, которая могла бы помѣриться съ Заморином и его магометанами. Онъ избралъ послѣднее. Въ мартѣ 1502 г. онъ послалъ въ Остъ-Индію доблестнаго Васко де Гаму съ 20 судами, съ которыми адмиралъ надѣялся внушить уваженіе и страхъ къ себѣ и къ португальскому имени. Васко де Гама на цѣлый день обложилъ самую столицу Заморина и захватилъ нѣсколько сарацинскихъ судовъ. Вполнѣ вознагражденный за путешествіе найденною на судахъ этихъ богатою добычею золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, онъ возвратился въ Лиссабонъ, куда и прибылъ 1 сентября 1503 г.

По возвращеніи его, король отправилъ въ Остъ-Индію другіе два небольшіе флота. Они нашли калькуттскаго Заморина занятымъ карою владѣтеля *Кохима* за преданность его къ Португальцамъ. Заморинъ уже изгналъ его изъ владѣній, когда подоспѣли Португальцы и принудили Заморина удалиться. Владѣтель Кохима получилъ обратно свою страну. Изъ благодарности, онъ дозволилъ Португальцамъ построить деревянную крѣпостцу на берегу и то было первое поселеніе Португальцевъ въ Остъ-Индіи. Нагрузивъ оба флота богатствами Индіи, Португальцы задумали возвратиться, но что̀ станется изъ ихъ крѣпостцы? На защиту ея, остав-

ленъ былъ съ двумя судами и 150 человѣками экипажа, человѣкъ, одаренный геройскимъ духомъ,—*Эдуардо Пахеко Перейра.* Съ скудными средствами своими, онъ совершилъ подвиги, которые доходятъ до чудеснаго.

Едва отплыли оба флота, какъ калькуттскій Замtorинъ пошелъ опять на владѣтеля Кохима со всѣми сухопутными и морскими своими силами. Прежде всего Заморинъ увидалъ крѣпостцу и при ней два небольшихъ корабля съ горстью людей. Заморинъ имѣлъ и огнестрѣльныя орудія, которыми снабдили его магометане, и 50,000 воиновъ. Силы были неровныя! Но Перейра былъ изворотливъ; онъ дѣлалъ нападенія, когда непріятель всего меньше могъ ожидать ихъ; онъ располагалъ войска свои такъ искусно, что они всегда и со всѣхъ сторонъ были прикрыты отъ нападенія, онъ такъ храбро бился, что войска Заморина не могли и подступить къ нему близко. Португальцы гораздо вѣрнѣе стрѣляли изъ пушекъ, чѣмъ непривычные къ этому дѣлу враги. Но все же удивительно, какъ могъ Перейра продержаться цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Наконецъ пришла къ нему помощь изъ Португаліи. Подвиги Перейры возбуждали такое удивленіе, что когда воротился въ Лиссабонъ, его встрѣтили съ громкими кликами восторга и, въ торжественной процессіи, повели въ соборъ, гдѣ епископъ сказалъ ему похвальную рѣчь.

Перейра принадлежалъ къ числу безкорыстныхъ героевъ, которые довольствуются одною славою. Онъ отказался принять отъ благодарнаго владѣтеля Кохима значительный подарокъ и просилъ только дать письменное свидѣтельство о совершенныхъ имъ подвигахъ. Король португальскій далъ ему мѣсто комменданта въ Гвинеѣ, но вскорѣ внялъ навѣтамъ враговъ Перейры и приказалъ наложить на него оковы. Когда невинность Перейры была доказана, ему возвратили свободу, но никто и не подумалъ наградить его за прежніе подвиги.

2. Франческо Альмейда.

Какъ ни мала была деревянная крѣпостца Перейры, однако Португальцы утвердились съ нею но почвѣ Остъ-Индіи и задумали распространить тамъ свою власть. Первый затѣмъ снаряженный ими флотъ состоялъ уже изъ 36 кораблей; онъ назначенъ былъ именно для прикры-

тія новыхъ поселеній. Начальникъ флота, донъ *Франческо де Альмейда*, первый получилъ титулъ вице-короля Остъ-Индіи и принесъ честь занимаемой имъ должности. Поступалъ онъ такъ, какъ будто принадлежала ему вся Индія и дѣлалъ все, чтобы дѣйствительно того достигнуть: онъ построилъ нѣсколько крѣпостей, установилъ цѣну товарамъ (таксу), учредилъ рынки, съ которыхъ совсѣмъ прогналъ магометанъ. Не довольствуясь Малабарскимъ Берегомъ, онъ въ 1506 г. отплылъ на *Цейлонъ*, устроилъ торговый союзъ между этимъ плодороднымъ, богатымъ островомъ и Португагаліею. Главнымъ планомъ его было совершенно овладѣть моремъ; поэтому, онъ пытался запереть Аравійскій и Персидскій заливы. Тогда вооружились магометане, а особенно султанъ египетскій, съ которымъ вступили въ союзъ и Венеціяне: ибо Португальцы всѣмъ имъ приносили убытки. Но они опоздали; Португальцы прочно основали власть свою въ Остъ-Индіи.

3. Альфонсо Альбукерке.

Преемникомъ храбраго Альмейды въ достоинствѣ вице-короля былъ *Альфонсо Альбукерке*, человѣкъ необыкновенный, котораго можно причислить къ величайшимъ героямъ его вѣка. Онъ поставилъ на самую высшую ступень значеніе Португаліи. Прежде своего назначенія вице-королемъ, онъ командовалъ небольшою эскадрой, съ которой долженъ былъ прогнать магометанъ изъ Аравійскаго и Персидскаго заливовъ. Но онъ сдѣлалъ гораздо важнѣйшее дѣло,—отнялъ у нихъ островъ Ормусъ, складочное мѣсто персидской, аравійской и египетской торговли. Прежній король этого острова платилъ дань шаху персидскому; какъ только пріѣхали къ королю послы отъ шаха, онъ отослалъ ихъ къ Португальцамъ. Альбукерке далъ имъ мечей и пуль, объявивъ, что вотъ такою-то монетою Португальцы имѣютъ обычай платить дань. Онъ уже построилъ на береговой косѣ фортъ, изъ котораго можно было обстрѣливать обѣ превосходныя гавани острова, когда завистливые соотечественники отозвали его, и онъ былъ принужденъ оставить магометанамъ все свое завоеваніе. Но передъ отъѣздомъ онъ поклялся не прежде обрить себѣ бороду, пока не возьметъ Ормуса.

Назначенный, вскорѣ послѣ того, вице-королемъ, что развязало ему руки, онъ предался самымъ обширнымъ планамъ для основанія неограниченной власти надъ моремъ и надъ всѣми путями въ Остъ-Индію. Прежде всего онъ подумалъ объ удобномъ сосредоточіи для этой власти—и избралъ *Гою*. Кохимъ, гдѣ Португальцы основали первую свою колонію, далеко не имѣлъ такого выгоднаго положенія для торговли, а Калькутту, казалось, скорѣй надо было совсѣмъ истребить, чѣмъ завоевывать съ вышеозначенной цѣлью. Что Гоя имѣла уже законнаго владѣльца—она принадлежала царю *Деккана*—это, конечно, не было принято въ соображеніе. При второмъ нападеніи, Альбукерке взялъ этотъ городъ, въ 1510 г., сдѣлалъ изъ него столицу португальской Индіи и превосходную гавань ея снабдилъ грозными укрѣпленіями. Съ той поры, униженно стали заискивать милости Португальцевъ мелкіе царьки Индіи и сама упорная Калькутта признала въ 1514 г. верховную власть португальскаго короля.

Изъ Гои Альбукерке сталъ распространять власть свою все далѣе и далѣе. Онъ упрочилъ вполнѣ за собою торговлю на Цейлонѣ; потомъ выступилъ въ походъ противъ *Малакки* и завоевалъ ее, въ 1511 г., послѣ жаркой битвы, въ которой, со шпагой въ рукѣ, лично участвовалъ онъ при взятіи приступомъ моста. Онъ пріобрѣлъ здѣсь несмѣтную добычу, построилъ крѣпость и принималъ тамъ пословъ изъ *Сіама*, *Пегу*, *Явы и Суматры*, владѣтели которыхъ всѣ заискивали его дружбы. Часть флота проникла еще дальше и завоевала мѣсторожденіе самыхъ высокихъ сортовъ пряностей—*Молуккскіе острова*. Всѣ эти страны богатой Индіи были густо населены дѣятельнымъ народомъ, который, хоть и сохранялъ много слѣдовъ прежняго образованія, но, подъ гнетомъ деспотическаго правленія, упалъ духомъ и изнемогъ.

Тогда Альбукерке возвратился къ прежнему плану,— къ завладѣнію Ормусомъ, и къ закрытію черезъ это магометанамъ путей въ Индію. Между тѣмъ бѣлоснѣжная борода его отросла до самаго пояса. Въ 1515 г. онъ приступилъ къ городу; Португальцы совершили чудеса храбрости и взяли городъ приступомъ. Это завоеваніе заключило цѣлый рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ героемъ въ столь короткое время; передъ самымъ отплытіемъ въ Гою, онъ получилъ отъ своего короля отставку. Ударъ этотъ еще не столько бы поразилъ его, еслибъ не

былъ назначенъ въ преемники ему человѣкъ, котораго самъ онъ нѣкогда прогналъ за наказаніе въ Португалію. Это извѣстіе было смертельнымъ ударомъ для него, и такъ уже изнуреннаго опасной болѣзнію. Дрожащею рукою написалъ онъ съ корабля къ королю: „Государь! Вотъ послѣднее письмо, которое я, въ судорогахъ смерти, пишу вашему высочеству послѣ стольких писемъ, писанныхъ мною къ вамъ въ то время, когда я былъ еще полонъ жизненныхъ силъ! До послѣдней минуты я ревностно и по доброй волѣ посвящалъ жизнь мою на служеніе вамъ. Я имѣю въ королевствѣ сына, Блаза Альбукерке. Умоляю ваше высочество доставить ему то значеніе, какое подобаетъ ему по моимъ заслугамъ. Что́ же касается Индіи, она сама будетъ говорить за себя и за меня." Альбукерке очень желалъ взглянуть въ послѣдній разъ на Гою; онъ увидалъ ее—и скончался не задолго передъ тѣмъ, какъ корабль его вошелъ въ гавань (1515). Солдаты потеряли въ немъ отца; жители покоренныхъ городовъ обязаны были ему введеніемъ хорошаго административнаго устройства и улучшеніями въ законодательствѣ; побѣжденные народы съ благодарностію прославляли его человѣколюбіе и умѣренность. Мало можно встрѣтить въ исторіи героевъ подобныхъ Альбукерку, героевъ соединявшихъ въ себѣ силу воли съ сердечной добротою. Много лѣтъ послѣ его смерти, пожелали перенести прахъ его въ Лиссабонъ; но жители Гои долго сопротивлялись этому и только папская булла могла убѣдить ихъ выдать останки великаго намѣстника.

ИСПАНЦЫ ВЪ ПЕРУ (1526 г.).

1. Пизарро.

Со времени удалыхъ походовъ Бальбоа, глаза всѣхъ охотниковъ до золота устремлены были на страну, гдѣ, по рѣчамъ Индійцевъ, — мѣсторожденіе этого металла. Недостойный убійца Бальбоа, Педрарія, былъ слишкомъ труслив, чтобъ отважиться на какое-либо предпріятіе, и слишкомъ завистливъ, чтобъ пособить въ немъ другимъ. Такъ оставались тщетными всѣ попытки, пока не вызвались трое искателей приключеній на собственный счетъ предпринять поѣздку въ желанную страну. Этому уже не могъ препятствовать намѣстникъ,

Первый изъ трехъ, которому суждено было исполнить великiе, блистательные, достойные Александра Великаго, подвиги, былъ прежде бѣднымъ свинопасомъ; онъ назывался *Франческо Пизарро*. Побочный сынъ жестокосердаго дворянина и дѣвушки-простолюдинки, онъ рано былъ отданъ въ чужiе люди. Въ борьбѣ съ суровой судьбою не приучился онъ съ малолѣтства къ тѣмъ нѣжнымъ, общительнымъ чувствамъ, которыя легко усвоиваются дѣтьми, вступающими въ жизнь изъ хорошо-устроеннаго отеческаго дома, изъ объятiй любящей матери. Оттого во всей жизни Пизарро мы не встрѣчаемъ ни одной черты доброжелательства, вѣрной привязанности. Дѣтство провелъ онъ на пастбищахъ съ свиньями, позднѣе, увлекаемый огневымъ характеромъ, участвовалъ въ походахъ въ Италiю, а потомъ—въ путешествiяхъ въ Америку, гдѣ познакомился съ Кортецомъ и съ Бальбоа. Послѣдняго онъ сопровождалъ во всѣхъ походахъ и уже въ то время представилъ много доказательствъ мужества и разума.

Не много меньше дарованiй, но гораздо больше добродушiя имѣлъ товарищъ его по оружiю, *Дiэго дель Альмагро*, человѣкъ, не знавшiй даже кто были его родители. Третiй, неразрывный ихъ товарищъ, былъ священникъ *Гернандо де Люкъ*, доставившiй на походъ деньги, которыя накопилъ онъ ростовщичествомъ; ему обѣщали первое епископство въ Перу.

Альмагро тоже употребилъ на предпрiятiе все свое имѣнiе, а Пизарро, у котораго ничего не было, вызвался принять на себя трудную должность вождя. Альмагро обязывался, отъ времени до времени, высылать ему пособiя, а добычу должны они были дѣлить поровну. Договоръ этотъ поклялись они исполнить на освященномъ агнцѣ (hostie), часть отъ котораго принялъ каждый изъ договаривающихся. Люкъ отслужилъ при этомъ обѣдню.

14-го ноября 1525 г. Пизарро отправился въ путь на одномъ кораблѣ и съ 113 человѣками экипажа. Онъ выбралъ самое неблагопрiятное время года, и въ 70 дней прошелъ едва столько разстоянiя, сколько нынѣшнiй мореходецъ можетъ пройдти въ 70 часовъ. Вообще все странствiе такъ медленно подвигалось впередъ, такъ часто принуждены были, по причинѣ больныхъ, останавливаться на маленькихъ островахъ, что, безъ сомнѣнiя, изъ этого похода ничего бы не вышло, еслибъ Аль-

магро не являлся безпрестанно съ людьми и жизненными припасами, да еслибъ самъ Пизарро не былъ одаренъ непреклоннымъ характеромъ. Предпріимчивость его возрастала по мѣрѣ увеличивавшихся затрудненій. Только въ концѣ 1526 г. достигъ онъ береговъ Перу. Но онъ нашелъ страну эту столь многолюдной, такъ хорошо обработанной, что нечего было и думать утвердиться тамъ съ небольшимъ числомъ людей. Поэтому Пизарро удовольствовался тѣмъ, что вымѣнялъ у Перувіанцевъ множество золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ за европейскія бездѣлушки, да взялъ съ собою двухъ человѣкъ изъ молодыхъ Перувіанцевъ, которыхъ хотѣлъ обучить по испански, для употребленія ихъ, впослѣдствіи, переводчиками. Такимъ образомъ, послѣ трехъ лѣтъ почти понапрасну проведенныхъ въ трудахъ, онъ возвратился въ 1527 г. въ Панаму.

Не добившись отъ намѣстника никакого пособія, Пизарро отправился прямо въ Испанію, явился къ королю Карлу и представилъ ему живую картину претерпѣнныхъ имъ бѣдствій и несмѣтныхъ богатствъ Перу. Король, которому стоило только дать Пизарро титулъ, назначилъ его намѣстникомъ странъ, какія онъ завоюетъ, и уполномочилъ выбирать самому своихъ офицеровъ и прочихъ должностныхъ лицъ. Взамѣнъ того Пизарро съ товарищами своими принималъ на свой счетъ всѣ издержки предпріятія. Кортецъ, находившійся на ту пору въ Испаніи, лишь только услыхалъ о предпріятіи стараго товарища по оружію, — тотчасъ же ссудилъ его значительною суммою денегъ и далъ ему хорошіе совѣты.

Въ 1529 г., Пизарро отправился въ путешествіе на трехъ корабляхъ съ 180 человѣками экипажа. На тринадцатый день онъ присталъ къ берегамъ Перу. Въ надеждѣ на свои пушки и мушкеты да на 36 лошадей, которыя должны были показаться для туземцевъ диковиннымъ явленіемъ, Пизарро нисколько не воспользовался мудрыми совѣтами Кортеца, а напротивъ, подобно хищному звѣрю, накинулся на робкія толпы жителей. Индійцевъ разогнали, а при грабежѣ ихъ хижинъ нашли несмѣтное количество золота. Когда разнеслась молва объ этой добычѣ, Альмагро было легко набрать въ Панамѣ множество свѣжихъ рекрутовъ и выслать ихъ Пизарро. Первая колонія, названная Сан-Мигуэлемъ, была основана при рѣкѣ Піурѣ.

При буйномъ неразуміи, съ какимъ велъ дѣла Пизарро, невозможно было бы ему, въ столь короткое время съ нѣсколькими сотнями войска завоевать многолюдную страну, простиравшуюся на 300 миль вдоль по берегу моря,—еслибъ въ то самое время внутреннія распри не раздирали Перувіанской монархіи. Не задолго до прибытія Испанцевъ, умеръ *Инка* или король (называвшійся также *сыномъ солнца*), по имени *Гуана Капакъ*. Король этотъ былъ весьма воинственъ, онъ завоевалъ сосѣдственное государство *Квито* и женился на дочери короля этого государства. Но послѣдній поступокъ не былъ законнымъ, потому что Гуана-Капакъ имѣлъ уже жену. Отъ первой жены былъ у него сынъ *Гуаскаръ*, отъ второй — другой сынъ, *Атагуальпа*. По волѣ отца они должны были подѣлить между собою оставленныя имъ владѣнія; но Гуаскаръ не захотѣлъ дѣлиться — и несчастное государство терзалось междуусобной войною. Атагуальпа, имѣвшій въ распоряженіи войска своего отца, взялъ въ плѣнъ своднаго брата и умертвилъ всѣхъ остальныхъ потомковъ рода Инковъ.

По милости этого раздора, Пизарро могъ проникнуть въ самую глубь страны не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Услыхавъ о прибытіи иностранцевъ, Гуаскаръ тотчасъ отправилъ пословъ къ нимъ съ просьбою о помощи. Атагуальпа, которому такое дѣло не слишкомъ понравилось, тоже послалъ гонцовъ къ Пизарро, и старался пріобрѣсти его дружбу богатыми подарками. Пизарро приказалъ отвѣтить Атагуальпѣ, что готовъ помочь ему, лишь бы только сначала переговорить съ нимъ лично, такъ какъ онъ—посланникъ великаго короля и имѣетъ открыть Атагуальпѣ важныя вещи. Между-тѣмъ Пизарро отправился самъ на встрѣчу королю въ *Капамалку*, перувіанское мѣстечко, гдѣ нашелъ нѣсколько каменныхъ зданій странной постройки: то былъ и храмъ солнца и дворецъ. Пизарро легко превратилъ въ бастіоны эти крѣпкія каменныя груды, окопалъ ихъ рвами и поставилъ передъ входомъ двѣ пушки.

2. Атагуальпа въ плѣну (1532 г.).

Пизарро ставилъ себѣ образцомъ Кортеца; онъ страстно желалъ подражать ему во взятіи въ плѣнъ Монтецумы, а добродушная довѣрчивость Инки чрезвычайно облегчила исполненіе этого замысла.

Получивъ дружеское приглашеніе, Инка обѣщалъ посѣтить Пизарро и, дѣйствительно, явился къ нему съ такою пышностію, окруженный такимъ благоустроеннымъ, изящно одѣтымъ придворнымъ штатомъ, что Испанцы не могли смотрѣть на него безъ удивленія. Все, что говорилъ Инка, было весьма разумно; другъ человѣчества порадовался бы, глядя на этихъ достойныхъ полудикарей. Но Пизарро думалъ только о золотѣ; — могъ ли онъ уважать *язычника* Атагуальпу? Тутъ произошла одна изъ самыхъ отвратительныхъ сценъ, какая только извѣстна въ исторіи.

Священникъ при отрядѣ Пизарро, ***Винкентій Валаверда*** выступилъ впередъ и на испанскомъ языкѣ началъ говорить Инкѣ странную рѣчь, въ которой разсказалъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о вочеловѣченіи, страданіяхъ и воскресеніи Христа, далѣе о назначеніи св. Петра въ намѣстники Іисусу Христу, о папѣ и проч.; затѣмъ потребовалъ, чтобы Инка обратился въ христіанскую вѣру и покорился папѣ и королю испанскому; а въ заключеніе, угрожалъ ему страшнѣйшими наказаніями въ случаѣ отказа.

Не возможно было ясно передать все это Инкѣ на перувіанскомъ нарѣчіи. Однако, на все, что могъ понять изъ неразумной рѣчи, Инка отвѣчалъ умно и умѣренно. Патеръ, по глупости своей, пришелъ въ величайшую ярость и, безпрестанно ударяя по часослову, восклицалъ: „Здѣсь сказано! здѣсь сказано!“ Инка спокойно взялъ книгу и, незнакомый съ европейскими письменами, приложилъ ее къ уху: „Молчитъ, сказалъ онъ: ничего мнѣ не говоритъ!“ и равнодушно бросилъ книгу на землю. „Ахъ, проклятый язычникъ! воскликнулъ попъ: такъ-то кощунствуешь ты надъ Словомъ Божіимъ! Видѣли ли вы, христіане? Къ оружію! Къ оружію! Отомстите безбожнымъ собакамъ за оскорбленіе святыни!“ Пизарро подалъ знакъ, и въ одно мгновеніе обнажились мечи; Перувіанцевъ, стоявшихъ возлѣ Инки, изрубили; самого же Инку увлекъ за собою Пизарро. Между тѣмъ за воротами палили пушки, производя ужасъ и смятеніе не столько смертоносными своимъ дѣйствіемъ, сколько внезапными вспышками огня и страшнымъ громомъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разогнали войско въ 30,000 чел., стоявшее въ долинѣ, — какъ ударъ рукою по столу разгоняетъ кучу мухъ. Но фанатизмъ Испанцевъ не удовольствовался этимъ торжествомъ. Конница сѣла на лошадей,

преслѣдовала бѣглецовъ и рубила Индійцевъ,—пока не смерклось. Считаютъ, что въ этотъ день было убито до 4000 Перувіанцевъ. Добыча золотомъ и серебромъ была несмѣтна.

3. Смерть Атагуальпы (1533).

Несчастный Инка послѣ первыхъ минутъ изумленія, тупаго безпамятства, когда опомнился — съ неописаннымъ ужасомъ, увидалъ себя безъ друзей, въ кругу грозныхъ иноземцевъ, которые тѣшились его жалкимъ видомъ. Инка плакалъ, трепеталъ, не зналъ, что́ дѣлать, что́ сказать. Но увидавъ, съ какою алчностію роются Испанцы въ награбленномъ ими золотѣ, онъ вызвался, если отпустятъ его на свободу, доставить имъ полную комнату, — поколь можно достать рукою, — этого *украшенія*, ибо желтый металъ не имѣлъ для него другой цѣны. Испанцы оцѣпенѣли отъ радости при этомъ предложеніи. Пизарро поймалъ Атагуальпу на словѣ, провелъ на данной высотѣ черную черту по всѣмъ четыремъ стѣнамъ комнаты, имѣвшей 22 фута въ длину и 16 футовъ въ ширину, и, съ своей стороны, далъ слово выпустить его на свободу если онъ исполнитъ обѣщаніе.

Перувіанцамъ, опомнившимся послѣ перваго страха, легко было бы одолѣть малочисленныхъ Испанцевъ, но любовь къ плѣнному Инкѣ не дозволила имъ раздражать грозныхъ враговъ. Они поспѣшили сносить къ нимъ изъ домовъ и храмовъ всей обширной монархіи золотые сосуды; каждодневно приходили съ своими сокровищами люди изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. *Гуаскаръ*, все еще содержавшійся въ плѣну у приверженцевъ Атагуальпы, лишь услыхалъ о всемъ этомъ, сталъ предлагать Пизарро еще больше золота, если только онъ освободитъ его. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Атагуальпа приказалъ умертвить своднаго брата. Убійство это пришлось для Пизарро какъ нельзя болѣе кстати; оно давало ему предлогъ нарушить данное слово. Когда наполнили золотомъ всю комнату до самой черты и, полный надежды, Инка ожидалъ уже получить свободу, — къ смертельному его ужасу, объявили ему, что о свободѣ нечего ему и думать.

Между тѣмъ Альмагро приводилъ другу своему рекрутовъ за рекрутами; всѣ желали служить въ Перу. Дѣйствительно, исторія не предста-

вляетъ подобнаго примѣра обогащенія солдатъ. Послѣ дѣлежа сокровищъ, на долю каждаго всадника пришлось 8000 пецовъ (въ то время *пецъ* стоилъ ровно фридрихсдоръ), на долю каждаго пѣхотинца 4000, офицеры же получили громадныя суммы. Съ казной болѣе полутора милліона талеровъ отправился въ Испанію младшій братъ Пизарро для поднесенія этихъ денегъ изумленному королю. Онъ привезъ изъ Испаніи съ собою столько искателей приключеній, что вскорѣ Перу кишѣло Испанцами, которые играли золотыми, какъ полушками, а съ Перувіанцами обращались, какъ съ домашними животными.

Плѣнный Инка былъ давно уже въ тягость для Пизарро и онъ задумалъ сбыть его съ рукъ, но въ законной формѣ, такъ чтобъ и совѣсть была спокойна, и преступленіе имѣло, въ глазахъ недальновидныхъ людей, видъ справедливости. Пизарро назначилъ день для произнесенія приговора, созвалъ адвокатовъ и писарей, велѣлъ писать протоколы, выслушать свидѣтелей и вести процессъ по всей формѣ. Пизарро и Альмагро присутствовали лично на судилищѣ. Кончилась эта комедія тѣмъ, что несчастнаго Инку, какъ похитителя престола, братоубійцу, идослужителя, многоженца и мятежника противъ испанскаго короля, присудили *къ сожженію живымъ на кострѣ*. Всѣ присутствующіе, не исключая Валаверды, подписали приговоръ, который положено было исполнить немедленно. Узнавъ объ этомъ, Инка поблѣднѣлъ отъ ужаса. Онъ умолялъ о пощадѣ, плакалъ, просилъ, чтобы отослали его въ Испанію, говорилъ, что, можетъ быть, король будетъ человѣколюбивѣе—напрасно! Пизарро приказалъ туже минуту вести его на казнь. На пути къ мѣсту казни, Валаверда подошелъ къ Инкѣ съ убѣжденіями принять христіанскую вѣру, обѣщая, въ такомъ случаѣ, что казнь будетъ смягчена. Надежда на жизнь увлекла бѣднаго Инку, онъ окрестился, и за это, за нѣсколько минутъ до сожженія—его задушили.

Многіе благородные офицеры и простолюдины отвратили взоры отъ ужаснаго зрѣлища и громко роптали на безчестіе, нанесенное испанскому имени.

4. Смерть Альмагро (1538).

Войско Пизарро росло почти съ каждымъ мѣсяцемъ; это дало ему возможность идти на *Куцко*, столицу Инковъ, и овладѣть этимъ горо-

домъ. Альмагро получилъ отъ испанскаго двора выговоренную имъ награду, которой никакъ не могъ добиться отъ Пизарро, а именно — намѣстничество на 200 милями страны, внѣ области Пизарро. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мѣстности оказалось, что Куцко принадлежитъ къ области Альмагро: изъ-за этого возникли между двумя вождями первыя несогласія. Впрочемъ, Пизарро прикинулся готовымъ на уступки; поэтому Альмагро отправился въ походъ, черезъ высокія горы, въ *Чили*: то былъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ и неблагодарныхъ походовъ, когда-либо предпринятыхъ. Альмагро нашелъ въ Чили мало золота и такой воинственный народъ, что нельзя было и думать о колонизаціи.

Тѣмъ временемъ Пизарро устроилъ правленіе въ Перу, выстроилъ настоящую столицу, нынѣшнюю Лиму (1535 г.) и, по старому, подѣлилъ между Испанцами всѣ земли и всѣхъ жителей. Многіе офицеры съ небольшими отрядами разсѣялись по окрестностямъ, частію для изученія внутренней страны, частію для отысканія золота. Этимъ воспользовался одинъ изъ оставшихся потомковъ дома Инковъ; онъ собралъ свои народы и такъ стѣснилъ въ Куцко небольшой испанскій гарнизонъ, что чуть не истребилъ его голодомъ. Но подоспѣлъ возвратившійся изъ Чили Альмагро, разбилъ Перуіанцевъ, а также полонилъ и испанскій гарнизонъ, въ числѣ котораго находились два брата Франческо Пизарро. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе причинъ требовать себѣ отъ Пизарро области, что его дикая страна не подходила ни подъ какое сравненіе съ богатымъ и прекраснымъ Перу. Взявъ силою то, что̀ ему принадлежало по праву, онъ доказалъ, что знаетъ нравъ Пизарро. Друзья совѣтовали ему даже казнить двухъ братьевъ Пизарро, такъ-какъ иначе — этотъ послѣдній можетъ предупредить его; но такой поступокъ показался Альмагро слишкомъ жестокимъ.

Это доказательство человѣколюбія послужило ему же на гибель. Одинъ изъ братьевъ Пизарро успѣлъ бѣжать, другаго самъ Пизарро предложилъ отправить посланникомъ въ Испанію, дабы король рѣшилъ споръ. Альмагро, очень желавшій уладить дѣло полюбовно, повѣрилъ хитрому пройдохѣ, который такъ часто его обманывалъ — и отпустилъ его брата. Вмѣсто того, чтобъ плыть въ Испанію, бывшій плѣнникъ подступилъ къ Куцко со всѣмъ войскомъ Пизарро, въ виду всѣхъ Перувіанцевъ,

далъ кровопролитное сраженіе больному 75-ти лѣтнему Альмагро (1538), и остался побѣдителемъ. Взявъ въ плѣнъ самаго Альмагро, онъ привезъ его въ Лиму, гдѣ мстительный Пизарро тотчасъ повелъ противъ него процессъ и, наконецъ, казнилъ какъ государственнаго преступника.

Узнавъ, черезъ друзей Альмагро, о такомъ гнусномъ злодѣяніи, король Испанскій тотчасъ отправилъ въ Перу для изслѣдованія дѣла прозорливаго *дона Христоваля Вако де Кастро*, судью въ королевскомъ вальядолидскомъ судилищѣ. Фернандо Пизарро, тотчасъ явившійся ко двору короля, не могъ даже значительнымъ подаркомъ затушить это дѣло: онъ былъ задержанъ и, вѣроятно, умеръ въ тюрьмѣ.

5. Новыя открытія.

Другой братъ, Гонзальво Пизарро, бывшій намѣстникомъ въ Квито, хотѣлъ продолжать открытія по ту сторону Андовъ. Съ 340 солдатами и 400 Индійцами, которые несли за нимъ поклажу, онъ отправился въ походъ. Роскошная растительность на влажной почвѣ ставила путникамъ препятствія на каждномъ шагу: они принуждены были пробиваться чрезъ чащу лѣсовъ и мечемъ прорубать дорогу черезъ кустарники. За лѣсами начинались болота, а болота перемѣжались громадными горами, вдвое выше европейскихъ Альпъ. При всемъ этомъ, путники находили въ этихъ дикихъ мѣстахъ мало жизненныхъ припасовъ, за то повсюду встрѣчали они множество ядовитыхъ гадовъ, — а два мѣсяца сряду шли проливные дожди. Надо было превозмогать такія трудности, о которыхъ матушкинъ сынокъ, воспитанный на пуховикахъ и въ теплыхъ хоромахъ, не можетъ составить себѣ и понятія.

Наконецъ, черезъ годъ времени, проведеннаго въ ежедневныхъ трудахъ и лишеніяхъ, стойкіе смѣльчаки пришли къ рѣкѣ, изливающейся въ Мараньонъ или въ Амазонскую рѣку. Съ большимъ трудомъ построили они барку; но въ нее могли сѣсть только 50 человѣкъ. Начальство надъ баркой получилъ нѣкто Франческо Орелано, съ порученіемъ изслѣдовать рѣку до впаденія ея въ Мараньонъ, и потомъ доставить иавѣстіе. Но Орелано, обрадовавшись возможности избавиться отъ труда пробираться черезъ лѣса и болота, уговорилъ своихъ товарищей отправиться съ нимъ въ Испанію, — единственнаго изъ нихъ, не соглашавшагося на

на такой вѣроломный поступокъ, онъ высадилъ на берегъ. Весело поплылъ Орелано внизъ по Мараньону, вымѣнилъ у дикихъ съѣстныхъ припасовъ и прибылъ на островъ *Кабагуу*, гдѣ нашелъ испанскіе корабли, которые приняли его вмѣстѣ съ товарищами. Этотъ искатель приключеній вздумалъ разсказывать разныя басни о своемъ путешествіи, такъ напримѣръ, о республикѣ амазонокъ, объ Эльдорадо, въ которомъ самыя крыши покрыты золотомъ и серебромъ и тому подобное.

Бѣдные товарищи, оставшіеся назади, дожидались его до тѣхъ поръ, пока не пробрался къ нимъ, послѣ тысячи смертельныхъ опасностей, высаженный на берегъ испанецъ. Можно вообразить себѣ ихъ ужасъ и негодованіе! Они были за 200 миль отъ Квито. Коренья, лѣсныя ягоды, потомъ собаки и лошади, а наконецъ, гады и кожи отъ сѣделъ и отъ портупей служили имъ пищей. Возвратный путь былъ еще ужаснѣе первоначальнаго похода. Всѣ 400 Индійцевъ умерли на дорогѣ, изъ испанцевъ возвратилось въ Квито только 80 человѣкъ и тѣ нагіе и какъ смерть блѣдные. Два года продолжался походъ. Сколько страданій можетъ вынести человѣкъ!

6. Смерть Пизарро (1542).

Пизарро распространилъ ненависть свою на всѣхъ друзей казненнаго Альмагро, и оставлялъ ихъ почти умирать съ голоду, между тѣмъ какъ приверженцевъ своихъ осыпалъ богатствами. Но число друзей Альмагро было такъ значительно въ одной Лимѣ, что оно могло бы сильно безпокоить тиранна, менѣе отважнаго чѣмъ Пизарро; въ гордой увѣренности на внушаемый имъ страхъ, Пизарро не слушался предостереженій друзей своихъ.

Недовольные ежедневно собирались въ домѣ молодаго Альмагро, прекраснаго и отважнаго юноши, который имѣлъ воспитателемъ очень умнаго офицера *Жуана де Герреда*. Планъ убить тиранна былъ составленъ съ чрезвычайной осторожностію. Въ одно воскресенье, во время испанской сіэсты (послѣобѣденнаго отдыха), когда улицы обыкновенно бываютъ пусты, а въ большихъ домахъ даже слуги предаются отдыху въ своихъ комнатахъ, 18 человѣкъ заговорщиковъ, съ Герредою во главѣ, выбѣжали на улицу и съ криками: „да здравствуетъ король!

смерть тирану!" устремились ко дворцу намѣстника. Пизарро только что вышелъ изъ за стола и разговаривалъ съ нѣсколькими друзьями, когда пажъ вбѣжалъ въ комнату и объявилъ объ опасности. „Запри дверь!" крикнулъ Пизарро одному офицеру; но офицеръ растерялся, — онъ вышелъ на встрѣчу приближающимся заговорщикамъ и сталъ спрашивать, что̀ имъ надобно. Отвѣтомъ ему былъ смертоносный ударъ. Заговорщики двинулись дальше; нѣкоторые изъ друзей Пизарро повыскакали изъ оконъ, другіе, вмѣстѣ съ Пизарро, удалились во внутреннія комнаты. Тамъ произошелъ жаркій бой. Старый Пизарро защищалъ входъ мечемъ и щитомъ, и сражался съ пыломъ юнаго воина. „Небойтесь, товарищи, кричалъ онъ: насъ довольно еще, чтобы наказать измѣнниковъ." Послѣ продолжительнаго боя, палъ возлѣ него сводный братъ его Алькантара, потомъ остальные сподвижники, а наконецъ и Пизарро, истощенный силами, задыхаясь отъ усталости, получилъ смертельную рану въ горло. — Смерть его достойна была жизни; не вѣдая состраданія, онъ и самъ сдѣлался жертвою дикаго насилія; никто и слезинки не проронилъ о немъ.

7. Фернандо Магелланъ (1519—1522).

Пока совершались великія дѣла въ Америкѣ, одинъ опытный мореходецъ сдѣлалъ чуть ли не больше. Проходъ въ Индію, котораго такъ давно и напрасно искали, открылъ наконецъ португалецъ Фернандо Магелланъ, который совершилъ много подвиговъ въ Остъ-Индіи, но раздраженный какими-то несправедливостями, оставилъ службу своего короля и обратился въ Испаніи. Тамъ обязался онъ Карлу V открыть путь въ Индію черезъ Америку, и получилъ флотъ изъ пяти кораблей, съ которыми отплылъ изъ Севильи 10 августа 1519 г.

Онъ имѣлъ на судахъ 234 человѣка экипажа, надъ которыми, помня печальное положеніе Колумба и Васко де Гамы, потерпѣвшихъ болѣе отъ сопротивленія своихъ людей, чѣмъ отъ бурь и волнъ, выговорилъ себѣ безусловное право жизни и смерти. Достигнувъ Канарскихъ острововъ, Магелланъ отправился на Югъ и сталъ изслѣдовать каждый заливъ на берегахъ Южной Америки. Только 12 января 1520 г. достигъ онъ устья рѣки Ла Платы. Съ той поры, пришлось ему безпрестанно бо-

роться съ непогодами и опасными подводными камнями, а достигнувъ 48-го градуса южной широты, онъ принужденъ былъ зайдти въ гавань Св. Юліана и простоять тамъ всю зиму, которая, какъ извѣстно, по ту сторону линіи, совпадаетъ съ нашими лѣтними мѣсяцами.

Тамъ мореходцы впервые познакомились съ породой людей необычайнаго роста; люди этого племени имѣли до 7-ми и болѣе футовъ, поэтому показались Испанцамъ народомъ великановъ. Лица ихъ были расписаны красной краскою, около глазъ имѣли они желтыя полосы, а на щекахъ два сердцевидныхъ пятна. Они носили мѣховыя одежды и хорошо владѣли стрѣлами и луками. Ѣли они тоже много соразмѣрно своему росту. Двухъ изъ нихъ Магелланъ взялъ въ плѣнъ, чтобы, какъ диковинку, показывать въ Европѣ; каждый изъ дикарей этихъ съѣдалъ ежедневно по корзинѣ сухарей и залпомъ выпивалъ по полу-ведру воды. Мышей они ѣли сырыхъ. Этотъ народъ исполиновъ Магелланъ назвалъ „Патагонцами.“

Но случилось и то, чего такъ давно онъ опасался. Тѣ изъ людей его, которые оставили въ Испаніи женъ и дѣтей, не видали ни какого основанія подвергаться, день за днемъ, всяческимъ опасностямъ, въ дикихъ странахъ и по бурнымъ морямъ, ради какого-нибудь искателя приключеній. Они не хотѣли идти на встрѣчу вѣрной смерти для отысканія прохода черезъ Америку. Начался страшный мятежъ, подчиненные взбунтовались противъ начальниковъ и избрали себѣ другихъ, съ которыми хотѣли возвратиться домой. Однако ловкость Магеллана и помощь, оказанная немногими матросами, оставшимися ему вѣрными, возвратили ему опять начальство: онъ приказалъ повѣсить и потомъ четвертовать мятежниковъ; одного же священника и офицера, тайно подстрекавшихъ къ бунту, высадилъ на необитаемый островъ.

Магелланъ поплылъ далѣе на Югъ, и наконецъ, близь Огненной Земли, отыскалъ желанный проходъ. Не возможно описать его радость! Впрочемъ радость эту испортила ему потеря корабля, который отправленъ былъ имъ для изслѣдованія одного залива, и не воротился. Другой корабль, еще прежде, разбился, во время бури, о скалы. Три недѣли крейссировалъ Магелланъ по извилистому и опасному пути, который и доселѣ еще носитъ его имя, и 27-го ноября 1520 г. съ такой же радостію, какъ нѣкогда Бальбоа съ вершины горы, увидалъ онъ наконецъ

Южное море, во всемъ его необъятномъ пространствѣ. Попутный вѣтеръ безостановочно благопріятствовалъ его плаванію черезъ пространный океанъ, небо во все время плаванія было постоянно ясно, что̀ и подало мысль Магеллану назвать это море *Тихимъ Океаномъ*. Три мѣсяца и двадцать дней летѣли суда, не увидавъ ни разу земли. Съѣстные припасы всѣ вышли, свѣжей воды вовсе не было, а солнечные лучи ударяли отвѣсно въ головы мореплавателей. Экипажъ заболѣлъ. Наконецъ, 6 марта 1521 г. достигли до группы островов и, со слезами радости, привѣтствовали землю. Магелланъ назвалъ острова эти los Ladrones (Разбойничьими островами), потому что нашелъ жителей склонными къ воровству, и до сихъ поръ острова носятъ это названіе. Чистая вода, обиліе освѣжительныхъ плодовъ, въ нѣсколько дней возстановили здоровье больныхъ. Особенно же полезно было для нихъ молоко кокосовыхъ орѣховъ. Съ Разбойничьихъ острововъ Магелланъ направился къ *Филиппинскимъ*—такъ онъ назвалъ ихъ, — *островамъ*. Но здѣсь экипажъ его поссорился съ дикарями; въ свалкѣ, Магелланъ получилъ рану стрѣлою, отъ которой вскорѣ и умеръ (27 апрѣля 1521 г.)

Остатокъ небольшаго его экипажа продолжалъ путь и 8 ноября достигъ большаго острова *Борнео*. Оттуда прибыли они на *Тидоръ*, одинъ изъ Молуккскихъ острововъ, гдѣ уже находились Португальцы, которые не мало дивились появленію Испанцевъ, такъ какъ съ Востока не ожидали Европейцевъ. Вскорѣ между обоими народами произошло столкновеніе: экипажъ одного очень поврежденнаго, — изъ двухъ испанскихъ кораблей, принужденъ былъ сдаться Португальцамъ. Другой же корабль наскоро взялъ пряностей съ Молуккскихъ острововъ и съ этимъ грузомъ продолжалъ путь къ мысу Доброй Надежды. Безъ дальнѣйшихъ приключеній, онъ обогнулъ мысъ и, 7-го ноября 1522 г. многострадательные путники достигли наконецъ Севилльской пристани, изъ которой отплыли пять лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ совершено было *первое кругосвѣтное путешествіе*. Многихъ трудовъ и опасностей стоило пріобрѣтеніе первыхъ познаній о нашемъ земномъ шарѣ, познаній, которыя нынѣ такъ легко получаетъ каждый ученикъ.

ГЛАВА II.

Борьба реформаціи.

I. ЕРЕТИКИ И РЕФОРМАТОРЫ ДО ЛЮТЕРА.

1. Арнольдъ Брешіанскій.

Послѣ крестовыхъ походовъ всѣ понятія сдѣлались яснѣе, мысль оживилась. Съ той поры возникъ тотъ духъ сомнѣнія, пытливости и изслѣдованія, который направился сначала противъ внѣшнихъ формъ церкви, — преобладанія духовенства и обрядности, а потомъ обратился противъ внутренняго смысла, т. е. ученія церкви. Если въ первое время и не слышно было о религіозныхъ сектахъ на Западѣ, зато, съ двѣнадцатаго и съ тринадцатаго столѣтія, стали часто появляться не только отдѣльные мыслители, но и цѣлыя секты, которыя противудѣйствовали власти папы и, для побѣды надъ нею, ссылались на первоначальное ученіе Христово, какъ изложено оно въ Евангеліи.

Однимъ изъ первыхъ реформаторовъ, ратовавшихъ съ ревностію горячей любви къ истинѣ и праву противъ папскаго престола былъ *Арнольдъ*, уроженецъ *Брешіи* въ Ломбардіи, родившійся въ началѣ 12-го столѣтія. Въ юношескіе годы, исполненный силы и пламенной любви ко всему великому, онъ учился въ Парижѣ у глубокомысленнаго *Абеларда*; ученіе это возбудило въ немъ высокія мысли,—и тѣмъ болѣе негодовалъ онъ на упадокъ церкви и ея учителя, тѣмъ яростнѣе нападалъ на нихъ, не дававшихъ мѣста медленно, но вѣрно дѣйствующей, силѣ истины.

Арнольдъ утверждалъ, что духовнымъ лицамъ не подобаетъ пользоваться ни властью, ни богатствомъ, что то и другое составляетъ принадлежность свѣтскихъ властителей, что тогда только церковь исправится, когда возвратитъ она государству свѣтскія имущества, когда духовенство займется исключительно спасеніемъ души и будетъ доволь-

ствоваться добровольными приношеніями или десятинами. Пламенныя рѣчи Арнольда сдѣлали его чрезвычайно популярнымъ въ народѣ, но и навлекли на него ненависть духовенства. Прелаты объявили ученіе его ересью; епископъ Брешіи обвинилъ Арнольда передъ папою, а Иннокентій II изгналъ его изъ Италіи (въ 1139 г.).

Арнольдъ удалился во Францію, но и тамъ не могъ долго оставаться. Онъ началъ усердно отстаивать учителя своего, Абеларда, и враги послѣдняго обратились противъ него самого, а когда, вслѣдъ затѣмъ, Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво, сталъ въ числѣ его обвинителей, папа приказалъ заключить Арнольда, какъ преступника, въ монастырь. Поспѣшнымъ бѣгствомъ онъ спасся отъ этого приговора и нашелъ убѣжище въ Цюрихѣ. Констанцкій епископъ, къ эпархіи котораго принадлежалъ Цюрихъ, дозволилъ ему тамъ оставаться и самъ легатъ папы, другъ Абеларда, оказывалъ уваженіе Арнольду. Въ Цюрихѣ Арнольдъ продолжалъ проповѣдывать, какъ нѣкогда въ Брешіи, противъ испорченности духовенсгва,—указывая и на средства къ его исправленію.

Вскорѣ Римляне возстали противъ папскаго правленія и пытались возстановить древнія римскія учрежденія. Они взяли Капитолій, избрали сенатъ и во главѣ его поставили патриція. Арнольдъ поспѣшилъ въ Римъ, и ревностно нападалъ тамъ на владычество папы. Онъ убѣдилъ Римлянъ просить нѣмецкаго короля Конрада III перевести въ Римъ столицу Имперіи. Конрадъ не обратилъ вниманія на эту просьбу, однако три послѣдующіе папы не могли возстановить спокойствія и изгнать Арнольда; онъ оставался въ Римѣ, покровительствуемый вельможами, любимый народомъ. Наконецъ папѣ Адріану IV удалось уничтожить этого врага папской власти. Однажды одинъ изъ приверженцевъ Арнольда напалъ на улицѣ на кардинала и смертельно поранилъ его; тогда Адріанъ запретилъ всякое богослуженіе въ Римѣ: перестали звонить въ колокола, служить обѣдни, принимать исповѣдь. Никогда еще надъ Римомъ не тяготѣло церковное запрещеніе,—народъ смутился, и заставилъ сенаторовъ помириться съ папою. Арнольдъ принужденъ былъ скрыться изъ Рима. Папскому легату удалось-было схватить его; но графъ Кампанія освободилъ Арнольда и отвезъ его къ себѣ въ замокъ. Вскорѣ послѣ того, прибылъ въ Италію императоръ Фридрихъ I. Онъ принудилъ графа выдать папѣ Арнольда.

Получивъ во власть свою еретика, Адріанъ тотчасъ же приказалъ его повѣсить (въ 1155). Тѣло его сожгли и пепелъ бросили въ Тибръ.

2. Петръ Вальдусъ и Вальденцы *).

Преданіе производитъ Вальденцевъ отъ основателя ихъ секты, Петра Вальдуса. По разсказамъ, жилъ въ 12-мъ столѣтіи, въ Ліонѣ, купецъ Вальдусъ, который велѣлъ перевести для себя на французскій языкъ нѣкоторыя библейскія книги, и между прочимъ Евангеліе. Чтеніе этихъ книгъ породило въ немъ убѣжденіе; что въ римской церкви не все идетъ какъ бы слѣдовало, а это убѣжденіе внушило ему мысль жить и учить, какъ жили и учили апостолы. Онъ продалъ все свое имѣніе, вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ и всенародно училъ тому, что́ самъ зналъ объ ученіи Іисуса Христа и апостоловъ. Къ нему стекалось множество мужчинъ и женщинъ, преимущественно же изъ низкаго званія: онъ посылалъ ихъ распространять Евангеліе, увѣщавать народъ къ исправленію нравовъ. Архіепископъ ліонскій запретилъ ему, какъ человѣку свѣтскаго званія, проповѣдывать и объяснять Св. Писаніе; но Петръ Вальдусъ былъ убѣжденъ, что, по словамъ Библіи, каждый братъ о Христѣ долженъ увѣщавать, предостерегать и утѣшать другихъ; онъ не послушалъ запрещенія, говоря, что Бога слѣдуетъ слушать больше, чѣмъ людей.

Быстро распространялось новое ученіе въ южной Франціи, а оттуда, черезъ Альпы, въ Италіи и, черезъ Пиринеи, въ Испаніи. Вальденцы ревностно дѣйствовали; притомъ же, притязанія и пороки римскаго духовенства производили соблазны, а Вальденцы отличались безукоризненнымъ поведеніемъ, умѣренностію и смиреніемъ. Но чѣмъ больше возрастало число ихъ, тѣмъ сильнѣе были гоненія на нихъ со стороны господствующей церкви. Въ 1184 г., папа Луцій III подвергъ ихъ церковному проклятію; въ 1199 г., Иннокентій III приказалъ епископу города Меца истребить французскій переводъ Библіи, распространенный Вальденцами. Но не помогали ни наказанія, ни проклятія, — и Иннокентій устроилъ крестовый походъ на еретиковъ. Война была кровопролитна; два могущественные графа: Тулузскій и де — Фоа приняли сторону

*) Названные также „Альбигойцами“, отъ города Альби, въ южной Франціи.

Вальденцевъ. Въ 1209 г., войско крестоносцевъ взяло приступомъ городъ Безьеръ, сожгло въ церкви 4000 человѣкъ и посѣкло мечемъ 20,000. Въ этой бойнѣ подвергались смерти и вѣрующіе и еретики. „Бейте, бейте! кричалъ одинъ аббатъ: Господь разберетъ тамъ своихъ!" Каркассона сдалась на договоръ, и, не смотря на то, жители принуждены были выйдти изъ города босикомъ, въ однихъ рубашкахъ, оставивъ побѣдителямъ все свое имущество. Нѣкоторые изъ Вальденцевъ, по разсказамъ, переселились въ Богемію и Моравію.

3. Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

1.

Іоаннъ Гусъ родился, въ 1373 г., въ мѣстечкѣ Гусинецѣ, въ южной Богеміи, и получилъ образованіе въ Пражскомъ университетѣ. Тамъ сдѣланъ былъ онъ магистромъ свободныхъ искусствъ, потомъ публичнымъ преподавателемъ, а съ 1402 г.,—священникомъ Виѳлеемской церкви и духовникомъ Софіи, супруги короля Венцеслава. Задушевнымъ другомъ Гуса былъ богемскій дворянинъ Іеронимъ Фаульфишь, обыкновенно называемый *Іеронимомъ Пражскимъ*. Изъ любви къ наукѣ, Іеронимъ посѣтилъ нѣсколько университетовъ, между прочими и Оксфордскій, гдѣ познакомился съ ученіемъ *Виклефа*, направленнымъ тоже противъ власти папы. По возвращеніи на родину, и онъ получилъ мѣсто преподавателя при Пражскомъ университетѣ.

Прочитавъ сочиненія Виклефа, Гусъ пришелъ въ такой восторгъ отъ его ученія, что не только сталъ рекомендовать его у себя на лекціяхъ, распространять переводами, но и самъ сталъ ратовать въ проповѣдяхъ противъ испорченности и злоупотребленій господствующей церкви. Подобно Арнольду Брешіанскому, онъ училъ, что было бы весьма полезно ограничить доходы духовенства, а подобно Виклефу, утверждалъ, что всѣ епископы и священники—такіе же преемники апостоловъ, какъ папа и кардиналы, что не папа, а Іисусъ Христосъ—глава церкви, и что христіанскія вѣрованія слѣдуетъ, почерпать изъ Библіи.

Эти мнѣнія возбудили противъ Гуса сильную вражду. По наущенію Пражскаго епископа, сожгли публично сочиненія Виклефа, и самому Гусу

запретили говорить проповѣди. Но онъ продолжалъ проповѣдывать и папа позвалъ его на судъ къ себѣ, въ Римъ. Король Венцеславъ, супруга его и многіе изъ богемскихъ вельможъ заступились за Гуса и не допустили его лично явиться въ Римъ. Гусъ пошелъ далѣе,—онъ возсталъ противъ отпущенія грѣховъ, дарованнаго папою всѣмъ принявшимъ участіе въ войнѣ его съ королемъ Неополитанскимъ: тогда папа изрекъ анаѳему противъ него и наложилъ запрещеніе на городъ Прагу, дотолѣ пока Гусъ въ немъ останется. Гусъ принужденъ былъ покинуть городъ и скрыться въ родномъ своемъ Гусинецѣ. Но и оттуда продолжалъ онъ проповѣдывать противъ папы, и за приговоръ его аппелировать ко Христу, какъ истинному главѣ церкви. Партія его въ скоромъ времени восторжествовала въ Прагѣ и, въ августѣ 1414 г., онъ уже возвратился въ университетъ.

2.

Между тѣмъ, созванъ былъ церковный соборъ въ Костницѣ или Констанцѣ. Императоръ Сигизмундъ требовалъ, чтобъ и Гусъ явился на соборъ и далъ отвѣтъ за свое ученіе. Соборъ былъ созванъ съ цѣлью предпринять *реформацію* или улучшеніе церкви „во главѣ ея и въ членахъ;“ Гусъ сознавалъ, что ратовалъ не противъ христіанскаго исповѣданія, а только противъ злоупотребленій церковныхъ. Въ Богеміи замолкли всякія на него обвиненія; даже новый епископъ Пражскій, даже судья еретиковъ, Николай Назаретскій, дали ему письменное свидѣтельство, что въ ученіи его нѣтъ никакой ереси. Итакъ, Гусъ рѣшился ѣхать на соборъ, тѣмъ болѣе, что и императоръ Сигизмундъ далъ ему царское свое слово. Не смотря па то, мрачныя предчувствія проникали въ душу Гуса. Въ прощальномъ письмѣ къ Богемцамъ онъ упоминаетъ о могущественныхъ врагахъ, которыхъ встрѣтитъ въ Констанцѣ, и проситъ друзей молить Бога, чтобы помогъ Онъ ему, безъ вреда для совѣсти, возвратиться въ Богемію, или же, по примѣру Спасителя, твердо встрѣтить смерть.

Гусъ отправился въ путь 11 октября съ тремя знатными дворянами, которыхъ Венцеславъ далъ ему въ провожатые. Въ Нюренбергѣ, онъ получилъ охранную грамоту отъ императора, и, 3 ноября, прибылъ въ

Констанцъ. Тамъ и папа Іоаннъ XXIII обѣщалъ ему безопасность и помощь, даже снялъ съ него анаѳему. Но ничто не могло склонить Гуса къ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Онъ и въ Констанцѣ проповѣдывалъ тоже ученіе. Тогда взяли его подъ стражу: несмотря на возраженіе императора, присутствовавшіе въ Констанцѣ прелаты доказывали, что не слѣдуетъ держать слова даннаго еретиту.

Вскорѣ послѣ ареста, Гуса привели изъ темницы въ собраніе. Прелаты объявили ученіе его еретическимъ и нѣсколько разъ требовали, чтобъ онъ отрекся отъ него. Но Гусъ съ твердостію, возражалъ имъ, объявляя, что только тогда отречется, когда представятъ ему изъ св. Писанія доказательства его заблужденій. И въ торжественномъ собраніи, гдѣ принималъ также участіе императоръ Сигизмундъ, Гуса приговорили, какъ еретика, къ сожженію. Передъ городскими воротами, былъ воздвигнутъ костеръ; съ твердостію, спокойствіемъ, не переставая молиться, приблизился Гусъ къ мѣсту казни. Сняли съ него священническое облаченіе, а на голову надѣли остроконечный, бумажный колпакъ съ изображеніемъ трехъ чертей. Гусъ вспомнилъ при этомъ о Христѣ, Которому враги его надѣли, въ насмѣшку, терновый вѣнецъ на голову. Епископы произнесли: „Мы передаемъ душу твою діаволу.“ Гусъ же отвѣтилъ, какъ нѣкогда первомученикъ Стефанъ: „Вручаю душу мою Господу Іисусу Христу.“ Увидавъ поселянина, съ большимъ усердіемъ притащившаго вязанку дровъ для костра, на которомъ будутъ жечь еретика, Гусъ тихо улыбнулся и молвилъ: „О, святая простота!“ Моляся, вошелъ онъ на костеръ и не переставалъ молиться, пока пламя не заглушило его голоса. Пепелъ его бросили въ Рейнъ.

3.

Черезъ годъ, такою же мученическою смертію казнили друга Гуса, Іеронима Пражскаго. Не призванный никѣмъ на соборъ, онъ, по первому извѣстію объ арестованіи Гуса, поспѣшилъ въ Констанцъ на выручку друга. Напрасно искалъ онъ для него защиты на соборѣ; на него самого смотрѣли, какъ на еретика. Наконецъ, онъ бѣжалъ въ Богемію; на пути его схватили и, обремененнаго цѣпями, привезли въ Констанцъ. Пока еще живъ былъ Гусъ,—не приступали къ рѣшенію участи Іеронима. Но

при вѣсти о казни Гуса, Богемцы взволновались, представили собору горькіе упреки, потребовали освобожденія Іеронима: тогда приступлено было къ пересмотру его дѣла. Прелаты думали принудить къ молчанію Богемцевъ, заставивъ друга Гуса проклясть его ученіе. Употребили всѣ средства, чтобы склонить Іеронима къ отреченію отъ этого ученія. Сначала Іеронимъ поддался внушеніямъ и обѣщаніямъ собора. 11 сентября 1415 г., онъ публично проклялъ положенія Гуса и Виклефа, а 23 сентября еще опредѣленнѣе подтвердилъ отреченіе, прибавивъ, что дѣлаетъ его добровольно и непринужденно. Однако, онъ ошибся,—отверженіемъ своихъ убѣжденій не спасъ онъ себѣ жизни и свободы: его оставили въ темницѣ, а враги его по-прежнему хлопотали о казни. Тогда воскресла въ немъ любовь къ истинѣ и побѣдила страхъ смерти. 23-го мая, Іеронимъ долженъ былъ опять явиться передъ судьями, чтобы повторить отреченіе отъ мнѣній Гуса,—и тутъ возстали всѣ лучшія силы души его. Въ пламенной рѣчи, онъ объявилъ, что только страхъ передъ костромъ исторгъ у него отреченіе, что онъ стыдится этого грѣха, святыми и истинными признаетъ ученія Виклефа и друга своего Гуса. Послѣ такой исповѣди, отцы собора не стали медлить произнесеніемъ надъ Іеронимомъ смертнаго приговора. 30 мая 1416 г., онъ принялъ смерть на кострѣ съ твердостію, которой удивлялись даже враги его. Настойчиво требовалъ онъ, чтобы костеръ подожгли не сзади, а спереди. „Еслибъ я боялся этой минуты, то не былъ бы здѣсь"—молвилъ онъ.

II. РЕФОРМАТОРЫ.

ДОКТОРЪ МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ.

1. Какимъ образомъ вступилъ Лютеръ въ монастырь.

Мартинъ Лютеръ родился, 10 ноября 1483 г., въ Эйслебенѣ, въ Гарцѣ. Отецъ его, Гансъ Лютеръ, былъ честный рудокопъ; мать его звали Маргаритою. Гансъ Лютеръ переселился въ Эйслебенъ изъ деревни Мёра, при Шмалькальденѣ. Богъ благословилъ труды его,—Гансъ нажилъ себѣ двѣ домны или плавильныя печи въ Мансфельдѣ, такъ что могъ съ

честью воспитывать сына на благопріобрѣтенныя деньги. Когда Мартинъ подросъ, отецъ, помолившись усердно, сталъ посылать его въ школу латыни; тамъ прилежно и скоро выучилъ мальчикъ десять заповѣдей, Отче Нашъ, Вѣрую, а также грамматику и церковныя пѣсни. На четырнадцатомъ году жизни, Мартинъ былъ посланъ отцомъ въ Магдебургскую школу, которая, на ту пору, была въ большой славѣ. Тамъ нашъ мальчикъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, снискивалъ себѣ пропитаніе пѣніемъ передъ домами горожанъ.

На слѣдующій годъ, Мартинъ, по приказанію родителей, отправился въ Эйслебенъ. И здѣсь долго добывалъ онъ хлѣбъ пѣніемъ у дверей, пока не приняла его къ себѣ въ нахлѣбники одна благочестивая женщина, полюбившая его за усердіе къ молитвѣ и за пѣніе.

Въ 1501 г., родители послали Мартина въ высшее учебное заведеніе въ Эрфуртъ, гдѣ и содержали его изъ доходовъ своихъ. Тамъ началъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ и прилежностію заниматься свободными искусствами (*); довольно долго обучался онъ и праву. Хотя нрава онъ былъ живаго и веселаго, однако, каждый день начиналъ онъ ученіе теплой молитвою; у него была поговорка: *Богу помолиться—вполовину научиться.* При этомъ, не пропускалъ онъ уроковъ, часто распрашивалъ учителей и вообще оказывалъ имъ почтеніе; когда же не бывало публичныхъ чтеній, то проводилъ время въ университетской библіотекѣ.

Разъ, внимательно перебирая книги, чтобы ознакомиться съ лучшими, онъ нашелъ латинскую Библію, которой никогда не видалъ прежде; съ удивленіемъ замѣтилъ онъ, что въ ней гораздо болѣе текстовъ, Посланій и Евангелій, чѣмъ сколько излагалось въ книгахъ проповѣдей и на каѳедрѣ. Пересматривая Вѣтхій Завѣтъ, онъ напалъ на исторію Самуила и матери его Анны, которую прочиталъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, а нашедши въ Библіи столь много для себя новаго, сталъ онъ отъ всей души желать, чтобъ Богъ послалъ ему когда нибудь такую же книгу!— желаніе его исполнилось.

Вскорѣ, послѣ того, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и очень мучился разными сомнѣніями; тогда посѣтилъ его старый священникъ и сталъ

(*) Къ свободнымъ искусствамъ причислялись: грамматика, діалектика, риторика, ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія.

утѣшать слѣдующимъ образомъ: „Не печальтесь, любезный бакалавръ (*), вы не умрете отъ этой болѣзни; Богъ сдѣлаетъ изъ васъ великаго человѣка, который для многихъ будетъ утѣшеніемъ.“

Въ 1505 г., Мартинъ Лютеръ, хорошо обучившись свободнымъ искусствамъ, сдѣланъ былъ магистромъ въ Эрфуртѣ. Въ концѣ года, онъ былъ сильно потрясенъ насильственною смертью друга своего Алексиса, заколотаго передъ его глазами убійцами; потомъ, какъ-то въ сильную грозу, молнія ударила въ землю такъ близко отъ Лютера, что онъ спасся какъ-будто-бы чудомъ;—тогда онъ рѣшился отречься отъ міра и посвятить жизнь свою Богу. Не отъ лѣности, неспособности или бѣдности поступилъ онъ въ монахи; онъ это сдѣлалъ даже безъ вѣдома и противъ воли отца.

2. Приключенія Мартина Лютера въ монастырѣ.

Поступивъ въ монастырь Августинцевъ въ Эрфуртѣ, Лютеръ не нашелъ тамъ душевнаго спокойствія, котораго желалъ найдти. Въ годъ его искуса, налагали на него самыя тяжелыя работы. Онъ долженъ былъ мести церковь, заводить башенные часы, выносить нечистоты изъ монастыря, даже ходить по Эрфурту съ нищенской сумой за плечами. Это было для него тѣмъ обиднѣе, что всѣ знали магистра и нерѣдко указывали на него пальцами. Но Лютеръ все переносилъ съ смиреніемъ и страхомъ Господнимъ. Много онъ обрадовался, когда нашелъ въ монастырѣ латинскую Библію и могъ ежедневно читать св. Писаніе. Но монахи говорили ему: „Не ученьемъ, а испрашиваніемъ милостыни дол-

(*) Академическія степени были: бакалавръ, магистръ и докторъ. «Эрфуртскій университетъ говоритъ Лютеръ въ одной изъ своихъ рѣчей, былъ тогда въ такой славѣ, такъ знаменитъ, что всѣ прочіе въ сравненіи съ нимъ казались маленькими школами. Но теперь слава его миновалась и университетъ—мертвъ. А какое великолѣпіе бывало при пожалованіи степени магистра, когда передъ новопожалованнымъ несли факелы и прославляли его! Я считаю эту радость не сравненной ни съ какой другой земной радостію. Съ такой же пышностію, жаловали степень доктора. Тогда ѣздили верхами вокругъ города, причемъ особеннымъ образомъ одѣвались и украшались, но все это миновало или пришло въ упадокъ. А хотѣлось бы мнѣ, чтобъ удержались эти обычаи—«Нынѣ достиженіе степени доктора сдѣлалось простой денежной спекуляціей».

женъ ты приносить пользу монастырю.“ Послѣ того, какъ произнесъ онъ обѣты и надѣлъ монашескую рясу, монахи отняли у него Библію. Учась и моляся денно и ночно, изнуряя себя постомъ и бичеваньемъ, онъ былъ постоянно печаленъ и мраченъ; даже служеніе обѣдни не приносило ему утѣшенія. Но Богъ никогда не оставляетъ того, кто съ чистымъ сердцемъ къ Нему обращается, — и Мартину Лютеру Онъ послалъ благочестивыхъ людей, которые утѣшали его, когда изнывалъ онъ отъ печали. Такъ послалъ Онъ ему въ духовники стараго монаха, указавшаго на милосердное отпущеніе грѣховъ Самимъ Богомъ. Его назидательныя бесѣды сдѣлали глубокое впечатлѣніе на Лютера. Почтенный *Іоаннъ Штаупицъ*, завѣдывавшій слишкомъ сорока Августинскими монастырями, въ Мейссенѣ и Турингіи, старался тоже ободрить Лютера. „Ты насильно хочешь быть грѣшникомъ, говорилъ онъ ему однажды: а между тѣмъ не сдѣлалъ еще никакого важнаго грѣха. Если желаешь, чтобъ помогъ тебѣ Іисусъ Христосъ, то не возись съ пустяками да бездѣлками, и не дѣлай себѣ грѣха изъ каждой мысли.“ Такія утѣшенія дѣйствовали на нѣкоторое время, но затѣмъ приходили опять мрачныя минуты. Разъ, Лютеръ на нѣсколько дней заперся въ кельѣ, не ѣлъ не пилъ, и впалъ въ такую тоску, что не замѣчалъ ничего, что̀ вокругъ него дѣлалось. Монахи думали, что онъ вовсе не явится, что съ нимъ приключилось какое-нибудь бѣдствіе; наконецъ, разломали двери у кельи Лютера и только звуками музыки могли привести его въ сознаніе.

Въ 1509 г. курфистръ Саксонскій, *Фридрихъ Мудрый* основалъ университетъ въ столицѣ своей, Виттенбергѣ; не доставало только хорошаго профессора философіи — и курфистръ поручилъ Штаупицу пріискать кого-нибудь для этой должности. Штаупицъ тотчасъ подумалъ о Лютерѣ и сталъ приглашать его въ Виттенбергъ. Унылый Лютеръ никакъ было не соглашался, — онъ думалъ, что недовольно ученъ. Однако, Штаупицъ не отставалъ и наконецъ, Лютеръ, имѣвшій въ то время 25 лѣтъ отъ роду, отправился въ Виттенбергъ, гдѣ поселился въ кельѣ Августинскаго монастыря, которую и до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Лютеръ долженъ былъ говорить проповѣдь, но и на это, по своей крайней застѣнчивости, никакъ не рѣшался. „Вы меня уморите, господинъ докторъ, говорилъ онъ Штаупицу: эдакъ, я трехъ мѣсяцевъ не вынесу.“ Но Штаупицъ опять настоялъ, — и съ первой же пропо-

вѣди, Лютеръ произвелъ необычайное впечатлѣніе; онъ говорилъ просто, сильно, въ духѣ св. Писанія, и все, что ни говорилъ, изливалось прямо изъ сердца. Тогда назначили его проповѣдникомъ при университетской церквѣ, которая, съ той поры, каждое воскресенье наполнялась набожными слушателями.

3. Какимъ образомъ сталъ Лютеръ ратовать противъ злоупотребленій католической церкви.

Въ 1510 г., онъ былъ посланъ въ Римъ по дѣламъ своего ордена: будучи профессоромъ, онъ все же оставался Августинцемъ. Въ Римѣ увидалъ онъ вблизи испорченность католическаго духовенства; особенно раздражало его небреженіе, съ какимъ совершали священники богослуженіе. „Не успѣешь, бывало, отслужить и *одной* обѣдни, самъ онъ разсказывалъ: какъ они отхватаютъ ихъ нѣсколько. Словно, только за деньги они молятся.—Не взялъ бы я и тысячи золотыхъ гульденовъ, лишь бы не видать Рима.“

По возвращеніи домой получилъ онъ степень доктора богословіи: Курфистръ услыхалъ, однажды, его проповѣдь нашелъ ее столь назидательной, что принялъ на себя всѣ издержки по повышенію Лютера. Тутъ еще ревностнѣе принялся Лютеръ за науки; онъ хотѣлъ принести честь новому своему званію и съ неусыпнымъ прилежаніемъ, старался изучить то, что не довелось ему узнать въ молодыхъ лѣтахъ.

Но одинъ случай далъ совсѣмъ иное направленіе его духу. Доминиканскій монахъ, *Іоаннъ Тецель*, ѣздилъ тогда по Германіи, распродавая индульгенціи (разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты) и прибылъ наконецъ въ Ютербогкъ, въ четырехъ миляхъ отъ Виттенберга.

На ту пору, папою былъ Левъ X, человѣкъ преданный роскоши и удовольствіямъ, всегда нуждавшійся въ деньгахъ; къ тому же, нужны были огромныя суммы на постройку храма св. Петра: чтобы добыть денегъ на все это, папа для всѣхъ желающихъ составилъ многое-множество разрѣшительныхъ грамотъ. Между продавцами индульгенцій, разъѣзжавшими по Германіи, едва ли кто былъ безстыднѣе Тецеля, котораго, разъ, чуть-было не утопилъ раздраженный народъ. Чтобы привлечь стеченіе народа, этотъ негодяй всегда торжественно въѣзжалъ въ города: передъ

нимъ несли на бархатной подушкѣ папскую буллу, въ которой объявлялось объ отпущеніи грѣховъ; священники, монахи, магистратъ и школы, съ свѣчами и хоругвями, выходили къ нему на встрѣчу и вводили въ городъ; при звонѣ во всѣ колокола, Тецеля провожали въ церковь, гдѣ воздвигали папское знамя, украшенное краснымъ крестомъ,—и тутъ начиналась торговля. Тецель имѣлъ возлѣ себя два ящика: одинъ съ грамотами, другой съ деньгами; онъ часто восклицалъ: „Вотъ какъ денежки зазвенятъ въ этомъ ящикѣ, душа и выскочитъ изъ чистилища прямо на небо.“ Были разрѣшительныя грамоты для всяческихъ грѣховъ: для воровства, клятвопреступленія, насилія, убійства. Но въ Ютербогѣ отплатили Тецелю его же монетою. Разъ, явился къ нему рыцарь и попросилъ продать ему разрѣшительную грамоту на замышляемый разбой на большой дорогѣ: ибо можно было получать разрѣшительныя грамоты и на будущіе грѣхи. „Эхъ, да вѣдь такая грамота стоитъ дорого,“ молвилъ Тецель. Но рыцарь охотно заплатилъ, что Тецель потребовалъ,—и торгашъ индульгенціями уѣхалъ съ сундукомъ туго набитымъ деньгами. И пришлось ему проѣзжать лѣсомъ; откуда ни возмись, бросился на него рыцарь со многими служителями, остановилъ повозку Тецеля и всѣ деньги обобралъ до-чиста. Тецель проклиналъ разбойника, посылалъ его въ преисподнюю ада, а разбойникъ, смѣючись, показалъ ему разрѣшительную грамоту и молвилъ: „Развѣ не узнаешь своей грамоты?“ Пустой сундукъ Тецеля до сихъ поръ сохраняется въ Ютербогской ратушѣ.

Торговля индульгенціями заглушала совсѣмъ совѣсть въ людяхъ: они убѣждались, что не важное дѣло—грѣхъ, когда за нѣсколько грошей, а много-много за нѣсколько талеровъ, можно получить за него разрѣшеніе. Тецель прямо училъ, что индульгенція—самый великій даръ Божій, что разрѣшительный крестъ папы равносиленъ кресту Христову, такъ-какъ Спаситель нашъ всю власть свою передалъ папѣ. Не мудрено, что невѣжественный народъ толпами бѣгалъ за Тецелемъ.

Благочестіе Лютера было оскорблено такимъ обманомъ; онъ началъ проповѣдывать противъ безчинствъ Тецеля. Проповѣди и поученія его сильно подѣйствовали на народъ; и чѣмъ смѣлѣе, необычайнѣе были эти проповѣди, тѣмъ больше народа стекалось ихъ слушать. Какъ-то вдругъ заговорили громко о томъ, что давно уже лежало на сердцѣ многихъ христіянъ. Но и этимъ не удовольствовался пылкій докторъ. 31 октября

1517 г., онъ прибилъ къ дверямъ придворной церкви большой листъ бумаги, на которомъ написаны были 95 тезисовъ или положеній, которыя вызывался Лютеръ защищать изустно и письменно противу каждаго желающаго. Все это направлено было главнымъ образомъ на Тецеля, но Тецель и не подумалъ явиться въ Виттенбергъ, для состязанія съ Лютеромъ. Онъ постарался убраться поскорѣе изъ окрестностей Виттенберга и не показывался тамъ болѣе. Напротивъ того, всѣ съ жадностію читали положенія Лютера: они разошлись по Германіи въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, такъ что въ какой-нибудь мѣсяцъ, сдѣлались вездѣ извѣстными. И повсюду говорили объ отважномъ Виттенбергскомъ монахѣ, о томъ, что выдетъ изъ затѣяннаго имъ дѣла. Но никто и не думалъ еще о великомъ церковномъ расколѣ.

4 Папа и Лютеръ.

Особенно злобились на Лютера доминиканцы, и безъ того не жаловавшіе Августинскихъ монаховъ, потому, что орденъ ихъ велъ выгодную торговлю отпустительными грамотами. Въ проповѣдяхъ и въ сочиненіяхъ своихъ они яростно напали на тезисы Лютера, безъ околичностей, называли составителя ихъ еретикомъ и придали дѣлу такой оборотъ, что будто бы Лютеръ, возставая на индульгенціи, тѣмъ самымъ возстаетъ противъ папы и самой церкви. Но Лютеръ развилъ свое ученіе въ собраніи августинцевъ, объяснилъ и истолковалъ свои тезисы и отослалъ ихъ къ папѣ съ просьбою произнести рѣшеніе, въ которомъ надѣялся онъ „услышать голосъ Самаго Іисуса Христа." Еслибъ Левъ X отмѣнилъ индульгенціи, или, покрайней мѣрѣ, прекратилъ важнѣйшія злоупотребленія, то Лютеръ, не перестававшій дотолѣ уважать папскій престолъ, навѣрное бы умолкъ. Но Левъ X приказалъ Лютеру, въ срокъ шестидесятидневный, явиться въ Римъ, для отвѣта за свои рѣчи и сочиненіе. Тогда курфирстъ Саксонскій, Фридрихъ Мудрый, уже полюбившій доктора Лютера за свободномысліе, объявилъ, что не допуститъ насильно везти его въ Римъ, — и устроилъ такъ, что Левъ X приказалъ легату своему кардиналу Гаэтану выслушать Лютера въ Аугсбургѣ. Лютеръ отправился туда пѣшкомъ; курфирстъ снабдилъ его деньгами на путевыя издержки и рекомендательными письмами ко многимъ вліятельнымъ

членамъ магистрата. Кардиналъ принялъ Лютера ласково, однако, строго потребовалъ, чтобы онъ отказался отъ заблужденій, впредь, имъ не слѣдовалъ, и повиновался во всемъ папѣ. Лютеръ безстрашно отвѣтилъ, что не знаетъ за собою никакихъ заблужденій, и, съ христіанскимъ мужествомъ, защищалъ свое ученіе. Впрочемъ, онъ обѣщалъ молчать, если только заставятъ молчать и его противниковъ. Кардиналъ остался очень недоволенъ его отвѣтомъ; онъ велѣлъ ему уйти и никогда не возвращаться, коли не покорится. Тогда, по совѣту и съ помощію друзей, Лютеръ оставилъ тайно Аугсбургъ и, черезъ 11 дней, явился опять въ Виттенбергѣ. Но передъ тѣмъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, онъ аппелировалъ къ *лучше—увѣдомленному папѣ*, *на ложно увѣдомленнаго*, и не только прибилъ этотъ вызовъ къ стѣнѣ Аугсбурскаго собора, но переслалъ его кардиналу Гаэтану. Кардиналъ потребовалъ отъ курфирста, чтобы Лютеръ былъ высланъ въ Римъ, а папа подтвердилъ разрѣшительныя грамоты и объявилъ Лютера еретикомъ. Онъ писалъ Гаэтану: „какъ скоро добудешь его (т. е. Лютера) во власть свою, заключи его подъ крѣпкую стражу, и держи до тѣхъ поръ, пока не получишь отъ насъ дальнѣйшихъ повелѣній на счетъ представленія его къ намъ. Если же онъ станетъ упорствовать въ своемъ противленіи, и ты не будешь имѣть возможности овладѣть имъ, то симъ даруемъ тебѣ полную власть по всей Германіи объявить его и всѣхъ его приверженцевъ еретиками, проклятыми и преданными анаѳемѣ". Такія рѣчи побудили Лютера идти дальше: онъ аппелировалъ на папу ко вселенскому собору.

Папа попытался кротостью склонить Лютера къ уступкамъ. Онъ поручилъ камереру своему, *Карлу Мильтицу*, Мейсенскому дворянину, поднесть курфирсту Саксонскому золотую розу, въ знакъ особаго папскаго благоволенія, а при этомъ случаѣ, уладить полюбовно споръ и съ Лютеромъ. Мильтицъ вызвалъ Лютера въ Аугсбургъ, кроткимъ и ласковымъ обращеніемъ убѣдилъ доктора написать къ папѣ почтительное письмо, а притомъ изъявить папскому престолу и римской церкви глубочайшую преданность.

Но дѣло, такъ удачно поведенное Мильтицемъ, было опять разстроено *Іоанномъ Экомъ*, профессоромъ теологіи въ Ингольштатѣ. Іоаннъ Экъ, человѣкъ ученый, искусный, но вмѣстѣ съ тѣмъ строптивый и гордый, думалъ сдѣлать больше чѣмъ всѣ противники Лютера, именно—по-

бороть его искусствомъ своимъ въ диспутахъ. Онъ вызвалъ Лютера, вмѣстѣ съ другими виттенбергскими теологами, на диспутъ въ Лейпцигъ. Когда Лютеръ собрался въ путь, карету его провожали 200 студентовъ, вооруженныхъ пиками и аллебардами. Эти добрые люди хотѣли защищать Лютера отъ всяческихъ оскорбленій. Лейпцигскіе диспуты продолжались нѣсколько недѣль, но на нихъ ничего не рѣшили, ибо каждая партія себѣ приписывала побѣду. Тутъ Лютеръ почувствовалъ необходимость изслѣдовать точнѣе происхожденіе папской власти и обличить нечистивыя притязанія столькихъ папъ. Раздраженный докторъ Экъ отъѣхалъ въ Римъ, и склонилъ папу издать буллу противъ Лютера. Въ этой буллѣ предавались проклятію 41 положеніе изъ сочиненій Лютера и опредѣлялось сжечь эти сочиненія; сверхъ того, самому Лютеру угрожало отлученіе отъ церкви, если въ теченіе 60 дней, не отречется онъ отъ нихъ; всѣмъ же германскимъ властямъ повелѣвалось: Лютера и его приверженцевъ арестовать и прислать въ Римъ. Торжествуя, воротился Экъ въ Германію для обнародованія и приведенія въ дѣйствіе папской буллы: онъ уже думалъ совсѣмъ уничтожить Лютера; однако, ошибся. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Кёльнѣ, Майнцѣ и Лёвенѣ сожгли сочиненія Лютера; но въ курфиршествѣ Саксонскомъ и въ другихъ мѣстахъ не смѣли даже обнародовать папской буллы. Народъ изорвалъ ее въ клочки, а въ Лейпцигѣ чуть не растерзалъ Эка. Лютеръ потерялъ послѣднее уваженіе къ святости и непогрѣшимости папы; онъ написатъ сочиненіе о вавилонскомъ плѣненіи церкви, назвавъ въ немъ папу Антихристомъ, желающимъ извратить истину Св. Писаннія, и оправдывалъ свои положенія осужденныя буллою за ересь. Вторично аппелировалъ онъ къ церковному собору и отказался повиноваться папѣ. Публичнымъ объявленіемъ онъ созвалъ студентовъ, и 10 декабря 1520 г., въ девять часовъ утра, сопровождаемый толпою докторовъ и студентовъ, вышелъ къ Эльстерскимъ воротамъ. Тамъ воздвигли и зажгли костеръ; Лютеръ собственноручно бросилъ въ огонь сочиненія о правахъ папы, изданную противъ него, Лютера, буллу и другія сочиненія своихъ противниковъ и произнесъ слова Св. Писанія: „такъ какъ преогорчилъ ты святыхъ Господнихъ, то и тебя да преогорчитъ и да сожжетъ огонь вѣчный.“ Это былъ рѣшительный шагъ къ отпаденію навсегда отъ католической церкви. Отъ пламени Лютерова костра долженъ былъ возго-

рѣться факелъ страшныхъ междоусобныхъ войнъ, обратившихъ въ пустыню всю Германію,—и еще доселѣ не закрылась пропасть, отдѣляющая католиковъ отъ протестантовъ.

5. Лютеръ въ Вормсѣ.

Въ 1521 г., императоръ Карлъ V повелѣлъ собраться сейму въ Вормсѣ; приглашая курфирста Саксонскаго, онъ писалъ къ нему, чтобы курфирстъ привезъ съ собою Лютера, для переговоровъ по его дѣлу. Курфирстъ спросилъ Лютера поѣдетъ ли онъ въ Вормсъ, если получитъ приглашеніе. „Коли позовутъ, то непремѣнно поѣду, отвѣчалъ Лютеръ. Клянусь моей силой и крѣпостію, клянусь Господомъ Іисусомъ Христомъ, что не уклонюсь и не отрекусь; то и другое подвергло бы опасности мое благочестіе и благо многихъ другихъ людей.“ Курфирстъ испросилъ у императора надежныхъ проводниковъ для Лютера, а вмѣстѣ съ тѣмъ, Лютеръ получилъ императорскій указъ явиться къ суду въ Вормсъ, въ теченіи 21 дня. Уѣзжая, онъ обнялъ друга своего Меланхтона и сказалъ ему: „если не возвращусь, если враги мои умертвятъ меня, заклинаю тебя, любезный братъ, не переставай учить и твердо пребывай въ истинѣ. Трудись между тѣмъ за меня, пока меня здѣсь не будетъ. Ты можешь многое сдѣлать лучше меня. Поэтому нечего много жалѣть обо мнѣ, если только ты останешься. Въ тебѣ Господь имѣетъ гораздо ученнѣйшаго поборника.“

Лютеръ пустился въ дорогу, 2-го апрѣля, въ сопровожденіи императорскаго герольда Каспара Штурма, брата своего Іакова, друзей Юста Іонаса, Николая Амедорфа и знаменитаго правовѣда Іеронима Шурфа. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, подаренной ему Виттенбергскимъ магистратомъ. Повсюду, гдѣ онъ останавливался, народъ сбѣгался изъ окрестностей—посмотрѣть на человѣка, такъ смѣло вступавшаго въ распрю съ папою. Когда Лютеръ приближался къ любезному своему Эрфурту, выѣхала къ нему, за двѣ мили на встрѣчу, длинная процессія пѣшихъ и конныхъ; въ городѣ же карета Лютера едва могла подвигаться отъ тѣсноты. Ему не давали покоя, пока не сказалъ онъ проповѣди,—и сколько народа стеклось при этомъ! Въ Эйзенахѣ, онъ занемогъ-было, но вскорѣ оправился. Его предупреждали не ѣздить далѣе, въ Вормсѣ какъ разъ сож-

гутъ его въ порошокъ,—говорили ему. Но онъ отвѣчалъ неустрашимо: „Если враги мои разложатъ огонь отъ Вормса до Виттенберга, то и тогда явлюсь къ нимъ, во имя Господне, исповѣдая Христа, и предамъ себя Его волѣ.“ Не далеко отъ Вормса, выѣхалъ къ нему на встрѣчу гонецъ отъ друга его, Спалатина, тайнаго секретаря и придворнаго проповѣдника курфистра Саксонскаго; и онъ просилъ его не въѣзжать въ Вормсъ, не подвергать себя опасности. „Да хоть бы въ Вормсѣ было столько діаволовъ, сколько черепицъ на крышахъ, отвѣчалъ Лютеръ, то и тогда непремѣнно явлюсь.“

Онъ въѣхалъ въ Вормсъ 16-го апрѣля 1521 г. Передъ каретой его, ѣхалъ верхомъ императорскій герольдъ; множество всадниковъ и каретъ, встрѣтившихъ его за городомъ, примкнуло къ шествію, и болѣе 2000 человѣкъ тѣснилось за нимъ до самой его квартиры. На слѣдующее утро, явился къ Лютеру маршалъ имперіи и позвалъ его явиться, послѣ обѣда, на судъ передъ сеймомъ. Въ назначенное время маршалъ самъ пріѣхалъ за нимъ. Огромно было стеченіе народа. На улицѣ люди стояли сплошною стѣною, многіе влѣзли на крыши, всѣ окна были заняты. Но на этотъ разъ, всѣ обманулись въ ожиданіяхъ: такъ какъ не возможно было продраться сквозь толпу, то Лютера вывели изъ его квартиры, задами мимо садовъ. У дверей большой сеймовой залы стояли многіе рыцари. Одинъ изъ нихъ, знаменитый *Георгъ Рундебергъ*, добродушно потрепалъ Лютера по плечу и молвилъ: „Монашекъ, монашекъ, ты дѣлаешь теперь такой шагъ, какого не дѣлалъ я, да едва ли дѣлалъ и кто-либо изъ храбрѣйшихъ вождей, даже въ самомъ опасномъ сраженіи. Но коли мнѣніе твое правильно и дѣло твое справедливо, ступай во имя Божіе и не робѣй,—Богъ не оставитъ тебя.“ Слова эти не мало ободрили Лютера, сердце котораго было несовсѣмъ покойно, такъ какъ ему, монаху привыкшему къ уединенію, предстояло, для защиты своихъ мнѣній, явиться передъ императоромъ и князьями. Отворились двери залы, и Лютеръ вошелъ. На тронѣ сидѣлъ императоръ Карлъ V, полный величія и достоинства, не смотря на свою молодость (ему было только 21 годъ), окруженный истинно-императорскимъ великолѣпіемъ; передъ трономъ, двумя длинными рядами, сидѣли князья, герцоги, графы Германской имперіи. Всѣ они пристально смотрѣли на Лютера, на него одного смотрѣли и болѣе 2000 человѣкъ, собравшихся въ залѣ и подъ окнами.

Лютеру подали его книги, а маршалъ имперіи спросилъ, признаетъ ли онъ ихъ за свои и хочетъ ли отъ нихъ отречься. На первый вопросъ Лютеръ отвѣчалъ утвердительно; на счетъ же втораго, просилъ подумать до слѣдующаго дня,—что и было дозволено императоромъ.

Только вышедши изъ залы, вздохнулъ Лютеръ свободнѣе. Онъ узналъ теперь по опыту, что не бездѣлица стоять и выражать свое мнѣніе передъ императоромъ и имперскими властями. Но мысль о помощи отъ Бога, за слово Котораго стоялъ онъ, придала ему новыя силы,—и онъ обрадовался, когда, на слѣдующій вечеръ въ 4 часа пополудни, снова позвали его въ собраніе. Цѣлыхъ два часа, Лютеръ простоялъ на улицѣ, окруженный безчисленною толпою любопытныхъ; наконецъ, двери отворились и онъ вошелъ. Въ залѣ уже горѣли факелы и свѣчи. „Всемилостивѣйшій императоръ, и вы, милостивые курфирсты, князья и господа, началъ Лютеръ: я послушно являюсь къ назначенному вчера вечеромъ сроку, и, во имя милосердія Божія, умоляю ваше величество и ваши свѣтлости выслушать,—какъ и надѣюсь,—милостиво мое правильное и справедливое дѣло; если же, по невѣдѣнію моему, не воздамъ кому либо изъ васъ подобающаго ему титула, или поступлю въ чемъ-нибудь вопреки обычаевъ придворныхъ, то простите мнѣ милосердно; такъ какъ никогда не бывалъ я при дворѣ, а всегда находился въ монастырѣ. Обо мнѣ же можетъ свидѣтельствовать только то, что во всемъ моемъ ученіи и писаніи я всегда, въ простотѣ сердца моего, искалъ славы Божіей, а также пользы и спасенія вѣрующихъ христіанъ.“ Потомъ повелъ онъ рѣчь о своихъ книгахъ, о содержащемся въ нихъ ученіи; и все это говорилъ по нѣмецки. Тутъ замѣтили ему, что императоръ мало понимаетъ нѣмецкій языкъ, что надобно все сказанное повторить по латыни. Лютеръ исполнилъ это, хотя и такъ уже чрезвычайно жарко было ему отъ тѣсноты. Длинную и весьма скромную рѣчь его прервалъ одинъ духовный сановникъ, потребовавъ короткаго и яснаго отвѣта, хочетъ ли или не хочетъ онъ отречься. „Если его императорскому величеству и ихъ свѣтлостямъ курфирстамъ и князьямъ угодно выслушать простой, короткій, прямой отвѣтъ, сказалъ Лютеръ: то вотъ онъ, этотъ отвѣтъ, и нѣтъ въ немъ ни крючковъ, ни закорючекъ: коли не представятъ мнѣ свидѣтельствъ изъ Св. Писанія или другихъ ясныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ, то не могу и не хочу я отречься, ибо неприлично поступать

противъ совѣсти. Вотъ стою передъ вами, и ничего другаго не могу сдѣлать; да поможетъ же мнѣ Господь. Аминь."

Послѣ этихъ словъ, Лютеръ вышелъ; но онъ говорилъ не по-напрасну. Твердо и мужественно изложенное исповѣданіе истины пріобрѣло ему много приверженцевъ, даже между князьями. Старый Эрихъ, герцогъ Брауншвейгскій, нѣкогда сильный гонитель реформаціи, послалъ ему серебрянный кубокъ съ добрымъ пивомъ, чтобъ онъ подкрѣпился. На вопросъ Лютера, кто изъ князей такъ милостиво вспомнилъ о немъ, посланный отвѣчалъ, что-то—герцогъ Эрихъ, что онъ самъ прежде отвѣдалъ этого пива. Не опасаясь отравы, Лютеръ смѣло выпилъ пиво и молвилъ: „какъ вспомнилъ теперь обо мнѣ герцогъ, такъ да вспомянетъ о немъ, въ предсмертной борьбѣ его, Господь Іисусъ Христосъ." Эрихъ не забылъ этихъ словъ, и вспомнилъ о нихъ даже на смертномъ одрѣ. Но особенно радовался мужеству Лютера Фридрихъ Мудрый. Въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ Спалатину: „прекрасно говорилъ докторъ Мартинъ передъ императоромъ, передъ всѣми князьями и чинами имперіи; только черезъ-чуръ уже смѣлымъ онъ мнѣ показался."

Еще разъ попытались склонить Лютера къ отреченію; но онъ отвѣчалъ: „Если дѣло мое не отъ Бога, то оно скоро падетъ само собою; а если отъ Бога, то вы не можете его остановить". Наконецъ, получивъ дозволеніе уѣхать, онъ оставилъ Вормсъ 26-апрѣля; императоръ сдержалъ обѣщаніе и далъ ему надежныхъ проводниковъ,—какъ ни убѣждалъ его папскій нунцій нарушить слово, данное еретику. Карлъ съ твердостію отвѣчалъ легату: „Я не хочу краснѣть, какъ нѣкогда Сигизмундъ". За то, объявили Лютера въ государственной опалѣ. Въ рѣшеніи было сказано, что Лютеръ, не какъ человѣкъ, но какъ злой духъ въ видѣ человѣка, долгое время скрывался отъ другихъ людей подъ монашеской рясой, собиралъ проклятыя ереси въ одну вонючую яму и самъ придумалъ многія новыя ереси: съ 14 мая, никто не долженъ принимать Лютера къ себѣ въ домъ или во дворъ, ни поить, ни кормить его; ни покупать, ни продовать, ни читать, ни держать при себѣ, ни переписывать, ни печатать его книгъ и не давать ихъ другимъ для переписыванія или печати и т. д. Всѣ эти постановленія носятъ названіе Вормскаго эдикта.

Правда, императору не достало ни времени, ни силы привесть въ исполненіе этотъ эдиктъ, но все-таки Лютеръ былъ поставленъ въ весьма

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

опасное положеніе. Поэтому курфирстъ Фридрихъ Мудрый рѣшился укрыть его отъ гонителей, по крайней мѣрѣ, на время. На возвратномъ пути изъ Вормса, Лютеръ проѣзжалъ мимо замка Альтенштейна, недалеко отъ Эйзенаха; тутъ камендантъ Вартбурга, Гансъ фонъ Берлентъ и другъ его Буркгардъ фонъ Гундъ, баронъ Альтенгаузскій, вмѣстѣ съ двумя служителями, прискакали изъ лѣса и напали на карету Лютера. Увидавъ всадниковъ, братъ Лютера, Іаковъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, перепугался, не простившись даже съ Мартиномъ, выскочилъ изъ кареты и убѣжалъ въ Вальтерсгаузенъ. Между-тѣмъ самого Лютера вытащили изъ кареты, отвели въ лѣсъ, переодѣли, посадили на лошадь и въ полночь отвезли въ замокъ *Вартбургъ*. Тамъ держали его, какъ плѣнника, подъ именемъ юнкера Георга, но обращались съ нимъ такъ хорошо, что келлермейстеръ замка не могъ тому надивиться.

6. Лютеръ въ Вартбургѣ.

Только самые довѣренные друзья Лютера, Меланхтонъ, Спалатинъ и кое-кто другіе, знали гдѣ онъ находится. Въ народѣ, между-тѣмъ, распространилась молва, будто діаволъ унесъ Лютера: но вскорѣ оказалось, что онъ живъ и по-прежнему вдохновленъ Духомъ Божіимъ. Въ уединеніи своемъ, онъ, прежде всего, сталъ писать противъ индульгенцій, которыя началъ-было опять продавать епископъ Майнцкій; сочиненіе Лютера много содѣйствовало къ прекращенію этого безчинства. Въ Вартбургѣ же началъ онъ свою книгу проповѣдей и популярное толкованіе воскресныхъ Евангелій. Съ появленіемъ каждаго сочиненія Лютера, друзья и враги его тотчасъ узнавали, что онъ еще живъ, только не могли спровѣдать о его мѣстопребываніи. Главнымъ же трудомъ реформатора, въ Вартбургѣ, былъ превосходный переводъ Библіи, сдѣлавшійся лучшимъ орудіемъ для распространенія новаго ученія и оставшійся навсегда святыней для нѣмецкаго народа. Но трудясь столь много, Лютеръ впалъ въ меланхолію: по временамъ представлялось ему, что діаволъ преслѣдуетъ его и хочетъ разрушить его дѣло. Разъ, говорятъ, ему померещелось, что діаволъ стоитъ у стѣны, и онъ бросилъ въ него чернилицей.

Между тѣмъ, въ Виттенбергѣ, какъ и по всей Германіи, совершалось много замѣчательнаго. Въ томъ же году, (1521) одинъ священникъ от-

Bayerische Staats-Bibliothek München

важился жениться. Многіе монахи, въ особенности саксонскіе Августинцы, явно приняли ученіе Лютера. Обѣдню служили на нѣмецкомъ языкѣ, и не поднимали агнца для поклоненія: причастіе же давали всѣмъ желающимъ подъ двумя видами, какъ повелѣлъ Самъ Спаситель. Но и тутъ открылось, какъ легко переступить законную мѣру, какъ скоро можетъ перейти реформа въ революцію. Докторъ Карльштадтъ, другъ и сподвижникъ Лютера, но вмѣстѣ съ тѣмъ рьяный изувѣръ, врывался, съ приверженцами своими, въ церкви, изгонялъ католическихъ священниковъ, уничтожалъ иконы святыхъ. Другіе изувѣры отмѣнили крещеніе младенцевъ. Лютеръ съ негодованіемъ узналъ обо всемъ этомъ. Какъ ни былъ онъ пылокъ и раздражителенъ, но подобное буйство возбуждало въ немъ отвращеніе. Не смотря на желаніе уважаемаго имъ курфирста, онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Вартбургѣ, ибо дѣло касалось христіанской вѣры: онъ отправился въ Виттенбергъ и восемь дней сряду говорилъ проповѣди противъ неистовствъ новыхъ пророковъ.

7. Ѳома Мюнцеръ. Іоаннъ Лейденскій.

Въ тѣ времена, не легка была жизнь германскихъ крестьянъ. Правда, они не считались крѣпостными, но должны были отбывать тяжелую барщину, — то есть, работать нѣсколько дней въ недѣлю на помѣщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ, платить обременительныя подати государю и владѣльцу имѣнія. Уже неоднократно пытались они свергнуть съ себя это иго, но каждый разъ снова порабощали ихъ безжалостно. Произошла реформація; Лютеръ проповѣдывалъ христіянскую свободу, говорилъ, что не должно стѣснять христіянъ въ ихъ вѣрованіяхъ, что не подобаетъ насиловать ихъ совѣсть; но подъ христіянской свободой крестьяне разумѣли освобожденіе отъ податей и барщины. Они составили скопища, и вышли изъ повиновенія у господъ своихъ.

Сначала они поступали умѣренно. Жалобы свои они изложили въ двѣнадцати пунктахъ, которые и послали въ Виттенбергъ, къ Лютеру и Меланхтону, прося ихъ дать по нимъ свое мнѣніе. Конечно, многія изъ этихъ жалобъ Лютеръ нашелъ основательными, однако, онъ посовѣтовалъ крестьянамъ покориться. „Не забывайте, писалъ онъ имъ: что въ Св. Писаніи сказано: мое есть отмщеніе. Я воздамъ, сказалъ Господь“.

(Римл. XII, ст. 19). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уговаривалъ и владѣльцевъ къ кротости, умѣренности. Такими средствами онъ оказалъ плохую услугу той и другой сторонѣ. Повсемѣстно, во Франконіи, Швабіи, Турингіи, возникли мятежи; вездѣ шатались, грабя и опустошая, многочисленныя шайки мужиковъ, не пощажены были церкви и монастыри, равно какъ и замки. Каждаго попадавшагося рыцаря и дворянина, разъяренные крестьяне сажали на колъ или обезглавливали; впрочемъ, и владѣльцы поступали не лучше. Видя, что кроткія увѣщанія не помогаютъ, Лютеръ написалъ горячую диссертацію „противъ мужиковъ—убійцъ и разбойниковъ;“—когда же крестьяне не захотѣли внять ни какимъ благоразумнымъ внушеніямъ, онъ совѣтывалъ „убивать ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ“.

Въ Турингіи тоже возникъ мятежъ; во главѣ бунтовщиковъ сталъ *Ѳома Мюнцеръ*, ученикъ Лютера. Этотъ изувѣръ былъ прежде бѣлымъ священникомъ въ Цвикау, но за мятежныя рѣчи его изгнали оттуда. Онъ похвалялся особыми откровеніями отъ Бога, посредствомъ которыхъ сущность христіанской свободы сдѣлалась ему будто бы яснѣе, чѣмъ самому Лютеру. По этимъ откровеніямъ, слѣдовало основать новое христіянское царство, въ которомъ должно господствовать полное равенство и всѣ имущества должны сдѣлаться общими. „Въ этомъ царствѣ, говорилъ Мюнцеръ: не нужно ни государя, ни начальства, ни дворянъ, ни духовенства; въ христіанствѣ не должно существовать различія между бѣднымъ и богатымъ.“ Въ то смутное время, когда всякое новое ученіе принималось поспѣшно, догматы Мюнцера нашли легкій доступъ къ простому народу, особенно же по душѣ были бѣднымъ, которые на основаніи ихъ получали право на раздѣлъ всякихъ благъ съ богатыми, которые мечтали освободиться отъ докучливой работы. Къ новому пророку обращались преимущественно крестьяне. Подъ предводительствомъ его, шатались они изъ города въ городъ, вездѣ производя опустошенія огнемъ и мечемъ.

Обстоятельства были дурны; князья вооружились для подавленія мятежа. Они повели войска свои къ ***Франкенгаузену,*** гдѣ крестьяне расположились на горѣ лагеремъ и укрѣпились вагенбургомъ. Желая попытать еще мирное средство, князья послали въ мятежникамъ пажа, съ обѣщаніемъ помилованія, если только разойдутся и выдадутъ зачинщи-

ковъ. Мюнцеръ видѣлъ опасность, угрожавшую ему, и обратился къ крестьянамъ съ пламенною рѣчью, которую заключилъ увѣщаніемъ не бояться непріятельскихъ пуль, такъ какъ всѣ эти пули поймаетъ онъ въ рукавъ, и коли кто изъ крестьянъ падетъ въ переднихъ рядахъ, тотъ встанетъ, невредимъ, въ заднихъ. Кстати для него на небѣ появилась радуга. „Смотрите! воскликнулъ онъ: вотъ залогъ союза, заключеннаго съ нами Богомъ. Эта радуга, порука намъ въ побѣдѣ и пораженіи враговъ. Въ бой и къ побѣдѣ!“ Крестьяне стояли еще въ нерѣшимости, все поглядывая на Мюнцера и на рукавъ его: тогда Мюнцеръ, чтобы отрѣзать путь къ мирнымъ переговорамъ, велѣлъ растерзать вѣстника. Крестьяне схватили косы, пики, мечи, и ожидали непріятеля. Онъ не заставилъ себя ждать. Засвистали пули, подскакали всадники и, какъ мякина подъ вихремъ, разсѣялись крестьяне. Ослѣпленные бѣдняки искали глазами Мюнцера, но, при первомъ выстрѣлѣ, онъ пустился бѣжать, и спрятался на сѣновалѣ въ Франкенгаузенѣ. Крестьяне пали на колѣна, умоляли о пощадѣ;—но поздно: пять тысячъ изъ нихъ перебиты, многихъ передавили лошадьми, а плѣнныхъ, вмѣстѣ съ зачинщикомъ бунта, обезглавили.

Нѣкоторые изъ приверженцевъ Мюнцера спаслись въ Голландію и тамъ нашли себѣ сообщниковъ. Люди эти придумали перекрещивать всѣхъ присоединившихся къ нимъ, на томъ основаніи, что крещенье младенцевъ не дѣйствительно, такъ какъ младенцы ничего не понимаютъ, да и въ св. Писаніи того не предписано. Такъ образовалась секта *анабаптистовъ* (перекрещенцевъ). Иные изъ нихъ перебрались въ Вестфалію и поселились въ городѣ Мюнстерѣ. Въ числѣ ихъ были два большіе негодяя—Іоаннъ Бокгольдъ, извѣстный подъ именемъ Лейденскаго, и Іоаннъ Маттисенъ, хлѣбникъ изъ Гарлема. Отщепенцы эти соединились съ городскимъ проповѣдникомъ Роттманомъ, недостойнымъ ученикомъ Лютера, который и склонилъ многихъ гражданъ къ нововведеніямъ. Напрасно епископъ уговаривалъ и грозилъ—онъ принужденъ былъ оставить Мюнстеръ; напрасно и магистратъ старался положить конецъ безчинствамъ,—членовъ его прогнали изъ города; гарлемскій монахъ, Гейнрихъ Рюлле бѣгалъ, какъ бѣшеный, по городу и безпрестанно кричалъ: „покайтесь и креститесь, ибо приблизился день Господень.“ Въ послѣобѣденное время, повторяли тѣ же крики Іоаннъ Лейденскій и Бернгардъ Книппердо-

лингъ, мюнстерскій торговецъ сукномъ. Послѣ того какъ овладѣлъ Рюлле арсеналомъ, Роттманъ и Книппердолингъ стали уговаривать крестьянъ, чтобы они, кинувъ свои сельскія работы, шли въ городъ, гдѣ могутъ найдти больше удобствъ для жизни. Подобно Мюнцеру, они проповѣдывали общее владѣніе имуществомъ. Богатые принуждены были все отдать и поспѣшно удалиться изъ города, которымъ завладѣли бѣдняки и перекрещенцы. Маттисенъ приказалъ сносить въ назначенный имъ домъ все золото, серебро и прочіе пожитки. Потомъ сожгли всѣ книги, кромѣ Библіи.

Между тѣмъ, приближался епископъ съ войскомъ, для осады города. Тогда явился на площади хлѣбникъ Маттисенъ, выбралъ себѣ тридцать человѣкъ, и кричалъ: „Богъ открылъ мнѣ, что съ одними этими людьми, обращу я въ бѣгство все войско епископа.“ И точно: безумецъ вышелъ въ поле съ сподвижниками своими: всѣ съ любопытствомъ ожидали что́ будетъ съ нимъ. Но первый солдатъ закололъ его. Тутъ выступилъ портной Бокгольдъ и молвилъ, что онъ давно и напередъ зналъ чему быть должно съ Маттисеномъ, а что ему, Бокгольду, предопредѣлено жениться на вдовѣ Маттисена и быть бургомистромъ вмѣсто него. И вотъ сталъ нашъ портной бургомистромъ, но должность эта совсѣмъ помрачила его умъ. По приказанію его, одинъ изъ анабаптистовъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, объявилъ народу; „Богъ открылъ мнѣ, что Бокгольдъ — царь, которому предназначено покорить всю вселенную и избить всѣхъ государей.“ А Бокгольдъ палъ на колѣна и воскликнулъ: „Братья! уже давно Господь открылъ мнѣ все это, но я дожидался, пока другой вамъ объявитъ.“ И велѣлъ Бокгольдъ сдѣлать себѣ золотую корону, скипетръ, широкій мечь: велѣлъ воздвигнуть тронъ на площади и тамъ давалъ аудіенціи. Ходилъ онъ по улицамъ въ пурпуровой мантіи, шлейфъ который носили пажи. Онъ дозволилъ приверженцамъ своимъ брать столько женъ, сколько кому вздумается, самъ же имѣлъ четырнадцать женъ. Одну изъ нихъ онъ собственноручно обезглавилъ на площади, за то, что стала она говорить ему о безуміи его поступковъ, — и съ остальными женами плясалъ вокругъ ея окровавленнаго трупа. Наконецъ, послалъ онъ 26 апостоловъ въ сосѣдственные города,—для возстановленія, какъ говорилъ онъ, царства Христова. Но должно же было покончиться все это безчинство. Епископъ тѣснилъ городъ все больше и больше; начался

страшный голодъ, многіе умирали, другіе бродили какъ тѣни. Между тѣмъ, никто не смѣлъ говорить о сдачѣ. Тогда двое гражданъ выбрались тайкомъ изъ города и указали епископу потаенный ходъ. Въ темную ночь, 400 непріятельскихъ солдатъ проникли черезъ ровъ на городской валъ. Произошла страшная сѣча, продолжавшая до бѣлаго дня. Кто могъ бѣжать—бѣжалъ, или скрылся въ погребахъ, опустѣвшихъ монастыряхъ и другихъ убѣжищахъ. Царь спрятался на верхнемъ чердакѣ Эгидіевой башни; но его выдалъ какой-то мальчикъ, и тутъ же заковали его въ цѣпи. Такая же участь постигла двухъ его министровъ, Крехтинга и Книппердолинга. Но Роттманъ не хотѣлъ отдаться живьемъ въ руки приверженцевъ епископа съ мечемъ въ рукѣ, бросился онъ въ густую толпу враговъ и, сражаясь геройски, умеръ честнѣе, чѣмъ жилъ. Бокгольда, Крехтинга и Книппердолинга посадили въ желѣзныя клѣтки и развозили по всей Германіи, какъ рѣдкихъ звѣрей; потомъ жестоко казнили ихъ въ Мюнстерѣ; клѣтку же съ ихъ трупами повѣсили на башнѣ св. Ламберта (1562 г.).

8. Продолженіе реформаціи.

Всѣ, возникшія въ это время, распри, заблужденія и безпорядки, не могли отвлечь Лютера отъ великой его цѣли. Въ 1523 г., написалъ онъ новый уставъ богослуженія, а вмѣстѣ съ капельмейстеромъ Іоанномъ Вальтеромъ составилъ первое собраніе евангелическихъ пѣсенъ. Въ 1524 г., сложилъ онъ съ себя монашескую рясу; въ слѣдующемъ же году, женился на благородной дѣвицѣ, *Катеринѣ фонъ-Бора*, бѣдной деньгами, но богатой добродѣтелями, бывшей прежде монахинею въ Цистерціенскомъ монастырѣ. Затѣмъ, Лютеръ, съ другомъ своимъ Меланхтономъ, объѣхалъ Голландію, для разузнанія, какъ занимаются священники и школьные учители. Они нашли удивительное невѣжество, да и не могло быть иначе, ибо школы были еще великой рѣдкостію. Это побудило Лютера написать пространный и краткій катихизисъ для руководства священникамъ и учителямъ, при обученіи народа и юношества. Лютеръ вызывалъ всѣхъ членовъ магистратовъ Германіи озаботиться усовершенствованіемъ образованія юношества, убѣждалъ и государей употребить для этой цѣли отошедшія отъ церквей и монастырей имущества.

Около этого времени, реформація была введена, въ духѣ и по ученію Лютера, не въ одномъ курфиршествѣ саксонскомъ, но и во многихъ другихъ государствахъ Германіи, а также въ Пруссіи, Швеціи и Даніи.

Безспорно, реформаціи очень благопріятствовало то, что императоръ Карлъ V рѣдко посѣщалъ Германію, да притомъ въ головѣ у него было много разныхъ другихъ дѣлъ, которыя онъ считалъ гораздо важнѣе нѣмецкихъ перебранокъ. Съ той поры, какъ Карлъ V столкнулся на выборахъ въ императоры съ королемъ французскимъ Франциском I, молодымъ государемъ-рыцаремъ, — оба эти государя возненавидѣли другъ друга. Нѣсколько разъ вели они между собою ожесточенную войну. Эти войны удаляли Карла V отъ Германіи и никогда императоръ не зналъ хорошо характеръ нѣмецкаго народа. Только въ тѣхъ случаяхъ какъ въ Германіи уже черезъ-чуръ разшумятся, или же понадобятся ему деньги —приказывалъ онъ созывать сеймъ. Такъ, въ 1529 г., созвалъ онъ сеймъ въ *Шпейеръ*, гдѣ опять произошли распри между католиками и лютеранами. Послѣ долгихъ преній и толковъ, католики уступили; въ *первый разъ* лютеране получили дозволеніе свободно исповѣдывать свою религію, съ тѣмъ, однако, чтобъ удержана была католическая *месса* и чтобы не предпринималось уже дальнѣйшихъ нововведеній. Но лютеране протестовали и съ той поры получили названіе *протестантовъ*.

Еще важнѣе былъ, въ 1530 году, сеймъ въ Аугсбургѣ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. По совѣту курфистра саксонскаго, кроткій и ученый Меланхтонъ издалъ сочиненіе, въ которомъ содержалось все ученіе новой церкви. Этотъ трудъ былъ истинно-образцовымъ произведеніемъ: каждое слово было тщательно взвѣшано — насколько ясно излагало ученіе протестантской вѣры, на столько же осторожно обходило заблужденія католиковъ. *Аугсбургское исповѣданіе*, такъ назвали этотъ документъ, прочли сперва публично, а потомъ поднесли императору, который отвѣтилъ, что со всевозможнымъ вниманіемъ хочетъ вникнуть въ этотъ трактатъ и потомъ объявить свое рѣшеніе. Онъ отдалъ сочиненіе Меланхтона на разсмотрѣніе обществу католическихъ духовныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился Экъ съ товарищами. Католики написали возраженіе, но въ такихъ дерзкихъ, неприличныхъ выраженіяхъ, что самъ императоръ съ негодованіемъ возвратилъ его назадъ и приказалъ составить другое. Это послѣднее показали протестантамъ,

и Карлъ V погрозилъ имъ немилостію, если они станутъ продолжать споръ. Но могло ли существовать согласіе между двумя партіями, далекими другъ отъ друга, какъ земля и небо? Каждый упорно остался при своемъ мнѣніи. Князья продолжали распространять реформацію въ своихъ владѣніяхъ. Лютеръ не являлся въ Аугсбургъ; курфирстъ саксонскій счелъ благоразумнымъ не подвергать опасностямъ опальнаго изгнанника; но по всѣмъ обстоятельствамъ этого дѣла сначала спрашивали Лютера и со стороны протестантовъ ничего не дѣлалось безъ его одобренія.

9. Кончина Лютера.

Протестантскіе князья, и во главѣ ихъ, *Іоаннъ Постоянный* (сынъ Фридриха Мудраго) курфирстъ саксонскій, да ландрафъ *Филиппъ Гессенскій*, вмѣстѣ съ 11 городами, заключили въ *Шмалькальденъ* союзъ, по которому обязывались неизмѣнно поддерживать другъ друга въ случаѣ, если бы вздумалось католикамъ принуждать ихъ силой оружія къ отреченію отъ своего исповѣданія. Это происходило въ 1531 г. Лютеръ находился въ собраніи. Какъ ни былъ онъ задоренъ въ спорахъ,— а не навидѣлъ войну и часто говаривалъ, что скорѣе согласится десять разъ умереть, нежели возжечь войну своимъ ученіемъ. По мнѣнію его, всѣ религіозныя дѣла слѣдовало предоставить Богу, Который и устроитъ ихъ, скорѣе и лучше чѣмъ всякая вооруженная сила. И точно: пока онъ жилъ, войны не было. За то, въ послѣдніе дни своей жизни, онъ вынесъ множество непріятностей и заботъ. Часто схватывали его болѣзненные припадки головокруженія, шумъ въ ушахъ, припадки каменной болѣзни —послѣдствія усиленныхъ его трудовъ; но особенно мучили его нападки, то съ той, то съ другой стороны, на значеніе его въ виттенбергскомъ университетѣ. Раздраженный Лютеръ изъ веселаго, общительнаго человѣка сдѣлался мрачнымъ и скрытнымъ. Тревожимый отвсюду, въ маѣ 1543 г., онъ оставилъ Виттенбергъ и поселился въ Цейльсдорфѣ, имѣніи, подаренномъ ему курфирстомъ недалеко отъ Борны. Но просьбы Виттенбергцевъ, ласковое приглашеніе Іоанна Постояннаго побудили его возвратиться. Онъ прибылъ въ Виттенбергъ, въ августѣ того же года, — и молилъ Бога поскорѣе отозвать его къ себѣ. Молитва его была

услышана. И что лучшаго спокойной кончины могло дать Провидѣніе человѣку усталому отъ жизни послѣ столькихъ безсмертныхъ подвиговъ?

Вскорѣ затѣмъ, графы Мансфельды просили его пріѣхать въ Эйслебенъ, для прекращенія возникшаго между ними спора. Получивъ дозволеніе курфирста, Лютеръ, въ сопровожденіи трехъ сыновей своихъ и стараго служителя, Амвросія Рютфельда, отправился въ путь. Прибывъ въ Галле, онъ принужденъ былъ на три дня остановиться у друга своего, проповѣдника Юста Іонаса, потому что разлилась Саала; не безъ крайней опасности переправился онъ, наконецъ, въ лодкѣ на другую сторону. 28 января 1546 г., онъ пріѣхалъ въ Эйслебенъ, откуда, навстрѣчу ему, выѣзжали торжественно графы съ многими рыцарями. При видѣ роднаго города, Лютеръ глубоко былъ тронутъ. Между тѣмъ простуда причинила ему сильное стѣсненіе въ груди и частые обмороки. Не смотря на то, Лютеръ былъ неутомимо дѣятеленъ: онъ занимался устройствомъ мира между графами, разсмотрѣлъ и одобрилъ представленное ему церковное уложеніе, посвятилъ двухъ проповѣдниковъ, самъ четыре раза говорилъ проповѣди,—въ послѣдній разъ 13 февраля. 17 февраля онъ почувствовалъ себя снова больнымъ и слабымъ, поэтому не могъ присутствовать на переговорахъ о мирѣ, а остался въ своей комнатѣ, и то ложился на софу, то прохаживался по комнатѣ, часто молился, потомъ разговаривалъ съ друзьями. Въ немъ роились мысли о смерти и онъ задумчиво произнесъ слова: „здѣсь въ Эйслебенѣ я родился, неужели же здѣсь и умру?“ Но предчувствіе смерти не нарушало яснаго расположенія его духа. Вечеромъ, вышелъ онъ въ столовую, къ обыкновенному своему застольному обществу. За столомъ, онъ много говорилъ о краткости жизни, о надеждахъ на вѣчность, о свиданіи за гробомъ. Послѣ ужина, возвратился онъ въ свою комнату. Тамъ опять схватило его сильнѣйшее стѣсненіе въ груди, но натиранье теплыми полотенцами успокоило его, и онъ заснулъ. Около 10 часовъ, онъ проснулся и приказалъ отвести себя въ спальню. Ложась въ нагрѣтую постель, онъ протянулъ руки присутствующимъ сыновьямъ и друзьямъ и сказалъ имъ: „Молитесь Богу, чтобы Евангеліе Его процвѣтало, ибо Тридентскій соборъ и гадкій папа сильно возстаютъ на него.“ Даже въ минуту кончины, занимала Лютера мысль о великомъ подвигѣ всей его жизни. Тяжело дыша, онъ заснулъ, но въ 11 часовъ проснулся опять, мучимый стѣсненіемъ въ груди. Онъ

прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ взадъ и впередъ; потомъ прилегъ на софу, все жалуясь на стѣсненіе въ груди. Тогда послали за докторами; пришли графъ Албрехтъ Мансфельдъ и его жена и принесли крѣпительныя капли, которыми начала растирать ему пульсовыя жилы. Но напрасна была всякая помощь. Стѣсненіе въ груди становилось все сильнѣе. Друзья утѣшали его, и такъ какъ появилась испарина, то надѣялись, что, съ помощью Божіей, ему будетъ лучше. „Нѣтъ, это холодный, предсмертный потъ, возразилъ Лютеръ: болѣзнь усиливается, скоро испущу духъ.“ Затѣмъ онъ продолжалъ: „Отецъ мой небесный, Богъ и Отецъ Господа нашего, Іисуса Христа, Господь Утѣшитель, благодарю Тебя за то, что открылъ Ты мнѣ возлюбленнаго Сына Твоего, Іисуса Христа, въ Котораго я вѣрую, Котораго всегда исповѣдывалъ, любилъ и славилъ. Молю Тебя, Господи Іисусе Христе, пріими душу мою. Отецъ мой Небесный, хотя разстаюсь съ тѣломъ и оставляю земную жизнь, однако, твердо вѣрую, что пребуду съ Тобою во вѣки и никто не вырветъ меня изъ объятій Твоихъ.“ Лютеру подали лекарство; онъ три раза повторилъ молитву: „Отче, въ руки Твои предаю духъ мой. Ты искупилъ меня, Господи, надежда моя нерушимая.“ Тутъ онъ замолкъ; его терли и ворочали, но онъ не открывалъ глазъ. Докторъ Іонасъ крикнулъ ему: „достопочтенный отецъ, желаете ли вы умереть въ ученіи Христа, какъ вы о немъ проповѣдовали?“ Лютеръ явственно отвѣтилъ: „да“, повернулся на правый бокъ и отошелъ такъ тихо, что предстоявшіе долго думали, что онъ заснулъ. Великій человѣкъ скончался 18 февраля 1546 г., между 2 и 3 часами утра.

Великая была скорбь, когда узнали о смерти Лютера. Многія тысячи людей любили его, какъ отца, уважали, какъ надёжнаго совѣтника, видѣли въ немъ свободно мыслящаго, непоколебимаго, богобоязненнаго наставника. Толпами стекались, старые и молодые, къ тѣлу его; графы Мансфельды, князь Вольфъ ангальтскій, графъ Генрихъ шварценбургскій и многіе другіе дворяне прибыли оказать усопшему послѣднюю дань любви и печали. 19 февраля, перенесли тѣло въ эйслебенскую церковь св. Андрея, гдѣ, проливая слезы, произнесъ надгробную проповѣдь докторъ Іонасъ. Преемникъ *Іоанна Постояннаго* курфирстъ *Іоаннъ Фридрихъ* не хотѣлъ, чтобъ Лютера похоронили въ Эйслебенѣ. Глубоко огорченный его смертію, онъ написалъ графамъ Мансфельдамъ, что онъ

желалъ, чтобы не тревожили они старика своими ссорами; но какъ онъ уже скончался, то должно тѣло его похоронить въ дворцовой церкви въ Виттенбергѣ. 20 февраля, тѣло Лютера вывезли изъ Эйслебена, въ сопровожденіи графовъ Мансфельдовъ, ихъ придворнаго штата, окрестнаго дворянства и безчисленной толпы горожанъ и крестьянъ. На всемъ пути отъ Эйслебена и до Виттенберга, вездѣ звонили колокола; отовсюду стекался народъ, часто дѣлалась такая давка, что даже пріостанавливали на время погребальную процессію. 22 февраля, она вступила въ Виттенбергъ. Весь университетъ, магистратъ, всѣ граждане, многія почетныя женщины и дѣвицы вышли на встрѣчу. Затѣмъ тѣло перенесли въ дворцовую церковь и, когда стали опускать его въ могилу передъ алтаремъ, никто изъ присутствующихъ не могъ удержаться отъ слезъ.

10. Домашняя жизнь Лютера.

Лютеръ былъ щедръ, какъ рѣдко бываетъ и богатый. Конечно, заботясь такъ много о помощи ближнему, онъ слишкомъ мало думалъ объ огражденіи собственнаго семейства отъ нужды въ будущемъ. Когда одинъ изъ друзей сталъ представлять, что надо же ему копить имѣніе для пользы семейства, Лютеръ отвѣтилъ: „Никогда такъ не сдѣлаю, иначе семейство мое будетъ надѣяться нестолько на Бога и на свой трудъ, сколько на золото.“

Нуждающимся Лютеръ давалъ все, что имѣлъ, а иногда давалъ и тогда, когда у него ничего не было. Разъ, человѣкъ, весьма нуждавшійся въ деньгахъ, пришелъ въ рабочій кабинетъ Лютера и попросилъ помочь ему. А на ту пору, какъ и часто случалось, Лютеръ былъ совсѣмъ безъ денегъ. Но желая помочь, онъ сталъ припоминать—и припомнилъ: вынулъ деньги только-что подаренныя на зубокъ новорожденному его ребенку и отдалъ ихъ просившему. Родильница, ничего о томъ не знавшая, вскорѣ замѣтивъ, что недостаетъ денегъ въ ея ларчикѣ, очень разсердилась на безразсудную щедрость мужа. Но Лютеръ возразилъ ей: „полно, Богъ богатъ, и подаритъ насъ чѣмъ-нибудь другимъ.“ Въ другой разъ пришелъ бѣдный студентъ; окончивъ курсъ, онъ хотѣлъ покинуть Виттенбергъ и просилъ у Лютера денегъ на дорогу. Но самъ Лютеръ былъ безъ денегъ и понапрасну просилъ ихъ у жены своей; просимый о по-

мощи былъ приведенъ въ положеніе почти болѣе затруднительное, чѣмъ проситель. Вдругъ взоры Лютера, искавшаго по всей комнатѣ чего-нибудь, обратились на прекрасный серебрянный и вызолоченный кубокъ, недавно подаренный ему герцогомъ: онъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ дорогую вещь и отдалъ студенту. Студентъ былъ озадаченъ и не хотѣлъ принять кубка; Катерину, жену Лютера, казалось, тоже не слишкомъ пріятно поразило намѣреніе ея мужа. Увидавъ это, докторъ скорёхонько положилъ конецъ всѣмъ недоумѣніямъ: онъ крѣпко сдавилъ кубокъ и молвилъ: „мнѣ не нужно серебрянныхъ кубковъ. Возьми его, отнеси къ серебряннику и оставь у себя, что̀ онъ дастъ за него."

За обѣдомъ въ домѣ Лютера шли умныя рѣчи, а ужинъ, обыкновенно, скрашивался музыкою и пѣніемъ. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ сказалъ:

Входи смѣло туда, гдѣ поютъ;
Лишь злыя не вѣдаютъ пѣсень.

Проходя вечеромъ мимо дома Лютера, всякъ могъ съ радостію удостовѣриться, что въ домѣ этомъ живутъ люди добрые. Самъ Лютеръ аккомпанировалъ пѣніе игрою на флейтѣ или на лютнѣ. „Музыка, говаривалъ онъ, служитъ лучшимъ лекарствомъ для огорченнаго человѣка, она успокоиваетъ, подкрѣпляетъ, освѣжаетъ сердце; она разгоняетъ мрачныя мысли, какъ и видимъ мы изъ примѣра царя Саула. Молодыхъ людей должно всегда упражнять въ этомъ искусствѣ, потому что оно содѣйствуетуъ образованію и мягкости въ нравахъ."

Для дѣтей своихъ Лютеръ былъ любящимъ, разсудительнымъ отцомъ. Однажды, нянька поднесла къ нему ребенка, онъ благословилъ его и молвилъ: „Ступай и будь добръ; денегъ я тебѣ не оставлю, но оставлю тебѣ Бога, богатаго всякими милостями; Онъ не покинетъ тебя. Будь только благочестивъ и да поможетъ тебѣ Богъ. Аминь."

Избытокъ горячей любви къ дѣтямъ не мѣшалъ ему, однако, держать ихъ въ строгомъ повиновеніи и порядкѣ. Разъ, двѣнадцатилѣтній сынъ его сдѣлалъ какой-то проступокъ; за это Лютеръ три дни не пускалъ его къ себѣ на глаза и не прежде простилъ, какъ сынъ написалъ къ нему, смирился и попросилъ прощенія. При этомъ случаѣ, мать, докторъ Іонасъ и докторъ Тейтлебенъ стали-было просить за мальчика, но Лютеръ ска-

залъ имъ: „Я лучше желаю видѣть сына моего мертвымъ, чѣмъ избалованнымъ.“

Въ 1542 г., занемогла нѣжно любимая имъ четырнадцатилѣтняя дочь Магдалина, прелестная дѣвушка превосходнаго характера и свѣтлаго ума. Болѣзнь приняла дурной оборотъ; Лютеръ почти не отходилъ отъ постели дочери. „Мила мнѣ она,—говорилъ онъ, вздыхая: но Боже мой милостивый, если Ты хочешь взять ее отъ меня,—я съ радостiю отдамъ Тебѣ.“ Потомъ обратился онъ къ больной; „Магдаленочка, милая дочка, ты бы навѣрно охотно осталась здѣсь у отца,—и также охотно отходишь къ другому Отцу.“ Дочь отвѣчала: „да, дорогой батюшка, какъ Богу угодно.“—Милая дочка, духъ бодръ, плоть же немощна,—сказалъ опять Лютеръ, посмотрѣлъ вокругъ себя и промолвилъ: „Я очень люблю ее,—если плоть такъ сильна, что́ же будетъ съ духомъ“?

Жена Лютера очень печалилась, горько плакала и жаловалась; Лютеръ молвилъ ей: „Катя, подумай, что тамъ, куда идетъ она, ей будетъ очень хорошо.“ Въ ночь, передъ смертью дочери, Катерина видѣла сонъ: пришли къ ней двое прекрасныхъ, разряженныхъ юношей и хотѣли вести дочь ея на свадьбу. Утромъ, Филиппъ Меланхтонъ зашелъ въ монастырь освѣдомиться о здоровьѣ дочери Лютера, мать разсказала ему свой сонъ. Онъ испугался и сказалъ другимъ: „Эти юноши—ангелы; придутъ они и уведутъ дѣвицу въ царство небесное, на истинный бракъ.“ Въ тотъ же день она умерла.

Когда Магдалина была уже при послѣднемъ издыханiи, отецъ сталъ у постели на колѣни, и молилъ Бога спасти ее. Она скончалась на рукахъ отца; мать находилась тоже въ комнатѣ, но, подавленная горемъ, стояла въ сторонѣ, и, какъ нѣкогда Агарь, не хотѣла видѣть смерти своего дѣтища. „Милая Леночка, говорилъ Лютеръ, когда дочь его уже лежали въ гробу, — какъ хорошо тебѣ! Ты опять возстанешь, и будешь свѣтить, какъ звѣзда, какъ самое солнце. Я радуюсь духомъ, но плоть моя очень печальна. Плоть не хочетъ возстать: разставанье чрезъ мѣру тягостно для каждаго человѣка. Странно! мы знаемъ, что она пользуется миромъ, что ей хорошо,—и все-таки печалимся.“ Весь народъ собрался на похороны. Когда жь, по обычаю, стали говорить рѣчь доктору, стали изъяснять, какъ прискорбно для всѣхъ его горе, онъ отвѣчалъ: „Напротивъ, вамъ должно бы быть прiятно; я послалъ на небо святую, да, живую

святую. О, еслибъ мы всѣ удостоились такой смерти! Такую смерть я принялъ бы сейчасъ."

Филиппъ Меланхтонъ (род. 1496 г., ум. 1560).

Вѣрный другъ и помощникъ Лютера въ великомъ дѣлѣ реформаціи родился въ *Бреттенѣ*, маленькомъ городкѣ Нижняго Пфальца. Тамъ, въ половинѣ 15 столѣтія, жилъ честный управитель *Рейтеръ*, дочь котораго, Варвара, вышла за такого же честнаго человѣка, оружейника и пушечнаго мастера, *Георга Шварцерда*. Обѣ семьи жили въ тѣсной дружбѣ: особенно же между молодыми супругами царствовало то сердечное согласіе, которое дѣтей рожденныхъ отъ подобнаго брака неминуемо сдѣлаетъ достойными, счастливыми людьми. Мужъ и жена были нрава кроткаго, были тродолюбивы и очень религіозны по духу времени. Благочестивый Шварцердъ даже ночью вставалъ съ постели и на колѣнахъ молился.

Изъ пятерыхъ дѣтей, Филиппъ былъ старшимъ: съ раннихъ поръ, мальчикъ оказывалъ ясный умъ и обѣщалъ со временемъ быть полезнымъ дѣятелемъ. Веселый нравъ, спокойная обдуманность, скромность, соединенныя съ внѣшней граціей въ походкѣ и въ голосѣ, дѣлали его любимымъ во всякомъ обществѣ. Ему не было еще и 11 лѣтъ, какъ онъ преждевременно лишился отца. На смертномъ одрѣ, добрый отецъ увѣщевалъ его имѣть во всю жизнь передъ глазами Бога, потому что можно ожидать въ міру страшныхъ смутъ и тяжкихъ временъ. Послѣднія слова его были: „я пережилъ много великихъ событій, но предстоятъ еще другія, гораздо болѣе важныя. Да направитъ тебя, да руководитъ тобою Господь!"

По смерти отца, осиротѣвшихъ дѣтей принялъ къ себѣ дѣдъ ихъ, Рейтеръ. Онъ далъ Филиппу воспитателемъ Іоанна Унгера, который отъ всей души занялся его образованіемъ. Но вскорѣ умеръ и дѣдъ, Унгеръ покинулъ семейство и молодаго Филиппа отдали въ общественную школу, въ Пфорцгеймъ. Ректоръ школы особенно любилъ греческій языкъ, а такъ какъ въ школѣ его не преподавали, то обѣщалъ заниматься имъ отдѣльно съ тѣми изъ учениковъ, которые окажутъ особое прилежаніе къ латинскому языку. Филиппъ принадлежалъ къ числу избранниковъ,

и скоро сдѣлался любимцемъ ректора. Около этого времени, проѣзжалъ черезъ Пфорцгеймъ знаменитый гуманистъ*) того времени *Іоаннъ Рейхлинъ*, и, услыхавъ о прилежаніи мальчика, которому приходился съ родни, такъ обрадовался, что подарилъ ему много книгъ да сверхъ того, по обычаю, заведенному въ то время между учеными, далъ ему греческое прозваніе *Меланхтонъ*, что слово въ слово было переводомъ настоящей его фамиліи — Шварцеръ (Черноземъ).

Раннее развитіе Меланхтона дозволило ему на 14-мъ году поступить въ университетъ. Сначала (1510 г.) отправился онъ въ Гейдельбергъ, а оттуда (въ 1512 г.) въ Тюбингенъ. Въ этомъ-то послѣднемъ университетѣ попалась ему, въ первый разъ, на глаза Библія, чтеніе которой побудило его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ ученія Христа и Апостоловъ. Съ той поры, онъ почувствовалъ въ себѣ рѣшительное призваніе къ богословію. Подобно Лютеру, онъ тотчасъ отвергъ сухое, сбивчивое ученіе схоластиковъ и весь обратился къ изученію Библіи, экземпляръ которой пріобрѣлъ онъ при первой возможности.

Шесть лѣтъ провелъ онъ въ Тюбингенѣ, а тутъ дядя его, Рейхлинъ, получилъ отъ курфирста саксонскаго порученіе найдти для основаннаго имъ виттенбергскаго университета хорошаго философа (знатока древнихъ языковъ). Рейхлинъ вспомнилъ о прилежномъ и даровитомъ своемъ племянникѣ, скоро уладилъ дѣло, и, въ 1518 г., Меланхтонъ, 21 года отъ роду, поступилъ профессоромъ въ Виттенбергъ. Не смотря на молодость, молва о его учености такъ распространилась, что, въ проѣздъ его черезъ Лейпцигъ, тамошній университетъ устроилъ въ честь его праздникъ. Лекціи его ревностно посѣщали, часто доводилось ему читать передъ 2000 слушателей. Онъ высшей степени обладалъ даромъ пріятнаго, общепонятнаго изложенія, и съ глубочайшей прозорливостію соединялъ великую скромность.

2.

Меланхтонъ познакомился въ Виттенбергѣ, прежде всѣхъ, съ Лютеромъ. Они тотчасъ же подружились и остались друзьями до смерти Лю-

*) Человѣкъ, образованіе котораго основано на знаніи греческихъ и латинскихъ наукъ и искусствъ.

тера. Сама природа, казалось, создала ихъ другъ для друга; одинъ дополнялъ другаго. Какъ Меланхтонъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, при всемъ своемъ умѣ, едва ли бы могъ произвести реформацію, такъ и Лютеръ, раздражительный и рьяный, попалъ бы, безъ указаній своего кроткаго друга, въ тысячу затрудненій. Мелахтонъ самъ чувствовалъ, что ему не достаетъ мужества и увѣренности Лютера, а Лютеръ, съ своей стороны, уважалъ въ Меланхтонѣ основательность его знаній и спокойное расположеніе духа. „Я благодаренъ нашему доброму Филиппу, писалъ, однажды, Лютеръ, за то, что онъ учитъ насъ по-гречески. Я старше его, но это не мѣшаетъ мнѣ у него учиться. Откровенно говорю, онъ больше меня знаетъ, и я нисколько того не стыжусь.“ Такой справедливой оцѣнкѣ своихъ заслугъ Меланхтонъ отвѣчалъ Лютеру полнымъ, глубокимъ уваженіемъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ обыкновенно называетъ Лютера *докторомъ*. Онъ обходился съ нимъ всегда уступчиво и осторожно. Въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Лютера, онъ такъ выразился о немъ: „Лютеръ, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, былъ отъ природы горячь и гнѣвливъ. Часто долженъ былъ я оказывать ему рабскую покорность, такъ какъ онъ слѣдовалъ болѣе своимъ наклонностямъ, не принимая во вниманіе ни свое, ни общее благо. Онъ не терпѣлъ, чтобы ктонибудь уклонялся отъ его мнѣнія.“ И въ самомъ дѣлѣ: то было счастливое стеченіе обстоятельствъ, что человѣкъ, далеко превосходившій Лютера ученостію, уступалъ ему на столько же въ отвагѣ и дѣятельности. Оттого, въ теченіи 28 лѣтъ, честолюбіе ихъ никогда не сталкивалось враждебно и не была нарушена между ними гармонія, столь необходимая для дѣла реформаціи.

Впрочемъ, что за человѣкъ былъ Меланхтонъ уже изъ того видно, что даже свѣтозарный образъ Лютера не могъ затьмить его. Знавшій ихъ обоихъ, не могъ опредѣлительно сказать кто изъ нихъ — болѣе великій человѣкъ; многіе изъ тѣхъ, кому не нравились рьяныя притязанія Лютера, приступали къ доброму дѣлу только изъ уваженія къ Меланхтону. Неутомимая дѣятельность, не смотря на довольно слабое тѣлосложеніе, основательность изысканій, ясность изложенія, спокойствіе при возраженіи противникамъ,—все это доставляло Меланхтону удивленіе слушателей. Одною изъ величайшихъ заслугъ его было приведеніе наукъ, какія преподавались въ то время, въ болѣе удобную форму,—для чего и на-

писалъ онъ потребные для школъ учебники, — а особенно то, что онъ изобрѣлъ лучшій методъ для изученія древнихъ языковъ. Меланхтону обязана Сѣверная Германія первымъ знакомствомъ съ греческимъ языкомъ. Онъ написалъ греческую грамматику, которая выдержала 32 изданія. Намъ остались послѣ него логика, эпика, риторика, піитика и физика—превосходныя для того времени. Меланхтонъ удивительно помогъ трудамъ Лютера, объяснивъ впервые по греческому тексту Новый Завѣтъ и раздавая студентамъ дешевые оттиски отдѣльныхъ книгъ. За то Лютеръ считалъ его избраннымъ, посланнымъ отъ Бога, орудіемъ для помощи его дѣлу.

3.

Меланхтонъ простиралъ совѣстливость свою до того, что не рѣшался посѣтить любимой матери, боясь, чтобъ эта поѣздка не отвлекла его отъ работы. По той же самой причинѣ, не хотѣлъ онъ и жениться; Лютеръ принужденъ былъ долго уговаривать его къ тому и другому. „Ступай съ Богомъ, любезный братъ Филиппъ, говорилъ онъ ему. Вѣдь и самъ Господь Іисусъ Христосъ не всегда же училъ и проповѣдывалъ, но часто оставлялъ дѣло, посѣщалъ родныхъ и друзей. Одного только требую отъ тебя: возвращайся къ намъ поскорѣе. А затѣмъ отправляйся.“ Путешествіе совершилось благополучно. Когда Меланхтонъ завидѣлъ свой милый Бреттенъ,—слезы радости полились у него изъ глазъ: онъ сошелъ съ лошади и палъ на колѣна. „О родная почва! воскликнулъ онъ. Благодарю Тебя, Боже, что Ты далъ увидѣть мнѣ его опять!“

Свадьбу свою онъ отпраздновалъ 25 ноября 1520 г. Жена его, дочь виттенбергскаго бургомистра Іеронима Краппа, походила на него кротостію и уступчивостію. Она сдѣлала его вполнѣ счастливымъ и подарила двумя сыновьями и двумя дочерьми.

Жаль, что исключительно ученое образованіе сдѣлало этого превосходнаго человѣка неспособнымъ къ жизни общественной, дѣятельной. Никакъ не могли уговорить его, чтобы онъ говорилъ проповѣди, и когда, по дѣламъ реформаціи, принужденъ былъ онъ часто выступать публично,—каждый шагъ въ этихъ случаяхъ онъ дѣлалъ съ опасеніемъ и тревогою. „Ахъ, еслибъ не отзывали меня изъ моей аудиторіи, такъ писалъ

онъ между прочимъ: да еслибъ оставляли спокойно работать для блага юношества! Тамъ только я веселъ и спокоенъ. Для всего же прочаго, я слишкомъ мягокъ и неспособенъ.“ И точно: потерявъ Лютера, онъ сталъ подобенъ виноградной лозѣ, лишенной опоры. Все его мужество изчезло, а когда началась военная тревога, лучшимъ утѣшенiемъ его были слезы. „Печаль о смутахъ военныхъ снѣдаетъ меня, писалъ онъ. Часто, смотря на Эльбу, прихожу я въ сомнѣнiе: могъ ли бы я выплакать все мое горе, еслибъ у меня было столько же слезъ, сколько волнъ катитъ Эльба.“ Лютеране упрекали его и за то, что, колибъ отъ него зависѣло, онъ, съ Божiей помощью, оставилъ бы все по-прежнему, лишь бы добиться мира. Впрочемъ, въ тихомъ кружкѣ своемъ, онъ до самой смерти трудился, поучая, дѣлая изслѣдованiя и сочиненiя; накануне смерти, онъ самъ отнесъ въ типографiю рукопись своего послѣдняго пасхальнаго обозрѣнiя.

Ульрихъ Цвингли (род. 1481 г., ум. 1531 г.).

1.

Къ отважнымъ людямъ, служившимъ провозвѣстниками новаго ученiя, безспорно принадлежитъ *Цвингли*. Онъ былъ сынъ управляющаго въ Вильдгаузенѣ, въ графствѣ тоггенбургскомъ, и первое образованiе получилъ отъ дяди, деревенскаго священника. Потомъ, онъ отправился учиться въ Базель, а оттуда въ Бернъ. Въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, онъ съ большимъ прилежанiемъ занимался науками и музыкою. Уже собирался онъ поступить въ монахи, когда какое-то обстоятельство воспрепятствовало ему это сдѣлать,—и Цвингли, вмѣсто того, поступилъ въ вѣнскiй университетъ, гдѣ ревностно предался изученiю философiи. По возвращенiи въ Швейцарiю, онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ, и тутъ возникли въ немъ сомнѣнiя о непогрѣшимости папы, которыя онъ отважился высказывать громко и ясно.

Базельскiй теологъ, Томасъ Виттенбахъ, и университетскiй товарищъ его, Леонъ Юдъ, поступившiй въ 1506 г., въ священники въ Парижѣ, въ изслѣдованiяхъ своихъ сошлись съ Цвингли. Образовался кругъ одномыслящихъ, друзей, которые, будучи согласны въ томъ, что настоящее

положеніе церкви не соотвѣтствуетъ ученію Основателя ея, рѣшились, каждый въ своемъ кругу, распространять въ народѣ понятія несогласныя съ римско-католическими. Никому, однако, не удалось это такъ, какъ Цвингли, поставленному, въ 1506 г., проповѣдникомъ въ Гларисѣ. Слова его выходили изъ сердца, находили доступъ къ сердцамъ: ласковость же въ обхожденіи; общительность, любовь къ музыкѣ доставили ему общее расположеніе. Сдѣлавшись, въ 1516 г., проповѣдникомъ въ знаменитомъ монастырѣ, *Маріинской пустынѣ*, куда собирались толпы богомольцевъ, онъ и тамъ выступилъ безстрашнымъ поборникомъ новаго ученія.

2.

Два года спустя, по обнародованіи Лютеромъ 95 Положеній, призвали Цвингли въ Цюрихъ. Тамъ онъ нашелъ немногочисленный, но бодрый, преданный свободѣ народъ и магистратъ, уже вполовину готовый къ нововведеніямъ. Слушатели собирались толпами къ Цвингли. Онъ ввелъ между прочимъ новый способъ проповѣдывать, — ознакомливая прихожанъ своихъ съ Новымъ Завѣтомъ, объясняя его въ своихъ послѣдовательныхъ *гомиліяхъ* или рѣчахъ. При всемъ этомъ, онъ раскрывалъ испорченность духовенства, злоупотребленія католической церкви. Когда по Швейцаріи началъ разъѣзжать францисканскій монахъ *Бернардинъ Самсонъ* и, подобно Тецелю въ Сѣверной Германіи, проповѣдывалъ за индульгенціи,—Цвингли такъ сильно ратовалъ противъ этого, что Самсонъ не посмѣлъ даже показаться въ Цюрихъ. Въ то же время, во многихъ мѣстахъ, отмѣнили мессу, исповѣдь на ухо; кое-гдѣ монахини оставляли монастыри и выходили замужъ. Папа, въ надеждѣ привести Цвингли къ молчанію, началъ предлагать ему почетныя мѣста. Но Цвингли отклонилъ отъ себя предложенія папы. Послѣ того, совѣтъ созвалъ въ Цюрихъ всѣхъ духовныхъ лицъ, желавшихъ возражать на ученіе Цвингли, и не смотря на то, что ихъ собралось болѣе 600 человѣкъ, реформаторъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія. Тогда онъ издалъ свое исповѣданіе и изъяснялся въ немъ точь въ-точь какъ Лютеръ. „Только Библія, говорилъ онъ, должна служить основаніемъ нашей вѣры и нашихъ дѣлъ; всѣ человѣческія прибавки должны быть отмѣнены, мы можемъ исправиться неиначе какъ возвратившись къ простотѣ первобыт-

ной христіанской церкви.“ Только въ немногихъ статьяхъ Цвингли разнствовалъ отъ Лютера, а именно въ ученіи о таинствѣ св. Причащенія. Цвингли училъ, что за трапезой Господней хлѣбъ и вино принимаются въ *всопоминаніе* о жизни и смерти Спасителя и служатъ только знакомъ памяти о Немъ; Лютеръ же, напротивъ того, утверждалъ, что слѣдуетъ держаться словъ Священнаго писанія, ибо Спаситель именно сказалъ: „*Сіе есть тѣло мое.*“ Конечно, мы не можемъ объяснить какимъ образомъ хлѣбъ и вино *претворяются* въ тѣло и кровь Христову, и обязаны только съ смиреніемъ и искренней любовью принимать Святое Причащеніе, однако, лютеране на этомъ пунктѣ отдѣлились отъ послѣдователей Цвингли, назвавшихъ себя *реформатами*. Лютеръ не соглашался ни на какіи уступки, и даже совѣщаніе между обоими реформаторами, устроенное, въ 1529 г., въ Марбургѣ, стараніями ландграфа Филиппа гессенскаго, не привело къ мирному окончанію.

3.

Давно уже существовала ожесточенная вражда между швейцарскими кантонами, оставшимися вѣрными католическому исповѣданію и обратившимися къ протестантизму: Цюрихомъ, Берномъ и заключившими съ ними оборонительный и наступательный союзъ городами; Біелемъ, Мюнхгаузеномъ, Базелемъ и Санктъ Галленомъ. И вотъ разгорѣлась война. Цвингли не могъ оставаться спокойно на мѣстѣ въ то время, какъ бились за высочайшее благо христіанства: ибо онъ самъ подалъ первый поводъ къ войнѣ. Онъ собрался въ походъ полковымъ священникомъ. Все войско выстроилось на монастырскомъ дворѣ, передъ его жилищемъ. Подвели лошадь, на которой Цвингли долженъ былъ ѣхать; застегивая на себѣ панцырь, онъ такъ утѣшалъ жену свою: „Насталъ часъ, въ который намъ должно разстаться. Да будетъ во всемъ воля Господня. Да будетъ она съ тобой, со мною, съ дѣтьми нашими.“ Съ трудомъ освободился Цвингли изъ объятій глубоко огорченной жены и плачущихъ дѣтей. „Если Богу угодно, опять увидимся,“ сказалъ онъ,—и то были послѣднія слова, услышанныя отъ него на землѣ любимой его семьею.

11 ноября 1531 г., произошло сраженіе при Каппелѣ, недалеко отъ горы *Риги*. Цюрихцы были побѣждены превосходствомъ силы католи-

ческихъ кантоновъ; Цвингли, сражавшійся въ первыхъ рядахъ, покрытъ былъ ранами, лошадь подъ нимъ была убита и наконецъ самъ онъ палъ. Ратникъ изъ кантона Ури, думая, что узналъ умирающаго, подошелъ къ нему. „Не ты ли Гильтерихъ (Гульдрейхъ — милостивецъ)?“ спросилъ онъ его. Цвингли не отвѣчалъ. Тогда человѣкъ этотъ сталъ на колѣна передъ Цвингли, обезсилившимъ отъ ранъ, и крикнулъ ему на ухо: „Коли вѣруешь въ папу, то живи.“ Но Цвингли вдругъ приподнялся и, сколько позволили ему изчезавшія силы, громко воскликнулъ: „Я вѣрую въ Бога!“—„Такъ умри!“ возразилъ католикъ и закололъ мечемъ протестанта. Въ тотъ же день, тѣло Цвингли сожгли на мѣстѣ сраженія. Одинъ изъ товарищей по оружію, съ опасностію жизни, спасъ сердце любимаго друга и учителя, и принесъ его въ Базель другому другу Цвингли, тамошнему профессору Эколампадію. Эколампадій сурово спросилъ его: „Точно ли ты увѣренъ?“ И когда воинъ съ клятвою сталъ утверждать, что это дѣйствительно сердце злополучнаго ихъ друга, — Эколампадій взялъ его и, молвивъ: „Намъ не нужно мощей“ — бросилъ въ Рейнъ.

Іоаннъ Кальвинъ (род. 1509, ум. 1564 г.).

1.

Жанъ Шовенъ (Jean Chovin по латынѣ Calvinus) былъ сынъ значительнаго купца въ Нойонѣ, во Франціи. Отецъ, весьма уважаемый за свѣтлый умъ и твердый характеръ, принялъ за правило всячески скрывать отъ дѣтей нѣжную къ нимъ любовь, страхомъ воспитывать ихъ на добро. Онъ очень строго обращался съ сыномъ, и, однако строгость эта не помѣшала сыну всегда почитать и уважать отца. Когда же Жанъ выросъ,—отецъ сдѣлался для него лучшимъ другомъ и совѣтникомъ. Между тѣмъ, Жанъ заимствовалъ отъ отца суровый образъ мыслей. Съ другой стороны, благотворно подѣйствовалъ на мальчика характеръ матери, женщины религіозной. Ребенокъ видѣлъ какъ она ходитъ въ церковь, читаетъ, поетъ, становится на колѣна, молится, плачетъ,—все это чрезвычайно трогало его впечатлительную душу и не выразимое благоговѣніе проникало весь составъ его при мысли о Богѣ свѣтломъ и невиди-

момъ. Жанъ Шовенъ, съ ранней молодости, привыкъ на колѣнахъ молиться, подъ открытымъ небомъ, что̀ онъ всегда дѣлалъ усердно и радостно, даже когда оставался одинъ. Маленькій братъ, Антонъ, любимый товарищъ его дѣтскихъ игръ, услаждалъ ему младенческіе годы.

Степенный мальчикъ нравился вообще всѣмъ, особенно полюбилъ его господинъ де Моншоръ, который и выпросилъ его у отца на воспитаніе съ дѣтьми своими. Вмѣстѣ же съ ними, Жанъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ общественной школѣ—коллегіумѣ *Ла Маршъ*; потомъ послали его въ Парижъ. Молодаго, прилежнаго, послушнаго и тихаго Кальвина ежедневно отличали, въ ущербъ его товарищамъ, которые за это завидовали ему; Кальвинъ безпрестанно порицалъ ихъ то за одно, то за другое, и это сердило ихъ; впрочемъ, онъ самъ былъ своенравенъ и обидчивъ,—товарищи поминутно дразнили его, насмѣхались надъ нимъ. Все это развило въ немъ болѣзненную раздражительность, упрямство и самолюбіе, не смотря на то, что всѣ наклонности его были добрыя...

Диспутъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ ученость и искусство Кальвина возбудили вниманіе всѣхъ слушателей, доставилъ ему, на 18-мъ году, мѣсто священника въ Понъ л'Эвекѣ; въ этой должности онъ заслужилъ всеобщую похвалу. Впрочемъ, онъ уже на 12-мъ году, пользовался доходами съ прихода: такъ неосмотрительно расточали въ то время несмѣтныя богатства церкви.

2.

Между тѣмъ, онъ не долго остался на поприщѣ занятомъ съ такимъ почетомъ. Ученый его родственникъ, *Робертъ Оливето*, познакомилъ его впервые съ полной Библіею; къ тому же Кальвинъ кое-что уже зналъ о правилахъ новыхъ реформаторахъ въ Германіи и Швейцаріи; тогда вѣра его въ истину католицизма начала сильно колебаться, и это обстоятельство такъ безпокоило его, что онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать: нѣсколько времени боролась еще въ немъ привязанность къ мнѣніямъ, внушеннымъ ему съ младенчества, и тяжело ему было отказаться отъ прежнихъ заблужденій. Но эта борьба длилась только до тѣхъ поръ, пока новыя вѣрованія не проникли въ него съ силою убѣжденія. Какъ скоро совершилось это,—онъ почувствовалъ, что невозможно ему оставаться

долѣе католическимъ священникомъ. „Сердце не допускаетъ меня остаться,“ объяснялъ онъ впослѣдствіи. Онъ добровольно сложилъ съ себя свое званіе и отправился въ *Орлеанъ* учиться праву, что съ радостію дозволилъ ему отецъ, надѣясь, что это послѣднее поприще принесетъ его сыну гораздо болѣе почета.

Съ обычнымъ своимъ прилежаніемъ, Кальвинъ въ короткое время сдѣлалъ удивительные успѣхи въ наукѣ правовѣденія. Рвеніемъ къ ученію онъ даже отгонялъ отъ себя друзей, ибо всегда почти досадовалъ, когда чьи бы то ни было посѣщенія мѣшали ему работать. Сами учители удивлялись его быстрымъ успѣхамъ и, желая доставить ему почетное отличіе, предложили ему прямо степень доктора. Но онъ скромно отказался,—онъ имѣлъ намѣреніе, для усовершенствованія себя въ законовѣденіи, послушать въ *Буржѣ* знаменитаго правовѣда, Андреаса Альціатуса, призваннаго туда изъ Италіи.

Въ то время въ буржскомъ университетѣ профессоромъ греческаго языка былъ молодой нѣмецъ *Вольмеръ*, родомъ изъ Ротвейля, въ Швабіи. Кальвинъ познакомился съ нимъ, и вслѣдствіе этого знакомства, такъ пристрастился къ изученію древнихъ языковъ и Новаго Завѣта, что покинулъ навсегда право и воспламенился желаніемъ пріобрѣсть славу проповѣдника. И дѣйствительно: онъ началъ проповѣдывать въ духѣ новаго ученія въ селеніяхъ, прилежащихъ къ Буржу; рѣчи его, пламенныя и проникнутыя сердечнымъ убѣжденіемъ, были принимаемы вездѣ, съ величайшимъ одобреніемъ. Его всячески старались удержать въ Буржѣ, но смерть отца призвала его сначала въ Нойонъ, а тамъ— въ Парижъ, гдѣ онъ тотчасъ примкнулъ къ реформатамъ ученія Цвингліева. Рѣчами, произносимыми на тайныхъ сходкахъ, онъ умилялъ сердца слушателей, а разными духовными сочиненіями сильно содѣйствовалъ распространенію новаго ученія. Уже на 24-мъ году, онъ считался у реформаторовъ главнымъ столбомъ ихъ церкви. Сестра Франциска 1-го, королева наваррская Іоанна, тайно покровительствовавшая ихъ партіи, часто приглашала къ себѣ Кальвина и бесѣдовала съ нимъ о религіозныхъ предметахъ. Но вскорѣ начались преслѣдованія противъ гугенотовъ. Кальвинъ принужденъ былъ скрыться изъ Парижа и нѣсколько времени разъѣзжалъ по своимъ пріятелямъ. Потомъ онъ еще разъ отважился посѣтить столицу, — но долженъ былъ тотчасъ же бѣжать чтобъ спасти

себѣ жизнь. Неохотно, но съ покорностію и спокойствіемъ, оставилъ онъ отечество: „потому что, писалъ онъ, и правдѣ не приходится жить во Франціи, тѣмъ менѣе мнѣ. Я же охотно подвергнусь судьбѣ, которая правду постигнетъ.“

Онъ поселился въ Базелѣ, откуда ученіе Цвингли вполнѣ изгнало католицизмъ. Тамъ онъ нашелъ множество друзей и доброжелателей, а также наставниковъ, у которыхъ многому могъ научиться. Тамъ онъ впервые принялся за еврейскій языкъ, и, какъ легко вообразить, принялся съ обычнымъ своимъ рвеніемъ. Желая отъ души доставить своимъ убѣжденіямъ болѣе доступа и высочайшее одобреніе въ отечествѣ, онъ написалъ „Наставленіе въ христіанской религіи“ и посвятилъ это сочиненіе французскому королю, но духовные совѣтники не допустили короля даже взглянуть на книгу.

3.

Въ 1536 г. Кальвинъ прибылъ въ Женеву, городъ давнымъ-давно пріобрѣтшій себѣ независимость республики и пользовавшійся полнымъ благосостояніемъ; два реформатскихъ проповѣдника, *Вильгельмъ Фарель* и *Петръ Вире*, незадолго посвятили ее въ новое ученіе. Лишь только услыхали оба эти духовныя лица о пріѣздѣ Кальвина, какъ неотступно стали просить его пожить у нихъ и хоть разъ сказать проповѣдь. Кальвинъ исполнилъ ихъ желаніе—и говорилъ съ такимъ успѣхомъ, что, послѣ проповѣди, народъ толпами сбѣжался къ его жилищу, чтобъ благодарить его. Увидавъ это, Кальвинъ не могъ удержаться отъ слезъ и долженъ былъ дать обѣщаніе—сказать проповѣдь и на слѣдующій день. Подконецъ, Женевцы уже вовсе не хотѣли отпустить Кальвина и дали ему мѣсто священника. Въ этой должности дѣятельность его была самая тревожная. Онъ часто дѣлалъ поѣздки по сосѣдственнымъ маленькимъ общинамъ, поддерживалъ въ нихъ первобытныя учрежденія, назначалъ наставниковъ, прекращалъ раздоры; посреди всѣхъ этихъ заботъ онъ кое-что напечаталъ и, между прочимъ, по примѣру Лютера издалъ большой и малый катихизисъ. Онъ также часто держалъ диспуты,—великій охотникъ до нихъ, онъ вызывалъ всѣхъ, не раздѣлявшихъ его мнѣній, публично вступать съ нимъ въ пренія. Быстрый и блистательный успѣхъ,

увѣнчавшій его старанія, развилъ въ немъ упорную страсть къ спорамъ, оттого онъ не терпѣлъ чужаго мнѣнія, не сходнаго съ его собственнымъ. Такъ и съ женевскимъ магистратомъ Кальвинъ затѣялъ распрю на счетъ литургіи: онъ ни за что не хотѣлъ уступить,—и былъ изгнанъ изъ города. Лишь услыхали о томъ Страсбургцы,—тотчасъ призвали къ себѣ Кальвина въ священники и профессоры богословія въ ихъ университетъ. И здѣсь распространилъ онъ новое ученіе, установилъ болѣе строгій церковный порядокъ, и пріобрѣлъ уваженіе, которое доходило почти до какого-то страха передъ нимъ.

Въ Страсбургѣ же онъ задумалъ жениться: выборъ его былъ счастливъ, хотя бракъ остался безплоднымъ. Три года только пробылъ онъ въ Страсбургѣ; приверженцы его въ Женевѣ одержали верхъ въ тамошнемъ магистратѣ и народъ нетерпѣливо желалъ возвращенія изгнаннаго проповѣдника. Нѣсколько разъ просили его возвратиться, но Страсбургцы не отпускали его отъ себя, пока наконецъ, послѣ многократныхъ просьбъ Женевскихъ магистрата и горожанъ, Кальвинъ рѣшился на новое переселеніе и, въ 1541 г., благополучно прибылъ опять къ Женеву. За нѣсколько миль, выходили встрѣчать его; всѣ порицали его изгнаніе, всѣ желали сложить съ себя участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ что Кальвинъ шутя написалъ пріятелю: „коли положиться на увѣренія Женевцевъ, что никто изъ нихъ и не вѣдалъ про мое изгнаніе, то должно быть не люди, а дома изгнали меня изъ города.“

4.

Онъ сталъ опять проповѣдывать, учить, писать и ратовать. Его нравственное чувство возмущалось тѣмъ, что иной проценты бралъ, а иной продавалъ вещи дороже чѣмъ онѣ были куплены, если притомъ не было сдѣлано въ нихъ никакихъ улучшеній. Для водворенія нравственности между Женевцами, онъ предложилъ строгіе церковные законы, по которымъ всякій дурной поступокъ, коли доносили о немъ нарочно-учрежденному суду благочинія, наказывался публичнымъ покаяніемъ. Можно вообразить, какъ возставала молодежъ противъ такой строгости; старики же, напротивъ того, находили въ мысли Кальвина много назидательнаго, а Кальвинъ не таковъ былъ, чтобъ оставить не конченнымъ начатое дѣ-

ло; по этому сдѣлали угодное ему, — и новый церковный порядокъ поддерживался, по крайней мѣрѣ, до самой смерти учредителя.

Для Кальвина значеніе въ обществѣ какого бы то ни было лица ровно ничего не значило. *Ами Перрэнъ*, сенаторъ и генералъ-капитанъ въ Женевѣ, былъ безнравственный человѣкъ и рьяный противникъ реформатора. Разъ, явился онъ воспріемникомъ къ новорожденному, котораго крестилъ Кальвинъ. Но Кальвинъ не захотѣлъ допустить Перрэна, — онъ громко говорилъ, что въ кумовья должно принимать только людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ, на которыхъ можно понадѣяться, что они станутъ по-христіански заботиться о благѣ своихъ крестниковъ. Въ другой разъ, секретарь суда, нѣкто Бертелье, развратнымъ поведеніемъ навлекъ на себя отлученіе отъ церкви. Онъ апеллировалъ магистрату, и магистратъ разрѣшилъ ему, по прошествіи полугода, пріобщиться Св. Таинъ. Напрасно представлялъ Кальвинъ, что въ этомъ человѣкѣ нѣтъ еще слѣдовъ исправленія, — сенатъ хотѣлъ, на этотъ разъ, поставить на своемъ и утвердить власть свою надъ духовной консисторіей. Это значило задѣть Кальвина за живое. Въ воскресенье, когда Бертелье долженъ былъ причащаться, Кальвинъ произнесъ громовую рѣчь противъ испорченности нравовъ и громовымъ же голосомъ закричалъ съ каѳедры: „скорѣй лишусь жизни, чѣмъ рука моя подастъ Св. Дары недостойному.“ Эти слова произвели впечатлѣніе; стали опасаться волненія въ церкви и самые друзья Бертелье посовѣтовали ему удалиться. Но Кальвинъ не остановился на полудорогѣ. Опираясь на всю массу народа, онъ вынудилъ у сената обѣщаніе, никогда не вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія духовному вѣдомству.

Впрочемъ, необыкновенная добросовѣстность, трудолюбіе, безкорыстіе, которымъ удивлялись даже самые яростные порицатели Кальвина, весьма умѣряли ненависть, какую навлекъ онъ на себя своею суровостью. Изъ примѣра Лютера мы уже видѣли, что человѣкъ, всѣми силами души преслѣдующій возвышенную цѣль, чистъ бываетъ отъ пристрастія къ торгашескимъ барышамъ, такъ даже, что боится и тѣни своекорыстія. Таковъ былъ и Кальвинъ. Онъ былъ бѣденъ, и бѣднякомъ хотѣлъ остаться. Онъ отказался отъ добавочнаго жалованья, предложеннаго ему магистратомъ, — и молвилъ при этомъ: „я тружусь ради пользы, какую другіе должны получить отъ меня, а не для собственныхъ моихъ выгодъ.“

Все содержаніе его состояло изъ 50 талеровъ, двѣнадцати мѣръ ржи, двухъ бочекъ вина и даровой квартиры. И не смотря на это, разъ, во время дороговизны, онъ отказался отъ 20 талеровъ изъ своего содержанія да еще тайно помогалъ кое-какимъ бѣднымъ.

5.

Но къ великимъ заблужденіямъ можетъ повести и ревность о вѣрѣ, когда не достаетъ ей христіанской терпимости,—это показываетъ намъ исторія несчастнаго *Серведы.* Михаэль Серведа, испанскій врачъ, былъ великій мыслитель и любилъ также заниматься богословскими изслѣдованіями. Онъ долго жилъ и разработывалъ свой предметъ во Франціи, находился въ перепискѣ со многими ученѣйшими людьми своего времени, и между прочими—съ Кальвиномъ. Но Кальвинъ, лишь замѣтилъ, что Михаэль Серведа имѣетъ различныя съ нимъ мнѣнія о тріединствѣ Божества и не согласенъ съ ученіемъ его о благодатномъ избраніи, тотчасъ прекратилъ съ нимъ переписку. Кальвинъ училъ, что Богъ отъ самой вѣчности предопредѣлилъ добрыхъ для блаженства, а злыхъ на осужденіе, а мы, люди, не вѣдаемъ почему Онъ избралъ тѣхъ или другихъ. Но въ книгѣ своей: „*о возстановленіи христіанства*“ Серведа выразилъ болѣе свободное воззрѣніе, и Кальвинъ сталъ поносить его безбожнымъ еретикомъ, который, въ образѣ діавола, хочетъ соблазнить людей. Когда, по настоянію французскаго духовенства, Серведа былъ взятъ подъ стражу въ Віеннѣ, — Кальвинъ послалъ къ тамошнему начальству собственноручныя письма обвиненнаго, который и былъ за то осужденъ на смерть. Ему удалось, однако, бѣжать изъ тюрьмы. На пути, онъ заѣхалъ въ Женеву, и, думая, что найдетъ безопасность въ протестантскомъ городѣ, расположился отдохнуть тамъ нѣсколько дней. Но увы! лишь только узналъ Кальвинъ о пріѣздѣ несчастнаго скитальца, — тотчасъ же, по его настоянію, Серведу бросили въ тюрьму. Изумился Серведа, увидавъ благочестиваго, честнаго Кальвина во главѣ своихъ обвинителей. Правда, Кальвинъ посѣтилъ его въ темницѣ, съ цѣлью — убѣдить его отречься отъ мнимыхъ заблужденій. Но Серведа, какъ нѣкогда Лютеръ, рѣшился, до самой смерти, стоять за свои убѣжденія. Тогда Кальвинъ объявилъ его безбожнымъ, неисправимымъ грѣшникомъ и при-

судилъ за это къ сожженію. Обвиненный чуть не лишился чувствъ отъ ужаса,—но скоро собрался съ духомъ и сослался на правоту своего дѣла; потомъ же сталъ опять умолять о пощадѣ. Наконецъ онъ умолялъ замѣнить варварскую казнь огнемъ другою менѣе жестокою—отсѣченіемъ головы; но все было напрасно. Его повлекли на костеръ, воздвигнутый передъ самой ратушей. Въ послѣднія минуты жизни, онъ посрамилъ фанатиковъ, прося у всѣхъ прощенія въ совершенныхъ имъ прегрѣшеніяхъ. „Я не страшусь смерти, молвилъ онъ тѣмъ, кто оставался при немъ передъ казнію: но умереть, какъ преступникъ, вотъ что сокрушаетъ мнѣ сердце. Іисусе, Спаситель мой, утѣшь меня, какъ нѣкогда Ты Самъ былъ утѣшенъ! Змій, котораго я хотѣлъ побороть, одолѣлъ меня.“ Сидя на низкой плахѣ, привязанный къ колу, съ роковой книгою возлѣ себя, онъ видѣлъ какъ медленно разгорается костеръ, который сложили изъ свѣжихъ и сырыхъ дровъ. Почти изжаренный на чуть-горѣвшемъ огнѣ, несчастный мучился болѣе получасу и безпрестанно восклицалъ: „Іисусе, Сыне Вѣчнаго Бога, помилуй меня!“ Наконецъ народъ, окружавшій костеръ, сжалился надъ нимъ, набросалъ на него нѣсколько вязанокъ дровъ, и, послѣ неописанныхъ мученій, Михаэль Серведа наконецъ задохся (27 октября 1553).

III. ПРОТИВНИКЪ РЕФОРМАЦІИ.

Игнатій Лойола (1492—1556 г.)

1.

Игнатій Лойола былъ сынъ испанскаго дворянина, богато награжденнаго дѣтьми. На шестнадцатомъ году, онъ покинулъ родительскій домъ и сталъ искать счастья, сначала пажомъ при дворѣ Фердинанда и Изабеллы, а потомъ солдатомъ—у герцога Найяра. Онъ отличался красотой, тѣлесной силою и приличіемъ въ поступкахъ, такъ что считался однимъ изъ самыхъ ловкихъ кавалеровъ. Лойола жаждалъ случая выказать геройскій духъ, и не предвидѣлъ какой дурной оборотъ приметъ первое его военное дѣло, а еще менѣе предвидѣлъ — какія необык-

новенныя и замѣчательныя послѣдствія будетъ имѣть все это для его жизни.

Французы, воспользовавшись поѣздкой Карла V въ Германію, вторглись въ Испанію. Они не встрѣтили сопротивленія и быстро проникли до *Пампелуны*. Въ небольшомъ отрядѣ, оставленномъ для защиты этого города, находился и *Лойола*. Напрасно поощрялъ онъ жителей къ сопротивленію; городъ сдался, не обнаживъ даже меча. Взбѣшенный такой трусостію и вѣроломствомъ, Лойола рѣшился на все и съ немногими вѣрными засѣлъ въ цитадели. Непріятель потребовалъ сдачи, но онъ отвергъ недостойныя условія. Французы принуждены были сдѣлать приступъ. Артиллерія опрокинула часть стѣны; Лойола сталъ передъ проломомъ и отражалъ враговъ; вдругъ ядромъ разрушило возлѣ него стѣну, осколкомъ камня раздавило ему ступню и переломило ногу; товарищи разбѣжались; Французы взяли крѣпость.

Они дозволили храбрымъ Испанцамъ свободно выйдти изъ города. Лойолу перевезли къ братьямъ, для излеченія отъ раны. Неопытный костоправъ такъ дурно вправилъ ему ногу, что другой, болѣе искусный, присудилъ, для полнаго излеченія, вторично ее переломить. Лойола, безъ малѣйшихъ жалобъ, вынесъ мучительную операцію и съ такимъ же мужествомъ позволилъ выпилить костяной наростъ, образовавшійся подъ колѣномъ. Не смотря и на это вторичное леченіе, нога оставалась короче,—и Лойола нѣсколько мѣсяцевъ выдерживалъ растягиванье ея гирями и боль отъ компрессовъ. Достаточное доказательство силы честолюбія! для Лойолы невыносима была мысль въ бездѣйствіи окончить жизнь, начатую съ такой славою.

2.

Желая развлечься отъ томительной скуки, во время продолжительнаго леченья, пылкій молодой человѣкъ принялся за чтеніе. Но на бѣду,—въ имѣніи родныхъ его, не нашлось ничего, кромѣ собранія легендъ въ чисто-католическомъ духѣ. Книгу эту Лойола прочелъ съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ началъ размышлять о чудныхъ дѣйствіяхъ промысла надъ людьми, сравнивалъ судьбу свою съ судьбою святыхъ, и чѣмъ болѣе влекли его страданія къ религіи, тѣмъ тверже становилось въ немъ убѣ-

жденіе, что самое несчастіе его устроено промысломъ Божіимъ, ведущимъ его къ неизвѣданному еще призванію мученика.

Родные съ безпокойствомъ замѣтили перемѣну, произведенную въ Игнатіи чтеніемъ, и напрасно старались отвести мысли его въ другую сторону; Лойола твердо рѣшился сдѣлаться мученикомъ; лишь выздоровѣла нога его, простился онъ съ родными, и собрался въ Іерусалимъ. Деньги, данныя ему на дорогу старшимъ братомъ, онъ роздалъ бѣднымъ, и, съ посохомъ странника въ рукахъ, отправился въ Барселлону. На пути, въ капеллѣ *Монтесератской Божіей Матери*, онъ далъ обѣтъ всегдашняго цѣломудрія, поручивъ себя заступничеству Царицы Небесной; потомъ исповѣдался и въ послѣдній разъ употребилъ въ дѣло свой мечъ, стоя на часахъ передъ изображеніемъ Божіей Матери. Затѣмъ, сложилъ онъ навсегда мечъ и кинжалъ въ монастырѣ, замѣнилъ платье мѣшкомъ и веревкой, и шолъ сначала босикомъ, пока распухшая отъ боли нога не принудила его обвернуть ее шильникомъ. Онъ шолъ, питаясь милостыню, изъ деревни до деревни, и наконецъ добрался до города *Манрезы*. Тамъ, въ пещерѣ, неподалеку отъ города, провелъ онъ цѣлую недѣлю безъ пищи и питья, и навѣрно умеръ бы, еслибъ случайно кто-то не нашолъ отшельника и не возвратилъ его къ жизни. Въ неестественномъ напряженіи духа, ему мечтались странныя видѣнія, и онъ похвалялся ими, какъ божественнымъ откровеніемъ. Такъ открылась будтобы передъ нимъ непостижимая тайна Троицы.

Преувеличенная суровость къ самому себѣ поддерживала непрерывно эту религіозную мечтательность. Три раза въ день онъ бичевалъ себя, семь часовъ проводилъ на молитвѣ, питался хлѣбомъ и водою, спалъ на голой землѣ. Чѣмъ больше истощалъ его такой образъ жизни, тѣмъ больше онъ гордился своимъ изнуреніемъ, а чѣмъ болѣе походилъ съ виду на помѣшаннаго, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли о своей святости. Онъ произвелъ великое впечатлѣніе въ Манрезѣ; старый и малый бѣгали за нимъ; даже дамы начали имъ интересоваться, а какъ сдѣлалась съ нимъ сильная горячка,—ухаживали за нимъ и уговорили хоть нѣсколько смягчить суровость къ самому себѣ. Игнатій Лойола пустился опять въ путь уже въ суконномъ плащѣ, въ шляпѣ и обуви.

3.

Въ началѣ 1523 г., онъ отправился на кораблѣ изъ *Барселлоны*. Капитанъ корабля принялъ его даромъ, но все-таки деньги на сухари Лойола долженъ былъ поспѣшно собрать себѣ милостынею. Прибывъ въ *Гаэту*, и странствуя по Италіи, онъ чуть-было не умеръ съ голоду, потому что въ Италіи свирѣпствовала чума, и всѣ жители запирались въ домахъ. Достигнувъ Рима, онъ приложился къ туфлѣ папы Адріана VI, и, не страшась чумы, отправился пѣшкомъ въ Венецію. Впалые, огненные глаза и вся наружность Лойолы всѣхъ отгоняли отъ него,—его принимали за живое изображеніе чумы. Гонимый отовсюду, часто изнемогая отъ нечеловѣческихъ усилій, но всегда довольный собою, Лойола достигъ Венеціи и сѣлъ на корабль, стоявшій уже подъ парусами. Во время плаванія, онъ говорилъ матросамъ длинныя проповѣди по поводу ихъ хульныхъ клятвъ и побранокъ, говорилъ съ такой ревностію, что ни насмѣшки, ни угрозы не могли остановить его. Онъ прибылъ на островъ *Кипръ*, а оттуда—въ *Палестину*. Какъ билось его сердце, когда ступилъ онъ на священную почву! Съ неудержимымъ восторгомъ, онъ тотчасъ же отправился на поклоненіе въ Іерусалимъ. Слезы радости лились у него изъ глазъ, когда онъ увидалъ этотъ городъ; нѣсколько дней не отходилъ онъ отъ мѣстъ, гдѣ Спаситель былъ распятъ и погребенъ, и, стоя на колѣнахъ, безпрестанно цѣловалъ святую землю.

Къ сожалѣнію, восторги его скоро были прерваны, ибо онъ сдѣлалъ извѣстнымъ намѣреніе свое обращать въ христіанство жившихъ въ Палестинѣ невѣрныхъ: францисканскіе монахи стали завидовать ему, а настоятель, безъ дальнихъ церемоній, приказалъ схватить его, когда онъ молился на Масличной Горѣ, и силой отвести на корабль, возвращавшійся въ Венецію. Послѣ утомительнаго путешествія, пѣшкомъ, изъ Венеціи въ Геную, Лойола возвратился моремъ въ отечество свое, Испанію, и благополучно прибылъ въ Барселлонскую гавань.

4.

Что было дѣлать Лойолѣ, послѣ того, какъ неудался планъ его обращать невѣрныхъ? Онъ, по прежнему, сгаралъ желаніемъ составить себѣ

имя. Не основать ли ему орденъ монашествующихъ? Но для этого мало одной молвы о святости; чтобъ господствовать надъ волей другихъ людей, надобно превосходить ихъ святостію. И такъ, во что бы ни стало, нужно было пріобрѣсти познанія. Но на 33 году, начинать съ латинской грамматики было трудно для такаго пылкаго человѣка, какъ Лойола. Онъ черезъ мѣру утомлялъ себя, сокрушался, что ничто не можетъ удержаться въ его головѣ, умолялъ учителя своего, цистерціанскаго монаха, не скучать преподаваніемъ, и, въ ежедневныхъ молитвахъ къ Богоматери, молилъ укрѣпить ему память, облегчить трудную для него латынь.

Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ условій, онъ сталъ надѣяться, что можетъ понимать преподаваніе по латыни,—и отправился въ университетъ, въ городъ *Алькалу*. Но злая судьба и тамъ преслѣдовала его. Лишь только началъ онъ говорить проповѣди,—стали стекаться къ нему толпы народа, и инквизиція, опасаясь нововведеній, запретила ему входить на каѳедру. Раздосадованный этимъ, Лойола отправился въ *Саламанху*. И тамъ ему не удачилось: за фанатическія выходки посадили его въ тюрьму и подвергли суду. Отвѣты его обличали умъ и проницательность; ему стали дивиться, но все-таки запретили говорить проповѣди. Обиженный и разогорченный, онъ рѣшился ѣхать въ Парижъ, гдѣ, покрайней мѣрѣ, не извѣстна была инквизиція.

Въ февралѣ 1529 г., онъ прибылъ въ столицу Франціи. Четыре года боролся онъ съ лишеніями и нищетою, ревностно слушалъ философскія и богословскія лекціи знаменитыхъ наставниковъ; онъ весь предался наукамъ, тѣмъ болѣе что не былъ знакомъ съ народнымъ языкомъ и потому принужденъ былъ отказаться отъ страстно любимаго имъ проповѣдованія народу. Не смотря на то, онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на людей, его окружавшихъ, а рѣчами своими пріобрѣлъ столько почитателей въ Парижѣ, что навлекъ на себя подозрѣніе Сорбоны (*). Его потребовали къ суду для оправданія своихъ мнѣній, но на этотъ разъ онъ защищалъ ихъ съ такой ясностію и достоинствомъ, что его отпустили съ почетомъ.

Въ Парижѣ созрѣлъ давно задуманный имъ планъ основать орденъ. Хотя не совсѣмъ еще опредѣлился весь объемъ его предпріятія, однако

(*) Высшаго духовнаго коллегіума въ Парижѣ.

онъ началъ уже набирать новое общество. Первыми его приверженцами были пятеро испанцевъ и одинъ савойардъ; онъ заставилъ ихъ, 15 августа 1534 г., поклясться на освященномъ агнцѣ, что они отрекутся по окончаніи курса богословскихъ наукъ отъ всего земнаго и поѣдутъ съ нимъ сначала въ Римъ, а потомъ въ Палестину. Ему хотѣлось, однако, увидать еще разъ родину,—осенью 1535 г., онъ оставилъ друзей, уговорившись съ ними, сойдтись всѣмъ вмѣстѣ въ Венеціи.

5.

Поѣздка его въ Испанію походила на прежнія странствованія; она состояла попеременно изъ проповѣдей, обращенія невѣрныхъ, заботъ о больныхъ и испрашиванія милостыни. Игнатія Лойолу уже знали повсюду и дѣйствительно почитали святымъ. Напрасно старались родные уговорить его, чтобы онъ остался въ Гвипускоѣ: Лойола сѣлъ на корабль и прибылъ въ Геную; оттуда же отправился пѣшкомъ въ Венецію, и въ этомъ городѣ проповѣдями и постнической жизнію пріобрѣлъ уже себѣ имя, когда и друзья присоединились къ нему. Они оставались въ Венеціи до весны 1537 г., занимаясь обращеніемъ къ добру нечестивыхъ, утѣшеніемъ умирающихъ, проповѣдываніемъ народу, уходомъ за больными въ тамошнихъ госпиталяхъ,—причемъ оказывали такую безпримѣрную стойкость и самоотверженіе, что самый разсказъ о ихъ дѣйствіяхъ возмутителенъ для нашей изнѣженности. Такъ напримѣръ, испанецъ, *Францискъ Ксавье*, не находилъ отвратительнымъ высасывать гной у несчастныхъ, тѣла которыхъ были покрыты злокачественными нарывами и чирьями.

Между тѣмъ, возгорѣлась война съ Турками, и нельзя было думать переправиться въ Іерусалимъ. Члены маленькой общины разсѣялись по Верхней Италіи, продолжали свои христіанскія занятія, вездѣ привлекали толпу почитателей. Старинный планъ основать орденъ созрѣлъ въ головѣ Лойолы. Но принужденный отказаться отъ обращенія невѣрныхъ на Востокѣ, отъ хотѣлъ обращать ихъ на Западѣ,—къ невѣрнымъ причислялъ онъ и протестантовъ. Онъ рѣшился поддержать поколебавшееся значеніе папы и ратовать противъ распространявшагося все болѣе и болѣе протестантизма. Безпрестанное обдумываніе глубокомысленныхъ

плановъ сильно напрягало нервы воспріимчиваго и впечатлительнаго Лойолы; ему представилось, что Самъ Христосъ будто бы явился ему, подъ видомъ вербующаго офицера, и сказалъ: „Въ Римѣ я укрѣплю тебя.“

Лойола съ двумя учениками отправился въ Римъ, и положилъ къ ногамъ папы небольшой подарокъ деньгами, скопленными общиной изъ щедро подаваемой ей милостыни. Папа очень порадовался такому доказательству преданности, и съ большимъ вниманіемъ выслушалъ предложенія Лойолы. При тогдашнемъ кризисѣ, приходилось какъ нельзя болѣе кстати это предложеніе учредить духовныхъ воителей, основать особую папскую армію, вѣтви которой будутъ простираться по всѣмъ странамъ міра, и которая всѣми силами станетъ бороться съ врагами папы. Папа торжественно утвердилъ, въ 1540 г., новое братство, генераломъ ордена назначилъ Лойолу, свѣтлый умъ котораго внушалъ къ нему удивленіе, и далъ ему дозволеніе устроить новое государство. Тотчасъ начался наборъ прозелитовъ всѣхъ возрастовъ и сословій, и, въ короткое время, число членовъ общества возрасло до нѣсколькихъ сотенъ.

6.

Учрежденіе ордена, получившаго, въ честь того, что Лойола называлъ своимъ видѣніемъ, названіе *Общества Іисуса*, было дѣломъ тончайшаго разсчета. Уложеніе его было чисто монархическое. Генералу, жившему постоянно въ Римѣ, были подчинены второстепенные генералы, а за ними, подобно какъ въ военной службѣ, шли постепенно понижаясь до степени простаго брата, безчисленные разряды. Вообще господствовало между ними строжайшее повиновеніе. О самыхъ незначительныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ каждаго отдѣльнаго лица велись протоколы, которые отсылались къ генералу. Новопоступающіе члены подвергались строгому испытанію; начальники сперва тщательно наблюдали за ихъ склонностями и способностями, а тамъ опредѣляли каждому кругъ его дѣйствій. Самыхъ ловкихъ и хитрыхъ посылали ко дворамъ, предлагали въ духовники и воспитатели къ царственнымъ особамъ; ученыхъ опредѣляли наставниками въ школахъ или предоставляли ихъ врожденной склонности быть писателями; фанатиковъ посылали миссіонерами, самыхъ

же честныхъ и правдивыхъ членовъ ставили на видныя мѣста, такъ что добродѣтели ихъ сіяли для всѣхъ и доставляли довѣріе ордену. Членовъ общества разрѣшили отъ обѣта нестяжанія, для того, чтобы тѣмъ самымъ еще крѣпче связать ихъ другимъ обѣтомъ—послушанія. Членъ, преступавшій этотъ послѣдній обѣтъ, немедленно извергался изъ общины. А для того, чтобы никакой посторонній интересъ не отвлекалъ Іезуитовъ отъ интересовъ ордена, узаконено было не замѣщать членами его никакихъ церковныхъ должностей. Впослѣдствіи времени сдѣлано было весьма немного исключеній изъ этого устава.

Не принуждая членовъ къ опредѣленнымъ занятіямъ, освободивъ ихъ отъ духовныхъ упражненій другихъ орденовъ, какъ, напримѣръ, отъ молитвы, службы за обѣднею и за часами,—доставили имъ, черезъ это, время и дали охоту заниматься полезными науками. Ни одинъ орденъ не произвелъ столько отличныхъ наставниковъ и писателей, какъ орденъ Іезуитовъ. Между ними было множество тонкихъ теологовъ, ревностныхъ духовниковъ, страстныхъ ораторовъ, терпѣливыхъ миссіонеровъ, искусныхъ землемѣровъ, астрономовъ, механиковъ и даже превосходныхъ законодателей.

Эта многосторонность необходимо должна была доставить имъ уваженіе народа. Въ 16 и 17 столѣтіяхъ, съ именемъ Іезуита соединяли понятіе объ умномъ, дѣльномъ человѣкѣ, все равно какъ въ наше время со словомъ Гернгутеръ соединяется понятіе о мирномъ и трудолюбивомъ гражданинѣ. Но особенно дѣлало популярными Іезуитовъ безкорыстіе, съ какимъ они посвѣщали себя обученію юношества. Въ тѣ времена, когда хорошіе учители были еще такой рѣдкостію, принимали за особую благодать Господню предложеніе стольких ученыхъ и искусныхъ людей преподавать даромъ. Проповѣди ихъ тоже нравились больше проповѣдей другихъ духовныхъ лицъ; къ тому же, въ качествѣ духовниковъ, пріобрѣли они всеобщее расположеніе ловкостью и снисходительностью. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого было то, что, въ какіе-нибудь 50-тъ лѣтъ, орденъ распространился не только по Европѣ, но даже по всѣмъ прочимъ частямъ свѣта и получилъ несмѣтныя богатства, частію отъ добровольныхъ пожертвованій и завѣщаній, частію чрезъ торговлю индійскихъ и американскихъ миссіонеровъ. Болѣе 200 лѣтъ, Іезуиты орудовали всѣми кабинетами и всею политикой въ Европѣ, завѣдывали исклю-

чительно воспитаніемъ католическаго юношества, въ которое и вселяли ожесточенную ненависть къ протестантамъ; они распространили папскую власть въ самыхъ отдаленныхъ концахъ свѣта и даже основали въ Южной Америкѣ большое государство, *Парагвай*. Вышеупомянутый *Ксавье* въ качествѣ миссіонера, искалъ счастья въ Остъ-Индіи, Цейлонѣ и Японіи, и окончилъ дѣятельную жизнь въ Китаѣ (1552 г.). За нимъ послѣдовали многіе другіе, и первыми обстоятельными свѣдѣніями о Китаѣ мы обязаны Іезуитамъ.

IV. ГОСУДАРИ.

ІОАННЪ ФРИДРИХЪ И МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ.

1.

Въ послѣдніе годы жизни Лютера, усилились раздоры между протестантами и католиками. Напрасно протестанты приступали многократно къ императору съ просьбами даровать имъ равныя права съ католиками и свободу исповѣданія ихъ вѣры. Вдругъ они услыхали, что императоръ вооружается, что онъ даже вступилъ въ союзъ съ папою. Тогда спросили они Карла V: куда направлены его воинственныя приготовленія? и получили отвѣтъ, что императоръ будетъ милостиво и отечески поступать со всѣми покорными ему подданными, а царскую власть употребитъ только противъ ослушниковъ и непокорныхъ. На слѣдующій день, онъ уже опредѣлительнѣе объявилъ, что вознамѣрился возвратить къ повиновенію нѣсколькихъ непокорныхъ нарушителей мира, которые подъ видомъ религіи, замышляютъ возстать противъ императорской власти. Протестантскіе города и князья тотчасъ поняли, что онъ разумѣетъ ихъ именно и тоже стали поспѣшно вооружаться. Но на бѣду, между ними было мало единодушія. *Іоаннъ Фридрихъ* Саксонскій былъ человѣкъ добрый, и честный, но весьма ограниченный. Онъ ненавидѣлъ войну, а миролюбивый Меланхтонъ поддерживалъ его въ этихъ мысляхъ. Совсѣмъ другихъ мыслей былъ курфистъ *Филиппъ Гессенскій*—то былъ умный, дѣятельный человѣкъ, хорошо понимавшій, что безъ вой-

ны нельзя обойдтиться и что гораздо выгоднѣе было бы самимъ напасть на императора, не давъ ему времени изготовиться къ войнѣ. Но онъ не могъ уговорить къ этому Іоанна Фридриха, — и можно было заранѣе предвидѣть, что *смалькаденскіе союзники* будутъ побѣждены.

Нѣкоторые протестантскіе князья вовсе не пристали къ союзу; къ числу такихъ принадлежалъ молодой *герцогъ Саксонскій Морицъ*, двоюродный братъ курфирста Іоанна Фридриха. Изъ двухъ линій Саксонскаго дома старшая, эрнестинская, получила курфиршество съ столицей Виттенбергомъ; младшая же, альбертинская — герцогство, съ столицей Дрезденомъ. Морицъ былъ ловкій и даровитый правитель, человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ. Огненные глаза его блистали умомъ и геройствомъ; душа его стремилась къ высокимъ цѣлямъ. Онъ не желалъ вѣдаться съ неповоротливымъ своимъ родственникомъ; отъ тестя же, Филиппа Гессенскаго, удаляли его политическія причины. Его взманивало сосѣдственное курфиршество, и честолюбіе свое онъ ставилъ выше родства. Императоръ зналъ все это и старался склонить на свою сторону молодаго герцога, столь же храбраго, какъ и любезнаго. Вскорѣ Морицъ сдѣлался любимцемъ Карла V.

2.

При началѣ войны, у императора было въ сборѣ не болѣе 8000 ч. войска. Войска оберландскихъ городовъ, подъ начальствомъ опытнаго полководца, *Себастіана Шертлинга фонъ Буртенбаха*, первыя явились на поле сраженія. Хорошо обдуманный планъ Шертлинга состоялъ въ томъ, чтобы невзначай напасть на малочисленныя войска императора, прежде чѣмъ наберетъ онъ свѣжихъ вербовкою въ Германіи, прежде чѣмъ получитъ подкрѣпленія изъ Италіи. Поэтому, онъ быстро двинулся къ городку Фюссену, на границѣ Тироля, гдѣ было главное мѣсто для вербовки войскъ императора. Императорскія войска отступили къ Баваріи; но когда Шертлингъ хотѣлъ ихъ преслѣдовать, то получилъ приказаніе отъ ратуши города Аугсбурга, въ службѣ котораго онъ находился, не вступать на нейтральную территорію герцога Баварскаго. Не будь этого неразумнаго приказа,—полководецъ пошелъ бы прямо на Регенсбургъ, гдѣ находился императоръ съ незначительными силами. Чтобы, покрай-

ней мѣрѣ, запереть дорогу итальянскимъ подкрѣпленіямъ, онъ занялъ важное въ военномъ отношеніи ущелье—*Эренбургскую пещеру*. Уже подступалъ онъ и къ Иннсбруку, но вожди союза опять прислали ему повелѣніе очистить немедленно Тироль, такъ какъ владѣтель его, король Фердинандъ, братъ императора, не объявлялъ еще войны. Такимъ образомъ, императора спасли несогласія его враговъ, неумѣвшихъ даже составить плана,—чѣмъ и выигралъ онъ время для усиленія своего войска.

Вскорѣ саксонское и гессенское войско двинулось въ Южную Германію. Два вождя союза послали имератору формальное объявленіе войны, въ которомъ говорили, между прочимъ, что не знаютъ за собою крамолы, но что онъ самъ имѣетъ намѣреніе насильственно подавить ихъ религію и свободу имперіи. Императоръ отвѣтилъ объявленіемъ ихъ въ государственной опалѣ, называя ихъ возмутителями, клятвопреступниками, измѣнниками, которые желаютъ отнять у него корону и державу,—и возложилъ на *герцога Морица Саксонскаго* приведеніе въ исполненіе приговора о государственной опалѣ.

Морицъ Саксонскій, сообща съ королемъ Фердинандомъ, немедленно вторгся во владѣнія своего двоюроднаго брата, и разомъ завоевалъ ихъ. Получивъ это ужасное извѣстіе, Іоаннъ Фридрихъ, не слушая никого, пошелъ съ своимъ войскомъ на спасеніе курфиршества. Остальныя войска союзниковъ, будучи уже не въ силахъ противиться императору, униженно стали просить мира—и разошлись. Карлъ V тріумфаторомъ проѣхалъ по всей Германіи; страхъ его присутствія возвратилъ всѣхъ въ повиновенію. Столь надменные въ былое время города смиренно отворили ворота и взносомъ большой суммы денегъ купили помилованіе.

3.

Между тѣмъ, самъ Морицъ попалъ въ затруднительное положеніе; воюя чужія владѣнія, онъ чуть-было не лишился своихъ. Но побѣдоносное войско императора усиленными маршами пошло къ нему на выручку и, 22 апрѣля 1547 г., стояло уже на Эльбѣ, недалеко отъ Мейссена, гдѣ, на ту пору, находился курфирстъ. Онъ думалъ, что непріятель находится еще далеко, и былъ изумленъ его приближеніемъ. Поспѣшно отступилъ онъ, съ небольшой своей дружиной, за Эльбу, при-

казавъ сломать мостъ. Широкое русло рѣки отдѣляло его отъ могущественнаго противника, и онъ спокойно пошелъ, внизъ по теченію, къ *Мюльбергу*. Карлъ слѣдовалъ за нимъ по лѣвому берегу. Вечеромъ, наканунѣ сраженія, императоръ, съ братомъ своимъ Фердинандомъ и герцогомъ Морицомъ, проѣзжалъ вдоль по берегу и осматривалъ окрестность. Эльба сильно волновалась; по другую сторону стоялъ непріятель; всѣ лодки были забраны имъ на правый берегъ. Тутъ полководецъ императора, герцогъ Альба, привелъ мельника, который, въ отмщеніе за то, что Саксонцы отняли у него двѣ лошади, указалъ императорскимъ войскамъ отмель на Эльбѣ, насупротивъ города Мюльберга; по этой-то отмели всадники безопасно могли перебраться на противуположный берегъ.

Утромъ слѣдующаго дня (24 апрѣля), должна была рѣшиться судьба курфирста. Густой туманъ облекалъ окрестность; нѣкоторые испанскіе воины сбросили съ себя доспѣхи, кинулись въ рѣку, съ мечами въ зубахъ, переплыли на правый берегъ, и, угнавъ у непріятеля нѣсколько лодокъ, съ торжествомъ доставили ихъ своимъ. На лодки эти посадили застрѣльщиковъ. Императоръ нарядился какъ бы для побѣды. Лѣвой рукою правилъ онъ конемъ боевымъ, правой взмахивалъ копьемъ; восходившее солнце играло на позолоченномъ шлемѣ его и на латахъ.

Было воскресенье; курфирстъ присутствовалъ на богослуженіи, когда внезапно доложили ему о прибытіи императора. Сначала курфирстъ не хотѣлъ вѣрить, но нельзя было долѣе сомнѣваться и онъ поспѣшно распорядился отступленіемъ къ Виттенбергу. Однако, было уже поздно: императоръ догнавъ его войско при Лохауэрской дубравѣ, — принудилъ къ сраженію. Съ дикими кликами: „Испанія, Испанія!" бросилась испанская конница на саксонскую и обратила ее въ бѣгство. Вскорѣ ряды пѣхоты были тоже прорваны; все саксонское войско разсѣялось. Курфирстъ хотѣлъ ускользнуть, но его нагналъ отрядъ легкой конницы. Онъ оборонялся съ мужествомъ отчаянія, и получилъ сабельный ударъ въ лѣвую щеку. Его отвели плѣнникомъ къ императору; лицо и панцырь его были залиты кровью. Курфирстъ началъ рѣчь свою словами: „Всемилостивѣйшій императоръ", но Карлъ V прервалъ его, воскликнувъ: „А! теперь я вамъ всемилостивѣйшій императоръ! Но вы давно такъ меня не называли." — „Я — плѣнникъ вашего императорскаго величества, возразилъ

курфирстъ, и прошу заточенія достойнаго моего сана.“—„Хорошо, воскликнулъ императоръ: васъ будутъ содержать, какъ вы заслуживаете.“

Карлъ подступилъ къ Виттенбергу, гдѣ находилась курфирстиня съ дѣтьми. Императоръ потребовалъ, чтобы немедленно отперли ему ворота, грозя въ противномъ случаѣ послать въ Виттенбергъ голову курфирста. Но мужественная курфирстиня, не считая, вѣроятно, эту угрозу за серіозную, не поддалась страху. Между тѣмъ высокаго плѣнника дѣйствительно приговорили къ смерти, только дѣло не дошло до казни; курфирсту даровали жизнь подъ тяжкими, однако, условіями. Онъ вынужденъ былъ, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, отказаться отъ сана курфирста и отъ владѣній; на содержаніе же его дано было только нѣсколько округовъ въ Эйзенахѣ, Готѣ, Веймарѣ и пр.; изъ нихъ образовались впослѣдствіи, маленькія герцогства, носящія ихъ названія. Владѣнія Іоанна Фридриха и санъ курфирста достались Морицу; позднѣе, происшедшая отъ него младшая (альбертинская) линія стала владѣть королевствомъ Саксонскимъ.

Іоаннъ Фридрихъ покорился печальной своей участи. Впрочемъ, императоръ старался всѣми средствами облегчить его положеніе; онъ обращался съ нимъ скорѣе, какъ съ гостемъ, чѣмъ какъ съ плѣнникомъ. Вообще императоръ выказалъ въ Саксоніи много благородства. Когда курфирстиня, съ дѣтьми своими, пала передъ нимъ на колѣна, онъ дружески поднялъ ее, утѣшалъ, и позволилъ ея мужу пробыть въ Виттенбергѣ, въ кругу родныхъ, цѣлую недѣлю. Онъ даже самъ отправился въ городъ и отплатилъ визитъ курфирстинѣ. Узнавъ, что, опасаясь его пріостановили протестантское богослуженіе, онъ изъявилъ неудовольствіе и сказалъ: „Кто это распорядился? Намъ вовсе непріятно, что именемъ нашимъ прекращаютъ богослуженіе. Если мы и въ Оберландѣ (Швабіи) не вмѣшивались въ дѣла религіи, то зачѣмъ станемъ здѣсь вмѣшиваться?“ Онъ посѣтилъ домовую церковь въ Виттенбергскомъ дворцѣ. Когда показали ему гробницу Лютера и нѣкоторые изъ окружающихъ, между прочимъ и герцогъ Альба, посовѣтовали отрыть тѣло Лютера и предать его сожженію, онъ отвѣчалъ; „Пускай-себѣ покоится; онъ нашелъ уже судію. Я веду войну съ живыми, а не съ мертвыми.“

Оставалось наказать Филиппа Гессенскаго, но онъ не дождался нападенія императорскихъ войскъ; посредничествомъ зятя своего Морица и

курфирста бранденбурскаго онъ сталъ просить помилованія у императора, —лично отправился въ Галле и на колѣнахъ принесъ повинную. Эту повинную читалъ стоявшій на колѣнахъ же позади ландграфа канцлеръ; ландграфъ повторялъ за нимъ слова. Но при чтеніи самыхъ униженныхъ выраженій этой бумаги, губы курфирста искривились иронической усмѣшкой, — Карлъ V замѣтилъ это, и погрозивъ ему пальцемъ, промолвилъ на своемъ нидерландскомъ нарѣчіи: „Дай срокъ, вотъ выучу я тебя смѣяться!“ Потомъ объявилъ ему наказаніе. Ландграфъ долженъ былъ выдать все тяжелое оружіе, внести большую денежную пеню, и, подобно курфирсту, остаться въ плѣну. Такимъ образомъ, Карлъ одержалъ совершенную побѣду надъ смалькальденскимъ союзомъ.

4.

Карлъ находился на вершинѣ могущества. Протестанты не довѣряли ему, хотя и не терпѣли никакихъ притѣсненій по дѣламъ вѣры. Императоръ отправился въ Иннсбрукъ, въ Тиролѣ, гдѣ, на слѣдующіе годы, велъ уединенную жизнь по причинѣ ревматическихъ страданій, которыя часто не дозволяли ему выходить изъ комнаты. Между тѣмъ, Морицъ уже нѣсколько разъ и все по-напрасну ходатайствовалъ о тестѣ. Его сильно возмущалъ плѣнъ обоихъ князей у императора; можетъ быть, и совѣсть говорила ему, что онъ долженъ поправить дѣла своихъ единовѣрцевъ, протестантовъ. Въ немъ созрѣло намѣреніе принудить императора силою къ освобожденію плѣнниковъ. А тутъ и самъ Карлъ помогъ исполненію его цѣли. На ту пору онъ объявилъ въ опалѣ городъ Магдебургъ и поручилъ Морицу войско для исполненія этого приговора. Но Морицъ цѣлый годъ тянулъ дѣло и когда наконецъ взялъ Магдебургъ, то не распустилъ войско, а все удерживалъ его у себя подъ разными предлогами. Стали предупреждать императора, но онъ слишкомъ довѣрялъ своему любимцу, который такъ много былъ ему обязанъ. Морицъ обманулъ императора своимъ притворствомъ. Онъ писалъ ему, что скоро самъ пріѣдетъ въ Иннсбургъ, приказалъ нанять себѣ домъ въ этомъ городѣ, и даже поѣхалъ-было туда, но занемогъ на дорогѣ. Наконецъ, когда все уже было готово, онъ поспѣшно собралъ войско и двинулся съ такой быстротою, что чуть не полонилъ императора. Карлъ V, больной, при-

нужденъ былъ бѣжать въ страшную непогодь—и съ великимъ трудомъ добрался до Виллаха, въ Каринтіи.

Морицъ воспользовался удачей. Онъ не только исторгнулъ у императора обѣщаніе немедленно освободить плѣнныхъ князей и никогда не стараться мстить Морицу, но, по Пассаускому договору, въ 1552 г., принудилъ его даровать протестантамъ тѣ же права передъ имперскимъ судомъ, какими до сихъ поръ пользовались одни католики, а сверхъ того созвать сеймъ для прекращенія всѣхъ церковныхъ раздоровъ. Сеймъ созванъ былъ въ Аусбургѣ, въ 1555 г., и на немъ заключенъ такъ-называемый *церковный миръ*, обезпечившій за протестантами свободное отправленіе ихъ вѣроисповѣданія по всей имперіи. И протестанты, и католики обязаны были не совращать одни другихъ къ перемѣнѣ исповѣданія, имперскія войска не должны были принуждать къ тому же никого изъ подданныхъ, и каждому изъ нихъ дозволялось выселяться въ чужіе края. Но на бѣду, миръ этотъ былъ ненадолго.

ОТРЕЧЕНІЕ И СМЕРТЬ КАРЛА V.

Съ той поры, какъ потерпѣлъ императоръ отъ Морица такое униженіе,—не было уже для него ни одной радостной минуты. Все ему неудавалось. Онъ имѣлъ единственнаго сына, мрачнаго, гордаго, коварнаго Филиппа,—и ему очень желалось сдѣлать его нѣмецкимъ императоромъ. Но лишь только увидѣли его нѣмцы, какъ остались недовольны уже однимъ мрачнымъ лицомъ его, на которомъ никогда не играла улыбка; съ своей стороны, *Фердинандъ* тоже не хотѣлъ отказаться отъ престола. А тутъ Карлъ V началъ новую войну противу Франціи, но войска его были разбиты. Ко всѣмъ этимъ огорченіямъ присоединились тѣлесные недуги, отравлявшіе для него всѣ удовольствія. Тогда, усталый отъ жизни, императоръ рѣшился сложить съ себя правленіе, и остатокъ дней своихъ провести въ тиши монастырской. Осенью 1555 г., поѣхалъ онъ въ Брюссель, призвалъ туда же сына своего Филиппа, и, въ торжественномъ собраніи, уступилъ ему управленіе Нидерландами. Еще прежде, передалъ онъ ему Неаполь. Трогательно было видѣть, какъ боль-

ной императоръ прощался съ жизнію. Опираясь на плечо принца Оранскаго, онъ съ трудомъ привсталъ съ престола и сказалъ потрясающую рѣчь. Онъ говорилъ, какъ съ 16-ти лѣтняго возраста неусыпно заботился объ управленіи обширною своею монархіею, какъ не имѣлъ почти минуты свободнаго времени. Повсюду старался онъ видѣть собственными глазами; жизнь свою провелъ въ безпрестанныхъ походахъ; девять разъ посѣщалъ Германію, шесть разъ Испанію, четыре раза Францію, семь разъ Италію и десять разъ Нидерланды; два раза былъ въ Англіи, два раза въ Африкѣ *), и совершилъ всего одиннадцать морскихъ путешествій. Въ настоящее время немощи напоминаютъ ему, что пора возложить бремя правленія на человѣка помоложе. Если же самъ онъ просмотрѣлъ что-либо важное въ многосторонних дѣлахъ правленія или сдѣлалъ что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, то, отъ всего сердца, проситъ прощенія у всѣхъ обиженныхъ имъ; о вѣрныхъ же своихъ Нидерландцахъ обѣщалъ онъ всегда вспоминать съ любовію и молиться за нихъ.

Потомъ обратился онъ къ сыну, который сталъ передъ нимъ на одно колѣно и поцѣловалъ его руку. „Сынъ мой, сказалъ онъ ему, ты долженъ бы благодарить меня и тогда, еслибъ я, послѣ смерти, оставилъ тебѣ такія цвѣтущія страны; но я представляю ихъ тебѣ еще при жизни своей. Управляй подданными справедливо и милостиво, какъ отецъ своими дѣтьми.“ Глаза всѣхъ предстоящихъ были наполнены слезами; Филиппъ казался тоже тронутымъ,—однако, не сдержалъ онъ своихъ обѣ-

*) Во время безпорядковъ, произведенныхъ анабаптистами, Карлъ V предпринялъ походъ въ Африку. Отчаянный турецкій морской разбойникъ, Гайрадинъ Барбаросса, завладѣлъ Тунисомъ и оттуда, на разбойничьихъ судахъ своихъ, не давалъ покоя ни на морѣ, ни на сосѣднихъ берегахъ. Онъ увлекъ въ жестокую неволю, въ Тунисъ, многія тысячи христіанъ. Императоръ не могъ долго смотрѣть на такой позоръ, наносимый христіанскому міру. Въ качествѣ заступника христіанъ, онъ считалъ долгомъ совѣсти прекратить злодѣйство морскихъ разбойниковъ. Лѣтомъ 1535 г., онъ переправился въ Африку съ большимъ флотомъ, которымъ предводилъ генуезскій морской герой Андреа Доріа,—обратилъ въ бѣгство войско Гайрадина, взялъ Тунисъ, и отдалъ его въ лэнъ, зависящій отъ испанской короны, законному властителю Мулей-Гассану. Эта блистательная побѣда возвратила свободу 22,000 невольникамъ-христіанамъ, которые, богато одаренные императоромъ, поспѣшили на родину. Карлъ считалъ день ихъ освобожденія прекраснѣйшимъ днемъ своей жизни, и говорилъ со слезами: «одинъ этотъ успѣхъ вознаграждаетъ уже за всѣ труды похода, еслибъ даже не принесъ онъ другихъ выгодъ».

щаній. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Карлъ V передалъ ему правленіе и Испаніей; потомъ поспѣшилъ скрыться въ убѣжище, которое избралъ себѣ въ прекрасной и уединенной мѣстности провинціи Эстрамадуры. Онъ приказалъ построить простой домъ возлѣ монастыря с. Юста, жилъ тамъ въ совершенномъ уединеніи, и проводилъ время попеременно въ молитвѣ и въ работѣ: онъ точилъ на станкѣ, дѣлалъ часы, обработывалъ садъ. Помышляя безпрестанно о смерти, напалъ онъ на странную мысль заживо устроить для себя торжественный обрядъ погребенія. Онъ легъ въ открытый гробъ, который внесли монахи въ церковь, обитую черным сукномъ, пѣли похоронные псалмы и служили обѣдню по усопшемъ. Кругомъ горѣли восковыя свѣчи; похоронная музыка печально раздавалась подъ сводами храма. Все это зрѣлище произвело такое впечатлѣніе на императора, что, чрезъ нѣсколько дней, онъ и на самомъ дѣлѣ скончался (въ 1558 г.).

ГЛАВА III.

Послѣдняя борьба дворянства и Ганзы.

ГЕЦЪ ФОНЪ БЕРЛИХИНГЕНЪ. ФРАНЦЪ ФОНЪ СИККИНГЕНЪ. УЛЬРИХЪ ФОНЪ ГУТТЕНЪ. ЮРГЕНЪ ВУЛЛЕНВЕБЕРЪ.

Гецъ фонъ Берлихингенъ.

1.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія миновало уже то время, когда свободный германецъ не находилъ для себя кромѣ войны, достойнаго занятія; однако, духъ войны не вымеръ еще въ той, по крайней мѣрѣ, части народа, которая гордилась прямымъ происхожденіемъ отъ древнихъ свободныхъ Германцевъ, созданныхъ для войны и власти, — мы говоримъ о *дворянахъ*. Они составляли многочисленное сословіе, только отчасти

богатое землями и замками, и несмотря на это, съ презрѣніемъ отвергавшее всѣ мѣщанскія отрасли промышленности; поэтому дворянамъ приходилось худо, когда не было войны, и многіе благородные рыцари, по необходимости, должны были вести жизнь разбойничью. Но еще императоръ *Максимиліанъ* I. сильно ограничилъ кулачное право; онъ не только воспретилъ всякое самоуправство, но и учредилъ особое судилище, составленное изъ опытныхъ людей, *верховный имперскій судъ*, передъ который должны были являться даже имперскіе князья и въ которомъ могли отыскивать права свои всѣ нѣмецкіе граждане. Судилище это засѣдало сначала во Франкфуртѣ на Майнѣ, потомъ въ Шпейерѣ, а наконецъ въ Вецларѣ. Для бо́льшаго порядка, Максимиліанъ раздѣлилъ всю имперію на десять округовъ. Противившіеся рѣшеніямъ верховнаго имперскаго суда подвергались государственной опалѣ, которую приводило въ исполненіе имперское войско. Этимъ способомъ Максимиліанъ думалъ установить *вѣчный земскій миръ*.

Но не сломлена была еще страсть къ войнѣ нѣмецкаго дворянства. Многіе благородные рыцари предпочитали рѣшать споры свои мечемъ, чѣмъ вести медлительныя тяжбы и являться къ имперскому суду. Оттого, и послѣ объявленія земскаго мира, часто случались происшествія создавшія поговорку: «нечего вѣрить земскому миру.» Впрочемъ, больше императорскихъ указовъ, сломили силу дворянства вполнѣ развившаяся сила городовъ и возникающая сила князей, которые, за одно съ горожанами, старались подавить надменную дерзость рыцарей. Ко всему этому присоединилось изобрѣтеніе пороха и литье тяжелыхъ орудій, противъ которыхъ не могли стоять ни стѣны рыцарскихъ замковъ, ни панцыри и доспѣхи самихъ рыцарей.

Много еще произошло ожесточенныхъ битвъ, прежде чѣмъ настали новыя времена. Въ числѣ смѣлыхъ рыцарей, нетерпѣливо сносившихъ новые государственные порядки, и съ ненавистью смотрѣвшихъ на возрастающую власть князей, былъ *Гёцъ фонъ Берлихингенъ Желѣзная Рука*, человѣкъ воинственный и гордый своимъ рожденіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненный нѣмецкой честности, человѣкъ, который желѣзной рукою своей хотѣлъ постоять за правое дѣло, помимо имперіи и императора.

2.

Въ правленіе императора Максимиліана, умеръ, въ 1503 г., герцогъ Георгъ Байернъ-Ландсгутскій; по семейнымъ договорамъ, наслѣдіе его переходило Альбрехту Байернъ-Мюнхенскому, но покойный герцогъ отдалъ по завѣщанію все наслѣдіе зятю своему, *Рупрехту*, сыну курфирста Пфальцскаго. Изъ-за этого, возгорѣлась ожесточенная война; Рупрехтъ и отецъ его, призвавшіе къ себѣ на помощь Французовъ, были объявлены въ государственной опалѣ, но они собрали войско изъ нѣмцевъ и чеховъ, и храбро оборонялись. Тогда Максимиліанъ призвалъ всю имперію на бой съ непокорными герцогами, —и *Гёцъ фонъ Берлихингенъ* сталъ во главѣ союзнаго войска, прикрытаго тяжелымъ оружіемъ Нюренбергцевъ. Обложили Ландсгутъ. Ежедневно происходили стычки, кровавыя съ обѣихъ сторонъ, но нерѣшительныя. Гёцъ фонъ Берлихингенъ поспѣвалъ всюду; мужество его и искусство доставили ему всеобщее уваженіе. Гдѣ развѣвались перья на его шлемѣ, тамъ удары сыпались градомъ. Разъ, онъ слишкомъ увлекся въ горячей схваткѣ; кулеврины Нюренбергцевъ опустошали ряды осажденныхъ, только-что сдѣлавшихъ вылазку; выстрѣлы ихъ, направленные въ густую толпу, гдѣ шелъ рукопашный бой, не щадили ни своихъ, ни чужихъ. Тутъ ядро разбило мечъ рыцаря Берлихингена, головка меча ушло вполовину въ наручни и раздробила руку рыцаря, такъ что кисть ея повисла на одной кожѣ. Тотъ же самый выстрѣлъ повергъ на землю противника рыцаря—Фабіана фонъ Валльсдорфа, который сражался съ нимъ въ эту минуту. Хладнокровно смотрѣлъ Гёцъ фонъ Берлихингенъ на опустошеніе; тихо поѣхалъ онъ къ лагерю, куда и достигъ съ помощью стараго служителя. Только тогда призвали врача, но не помогли ни пластыря, ни перевязки—пришлось отнять руку храброму воину.

Не одни друзья и товарищи сострадали несчастью Гёца, даже враги жалѣли о немъ. Какъ ни былъ ожесточенъ герцогъ Рупрехтъ, онъ, однако, далъ раненому рыцарю надёжныхъ провожатыхъ и дозволилъ ему остановиться въ Ландсгутѣ, гдѣ уходъ за нимъ былъ удобнѣе, чѣмъ въ лагерѣ. Здѣсь мысль остаться безполезнымъ человѣкомъ много мучила Берлихингена; онъ напрягалъ всѣ силы ума, чтобъ найти средство облег-

чить свое горе. Постоянный миръ былъ не сроденъ его духу; задушевные его помыслы клонились къ войнѣ; честь была кумиромъ героя; юношеская кровь струилась еще по жиламъ; сила и воля не покинули его— и нужда сдѣлала изобрѣтательнымъ. Часто, въ безсонныя ночи, на одрѣ болѣзни, онъ вспоминалъ разсказы объ одномъ гогенлогенскомъ всадникѣ, который, не смотря на потерю руки, до самой смерти, оставался въ военной службѣ; это воспоминаніе оживило надежды рыцаря. Онъ самъ придумалъ *желѣзную руку* и нашелъ искуснаго оружейника, который привелъ мысль его въ исполненіе. Хитрымъ сцѣпленіемъ пружинъ желѣзная рука получила способность даже править удилами, и когда оружейникъ вошелъ въ комнату съ мастерскимъ произведеніемъ, а рыцарь испыталъ силу этой руки,—все горе было забыто, всѣ мрачные помыслы изчезли. Съ той поры, Берлихингенъ совсѣмъ выздоровѣлъ, покинулъ Ландогутъ и отправился въ родовой свой замокъ, Іактсгаузенъ.

3.

Въ 1509 г., Гёцъ вступилъ въ борьбу съ богатымъ и могущественнымъ въ ту пору имперскимъ городомъ Кёльномъ. Рыцарь почиталъ старинной и священной обязанностію дворянства защищать слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ.

На стрѣльбѣ въ цѣль, въ городѣ Кёльнѣ, Гансъ Зиндельфингеръ, портной изъ Штудгарда, выигралъ самый большой призъ, цѣною во 100 гульденовъ. Но хитрые происки лишили его награды, и онъ съ пустыми руками вернулся домой. Всѣ осуждали поступокъ гражданъ Кёльна, а придворные герцога Ульриха виртембергскаго обѣщали портному заступиться за него. Знатнѣйшие придворные и между прочими зять Гёца, фонъ-Саксенгеймъ, написали къ рыцарю, прося его содѣйствія. А онъ тотчасъ объявилъ войну Кёльнцамъ и, съ наемнымъ войскомъ, выступилъ въ походъ, забирая ихъ купцовъ и товары. При Веттерау, онъ встрѣтился съ четырьмя, тяжело нагруженными фурами, везшими Кёльнцамъ богатые товары. Гёцъ задержалъ ихъ у себя; но такъ какъ отъ владѣній рыцаря и его пособниковъ было далеко, а къ томужъ, онъ не хотѣлъ затруднять стараго, больнаго фонъ-Кроненберга, пустившаго его въ свою крѣпость, то и отпустилъ даромъ товары,—онъ выжидалъ бо-

лѣе удобнаго случая къ исполненію своей мести. Случай этотъ скоро представился. Двое кёльнскихъ купцовъ, отецъ и сынъ, отправлялись на ярмарку въ Лейпцигъ; Гёцъ увелъ ихъ обоихъ плѣнными въ Іакстгаузенъ. Они попросили отпустить, покрайней мѣрѣ, одного изъ нихъ для распродажи товаровъ на выкупъ: Гёцъ согласился и отпустилъ отца, ибо, и безъ того, преклонныя лѣта и слабость дѣлали для него плѣнъ особенно жестокимъ,—отпустилъ подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ возвратиться по окончаніи ярмарки, и внести выкупъ за себя и за сына. Рыцарь поручилъ одному изъ своихъ служителей дожидаться купца въ Бамбергѣ и безобидно проводить его въ Іакстгаузенъ.

Но старикъ не исполнилъ клятвы и предалъ служителя епископу бамбергскому, Георгу фонъ-Лимбургу, который приказалъ задержать его. Узнавъ про вѣроломство купца, Гёцъ послалъ епископу письмо, въ которомъ весьма настойчиво совѣтовалъ ему отпустить служителя; надо сказать, что Гёцъ всего менѣе могъ ожидать враждебнаго поступка отъ епископа, который, не задолго передъ тѣмъ, заискивалъ его дружбы.— Епископъ отпустилъ служителя безъ выкупа, но взялъ съ него клятву возвратиться опять въ Бамбергъ.

Война съ Кёльнцами запутала рыцаря въ многія другія, а между прочимъ—съ графами фонъ-Ганау и съ фонъ-Гуттенами. Въ тоже время напалъ на Берлихингена Филиппъ Штумпфъ, сжегъ у него хуторъ и мельницу. Нельзя же было Гёцу сидѣть, сложа руки,—онъ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы съ честію бороться съ пятью противниками. То являлся онъ въ гартгаузенскомъ лѣсу и побивалъ рейтеровъ Штумпфа, то налеталъ на Эрфуртъ и устрашалъ Фробина фонъ-Гуттена. Какъ ни мала была дружина рыцаря, однако, въ тѣ времена, когда сильные міра сего не всегда имѣли подъ рукою постоянное войско, —могъ быть грозенъ и незначительный по числу, но мужественный непріятель, особенно коли нападалъ невзначай.

Въ эти набѣги свои, Гёцъ фонъ-Берлинхингенъ цѣлые шестнадцать дней ни одного часу не спалъ спокойно,—и прибылъ онъ мимоѣздомъ въ замокъ друга своего, Евстафія фонъ-Тюнгена, неподалеку отъ Майна. Тамъ онъ надѣялся соснуть, отдохнуть хорошенько. И онъ кстати пріѣхалъ: вездѣ, гдѣ предпринимались рыцарскіе подвиги,—Гёцъ Желѣзная Рука былъ желаннымъ гостемъ. Замокъ наполняли вооруженные ры-

цари и солдаты. Гёцъ фонъ-Берлихингенъ отказался отъ ночнаго успокоенія, чтобъ только пособить родственнику противъ епископа. Въ полночь, выступила въ походъ многочисленная дружина конныхъ и пѣшихъ; Гёцъ, по обыкновенію, въ переднихъ рядахъ. Ночью же, достигли они до Майна, благополучно переправились бродомъ, захватили два хорошо вооруженныхъ судна и увезли въ Рейсенбургъ шестнадцать повозокъ съ купеческими товарами.

Наконецъ, удалось доброму графу фонъ-Кёнигштейну посредничествомъ своимъ прекратить войну съ Кёльнцами. Онъ созвалъ съѣздъ во Франкфуртѣ и разсудилъ удовлетворительно для обѣихъ сторонъ обоюдныя ихъ жалобы.

4.

Герцогъ Ульрихъ виртембергскій, поссорившись съ союзомъ швабскихъ князей и городовъ, захватилъ союзный городъ Рейтлингенъ. Тогда двинулись на него швабскія войска.

Ульрихъ не въ силахъ былъ устоять; но прежде чѣмъ бѣжать изъ собственныхъ владѣній, онъ выбралъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ вѣрныхъ своихъ рыцарей и раздѣлилъ между ними охрану и защиту своихъ замковъ и крѣпостей. Гёцу фонъ-Берлихингену порученъ былъ замокъ Мёкмюль, и тамъ заперлись, вмѣстѣ съ рыцаремъ, многіе друзья его. Нападеніе со стороны союза было сдѣлано такъ быстро, что герцогъ не имѣлъ времени снабдить Гёца достаточнымъ количествомъ оружія и съѣстныхъ припасовъ. Въ Мёкмюлѣ рыцарь нашелъ всего этого тоже не много; къ тому же граждане городка и крестьяне отказались повиноваться герцогу и добровольно пристали къ союзу. Гёцъ принужденъ былъ воспользоваться немногимъ оставшимся временемъ, для заготовленія насильственными мѣрами вина, овощей, скота и огнестрѣльныхъ снарядовъ для замка, ибо нечего было надѣяться на доброе расположеніе жителей.

Отрядъ главнаго войска началъ осаду замка, который Берлихингенъ хотѣлъ защищать до послѣдняго человѣка. Онъ отвергъ всякія предложенія о сдачѣ, даже подъ условіемъ свободнаго пропуска, и отвѣчалъ осаждающимъ ядрами до тѣхъ поръ, пока весь запасъ истощился. Тогда

употребилъ онъ въ дѣло свинецъ оконныхъ рамъ, всякое желѣзное старье; но не могъ онъ насытить голодныхъ, напоить жаждущихъ. Вскорѣ вышли всѣ припасы, а натискъ непріятеля становился грознѣй и грознѣй. Тѣснимый нуждою, рыцарь принялъ новыя предложенія о свободномъ пропускѣ изъ замка его самаго и его сподвижниковъ,—онъ не подозрѣвалъ подлаго коварства враговъ. Думая, что имѣетъ дѣло съ честными людьми, онъ спокойно ѣхалъ по дорогѣ, какъ внезапно напали на него и на товарищей союзные солдаты. Началась битва, многихъ перебили, Гёцъ храбро рубился; но наконецъ, былъ принужденъ уступить превосходству силъ и сдался съ тѣмъ условіемъ, чтобы примѣнено было къ нему рыцарское заточеніе; условіе это было охотно принято. Гёца отвели въ Гейльброннъ. Гейльброннскіе депутаты, воротившись съ эслингенскаго съѣзда, привезли съ собою письмо отъ чиновъ, которымъ приказывалось магистрату предложить Гёцу фонъ-Берлихингену, чтобы онъ поклялся не мстить за обиды; въ случаѣ же, если онъ откажется,—посадить его въ башню и держать до тѣхъ поръ, пока не дастъ клятву. Гёцъ не присягнулъ. „Мнѣ обѣщали рыцарское заточеніе, отвѣчалъ онъ депутатамъ, и я не сомнѣваюсь, что сдержатъ это обѣщаніе. Къ тому жъ, я утѣшаю себя мыслію, что зять мой, Францъ фонъ-Сиккингенъ, да другіе рыцари заступятся за меня, и надѣюсь, что дѣла мои пойдутъ лучше.“ Магистратъ отослалъ депутатовъ и нашелъ дѣло столь затруднительнымъ, что просилъ содержать Берлихингена въ другомъ городѣ. Но вскорѣ явился синдикъ Эслингена, съ приказаніемъ вынудить клятву у плѣнника, а въ случаѣ отказа,—посадить его въ башню. Гёцъ остался не поколебимъ. Тогда было приказано виннымъ погребщикамъ, людямъ привычнымъ къ оружію, вывести его изъ прежняго убѣжища. Но Гёцъ былъ опытнѣе ихъ въ военномъ искусствѣ: стремительно кинулся онъ на одного изъ противниковъ, вырвалъ у него мечъ изъ ноженъ и неожиданной обороной навелъ ужасъ на всѣхъ. Онъ могъ бы даже, воспользовавшись минутой всеобщаго смятенія, самъ собою вырваться на волю, „потому что,—какъ онъ самъ разсказывалъ объ этой сценѣ,—всѣ они прятались другъ за друга; депутаты же отъ магистрата усердно просили меня остаться въ заточеніи и не нарушать мира, обѣщая, съ своей стороны, довести только меня до ратуши.“

Гёцъ пошелъ за ними добровольно, однако, его засадили въ башню.

По пути, встрѣтилась съ нимъ жена его,—опасаясь за жизнь мужа, она раздѣляла съ нимъ плѣнъ. „Не пугайся, жена, сказалъ онъ ей: они хотятъ принудить меня къ клятвѣ, но я не дамъ ее; пускай сажаютъ въ башню. А сдѣлай вотъ что: поѣзжай къ Францу фонъ-Сиккингену и Георгу Фрундсбергу да скажи имъ, что содержатъ меня не какъ рыцаря; какъ честные, благородные дворяне, они вѣдаютъ какъ бы слѣдовало меня содержать."

Озабоченная жена не посмотрѣла ни на какія затрудненія,—ночью же, поѣхала верхомъ въ лагерь, а на слѣдующее утро привезла радостную вѣсть, что начальники приближаются къ городу: Сиккингенъ и Фрундсбергъ были на сторонѣ союза, стало-быть, другъ ихъ Берлихингенъ былъ врагомъ имъ, но это нисколько не нарушало дружбы. Какъ скоро приблизились къ городу начальники, Гёца освободили изъ башни, а Францъ фонъ-Сиккингенъ сдѣлалъ письменно строгій выговоръ магистрату, такъ что Гёцу возвратили прежнее убѣжище. Не смотря на это, онъ еще два года пробылъ въ плѣну; но скучая бездѣйствіемъ, далъ онъ наконецъ и требуемую присягу (1522 г.). Онъ долженъ былъ внести 2000 гульденовъ выкупу; сверхъ того, заплатить за столъ, и клятвенно обѣщать до конца жизни быть въ миру съ союзниками, какъ съ большими, такъ и съ малыми.

5.

Въ первый день 1525 г., взбунтовались крестьяне аббата Кемптенскаго и ограбили монастырь. Это побудило и прочихъ крестьянъ Южной Германіи сложить съ себя иго барщины и тягостныхъ повинностей. Вскорѣ все нѣмецкое крестьянство стало подъ оружіе, огнемъ и мечомъ опустошало страну, съ безчеловѣчной жестокостію свирѣпствовало противъ дворянъ.

Гёцъ фонъ-Берлихингенъ покуда оставался спокойнымъ въ замкѣ своемъ, Горнбергѣ; но когда опасность стала приближаться,—надо было и ему подумать какъ о своемъ спасеніи, такъ и о спасеніи людей ему близкихъ. Народъ любилъ Гёца, какъ поборника свободы и защитника правъ его, поэтому рыцарь надѣялся, что ходатайство его передъ крестьянами не останется втунѣ. По желанію брата, жившаго въ то время въ

Іакстгаузенѣ, отправился онъ въ Шенталь, и выпросилъ для него миръ у крестьянскихъ начальниковъ. Просилъ онъ, чтобы и его оставили въ покоѣ, но не долго пришлось ему пользоваться покоемъ.

Лишь только онъ воротился къ своимъ, явился къ нему сельскій его староста съ порученіемъ пригласить *юнкера* (дворянина) къ ихъ начальникамъ, въ Гундельсгеймѣ. Гёцъ, не знавшій ихъ намѣреній, поѣхалъ къ нимъ,—и, къ ужасу своему, узналъ, что они хотятъ сдѣлать его предводителемъ войска. Онъ старался отклонить ихъ отъ такого намѣренія; собравшіяся шайки послушали-было его, но Гогенлогенцы, схвативъ подъ уздцы его лошадь, принудили поклясться въ томъ, что на слѣдующій же день онъ пріѣдетъ въ Бухау. Вѣрный клятвѣ, онъ явился на слѣдующій день. „Богъ одинъ знаетъ, какъ было мнѣ горько, говорилъ онъ про это, я лучше желалъ бы сидѣть въ самой страшной башнѣ, какая только можетъ быть въ Турціи.“ Крестьяне принудили его сойдти съ лошади, столпились вкругъ него тѣсными рядами и съ угрозами повторили требованіе, чтобы онъ былъ ихъ военачальникомъ. Когда же онъ сталъ отказываться,—они грозили ему смертію. Но къ крестьянамъ присоединились многіе изъ дворянъ и тоже просили Гёца принять на себя предлагаемую должность, ибо онъ одинъ можетъ многія несчастія и жестокости предупредить и быть опорой князя и всего дворянства. Эти доводы убѣдили рыцаря. Увѣрившись напередъ въ повиновеніи своихъ подчиненныхъ, онъ сталъ, на мѣсяцъ, во главѣ крестьянскаго войска.

Въ документахъ и охранныхъ грамотахъ, писанныхъ отъ его имени, онъ называется генералъ-полковникомъ (Obrist-Feldhauptmann). Но не долго войско оставалось довольно своимъ военачальникомъ: онъ требовалъ строгаго порядка и подчиненности, запрещалъ грабежъ и поджоги, налагалъ суровыя наказанія. Не смотря и на это, не возможно было ему удержать въ полномъ повиновеніи зачинщиковъ кровопролитія въ Вейнсбергѣ, гдѣ крестьяне не пощадили даже беззащитныхъ женщинъ и дѣтей; къ тому жь, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сжигали замокъ или деревню, грабили монастырь. Шайки крестьянъ, только-что вышедшихъ изъ подъ гнета и упоенныхъ чувствомъ свободы, взбунтовались и противъ полководца. Но Гёцъ, не взирая на представленія друзей, съ мужествомъ невиннаго явился посреди бунтовщиковъ, выговаривалъ

имъ за вѣроломство и ослушаніе, и неустрашимостью своею обезоружилъ злые замыслы.

Крестьяне подступили къ Вюрцбургу и обложили замокъ. Здѣсь опять Гецъ фонъ-Берлихингенъ навлекъ на себя злобу вождей крестьянскихъ, подозрѣвавшихъ его въ стачкѣ съ осажденными; въ тайномъ совѣщаніи, они положили казнить рыцаря. Между тѣмъ, швабскій союзъ отправилъ хорошо вооруженное войско для подавленія возстанія; крестьяне были разбиты въ сраженіи при Бобелингенѣ и предпріятіе ихъ разрушилось. По первому же извѣстію о приближеніи мстителей, они сняли осаду съ Вюрцбургскаго замка, съ великой поспѣшностію начали отступать черезъ Таубергрудъ,—всеобще смятеніе дало рыцарю время, по окончаніи рочнаго мѣсяца, ночью удалиться въ Адельсфуртъ.

ФРАНСЪ ФОНЪ-СИККИНГЕНЪ.

1.

Около этого времени, имперскій городъ Вормсъ былъ жертвою внутреннихъ беспорядковъ; магистратъ заслужилъ ненависть гражданъ, тѣ смѣнили его, изгнали членовъ, лишили ихъ имуществъ. Изгнанники стали искать защиты у императора, и въ 1514 г. ландфохту города Гагенау дано было порученіе рѣшить это дѣло. Мятежъ былъ подавленъ, зачинщики поплатились жизнію и имуществомъ. Между тѣмъ, пали подозрѣнія въ участіи въ бунтѣ на Бальтазара Слёра, придворнаго нотаріуса епископа Рейнгарда Вормскаго. Въ отсутствіе его, безъ изслѣдованія и безъ всякаго права, наложили запрещеніе на его городское имущество,— подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ скрылся изъ страха наказанія. Слёръ сталъ просить у императора защиты и правосудія, вызываясь дать отвѣтъ на строжайшій допросъ. Императоръ передалъ пересмотръ дѣла ландфохту, но ландфохтъ со дня на день, откладывалъ рѣшеніе. Слёръ представилъ Францу фонъ-Сиккингену свое горькое положеніе, а Сиккингенъ сдѣлалъ внушеніе жителямъ Вормса,—но понапрасну. Тогда рыцарь просто-напросто послалъ имъ объявленіе войны.

Между тѣмъ, городовой писарь Вормса, Іоаннъ Гланцъ отправился къ императорскому двору, оклеветалъ Слёра обманщикомъ и исходатайствовалъ противъ него объявленіе въ опалѣ. Все имущество опальнаго сдѣлалось добычею его явныхъ и тайныхъ враговъ. Францъ фонъ-Сиккингенъ взялся за оружіе. Онъ собралъ значительное войско, вторгся въ область города Вормса, увелъ городскія суда, находившіяся на Рейнѣ, и этой добычею отчасти вознаградилъ себя за военныя издержки, а покровительствуемаго имъ Слёра—за убытки. Многіе воинственные рыцари и дворяне стали подъ уважаемое всѣми знамя Францъ фонъ-Сиккингена. По обычаю того времени, грабя и опустошая, прошелъ онъ всю окрестную страну и подступилъ къ стѣнамъ Вормса. Онъ могъ разсчитывать на внутреніе раздоры въ городѣ, даже на угнетенныхъ гражданъ, и надѣялся получить отъ того большую выгоду. Пламя мятежа все еще тлѣлось подъ пепломъ. Городъ терпѣлъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; граждане начинали роптать. Уже поговаривали о сдачѣ и объ условіяхъ ея. Къ тому жь, епископъ вормскій былъ расположенъ къ своему лэннику, а духовенство поддерживало малодушіе гражданъ.

Но подоспѣлъ судья верховнаго суда графъ фонъ-Гаагъ съ асессорами того же суда, ободрилъ упавшихъ духомъ гражданъ, и достигъ того, что благонамѣренные жители поклялись ему до послѣдней капли крови оборонять себя и своихъ женъ. Защита осажденныхъ стала отважнѣе, орудія ихъ стрѣляли вѣрнѣе, — храбрыя вылазки принудили рыцаря отступить.

Магистратъ Вормса, вмѣстѣ съ верховнымъ имперскимъ судомъ, начали громко жаловаться императору на нарушеніе земскаго мира; они желали, чтобы императоръ объявилъ надъ рыцаремъ государственную опалу. Еще больше стали они кричать, когда Сиккингенъ отобралъ у Вормсцевъ многіе купеческіе товары, назначенные во Франкфуртъ на ярмарку. Всѣ нѣмецкіе купцы вопили противъ дерзкаго Сиккингена, засыпали просьбами императора Максимиліана, который, въ глубинѣ души, очень любилъ рыцаря. „Неужто созвать всю имперію изъ за-того, что купецъ потерялъ мѣшокъ съ перцомъ?“ говорилъ императоръ. Онъ долго медлилъ и оставлялъ безъ вниманія назойливыя жалобы, ибо уважалъ воинскія доблести рыцаря и разсчитывалъ на него для исполненія виликихъ своихъ плановъ. Однако, уваженіе къ новоучрежденному земскому

миру и честь новаго имперскаго судилища требовала законнаго наказанія, которое, впрочемъ, было не слишкомъ тяжело для Сиккингена.

2.

Имя Франца фонъ Сиккингена гремѣло даже и въ чужихъ краяхъ. Король французскій Францискъ I, думалъ найдти въ немъ человѣка, который, со временемъ, можетъ поддержать притязанія его на императорскій престолъ; онъ самъ твердо держался правилъ стариннаго рыцарства, которыя льстили склонности его къ роскоши и удовольствіямъ. Францискъ пригласилъ благороднаго нѣмецкаго рыцаря къ себѣ, въ Амбуазъ, — такое приглашеніе было слишкомъ лестно, чтобъ Сиккингенъ могъ отъ него отказаться. Добрый другъ его и товарищъ по оружію, Робертъ де Седанъ, графъ де ла Маршъ, и сынъ Роберта, впослѣдствіи де-Флёранасъ, проводило его во Францію; двѣнадцать рыцарей находились въ его свитѣ. Такой въѣздъ показался блистательнымъ даже французскому двору. Лестный пріемъ, сдѣланный гостю, превзошелъ всѣ его ожиданія. Юному, пылкому королю очень понравилась прямота нѣмецкаго рыцаря, онъ удивлялся быстротѣ его отвѣтовъ и образованному уму, проявлявшемуся во всѣхъ его рѣчахъ. Подарокъ золотой цѣпи, цѣною въ 3000 таллеровъ, служилъ доказательствомъ благоволенія короля къ рыцарю и желанія пріобрѣсти его расположеніе. По тогдашнему обычаю, тотъ, на кого надѣвали такой знакъ отличія, оставался на всю жизнь привязаннымъ къ сдѣлавшему подарокъ. Кромѣ цѣпи, Францискъ обѣщалъ рыцарю ежегодную пенсію въ 3000 франковъ. Рыцари изъ свиты Сиккингена получили тоже въ подарокъ золотыя цѣпи, цѣною отъ 500 и до 1000 франковъ. Такая щедрость могла бы на всегда приковать къ чужеземцамъ человѣка не столь благороднаго, какъ Францъ фонъ Сиккингенъ.

Вскорѣ послѣ того, многіе нѣмецкіе торговцы пожаловались ему на Миланцевъ, не платившихъ имъ по долговымъ своимъ обязательствамъ. Рыцарь нашелъ требованія ихъ основательными, сошелся съ ними въ условіяхъ, и захватилъ у Миланцевъ товарный обозъ, шедшій черезъ Германію. Французскій король, которому, на ту пору, принадлежала Миланская область, сильно разгнѣвался, когда Миланцы пожаловались на

сдѣланное имъ притѣсненіе: онъ потребовалъ отъ рыцаря его добычу, но получилъ грубый нѣмецкій отвѣтъ, какого никакъ не ожидалъ: „въ дѣлахъ правосудія я не забочусь ни о комъ кромѣ нѣмцевъ.“ Францискъ отнялъ у него пенсію; за то рыцарь пріобрѣлъ себѣ доброжелателя в новоизбранномъ императорѣ Карла V, который далъ ему равноцѣнную пенсію.

3.

Когда Лютеръ объявилъ войну папѣ, Гёцъ фонъ Берлихингенъ и Францъ фонъ Сиккингенъ громко одобрили его предпріятіе. Другой рыцарь, благородный *Ульрихъ фонъ Гуттенъ*, еще прежде, въ 1515 г., сталъ ратовать противъ монашества, которое считалъ онъ опорой невѣжеству. Въ своихъ Epistolis obscurorum virorum (Письмахъ темныхъ людей) онъ представилъ ѣдкую сатиру противъ монаховъ и высказалъ всѣ ихъ недостатки и пороки: имѣвъ случай въ Италіи узнать всю испорченность духовенства, онъ горячо нападалъ на недостатки церкви. Онъ желалъ нѣмецкихъ епископовъ, а не римскаго папу. «Вы мужественно сопротивлялись древнимъ Римлянамъ, взывалъ онъ къ нѣмецкому народу: а теперь постыдно склоняете голову передъ новыми Римлянами.» Онъ предсказывалъ іерархіи, что топоръ лежитъ уже у гнилаго дерева. „Iacta est allea“ (жребій брошенъ) было любимымъ его изреченіемъ. Онъ предложилъ къ услугамъ Лютера и мечъ и перо,— и точно: по рыцарски сражался онъ обоими за великое дѣло реформаціи. Съ своей стороны, Сиккингенъ предложилъ смѣлому реформатору убѣжище въ своемъ замкѣ.

Гуттенъ участвовалъ въ войнѣ швабскаго союза противъ Ульриха виртембергскаго, и тамъ-то подружился съ Сиккингеномъ. Въ 1518 г., Гуттенъ издалъ разговоръ свой: Aula, по латыни, въ Майнцѣ; Францъ фонъ Сиккингенъ пожелалъ прочитать его по нѣмецки, и въ томъ же году Гуттенъ прислалъ ему переводъ. Благодаря ему, рыцарь Сиккингенъ сдѣлался защитникомъ и другомъ глубокаго и ученаго мыслителя *Рейхлина*,— при взятіи Штудгарта приступомъ онъ исходатайствовалъ повелѣніе не трогать жилища ученаго. Любовь Сиккингена къ наукамъ и просвѣщенію, прямота его и неустрашимость сроднили его на

всегда съ Гуттеномъ; обыкновенно жили они подъ одной палаткой, проводя дни, а отчасти и ночи, въ дружескихъ разговорахъ.

Вскорѣ Гуттенъ принужденъ былъ бѣжать изъ отцовскаго имѣнія. Преслѣдуемый повсюду, онъ обратился къ другу своему Сиккингену. Замки рыцаря сдѣлались убѣжищемъ для многихъ желавшихъ освободиться изъ оковъ религіознаго насилія. Мартинъ Буцеръ, скрывшійся въ Шлеттштадтъ изъ доминиканскаго монастыря, получилъ отъ Сиккингена мѣсто проповѣдника въ Ландштулѣ; Эколампадій проживалъ у него въ домѣ и помогалъ переводить на нѣмецкій языкъ латинскую литургію, за что благословляли его всѣ слушатели. Находясь въ Эбербургѣ, замкѣ Сиккингена, Гуттенъ далеко носился мечтою, и взывалъ къ нѣмецкимъ князьямъ, особенно же къ дворянству, идти на Римъ и положить конецъ тамошнему владычеству. „Я могу умереть, говорилъ онъ: но рабомъ никогда не буду: кто хочетъ вмѣстѣ съ Гуттеномъ умереть за свободу?“

Между тѣмъ, у Франца фонъ Сиккингенъ завязалась кровопролитная война съ архіепископомъ Трирскимъ и такъ какъ она несчастливо окончилась, Гуттенъ долженъ былъ оставить убѣжище. Преслѣдуемый папою, преданный князьями, изгнанный изъ отечества, страдая жестокою болѣзнію, бѣдный скиталецъ, у котораго, кромѣ пера ничего больше не оставалось, онъ нашелъ наконецъ убѣжище въ домѣ занимавшагося врачебной наукой священника Шнегга, въ Уфенау, на Цюрихскомъ озерѣ. Священнику рекомендовалъ его Цвингли. Тамъ, на 36-мъ году жизни, въ 1532 г. неусыпный боецъ „за свѣтъ и право,“ какъ самъ себя называлъ Гуттенъ, окончилъ „трагедію своей жизни.“

4.

Подобно Гуттену и другимъ патріотамъ, Францъ фонъ Сиккингенъ долго возлагалъ надежды на Карла V, ожидая, что онъ станетъ во главѣ религіознаго движенія и вполнѣ отдѣлится отъ папы,—на славу и для созданія самостоятельности Германіи. Къ сожалѣнію, довѣрчивыя надежды Сиккингена не сбылись. Съ высоты гордыхъ своихъ помысловъ, Карлъ V смотрѣлъ на интересы народовъ, какъ на нити ткани, которыя онъ держитъ въ рукѣ своей, а на отдѣльныхъ лицъ какъ на орудія, лишь на то годныя, чтобы употреблять ихъ въ дѣло, а послѣ того забросить. Ра-

зочаровавшись въ императорѣ, Сиккингенъ въ сознаніи силы и воли своей, составилъ планъ вооружить все *дворянство* нѣмецкаго народа и вмѣстѣ съ дворянствомъ, равно какъ и посредствомъ его, не безъ содѣйствія тоже и городовъ, способствовать къ введенію повсюду реформаціи. Для этой цѣли служили пламенныя сочиненія ***Гуттена***, который всячески хотѣлъ искоренить недовѣріе граждан къ дворянству. Въ 1522 г., Сиккингенъ созвалъ дворянъ изъ рыцарскихъ кантоновъ Швабіи, Франконіи и съ Рейна, около Ландау. Съѣхались многіе доблестные рыцари, между прочимъ фонъ Дальбергъ, Флерсгеймъ, Тюркгеймъ, Рюдесгеймъ, Лорхъ, Шварценбергъ, тоже другъ Сиккингена смѣлый рыцарь Гортмутъ фонъ Кроненбергъ, страстный приверженецъ реформаціи и смертельный врагъ всего римскаго. Всѣ они поклялись на Евангеліи составить на три года союзъ и единодушно избрали вождемъ Франца фонъ Сиккингена. Укрѣпивъ немедленно замки свои Ранштуль (при Ландштулѣ) и Эбернбургъ, онъ набралъ прекрасное войско подъ предлогомъ похода во Францію. Но вскорѣ открылось, что дѣло идетъ о ***ниспроверженіи духовной власти въ Германіи***, прежде же всего—о низложеніи курфирста и архіепископа Трирскаго ***Рихарда фонъ Грейфенклау***, который стоялъ во главѣ всѣхъ противниковъ реформаціи. Побѣдой надъ архіепископомъ Францъ фонъ Сиккингенъ хотѣлъ, по собственному его выраженію: „пробить брешь для Евангелія.“

Для объявленія войны епископу, Сиккингенъ воспользовался ничтожнымъ случаемъ, сдѣлалъ при Страсбургѣ смотръ своему войску и быстро повелъ его въ дѣло. Вскорѣ Флискастель достался рыцарю: потомъ взялъ онъ приступомъ Санктъ-Ведель, гдѣ полонилъ многихъ дворянъ и сказалъ имъ слѣдующія многознаменительныя слова: „пусть курфирстъ вашъ, коли останется курфирстомъ, вознаградитъ васъ за потерю коней и доспѣховъ. Если же самъ я сдѣлаюсь курфирстомъ, какъ этого хочу и надѣюсь, то вознагражу васъ за все.“ Извѣстія объ удачномъ походѣ Сиккингена сначала произвели ужасъ въ Трирѣ; но курфирстъ Рихардъ дѣйствовалъ неустрашимо и какъ государь и какъ полководецъ. Онъ созвалъ въ Нюренбергѣ всѣ государственныя власти, воодушевилъ жителей Трира бодро постоять за вѣру отцовъ; столицу свою, какъ оплотъ католицизма, превосходно приготовилъ къ оборонѣ. Между тѣмъ, Сиккингенъ, не обращая вниманія на увѣщаніе государственныхъ властей, 8-го

сентября 1522 г., вступилъ въ Трирскую область, сталъ передъ городомъ, потребовалъ счади, и, получивъ отъ курфирста строптивый отвѣтъ, началъ стрѣлять по городу. Много было разрушено остатковъ превосходныхъ римскихъ зданій; жаркій бой шелъ у „черныхъ воротъ,“ плиты которыхъ до сихъ поръ не сокрушены временемъ. Напрасно Сиккингенъ поставилъ боевыя машины на горѣ передъ городомъ, гдѣ, по народному преданію, находится могила баснословнаго языческаго короля Требеты, основателя города, и гдѣ донынѣ одинъ римскій курганъ носитъ назнаніе „царскаго щелчка.“ Уже потратили 20 бочекъ пороха; Сиккингенъ съ нетерпѣніемъ ждалъ 1500 солдатъ изъ Брауншвейга, которыхъ велъ ему рыцарь Николай Минквичъ. Но они не пришли, потому что ландграфъ Гессенскій не пропустилъ ихъ черезъ свои владѣнія, да и самъ, вмѣстѣ съ курфирстомъ Пфальцскимъ, вооружился противъ Сиккингена. Увидивъ геройство жителей Трира, получивъ вышесказанныя дурныя извѣстія, Сиккингенъ снялъ осаду; въ слѣдующемъ году онъ намѣревался снова начать войну.

Но звѣзда Сиккингена клонилась уже къ закату: курфирсты Трирскій и Пфальцскій ландграфъ Гессенскій заключили между собою союзъ противъ него. Онъ былъ объявленъ въ государственной опалѣ, многіе изъ друзей, присягнувшіе ему въ Ландау, изъ страха, отпали отъ него; взявшіе засилье князя лишили вѣрнаго ему фонъ Кроненберга и замка и всего имущества. Но Сикккингенъ не отчаявался еще въ успѣхѣ великаго своего плана. Онъ надѣялся на поддержку франконскаго рыцарства, а также на помощь верхнерейнскаго и богемскаго дворянства и всей протестантской партіи. Онъ заперся въ Раннштулѣ и рѣшился держаться въ немъ до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ подкрѣпленія. Весной 1523 г., курфирсты Трирскій и Пфальцкій и ландграфъ Гессенскій осадили его въ замкѣ. Сиккингенъ геройски оборонялся и, не смотря на болѣзнь, оставался непоколебимъ духомъ. Страшно громили пушки князей крѣпостныя стѣны; рухнула башня, имѣвшая стѣны въ 24 фута толщины. Рыцарь поспѣшилъ на угрожаемый пунктъ; тутъ ядро кулеврины ударилось возлѣ него въ землю,—и осколки камня и дерева вонзились рыцарю въ животъ. Тяжело раненаго Сиккингена отнесли подъ своды, высѣченные въ скалѣ. Онъ все еще надѣялся освободиться отъ осады; но помощь не явилась и онъ сдалъ замокъ князьямъ. Они нашли его уже умирающимъ.

Привѣтливо снялъ онъ свою шапку передъ курфирстомъ Пфальцскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ, съ достоинствомъ, хотя и съ трудомъ, отвѣчалъ на ихъ вопросы; одному только архіепископу Трирскому и не захотѣлъ онъ поклониться. Сиккингенъ съ твердостію скончался 7-го мая 1523 г. Пораженные смертію его враги окружали тѣло героя, сложа руки на молитву и набожно молясь о душѣ его. Прочіе укрѣпленные его замки: Эбернбургъ, Драхенфельсъ и другіе, вмѣстѣ со всѣми владѣніями его, достались врагамъ, но, впослѣдствіи, возвращены были его потомкамъ. Таковъ былъ конецъ рыцарственнаго „мстителя за нѣмецкую свободу."

Узнавъ о смерти Сиккингена, Лютеръ воскликнулъ: „Богъ справедливъ! но странное дѣло! Не мечемъ онъ хочетъ пособлять своему Евангелію."

ЮРГЕНЪ ВУЛЛЕНВЕБЕРЪ.

1.

Знаменитѣйшими изъ венедскихъ городовъ были Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ и Грейфсвальдъ. Въ Любекѣ, самомъ богатомъ и вліятельномъ, долѣе всѣхъ противились церковному исправленію дворянство и духовенство: исправленіе это было здѣсь дѣломъ неусыпной ревности низшихъ сословій. Давно уже въ народѣ пробудилось благочестивое желаніе слушать „чистое Слово Божіе; въ городъ проникли евангелическіе проповѣдники,—но въ 1528 г., магистратъ изгналъ лютеранскихъ апостоловъ, книги Лютера были сожжены на площади рукой палача; людей же, пѣвшихъ псалмы по нѣмецки, засадили въ тюрьму. Цеховые стали просить, а потомъ роптать, но соборный капитулъ и дворяне, въ согласіи съ магистратомъ, не хотѣли и слышать объ обновленіи церкви. Случилось, что магистратъ наложилъ новыя подати, потому что частыя войны города Любека совсѣмъ истощили казну его. Граждане избрали изъ среды своей 36 членовъ для того, чтобы привести въ порядокъ городское хозяйство; а такъ какъ по истеченіи года, дѣло это все еще не было приведено къ концу, то община и назначила новыхъ сорокъ восемь членовъ (1529 г.), да наказала имъ тайно не соглашаться ни на какія де-

вежныя назначенія, до тѣхъ поръ пока магистратъ не разрѣшитъ введеніе евангелическаго ученія. Магистратъ переполошился, сильно ратовалъ противъ такихъ еретическихъ, неслыханныхъ требованій, но и настолько онъ былъ стѣсненъ, что согласился выдать коммиссіи списокъ долговъ. Все еще обольщая себя мечтою, что дворяне и купечество составляютъ весь народъ Любека, магистратъ, по разнымъ своимъ соображеніямъ, сдерживалъ нетерпѣливую чернь, начавшую уже препятствовать католическому богослуженію. Но когда коммиссія, съ большимъ еще упорствомъ, стала отказывать въ наложеніи новыхъ податей, когда толпы взволнованнаго народа наполнили церкви, площадь и залы ратуши,— оробѣвшіе господа уступили; они согласились также на возвращеніе въ городъ двухъ изгнанныхъ проповѣдниковъ. Напрасно извѣстный противникъ новаго ученія, Генрихъ младшій Брауншвейскій, грозилъ заступиться за монастырь, обогащенный вкладами его предковъ: едва терпимая до того времени церковная партія сама впала въ нетерпимость и неистово требовала отмѣненія католической проповѣди, и во второй день Пасхи причащались Св. Таинъ уже подъ двумя видами. Между тѣмъ среди ремесленниковъ проявились ярые ораторы. 30 іюня 1530 г., магистратъ принужденъ былъ издать повелѣніе объ отмѣнѣ католическаго богослуженія во всѣхъ церквахъ города, кромѣ соборной. Вскорѣ затѣмъ, трусливые каноники сами собою прекратили мессу и въ соборѣ,—и магистратъ приказалъ тотчасъ же все церковное серебро и драгоцѣнныя украшенія съ алтаря снести въ городское казначейство. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ народныхъ ораторовъ былъ *Юргенъ Вулленвеберъ.*

2.

Вулленвеберъ изъ низкаго званія возвысился до мѣста бургомистра города Любека. Онъ нашелъ себѣ друга, который, вмѣстѣ съ нимъ, раздѣлялъ стремленіе къ народовластію и имѣлъ одинаковый съ нимъ, возвышенный образъ мыслей. То былъ гамбургскій уроженецъ, Максъ Мейеръ, бывшій прежде кузнецомъ, но столь замѣчательный по прекрасной наружности, храбрости на войнѣ и ловкости въ дѣлахъ, что вскорѣ былъ избранъ главнокомандующимъ города Любека на морѣ. Вулленвеберъ и Мейеръ составили смѣлый планъ изгнать изъ Сѣвернаго и Во-

сточнаго морей Голландцевъ, торговая дѣятельность которыхъ затмѣвала Ганзу, завоевать Данію, раздираемую внутренними несогласіями, и сдѣлать городъ Любекъ столицею новаго сѣвернаго торговаго государства.

Король Шведскій, Густавъ Ваза, во время бѣгства своего отъ жестокаго короля Датскаго, Христіерна II, нашелъ помощь у города Любека и былъ обязанъ ему благодарностію; дядя Христіерна, король Датскій Фридрихъ, вступилъ на престолъ съ помощію Ганзы: любекскій флотъ защищалъ его отъ новыхъ опасностей. По договору съ жителями Любека, онъ заперъ Зундъ для Голландцевъ. Но какъ скоро Вулленвеберъ съ прочими депутатами оставили короля, онъ раскаялся въ этой уступкѣ, — ему желалось какъ можно менѣе зависѣть отъ ганзейскихъ городовъ. Голландцы по-прежнему стали посѣщать Восточное море и Дадчане покровительствовали имъ. Вулленвеберъ рѣшился принять сильныя мѣры. Онъ созвалъ общину въ ратушу, и краснорѣчиво представилъ ей, что торговля Ганзы падетъ непремѣнно, если не остановятъ Голландцевъ. Община согласилась дать Вулленвеберу нѣсколько новыхъ кораблей; обратили въ монету серебро взятое изъ католическихъ церквей, даже не пожалѣли большаго паникадила изъ церкви св. Мартина. Быстро построили два большіе корабля, которые вышли въ море для преслѣдованія голландскихъ купеческихъ судовъ; но суда эти, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, успѣли скрыться отъ преслѣдованія.

3.

Между тѣмъ, въ Даніи произошла перемѣна, приведшая все государство въ броженіе. Король Фридрихъ I умеръ въ Готторпѣ, въ 1533 г., и оставилъ четырехъ сыновей. Старшій изъ нихъ, исполненный силы и мужества, придерживался лютеранской партіи, а поэтому былъ ненавистенъ католикамъ. Они не хотѣли слышать о Христіанѣ III, который, съ самаго начала, сдѣлался приверженцемъ новаго ученія. О немъ разсказывали, что, еще на сеймѣ въ Вормсѣ, онъ враждебно дразнилъ поповъ и монаховъ, такъ однажды, въ присутствіи императора и князей, во время проповѣди, привязалъ къ каѳедрѣ веревкою говорившаго проповѣдь капуцына, что и не позволило встать съ мѣста рьяному проповѣд-

нику; принцъ Христіернъ самъ признался разгнѣванному императору въ этой непростительной шалости. Дворянство и духовенство поддерживали младшаго брата его, герцога Іоанна, которому минуло только двѣнадцать лѣтъ. Но такъ какъ не могли сойтись на избраніи короля, то установили государственную опеку изъ самыхъ знатныхъ вельможъ, вельможамъ же очень нравилось вовсе не имѣть короля. Опека была дурно расположена къ жителямъ Любека, равно какъ и король Густавъ Ваза, который прямо объявилъ посланникамъ города, что для его государства нѣтъ никакой выгоды въ изгнаніи Голландцевъ. Онъ даже отнялъ у жителей Любека торговыя права, которыми въ прежнее время пользовались они въ Швеціи, и наложилъ запрещеніе на ганзейскія суда.

Вулленвеберъ, еще въ Копенгагенѣ, узналъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, и не побоялся вступить въ борьбу съ двумя королевствами. Онъ зналъ, что датскіе граждане боятся аристократіи и католическаго духовенства, что они желаютъ имѣть народнаго короля. Вулленвеберъ втихомолку заключилъ союзъ съ копенгагенскимъ бургомистромъ Амвросіемъ Бокбиндеромъ, нѣмецкимъ уроженцемъ, и съ бургомистромъ города Мальмое, Юргеномъ Кокомъ, родомъ тоже изъ Вестфаліи. Три бургомистра хотѣли все употребить для спасенія свободы вѣроисповѣданія и горожанъ, и для того, чтобы посадить на престолъ герцога Христіерна. Если же герцогъ не захотѣлъ бы принять короны отъ руки горожанъ, то Вулленвеберъ обѣщалъ всякое пособіе отъ своей республики, покореніе дворянства, принятіе Даніи въ Гензейскій союзъ и побѣду лютеранскаго исповѣданія. Съ цѣлымъ миромъ предначертаній въ головѣ, воротился Вулленвеберъ на родину.

4.

Герцогъ Христіернъ отказывался принять корону отъ революціонной партіи; Швеція и Данія вооружались. Между тѣмъ, Максъ Мейеръ совершилъ удачную поѣздку въ Лондонъ и заключилъ союзъ съ королемъ Генрихомъ VIII, только-что отдѣлившимся отъ папы. Возвратившись въ Любекъ, смѣлый искатель приключеній, послѣ совѣщанія съ Вулленвеберомъ, рѣшился вмѣстѣ съ нимъ предложить на престолъ заточеннаго короля Христіерна II, который не только былъ привержен-

цемъ лютеранскаго ученія, но, къ тому же, ненавидѣлъ дворянъ. Полководцемъ избрали воинственнаго графа *Христофа* Ольденбургскаго, отличившагося въ крестьянской войнѣ, и, безъ вѣдома любекскихъ гражданъ, снабдили его деньгами для найма войска. По первому призыву, черезъ барабанный бой въ Нижней Саксоніи, къ знамени графа Христофа стеклось до 4000 чел. пѣхоты и конницы. 14 мая 1531 г., войско это явилось передъ Любекомъ. Тутъ Вулленвеберъ созвалъ магистратъ, городскихъ сановниковъ и всю общину, представилъ имъ ненависть двухъ королествъ къ городу Любеку и взывалъ къ народу объ отмщеніи. Народъ рукоплескалъ его предложеніямъ и рѣшилъ переправить войско въ Зеландію. Войско отплыло на 21 корабляхъ, хорошо снабженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и съѣстными припасами; Вулленвеберъ и Максъ Мейеръ участвовали въ походѣ: флотъ шелъ прямо на Зеландію. Тамъ бургомистры Бокбиндеръ и Кокъ (обыкновенно называемый *Минтер*'омъ, потому что завѣдывалъ должностію монетчика), все уже подготовили заранѣе: въ короткое время любекское войско завоевало Зеландіи, Копенгагенъ сдался, и графъ Христофъ распоряжался въ немъ, какъ король.

Но Герцогъ *Христіернъ* имѣлъ дѣятельнаго, вѣрнаго друга въ доблестномъ Іоаннѣ фонъ Ранцау, который пробрался черезъ сожженный Травемюнде и осадилъ Любекъ. Вся страна была опустошена: суда взяты; народъ начиналъ роптать противъ людей, вовлекшихъ его въ войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, датское дворянство нашло, что пора избрать короля, а такъ какъ Христіернъ, будучи герцогомъ Голштинскимъ, могъ подойти къ Любеку съ сухаго пути, то и поспѣшили провозгласить его королемъ. Тогда подняла голову аристократическая партія въ Любекѣ, и Вулленвеберъ поспѣшилъ возвращеніемъ, чтобы не вовсе утратить значеніе въ Любекѣ. Заключили миръ съ Голштиніей, а чтобъ уменьшить число своихъ непріятелей, жители Любека дозволили на четыре года Голландцамъ свободное судоходство по Восточному морю.

5

Съ помощію фонъ Ранцау и дворянской партіи, король Христіернъ III все болѣе и болѣе утверждался на датскихъ островахъ, графъ же Христофъ былъ запертъ въ Копенгагенѣ. Густавъ Ваза выслалъ каперовъ,

которые преслѣдовали любекскія торговыя суда. Когда же бо́льшая часть этихъ каперовъ попались жителямъ Данцига, Шведы снарядили одиннадцать большихъ военныхъ кораблей, которые жестоко тѣснили жителей Любека. Тогда городъ Гамбургъ предложилъ свое посредничество для заключенія мира и пригласилъ въ Люнебургъ (1536 г.) депутатовъ ганзейскихъ городовъ. Находясь все еще подъ вліяніемъ Вулленвебера, жители Любека послали депутатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пригласили и къ себѣ всѣхъ этихъ господъ,—вслѣдствіе чего, депутаты Кёльна, Бремена, Гамбурга, Данцига, Риги, Оснабрюка, Каптена, Девентера, Цволля, Соэста, Гёттингена, Брауншвейга, Ганновера и Гильдесгейма собрались въ главный городъ свой, Любекъ. На бѣду, города никакъ не хотѣли сознать, что, въ случаѣ паденія Любека въ настоящую войну, и всему ганзейскому союзу угрожаетъ опасность. Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ говорилъ Вулленвеберъ за продолженіе войны, необходимой для спасенія цѣлаго союза. Все еще колебались,—какъ вдругъ, по проискамъ изгнанныхъ Вулленвеберомъ и народной партіей аристократическихъ членовъ магистрата, верховный государственный судъ прислалъ изъ Шпейера строжайшій указъ, грозившій Любеку государственной опалой, если не будетъ возстановленъ въ немъ прежній порядокъ вещей и не будетъ возвращена честь изгнаннымъ бургомистрамъ. Духовенство тоже всѣми силами работало, чтобы отдалить народъ отъ Вулленвебера; а такъ какъ на ту пору шла война противъ анабаптистовъ, то съ злобнымъ коварствомъ возложили на бургомистра подозрѣніе, будто онъ имѣетъ связи съ этой сектой. Конечно, онъ желалъ противупоставить власти князей свободное крестьянство, какъ и свободное гражданство, но не принималъ никакого участія въ неистовствахъ анабаптистовъ. Вулленвебера лишили званія бургомистра; изгнанный бургомистръ Николай фонъ Бремзенъ, торжественно въѣхалъ въ городъ.

Но Вулленвеберъ не унывалъ; онъ подстрекнулъ герцога Альбрехта Мекленбургскаго вести войну за датскій престолъ, и брался привести ему на помощь войско. Старому совѣту онъ представилъ записку, въ которой увѣдомлялъ, что въ области Гадельнъ сбѣжалась толпа изъ 6000 способныхъ къ военной службѣ людей (кнехтовъ) вызывался переговорить съ ихъ начальниками и войско это лично отвести въ Данію. Враги пустили его въ ловушку; друзья, напротивъ, предостерегали,—ибо Вул-

ленвеберъ подвергался опасности попасть въ полонъ къ архіепископу бременскому, черезъ владѣнія котораго надо было ему проходить. Архіепископъ Христофъ бременскій былъ друженъ съ датскимъ королемъ Христіерномъ III, враги Вулленвебера тотчасъ отправили къ нему гонцевъ, и точно: лишь только ступилъ Вулленвеберъ на территорію архіепископа, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ плѣнъ. Съ другой стороны, любекскія войска, не получая подкрѣпленій, должны были уступить врагамъ. Плѣннаго Вуллунвебера отдали во власть датскаго короля, который, по проискамъ любекскихъ аристократовъ, повелъ процессъ противъ него. Несправедливые судьи приговорили къ смерти человѣка, служившаго своему отечеству, желавшаго сдѣлать его великимъ и могущественнымъ. Вся сила, вся гордость воспрянула въ душѣ несчастнаго, когда объявили ему смертный приговоръ; нѣмымъ стѣнамъ темницы повѣрилъ онъ свидѣтельство своей невинности; на нихъ вырѣзана слѣдующая надпись:

„Никогда не былъ я ни воромъ, ни измѣнникомъ, ни анабаптистомъ,
„Никогда и не желалъ, чтобы считали меня такимъ.
„Господи Іисусе Христе! Ты—путь, истина и жизнь!
„Умоляю тебя: засвидѣтельствуй Твоимъ милосердіемъ о моей невинности,

Въ 1537 г., по одобреніи любекскимъ магистратомъ приговора, Юргенъ Вулленвеберъ былъ казненъ мечомъ отъ руки палача, а тѣло его было четвертовано.

ГЛАВА IV.

Преобразованіе государствъ реформаціею.

ФИЛИППЪ ИСПАНСКІЙ И ВИЛЬГЕЛЬМЪ ОРАНСКІЙ.

1.

Ни одна страна нашего полушарія не подвергалась столькимъ переворотамъ, въ видоизмѣненіяхъ своей почвы, какъ дельта, образуемая Рей-

номъ, Маасомъ и Шельдою—тѣ именно мѣстности, которыя мы называемъ *Нидерландами*. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, потоки и рѣки, орошающіе ихъ нынѣ, имѣли нѣкогда совсѣмъ иное теченіе и другія устья. Теперь возвышаются многолюдные города и красивыя селенія тамъ, гдѣ скользили суда по ненадёжной поверхности моря или гдѣ кишили твари морскія; напротивъ того, морская пучина поглотила мѣста, гдѣ нѣкогда твердая земля зеленѣла и питала многочисленныхъ жителей. Съ незапамятныхъ временъ, страна эта была подвержена наводненіямъ, что принуждало ея обитателей постоянно оборонять плотинами отъ яростныхъ волнъ селитьбы свои. Съ неимовѣрнымъ трудомъ, обитатели эти превратили осохшее дно моря въ плодоносную почву. Постоянный трудъ развилъ въ Нидерландцахъ стойкость, изобрѣтательность, трудолюбіе и умѣренность, добродѣтели, въ высшей степени ихъ отличающія. Мужественная оборона земли, отнятой съ бою у коварной стихіи, вдохновляла гражданъ къ борьбѣ противъ тиранніи деспотовъ, хотѣвшихъ лишить ихъ свободы. Такими явили себя уже знакомые намъ, жители Нидерландовъ, *Батавы*, народъ германскаго происхожденія. (См. ч. II. Гл. I.) Батавы непремѣнно свергнули бы иго могучей Римской имперіи, еслибъ не были предоставлены они, чрезъ несогласія Германцевъ, однимъ своимъ силамъ. Но буря народныхъ переселеній низвергла римскій колоссъ и наслала на Европу свѣжія, въ естественной простотѣ своей, германскія племена,—тогда Нидерланды подпали подъ владычество Франковъ, которые подѣлили ихъ на малыя государства и области. Каждая изъ этихъ областей имѣла особое устройство и правленіе. Съ той поры, водворились повсюду мелкіе графы и властелины, владѣвшіе болѣе или менѣе значительными округами и часто подпадавшіе власти болѣе сильныхъ государей. Когда же возникло сословіе гражданъ,—многіе города пріобрѣли себѣ свободу и независимость; а положеніе страны на Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ, промежь Германіи, Франціи и Англіи, обиліе въ судоходныхъ рѣкахъ, трудолюбіе и способность къ промысламъ жителей развили цвѣтущія мануфактуры, прибыльную торговлю. Во многихъ богатыхъ промышленныхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Антверпенѣ, Гентѣ, Брюгге и другихъ, кипѣла такая необыкновенная дѣятельность, что въ 6 часовъ вечера, когда возвращались рабочіе по домамъ, родителямъ давали знать посредствомъ колокольнаго звона, чтобы они

убирали съ улицъ дѣтей своихъ,—иначе ихъ могли задавить въ нахлынувшей толпѣ. До самаго конца пятнадцатаго столѣтія, вся англійская шерсть обработывалась въ Нидерландахъ; голландскіе корабли скоро нашли себѣ дорогу въ Африку, Остъ-Индію и Америку. Цвѣтущая торговля Ганзы перешла отъ нѣмецкихъ городовъ къ голландскимъ.

Въ средніе вѣка однимъ изъ преобладающихъ княжескихъ домовъ сдѣлался домъ герцоговъ *Бургундскихъ*; при *Карлѣ Смѣломъ*, онъ достигъ такого блеска, что этотъ герцогъ домогался для себя у императора королевской короны. Но безумная воинская отвага погубила Карла Смѣлаго, онъ лишился жизни въ битвѣ при *Нанси*, во время хищническаго вторженія въ Швейцарію. Карлъ Смѣлый оставилъ единственную дочь, прекрасную *Марію;* она отдала руку австрійскому герцогу, впослѣдствіи императору *Максимиліану I*; черезъ этотъ бракъ, бургундскія владѣнія достались Германіи, подъ названіемъ „Бургундскаго округа."

Не смотря на частую перемѣну властителей, отдѣльныя провинціи сохранили множество правъ и вольностей, которыя всегда уважались ихъ государями. Даже Карлъ V оказывалъ особое покровительство Нидерландамъ,—и между тѣмъ какъ всячески старался подавить реформацію въ Германіи, не препятствовалъ онъ ей въ Нидерландахъ, любимыхъ имъ за то, что они доставляли огромныя богатства въ австрійско-испанскую казну. Но скоро онъ измѣнилъ свое мнѣніе, когда протестантская вѣра стала пріобрѣтать въ Нидерландахъ все болѣе и болѣе приверженцевъ: особенно строго поступалъ онъ съ *радерикерами*, (реториками), представлявшими религіозныя драмы, въ которыхъ осмѣивалось католическое поповство. Въ 1550 г., введена была инквизиція; многіе честные граждане поплатились жизнію за то, что не хотѣли отступить отъ своей вѣры.

2.

И вотъ вступилъ на престолъ мрачный ханжа *Филиппъ*. Правда, онъ поклялся Нидерландцамъ: „Я, Филиппъ, обѣщаюсь и клянусь быть для васъ добрымъ, справедливымъ государемъ, вѣрно и честно поддерживать дарованныя моими предшественниками вольности, а также обычаи и пра-

ва ваши, и заставлять другихъ уважать ихъ: ибо вознамѣрился я исполнять все, что́ подобаетъ доброму правителю и государю. Да помогутъ мнѣ Богъ и Его святые.“—Но въ глубинѣ души, Филиппъ рѣшился не обращать вниманія на данное слово, напротивъ того, онъ жаждалъ обратить Нидерландцевъ въ такихъ же рабски-настроенныхъ католиковъ, какими были его Испанцы. Первое что̀ сдѣлалъ онъ для Нидерландовъ было усиленіе строгости грозной *инквизиціи*, дабы искоренить новое ученіе. Гордость его оскорблялась мыслію, что есть люди, которые хотятъ принадлежать къ иному, нежели онъ, исповѣданію. Филиппъ посадилъ всюду духовныхъ судей, которые должны были строго судить всѣхъ и каждаго за малѣйшее отступленіе отъ католическаго вѣроученія. Одного подозрѣнія было достаточно, чтобы исторгнуть мирнаго гражданина изъ среды его семейства. Всякому доносчику на еретика обѣщалась половина имѣнія обвиненнаго; скоро доносчиковъ расплодилось тьма. Если какой-нибудь мерзавецъ доносилъ на честнаго человѣка и обвиненный не сознавался,—бѣдняка подвергли пыткѣ, и часто отъ нестерпимой боли онъ признавался въ томъ, въ чемъ и не былъ виновенъ. При томъ, онъ никогда не могъ узнать, кто былъ его обвинителемъ. Никто не былъ увѣренъ, по утру, что, не попадетъ въ тюрьму, вечеромъ: ибо если хотѣлось какому нибудь негодяю, изъ мести или изъ корысти, повредить человѣку зажиточному,—онъ отправлялся къ судьѣ трибунала инквизиціи и дѣлалъ показаніе. Пѣлъ ли кто евангелическій гимнъ, присутствовалъ ли на собраніи протестантовъ, этого уже было достаточно для обвиненія и приговора.

Кто однажды попадалъ въ когти инквизиціи, тому нечего было ждать пощады и избавленія отъ нихъ. Онъ долженъ былъ или провести остальные дни жизни заживопогребеннымъ въ скорбномъ отчужденіи отъ всѣхъ, или же, въ день великаго сожженія, идти съ прочими жертвами на костеръ. Печальное шествіе, торжественно, двигалось по улицамъ къ лобному мѣсту. Впереди развѣвалось красное знамя смерти; во всѣ колокола звонили, впереди шли священники въ полномъ облаченіи и пѣли священные гимны. За ними слѣдовали осужденные грѣшники, въ одѣяніяхъ желтаго цвѣта, на которыхъ были намалеваны черныя фигуры чертей. На головахъ несчастныхъ были бумажные колпаки, съ изображеніемъ, на верху, человѣка объятаго пламенемъ. Передъ осужденнымъ на муки

вѣчныя несли распятіе, обращенное къ нему не лицевой стороною—для такихъ грѣшниковъ не существовало болѣе искупленія: какъ смертное тѣло его принадлежало земному огню, такъ и безсмертная душа принадлежала адскому пламени. Ротъ у него былъ завязанъ, для того ли, чтобъ не могъ онъ стонами облегчать своихъ страданій, или же затѣмъ, чтобы не могъ онъ повѣдать другимъ тайнъ несправедливаго своего процесса. Вслѣдъ за нимъ шли: духовенство, въ праздничномъ облаченіи, начальство, дворяне. Отцы, осудившіе на казнь несчастнаго, замыкали шествіе. Можно было подумать, что всѣ эти люди провожаютъ покойника въ могилу; но нѣтъ! то былъ живой человѣкъ,—терзанія его назидали вѣрующихъ! Такія казни обыкновенно приберегались къ торжественнымъ праздникамъ и тогда уже разомъ казнили нѣсколько человѣкъ.

Какъ же глубоко могутъ пасть люди, называющіе себя христіанами и думающіе, что вѣруютъ въ Спасителя, который сказалъ: „Любите другъ друга, любите враговъ вашихъ!" Но Филиппъ и его духовенство были увѣрены, что совершаютъ христіанское дѣло.

3.

По своемъ воцареніи, Филиппъ пробылъ три года въ Нидерландахъ,— для того, чтобы придать большую силу учрежденному имъ судилищу надъ еретиками. Отъѣзжая въ Испанію, онъ поставилъ правительницей сводную сестру свою, *Маргариту Пармскую*, женщину съ мужскимъ характеромъ и съ любовью къ строгой справедливости. Ей подчиненъ былъ государственный совѣтъ, составленный изъ знатнѣйшихъ Нидерландцевъ, а также нѣсколькихъ Испанцевъ. Самымъ опаснымъ изъ послѣднихъ былъ кардиналъ *Гранвелла*, епископъ аррасскій, до послѣдней крайности ратовавшій за интересы своего исповѣданія и съ возмутительнымъ высокомѣріемъ обращавшійся съ нидерландскими вельможами. Гранвелла еще болѣе усилилъ строгость инквизиціи, а черезъ это сдѣлалъ ненавистнымъ для народа правленіе Испанцевъ. Всеобщее неудовольствіе выражалось громко; трое знатнѣйшихъ членовъ дворянства, ***принцъ Вильгельмъ Оранскій***, ***графы Эгмонтъ*** и ***Горнъ***, негодуя на Гранвеллу, вовсе не являлись въ государственный совѣтъ. „Мы не

желаемъ представлять тамъ пустыя тѣни,“ писали они правительницѣ. Сама правительница тоже гнѣвалась на властолюбиваго министра.

Вильгельмъ Оранскій былъ однимъ изъ людей наиболѣе пользовавшихся расположеніемъ императора Карла V. Тринадцати лѣтъ отъ роду, явился онъ ко двору—и высокими умственными дарованіями, равно какъ и молчаливостью, сдѣлался любимцемъ Карла V. Часто императоръ повѣрялъ ему самыя важныя дѣла и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ спрашивалъ его совѣта. Со смертью Карла V, значеніе принца Оранскаго умалилось. Завистливые Испанцы искусно возбудили въ недовѣрчивомъ Филиппѣ подозрѣніе противъ благороднаго принца. Вильгельмъ получилъ только слѣдовавшія ему по праву наслѣдства намѣстничества Зеландіи, Утрехта и Голландіи; верховное же управленіе краемъ было отдано герцогинѣ Пармской. Когда Филиппъ оставилъ Нидерланды, Вильгельму минуло только 26 лѣтъ, но, по уму и по опытности, онъ равнялся человѣку пятидесятилѣтнему. Его худощавое, смуглое лицо никогда не измѣнялось; онъ постоянно былъ молчаливъ; когда же рѣшался на что-либо, то съ непоколебимой твердостью исполнялъ задуманное. Къ тому же, онъ былъ очень богатъ; столъ его былъ открытъ для всѣхъ; Нидерландцы любили и почитали его по заслугамъ.

Еще бо́льшимъ любимцемъ народа былъ *Ламораль, графъ Эгмонтъ*, красавецъ собою, вельможа съ характеромъ рацырственнымъ, человѣкъ разговорчивый, ласковый, сообщительный, но не одаренный мудрой осмотрительностію Вильгельма. Когда Эгмонтъ проѣзжалъ по улицамъ Брюсселя, сердца всѣхъ стремились къ нему, мужчины прославляли его военные подвиги, матери указывали дѣтямъ на ловкость и приличіе рыцарственнаго графа. Человѣкъ благодушный, онъ всѣмъ довѣрялъ и ожидалъ всегда хорошаго въ будущемъ.

Оба эти вельможи, вмѣстѣ съ графомъ Горномъ, добились наконецъ отъ Филиппа того, что кардиналъ Гранвелла былъ отозванъ. Эгмонтъ самъ ѣздилъ въ Мадридъ, чтобы лично сдѣлать представленія королю. Но Филиппъ ни за что не хотѣлъ смягчить строгости противъ еретиковъ; напротивъ, пламя костровъ стало свирѣпствовать пуще прежняго.

4.

Тогда триста дворянъ согласились между собою заступиться за права и вольности отечества: они подписали *компромиссъ*, такъ называлась грамота, по которой обѣщались они взаимно помогать другъ другу. Положили идти въ Брюссель, и подать прошеніе правительницѣ. 5 апрѣля 1566 г., заговорщики, числомъ болѣе 300 человѣкъ, въѣхали верхами въ Брюссель, и, въ торжественной процессіи, подъ предводительствомъ Генриха фонъ-Бредероде, потомка старыхъ графовъ голландскихъ, отправились, попарно, во дворецъ. Почтительно поднесли они правительницѣ свое прошеніе. Когда длинная процессія вступила въ залу, Маргарита, пораженная ужасомъ, поблѣднѣла; но одинъ изъ совѣтниковъ ея, де-Барлемонтъ, шепнулъ ей по-французски, что нечего бояться этого сброда нищихъ (gueux). Нѣкоторые изъ дворянъ слышали эти слова, и, чтобы облагородить оскорбительное выраженіе, всѣ союзники назвали себя ***Гейзами.*** Съ той поры, носили они на шеѣ медаль съ изображеніемъ короля и съ надписью: „вѣрные до нищенской сумы."

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ Маргарита отписала въ Мадридъ. Она не осмѣлилась, безъ согласія Филиппа, отмѣнить инквизицію, однако, приказала судьямъ дѣйствовать умѣреннѣе до полученія отвѣта изъ Мадрида. Инквизиціонные судьи, изъ которыхъ многіе неохотно исполняли свою обязанность, и совсѣмъ прекратили дѣла. Велика была радость протестантовъ! Всѣ, доселѣ скрывавшіе изъ страха, свое исповѣданіе, выступили смѣло впередъ; новое ученіе пріобрѣло множество послѣдователей. Много содѣйствовали этому и проповѣдники, произносившіе рѣчи подъ открытымъ небомъ. Слушатели, вооруженные рапирами, бердышами и ружьями, разстанавливали кругомъ караулы, а дорогу заваливали телѣгами и повозками. Всѣ, проходившіе мимо, должны были присоединяться къ нимъ и слушать. Часто до 15,000 человѣкъ слушали такія проповѣди, и чѣмъ бранчивѣе были въ нихъ выходки противъ папы и власти его, тѣмъ усерднѣе рукоплескали оратору. Болѣе же всего шумѣли въ Антверпенѣ и его окрестностяхъ. Тамошній магистратъ не согласился отвести церковь для гражданъ евангелическаго исповѣданія; но они, съ женами и дѣтьми, уходили куда-нибудь въ поле и тамъ совер-

шали богослуженіе. Магистратъ умолялъ правительницу, ради Бога, пріѣхать въ Антверпенъ, или, по крайней мѣрѣ, прислать принца Оранскаго, пользовавшагося довѣріемъ граждáнъ. Правительница согласилась на послѣднее. Чтò за шумъ былъ въ день пріѣзда Оранскаго! Казалось, Антверпенъ выслалъ къ нему на встрѣчу всѣхъ своихъ жителей. Большая дорога кишила народомъ; всѣ крыши были унизаны зрителями. Старый и малый привѣтствовали принца, криками: „Да здравствуютъ Гейзы!“ Другіе кричали: „смотрите! вотъ тотъ, кто несетъ намъ свободу!“ Принцъ Оранскій, съ кроткой важностію, подалъ знакъ, чтобы замолчали, но ни кто его не послушалъ и, полусердитый, полурастроганный, онъ воскликнулъ: „Клянусь Богомъ! Посмотрите, чтò вы надѣлали! Когда-нибудь вы раскаятесь въ этомъ!“ Съ самыхъ же первыхъ дней, принцъ Оранскій приложилъ стараніе къ возстановленію порядка; хоть и всею душею принадлежалъ онъ отечеству, однако, не терпѣлъ безпорядковъ, никогда не ведущихъ къ гражданскому благу.

5.

Между тѣмъ, испанскій дворъ совѣщался о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять въ этихъ обстоятельствахъ. Наконецъ, Филиппъ рѣшилъ сдѣлать уступки кой-въ-чемъ для виду,—и приказалъ поставить инквизицію въ то самое положеніе, въ какомъ находилась она при Карлѣ V. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ правительницѣ втихомолку набирать войско. Но уступчивость Филиппа пришла слишкомъ поздно. Раздраженіе народа, религія котораго столь явно была презрѣна, возросло до такой степени, что нѣкоторые бѣшеные фанатики начали вламываться, съ оружіемъ, въ католическія церкви. Людей этихъ оскорбило то, что не давали имъ храма для богослуженія,—между тѣмъ какъ католики владѣли безчисленнымъ множествомъ роскошно-украшенныхъ церквей. Они выбивали двери въ церквахъ и монастыряхъ, опрокидывали алтари, разбивали и топтали ногами иконы святыхъ. Въ нѣсколько дней духъ разрушенія охватилъ всю Фландрію. Повсюду, съ одинаковой яростію, опустошали церкви. Даже въ Антверпенѣ, послѣ отъѣзда принца Оранскаго въ Брюссель, изувѣры ворвались въ главную церковь, прокололи насквозь чудотворный образъ Богородицы Маріи, разбили превосходный

органъ, разбросали по полу и топтали ногами освященные агнцы, потомъ спустились въ склепы и выкинули оттуда полуистлѣвшіе трупы. Само-собою разумѣется, что всѣ эти подвиги совершала самая низкая чернь, которая вездѣ склонна ко всему дурному; но изъ этого же видно, какъ были взволнованы вообще умы народа.

Маргарита находилась въ величайшемъ затрудненіи. Иконоборцы готовились уже къ походу въ Брюссель. Въ первую минуту, правительница хотѣла бѣжать, но совѣтники уговорили ее остаться, уступить обстоятельствамъ, и взойдти въ сдѣлку съ дворянствомъ. Она это сдѣлала и согласилась на всѣ требованія Гейзовъ; они же, съ своей стороны, обязались прекратить иконоборство. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было приняться за это, но все-таки удалось; особенную дѣятельность показали: Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ, и уже этимъ однимъ заслуживали благодарность Филиппа. Но король не довѣрялъ имъ; онъ думалъ даже, что они тайно поддерживаютъ какъ Гейзовъ, такъ и иконоборцевъ, чего, конечно, не было. Онъ поклялся погубить ихъ; поэтому притворно ласкалъ ихъ всѣхъ, особенно же Оранскаго, и просилъ у него совѣта. Но чѣмъ милостивѣе былъ Филиппъ, тѣмъ больше надо было опасаться его коварства. Оранскій хорошо зналъ черезъ своихъ шпіоновъ, на какомъ счету стоитъ онъ при дворѣ. Маргарита тоже затѣвала недоброе; какъ скоро прибыли наемныя войска она заговорила совсѣмъ инымъ языкомъ. Она говорила, что хотя и дозволила произносить евангелическія проповѣди, но никогда не позволяла ни крещенья, ни брака, ни причащенія по евангелическимъ обрядамъ. Подъ разными предлогами, приказала она разгонять собранія протестантовъ; нѣкоторые проповѣдники были повѣшены. Не мудрено, послѣ этого, что Гейзы начали тоже набирать войска, что то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ дѣло доходило до открытаго неповиновенія. Оранскій тайно покровительствовалъ этому движенію, ибо видѣлъ, что Испанцы имѣютъ намѣреніе угнетать его отечество. Но добрая воля Гейзовъ ни къ чему не послужила,—между ними не было единодушія. Маргарита вывела своихъ солдатъ, и, къ ужасу кальвинистовъ, Гейзы были разбиты на голову.

Наконецъ, Маргарита напала на средство, которое давало ей возможность различить друзей отъ враговъ, а этихъ послѣднихъ вынуждало опредѣлительно высказаться. Она потребовала отъ главныхъ лицъ дво-

рянства присяги въ томъ, что они будутъ оказывать всякое покровительство католицизму, преслѣдовать иконоборцевъ и всѣми силами стараться искоренить всякую ересь. Многіе принесли присягу, между прочими, и Эгмонтъ, разчитывавшій такъ прочно на милость короля. Горнъ отказался отъ присяги, подъ предлогомъ, что живетъ въ своемъ имѣніи и потому не имѣетъ никакого дѣла съ правительствомъ. Бредероде счелъ лучшимъ сложить съ себя всѣ занимаемыя имъ должности, чѣмъ принести лживую клятву, а Оранскій рѣшился покинуть отечество, до той поры пока не настанутъ болѣе благопріятныя обстоятельства. Онъ видѣлъ, что при неурядицѣ у Гейзовъ, при ослѣпленіи Эгмонта, ничего не возьмешь силою; онъ зналъ тоже, что герцогъ Альба идетъ съ сильнымъ войскомъ, дабы попрать любовь къ свободѣ Нидерландцевъ. Передъ отъѣздомъ, Оранскій хотѣлъ еще разъ предостеречь Эгмонта, вѣрными шагами шедшаго на гибель. Они съѣхались. Эгмонтъ упрашивалъ Оранскаго остаться. „Вѣдь ты лишишься всѣхъ своихъ имнѣній, Оранскій, коли станешь упорствовать въ своемъ намѣреніи, говорилъ онъ.“ А ты потеряешь жизнь, отвѣчалъ принцъ, если не измѣнишь своего намѣренія. Что̀ бы ни случилось со мной, я буду утѣшать себя тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что дѣломъ и словомъ хотѣлъ служить друзьямъ и отечеству; ты же, вмѣстѣ съ собою, ввергнешь въ гибель и друзей и отечество.“ Еще разъ, съ нѣжной заботливостью, сталъ онъ умолять Эгмонта—удалиться отъ приближающейся грозы; но Эгмонтъ ожидалъ всегда хорошаго отъ будущаго; онъ не рѣшался разстаться съ привольемъ и покоемъ, не хотѣлъ подвергать нѣжно-любимую жену и дѣтей лишеніямъ, неизбѣжнымъ въ изгнаніи. „Никогда не убѣдишь ты меня, Оранскій, молвилъ Эгмонтъ: не убѣдишь видѣть вещи въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Что̀ можетъ имѣть король противъ меня? Онъ милостивъ и справедливъ; къ томужь, я пріобрѣлъ права на его благодарность.“—„Хорошо! полагайся на королевскую благодарность! съ негодованіемъ и горькимъ предчувствіемъ воскликнулъ Оранскій: дай Богъ, чтобы я ошибся, но мнѣ говоритъ печальное предчувствіе, что ты, Эгмонтъ, послужишь мостомъ, по которому Испанцы проникнутъ въ Нидерланды, а, проникнувши, разрушатъ мостъ.“ Онъ прижалъ Эгмонта къ груди; долго, долго смотрѣлъ на него, какъ бы на всю жизнь прощаясь; слезы текли у него изъ глазъ. И точно: друзья уже не свидѣлись больше.—На слѣдующій день, Оран-

скій написалъ прощальное письмо правительницѣ, и отправился въ имѣнія свои, лежавшія въ герцогствѣ Нассаускомъ. Многіе изъ его партіи послѣдовали за нимъ. Маргарита стала суровѣе прежняго преслѣдовать кальвинистовъ; многіе разбѣжались; другіе погибли отъ руки палача. Реформатскимъ проповѣдникамъ велѣно было въ теченіе сутокъ очистить страну. На всѣхъ улицахъ толпились бѣглецы, во имя религіи покидавшіе все, что́ любили, искавшіе въ другой, болѣе счастливой, странѣ спокойствія. Тамъ прощались на вѣки мужья съ женами, отцы съ дѣтьми; здѣсь увозили они ихъ съ собою. Города походили на дома, гдѣ похороны. Изъ балокъ разрушенныхъ иконоборцами церквей построили висѣлицы и вѣшали на нихъ оскорбителей святыни. Всѣ лобныя мѣста были завалены трупами, тюрьмы наполнены были жертвами, обреченными на смерть, большія дороги—бѣглецами. Не было такого городка, въ котсромъ, въ смертоносный 1567 годъ, не отвели бы на казнь отъ 50 до 300 человѣкъ. Тогда и Бредероде почелъ необходимымъ—бѣжать; онъ скрылся въ Эмденъ, гдѣ и умеръ на слѣдующій годъ.

6.

Спокойствіе было возстановлено; кто не лишился еще жизни, тотъ изъ страха оставался въ бездѣйствіи. Маргарита увѣдомила короля, что все спокойно, и просила отозвать герцога Альбу, находившагося еще въ пути съ своимъ войскомъ, такъ какъ прибытіе его можетъ опять нарушить спокойствіе. Но въ Мадридѣ рѣшили иначе. Филиппъ и Альба не хотѣли пропустить случая пролить потоки крови. Они говорили, что смуты, правда, успокоены, но единственно изъ страха, что слѣдуетъ искоренить совершенно мятежный духъ Нидерландцевъ. Герцогъ Альба явился въ Соединенныя Провинціи съ 10,000 кровожадныхъ, готовыхъ на всякія злодѣйства, солдатъ. Ужасъ и трепетъ предшествовали ему. Герцогъ Альба былъ достойнымъ слугою своего короля. Никогда на лицѣ его не являлась улыбка, никогда человѣческое чувство не проникало ему въ душу. Всѣ, кто могли,—бѣжали. Одно только приближеніе испанскаго войска лишило Нидерланды 100,000 гражданъ,—и это всеобщее бѣгство не останавливалось.

Альба явился передъ воротами Брюсселя 22 августа 1567 г. Тотчасъ послѣ церемоніальнаго въѣзда, онъ вступилъ въ управленіе страною и Маргарита осталась правительницею только по имени. Лишь только солдаты Альбы показывались на улицахъ, всѣ жители спѣшили по домамъ, запирались крѣпко-на-крѣпко, и городъ казался мертвымъ. Если кто нибудь стучался у дверей, жители, въ испугѣ, уже думали, что идетъ полицейскій служитель. Прежде всего, Альба постарался залучить къ себѣ вождей дворянъ; онъ притворился такимъ привѣтливымъ, что Эгмонтъ совсѣмъ ему повѣрилъ, и даже Горнъ возвратился въ Брюссель. Альба созвалъ государственный совѣтъ; Эгмонтъ тоже явился. Засѣданіе кончилось, всѣ разошлись; Эгмонтъ же хотѣлъ идти доиграть начатую игру съ сыномъ Альбы, какъ одинъ капитанъ заступилъ ему дорогу, потребовалъ у него шпагу—и толпа солдатъ окружила Эгмонта. „Оранскій! Оранскій!" горько воскликнулъ онъ, отдалъ шпагу и продолжалъ: „Возьми ее; она чаще защищала честь короля, чѣмъ мою грудь."—Горна схватили на пути домой. Прежде всего, онъ освѣдомился объ Эгмонтѣ. Когда ему сказали, что онъ тоже взятъ подъ арестъ, Горнъ сдался. „Я послушался его, говорилъ онъ; такъ и мнѣ надо раздѣлить его участь." Ужасъ объялъ жителей Брюсселя; узнавъ о задержаніи графовъ Эгмонта и Горна, 2000 Брюссельцевъ покинули Нидерланды. Страна эта навсегда лишилась большаго числа способныхъ работниковъ, перенесшихъ въ Германію и Англію искусство ткать шерстяныя матеріи. Счастливы еще были тѣ, которые успѣли уйдти,—вскорѣ Альба, подъ страхомъ смерти, запретилъ выселенія.

7.

Само собой разумѣется, что герцогъ Альба возстановилъ инквизицію во всей ея строгости. Онъ объявилъ виновными въ оскорбленіи величества всѣхъ состоявшихъ въ какихъ-бы то ни было сношеніяхъ съ Гейзами, или принимавшихъ участіе въ кальвинистскихъ проповѣдяхъ; вслѣдствіе чего, имѣніе и жизнь всѣхъ Нидерландцевъ были въ его рукахъ, такъ что подданный, сохранившій то или другое, какъ бы принималъ ихъ въ даръ отъ его великодушія. Затѣмъ Альба учредилъ судилище для разбора всѣхъ бывшихъ мятежей. Предсѣдателемъ онъ былъ самъ, а подъ ру-

кою имѣлъ нѣкоего испанца *Варгаса*, человѣка, изверженнаго изъ отечества, безстыднаго и закоснѣлаго злодѣя, равно кровожаднаго и корыстнаго. Въ судилищѣ этомъ съ возмутительнымъ легкомысліемъ играли жизнію несчастныхъ Нидерландцевъ; разсказываютъ, что одинъ изъ судей, обыкновенно дремавшій во время засѣданій, когда доходила до него очередь говорить мнѣніе, всегда восклицалъ въ просоньяхъ „На висѣлицу! на висѣлицу!“—такъ уже привыкъ онъ произносить эти слова. Часто изъ одного какого-нибудь города требовали разомъ отъ 20 до 50 подсудимыхъ. Гроза прежде всего разражалась надъ богатыми. Многихъ именитыхъ купцовъ, владѣвшихъ имѣніемъ въ 60 или во 100 тысячъ талеровъ, привязывали, со скрученными на спинѣ руками, къ лошадинымъ хвостамъ, и такъ влекли на судилище. Въ Валансіеннѣ въ одинъ день отрубили голову 55 человѣкамъ. Вскорѣ тюрьмы сдѣлались слишкомъ тѣсными для помѣщенія стольких преступниковъ: ежедневно вѣшали, казнили, четвертовали, сожигали виновныхъ и безвинныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ; имѣніе же несчастныхъ отбирали въ казну. Справедливо народъ называлъ это судилище — судилищемъ крови. — Своеволіе Альбы жестоко оскорбляло герцогиню Пармскую. Что́ ей было въ названіи правительницы, когда въ самомъ дѣлѣ она ничего не значила? Она стала просить отставки у Филиппа II, и получила ее въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Съ отъѣздомъ ея, изчезла послѣдняя надежда Нидерландцевъ; какъ ни были они недовольны ею въ прежнее время, но теперь она казалась имъ ангеломъ въ сравненіи съ Альбою.

Альба вызывалъ къ себѣ и принца Оранскаго, но принцъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы явиться. Тогда Альба осудилъ на смерть графовъ Эгмонта и Горна, за то, что они принадлежали къ партіи принца Оранскаго, помогали Гейзамъ, не исполняли обязанностей своихъ въ отношеніи къ кальвинистамъ, и слѣдовательно, провинились въ оскорбленіи величества. Оба они мужественно выслушали смертный приговоръ. Всегда полный надеждъ, Эгмонтъ, даже на эшафотѣ, надѣялся еще на помилованіе. Когда же сказали ему, что надѣется онъ по напрасну,—онъ сталъ на колѣна, помолился, приложился къ серебряному кресту, поданному ему епископомъ, и молвилъ: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!“ Сверкнулъ топоръ и положилъ конецъ жизни Эгмонта. Въ слѣдъ за нимъ, вступилъ на эшафотъ графъ Горнъ. Тѣла ихъ положили въ гроба, а головы, по

приказанію Альбы, на два часа были воткнуты на колья и выставлены на показъ народу. Всѣ были глубоко опечалены, даже грубые испанскіе солдаты не могли удержаться отъ слезъ. Весь Брюссель, гдѣ происходило кровавое дѣло, оплакивалъ двухъ великихъ гражданъ; и если ненависть къ Альбѣ могла еще усилиться, то, конечно, казнь Эгмонта и Горна много способствовала къ тому.

Между тѣмъ, Голландцы, покинувшіе отечество, не оставались праздными. Самые предпріимчивые изъ нихъ, переселившіеся въ Англію, достали кораблей, перехватывали на морѣ испанскія суда, взяли гавань Бриль, находящуюся при устьѣ Мааса. Ихъ называли морскими Гейзами. Выступилъ и Вильгельмъ Оранскій: набравъ войско, онъ вторгнулся въ Нидерландцы. Началась долговременная война, событія которой мы не станемъ здѣсь описывать. По истеченіи шести лѣтъ, герцогъ Альба, обремененный проклятіями Нидерландцевъ, оставилъ Брюссель и возвратился въ Испанію. Считають, что во время его правленія погибло на эшафотѣ, по крайней мѣрѣ, 18,000 Нидерландцевъ. Война продолжалась и при бывшихъ послѣ него намѣстникахъ. Дорожившіе свободою жители полагали на нее всѣ свои усилія. Всѣ думали, однако, что они должны будутъ уступить привыкшимъ къ побѣдамъ легіонамъ Испанцевъ; но и тутъ оказалось — какую силу имѣетъ народъ, сражающійся за свободу свою. Вильгельмъ Оранскій былъ избранъ штатгальтеромъ (намѣстникомъ) сѣверныхъ провинцій, которыя, первыя, сбросили съ себя иго Испанцевъ; можно было ожидать, что человѣкъ столь дѣятельный освободитъ отъ ига и все государство. Но онъ не дожилъ до этой счастливой минуты. Филиппъ оцѣнилъ голову принца Оранскаго въ 24,000 червонцевъ, и гнусный Бальтазаръ Герардъ, уроженецъ Франшъ-Конте, по наущенію Іезуитовъ, умертвилъ Оранскаго въ Дельфтѣ, въ 1584 г. Онъ оставилъ сына, Морица Оранскаго, одареннаго еще большими умственными способностями. Морицу было не болѣе 17 лѣтъ, при смерти отца; но онъ принадлежалъ къ числу людей, умѣющихъ тотчасъ же стать въ назначенное имъ судьбою положеніе, какъ будто давно уже имѣютъ въ томъ всю нужную опытность. Война продолжалась нѣсколько времени и послѣ смерти Филиппа II; наконецъ обѣ стороны равно стали желать мира. И, однако, настоящаго мира не было заключено, а только постановлено (въ 1600 г.) перемиріе на двѣнадцать лѣтъ между Испан-

цами и Нидерландцами. Впрочемъ, перемиріе это для Нидерландцевъ было равносильно миру, потому что Испанцы признали независимость семи сѣверныхъ провинцій. Вотъ названія ихъ: Голландія Зеландія, Утрехтъ, Гельдернъ, Оберисель, Гронингенъ и Фрисландія; до первой французской революціи онѣ составляли республику, подъ именемъ Семи Соединенныхъ Провинцій.

РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ И ШОТЛАНДІИ.

1 Генрихъ VIII и папа.

Въ то время какъ Карлъ V былъ императоромъ въ Германіи, Англіею правилъ король Генрихъ VIII. Сначала онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ папы, даже писалъ противъ Лютера, и получилъ за это отъ святаго отца титулъ „защитника вѣры.“ Но дружба между королемъ и папою была непродолжительна. Генрихъ, по волѣ отца своего, женился, 18 лѣтъ отъ роду, на 24-хъ-лѣтней Катеринѣ Аррагонской, дочери Фердинанда Католическаго и Изабеллы Кастильской. Онъ терпѣть не могъ жены, хотя держалъ ее при себѣ изъ чувства долга. Катерина родила ему дочь Марію, но не дала наслѣдниковъ мужескаго пола, которыхъ такъ желалъ король. Неравенство въ лѣтахъ, принужденіе, налагаемое женою,—все это очень дурно располагало страстнаго короля. Семнадцать лѣтъ прожилъ онъ съ женою, когда познакомился съ одной изъ ея фрейлинъ, такъ очаровавшей его граціей и красотою, что онъ, во что бы то не стало, пожелалъ отдѣлаться отъ жены и жениться на фрейлинѣ. Имя ея было — *Анна Болэнъ*. Чтобы достигнуть расторженія брака, король предъявилъ его незаконность, такъ Катерина еще прежде была обвѣнчана съ умершимъ его братомъ. Напередъ надо было просить развода у папы; папѣ стоило сказать одно слово,—но его удерживали разныя соображенія. Катерина была теткой императору Карлу V, а Карлъ V угрожалъ папѣ — коли онъ дозволитъ разводъ. Папа не рѣшался отказать прямо и королю англійскому. Онъ послалъ въ Лондонъ легата, для разсмотрѣнія дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ, легату было тайно наказано тянуть

его какъ можно долѣе. Легатъ все это исполнилъ съ величайшимъ искусствомъ; къ тому же тутъ много помогало ему и упорство королевы. Призванная къ мужу, она упала къ ногамъ его, и, проливая слезы, напомнила, что 20 лѣтъ была ему вѣрной женою. Эти напоминанія еще больше раздражили короля. Четыре года длились переговоры, наконецъ, всякое терпѣніе лопнуло у короля. Онъ прервалъ переговоры съ папою; тутъ одинъ изъ епископовъ придумалъ, чтобы король обратился за совѣтомъ ко всѣмъ университетамъ: законно или нѣтъ будетъ развестись ему съ Катериною и жениться на Аннѣ Болэнъ. Король съ радостію воспользовался совѣтомъ. Дѣйствительно, университеты рѣшили по его желанію. Они объявили незаконнымъ бракъ короля съ Катериною, и дозволеннымъ бракъ со всякой другой женщиной.

Такимъ образомъ, Генрихъ отвергъ отъ себя злополучную Катерину и тотчасъ отпраздновалъ свадьбу съ Анной Болэнъ. Онъ такъ ожесточенъ былъ противъ папы, что даже отрекся отъ католическаго исповѣданія. Конечно, онъ могъ бы принять лютеранское исповѣданіе, имѣвшее многихъ приверженцевъ въ Англіи, но Лютеръ написалъ ему когда-то довольно жосткое письмо и тщеславный Генрихъ не могъ его забыть. Тогда, по собственному произволу, написалъ онъ наставленіе въ христіанской вѣрѣ, и потребовалъ, чтобы всѣ подданные приняли его ученіе, составлявшее нѣчто среднее между католическимъ и евангелическимъ ученіемъ. Многіе лютеране и католики отказывались перемѣнить, какъ платье, драгоцѣнное для нихъ исповѣданіе: такихъ людей Генрихъ безъ милосердія предавалъ сожженію. Упразднивъ сначала въ своемъ королевствѣ всѣ малые монастыри, числомъ до 375, онъ воспользовался ихъ богатыми доходами; этимъ онъ не удовольствовался, — очередь дошла и до большихъ монастырей и аббатствъ съ несмѣтными ихъ богатствами. Впрочемъ, Генрихъ самымъ безтолковымъ образомъ расточалъ своимъ любимцамъ пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги. Въ прежнее время, духовенство несло бо́льшую часть государственныхъ повинностей, теперь же, когда лишилось оно имѣній, доходы съ него прекратились; императоръ Карлъ V справедливо сказалъ: „англійскій король собственноручно зарѣзалъ курицу, которая несла ему золотыя яица.“ Естественно, что папа не молчалъ при такомъ нарушеніи церковныхъ правъ; Генрихъ подвергся церковному проклятію и всѣ владѣнія его были преданы тому,

кто захочетъ завоевать ихъ. Но власть святаго отца уже была не то, что прежде.

2. Іоанна Грэй и Марія, королева Англійская.

Въ одномъ изъ капризовъ деспотизма, Генрихъ VIII казнилъ, по подозрѣнію въ невѣрности, невинную Анну Болэнъ, и послѣ нея имѣлъ еще четырехъ женъ, изъ которыхъ одна умерла, другую (Анну Клэвскую) отослалъ онъ обратно въ Германію, третьей велѣлъ отсѣчь голову за дѣйствительную невѣрность, и только четвертая пережила его. Когда Генрихъ VIII умеръ,—единственному сыну его, Эдуарду VI, минуло только девять лѣтъ. Опеку надъ юнымъ королемъ и регенство принялъ дядя его, графъ Герфортъ, подъ именемъ „протектора (покровителя) Англіи.“ Въ правленіе его, архіепископъ кентерберрійскій, Томасъ Кранмеръ, кротко и мудро распространялъ реформацію. Протестанты съ торжествомъ подняли голову, хотя и боялись, что торжество ихъ будетъ непродолжительно: король былъ очень слабъ здоровьемъ и надо было опасаться, что онъ умретъ преждевременно; сестра же его, *Марія*, слыла ревностной католичкой, и, какъ дочь Генриха отъ перваго брака (съ Катериной Аррагонской), должна была наслѣдовать престолъ. Англичане желали бы лучше имѣть королевою дочь Генриха отъ втораго брака (съ Анной Болэнъ), протестантку ***Елисавету***, но коли обходить въ наслѣдствѣ Марію, то приходилось обойти тоже и Елисавету. Этими обстоятельствами воспользовался Нортомберлэндъ, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и богатыхъ герцоговъ въ королевствѣ. Онъ женилъ своего сына ***Гильфорта Доддли*** на внукѣ меньшой сестры Генриха, ***Іоаннѣ Грэй***. Когда Эдуардъ лежалъ уже при смерти, Нортомберлэндъ явился къ нему и разными представленіями такъ напугалъ совѣсть молодаго короля, что тотъ отрѣшилъ отъ наслѣдія сестру свою, Марію, и предоставилъ престолъ Іоаннѣ Грэй. Тотчасъ послѣ кончины короля, Нортомберлэндъ окружилъ дворецъ стражею для того, чтобы народъ не зналъ о событіи этомъ, пока герцогъ не окончитъ распоряженій. Онъ успѣлъ уже щедрыми обѣщаніями склонить на свою сторону вельможъ — и Іоанну избрали королевой. Ей было только шестнадцать лѣтъ; она отличалась добродѣтелью, красотою и высокимъ образованіемъ. Ничего не знала она о намѣреніяхъ

и козняхъ Нортомберлэнда. Когда отецъ ея, герцогъ Суффолькъ, вмѣстѣ съ Нортомберлэндомъ, принесли ей важное извѣстіе, — отъ испуга она лишилась языка на нѣсколько мгновеній. Придя въ себя, она молвила присутствующимъ: „Не мнѣ, а сестрѣ Эдуарда, принадлежитъ престолъ. Хоть молода я, но довольно опытна — и предостерегаютъ меня примѣры Катерины Аррагонской и Анны Болэнъ. Къ тому же, чувствую, что не достанетъ мнѣ силъ для такой великой обязанности; кто, точно, любитъ меня, тотъ не станетъ меня подвергать неизбѣжнымъ тревогамъ.“ Но, наконецъ, она уступила просьбамъ родныхъ и друзей. „Да укрѣпитъ меня Господь Богъ, сказала она, и да даруетъ мнѣ силы держать скипетръ на честь и на благо народа.“

На слѣдующій день, юная королева отправилась въ Тоуеръ, обыкновенное мѣстопребываніе королей передъ коронаціей,—и съ великой пышностью имѣла въѣздъ въ Лондонъ. Народъ не принималъ никакого участія въ празднествѣ: онъ громко роптал и отказывался признать королевою невѣстку коварнаго Нортомберлэнда. Бо̀льшая часть англійскаго народа объявила себя въ пользу дочери Генриха VIII, Маріи, число приверженцевъ которой быстро увеличивалось, такъ что, черезъ нѣсколько дней, и она торжественно въѣхала въ Лондонъ. Только девять дней процарствовала Іоанна, да и это короткое время провела въ страхѣ и печали. Нортомберлэнда взяли подъ стражу и осудили на смерть. Онъ выказалъ себя малодушнымъ трусомъ: на эшафотѣ, признался, что только изъ честолюбія отступилъ отъ католическаго исповѣданія и принялъ религію, которую въ глубинѣ души осуждаетъ. Никто не пожалѣлъ о его смерти. Суффолька, Доддли и Іоанну Грэй тоже посадили въ темницу и приговорили къ смерти,—но медлили еще исполненіемъ приговора, потому что первый казался не опаснымъ, за двухъ же послѣднихъ говорила ихъ молодость.

Марія наслѣдовала отъ матери, Катерины Аррагонской, пламенную приверженность къ католическому исповѣданію. Она твердо рѣшилась искоренить все, что отецъ ея и братъ сдѣлали въ пользу новаго ученія. Изгнаннымъ епископамъ она возвратила мѣста. Противящихся отправленію католической обѣдни кидали въ темницы. Около 200 человѣкъ, отказавшихся возвратиться къ прежней церкви, подверглись жестокимъ казнямъ. Только одно обстоятельство могло пріостановить на-время религіозную нетерпимость Маріи—то было избраніе ею супруга себѣ. Изб-

рала она Филиппа II, сына Карла V. Двадцатишестилѣтній Филиппъ, изъ политическихъ видовъ, рѣшился жениться на Маріи, имѣвшей уже 36 лѣтъ отъ роду и которую онъ вовсе не любилъ. Вся Англія не годовала на этотъ бракъ—всѣхъ страшила гордость и жестокость лукаваго Филиппа.

Этимъ-то настроеніемъ общества вздумалъ воспользоваться Суффолькъ—и возбудилъ возстаніе на пагубу себѣ и дѣтямъ своимъ. Марія быстро подавила возмущеніе и казнила герцога Суффолька. Пришелъ чередъ и для молодаго Доддли, и для злополучной жены его. Съ величайшимъ спокойствіемъ, выслушала Іоанна Грэй вѣсть объ осужденіи на смерть; она жалѣла только о молодомъ мужѣ. Марія надѣялась близостью смерти преклонить Іоанну къ католической религіи, она послала къ ней ловкаго священника. Іоанна приняла его съ кротостію и добросердечіемъ, тронувшими священника, но о вѣроисповѣданіи своемъ говорила съ такой твердостію и убѣжденіемъ, что онъ не могъ поколебать ее.

Наступилъ день казни. Гильфордъ былъ первый обреченъ на смерть. Онъ желалъ еще разъ видѣться съ Іоанною, но, страшась потрясающей сцены послѣдняго прощанія, она велѣла сказать ему, чтобы онъ дожидался ее за гробомъ. Когда повели его на казнь,—изъ окна темницы, послала она ему прощальный поклонъ. Вскорѣ затѣмъ, пронесли тѣло его, завернутое въ бѣлую простыню,—и она порадовалась, услыхавъ, что онъ умеръ твердо, не измѣнивъ своему исповѣданію. Безстрашно шла она на эшафотъ; католическій священникъ провожалъ ее, помимо ея воли. Съ молитвенникомъ въ рукахъ, она не обращала вниманія на его увѣщанія, но привѣтливо благодарила за доброе расположеніе и изъявила желаніе, чтобы Господь просвѣтилъ его, далъ уразумѣть истину. Потомъ сказала она краткую рѣчь предстоящимъ, упрекала себя за слабость, что согласилась принять корону, когда въ душѣ своей не желала ея, и смирила себя передъ Богомъ, Который страданіями хотѣлъ отвлечь ее отъ пристрастія къ земному. „Я умираю евангелической христіанкой, заключила она, отрицаю всѣ заслуги передъ Богомъ дѣлами моими, ибо знаю сколь многаго недостаетъ въ нихъ, и возлагаю надежду мою лишь на благость Іисуса Христа.“ И затѣмъ помолилась, прочитавъ громко 51 псаломъ.

Положивъ голову на плаху, произнесла она: „Господи! въ руки Твои предаю духъ мой.“ Никто не могъ смотрѣть безъ слезъ на казнь эту, плакали даже приверженцы Маріи. Тѣло Іоанны похоронили въ Тоуерѣ, рядомъ съ тѣломъ ея мужа.—Повсюду разнеслась молва о рѣдкомъ разумѣ, о прекрасной душѣ ея; вездѣ, даже въ позднѣйшее время, участь Іоанны Грэй возбуждала состраданіе. Художники и поэты наперерывъ прославляли ее. Главный судья, произнесшій ей смертный проговоръ, послѣ смерти ея, сошелъ съ ума и безпрестанно восклицалъ: „прочь, прочь отъ меня, Іоанна!“—Такъ онъ и умеръ.

3. Елисавета и Марія Стюартъ (1558—1603).

Елисавета, страшась сводной сестры своей, королевы Маріи, жила въ самомъ строгомъ уединеніи, но часами досуга она воспользовалась, для образованія ума своего. Марія умерла, послѣ пятилѣтняго безрадостнаго царствованія. Получилъ извѣстіе о смерти сестры, Елисавета, пораженная родостной нечаянностію, поспѣшила въ Лондонъ и была принята народомъ съ громкимъ восторгомъ. Словно предчувствовали Англичане, какая славная эпоха наступаетъ для нихъ.

Первымъ дѣломъ молодой королевы было возстановленіе евангелическаго ученія, въ томъ видѣ, въ какомъ находилось оно при Эдуардѣ VI. Но и тутъ поступила она, какъ умная женщина: она постепенно отмѣняла введенные при Маріи католическіе обряды. Потомъ самое себя объявила она главою церкви, и въ 39 статьяхъ установила религію въ томъ видѣ, въ какомъ доселѣ сохранилась она подъ именемъ *Англиканской верховной или епископальной церкви*. Католическая церковь была ненавистна ей уже потому одному, что не признавала законнымъ бракъ Генриха VIII съ Анной Болэнъ, матерью Елисаветы. Къ тому же, ясный, просвѣщенный умъ королевы не могъ примириться съ ученіемъ и правилами католицизма.

Характеръ Елисаветы представлялъ странное смѣшеніе добродѣтелей и пороковъ. Не будучи красавицей,—она имѣла слишкомъ широкія плечи и черезъ-чуръ длинный носъ,—она была очень привлекательна. Къ простому народу она была привѣтлива и благосклонна и всячески старалась заслужить его расположеніе. Люди низкаго званія во всякое время,

имѣли доступъ къ ней; съ веселымъ лицомъ она принимала отъ нихъ просьбы, благодарила за знаки ихъ приверженности, часто вступала въ разговоры. Напротивъ, въ отношеніи вельможъ она держала себя съ горделивымъ достоинствомъ,—чтобы помнили они существующее между ними и ею разстояніе. Одинъ современникъ такъ разсказываетъ о пышности, съ какою являлась она въ публикѣ, когда, въ воскресные дни, проходила въ придворную церковь изъ своихъ комнатъ: „Впереди шла толпа дворянъ: графовъ, бароновъ и рыцарей; потомъ шелъ канцлеръ, съ государственными печатями, имѣя по обѣ стороны двухъ лордовъ, которые несли мечъ и скипетръ. За канцлеромъ слѣдовала Елисавета, и, куда ни обращала взоры, присутствующіе становились на колѣна. Вслѣдъ за Елисаветой, тянулась длинная вереница прекрасно-одѣтыхъ молодыхъ дамъ, а по обѣимъ сторонамъ, стоялъ рядъ дворянъ въ богатыхъ мундирахъ, съ вызолоченными бердышами.“ Вообще Елисавета была очень тщеславна и властолюбива; даже въ преклонныхъ лѣтахъ, она охотно выслушивала, когда сравнивали ее, по красотѣ, съ Венерой, по мудрости, съ Минервой, по цѣломудрію, съ Діаной. Хотя и любила она общество мужчинъ, однако, не хотѣла выйдти замужъ,—чтобъ быть свободнѣе и независимѣе. Филиппъ II сватался за нее, но получилъ отказъ.

Марія Стюартъ, королева Шотландіи.

Черное пятно въ жизни Елисаветы, это—поступки ея съ злополучной Маріей Стюартъ, королевой шотландской. Генрихъ VIII имѣлъ двухъ сестеръ: меньшая была бабкой Іоанны Грэй, старшая была выдана за мужъ за Іакова IV, короля шотландскаго. Сынъ его, Іаковъ V, былъ отецъ Маріи Стюартъ. Несчастія преслѣдовало съ колыбели юную Марію; отецъ ея умеръ, когда минуло ей всего восемь дней. Смуты начались въ Шотландіи; королева-мать привезла пятилѣтнюю Марію во Францію, гдѣ и возросла она при дворѣ Катерины Медичи. Не смотря на развращенные нравы королевы френцузской и сыновей ея, Марія Стюартъ, попеченіями своей матери, получила превосходное воспитаніе. Красота ея и доброе сердце привлекли къ ней общую любовь и уваженіе. Едва минуло ей шестнадцать лѣтъ,—ее обвѣнчали съ дофиномъ, впослѣдствіи, королемъ Францискомъ II. Марія находилась тогда на верху счастія. Все прекло-

нялось передъ ея достоинствомъ, передъ ея неотразимой прелестью; молодой король любилъ ее всей душою. Но только полтора года процарствовалъ Францискъ II, его похитила преждевременная смерть; вскорѣ затѣмъ, умерла и мать Маріи, дотолѣ правившая Шотландіею.

Во время ея правленія, въ Шотландіи происходили непрерывныя смуты; новое протестантское вѣроученіе пустило глубокіе корни въ этой странѣ,—особенно стараніями *Джона Нокса*, ученика Кальвина. Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ и убѣжденіемъ, ратовалъ онъ противъ католицизма. Рьяныя проповѣди его такъ воспламенили изувѣрство народа, что онъ грабилъ католическія церкви, оскорблялъ священниковъ. Правительница хотѣла-было наказать дерзновенныхъ, но все возстало противъ нея,—и она рада была и тому, что успѣла помириться съ мятежниками. Съ удовольствіемъ видѣла Елисавета, что, по смерти правительницы, Шотландцы отмѣнили католическое исповѣданіе и ввели реформатское ученіе. Отъ зоркаго вниманія ея не ускользало ничего изъ происходившаго въ сосѣднемъ государствѣ. Она знала, что всѣ желанія и надежды католиковъ устремлены на Марію Стюартъ, что для многихъ она законная королева Англіи, какъ внука старшей сестры Генриха VIII. Ненависть и зависть Елисаветы къ наслѣдницѣ англійскаго престола, католичкѣ и красавицѣ, росли съ каждымъ днемъ.

Марія страшилась мысли промѣнять прекрасную Францію, страну, гдѣ такъ счастливо протекли дни ея юности, на угрюмую туманную Шотландію, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ; но не смотря на свое отвращеніе, она принуждена была принять тяжелое правленіе. Она просила дозволенія у Елисаветы проѣхать черезъ Англію, но Елисавета нетолько отказала ей въ этомъ, но поспѣшно снарядила флотъ чтобы полонить Марію, при переѣздѣ ея моремъ изъ Франціи въ Шотландію.

15 апрѣля 1262 г., Марія отплыла въ Калэ, на двухъ галерахъ и четырехъ транспортныхъ судахъ. Покол(ь) виднѣлись берега Франціи, Марія все не спускала глазъ съ этой страны, заключавшей въ себѣ все, что̀ она любила. „Прощай, Франція, прощай! говорила она, съ глубокой горестію: я уже никогда не увижу тебя.“

Подъ покровомъ густаго тумана, галеры Маріи благополучно ушли отъ сторожившаго ихъ англійскаго адмирала, но три транспортныхъ судна достались-таки ему въ руки. Съ возрастающей тревогою, приближа-

лась молодая королева къ берегамъ родины: она не знала каково было къ ней расположеніе народа. Тѣмъ пріятнѣе и неожиданнѣе была для нея встрѣча всѣхъ сословій, высыпавшихъ на берегъ привѣтствовать прекрасную свою повелительницу при выходѣ ея съ корабля. Маріи минуло только 19 лѣтъ; она была въ цвѣтѣ красоты и молодости; неотразимая прелесть ея привлекала всѣ сердца. День прибытія ея былъ днемъ радости и счастья,—единственнымъ свѣтлымъ днемъ, прожитымъ ею въ Шотландіи.

Реформаторы опасались, чтобы королева-католичка не возстановила католическаго исповѣданія. „Потерпимъ ли мы, взывали съ каѳедры проповѣдники: чтобы идолъ (т. е. католическое ученіе) возсталъ снова въ королевствѣ?“ Не помогало даже то, что Марія оставляла каждаго при его исповѣданіи и только для себя просила дозволенія слушать обѣдню въ домовой церкви. „Мисса страшнѣе 10,000 воиновъ, высадившихся въ королевство,“ возглашалъ съ каѳедры исполненный нетерпимости Ноксъ. Разъ, церковнослужителя, несшаго свѣчи въ капеллу, народъ избилъ и чуть не умертвилъ передъ самымъ дворцомъ Маріи. Часто, въ этомъ же дворцѣ, въ комнатѣ королевы, Ноксъ укорялъ ее такъ жестоко, что она заливалась слезами. Не смотря на все, она принуждена была угождать изувѣру, любимому народомъ.

Чтобы не быть одинокой, она рѣшилась выйдти замужъ за графа *Генрли Данрлэя*, полюбившагося ей молодостью и красотою. Шотландцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на этотъ бракъ; потому что Дарнлэй былъ католикъ. Вскорѣ къ великому прискорбію своему, Марія убѣдилась, что ее ослѣпила привлекательная наружность мужа: онъ былъ грубъ, дерзокъ, высокомѣренъ и совершенно неспособенъ отвѣчать нѣжности королевы. Она стала къ нему холоднѣе, и все довѣріе свое отдала молодому италіанцу, ***Давиду Риччіо***, который, искусствомъ въ пѣніи и игрѣ на лютнѣ, достигъ званія тайнаго секретаря Маріи. Надменность этого проходимца раздражила шотландскихъ вельможъ, и Дарнлэй приказалъ умертвить его. Передъ глазами королевы, заговорщики закололи кинжаломъ ея любимца, въ минуту смерти искавшаго спасенія у ногъ повелительницы. Этотъ злодѣйскій поступокъ еще болѣе отдалилъ сердце королевы отъ ея мужа,—словно сталъ призракъ умерщвленнаго между обоими супругами.

Этими обстоятельствами воспользовался графъ Ботвэлль, потомокъ знатнаго рода въ Шотландіи, но человѣкъ дурной и развратный. Ему удалось такъ далеко вкрасться въ милость у Маріи, что она ничего не предпринимала безъ его совѣта. Онъ старался посредствомъ развода освободить королеву отъ Дарнлэя, чтобъ потомъ самому жениться на ней и сдѣлаться королемъ Шотландіи. Но Марія не хотѣла слышать о разводѣ,—онъ вознамѣрился насильственно разлучить ее съ мужемъ. Случай къ тому скоро представился. Дарнлэй занемогъ въ Гласго, лишь узнала объ этомъ Марія, въ ней пробудилась прежняя любовь къ мужу, она поѣхала къ нему и заботливо ухаживала за больнымъ. Супруги помирились, вмѣстѣ отправились въ Эдинбургъ и поселились въ частномъ домикѣ, построенномъ на здоровой мѣстности. Видя, что надежды его разлетаются, Ботвэлль задумалъ умертвить ненавистнаго ему Дарнлэя. Разъ, ночью, когда королева присутствовала на свадьбѣ одной изъ своихъ фрейлинъ, домъ, въ которомъ находился король, съ страшнымъ громомъ взлетѣлъ на воздухъ. Испуганный народъ сбѣжался толпами: Дарнлэя и слугу его нашли мертвыми въ саду. Марія ужаснулась, узнавъ о случившемся. Всѣ называли Ботвэлля убійцею короля, многіе обвиняли и Марію. Но она была невинна.

Ботвэлль не хотѣлъ оставить планъ свой вполовину исполненнымъ: главной цѣлью его было жениться на королевѣ. Втихомолку онъ набралъ приверженныхъ къ себѣ заговорщиковъ. Разъ, когда королева отправилась въ загородный домъ посѣтить больнаго сына своего Іакова, Ботвэлль послѣдовалъ за нею съ 1,000 всадниками, и при возвратномъ пути королевы, напалъ на нее и, какъ плѣнницу, увезъ съ собою. Онъ присталъ къ ней съ просьбами и угрозами, — наконецъ, Марія обѣщала сдѣлаться его женою.

Этотъ въ высшей степени необдуманный бракъ съ убійцею мужа усилилъ подозрѣнія, подавшія на королеву, и раздражилъ Шотландцевъ. Дворянство возмутилось и выставило войско; Ботвэлль спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ. Онъ скрылся на Оркнэйскихъ Островахъ, и нѣсколько времени велъ жизнь корсара, а потомъ убѣжалъ въ Данію, гдѣ десять лѣтъ томился въ заключеніи и умеръ сумасшедшимъ. Между тѣмъ, мятежники съ торжествомъ отвели Марію въ Эдинбургъ: тамъ народъ осыпалъ ее ругательствами и несъ передъ нею знамя, на которомъ ко-

ролева была представлена убійцею Дарнлэя. Бѣдную королеву засадили въ крѣпкій замокъ, поступали съ нею съ величайшей суровостію и презрѣніемъ, и вынудили наконецъ подписать актъ, которымъ отказывалась она отъ правленія государствомъ и предоставляла его сыну своему Іакову. На время несовершеннолѣтія короля, регентомъ назначался графъ Моррэй. Съ горькими слезами, подписала Марія ненавистный актъ. Она надѣялась, что, по крайней мѣрѣ, возвратятъ ей свободу; но ее заточили еще тѣснѣе, ее оскорбляли всячески. Это недостойное обращеніе съ королевой вновь возбудило въ дворянахъ и въ народѣ участіе къ ней; одинъ молодой дворянинъ вывелъ ее изъ темницы; многіе старые друзья собрались къ ней съ оружіемъ въ рукахъ. Но маленькое ихъ войско было слишкомъ слабо, графъ Моррэй разбилъ его на голову и злополучная Марія съ немногими спутниками, бѣжала изъ Шотландіи, не зная сама, гдѣ найдти ей убѣжище.

Марія въ Англіи.

Тогда вспомнила она о дружескомъ участіи, какое принимала въ ней королева Елисавета, во время плѣна, — и къ ней-то рѣшилась она бѣжать. Поспѣшно бросилась она въ рыбачью лодку и, въ тотъ же день, прибыла въ Карлэйль, на англійскомъ берегу. Марія такъ торопилась отъѣздомъ, что не успѣла захватить ни денегъ, ни необходимаго платья. Тотчасъ послали гонца въ Лондонъ просить помощи для баззащитной королевы (1568).

Елисавета торжествовала; жертва, которую стерегла она столько лѣтъ, сама отдалась въ ея сѣти. Она приказала сказать Маріи, что не можетъ въ настоящее время дозволить ей пріѣхать въ Лондонъ, пока не очистится она отъ подозрѣнія въ умерщвленіи Дарнлэя. Марія никакъ того не ожидала; послѣ первыхъ минутъ изумленія, она горько заплакала. „Чтожь! сказала она: я охотно подвергну дѣло мое на разсмотрѣніе такого добраго друга.“ Елисавета только того и желала. Она тотчасъ учредила форменный судъ для разбора дѣла между королевой и Моррэемъ. Марія легко оправдалась отъ всѣхъ обвиненій. Тогда Моррэй представилъ письма, будто бы писанныя, въ прежнее время, Маріей къ Ботвэллю, и доказывавшія обоюдный уговоръ ихъ убить Дарнлэя. Марія объявила,

что противно чести ея и королевскому сану возражать что-либо на такія обвиненія. Вѣроятно, письма были подложныя, потому что, какъ ни упрашивала Марія представить ей подлинники, Елисавета постоянно отказывала въ этомъ. Марію заточили въ крѣпкій замокъ, откуда уже не должна была она выдти на волю.

Злополучная королева нашла себѣ друзей въ Англіи, особенно же между единовѣрцами, католиками. Герцогъ Норфолькъ составилъ планъ освободить ее, а затѣмъ—жениться на ней и силой оружія возстановить ее въ Шотландіи. Измѣна выдала планъ этотъ—и Норфолькъ поплатился головою за смѣлую попытку. Потомъ два католика, французъ Жанъ Балларъ и англичанинъ Антонъ Бэбингтонъ задумали умертвить жестокую Елисавету и освободить Марію изъ темницы. Но и этотъ заговоръ не удался; Бэбингтонъ, Балларъ и двѣнадцать другихъ заговорщиковъ подверглись смертной казни.

Эти заговоры сдѣлали положеніе Маріи еще плачевнѣе. Елисавета, считавшая жизнь королевы шотландской несовмѣстною съ своей безопасностію, рѣшилась предать смерти соперницу. Она перевела ее въ замокъ Фотерингей, въ еще тѣснѣйшее заточеніе, и назначила судилище, для изслѣдованія участія Маріи въ оскорбленіи величества. Марія клятвенно увѣряла въ своей невинности, объявила всѣ обвиненія гнусной клеветою. Такъ какъ нельзя было найдти письменныхъ доказательствъ ея преступленія, то свидѣтелями противъ ней выставили двухъ ея тайныхъ секретарей, заранѣе подкупленныхъ. Приговоръ былъ произнесенъ и Елисавета подписала его.

Марія спокойно, съ достоинствомъ, приняла печальную вѣсть, до глубины души поразившую всѣхъ при этомъ присутствовавшихъ. „Наконецъ насталъ день, котораго давно, съ нетерпѣніемъ, я ожидала, — говорила она; почти двадцать лѣтъ томилась я въ заключеніи, и не могла вообразить болѣе счастливой „почтенной кончины—какъ пролить кровь свою за вѣру.“ Потомъ она перечислила всѣ оскорбленія, какія претерпѣла, всѣ предложенія, какія ей дѣлали, коварство и обманы своихъ враговъ. Положивъ руку на Библію, она заключила такими словами: „Богъ мнѣ свидѣтель, что никогда не посягала я на жизнь королевы, вашей повелительницы“.

8-е февраля 1587 г. назначено было днемъ ея казни. Всю почти ночь, передъ казнію, провела она на молитвѣ. Въ 6 часовъ утра, пришолъ къ ней служитель доложить, что пробилъ урочный часъ. „Я готова", отвѣчала королева — глаза ея выражали спокойствіе. Она умоляла дать ей священника проводить ее къ плахѣ; но и въ этомъ утѣшеніи ей отказали. Величаво, спокойно прошла она черезъ галлерею, ведущую къ залѣ, гдѣ приготовленъ былъ эшафотъ. Идучи туда, она встрѣтилась съ старымъ дворецкимъ своимъ, Мельвиллемъ, котораго уже нѣсколько мѣсяцевъ не допускали къ ней. Вѣрный служитель палъ передъ ней на колѣна и зарыдалъ громко. „Не плачь, молвила она ему: напротивъ, радуйся, честный человѣкъ,—ты скоро увидишь конецъ страданьямъ Маріи. Добрый мой Мелвилль, міръ этотъ—только суета, моря слезъ недостало бы всѣ его скорби оплакать." Потомъ, сама заливаясь слезами: „прощай, прощай мой добрый Мелвилль,"—сказала она.

Когда взошла она на эшафотъ, приступилъ къ ней деканъ Петерборо, и, отъ имени королевы Елисаветы, сталъ убѣждать, чтобы отреклась отъ католическаго исповѣданія. Марія нѣсколько разъ просила его не утруждать ни себя, ни ее; но онъ не переставалъ говорить и угрожалъ вѣчнымъ адскимъ огнемъ. Рѣшившись жить и умереть въ религіи, въ которой родилась и была воспитана, Марія стала на колѣна и ревностно помолилась за гонимую церковь, за сына своего Іакова, за Елисавету. Ей завязали глаза, палачи подхватили ее подъ руки и подвели къ плахѣ. Она стала на колѣна и нѣсколько разъ повторила твердымъ голосомъ: „Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой." Самъ палачъ былъ тронутъ до глубины сердца, плачь и рыданія окружавшихъ ошеломили его; онъ весь дрожалъ и, занесши мечъ, промахнулся, — только послѣ третьяго удара отдѣлилъ онъ отъ туловища прекрасную голову Маріи. Когда палачъ поднялъ голову, деканъ воскликнулъ: „да погибнутъ такимъ же образомъ всѣ враги Елисаветы!" Но ни одинъ голосъ ему не откликнулся. Духъ партіи былъ подавленъ изумленіемъ и состраданіемъ. Правда, злополучная Марія была легкомысленна, но не зла, и слишкомъ дорого поплатилась за прежнія свои ошибки. Она скончалась на тридцать пятомъ году отъ рожденія.

Елисавета насытила жажду мести—и постаралась всю гнусность преступленія свалить на своихъ министровъ. Когда ей донесли о казни Ма-

ріи, она притворилась испуганной и огорченной, и тотчасъ же отставила министровъ отъ должности. Они очень хорошо поняли, чего желаетъ Елисавета съ мнимымъ своимъ обвиненіемъ ихъ, смиренно сознались въ винѣ и, одинъ послѣ другаго, были возстановлены въ должностяхъ, кромѣ одного только Дэвисона, постоянно отказывавшагося участвовать въ несправедливомъ гоненіи Маріи.

Начало морскаго могущества Англіи.

Утвердивъ престолъ свой ужаснымъ злодѣяніемъ, Елисавета обратила всѣ заботы на управленіе государствомъ,—и самый блистательный успѣхъ увѣнчалъ ея предпріятія. Она оживила торговлю и мореплаваніе; ее можно считать создательницей великой морской силы Англіи. Всѣ французскіе и нидерландскіе изгнанники за вѣру находили въ Англіи гостепріимный пріютъ; островъ этотъ сдѣлался средоточіемъ ремеслъ и промышленности. Въ 1553 г., англичанинъ Чанселлеръ открылъ чрезъ Ледовитое море проѣздъ въ Архангельскъ, и русскій царь даровалъ англійской компаніи, въ 1569 г., исключительное право торговли съ Россіею. Великій морской герой, Дрэкъ, соперничалъ съ португальцемъ Магелланомъ; онъ, первый изъ Англичанъ, предпринялъ, въ 1580 г., кругосвѣтное путешествіе. Онъ же привезъ изъ Америки въ Европу картофель. Это полезное растеніе появилось въ Англіи въ 1586 г., а оттуда перешло во Францію, гдѣ, еще въ 1612 г., за большую рѣдкость подавали его къ королевскому столу.

Морскія путешествія Англичанъ въ Остъ-Индію начались съ конца 16-го столѣтія; первая остъ-индская компанія была основана въ 1600 г. Около этого времени, Англичане основали первыя колоніи въ Сѣверной Америкѣ; Вальтеръ Рэли назвалъ принятую имъ во владѣніе страну *Виргиніей*, т. е. землею дѣвы, въ честь безбрачной своей королевы. Величайшимъ же торжествомъ Елисаветы была побѣда надъ *непобѣдимымъ флотомъ* короля испанскаго, Филиппа II.

4. Непобѣдимая Армада.

1.

Когда Елисавета вступила на престолъ Англіи, Филиппъ II сталъ просить ея руки, въ надеждѣ, если попытка удастся, сдѣлаться властителемъ Англіи. Но мудрая государыня и не подумала принять предложенія, столь несогласнаго съ ея собственными намѣреніями и съ желаніями народа. Филиппъ II, горделивѣйшій монархъ своего времени, не могъ простить этого отказа, и тѣмъ сильнѣе возненавидилъ королеву англійскую, что она постоянно подавляла католическую религію въ своемъ государствѣ. Къ тому же, Елисавета поддерживала мятежъ въ Нидерландахъ, а Дрэкъ наносилъ большой вредъ испанскимъ мореходцамъ. Король Испанскій задумалъ противъ протестанской королевы истребительную войну, въ надеждѣ завоеваніемъ Англіи удовлетворить и небо и свое властолюбіе. Со всевозможной тайною, онъ приказалъ дѣлать громадныя приготовленія. Не было гавани въ Испаніи и Португаліи, гдѣ бы не трудились, по повелѣнію короля, надъ сооруженіемъ новыхъ судовъ. Съ большими издержками строили или поправляли галеры, фрегаты, огромные трехъ-мачтовые корабли. Флотъ этотъ назначенъ былъ для перевозки большой и хорошо-обученной арміи, подъ предводительствомъ герцога Александра Пармскаго.

Грозныя приготовленія, дѣлаемыя въ Испаніи и Нидерландахъ, не могли долго укрыться; всѣ европейскіе государи и народы считали ихъ подозрительными и для себя опасными. Правда, Филиппъ велѣлъ распустить молву, что цѣль его — покореніе Нидерландовъ. Но никто не вдавался въ обманъ, а всѣхъ менѣе Елисавета. Она дѣятельно приготовлялась къ оборонѣ, и тутъ оказалась совсѣмъ не той тщеславной, мстительной, лицемѣрной женщиной, какою была въ спошеніяхъ своихъ съ Маріей Стюартъ: она явила полную дѣятельность, присутствіе духа и рѣшимость. Дрэка, уже совершившаго свое кругосвѣтное путешествіе, она тотчасъ выслала въ море, — препятствовать вооруженіямъ Испанцевъ. Дрэкъ съ своимъ флотомъ отплылъ къ Кадиксу, гдѣ наготовлено было множество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. При появленіи его, испанскіе военные корабли, находившіеся въ Кадиксѣ, стали подъ прикрытіе

крѣпостныхъ пушекъ,—тогда англійскій адмиралъ началъ свои истребительныя дѣйствія. Въ одинъ день и въ двѣ ночи, сто богато нагруженныхъ кораблей были частью потоплены, частью сожжены. Недовольствуясь этимъ, Дрэкъ отплылъ къ мысу С. Винцента, взялъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, опустошилъ поморье, сжегъ еще нѣсколько кораблей. Затѣмъ направилъ онъ флотъ свой къ Азорскимъ островамъ, гдѣ захватилъ большое ластовое судно, возвращавшееся съ богатѣйшимъ грузомъ изъ Остъ-Индіи. Другіе отважные англійскіе мореходцы, уже изъ собственнаго побужденія, дѣлались корсарами, и наносили большой вредъ Испанцемъ, такъ что черезъ все это не мало пострадали военныя приготовленія послѣднихъ.

Между тѣмъ, Елисавета все-таки не оставалась праздною. Для возбужденія воинственнаго духа и жажды мщенія въ своихъ подданныхъ, она приказала распространить въ народѣ печатные памфлеты въ которыхъ описывались неистовства Испанцевъ въ Америкѣ и въ Нидерландахъ, многочисленныя несчастія, причиненныя ими же въ Англіи, казни, какія придумывались ихъ судилищами въ отношеніи еретиковъ, даже орудія пытки, какими были наполнены будто бы многія изъ испанскихъ судовъ. Раздражая такимъ образомъ протестантскихъ своихъ подданныхъ противъ Испанцевъ, королева, въ тоже время, умѣренно и кротко обращалась съ католиками. Этимъ она внушила довѣріе всѣмъ жителямъ Англіи и побудила ихъ доставить ей необходимую помощь. Англійскій народъ разрѣшилъ королевѣ большіе займы; повсюду начали дѣлать вооруженія; 20,000 человѣкъ были распредѣлены по берегамъ, для воспрепятствованія высадкѣ непріятеля. Другое войско приготовлено было на защиту столицы; главная же армія состояля изъ 45,000 человѣкъ. Тѣмъ неменѣе, люди, опытные въ военномъ искусствѣ, были весьма озабочены: испанскіе солдаты считались тогда лучшими въ Европѣ, да притомъ ими предводительствовалъ искусный полководецъ, герцогъ Пармскій. Одна Елисавета ничего не страшилась. Спокойно отдавала она приказанія, ободряла народъ, смотрѣла сама за всѣмъ, этимъ доказывая, что рождена для власти. Разъ, явилась она въ лагерь. Сидя на боевомъ конѣ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, въ латахъ, посверхъ великолѣпнаго платья, и простоволосая, проѣхала она по всѣмъ рядамъ солдатъ. За нею ѣхалъ пажъ, держа шлемъ ея съ развѣвающимися бѣлыми

перьями. Солдаты привѣтствовали королеву громкими восклицаніями, она произнесла одушевленную рѣчь, и все войско изъявило готовность побѣдить или умереть за прославленную свою королеву.

2.

Филиппъ II вознамѣрился поразить громоноснымъ ударомъ именно Англію. На пути къ острову, Армада должна была получить повелѣніе разсѣять всѣ сопротивляющіяся англійскія суда, вмѣстѣ съ нидерландскими транспортами, проникнуть въ Темзу, высадить всю испанскую армію вблизи Лондона и разомъ порѣшить судьбу Англіи. Армада, прозванная льстецами короля *счастливой*, *непобѣдимой* и даже *католической*, состояла изъ 138 линейныхъ кораблей громадной величины; при нихъ находилось 60 огромныхъ галеръ, довольно похожихъ на плавучіе замки и крѣпости; галеры эти были такъ плотно сработаны, что ядра не могли пробивать ихъ стѣны. Адмиральскій корабль, на которомъ находился великій адмиралъ, герцогъ *Медина Сидонія*, представлялъ цѣлый городъ съ башней посерединѣ; на немъ кромѣ герцога и его свиты, было еще 1200 солдатъ. *Галеасы*—корабли, превосходившіе величиною самыя большія галеры, имѣли до 300 гребцовъ. Всѣ мачты и стеньги этихъ исполинскихъ судовъ были оплетены канатами, — ничего не было забыто, чтобы сдѣлать ихъ невредимыми. Они имѣли на бортѣ 15,000 чел. лучшаго сухопутнаго войска, да кромѣ того 6000 чел. морскихъ солдатъ и матросовъ; со включеніемъ же экипажа и прислуги, плавучій городъ содержалъ въ себѣ болѣе 30, 000 человѣкъ. Мало было знатныхъ и богатыхъ семей, изъ которыхъ сынъ, отецъ или родственникъ не находился бы на этомъ флотѣ. Число лицъ духовнаго званія и монаховъ на немъ доходило почти до 700; во главѣ ихъ находился грозный великій инквизиторъ, собиравшійся произносить судъ свой надъ протестантскими жителями Англіи.

Флотъ имѣлъ 2630 огнестрѣльныхъ орудій. Непобѣдимая Армада была снабжена такой громадной массою военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, что одинъ только обладатель несмѣтныхъ богатствъ Америки могъ принять на себя столь великія издержки. Въ такомъ грозномъ вооруженіи выступилъ флотъ, 29-го мая 1588, изъ Лисабонской гавани. Никогда

еще Океанъ не носилъ на волнахъ своихъ флота, подобнаго этому, по величинѣ и по множеству судовъ. Одинъ испанскій писатель говоритъ, съ свойственнымъ, впрочемъ, Испанцамъ преувеличеніемъ, что морское пространство не достаточно было для вмѣщенія могущественныхъ и многочисленныхъ судовъ.

Папа Сикстъ V отлучилъ отъ церкви королеву англійскую, объявилъ ее отрѣшенную отъ престола и предоставилъ королю испанскому исполненіе приговора. Стало быть, и церковь не оставила предпріятія Филиппа своимъ благословеніемъ.

Между тѣмъ, Елисавета склонила къ поданію ей помощи Нидерландскіе Штаты, не давно избавившіеся отъ ига Испанцевъ. Они снарядили въ пользу союзницы значительный флотъ, разставили караулы по берегамъ Голландіи и Зеландіи, сняли бочки, колья и маяки, служившіе указаніемъ для безопаснаго плаванія. Для достиженія же заступничества небеснаго, въ Англіи и Голландіи назначили дни поста и молитвы; благочестивые богомольцы во множествѣ стекались въ храмы.

Но ни одни благоразумныя, дѣятельныя распоряженія Англичанъ и Голландцевъ затрудняли предпріятіе Филиппа; въ собственномъ флотѣ его находились задатки неуспѣха. Пловучія громады состояли подъ управленіемъ неопытныхъ штурмановъ и худо дисциплинированныхъ матросовъ. Не дошелъ еще флотъ до Корунской гавани, гдѣ ему надо было принять войска и припасы, какъ внезапная страшная буря разогнала и повредила многіе изъ кораблей. Однако, мало по-малу корабли собрались въ Корунской гавани.

20-го іюля, Армада снова подняла паруса и направилась прямо къ Англіи. Медленно, въ видѣ полумѣсяца, занимая 7 англійскихъ миль пространства, плыла она по Ламаншскому проливу. Чуть-было не застигла Армада врасплохъ англійскій флотъ, спокойно стоявшій на якорѣ въ Плимутѣ и не ожидавшій такъ скоро непріятеля, но англійскій адмиралъ все-таки впору, получилъ предостереженіе съ французскаго берега. У острова Уайта, адмиралъ, какъ было ему назначено, распечаталъ королевскія повелѣнія. На основаніи ихъ, онъ долженъ былъ направиться къ проливу Калэ, плыть къ Дюнкирхену, соединиться тамъ съ герцогомъ Пармскимъ, и общими силами ринуться на Англію. Многіе испанскіе военачальники представляли герцогу Медина-Сидонія, что было бы благора-

зумнѣе прямо сдѣлать нападеніе на Англію; но адмиралъ не рѣшился отступить отъ повелѣній короля, и тѣсно-сомкнутыми рядами направилъ корабли къ Дюнкирхенскому рейду.

3.

Англичане, наблюдавшіе за движеніями непріятеля изъ Плимутской гавани, немало удивились, когда увидали, что Испанцы удаляются въ глубину канала. Недолго раздумывая, англійскій адмиралъ погнался за ними на всѣхъ парусахъ, дабы безпокоить и, при случаѣ, истреблять испанскіе корабли. Суда его, гораздо меньшихъ размѣровъ, но легкія на ходу, окружали каждый непріятельскій корабль, который хоть нѣсколько отставалъ отъ прочихъ; съ быстротою, приводившей въ изумленіе менѣе опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ Испанцевъ, то подступали они близко къ Армадѣ, то опять удалялись отъ нея. Испанскій флотъ много потерпѣлъ отъ этихъ преслѣдованій и съ трудомъ достигъ высоты Калэ.

Изъ Калэ, испанскій адмиралъ послалъ къ герцогу Пармскому гонца съ убѣдительной просьбою, какъ можно скорѣе выслать ему войска для высадки на англійскій берегъ. Но герцогъ самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Съ неимовѣрными усиліями введя суда свои въ нидерландскія гавани, онъ былъ окруженъ соединеннымъ голландскимъ и зеландскимъ флотомъ и не могъ двинуться. Между тѣмъ, главному испанскому флоту, по причинѣ мелководья и песчаныхъ косъ, весьма опасныхъ для большихъ судовъ, невозможно было приблизиться ни къ англійскому, ни къ фламандскому берегу. Къ тому же, Испанцы должны были безпрестанно заботиться о собственной оборонѣ,—съ 30 іюля до 12 августа не проходило дня, чтобы не тревожили ихъ Англичане. Съ той поры, какъ удалились Испанцы отъ плимутскаго берега, происходила непрерывная пушечная пальба, — такъ что дрожали острова и берега до самой Франціи. Высокіе борты испанскихъ кораблей были причиной того, что пушечныя ядра ихъ пролетали почти всегда выше англійскихъ кораблей, тогда какъ каждый выстрѣлъ Англичанъ попадалъ въ цѣль.

Чтобы выйдти изъ затрудненія, испанскій адмиралъ отправился къ Дюнкерхену, и, повидимому, рѣшился, — хоть бы даже пришлось дать

сраженіе,—прогнать непріятельскія суда, занимавшія гавань. Лишь только стала Армада въ виду непріятеля, какъ безвѣтріе остановило движеніе всѣхъ трехъ флотовъ. Оно продолжалось цѣлый день и дало время англійскому адмиралу обдумать готовящіяся событія. По краткомъ раздумьѣ, онъ пріискалъ средство привесть въ безпорядокъ непріятеля: приказалъ онъ наполнить горючими матеріалами восемь плохихъ и малыхъ судовъ,—и, какъ скоро подуетъ вѣтеръ,—ввести ихъ, съ помощію двухъ другихъ судовъ, въ самую средину испанскаго флота. Смѣлые мореходцы, управлявшіе этими судами, подожгли брандеры и поспѣшно удалились подъ парусами. То было въ темную ночь; мракъ дѣлалъ еще страшнѣе видъ горящихъ судовъ. Испанцы думали, что они начинены порохомъ. Ужасъ объялъ ихъ. Каждая эскадра, каждый корабль думали только о своемъ спасеніи, и удалялись, не заботясь о прочихъ. Нѣкоторыя суда успѣли поднять якори, другіе по просту обрубали якорные конаты и уходили на всѣхъ парусахъ. Многимъ изъ нихъ темнота помѣшала разглядѣть надлежащее разстояніе, они сталкивались и разбивались; другіе же корабли разсѣялись по морю, и тамъ ударялись о подводныя скалы или же попадали въ середину непріятелей.

Роковая ночь миновала, и на послѣдовавшій за нею день, Испанцы увидали корабли свои разсѣянными во всѣ стороны, въ борьбѣ съ вѣтрами и волнами. Этой минутой смятенія воспользовался англійскій адмиралъ и, вмѣстѣ съ Голланцами, напалъ на непріятеля. Началась битва, продолжавшаяся съ 6 часовъ утра и до 6 вечера. Нѣкоторые испанскіе корабли оправдали старинную воинскую славу свою, бились съ великой храбростію, но всѣ выгоды рѣшительно остались на сторонѣ Англичанъ: суда ихъ были быстрѣе на ходу, моряки ихъ лучше знали море и берега. Испанцы теряли корабль за кораблемъ; сильный вѣтеръ не допускалъ вступать въ бой сомкнутыми рядами. Герцогъ Медина-Сидонія подалъ знакъ къ отступленію; но поднялся сильный южный вѣтеръ, сдѣлавшій невозможнымъ плаваніе по проливу Калэ. Испанцы принуждены были, для возвращенія въ отечество, обогнуть Шотландію и лежащіе отъ нея на сѣверъ острова.

Англичане преслѣдовали непріятеля сомкнутыми рядами, но когда буря сдѣлалась еще страшнѣе, англійскій адмиралъ, довольствуясь пожатыми лаврами, укрылъ суда свои въ безопасныхъ гаваняхъ. Между тѣмъ,

буря носила испанскіе корабли по открытому морю; многіе изъ нихъ, плывя слишкомъ близко другъ къ другу, сталкивались и тонули. Судамъ, прибитымъ волною къ шотландскому берегу жители не дозволили запастись свѣжей водою, поэтому, Испанцы принуждены были побросать за бортъ находившихся у нихъ муловъ. Нѣкоторые корабли, лишенные мачтъ, отнесло къ норвежскому берегу, гдѣ они потерпѣли крушеніе; многія тысячи людей погибли въ волнахъ. Наконецъ, другіе корабли отброшены были назадъ въ каналъ — и попали въ руки Англичанъ и Голландцевъ. Только жалкіе остатки *Непобѣдимой*, *Счастливой Армады* возвратились въ испанскія гавани. Но и тутъ враждебная судьба, распоряжавшаяся Армадой съ самаго дня отплытія, не переставала ее преслѣдовать. Двѣ большія галеры, невредимо выдержавшія нападенія враговъ и ярость бурь, нечаянно загорѣлись въ самой гавани, гдѣ стали на якорь, и сдѣлались жертвою пламени.

Многія лица знатнѣйшаго дворянства и высокаго званія, участвовавшія въ этомъ походѣ, сдѣлались жертвами всеобщаго бѣдствія, частію на морѣ, частію по возвращеніи въ отечество: привыкшіе къ изобилію и удобствамъ, они не въ силахъ были вынести столько трудовъ и лишеній. Не было дома въ Испаніи, гдѣ не оплакивали бы брата, отца, сына, супруга или родственника. Число траурныхъ платьевъ при дворѣ сдѣлалось столь велико, что Филиппъ II, дабы избѣгнуть напоминанія о тяжкой потери, настрого приказалъ сократить время траура.

Воротясь изъ похода, Герцогъ Медина-Сидонія явился къ королю, и упалъ къ ногамъ его, — онъ, не безъ основанія, боялся за жизнь; но вопреки всѣхъ ожиданій, Филиппъ спокойно сказалъ ему: „Встаньте. Я посылалъ васъ сражаться съ людьми, а не съ бурями и скалами.

Кровопролитіе въ Стокгольмѣ. Густавъ Ваза.

1.

Въ 1397 г., королева Маргарита договоромъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ Кальмарскаго, соединила три сѣверныя королевства: Датское, Шведское и Норвежское, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что

каждое изъ нихъ удержитъ права свои и вольности. Но духъ великой государыни не осѣнялъ ея преемниковъ; напротивъ того, тиранническими своими поступками они воздвигли цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ между Шведами и Датчанами, возбудили непримиримую ненависть между обоими народами. Въ началѣ же 16-го столѣтія, при королѣ Христіернѣ II, справедливо прозванномъ за жестокость свою, Сѣвернымъ Нерономъ, притѣсненія Шведомъ и ожесточеніе ихъ достигли крайнихъ предѣловъ. Силой оружія рѣшились Шведы освободиться отъ тирана. Избравъ предводителемъ самаго благороднаго изъ среды своей человѣка, Стэна Стура, они начали войну противъ Даніи. Начало войны было счастливо для Шведовъ, но несчастливъ былъ конецъ, и послѣ гибели Стэна Стура, исчезли надежды Шведовъ взять съ бою свою независимость. Они признали законнымъ королемъ Христіерна II; впрочемъ, онъ долженъ былъ, напередъ, клятвенно обѣщать имъ ничѣмъ не нарушать правъ и вольностей, дарованныхъ Шведамъ великою Маргаритою по Кальмарскому договору.

Поздней осенью 1520 г., Христіернъ оставилъ столицу свою, Копенгагенъ, чтобы принять въ Стокгольмѣ корону Швеціи. Супруга и большая часть двора сопровождали его; въ числѣ придворныхъ находились два самыхъ опасныхъ совѣтника короля, пользовавшіеся всѣмъ его довѣріемъ. Первый изъ нихъ Дитрихъ Слаггевъ, въ то время духовникъ короля, впослѣдствіи же архіепископъ Лундскій, достигъ, изъ низкаго званія подмастерья цирюльника, верховнаго духовнаго сана въ Даніи; второй былъ Бальденаке, епископъ Оденсее. Оба они принимали большое участіе въ жестокостяхъ, запятнавшихъ царствованіе Христіерна II.

Жители Стокгольма ни сколько не подозрѣвали ожидавшаго ихъ бѣдствія; они думали о томъ, какъ бы почетнѣе принять новаго властителя, одареннаго дѣйствительно нѣкоторыми привлекательными качествами; имъ желалось устроить какъ можно торжественнѣе его коронацію. Первымъ дѣломъ короля, по пріѣздѣ въ Стокгольмъ, было — собрать знатнѣйшихъ шведскихъ государственныхъ совѣтниковъ и заставить ихъ подписать такъ-называемый избирательный актъ, по которому они признавали, что Христіернъ II призванъ на шведскій престолъ единодушнымъ избраніемъ всего народа. Два дня спустя, созвали всѣхъ гражданъ столицы; но король, не довѣряя имъ, позаботился окружить, въ нѣко-

торомъ разстояніи, мѣсто собранія своими солдатами. Епископъ Бальденаке взошелъ на нарочно приготовленную каѳедру; въ длинной рѣчи, онъ старался доказать, что Христіернъ II, король датскій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственный король шведскій; въ заключеніе же этой рѣчи, спросилъ собравшійся народъ: желаетъ ли онъ признать Христіерна своимъ государемъ. Никто, конечно, не осмѣлился сказать слова въ возраженіе, — сосѣдство датскихъ солдатъ подавляло всякую отвагу и сопротивленіе. Всѣ приняли присягу въ вѣрности; торжество кончилось тѣмъ, что датскій епископъ провозгласилъ Христіерна королемъ шведскимъ.

2.

Наступилъ день коронаціи. Самое празднество это Христіернъ помрачилъ презрѣніемъ, явно оказаннымъ имъ новымъ своимъ подданнымъ. Въ процессіи коронованія всѣ знаки владычества надъ Шведами: корону, скипертъ, державу и мечъ несли чуждые Шведамъ, враждебные Датчане; множество иностранцевъ произведено было въ рыцари, изъ Шведовъ же — никого. Намѣренія Христіерна явно клонились къ тому, чтобы новымъ своимъ королевствомъ, пріобрѣтеннымъ не столько силою оружія, сколько хитростію и кознями его государственныхъ людей, править такъ, какъ правятъ грозные, ненавистные тиранны. Первымъ шагомъ къ этой гнустной цѣли было истребленіе знатнѣйшихъ шведскихъ фамилій, значеніе и вліяніе которыхъ могли препятствовать намѣреніямъ короля. Въ кровожадномъ совѣтѣ Сѣвернаго Нерона рѣшена была гибель благороднѣйшихъ людей шведскаго королевства, — совѣщались только о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять для совершенія преступленія, о предлогѣ, которымъ надо прикрыть его въ глазахъ свѣта. Послѣ долгихъ разсужденій, епископъ Слаггекъ, сдѣлалъ предложеніе, которое всѣ одобрили. Онъ посовѣтовалъ воспользоваться покровомъ религіи. „Король, говорилъ онъ, воевалъ съ еритеками, Шведами, сколько въ свою пользу, столько же и для пользы папы; какъ король, онъ можетъ сдержать слово и простить своимъ противникамъ, но, какъ исполнитель папской анаѳемы, онъ обязанъ потребовать ихъ къ отвѣту и покоратъ.“ Одинъ изъ вельможъ, наиболѣе одобрявшихъ гнусное предложеніе, былъ датскій же

епископъ Тролле, непримиримѣйшій врагъ Шведовъ. Въ прежнее время, онъ домогался сдѣлаться правителемъ Швеціи, но Шведы рѣшительно отклонили его избраніе, а когда онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ,—не признали его въ этомъ санѣ. Съ той поры онъ поклялся жестоко отмстить Шведамъ, и теперь въ кровавомъ совѣтѣ, вызвался быть обвинителемъ.

Не кончились еще пиршества, данные въ честь коронаціи, какъ учреждено уже было судилище, кровавые приговоры котораго лишили Швецію благороднѣйшихъ ея сыновъ. На судилищѣ этомъ, вопреки законовъ страны, составленномъ изъ однихъ Датчанъ, презрѣнный Тролле, во всемъ блескѣ епископскаго своего сана, сопровождаемый знатнѣйшими священнослужителями, родными, друзьями и клевретами, явился съ гнуснымъ своимъ доносомъ. Самъ король находился въ засѣданіи и услаждался бѣдственнымъ положеніемъ прежнихъ враговъ своихъ. Со свойственнымъ ему лицемѣріемъ, онъ отклонилъ отъ себя произнесеніе приговора, и передалъ рѣшеніе дѣла двумъ датскимъ прелатамъ, которые, по словамъ его, уполномочены на то папскою буллою. Тролле началъ обвиненіемъ противъ вдовы предводителя Шведовъ, Стэна Стура, противъ государственнаго совѣта и всего стокгольмскаго магистрата: онъ жаловался на то, что они лишили его епископскаго сана и срыли замокъ Стэне — достояніе церкви. Вдова Стэна Стура, благородная Христина, была первая вызвана къ суду для отвѣта за поступки покойнаго ея мужа, — это уже одно можетъ служить доказательствомъ, къ какимъ ничтожнымъ предлогамъ прибѣгалъ король и его клевреты для того, чтобы насытить свою жажду крови. При такомъ оборотѣ обстоятельствъ, злополучная Христина совершенно лишилась того мужества, какое столь блистательно доказала прежде, при оборонѣ Стокгольма противу Датчанъ. Она напомнила королю о договорѣ, о данной клятвѣ, наконецъ унизилась до изображенія безпомощнаго своего положенія, до мольбы о пощадѣ. Но ничто не могло разбудить въ сердцѣ тиранна ни чувства чести, ни состраданія; онъ холодно отвѣтилъ, что не вмѣшивается въ дѣйствія суда и предоставляетъ все рѣшенію епископовъ. Вотъ приговоръ, произнесенный кровожаднымъ властолюбіемъ, несправедливостію и клятвопреступленіемъ: „Всѣ государственные чины, подвергнувшіе себя отлученію отъ церкви, за поступки свои противъ архіепископа Тролле,

подлежатъ смертной казни.“ По произнесеніи судебнаго рѣшенія, немедленно королевская гвардія вторгнулась въ залу и схватила несчастныхъ, назначенныхъ на жертву. Ихъ задержали плѣнниками во дворцѣ, а оттуда повлекли прямо на лобное мѣсто. Съ безпримѣрной быстротою были окончены приготовленія къ казни, для того, чтобы, кромѣ жителей столицы, никто не могъ во время узнать о страшной судьбѣ, постигшей благороднѣйшихъ гражданъ, и прибѣгнуть къ силѣ оружія для ихъ освобожденія. На всѣхъ площадяхъ столицы поставили висѣлицы; король-палачъ, съ клевретами своими, такъ торопился исполненіемъ кроваваго приговора, что осужденнымъ отказали даже въ послѣднемъ утѣшеніи— въ причастіи св. Таинъ.

3.

Наступило 8 ноября 1520 г., — роковой день, самый кровавый и ужасный въ лѣтописяхъ шведской исторіи. Лишь занялась заря, датскіе герольды объявили, при звукѣ трубъ, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не отлучался изъ города. Всѣ улицы и ворота были заняты отрядами датскихъ войскъ, на площади наведены пушки; гражданамъ, подъ страхомъ же смерти, приказано запереть двери и не выходить изъ домовъ; но никто не послушался грознаго приказанія; народъ наполнялъ улицы, съ трепетомъ ожидая, что̀ будетъ. Густыя народныя толпы окружали дворецъ, въ которомъ содержались жертвы самовластія. Какъ описать общій ужасъ, когда растворились двери дворца, и изъ нихъ попарно вышли, окруженные палачами и полицейскими солдатами, благороднѣйшіе представители страны, въ тѣхъ же самыхъ блестящихъ одеждахъ, въ которыхъ они, за два дня передъ тѣмъ, явились во дворецъ. Напрасно нѣсколько отважныхъ гражданъ сдѣлали-было попытку освободить ихъ, — попытка не удалась: датскія войска, наполнявшія густыми рядами всѣ улицы города, были бдительны — и дали рѣшительный отпоръ.

Ужасъ—наводящее шествіе двигалось по направленію къ лобному мѣсту; тутъ было 95 человѣкъ, знаменитыхъ въ королевствѣ по рожденію, воспитанію, высокому званію, прозорливости, добродѣтели: высшіе государственные сановники, государственные совѣтники, два епископа, знатнѣйшіе изъ рыцарскаго сословія, бургомистры и весь стокгольм-

скій магистратъ. Епископы шли въ полномъ облаченіи, государственные же совѣтники и члены магистрата, въ одѣяніи, присвоенномъ ихъ должности, и съ прочими отличительными знаками ихъ сана. Съ спокойнымъ достоинствомъ шли они по роковому пути; но въ собравшемся народѣ раздавались вопли, громкія сожалѣнія, — и не могла ихъ сдержать ярость датскихъ солдатъ, безъ различія пола и возраста рубившихъ плачущихъ. Рядъ жертвъ открывалъ Матіасъ Лиліе, епископъ стрёнгнесскій; онъ шелъ на казнь, какъ-бы въ благодарность ему за то, что онъ первый покорился датскому тиранну. Нѣкоторые изъ осужденныхъ дѣлали усилія, чтобы говорить съ народомъ, чтобы побудить его къ отмщенію за проливаемую кровь, но громъ оружія Датчанъ, по повелѣнію короля, заглушилъ ихъ рѣчи. Въ числѣ совѣтниковъ свѣтскаго званія, головы которыхъ пали подъ сикирой палача, находился Эрихъ Іоаннсонъ, отецъ Густава Вазы. Послѣ государственныхъ совѣтниковъ и рыцарей обезглавили и 16 членовъ магистрата. Кровь съ страшнаго помоста лилась по площади и по сосѣдственнымъ улицамъ. Не умолкали вопли несчастнаго народа, не переставали рѣзать и датскіе солдаты, въ воздаяніе за сострадательность. Другіе палачи, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вѣшали на воздвигнутыхъ кругомъ висѣлицахъ множество гражданъ, приверженцевъ осужденныхъ, и другихъ жителей Стокгольма, дурно расположенныхъ къ Датчанамъ. Доблестный защитникъ крѣпости Кальмара, рыцарь Мёнсъ Іёнсонъ былъ распятъ на крестѣ, а трупъ его размыканъ лошадьми. Пригвожденный къ кресту, рыцарь Іёнсонъ не переставалъ возбуждать Шведовъ къ отмщенію, и замолкъ тогда лишь, когда палачъ вырвалъ у него сердце изъ груди.

Тиранъ Христіернъ ходилъ по площади, наслаждаясь отвратительнымъ зрѣлищемъ, не обращая вниманія на то, что кровь омывала его ноги и пятнала платье—достойное украшеніе Сѣвернаго Нерона! Подъ страхомъ смертной казни, онъ запретилъ хоронить или уносить тѣла умерщвленныхъ; даже полусгнившій трупъ прежняго правителя Стура былъ вырытъ изъ могилы и выкинутъ на лобное мѣсто. Двое сутокъ пролежали на площади трупы, на пищу собакамъ и птицамъ; но тлетворный запахъ отъ нихъ сталъ угрожать заразою столицѣ,—и лишь тогда король издалъ повелѣніе вывезти ихъ изъ города и сжечь на кострѣ, наполненномъ смолою и дегтемъ.

Но многимъ знатнымъ Шведамъ удалось и скрыться отъ кровавыхъ преслѣдованій. Для отысканія ихъ, Христіернъ приказалъ сдѣлать обыски по всѣмъ домамъ столицы. Вѣрные духу своего государя, палачи-солдаты производили страшныя жестокости и насилія; они грабили и расхищали имущества; многіе несчастные отцы семейства пали отъ ихъ ударовъ въ объятіяхъ женъ и дѣтей. И все-таки нѣкоторымъ изъ противниковъ тирана удалось спастись бѣгствомъ. Дабы побудить ихъ къ возвращенію, Христіернъ обнародовалъ прокламацію, что все прощено и забыто, что убійства прекращены. Нашлись безумцы, которые довѣрились государю, достаточно доказавшему какъ мало значатъ для него священнѣйшія обѣщанія, торжественнѣйшія клятвы. Лишь только явились несчастливцы, — ихъ схватили и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, изрубили всѣхъ. Тѣхъ же, которые были пойманы на дорогахъ размыкивали лошадьми, а потомъ вздергивали на висѣлицы. Вдову Стура, обремененную оковами, сослали, на вѣчное заточеніе, въ Данію; тѣло ея мужа изрубили на части, члены разослали по Швеціи, а остальное сожгли. Но всѣ эти ужасы еще не утолили кровожадность тиранна. Онъ самъ объѣхалъ страну, не съ тѣмъ, чтобы принимать присягу отъ подданныхъ, но для того, чтобы показать себя страшилищемъ въ ихъ глазахъ. Во всѣхъ городахъ, куда ни пріѣзжалъ онъ, воздвигали висѣлицы и вѣшали людей нехотѣвшихъ слѣпо покориться волѣ тиранна, или же свободой въ словахъ, либо въ поступкахъ, навлекшихъ на себя его неудовольствіе. Съ смертельной ненавистію преслѣдовалъ Христіернъ семейство Риббингъ, принадлежавшее къ одному изъ благороднѣйшихъ графскихъ домовъ въ Швеціи и, чтобы стереть его съ лица земли, отъискивалъ всѣхъ мужескихъ потомковъ этого дома. Въ Іенкеппингѣ онъ нашелъ двухъ мальчиковъ изъ этого рода и обрекъ ихъ мучительной смерти. Ихъ подняли на воздухъ за волосы на веревкахъ, и потомъ палачъ долженъ былъ отсѣчь имъ головы. Невинность мальчиковъ тронула даже палача, привыкшаго къ убійствамъ, онъ отбросилъ мечъ и отказался отъ исполненія кровавой своей обязанности. Но тотчасъ другой, болѣе закоснѣлый, злодѣй, занялъ его мѣсто, и вмѣстѣ съ головами дѣтей, по приказанію Христіерна, пала голова и сострадательнаго палача.

Впрочемъ тираннъ не могъ долго ужиться въ Швеціи. Обремененный проклятіями народа, онъ вскорѣ возвратился въ Копенгагенъ, оставивъ

въ Швеціи намѣстниковъ, способныхъ въ его духѣ терзать несчастную страну и получившихъ даже на то приказанія.

4.

Между тѣмъ, Густавъ Ваза, избѣгая поисковъ убійцъ, скрывался въ Рафнесѣ.

Герой этотъ, потомокъ прежнихъ Шведскихъ королей, родился въ 1490 году. Отецъ его и славный Стуръ дали ему превосходное воспитаніе. Густавъ Ваза пріобрѣлъ обширныя, по тогдашнему времени, познанія въ упсальскомъ университетѣ; особенно же отличался онъ высокимъ краснорѣчіемъ, которое такъ пособляло ему въ послѣдующихъ его предпріятіяхъ. При началѣ войны съ Даніею Густавъ Ваза сталъ въ ряды воиновъ, и блистательно проявилъ свою любовь къ родинѣ, свое мужество. Когда, на миролюбивомъ свиданіи съ прежнимъ правителемъ, Христіернъ II потребовалъ, въ обезпеченіе себѣ, заложниковъ, — Густавъ Ваза находился въ числѣ ихъ. Вѣроломный, какъ и всегда, радуясь, что изловилъ желанную добычу, клятвопреступный король ввергъ юношу въ тѣсное заключеніе въ датскомъ замкѣ Каллое. Но Густаву Вазѣ удалось обмануть бдительность стражи: переодѣтый крестьяниномъ, онъ бѣжалъ изъ замка. Двое сутокъ пробирался онъ, съ великимъ трудомъ, по неизвѣстнымъ, непроходимымъ дорогамъ, и наконецъ увидалъ башни Фленсбурга. Тутъ повстрѣчалъ онъ нѣмецкихъ купцовъ, возвращавшихся на родину съ купленными въ Даніи быками. Послѣ многихъ просьбъ Густава Вазы, они дозволили ему примкнуть погонщикомъ къ ихъ обозу; такъ прибылъ онъ въ Любекъ, въ сентябрѣ 1519 г. Городъ этотъ, принадлежавшій ганзейскому союзу, всегда возбуждалъ къ себѣ въ сосѣдяхъ своихъ, Датчанахъ, ненависть и зависть; поэтому Густавъ Ваза надѣялся найдти въ немъ убѣжище отъ преслѣдованій смертельнаго своего врага. Онъ тотчасъ же явился въ собраніе магистрата и сталъ просить о помощи; но единовременно съ Густавомъ, прибылъ въ Любекъ поручившійся за него двоюродный братъ его, Баннеръ и потребовалъ выдачи Густава; немалымъ пособіемъ для Баннера служило и письмо короля датскаго. Совѣтники не знали на что̀ рѣшиться; мало-по-малу страхъ мести могущественнаго сосѣда начиналъ брать

верхъ и большинство собранія согласилось-было выдать юношу его губителю; но тутъ бургомистръ Бремъ, человѣкъ рѣдкаго ума и характера, сталъ доказывать, что позорно будетъ для нѣмецкаго города отказать въ убѣжищѣ благородному, неправедно-гонимому скитальцу, что напротивъ того, сенатъ города Любека долженъ позаботиться о безопасномъ возвращеніи Густава Вазы на родину и о пособіи ему, сверхъ того, деньгами и войсками. Не объявляя себя прямо-враждебными Даніи, жители Любека помогли Густаву тайно выбраться изъ ихъ города; онъ сѣлъ на купеческій корабль и, въ маѣ 1520 г., благополучно прибылъ въ отечество. Кольмаръ второй городъ королевства, находился еще въ рукахъ Шведовъ. Густавъ пробрался въ Кольмаръ, назвалъ себя солдатомъ и сталъ ободрять ихъ къ твердой оборонѣ города. Но великодушная рѣчь его коснулась понапрасну слуха начальника города; онъ думалъ только о томъ, какъ бы по выгоднѣе для себя сдать городъ Датчанамъ; коснулась она по-напрасну же слуха и нѣмецкихъ наемныхъ солдатъ, составлявшихъ бо́льшую часть гарнизона: они видѣли въ Густавѣ безпомощнаго, бездомнаго скитальца. Когда же юноша продолжалъ убѣждать ихъ къ сопротивленію, солдаты враждебно окружили его и грозили умертвить или выдать датчанамъ, если онъ тотъ же часъ не оставитъ города и его окрестностей. Густавъ Ваза принужденъ былъ бѣжать вторично, и хорошо еще, что могъ ускользнуть отъ слѣдившихъ повсюду за нимъ враговъ. Наконецъ, добрался онъ до Рафнеса, въ Зюдерманландіи.

5.

Тамъ дошли до него слухи о злодѣйствахъ въ столицѣ, о злодѣйствахъ, такимъ страшнымъ образомъ лишившихъ его родителей, друзей и родныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ узналъ, что Христіернъ уже извѣщенъ о пребываніи его въ Швеціи: вездѣ разъискивали его съ удвоеннымъ стараніемъ; голова его была оцѣнена въ большую сумму; людямъ, рѣшившимся укрыть бѣглеца, угражала неминучая смерть.

Густавъ Ваза принужденъ былъ еще разъ покинуть убѣжище и довѣрить жизнь свою всѣмъ случайностямъ скитальческаго странствія. Онъ вознамѣрился отъискать на сѣверѣ долины, обитаемыя честнымъ и храб-

рымъ племенемъ Далекарлійцевъ. Посреди этихъ отважныхъ людей, подвигами своими доказавшихъ, съ самыхъ древнихъ временъ, мужество и любовь къ родинѣ, Густавъ надѣялся найдти не только защиту, но и вооруженную помощь. Въ сопровожденіи одного только слуги, онъ пустился въ это полное разнообразныхъ приключеній путешествіе, при самомъ началѣ котораго покинулъ его негодный служитель, коварно унесшій съ собою всю поклажу, довѣренную ему господиномъ. Это вѣроломство лишило Густава Вазу всѣхъ денегъ, всѣхъ драгоцѣнностей, что́ только могъ онъ спасти изъ имущества. И поѣхалъ Густавъ уже одинъ въ дальнѣйшій путь; но лошадь его выбилась изъ силъ. Онъ кинулъ ее со всей на ней поклажею, для того, чтобы преслѣдователи могли подумать, будто онъ убитъ. Потомъ сбросилъ онъ съ себя платье, которое могло обличать настоящее его званіе, надѣлъ мужицкій кафтанъ, коротко остригъ волосы, надѣлъ на голову войлочную шляпу, и сталъ бродить подъ видомъ поденщика, выпрашивая подъ окнами земледѣльцевъ работы и дневнаго пропитанія. Нѣсколько дней скитался онъ по негостепріимнымъ горамъ и лѣсамъ, безъ денегъ безъ товарища, покинутый всѣми, лишенный почти всякой надежды; наконецъ-таки достигъ онъ Фолуна, гдѣ и сталъ онъ добывать скудное пропитаніе работою въ мѣдныхъ рудникахъ. Но не привычный къ постоянному пребыванію подъ землею, онъ разстроилъ-было здоровье, и потому принужденъ былъ возвратиться на поверхность земли и тамъ поддерживать печальную жизнь трудами рукъ своихъ. Наконецъ, удалось ему наняться молотильщикомъ на одномъ господскомъ хуторѣ. Какъ ни старался онъ скрыть свое званіе отъ товарищей работниковъ, однако, они находили въ немъ многое, что́ не согласно было съ настоящимъ его положеніемъ — и не замедлили увѣдомить о томъ своего господина. Господинъ призвалъ къ себѣ Густава Вазу и тотчасъ узналъ его, потому что въ одно время жилъ съ нимъ въ Упсалѣ. Впрочемъ, Густавъ не могъ уговорить его вступиться за угнетенную родину; трусъ этотъ не согласился даже пріютить у себя своего гостя—и Густавъ принужденъ былъ опять скрыться въ горы.

Послѣ многихъ трудовъ и опасностей, въ суровую зиму угрожавшихъ жизни его въ этихъ негостепріимныхъ странахъ, Густавъ достигъ другаго господскаго хутора, владѣлецъ котораго, Арендъ Петерсонъ, тотчасъ узналъ въ немъ прежняго товарища по оружію и принялъ его съ

отверстыми объятіями. Но Петерсонъ былъ злодѣй; подъ личиной дружбы, онъ скрывалъ коварные замыслы, и, подстрекаемый корыстолюбіемъ, вознамѣрился выдать скитальца, чтобы получить обѣщанную за него награду. Онъ уѣхалъ изъ дому, подъ предлогомъ склонить сосѣдей къ предпріятію Густава, вмѣсто же того, — отправился къ ближайшему датскому начальнику и объявилъ ему обо всемъ. Тотчасъ отправили 20 датскихъ солдатъ, чтобы схватить бѣглеца, и Густавъ погибъ бы безвозвратно, еслибъ жена Петерсона, желавшая загладить преступленіе недостойнаго мужа, не поторопила Густава къ скорому отъѣзду, да не дала ему сани и лошадей. Когда сыщики прибыли на хуторъ, Густавъ былъ уже далеко. И снова повелъ онъ скитальческую жизнь. Въ деревнѣ Скердсонъ нашелъ онъ другаго университетскаго знакомца въ священникѣ, который цѣлую недѣлю скрывалъ его въ церкви отъ жаркихъ преслѣдователей, а потомъ отвелъ къ крестьянину; крестьянинъ же этотъ, рѣшимостью своею и умными распоряженіями, сдѣлался окончательно спасителемъ Густава.

6.

Звали этого крестьянина Сиреномъ Нильсономъ. Онъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ въ деревнѣ Изалѣ. Съ радостію предложилъ онъ употребить всѣ средства для спасенія Густава. Чтобы лучше обмануть преслѣдователей, онъ принялъ его къ себѣ въ работники и переодѣлъ въ простое крестьянское платье. Густавъ Ваза находился въ горницѣ добраго Нильсона, какъ однажды, вдругъ кто-то постучался въ ворота хутора и нѣсколько датскихъ всадниковъ отъискивавшихъ бѣглеца, потребовали, чтобы ихъ впустили. Они вошли въ самую горницу. Но жена Нильсона придумала средство отвратить вниманіе Датчанъ отъ мнимаго работника, она добрымъ порядкомъ обругала Густава, сильно ударила его по спинѣ лопатою и выгнала за двери. Обманутые такимъ поступкомъ крестьянки, сыщики удалились. Обстоятельство это давало понять, какъ не безопасно для Густава дальнѣйшее пребываніе въ Изалѣ; Нильсонъ рѣшился отвести его въ деревню Стеттвикъ, гдѣ можно было понадѣяться, что мужественные и гостепріимные Далекарлійцы укроютъ его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Путешествіе это было опасно не

менѣе прочихъ, отъ которыхъ такъ счастливо отдѣлался Густавъ Ваза. Датчане заняли сыщиками всѣ ущелья и всѣ мосты, отряды ихъ разъѣзжали по дорогамъ, останавливали и осматривали путниковъ. Нильсонъ спряталъ Густава въ возу, навитомъ соломою. Но возъ остановили, когда Нильсонъ доѣхалъ до одного моста. Датскіе солдаты начали щупать возъ копьями и глубоко поранили Густава въ ляшку. Однако, сильная боль не вырвала у него ни одного стона; возъ, наконецъ, пропустили; Нильсонъ спѣшилъ достигнуть горнаго хребта. Тогда чуть-было не выдала Густава кровь изъ его раны, капавшая изъ воза на снѣгъ: непріятельскіе всадники пустились уже по кровавому слѣду въ погоню,— и только присутствіе духа добраго крестьянина довершило дѣло спасенія: Нильсонъ на-скоро разрѣзалъ ногу у своей лошади и увѣрилъ Датчанъ, что кровавый слѣдъ происходитъ отъ того, что лошадь его ногу засѣкла.

7.

Густаву Вазѣ удалось-таки добраться до Стеттвика. Тамъ перевязали ему рану, по счастію, не опасную, и онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ собрались всѣ жители. Не сказавшись потомкомъ древнихъ шведскихъ королей, онъ, однако, представилъ крестьянамъ жестокости тиранна, показалъ, что ихъ самихъ можетъ постигнуть таже участь, какая загубила благороднѣйшихъ людей страны, и убѣждалъ освободиться отъ ига притѣснителей. Герой не ошибся въ довѣріи своемъ къ честнымъ обитателямъ долинъ. Со всѣхъ сторонъ раздались одобрительные клики; а въ Мора, самой большой и населенной долинѣ Далекарліи, Густавъ нашелъ еще болѣе дѣятельную помощь. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя во главѣ 3000 отважныхъ ратниковъ. Съ ними напалъ онъ на Датчанъ и нѣсколько разъ наносилъ имъ немалые уроны. Отовсюду стекались къ нему воины, для отмщенія притѣснителямъ за позоръ отечества; ежедневно усиливалось это ополченіе, и, поравнявшись напослѣдокъ численностію съ Датчанами, подъ предводительствомъ героическаго вождя, одержало нѣсколько разъ рѣшительныя побѣды надъ врагами. Христіернъ II отказался навсегда отъ надежды покорить Шведовъ. Густавъ Ваза, спаситель родины, по волѣ всего шведскаго народа, вступилъ на престолъ

Швецiи. Вскорѣ потомъ онъ ввелъ въ свое королевство исправленное Лютеромъ христiанское ученiе и сдѣлался родоначальникомъ цѣлой династiи даровитыхъ и счастливыхъ властителей, возвысившихъ Швецiю на степень могущества и славы, какой еще никогда не занимала она прежде въ средѣ европейскихъ державъ.

ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ. ГЕНРИХЪ IV.

1.

Между тѣмъ, какъ Испанiя приходила въ упадокъ отъ деспотизма Филиппа II, Францiю потрясали религiозныя войны. И въ этой странѣ реформацiя пустила корни; Кальвинъ распространилъ въ ней преобразованное вѣроученiе. Сначала протестанты, изъ страха католиковъ, собирались по ночамъ; такъ бывало особенно въ *Турени*. И ходило въ народѣ повѣрье, будто король Гуго является по ночамъ въ тамошнихъ окрестностяхъ, отъ этого послѣдователей новаго вѣроученiя прозвали, въ насмѣшку, Гугенотами, т. е. ночными привидѣнiями.

Гугеноты, межъ тѣмъ, все размножались. Два потомка королевскаго дома Бурбоновъ, король Наварры (крошечнаго государства, лежавшаго близъ границъ Испанiи), *Антуанъ*, и братъ его, Герцогъ *Лудовикъ Конде*, явно присоединились къ реформатской церкви. Другая же герцогская фамилiя, *Гизы*, изъ лотарингскаго дома, всѣми силами преслѣдовала Гугенотовъ. А на бѣду, въ то самое время, завладѣла правленiемъ женщина, которая, вмѣсто того, чтобы примирять партiи, разжигала вражду при дворѣ и въ государствѣ и этимъ самымъ возбудила страшную междоусобную войну. Эта женщина была итальянка, *Катерина Медичи*, вдова французскаго короля Генриха II, убитаго на турнирѣ. Трое сыновей Генриха, Францискъ II, Карлъ IX и Генрихъ III, одинъ за другимъ, вступали на престолъ;—ни одинъ изъ нихъ не былъ долговѣченъ. Эти государи всего больше занимались устройствомъ праздниковъ да роскошныхъ пиршествъ при дворѣ, къ дѣламъ же правленiя были совсѣмъ равнодушны; оттого ихъ коварная мать имѣла удобный случай придать значенiе своей волѣ. Въ сообществѣ съ Гизами, Катерина Медичи, уже

при короткомъ правленіи Франциска II, (супруга Маріи Стюартъ), преслѣдовала Гугенотовъ: королевскимъ эдиктомъ было воспрещено имъ, подъ страхомъ смерти, отправлять богослуженіе по ихъ вѣрѣ. Хотя не было уже во Франціи инквизиціи, но и безъ ней происходили многочисленныя казни; простолюдины и знатные умирали на плахѣ или на кострѣ,—а межъ тѣмъ, при дворѣ, удовольствіе смѣнялось удовольствіемъ. На собраніяхъ государственныхъ чиновъ не принимали жалобъ отъ Гугенотовъ. По вступленіи на престолъ Карла IX, наслѣдовавшаго Франциску II, Гугеноты, подъ предводительствомъ принца *Конде* и адмирала *Колиньи*, взялись за оружіе. Нѣсколько лѣтъ свирѣпстволала междоусобная война; вліятельные вожди обѣихъ партій пали въ битвахъ или подъ ударами убійцъ. Но когда молодой король *Генрихъ наваррскій* и принцъ *Конде* стали во главѣ своихъ единовѣрцевъ — эти послѣдніе снова ободрились.

Генрихъ, съ юныхъ лѣтъ былъ воспитанъ въ реформатскомъ исповѣданіи; образованіемъ его занималась сама мать, женщина превосходная. Онъ былъ живаго и пылкаго нрава: ловокъ и привычливъ ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ; въ сердцѣ своемъ онъ всегда носилъ страхъ къ Богу и любовь къ человѣчеству. „Лучше умереть со славою, чѣмъ одержать неправильную побѣду; хотя государи и управляютъ, съ великою властью, народами и странами, однако же, Богъ имѣетъ верховную власть и надъ всѣми ими,“—таковы были изреченія, удержанныя имъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, въ своей памяти.

2.

Убѣдившись, что силой ничего не сдѣлаешь съ Гугенотами, Катерина Медичи рѣшилась употребить хитрость. Чтобы предупредить намѣреніе Генриха наваррскаго—вступить въ брачный союзъ, противный ея выгодамъ, она предложила ему руку своей дочери, Маргариты Валуа. Притворное расположеніе Катерины казалось столь искреннимъ, что даже проницательная Іоанна, мать Генриха, повѣрила ей и отправилась въ Парижъ, куда приглашали ее съ необыкновенной любезностью. Но во время же приготовленій къ свадьбѣ, Іоанна внезапно умерла, полагаютъ,

отъ напитанныхъ ядомъ перчатокъ; въ искусствѣ отравленія Катерина Медичи была весьма опытна.

Адмиралъ Колиньи; приглашеный ко двору, тоже былъ обвороженъ разными ласками и обѣщаніями, и не замѣтилъ сѣтей, въ которыя его опутали. Наемный убійца слѣдилъ за адмираломъ изъ дома, мимо котораго, ежедневно, проходилъ онъ, возвращаясь изъ Лувра (королевскаго дворца). Разъ, онъ вѣрно направилъ ударъ: пуля пронизала правую руку старика и оторвала ему указательный палецъ. Испуганный, но не потерявшійся, Колиньи оглянулся и указалъ сопровождавшимъ его на опущенную гардину, изъ-за которой послѣдовалъ выстрѣлъ. Но убійца былъ остороженъ: онъ заранѣе заперъ дверь дома и, такимъ образомъ, имѣлъ время скрыться чрезъ потаенную дверь.

Случай этотъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Принцъ Конде и Генрихъ наваррскій, встревоженные, поспѣшили къ королю. Король клялся, что онъ пораженъ происшествіемъ больше даже, чѣмъ они. Онъ клялся въ томъ же и адмиралу Колиньи, котораго тотчасъ посѣтилъ. Колиньи снова поддался обману и не слушалъ предостереженій друзей, совѣтовавшихъ ему бѣжать изъ Парижа. Королева-мать тѣмъ болѣе спѣшила теперь исполнить свой давно-задуманный планъ. Такъ какъ адмиралъ самъ просилъ дать ему тѣлохранителей,—то и приказала она гвардейскому полку занять квартиры вокругъ дома Колиньи. Приказано было тоже сосѣдственнымъ католикамъ принять къ себѣ въ дома Гугенотовъ.

На совѣтѣ королевы съ приближенными всѣ приговорили въ одну ночь избить вождей протестантской партіи, а съ ними вмѣстѣ, сколь возможно болѣе простыхъ Гугенотовъ. Король пришелъ-было въ ужасъ, но его умѣли уговорить. На маршала *Таванна* было возложено порученіе извѣстить обо всемъ горожанъ католиковъ и молодаго герцога *Гиза* да позаботиться объ умерщвленіи Колиньи. Герцогъ хотѣлъ-было внести въ списокъ жертвъ имена короля наваррскаго и принца Конде, но все-таки побоялись пролить королевскую кровь.

Таваннъ созвалъ представителей буржуазіи и приказалъ, отъ имени короля, собраться ихъ дружинамъ въ полночь, передъ ратушей. Когда объявили имъ о цѣли этого распоряженія,—страшно перепуганные, они сначала отговаривалась, что сдѣлать это не дозволяетъ имъ совѣсть; но Таваннъ такъ прикрикнулъ на нихъ, такъ пригрозилъ, что, изъ стра-

ха, они обѣщали даже больше, чѣмъ отъ нихъ требовали. Кромѣ того, было наказано имъ, въ 9 часовъ вечера, по данному луврскимъ колоколомъ знаку, разставить по всѣмъ окнамъ факелы, размѣстить стражу на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ, протянуть черезъ улицы цѣпи. Для отличія отъ реформатовъ, католики, должны были имѣть на рукахъ бѣлые платки и бѣлые кресты на шляпахъ.

3.

Приготовленія къ ужасному нападенію врасплохъ было сдѣлано съ такой тайной, что реформаты ничего не знали о немъ. Одинъ изъ вождей Гугенотовъ, Ла-Рошфуко, былъ въ этотъ вечеръ у короля, который любилъ его, какъ веселаго собесѣдника. Король, очень желалъ спасти его, а все не рѣшился предупредить объ опасности: онъ только сталъ было удерживать его у себя; но Ла-Рошфуко отговаривался важными дѣлами и не хотѣлъ остаться—и король предоставилъ его судьбѣ.

Какъ скоро смерклось,—Карлъ IX, съ замираніемъ сердца, дожидался назначеннаго часа. Мать, не оставлявшая его ни на минуту, ободряла его рѣчами своими. Однако, стоило большаго труда исторгнуть у него приказаніе звонить въ колоколъ Лувра. Съ волненіемъ преступника, вышелъ онъ изъ своего кабинета въ переднюю Лувра и, трепеща, сталъ глядѣть въ окно. Съ нимъ были мать его и братъ, Генрихъ д'Анжу. Говорятъ, всѣ они, въ страхѣ, хотѣли-было воротить безбожное приказаніе, но уже было поздно. Рѣзня началась. Молодой герцогъ Гизъ и графъ д'Ангулемъ, съ 300 панцырниковъ, окружили домъ адмирала, приказали, отъ имени короля, отпереть ворота и послали наверхъ нѣсколькихъ отчаянныхъ злодѣевъ. Съ криками: „Убійство и смерть!“, бросились они вверхъ по лѣстницѣ и, съ обнаженными шпагами, ворвались въ спальню больнаго Колиньи. Услыхавъ шумъ, Колиньи всталъ; онъ стоялъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, когда убійцы вломились къ нему. Одинъ изъ нихъ, лотарингецъ Бёмъ, громко спросилъ его: „Ты ли Колиньи?“—„Да, я Колиньи,“ спокойно отвѣчалъ онъ: „молодой человѣкъ, имѣй уваженіе къ моимъ сѣдинамъ“ Но Бёмъ поразилъ адмирала шпагою, вытащилъ его, еще дышащаго, вонъ изъ спальни, и до тѣхъ поръ рубилъ несчастному лицо, шею и грудь, пока не изчезъ въ немъ и малѣйшій признакъ жиз-

ни. Тогда Бёмъ закричалъ изъ окна: „Кончено!“ Но Гизъ, стоя внизу, отвѣчалъ ему: „Графъ д'Ангулемъ не хочетъ вѣрить, пока не увидитъ тѣло Колиньи у ногъ своихъ!“ И убійцы выбросили изъ окна тѣло адмирала. Ангулемъ, отеръ кровь съ лица Колиньи и, увѣрившись, что это, точно, онъ, ударилъ его ногою.

Страшные крики, поднявшіеся тотчасъ послѣ колокольнаго звона, разбудили реформатовъ. Полусонные, едва одѣтые, бросались они къ окнамъ и къ дверямъ. Тѣ, которые поспѣшили къ жилищу Колиньи, были заколоны панцырниками Гизовъ, солдатами королевской гвардіи. Подоспѣли, съ бѣлыми платками на рукахъ, патрули горожанъ: они нападали на бѣгущихъ, врывались въ дома, рубили всѣхъ, попадавшихся подъ руку. Хозяева закалывали своихъ жильцовъ, слуги—господъ своихъ, реформатовъ. Межъ тѣмъ, какъ одни изъ жителей Парижа, пылая мщеніемъ, рыскали по улицамъ, или же со стонами, гибли отъ ударовъ убійцъ, другіе—прятались въ потаенныя комнаты, на чердаки, въ погреба и, едва смѣя дышать, оставались тамъ, до тѣхъ поръ, пока необходимость или любопытство не вызывали ихъ наружу, гдѣ и умерщвляли ихъ наравнѣ съ другими. Карлъ, столь нерѣшительный передъ началомъ рѣзни, во время ея, пришелъ какъ бы въ бѣшенство. Онъ самъ нѣсколько разъ кричалъ въ окно: „tue! tue!“ (бей! бей) и даже стрѣлялъ изъ ружья по Гугенотамъ, пытавшимся переправиться черезъ рѣку. Гизъ громко кричалъ, по всѣмъ улицамъ, что на то воля короля,—чтобы избить порожденіе эхиднино. Таваннъ, которому кровожадность его придала остроумія, поминутно восклицалъ: „Пускайте кровь! Пускайте кровь! Доктора говорятъ, что кровопусканіе также полезно въ августѣ, какъ и въ маѣ!“ Все это такъ подстрекало гражданъ-католиковъ, что они совершили чудеса безчеловѣчія. Золотыхъ дѣлъ мастеръ, Крюсе похвалялся, что онъ одинъ, собственноручно, истребилъ до 400 еретиковъ. Много тутъ дѣйствовали алчность и мщеніе: такъ должники умерщвляли своихъ кредиторовъ, уже не разбирая были ли они католики или протестанты. Точно также погибъ тогда извѣстный философъ Петръ Рамусъ за нападки свои на Аристотеля: его умертвили профессоры, приверженцы Аристотеля.

Заря занялась надъ этими ужасами и освѣтила слѣды страшной бойни. Улицы и дома были залиты кровью; вездѣ валялись обезображенные

трупы и люди при послѣднемъ издыханіи. Большую часть изъ послѣднихъ стащили желѣзными крючьями въ Сену; убитыхъ было до 3,000.

То была та самая, достопамятная, *Варѳоломеевская Ночь*, съ 23 на 24 августа 1572 года, которую, въ злую шутку, за то, что она послѣдовала вскорѣ за бракомъ Генриха наваррскаго, назвали ***парижскою кровавою свадьбой.***

Филиппъ II, король испанскій, возликовалъ и, на радостяхъ, задавалъ пиры за пирами; папа Григорій XIII, торжественно отслужилъ благодарственную обѣдню, приказалъ палить изъ пушекъ, устроить иллюминацію и, въ память „парижской кровавой свадьбы", велѣлъ выбить особую монету. Только Англичане да Германцы живо выразили справедливое негодованіе на это кровавое дѣло. „Еслибъ было угодно Богу," писалъ благородный императоръ Максимиліанъ II, „чтобы зять мой попросилъ у меня совѣта, то конечно, какъ любящій отецъ, я посовѣтовалъ бы ему не дѣлать ничего подобнаго."

4.

Столичныя сцены повторились и въ провинціяхъ: въ Ліонѣ погибло 1300 человѣкъ, а въ цѣлой Франціи—около 30000. Генрихъ и Конде были призваны къ королю и онъ крикнулъ на нихъ: „Обѣдня, смерть или бастилія!" Генрихъ спасся только тѣмъ, что пошелъ къ обѣднѣ и, для виду, принялъ католическую вѣру. Вскорѣ, затѣмъ, Карлъ IX скончался, терзаемый угрызеніями совѣсти, и отъ страшной болѣзни, какъ говорятъ, отъ кроваваго пота. Ему наслѣдовалъ Генрихъ III, въ промежутокъ этого времени, бывшій, только четыре мѣсяца, королемъ польскимъ. Легкомысленный, гнусный сластолюбецъ, онъ окружалъ себя самыми развратными людьми, которыхъ называлъ *миньонами* (mignons—любимчики) и, по цѣлымъ днямъ, забавлялся съ собаками и попугаями.

Межъ тѣмъ какъ Генрихъ III убивалъ легкомысленно время, герцогъ *Генрихъ Гизъ* учредилъ *Священную Лигу*, союзъ фанатическихъ католиковъ; поставившихъ себѣ цѣлью — истребить всѣхъ Гугенотовъ и возвести на престолъ Франціи лотарингскій домъ Гизовъ. Для цѣли этой, Генрихъ Гизъ вступилъ въ союзъ съ испанскимъ королемъ *Филиппомъ II*, лишилъ королеву-мать ея вліянія на правленіе, даже на-

чалъ возмущать Парижанъ противъ короля. Генрихъ III тоже старался возбудить ихъ противъ Гиза и, наконецъ, приказалъ умертвить его. Тогда произошло всеобщее возстаніе католиковъ и Генрихъ III принужденъ былъ прибѣгнуть за помощью къ королю наваррскому, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, взять столицу. Но вскорѣ онъ былъ умерщвленъ въ замкѣ Сен'-Клу доминиканскимъ монахомъ, и *Генрихъ IV*, *король Наварры*, *первый изъ Бурбоновъ*, *вступилъ на французскій престолъ*.

Генриху IV приходилось завоевывать себѣ престолъ, ибо вся Лига, подъ предводительствомъ герцога *Майенна*, брата умерщвленнаго Генриха Гиза, стояла враждебно противъ него. Майеннъ былъ умный и храбрый, но преданный роскоши человѣкъ. Папа справедливо замѣтилъ: „Беарнецъ одолѣетъ: едва ли онъ употребляетъ на сонъ столько часовъ, сколько Майеннъ—на ѣду.“ И точно, Генрихъ былъ весьма дѣятеленъ; онъ вставалъ въ 4 часа утра, во все самъ вникалъ, рѣшалъ дѣла быстро и вѣрно,—въ битвѣ же сами враги сравнивали его съ орломъ. Сошедшись на равнинѣ *Иври* съ войскомъ Майенна, рано поутру, выстроивъ свои полки, онъ сталъ на колѣна и молилъ Бога даровать ему смерть вмѣсто побѣды, если Богъ видитъ; что онъ будетъ дурнымъ государемъ. Всѣ солдаты плакали и восклицали: „Да здравствуетъ король Генрихъ IV!“ Нѣсколько разъ проѣхалъ онъ по рядамъ и обратился къ солдатамъ съ съ превосходною рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: „Еслибы пришлось вамъ лишиться знаменъ,—взгляните на мой бѣлый плюмажъ; вы всегда найдете его на пути къ чести и побѣдѣ!“ Онъ одержалъ славную побѣду, 14 марта 1590 г., славную еще болѣе по той умѣренности, какую оказалъ онъ при этомъ. Солдатамъ, преслѣдовавшимъ бѣгущихъ, онъ кричалъ: „Щадите Французовъ, бейте только иностранцевъ!“ Поэтому, почти всѣ Испанцы остались на мѣстѣ сраженія. Искренней привѣтливостью онъ привязялъ къ себѣ плѣнныхъ; Майенну же предложилъ миръ. Но Парижъ заперъ передъ нимъ ворота. Онъ могъ бы голодомъ принудить городъ къ сдачѣ, но, надѣясь побѣдить его великодушіемъ, смотрѣлъ онъ сквозь пальцы на то, какъ его полководцы и солдаты подвозили жизненные припасы Парижанамъ, за которые, конечно, получали большую плату. Наконецъ, онъ снялъ осаду, потому что не хотѣлъ начинать приступа. Онъ видѣлъ все яснѣй и яснѣе, что не можетъ по желанію своему пріобрѣсть любовь подданныхъ и даро-

вать миръ государству: внявъ просьбамъ, не только католиковъ, но и многихъ реформатовъ, онъ рѣшился, въ 1593 году, принять католическую вѣру и тогда впустили его въ Парижъ. Ему попались въ руки многіе изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ его, но онъ всѣхъ простилъ великодушно. „Я хочу все забыть!“ говорилъ онъ. „Побѣда дарована мнѣ Богомъ; Онъ прощаетъ насъ даже и тогда, когда мы не заслуживаемъ прощенія,—какъ же мнѣ не простить своихъ подданныхъ?“

У одного изъ храбрѣйшихъ его генераловъ, надѣлавшаго много долговъ, заимодавцы, при въѣздѣ его въ Парижъ, отняли серебряную посуду. Генералъ пожаловался королю и просилъ его приказать—возвратить вещи. „Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—долги надо платить, я плачу же свои.—Онъ отвелъ въ сторону и отдалъ ему нѣсколько драгоцѣнныхъ камней своихъ, для помѣщенія ихъ подъ закладъ, до тѣхъ поръ пока можно будетъ ихъ выкупить; у самаго короля не было денегъ.—Когда испанскій гарнизонъ, особенно сильно защищавшій Парижъ противъ Генриха, выступалъ восвояси, король сказалъ имъ: Господа! поклонитесь вашему королю; желаю вамъ счастливаго пути и прошу васъ никогда не возвращаться ко мнѣ.

5.

Удалось наконецъ Генриху успокоить католическую Францію; но онъ не забылъ и своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, которые, съ переходомъ его въ католическую вѣру, пришли-было въ немалое затрудненіе. Въ 1598 году, Генрихъ издалъ въ *Нантѣ, эдиктъ*, по которому реформаты во Франціи пріобрѣли право свободно отправлять богослуженіе, могли заводить школы, занимать государственныя должности, а для большаго обезпеченія своей безопасности, получили нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ. Совѣтники, католики, долго противились изданію этого эдикта; но добродушіе Генриха заставило ихъ согласиться.

Генрихъ всячески старался разлить благосостояніе въ своемъ государствѣ. Онъ распустилъ лишнихъ солдатъ и понуждалъ отставныхъ обработывать невоздѣланныя поля; очистилъ большія дороги отъ разбойниковъ, которые, во время междоусобій, чрезвычайно размножились; простилъ большія недоимки земледѣльцамъ, обѣднѣвшимъ во время вой-

ны. До сихъ поръ еще французскіе крестьяне любятъ вспоминать слова Генриха IV: „Я желалъ бы, чтобы каждый изъ моихъ крестьянъ, по воскресеньямъ, могъ сварить себѣ курицу.“

Генрихъ одѣвался просто; онъ, обыкновенно, носилъ сѣрый сюртукъ, безъ всякихъ знаковъ отличій, и насмѣхался надъ людьми, носившими на плечахъ своихъ мельницы и поля. Онъ даже запретилъ украшать одежду серебромъ и золотомъ и, чтобы удержать въ государствѣ деньги, уходившія въ чужіе края на покупку шелковыхъ матерій, приказалъ разводить шелковичныя деревья, выкармливать шелковичныхъ червей и самъ пустилъ въ ходъ нѣсколько шелковыхъ фабрикъ. Всячески старался онъ оживить торговлю: сдѣлалъ судоходными рѣки, выравнилъ дороги, понизилъ пошлины. Въ вѣрномъ товарищѣ своемъ по оружію, Максимиліанѣ Бетюжѣ, (въ послѣдствіи Генрихъ наименовалъ его герцогомъ *Сюлли*), онъ нашелъ для себя и превосходнаго министра и неизмѣннаго друга. Генрихъ былъ достоенъ имѣть такого друга. Каждымъ словомъ и взглядомъ Сюлли доказывалъ королю, что преданъ ему всей душою, но никогда не унижалъ онъ себя до ласкательствъ, — напротивъ, говорилъ и дѣйствовалъ съ откровенностью благороднаго человѣка. Иногда Генрихъ обижался, даже сердился, когда Сюлли не одобрялъ его поступковъ: но гнѣвъ этотъ постоянно кончался тѣмъ, что довѣріе и дружба короля возрастали къ нему. Когда король, исполняя желаніе прекрасной, но властолюбивой Генріетты д'Антрагъ, хотѣлъ дать ей письменное обѣщаніе жениться и показалъ это обѣщаніе Сюлли, — послѣдній разорвалъ его. „Съ ума, чтоли, ты сошелъ?“ крикнулъ на него король. „Дай Богъ, чтобы я одинъ былъ съумасшедшимъ во Франціи!“ отвѣчалъ Сюлли. Однажды, Сюлли съ такой настойчивостью представлялъ ему о несправедливости какого то его поступка, что разсерженный Генрихъ всталъ и сказалъ, уходя: „Какой несносный человѣкъ! для него нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ противорѣчить мнѣ и возставать противъ всѣхъ моихъ желаній. Клянусь, я заставлю его слушаться меня и двѣ недѣли не буду съ нимъ видѣться!“ На другой день, въ 7 часовъ утра, Сюлли, уже работавшій съ 3 часовъ для короля, услышалъ стукъ у своей двери. „Кто тамъ?“ спросилъ онъ. — Король!“ и Генрихъ вошелъ къ нему, обнялъ его и молвилъ: „Если вы не станете болѣе противорѣчить мнѣ, — я подумаю, что вы уже разлюбили меня.“

Разъ, Генрихъ пригласилъ къ себѣ испанскаго посла. Въ то время, какъ вошелъ онъ къ нему, король былъ очень занятъ: посадивъ на себя верхомъ маленькаго сына, онъ бѣгалъ съ нимъ, на четверенькахъ, по комнатѣ. Увидавъ посла, король остановился на минуту и спросилъ его „Есть ли у васъ дѣти? „Есть, ваше величество!"—отвѣчалъ испанецъ. „Итакъ, позвольте мнѣ окончить мой галопъ!"—Такъ сохранялъ въ себѣ король Генрихъ чисто-человѣческое свойство не забывая, притомъ, царственныхъ своихъ обязанностей.

6.

Многіе изъ подданныхъ не отвѣчали на любовь къ нимъ короля; они не переставали подозрѣвать, что онъ—не истинный католикъ: покровительство, дарованное еретикамъ нантскимъ эдиктомъ, сильно смущало ихъ. Духовенство, особенно Іезуиты, разжигали злобу противъ добраго короля. Въ 1594 г., одинъ соблазненный католикъ покушался убить короля, въ его дворцѣ, но ударъ проскользнулъ мимо, поранивъ только губу. Было открыто еще нѣсколько заговоровъ на его жизнь. Прежде веселый король сдѣлался, оттого, печаленъ и часто тревожили его мрачныя предчувствія. Королева, *Марія Медичи*, сестра великаго герцога тосканскаго принадлежавшая къ испанской партіи, ненавидѣла своего мужа. Во время приготовленій Генриха къ войнѣ съ австрійско-испанскимъ домомъ, королева упросила его торжественно короновать ее, для того, чтобы, въ его отсутствіе, могла она, съ бо̀льшей силою, править государствомъ.—„Какъ не нравится мнѣ это коронованіе, говорилъ, разъ Генрихъ вѣрному Сюлли,—сердце предвѣщаетъ мнѣ несчастіе; я умру въ Парижѣ."

13 мая произошла коронація, въ Сен-Дени; 14-го мая, послѣ обѣда, Генрихъ, съ семью придворными, отправился въ арсеналъ навѣстить больнаго Сюлли. Карета, открытая съ обѣихъ сторонъ, въѣхала въ одну изъ узкихъ улицъ, гдѣ встрѣтилось ей нѣсколько возовъ, — проѣхать нельзя было, пришлось остановиться. Слуги сошли съ запятокъ, чтобы очистить улицу или найдти другую дорогу, поближе. Придворные, сидѣвшіе на переднемъ мѣстѣ въ каретѣ, обернулись и глядѣли на лошадей; между тѣмъ, король разговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ и что-то ему

сказалъ на ухо. Этой минутой воспользовался нѣкто *Равальякъ*, уже давно слѣдившій за королевской каретой; онъ всталъ на заднее колесо, нагнулся внутрь кареты и нанесъ королю два удара кинжаломъ, одинъ за другимъ, съ такой быстротою, что ни одинъ изъ сидѣвшихъ въ каретѣ придворныхъ и не замѣтилъ, что преступленіе уже совершено. На крикъ короля: „Боже мой! я раненъ!" всѣ оглянулись, но король былъ уже мертвъ: кинжалъ угодилъ ему въ самое сердце. (1610, 14 мая).

Убійца спокойно стоялъ возлѣ кареты. Показались нѣсколько вооруженныхъ людей, которые кричали, чтобы умертвили убійцу, но они тотчасъ же изчезли, какъ скоро схватили его. Города и селенія, вся Франція, были глубоко опечалены смертію Генриха,—къ немалому удивленію Равальяка, воображавшаго, что онъ убилъ тиранна, лицемѣра и врага папы. Сообщниковъ, Равальякъ не выдалъ, но сказалъ, что всѣ были бы поражены какъ громомъ, если бы онъ назвалъ ихъ. Іезуитъ-Коттэнъ, духовникъ Генриха, навѣщалъ Равальяка въ тюрьмѣ и убѣждалъ его не выдавать честныхъ людей. Казнь Равальяку была ужасна: его рвали раскаленными щипцами, а въ раны вливали кипящее масло; четыре малосильныхъ лошади, цѣлый часъ, не могли растащить его на части. Королева не очень была поражена смертію мужа,—она заботилась только объ упроченіи за собою регентства. При дворѣ такъ скоро забыли Генриха, какъ бы никогда и не существовало его; но въ милліонахъ подданныхъ сохранилась теплая память о добромъ королѣ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. Начало войны.

Не смотря на сожженіе Гуса, въ Богеміи осталось много приверженцевъ его ученія; у этихъ-то послѣдователей Гуса церковное исправленіе, предпринятое Лютеромъ и Цвингли, нашло скорый доступъ,—они хоть и не называли себя ни лютеранами, ни реформатами, но въ сущности все-таки были протестанты. Обыкновенно называли ихъ *Богемскими Братьями*. Нѣкоторые изъ герцоговъ австрійскихъ, бывшіе и

королями богемскими, терпѣли ихъ; но Рудольфъ II (съ 1576—1612 г.), государь, которымъ вполнѣ управляли Іезуиты; запретилъ Богемскимъ Братьямъ свободное отправленіе ихъ религіозныхъ обрядовъ. Они воспротивились-было; но напрасно. И не смотря на помощь, поданную ими Рудольфу противъ брата его Маттіаса, хотѣвшаго свергнуть его съ престола, онъ не внялъ справедливымъ ихъ требованіямъ. Тогда Богемскіе Братья распорядились самовластно: они повсемѣстно установили по-своему богослуженіе, и на защиту, въ случаѣ нужды, правъ своихъ, собрали военную силу, подъ предводительствомъ графа фонъ-Турна; императоръ, тѣснимый братомъ Маттіасомъ, принужденъ былъ уступить, и въ 1608 г. издалъ такъ-называемый *высочайшій указъ* (Majestätsbrief), нарушеніе котораго, нѣсколько лѣтъ спустя, послужило поводомъ къ губительной войнѣ. По указу этому, богемскіе протестанты получали равныя права съ католиками; духовенство ихъ сдѣлалось независимымъ отъ епископовъ; протестантскія церкви въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, должны были оставаться неприкосновенными; но строить новыя церкви, дозволялось исключительно городамъ и рыцарскому сословію. Это дозволеніе не распространялось, однако, на подданныхъ частныхъ владѣльцевъ или на магистраты; по крайней мѣрѣ, такъ понимали этотъ указъ императорскіе совѣтники.

И случилось, что протестантскіе подданные архіепископа пражскаго и аббата браунаусскаго, построили себѣ церкви, противъ воли своихъ землевладѣльцевъ, между тѣмъ, какъ тѣ основывали право свое на изданномъ высочайшемъ указѣ. По повелѣнію императора Маттіаса, срыта была церковь въ Клостерграбѣ, а другую церковь въ Браунау насильственно закрыли, причемъ самые безпокойные изъ гражданъ были брошены въ тюрьму. Вслѣдствіе этого насилія, началось всеобщее движеніе между протестантами; стали кричать о нарушеніи высочайшаго указа, обратились съ прошеніемъ къ императору. Тѣхъ, кто подавалъ это прошеніе, прогнали съ суровыми угрозами; но прошла молва, что такой отвѣтъ данъ не самимъ императоромъ, а составленъ въ Прагѣ. Молвѣ этой легко вѣрили, ибо между императорскими совѣтниками въ Прагѣ, находились двое, Мартиницъ и Славата, навлекшіе на себя общую ненависть; ихъ обвиняли въ томъ, что они подгоняютъ протестантовъ, на миссу собаками, отказываютъ протестантамъ въ крещеніи, въ совершеніи бра-

ковъ и въ христіанскомъ погребеніи, лишь бы принудить ихъ къ тому, чтобы они возвратились къ прежнему исповѣданію.

23 мая 1618 г., толпа вооруженныхъ протестантовъ, съ криками и ругательствами, ворвалась въ пражскій замокъ и втѣснилась въ залу, гдѣ на ту пору засѣдали императорскіе намѣстники: Адамъ фонъ Штернбергъ, Дипольдъ фонъ-Лобковичъ, Мартиницъ и Славата. Протестанты съ угрозами стали кричать на нихъ, и каждаго отдѣльно спрашивали: не участвовалъ ли онъ въ указѣ императора. Мартиницъ и Славата отвѣтили дерзко. Тогда Богемцы притащили ихъ къ окну и выбросили въ ровъ замка, имѣвшій 18 футовъ глубины; въ слѣдъ за ними бросили туда же секретаря. Такъ поступить—значило чисто по богемски; одному только дивились, что сброшенные въ ровъ, при паденіи, не сломали себѣ шеи.

Мятежники овладѣли замкомъ, избрали новыхъ начальниковъ, изгнали изъ своей страны Іезуитовъ и сдѣлали воззваніе ко всѣмъ Богемцамъ о защитѣ правъ своихъ. Между тѣмъ писали они и императору, что остаются вѣрными его подданными, и желаютъ единственно поддержанія силы законовъ и собственнаго своего неотъемлемаго права. Въ сущности, немногіе города въ Богеміи остались вѣрными императору; почти все населеніе взялось за оружіе. Вскорѣ протестанты въ Лузаціи, Силезіи, Моравіи, Австріи и Венгріи стали за одно съ Богемцами. Въ Германіи же, подъ именемъ „уніи“, образовался союзъ протестантскихъ князей и городовъ для поддержанія протестантскаго исповѣданія; они выслали Богемцамъ вспомогательное войско въ 4,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ графа *Эрнеста фонъ-Мансфельда*. Приготовившись такимъ образомъ, Богемцы спокойно стали ожидать, какія мѣры приметъ въ отношеніи къ нимъ императоръ.

Возстаніе это поставило въ немалое затрудненіе Маттіаса. Онъ былъ уже старъ, болѣзненъ и желалъ покоя; поэтому хотѣлось ему уладить дѣло мирными переговорами. Но двоюродный братъ его и наслѣдникъ престола, *Фердинандъ* эрцгерцогъ Штирійскій, не хотѣлъ и слышать о переговорахъ. Правда, въ прежнее время онъ торжественно обѣщалъ Богемцамъ подтвердить имъ всѣ ихъ вольности, когда будетъ королемъ; но онъ весь отдался Іезуитамъ, а Іезуиты не только внушили ему слѣпую приверженность къ католической церкви, но и убѣжденіе, что одни только католики—христіане, что одни католики могутъ достигнуть вѣчнаго

блаженства. Изъ превратно-понимаемой любви къ подданнымъ, Фердинандъ не хотѣлъ вовсе терпѣть новаго ученія въ своихъ владѣніяхъ, приказалъ воздвигнуть висѣлицы и колеса, угрожалъ смертной казнію всѣмъ тѣмъ, кто не захочетъ возсоединиться съ католической церковью. „Лучше пустыня, чѣмъ страна полная еретиковъ,“ было любимымъ его изреченіемъ. Такимъ образомъ, многіе вѣрные и трудолюбивые подданные его выселились изъ государства, они желали лучше жить въ бѣдности и въ горѣ на чужбинѣ, чѣмъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Богемцы со страхомъ предвидѣли то время, когда король Фердинандъ сдѣлается ихъ государемъ. И наступило это время: императоръ Маттіасъ умеръ 20 марта 1619 г.,—вскорѣ послѣ того какъ послалъ онъ нѣсколько отрядовъ войска въ Богемію, ибо протестанты не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры.

2. Фердинандъ II и Фридрихъ V Пфальцскій.

Сначала счастье благопріятствовало Богемцамъ. Графъ Тунъ отбилъ два императорскихъ войска, шедшія въ Богемію, и вторгся въ Моравію и въ Австрію. Народъ повсюду принималъ его съ радостію, и возставалъ противъ императора. Въ началѣ іюня 1619 г., Тунъ подступилъ уже къ стѣнамъ Вѣны. Столица казалась уже потерянной; она же ожидала врага и не была готова къ осадѣ. Правда, заперли городскія ворота, но многочисленные протестанты, жившіе въ Вѣнѣ, рѣшились отворить ихъ своимъ единовѣрцамъ. Въ такой крайней опасности, одинъ только король остался непоколебимымъ.

5 іюня 1619 г., шестнадцать протестантскихъ дружинъ ворвались, въ опустѣвшій и насквозь пронизанный ядрами замокъ, съ намѣреніемъ вынудить у короля согласіе на союзъ съ Богемцами. Одинъ изъ нихъ—Андрей Танрадель такъ забылся, что схватилъ короля за пуговицу его фуфайки и иронически закричалъ ему: „Ну скоро ли подпишешь, Фердинандушко?“ Но внезапно загремѣли трубы на дворѣ замка—явилось 500 кирасировъ: они были посланы въ Вѣну, наскоро изъ-за Дуная, императорскимъ полководцемъ Бюкуа. Богемцы бросились въ разсыпную; многіе изъ нихъ попрятались въ погребахъ или бѣжали въ лагерь графа Турна.

Но и самъ Турнъ, угрожаемый графомъ Бюкуа, долженъ былъ поспѣшно возвратиться въ Богемію.

Король Фердинандъ отправился во Франкфуртъ и короновался императоромъ. Но Богемцы не захотѣли признавать его своимъ королемъ и торжественно лишили престола; къ нимъ присоединились народы Силезіи, Моравіи и Лузаціи, а также жители самой Австріи реформатскаго исповѣданія. Они избрали себѣ королемъ вождя союза, молодаго *курфирста пфальцскаго Фридриха V*. Дядей его былъ знаменитый герой *Морицъ Оранскій*, а тестемъ—*король англійскій Іаковъ I*. Въ прежнее время Фридриху V сильно желалось надѣть на свою голову королевскую корону, но теперь онъ поприздумался было принимать ли ее или нѣтъ. Предстоящая опасность носилась передъ глазами курфирста и многіе друзья предостерегали его. Но гордая, тщеславная жена Фридриха, Елисавета, всячески подстрекала его. „Дерзнулъ же ты говорила она просить руки королевской дочери, а теперь боишься принять вѣнецъ, который добровольно тебѣ предлагаютъ? Мнѣ пріятнѣе будетъ питаться хлѣбомъ за столомъ короля, чѣмъ роскошничать за столомъ курфирста.“ И Фридрихъ принялъ даръ; онъ отправился въ Прагу и короновался тамъ съ безпримѣрной пышностію.

Но собиралась гроза надъ новымъ королемъ и надъ его Богемцами. Фердинандъ склонилъ на свою сторону друга своей юности, могущественнаго герцога Максимиліана Баварскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лига, католическій союзъ, образовавшійся для противодѣйствія протестантской уніи, обѣщала помочь ему. Король испанскій Филиппъ III, не смотря на то, что самъ нуждался въ деньгахъ, выслалъ Фердинанду значительную сумму; курфирстъ Іоаннъ Георгъ I, Саксонскій, разобиженный тѣмъ, что Богемцы избрали королемъ не протестанта, а реформатора, присталъ тоже къ императору. И вотъ двинулось императорское войско; сначала подавило оно возстаніе въ Австрія, а потомъ, подъ предводительствомъ Максимиліана, вступило въ Богемію. Протестантскія войска отступили къ Прагѣ. Будь Фридрихъ предпріимчивѣе, имѣй болѣе характера; навѣрно устоялъ бы, потому что народъ готовъ былъ возстать цѣлою массою. Но курфирстъ былъ столь же лѣнивъ и слабъ, сколько легкомысленъ; вмѣсто того, чтобы заботиться о снаряженіи войска, онъ задавалъ блестящіе пиры, тратилъ время и доходы своихъ владѣній на пустыя заба-

вы, не думалъ объ опасности, которая готова была его постигнуть. Императорское войско стояло уже на *Бѣлой горѣ*, близъ самой Праги, а Фридрихъ и не думалъ еще объ оборонѣ, притомъ Богемцы не имѣли надежныхъ полководцевъ. Герцогъ Максимиліанъ сдѣлалъ быстрое нападеніе. Дѣло рѣшилось скоро — битва продолжалась не болѣе часу. Около 5000 Богемцевъ, убитыхъ или раненыхъ легло на мѣстѣ, около 1000 утонуло въ Молдавѣ, остальные же, въ стремительномъ бѣгствѣ, бросились къ воротамъ Праги (3 ноября 1620 г.). Фридрихъ сидѣлъ за столомъ, когда началась пальба; выѣхавъ на валъ, онъ съ ужасомъ, увидалъ разстройство своихъ войскъ. Трусливый король тотчасъ приготовился бѣжать. Жители Праги умоляли его не оставлять ихъ; они представляли ему, что еще довольно солдатъ осталось для защиты города. Но слабый Фридрихъ не слушалъ ихъ. Словно оглушенный ударомъ, сѣлъ онъ, на слѣдующее утро въ карету съ женой и дѣтьми, взялъ съ собою графа Турна и отправился въ Бреславль. Садясь въ карету, онъ промолвилъ: „теперь знаю, кто я.“ — Одну только зиму продолжалось его правленіе, поэтому и прозвали его въ насмѣшку „зимнимъ королемъ.“

Пораженная ужасомъ Прага тотчасъ же отворила ворота побѣдителю. Вся Богемія покорилась императору и трепетно ожидала своей участи. Сначала казалось, что императоръ хочетъ великодушно забыть все прошлое; цѣлыхъ три мѣсяца онъ не предпринималъ ничего для наказанія мятежниковъ; но вскорѣ же разразился бурный гнѣвъ его. Разомъ взяты были подъ стражу 43 самыхъ знатнѣйшихъ вождя, и 27 изъ нихъ приговорены къ смерти. Передъ ратушей стараго города, воздвигли эшафотъ; нѣкоторые изъ осужденныхъ были обезглавлены, другіе четвертованы, многимъ передъ казнію вырвали языкъ, другимъ отсѣкли руки. Оставленные въ живыхъ, а равно и бѣжавшіе лишились имѣній. Болѣе 700 человѣкъ понесли потери въ имуществѣ, около 30,000 семействъ выселились изъ Богеміи,—глубокая рана, нанесенная тѣмъ промышленности этой страны, зажила едва черезъ нѣсколько столѣтій. Фердинандъ собственноручно изрѣзалъ *высочайшій указъ* и сжегъ печать. Онъ призвалъ снова Іезуитовъ, изгналъ всѣхъ протестантскихъ духовныхъ и ученыхъ; курфирста же пфальцскаго объявилъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ и лишеннымъ всѣхъ владѣній и даже курфиршескаго сана.

Казалось война окончена однимъ сраженіемъ на Бѣлой горѣ. Богемцы были покорены, обезоружены, и упали духомъ; унія расторглась; устрашенные жители Моравіи, Силезіи и Лузаціи тоже склонили голову передъ побѣдителемъ. Лига же, подъ предводительствомъ генерала Тилли, осталась подъ оружіемъ, для подавленія въ зародышѣ всякаго волненія умовъ. При такихъ обстоятельствахъ, кто могъ бы предвидѣть, что война продолжится еще 27 лѣтъ!

3. Эрнестъ фонъ Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейгскій.

Опальный курфирстъ, напрасно умолявшій тестя своего о помощи, нашелъ мужественнаго защитника въ храбромъ графѣ Мансфельдѣ, который, одинъ, къ стыду цѣлой уніи, не побоялся могущества императора. Молва о его храбрости собрала вокругъ него двадцати тысячное войско, съ которымъ онъ не давалъ ни на минуту покоя генералу Тилли. Дикія дружины Мансфельда вездѣ оставляли послѣ себя слѣды опустошенія,— онѣ жили исключительно грабежемъ. Ободренный примѣромъ смѣлаго искателя приключеній, вступился тоже за пфальцскій домъ маркграфъ Георгъ Фридрихъ баденскій, и соединилъ свои войска съ войсками Мансфельда. Но вскорѣ возникли несогласія между двумя вождями и они разстались. Это погубило ихъ. Тилли напалъ сначала на маркграфа и одержалъ надъ нимъ полную побѣду при Вимпфенѣ (1622 г.), а черезъ нѣсколько дней разбилъ при Гехстѣ и Мансфельда.

Ударъ этотъ лишилъ всякой бодрости маркграфа, и онъ удалился съ театра войны. Но Мансфельдъ не падалъ духомъ. Вскорѣ присоединился къ нему *Христіанъ Брауншвейгскій*, братъ владѣтельнаго герцога. Оба они, то здѣсь, то тамъ, съ отчаянной храбростію дѣлали смѣлые набѣги; даже Парижъ затрепеталъ передъ ними, когда они обѣщали помощь свою Гугенотамъ. Страшно свирѣпствовали хищныя ихъ дружины, особенно въ Вестфаліи, гдѣ онѣ грабили церкви, монастыри и злодѣйствовали надъ католическими священниками. Прибывъ въ Падерборнъ, Фридрихъ снялъ съ алтаря соборной церкви серебряныя статуи апостоловъ и молвилъ при этомъ: „Вамъ надо весь свѣтъ обходить и никакъ не годится праздно стоять на мѣстѣ.“ Серебряныя статуи послалъ онъ на монетный дворъ, а на вычеканныхъ изъ нихъ талерахъ было написа-

но: „поборникъ Бога и врагъ поповъ.“ Но Тилли настигъ его при Гехстѣ, въ то время, какъ онъ готовился переправиться черезъ Рейнъ, и разбилъ такъ, что Христіанъ едва могъ убраться съ половиной своего войска. Съ этой половиной бѣглецъ присоединился къ Мансфельду и оба они сдѣлали опустошительный набѣгъ на Эльзасъ.

Наконецъ, Фридрихъ созналъ, что нечего ему надѣяться на эту ватагу хищниковъ. Онъ обратился къ милосердію императора и объявилъ, что готовъ на колѣнахъ просить прощенія, лишь бы только оставилъ ему императоръ пфальцскія владѣнія и курфиршескій санъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣясь на примиреніе съ императоромъ, онъ публично отставилъ отъ службы Мансфельда и герцога Христіана, хищническіе набѣги которыхъ навлекли на нихъ всеобщую ненависть. Не сбылись надежды курфирста. Императоръ подарилъ пфальцскія курфиршескія владѣнія Максимиліану баварскому.

Отставные полководцы, Мансфельдъ и Брауншвейгъ, предложили услуги свои императору. Но императоръ съ справедливымъ негодованіемъ отказался отъ ихъ ландскнехтовъ. Мансфельдъ и Брауншвейгъ, съ хищной своей сволочью, перебрались черезъ Лотарингію въ Нидерланды, куда призывали ихъ для участвованія въ войнѣ противъ короля испанскаго. Но вскорѣ они сдѣлались въ тягость и Голландіи—и ихъ отпустили. Тогда они опять накинулись на Вестфалію и на Нижнюю Саксонію, и страшно тамъ свирѣпствовали. Наконецъ, Тилли настигъ и уничтожилъ бо̀льшую часть ихъ дружинъ въ битвѣ при Штадтлонѣ (6 августа 1623 г.). Оба вождя укрылись въ Голландіи.

Императоръ счастливо отдѣлался отъ враговъ, и нѣмецкіе князья ожидали, что онъ распуститъ войско. Но напротивъ того, вооруженія со стороны императора продолжались, и князья начали подозрѣвать, что главной цѣлью Фердинанда было искорененіе протестантизма. Князья стали опасаться, что ихъ принудятъ низойдти на степень простыхъ лэнныхъ владѣльцевъ, зависимыхъ отъ независимаго государя. Поэтому вооружились нижнесаксонскіе князья, и вождемъ союза избрали Христіерна III, короля датскаго, по голштинскимъ своимъ владѣніямъ принадлежавшаго къ числу германскихъ князей. Король англійскій, напрасно надѣявшійся на возстановленіе правъ своего зятя, тоже принялъ участіе въ войнѣ и помогалъ союзу. Тотчасъ прилетѣли изъ Голландіи два грозные

удальца, Мансфельдъ и Брауншвейгъ, и приняли начальство надъ отдѣльными отрядами нѣмецкаго войска. Такимъ образомъ, въ концѣ 1623 г., дѣла очутились въ томъ же положенiи, въ какомъ были и въ 1618 г.; только театромъ войны, не имѣвшей себѣ подобной въ лѣтописяхъ Европы, сдѣлалась уже Сѣверная Германiя.

Альбрехтъ фонъ-Валленштейнъ.

Счастье, повидимому, сдружилось съ престоломъ императора; при всякой новой опасности являлась и новая помощь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, одинъ изъ его офицеровъ сдѣлалъ изумительное для всѣхъ предложенiе—доставить императору, безъ всякихъ издержекъ съ его стороны, цѣлое войско. Офицеръ этотъ былъ *Альбрехтъ фонъ-Вальдштейнъ*, или какъ обыкновенно называли его,—*Валленштейнъ*. Онъ происходилъ изъ древняго знатнаго богемскаго рода, родители его жили въ Прагѣ и принадлежали протестанскому исповѣданiю; онъ самъ былъ воспитанъ въ лютеранской вѣрѣ. Сначала обучался онъ въ гольдбергской школѣ, въ Силезiи, потомъ сталъ посѣщать алтдорфскiй университетъ, близъ Нюренберга. Но избалованный, упрямый юноша не имѣлъ ни охоты, ни склонности къ наукамъ. Поэтому отецъ опредѣлилъ его пажомъ, въ Инспрукъ, къ маркграфу бургаускому. Разъ, въ замкѣ Амбрасъ (близъ Инспрука), случилось ему упасть невредимо черезъ перила друхъ-этажной аркады. Этотъ удивительный случай совершенно измѣнилъ настроенiе его духа. Онъ началъ почитать себя особенно-покровительствуемымъ судьбою, обреченнымъ на великiе подвиги. Присоединившись къ католической церкви, онъ сталъ образовывать свои природныя дарованiя. Въ 1606 году, предпринялъ онъ путешествiе по Германiи, Голландiи, Англiи, Францiи и Италiи. Всего болѣе понравилось ему пребыванiе въ Падуѣ; тамъ увлекло его преподаванiе астрологiи или звѣздочетства; въ то время господствовало еще суевѣрное понятiе, что, по теченiю звѣздъ, можно предугадывать будущую человѣческую судьбу. Астрологъ, по имени *Сени*, увѣрилъ смѣлаго, пылкаго молодаго человѣка, что прочелъ въ звѣздахъ предназначенiе его къ великимъ почестямъ. Съ той поры, Сени сдѣлался довѣреннымъ другомъ Валленштейна, а честолюбiе—самой сильной, почти единственной его страстью:

тайное предчувствіе Валленштейна, что онъ предназначенъ къ чему-то необычайному, нашло, — такъ вѣрилъ онъ, — полное подтвержденіе въ звѣздахъ.

Съ великими планами въ умѣ, воротился Валленштейнъ въ отечество и вступилъ въ службу при императорскомъ дворѣ. Онъ женился на богатой вдовѣ, ранняя смерть которой сдѣлала его наслѣдникомъ княжескаго имѣнія. Съ той поры, онъ сталъ жить пышно и блистательно, не по любви къ роскоши, но съ намѣреніемъ обратить на себя всеобщее вниманіе. Онъ часто приглашалъ офицеровъ къ своему столу, помогалъ имъ деньгами, щедро награждалъ солдатъ, находившихся у него подъ начальствомъ. Онъ выказалъ много ума, мужества и храбрости во всѣхъ сраженіяхъ и пріобрѣлъ расположеніе, какъ простыхъ солдатъ, такъ и офицеровъ. При дворѣ поминали о немъ тоже съ почетомъ. При воцареніи своемъ, Фердинандъ II далъ ему чинъ полковника. Въ этомъ чинѣ Валленштейнъ участвовалъ въ битвѣ на Бѣлой Горѣ, во главѣ полка, набраннаго на собственный его счетъ, и немало способствовалъ одержанію побѣды. Въ вознагражденіе за убытки, понесенные Валленштейномъ въ имѣніяхъ, которыя почти до-тла были раззорены при началѣ безпорядковъ въ Богеміи, императоръ подарилъ ему, въ Богеміи же, имѣніе *Фридландъ*, съ титуломъ графа; въ 1623 г., онъ былъ пожалованъ княземъ Фридланда, а черезъ нѣсколько лѣтъ—герцогомъ. Съ нетерпѣливымъ честолюбіемъ видѣлъ онъ жезлъ фельдмаршала въ рукахъ Тилли; поэтому онъ обрадовался чрезвычайно, когда безденежье императора дало ему случай принять на себя блистательную роль.

Онъ предложилъ безвозмездно набрать для императора питидесятитысячное войско, съ тѣмъ только, чтобы предоставлено было ему главное начальство надъ нимъ. Такое предложеніе показалось сначала императору опрометчивымъ, даже забавнымъ: однако, онъ вскорѣ убѣдился, какія великія выгоды можно получить отъ войска, которое будетъ сражаться для личныхъ его видовъ, между тѣмъ какъ, прежде, онъ находился въ совершенной зависимости отъ князей лиги, въ особенности же отъ вождя ихъ, Максимиліана баварскаго. Поэтому императоръ съ радостію принялъ предложеніе Валленштейна.

Тогда *Фридландеръ*,—такъ называли тоже Валленштейна—приказалъ бить въ барабаны и на этотъ призывъ со всѣхъ сторонъ началъ

стекаться народъ подъ его знамена. Отъ продолжительной войны одичали люди въ Германіи. Простолюдинъ предпочиталъ войну и добычу сопряженнымъ съ трудомъ заработкамъ. Къ общему удивленію, въ самое короткое время, собралось у Валленштейна двадцати-пятитысячное войско. Съ этимъ войскомъ, осенью 1623 г., онъ проникъ въ Швабію и въ Франконію; не успѣлъ онъ дойдти до Эльбы, какъ войско возросло до 30,000 человѣкъ. Мансфельдъ хотѣлъ воспрепятствовать переходу Валленштейна черезъ мостъ при Дессау, но былъ отбитъ и поспѣшно бѣжалъ въ Венгрію. Тамъ намѣревался онъ вступить въ союзъ съ безпокойнымъ княземъ Семиградскимъ Бетленъ-Габоромъ, но Бетленъ-Габору надобны были деньги, а не голодные солдаты, и выгодно показалось ему вступить въ переговоры съ императоромъ. Мансфельду не оставалось ничего другаго, какъ распустить войска свои, продать военную аммуницію и, съ немногими вѣрными, бѣжать въ Венецію. Оттуда онъ хотѣлъ переправиться въ Англію. Но не доѣхавъ до Венеціи, заболѣлъ онъ въ Босніи. Врачъ объявилъ, что остается ему жить только нѣсколько часовъ; Мансфельдъ приказалъ одѣть себя въ платье воина и опоясать саблею; стоя, опершись на плеча двухъ друзей, онъ ожидалъ смерти. На 46-мъ году отъ роду, кончилъ онъ жизнь, исполненную тревогъ и волненій. Не задолго передъ тѣмъ, умеръ на 26-мъ году, товарищъ его по оружію, Христіанъ брауншвейгскій.

Пока Валленштейнъ преслѣдовалъ Мансфельда, Тилли, съ обыкновеннымъ своимъ счастіемъ, гналъ передъ собою датскаго короля, и наконецъ настигъ его при гановерскомъ городкѣ *Луттеръ*, у *Бамберга*. 27 августа 1626 г., произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ короля. Христіернъ потерялъ 60 знаменъ и всѣ свои орудія. Вслѣдъ за тѣмъ, Тилли двинулся къ границѣ Даніи. Бѣжавшаго короля онъ предоставилъ Валленштейну, который поспѣшалъ съ границъ Венгріи. Валленштейнъ наводнилъ своими дружинами Голштинію, Шлезвигъ и Ютландію; Христіернъ принужденъ былъ укрыться на острова, и туда доходили вопли его подданныхъ. Еще плачевнѣе была участь изгнанныхъ за союзъ съ Христіерномъ, обоихъ герцоговъ мекленбургскихъ,—владѣнія ихъ были страшно опустошены. Въ 1629 г., императоръ наградилъ Валленштейна герцогствомъ Мекленбургскимъ, сверхъ того, подарилъ ему княжество Саганъ и сдѣлалъ имперскимъ

княземъ. Съ этими наградами, Фердинандъ соединялъ планъ основать морскую силу на Нѣмецкомъ морѣ; поэтому онъ назначилъ Валленштейна главнокомандующимъ на водѣ и на сушѣ.

Валленштейнъ, войска котораго возросли до 100,000 человѣкъ, старался завладѣть берегами Нѣмецкаго моря, и осадилъ Штральзундъ, упорно отказывавшійся принять императорскій гарнизонъ. Здѣсь, въ первый разъ, измѣнило Валленштейну счастье передъ храброй защитою гарнизона и передъ помощью, поданной ганзейскими кораблями со стороны моря. Валленштейнъ, съ значительнымъ урономъ, принужденъ былъ снять осаду, хотя не задолго и похвалялся, что возьметъ Штральзундъ, „еслибъ даже крѣпость эта прикрѣплена была цѣпями къ небу." Упрямый Валленштейнъ похоронилъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ во рвахъ Штральзунда.

Между тѣмъ, Валленштейнъ внезапно заключилъ миръ съ Даніей въ *Любекѣ* (1629) г.), миръ столь выгодный для Христіерна, что послѣдній не потерялъ ни одной деревушки. Хитрый герцогъ имѣлъ въ виду спокойное обладаніе завоеваннымъ герцогствомъ Мекленбургскимъ, а для этой цѣли надо было ему поладить съ сосѣдомъ. Король датскій призналъ его герцогомъ мекленбургскимъ,—онъ былъ настолько неблагороденъ, что пожертвовалъ прежними союзниками своими, изгнанными герцогами, которые, въ угоду ему же, взялись за оружіе.

Императоръ, на ту пору, вездѣ торжествовалъ и властвовалъ неограниченно. Слѣдовало предполагать, что онъ распуститъ войска, потому что враговъ у него уже не было. Но полководцы оставались подъ оружіемъ; замѣсто мира, Фердинандъ обнародовалъ указъ о „возстановленіи" (Restitutions-edict). Вслѣдствіе этого указа, лютеране должны были возвратить католикамъ всѣ духовныя имѣнія, отнятыя ими послѣ нассаускаго договора (всего два архіепископства, двѣнадцать епископствъ и множество аббатствъ и монастырей); реформаты вовсе не терпѣлись въ странѣ, а лютеранъ обязаны были обращать въ католическое исповѣданіе ихъ католическіе владѣльцы и князья. Этотъ указъ былъ громовымъ ударомъ для протестантовъ. Напрасно князья дѣлали представленія императору; все, чего могли они добиться, была годовая отсрочка. Но въ этотъ промежутокъ времени положеніе дѣлъ существенно измѣнилось.

5. Отставка Валленштейна.

Не одинъ указъ о „возстановленіи“ приводилъ всѣхъ въ уныніе; необузданность солдатъ Валленштейна, отъ которой страдали равно протестанты и католики, возбуждала всеобщее недовольство; всѣ князья желали мира. Двѣнадцать лѣтъ уже продолжалась война, и навлекла неисчислимыя бѣдствія на всю Германію. Тронутый жалобами князей и народовъ, императоръ созвалъ, въ 1630 году, сеймъ курфирстовъ въ *Регенсбургѣ.* Тамъ единогласно обвинили всѣ Валленштейна въ потачкѣ насиліямъ его солдатъ. „Повсемѣстно господствуютъ грабежъ и убійства, насиліе женщинъ и дѣтей; офицеры обогащаются потомъ и кровью бѣдняковъ и многіе, что были нищими въ прежнее время, имѣютъ теперь отъ 3 до 4 сотъ тысячъ гульденовъ наличными деньгами.“ Императоръ былъ глубоко потрясенъ изображеніемъ всѣхъ этихъ бѣдствій, и рѣшился тотчасъ же распустить 18,000 всадниковъ изъ своего войска. Но курфирсты тѣмъ не удовлетворились. Всѣ они неотступно требовали отставки Валленштейна и распущенія его отчаянныхъ хищниковъ. Болѣе всѣхъ настаивалъ на этой отставкѣ Максимиліанъ баварскій, который, со времени начальства Валленштейна надъ войсками, отошелъ на второй планъ. Наконецъ императоръ согласился, хотя и весьма не охотно,— онъ боялся Валленштейна.

На ту пору, Валленштейнъ стоялъ съ войскомъ въ Швабіи, наблюдая за князьями, собравшимися въ Регенсбургѣ, и готовый въ случаѣ нужды, поспѣшить на помощь къ императору. Тутъ пріѣхали къ нему посланцы и привезли рѣшеніе сейма. Вопреки всѣхъ ожиданій, Валленштейнъ остался спокоенъ и обѣщалъ повиноваться. Онъ зналъ уже обо всемъ, и, по словамъ его, прочиталъ въ звѣздахъ исходъ сейма курфирстовъ въ Регенсбургѣ. По случаю отставки, онъ, казалось, больше жалѣлъ объ императорѣ, чѣмъ былъ недоволенъ имъ. Онъ самъ написалъ Фердинанду: благодарилъ его за оказанное довѣріе и просилъ не лишать совершенно своихъ милостей. Посланцевъ онъ одарилъ по-княжески. Распущеннымъ войскамъ своимъ онъ сдѣлалъ тоже богатые подарки и далъ имъ задатки впередъ, на случай, если они ему опять понадобятся. Утѣшенный звѣздами, предсказывавшими ему самую блистательную судьбу, удалился

онъ, съ несмѣтными богатствами, въ свое моравское имѣніе, и съ затаенной местью сталъ выжидать времени, когда призовутъ его къ большимъ еще почестямъ. Наемники Валленштейна отчасти разошлись по домамъ, разбойничая и грабя по дорогамъ, отчасти же примкнули къ войскамъ императора и лиги, единственнымъ вождемъ которыхъ сдѣлался опять Тилли.

6. Густавъ Адольфъ, король шведскій въ Германіи. (1630—1632).

При безусловномъ повиновеніи князей императору, дѣло протестантовъ казалось проиграннымъ, и католическое исповѣданіе было бы, вѣроятно, возстановлено во всей Германіи, еслибъ не явился человѣкъ, давшій совсѣмъ иной оборотъ прежнему положенію вещей. То былъ *Густавъ Адольфъ*, король шведскій. Опасность, угрожавшая его единовѣрцамъ въ Германіи, была для него какъ бы собственная его опасность; съ давнихъ поръ, питалъ онъ жестокую ненависть къ императору и *Валленштейну*, которые нѣсколько разъ наносили ему тяжкія оскорбленія. Какъ ближайшій родственникъ мекленбургскаго дома, онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что сыновьямъ сестры его не были возвращены, по его ходатайству, владѣнія; да къ томужъ, Валленштейнъ съ позоромъ прогналъ отъ себя его посланниковъ. Когда Штральзундъ находился въ осадѣ и шведскія войска пришли къ нему на помощь, Валленштейнъ будто бы молвилъ иронически: „еслибъ даже пришелъ самъ король снѣговъ, я и его протоню розгами.“

Густавъ Адольфъ образовалъ храбрыхъ воиновъ и полководцевъ въ войнѣ противъ Польши. Тилли справедливѣе императора и его совѣтниковъ цѣнилъ своего врага. Когда императоръ получилъ въ Регенсбургѣ извѣстіе о походѣ короля шведскаго, онъ сказалъ Тилли: „вотъ какъ! у насъ еще врагомъ болѣе!“ Но Тилли серьезно отвѣтилъ ему: „король шведскій—врагъ стольже мудрый, какъ и храбрый, онъ—во цвѣтѣ лѣтъ, могучъ и закаленъ во всякихъ трудахъ. Онъ одерживалъ уже побѣды на войнѣ, а побѣда научила его военному искусству. Войско его — нѣчто цѣлое, и онъ управляетъ имъ, все равно какъ управляетъ удилами своего коня. Это—игрокъ, противъ котораго и не проиграть уже значитъ остаться въ большомъ выигрышѣ.“

Изготовившись для переправы въ Германію, Густавъ созвалъ всѣ четыре сословія своего королевства. 21 мая 1630, онъ явился посреди ихъ, чтобы торжественно съ ними проститься. Онъ взялъ на руки единственную дочь свою, четырехлѣтнюю Христину, показалъ ее сословіямъ, и предложилъ присягнуть ей, какъ будущей королевѣ. Трогательно изложилъ онъ вѣрнымъ подданнымъ причины, побуждавшія его къ войнѣ, и заключилъ рѣчь такими словами: „Нѣжно прощаюсь съ вами, и, можетъ быть, навсегда."

Сѣвъ на корабли съ небольшимъ (15,000 чел.), но избраннымъ войскомъ, готовымъ на всякія жертвы изъ преданности къ своему полководцу, Густавъ-Адольфъ высадился на берегу Помераніи, предъ устьемъ Пеены. Король первый ступилъ на берегъ. Въ виду войска, онъ преклонилъ колѣна на нѣмецкой землѣ, громко возблагодарилъ Бога за благополучную переправу, и молилъ Его о благословеніи въ будущемъ. Растроганные офицеры плакали. Король увидалъ это. „Не плачьте, друзья, сказалъ онъ, не плачьте, помолитесь. Чѣмъ больше будете молиться, тѣмъ вѣрнѣе побѣда. Частая молитва—половины побѣды. Лучшій христіанинъ есть тоже и лучшій воинъ." Межъ тѣмъ какъ въ лагерѣ Валленштейна разыгрывались всяческія дурныя страсти и никто не помышлялъ о Богѣ, Густавъ Адольфъ наказалъ каждому полку собираться вокругъ походнаго проповѣдника на утреннюю и вечернюю молитву и отправлять богослуженіе подъ открытымъ небомъ. Хульныя проклятія, игра, грабежъ, поединки были строго запрещены. Густавъ Адольфъ служилъ для войска примѣромъ всѣхъ добродѣтелей. Его чистая, живая богобоязненность внушала ему мужество и спокойствіе духа въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ; солдаты твердо вѣрили, что при такомъ благочестивомъ и добромъ королѣ побѣда неминуемо останется за ними.

Можно бы думать, что всѣ протестантскіе князья примутъ его, какъ своего избавителя; но ни чуть не бывало: высадка короля шведскаго устрашила многихъ; боязнь ли императора и малодушіе, или ревнивое чувство къ иностранному вождю,—только князья не хотѣли вступать въ союзъ съ чужеземцемъ. Между тѣмъ, Густавъ гналъ передъ собою императорскія войска въ Помераніи. Онъ обратился къ герцогу Богиславу, человѣку чрезвычайно мелочному и мнительному, прося его очистить Штетинъ, необходимый для безопасности войска. Но герцогъ и слышать

не хотѣлъ объ этомъ. Онъ прибылъ въ лагерь къ Густаву и былъ внѣ себя отъ тревоги. Съ одной стороны, стоялъ Густавъ съ войскомъ, готовымъ вступить въ бой, съ другой—страшился онъ гнѣва императора. „Неужели, воскликнулъ онъ, видя нетерпѣніе Густава, неужели мнѣ, въ мои лѣта, дожить до опалы, до того, что мои владѣнія будутъ погромлены или отданы другому, а резиденція моя будетъ разрушена до основанія?“ Густавъ старался успокоить его, и молвилъ наконецъ, „спѣшите, спѣшите любезный братъ! Здѣсь нужна быстрота; повѣрьте мнѣ, не всякій Фабій—кто медлитъ.“—„Ну такъ, съ Богомъ!“ почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Богиславъ и Шведы вступили въ Штетинъ.

Не лучше шли дѣла короля шведскаго съ курфирстомъ бранденбургскимъ, *Георгомъ-Вильгельмомъ*, человѣкомъ въ высшей степени нерѣшительнымъ. Георгъ-Вильгельмъ всѣми силами отговаривался передать крѣпости свои, Кюстринъ и Шпандау, иностранному государю, который требовалъ ихъ для прикрытія своего войска на случай отступленія. А между тѣмъ Густаву надо было спѣшить: Тилли жестоко тѣснилъ городъ Магдебургъ, граждане котораго умоляли, черезъ гонцовъ, шведскаго короля подать имъ поскорѣе помощь. „Продержитесь еще три недѣли, отвѣчалъ Густавъ горожанамъ: я надѣюсь имѣть возможность помочь вамъ.“ И покамѣстъ послалъ онъ имъ въ коменданты опытнаго и храбраго генерала Фалькенберга. Курфирстъ бранденбургскій все еще медлилъ, это сильно гнѣвило Густава Адольфа. „Вы, протестанты, говорилъ онъ: отвѣтите передъ Богомъ за то, что ничего не хотѣли сдѣлать для Его Евангелія. Если падетъ Магдебургъ, а я возвращусь въ Швецію, посмотримъ, что-то вы сдѣлаете.“ Наконецъ курфирстъ очистилъ ему Шпандау; Густавъ готовился переправиться черезъ Эльбу, подъ Виттенбергомъ, чтобы затѣмъ идти на спасеніе Магдебурга. Но Виттенбергъ принадлежалъ малодушному, преданному пьянству, курфирсту саксонскому Іоанну-Георгу, который рѣшительно отказался пропустить шведскія войска черезъ свои владѣнія; объ этомъ курфирстѣ говорили, что бочки съ пивомъ для него дороже блага его единовѣрцевъ. Въ то время какъ Густавъ Адольфъ все еще занятъ былъ переговорами, пришла страшная вѣсть о взятіи Магдебурга императорскими войсками.

7. Разрушеніе Магдебурга (1631 г.).

Давно уже Магдебургъ былъ у императора бѣльмомъ на глазу. Городъ этотъ съ непоколебимой твердостію держался протестантскаго исповѣданія и былъ самымъ вѣрнымъ оплотомъ для враговъ императора. Къ томужъ, Магдебургцы отказались принять къ себѣ на постой императорскія войска. За это городъ ихъ былъ объявленъ въ опалѣ, а Тилли поручено было привесть въ исполненіе кару. Съ декабря 1630 г., императорскія войска держали городъ въ осадѣ и сильно бомбардировали его. Нѣсколько разъ требовалъ Тилли сдачи города; но жители отвергли всѣ требованія и рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Густавъ Адольфъ выступилъ уже въ походъ. Еще разъ,—то было въ маѣ 1631 г.,—Тилли посылалъ въ городъ трубача: но Фалькенбергъ, желая выиграть время, продержалъ его три дни. Дабы предупредить Густава, Тилли рѣшился взять приступомъ стѣны. 9 мая, передъ обѣдомъ, онъ направилъ на городъ страшный огонь; бомбы, гранаты, зажигательныя ядра градомъ сыпались на городскіе дома. Но послѣ обѣда, огонь внезапно прекратился, даже пушки сняли съ баттарей,—это утвердило Магдебургцевъ въ надеждѣ, что Шведы уже недалеко. Ночь прошла спокойно; въ 5 часовъ утра, утомленные граждане и солдаты, почти не спавшіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, разошлись по домамъ, чтобы отдохнуть хоть нѣсколько часовъ.

Вдругъ, въ 7 часовъ, раздалась опять пушечная пальба, и, со всѣхъ сторонъ, императорскія войска бросились съ лѣстницами на валы. Бо́льшая часть гражданъ и солдатъ Магдебурга были погружены въ глубокій сонъ, немногіе часовые, взятые въ расплохъ, были изрублены; Паппенгеймъ, съ своимъ отрядомъ, находился уже въ городѣ и отперъ ворота, когда несчастные жители и не знали про то, что́ происходило. Заслышавъ пальбу, Фалькенбергъ наскоро собралъ нѣсколько солдатъ и, вмѣстѣ съ ними, бросился противъ ворвавшихся непріятелей; но ядро повергло его на землю. Со всѣхъ сторонъ, раздавался звонъ набата; трубы гремѣли; стрѣляли и бились на улицахъ; но вскорѣ граждане принуждены были уступить превосходству силъ враговъ и заперлись въ своихъ домахъ. Мгновенно дикія толпы Валлонцевъ разбили двери; все,

что сопротивлялось, было изрублено. Отцевъ умерщвляли въ глазахъ дѣтей, женъ въ объятіяхъ мужей ихъ, дѣтей разбивали о стѣны въ глазахъ родителей. Никого не щадили. Многія изъ дѣвушекъ, спасаясь отъ насилія солдатъ, въ смертельномъ ужасѣ бросались изъ верхнихъ оконъ на мостовую, другія искали спасенія въ волнахъ Эльбы. Жители должны были выдать алчнымъ солдатамъ все свое серебро и золото, а въ награду за это, ихъ умерщвляли тутъ же на мѣстѣ. Въ городъ вторглись самые дикіе и хищные изъ всѣхъ солдатъ — Кроаты, и страшно добивали остальныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во многихъ концахъ города показался огонь; бурный вѣтеръ разносилъ пламя по всѣмъ направленіямъ; вскорѣ всѣ улицы вспыхнули. Часовъ чрезъ десять, отъ богатаго, прекраснаго города не осталось ничего, кромѣ собора, одного монастыря и нѣсколькихъ жалкихъ рыбачьихъ хижинъ: все остальное превратилось въ груды пепла. Такъ какъ цѣлыя улицы были объяты пламенемъ и самый воздухъ раскалился, убійцы принуждены были поспѣшно покинуть городъ и, по горящимъ обломкамъ, по человѣческимъ трупамъ, по дымящейся крови, отступить къ лагерю. Нѣкоторые сколько-нибудь человѣколюбивые офицеры поспѣшили, во время страшнаго грабежа, къ городскимъ воротамъ, гдѣ стоялъ Тилли и смотрѣлъ на пожаръ. Они стали просить его, чтобы велѣлъ онъ прекратить грабежъ и убійства, но Тилли отвѣчалъ: „приходите черезъ часъ; я посмотрю, что̀ можно будетъ сдѣлать. Нужно же наградить солдатъ за труды ихъ“.

Болѣе 20,000 труповъ были частью зарыты въ землю, частью брошены въ Эльбу. Только на третій день, когда улицы нѣсколько очистили отъ обломковъ и труповъ, Тилли въѣхалъ въ дымящіяся, обрызганныя кровью развалины, и, не безъ ужаса, увидалъ слѣды опустошенія. Современники, протестанты, равно какъ и католики, единогласно разсказываютъ, что при такомъ видѣ заплакалъ старый вождь. Впрочемъ, гибель Магдебурга была великой потерей для самихъ побѣдителей, ибо городъ этотъ представлялъ превосходное мѣсто для складки оружія, а притомъ, онъ могъ служить точкой опоры на Эльбѣ. Сказали Тилли, что въ соборной церкви находится еще 1,000 жителей, которые не ѣли трое сутокъ. Онъ даровалъ имъ жизнь и приказалъ одѣлить хлѣбомъ, а потомъ отправился въ церковь, возблагодарить Бога за побѣду. Пылкій

Паппенгеймъ, видѣвшій въ гибели еретическаго города правдивый гнѣвъ небесный, съ чувствомъ самодовольствія, писалъ курфирсту баварскому: „со времени разрушенія Трои и Іерусалима, не было еще одержано подобной побѣды“. Въ томъ же году побѣдители жестоко поплатились за участь города.

8. Битва при Брейтенфельдѣ (17 сентября 1631 г.).

Отъ Магдебурга Тилли обратился къ Саксоніи, чтобы покарать курфирста за союзъ его съ другими протестантскими городами и князьями, заключенный съ цѣлью упрочить свою независимость какъ въ отношеніи Шведовъ, такъ и въ отношеніи Австрійцевъ; союзъ этотъ былъ названъ Лейпцигской конвенціей. Быстро овладѣвъ городами Галле, Эйслебеномъ, Мерзебургомъ, Наумбургомъ, Цейцомъ и Вейсенфельсомъ, Тилли наложилъ на нихъ непомѣрныя контрибуціи. Тутъ курфирстъ раскаялся въ томъ, что не рѣшился раньше на союзъ съ Шведами. Онъ поспѣшно послалъ гонцевъ къ королю и убѣдительно просилъ его помощи и дружбы. Густавъ принялъ гонцовъ съ притворной холодностію, и напослѣдокъ уступилъ просьбамъ курфирста, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы Іоаннъ-Георгъ очистилъ ему Виттенбергъ, выплатилъ войскамъ его трехмѣсячное жалованье, прислалъ заложникомъ старшаго своего сына, и выдалъ, для наказанія, дурныхъ своихъ совѣтниковъ. Устрашенный курфирстъ былъ готовъ на все. „Пусть король шведскій беретъ въ залогъ не только Виттенбергъ, но и всю Саксонію, воскликнулъ онъ, не только одного принца, но и все мое семейство; да и себя самаго, я отдамъ ему, а сверхъ того, накажу измѣнниковъ, на которыхъ онъ указываетъ“. Король былъ тронутъ страхомъ и замѣшательствомъ слабаго курфирста, и великодушно отказался отъ своихъ требованій; онъ взялъ только жалованье на одинъ мѣсяцъ своимъ дружинамъ, съ которыми немедленно соединились саксонскія войска.

Тилли овладѣлъ уже Лейпцигомъ, когда выступило противъ него союзное войско. Они сошлись при деревнѣ Брейтенфельдѣ, неподалеку отъ Лейпцига. Густавъ нарочно поставилъ Саксонцевъ на лѣвый флангъ, потому что не слишкомъ надѣялся на ихъ храбрость. Началась страшная кононада; Тилли стремительно бросился на Саксонцевъ. Они не выдер-

жали, колонны ихъ были разстроены и вскорѣ все войско саксонское предалось бѣгству. Самъ курфирстъ ускакалъ такъ скоро, что шляпа съ него свалилась, — только черезъ нѣсколько часовъ остановился онъ въ Эйленбургѣ, чтобъ подкрѣпиться глоткомъ пива. Шведы, напротивъ того, молодецки держались. Семь разъ Паппенгеймъ пускалъ свою конницу на правый флангъ, и семь разъ былъ отбитъ. Точно также напрасны были усилія Тилли, воротившагося въ битву послѣ погони за Саксонцами, — прорвать боевой порядокъ Шведовъ. Тогда и Густавъ приказалъ войску своему идти впередъ. Шведскій генералъ Горнъ побѣдоносно прорвался черезъ непріятельскіе ряды, между тѣмъ какъ король взялъ приступомъ холмъ, на которомъ находилась бо̀льшая часть непріятельскихъ орудій, и тотчасъ же направилъ огонь ихъ противъ враговъ. Войско императорское было совершенно разстроено; смятеніе и бѣгство сдѣлались всеобщими. Въ первый еще разъ, Тилли былъ разбитъ на голову. Самъ онъ чуть-было не попался въ плѣнъ и едва избѣжалъ смерти. Одинъ шведскій ротмистръ, прозванный за ростъ свой длиннымъ Фрицомъ, хотѣлъ взять стараго генерала живымъ или мертвымъ, и бѣшено бросился на него. Уже нѣсколько пуль слегка задѣли Тилли, уже, съ пистолетомъ въ рукахъ, длинный Фрицъ схватилъ его за воротникъ и требовалъ сдачи, когда императорскій офицеръ подоспѣлъ во-время на подмогу Тилли и раздробилъ голову ротмистру. Пораженіе Тилли было такъ велико, что онъ въ два дни едва могъ собрать 600 человѣкъ. Онъ бѣжалъ къ Гальберштату, куда послѣдовалъ за нимъ и Паппенгеймъ, съ 1400 всадниками.

Тотчасъ послѣ одержанной побѣды, Густавъ Адольфъ преклонилъ колѣна на лейпцигскомъ полѣ сраженія, покрытомъ тѣлами убитыхъ. Поднявъ къ нему сложенныя руки, онъ говорилъ: „благодарю Тебя, Боже, благодарю за Твою побѣду!„ — Рѣшительное сраженіе измѣнило всѣ обстоятельства. Однимъ этимъ ударомъ императоръ лишился всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ двѣнадцатилѣтней войною. Угнетенные снова подняли бодро свои головы и примкнули къ подателю, котораго только-что не боготворили.

Въ самый день сраженія, курфистръ саксонскій явился снова; благородный король шведскій дружески принялъ его и поблагодарилъ за совѣтъ дать сраженіе. Густавъ Адольфъ поручилъ курфирсту вторгнуться въ Богемію.

9. Послѣдствія побѣды.

Никто, со времени Лютера, не пользовался такимъ вліяніемъ надъ умами, какъ Густавъ Адольфъ. Походъ его черезъ Турингію въ Южную Германію походилъ на непрерывное тріумфальное шествіе. Во Франкфуртѣ примкнулъ къ нему и „зимній король", во весь этотъ промежутокъ времени скитавшійся по Голландіи. Тилли набралъ, сколько могъ, военныхъ силъ, и когда Густавъ Адольфъ хотѣлъ переправляться при Райнѣ, черезъ Лехъ, старый полководецъ загородилъ ему дорогу. Но храбрые Шведы взяли съ бою переправу. Тилли, раненаго въ колѣно, отнесли въ Ингольштадтъ, гдѣ онъ черезъ двѣ недѣли умеръ. Императоръ лишился въ немъ великаго полководца и храбраго воина, человѣка хотя суроваго, но честнаго и правдиваго, неумолимо строгаго къ самому себѣ, заботливаго и въ высшей степени щедраго къ солдатамъ. Когда императоръ хотѣлъ возвысить его въ достоинство имперскаго князя, онъ отказался отъ этой чести, и подарилъ 500 талеровъ канцелярскому писарю, для того, чтобъ онъ не изготовлялъ патента. Тилли былъ малъ ростомъ, но крѣпокъ тѣлосложеніемъ. Ввалившіяся щеки, длинный и острый носъ, морщинистый лобъ, большіе мрачные глаза, — такова была физіономія стараго вождя. Сѣдые, щетинистые волосы спускались съ головы, покрытой остроконечной, высокой шляпой съ красными страусовыми перьями. Тилли носилъ зеленое атласное платье испанскаго покроя, съ разрѣзными рукавами, широкіе штаны изъ той же матеріи и большіе сапоги съ раструбами. Во время сраженія, ѣзжалъ онъ на малорисломъ сѣромъ конѣ. До самой битвы при Брейтенфельдѣ, Тилли могъ похвалиться, что никогда не проигралъ сраженія. Никогда не бывалъ пьянъ, никогда не посѣщалъ прелестницъ. Онъ умеръ на 73 году жизни.

Послѣ многократныхъ и все-таки неудачныхъ попытокъ взять приступомъ крѣпкій Ингольштадтъ, гдѣ укрывался курфирстъ баварскій, Густавъ Адольфъ пошелъ на Мюнхенъ. Столица трепетала: одна только добровольная сдача ея могла обезоружить гнѣвъ побѣдителя. Великолѣпіе дворца курфирста привело въ изумленіе короля; онъ спросилъ имя архитектора. Архитекторъ былъ никто другой, какъ самъ курфирстъ,

отвѣчали ему. „Я бы желалъ имѣть этого архитектора, чтобы послать его въ Стокгольмъ“, молвилъ король. При осмотрѣ арсенала нашли одни лафеты. Пушки были искусно спрятаны подъ поломъ, и никогда не отыскали бы ихъ, колибъ не измѣнилъ одинъ изъ рабочихъ. Поднявъ половыя доски, нашли подъ ними 140 большихъ орудій. „Возстаньте изъ мертвыхъ“, сказалъ король, и взялъ съ собой эту желанную добычу. На всю Баварію наложена была тяжелая контрибуція; вся нѣмецкая имперія поступила во власть шведскаго короля.

10. Валленштейнъ выступаетъ снова.

Во время этихъ происшествій, Валленштейнъ жилъ вдали отъ всеобщей тревоги, наблюдая за всѣмъ, какъ левъ изъ засады. Съ тайнымъ злорадствомъ, видѣлъ онъ перемѣну обстоятельствъ, но притворялся, будто не заботится вовсе о судьбахъ войны и весьма доволенъ тихимъ своимъ уединеніемъ. При дворѣ Валленштейна господствовала царственная пышность. Ему ежедневно прислуживали 60 пажей, одѣтыхъ въ бархатныя голубыя, обложенныя золотомъ, платья, и 20 каммергеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые оставили службу при императорѣ. Стража, состоявшая изъ 50 человѣкъ, вооруженныхъ бердышами, охраняла дворъ замка. 300 отборныхъ коней стояли на конюшняхъ, и ѣли кормъ изъ мраморныхъ яслей. Валленштейнъ задавалъ блестящіе пиры; онъ охотно смотрѣлъ, какъ гости его ѣли и веселились, между тѣмъ какъ самъ онъ оставался постоянно серьезнымъ и мрачнымъ. Онъ говорилъ мало, и подозрительно наблюдалъ за присутствующими. Высокъ былъ онъ ростомъ и крѣпко сложенъ; маленькіе, огневые глаза гордо смотрѣли изъ-подъ высокаго лба. Онъ носилъ, обыкновенно, лосинный колетъ, красную перевязь и пурпуроваго цвѣта плащъ; голову покрывалъ высокой шляпой съ развѣвающимися красными страусовыми перьями; ноги обувалъ въ сапоги съ отворотами. Съ тайнымъ страхомъ смотрѣли караульные солдаты, когда мрачный Валленштейнъ, посреди тишины ночной, прохаживался одинъ по двору замка, наблюдая за звѣздами.

Въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ, императоръ Фердинандъ вспомнилъ, съ горькимъ раскаяніемъ, объ отставномъ полководцѣ. Дабы смягчить оскорбленную его гордость и склонить къ набору новаго вой-

ска, императоръ отправилъ гонцовъ къ Валленштейну. Валленштейнъ скрылъ торжество свое и принялъ гонцовъ съ притворной холодностію. „Я не намѣренъ принять на себя неблагодарный трудъ, отвѣчалъ онъ: мнѣ хорошо жить частнымъ человѣкомъ; я желаю окончить дни мои въ покоѣ“. Но посланные пристали къ нему съ неотступными просьбами и представленіями, — и наконецъ онъ обѣщалъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ набрать войско. Лишь только прошла молва, что Валленштейнъ собирается въ походъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться воины толпами къ знакомому знамени. Земледѣльцы оставляли плугъ, ремесленники покидали мастерскія, — чтобы весело пожить на широкомъ поприщѣ. У Валленштейна каждый солдатъ тяжелой конницы получалъ девять гульденовъ ежемѣсячнаго жалованья, легкій кавалеристъ получалъ шесть, пѣхотинецъ—четыре, —кромѣ ежедневнаго продовольствія мясомъ, хлѣбомъ, пивомъ и виномъ. Въ тѣ тяжкія времена, немногіе могли заработать столько самымъ усиленнымъ трудомъ. Валленштейнъ сдержалъ слово: въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, онъ набралъ войско въ 30,000 человѣкъ. „Вотъ вамъ войско—пришлите теперь полководца“, писалъ онъ въ Вѣну. Императоръ, видѣвшій ясно, что одинъ только тотъ, кто создалъ войско, и можетъ быть его вождемъ, еще разъ, принужденъ былъ умолять Валленштейна принять на себя начальство. Валленштейнъ соглашался, но подъ такими условіями, какія ни одинъ еще подданный, не предлагалъ своему государю. Письменно передалъ онъ императорскому послу такое свое „послѣднее слово“.

„Герцогъ Фридландскій назначается генералиссимусомъ императора, всего высочайшаго дома и короны испанской. Верховное начальство предоставляется ему безъ всякихъ ограниченій. Императоръ ни въ какомъ случаѣ не будетъ находиться при арміи. Въ обезпеченіе слѣдующаго вознагражденія, герцогъ Фридландскій получитъ въ залогъ одно изъ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній, которое и будетъ записано за нимъ по наилучшей формѣ. Въ видѣ же экстра-ординарной награды, предоставляются ему въ верховное ленное владѣніе всѣ земли, какія онъ завоюетъ. Конфискаціи, а равно и пожалованія въ имперіи зависятъ отъ него одного. При будущемъ мирѣ за нимъ будетъ упрочено владѣніе Мекленбургомъ. Необходимыя для веденія войны деньги будутъ выданы

впередъ, а въ случаѣ нужды—открыты для него всѣ императорскія наслѣдственныя владѣнія".

Налагать такія условія, значило свергать съ престола императора. Однако, тѣснимый до крайности, императоръ принялъ ихъ. Увеличивъ еще свое войско до 40,000 человѣкъ, Валленштейнъ, въ апрѣлѣ 1632 г., выступилъ изъ Цнаима, въ Моравіи, къ Прагѣ, взялъ приступомъ этотъ городъ и выгналъ изъ Богеміи курфирста съ его Саксонцами.

11. Густавъ и Валленштейнъ при Нюренбергѣ. (1632 съ іюля по сентябрь).

Очистивъ Богемію, Валленштейнъ могъ легко обратить войско свое въ Баварію на помощь Максимиліану. Императоръ ожидалъ этого, а курфирстръ приглашалъ Валленштейна самыми убѣдительными просьбами. Но мстительный полководецъ радовался бѣдственному положенію врага своего на регенсбургскомъ сеймѣ, и приказалъ сказать ему, что не можетъ оставить безъ войска Богемію, что, сверхъ того, онъ будетъ вести войну по своему, а не какъ желаютъ другіе. Максимиліанъ, положеніе котораго становилось съ каждымъ днемъ невыносимѣе, посылалъ гонца за гонцомъ изъ Регенсбурга въ Богемію, и вызвался наконецъ безпрекословно повиноваться всѣмъ приказаніямъ Валленштейна, если онъ только немедленно соединится съ нимъ. Такое предложеніе было принято; однако, къ новому неудовольствію курфирста, сборнымъ мѣстомъ Валленштейнъ назначилъ не Регенсбургъ, но Эгеръ, потому что, прежде всего, считалъ нужнымъ отнять у непріятеля Нюренбергъ. Впрочемъ, мнимое упрямство полководца оказалось мудрымъ разсчетомъ: узнавъ о приближеніи Валленштейна, Густавъ Адольфъ поспѣшно оставилъ Баварію и прибылъ въ Нюренбергъ прежде своего противника.

Густавъ представилъ сенаторамъ предстоящую опасность и спросилъ, станутъ ли они помогать ему. Сенаторы согласились на всѣ его требованія: нѣсколько тысячъ молодыхъ гражданъ усилили войско короля, и болѣе 7,000 крестьянъ и солдатъ въ нѣсколько дней обнесли городъ окопами и рвами, такъ что поставленный въ немъ лагерь Шведовъ находился въ совершенной безопасности. Вскорѣ показалось соединенное войско Валленштейна и курфирста баварскаго; оно заняло окрестныя

возвышенности и, подобно Шведамъ, защитилось отовсюду окопами. Въ то время король былъ еще слабъ, и Максимиліанъ очень желалъ напасть на него, но Валленштейнъ благоразумно удержалъ курфирста. Онъ надѣялся донять голодомъ Шведовъ вмѣстѣ съ жителями Нюренберга,— но городъ былъ обильно снабженъ припасами.

Одиннадцать недѣль стояли другъ противъ друга войска, только небольшія стычки бывали между ними. Солдаты Валленштейна такъ страшно опустошили страну, что вскорѣ должно было ѣздить за семь миль для продовольствія лошадей. Мало-по-малу къ Шведамъ стали подходить значительныя подкрѣпленія, и войско Густава усилилось до 70,000 человѣкъ. Густаву показалось жестокимъ обременять долѣе жителей Нюренберга огромнымъ множествомъ людей, непріятель же не располагалъ оставить горы, — и выведенный изъ терпѣнія король рѣшился вести войска свои на приступъ къ укрѣпленнымъ возвышенностямъ. То было отчаянное предпріятіе. Валленштейнъ направилъ внизъ огонь всѣхъ своихъ орудій, ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ; Шведы подвигались впередъ подъ самымъ смертоноснымъ огнемъ. Отрядъ за отрядомъ гибли подъ выстрѣлами; храбрый герцогъ Бернгардъ веймарскій, подъ которымъ было убито уже нѣсколько лошадей, сталъ представлять королю невозможность побѣды; но всѣ слова его ни къ чему не послужили, и самъ онъ стремглавъ бросился въ огонь. Почти безумная отвага донесла его благополучно съ частью полка на самую вершину горы; но нельзя же было притащить за собою пушекъ, а къ томужь сумерки наступили,—и послѣ страшной рѣзни, герцогъ принужденъ былъ отступить. Наконецъ, послѣ десятичасовыхъ, почти не человѣческихъ усилій, пожертвовавъ нѣсколькими тысячами храбрыхъ воиновъ, король приказалъ трубить отбой. Густавъ сознадъ самъ свое безразсудство, и, за ужиномъ, сказалъ пфальцграфу Фридриху: „мы сдѣлали ребяческую шалость, любезный братъ".

Двѣ недѣли еще дожидался онъ въ лагерѣ, не сойдетъ ли внизъ Валленштейнъ, понуждаемый къ тому голодомъ, но не смотря на самый тяжкій недостатокъ, Валленштейнъ не тронулся съ горы. Тогда Густавъ самъ покинулъ свой лагерь и, въ совершенномъ порядкѣ, при громкомъ барабанномъ боѣ, при звукахъ трубъ, двинулся къ непріятелю, который

все-таки оставался спокойно на мѣстѣ и пропустилъ его. Прошли Шведы, и Валленштейнъ снялся тоже съ позиціи.

12. Битва при Люценѣ (16 ноября 1632 г.).

Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Шведовъ, Валленштейнъ поспѣшилъ въ Саксонію: онъ хотѣлъ принудить курфирста къ отдѣльному миру съ императоромъ, а потомъ напасть съ тылу на ослабленное войско короля. Курфирстъ посылалъ гонца за гонцомъ къ королю, прося у него самой скорой помощи. Покинувъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя въ Баваріи, Густавъ мгновенно кинулся въ Саксонію, на помощь союзнику.

При походѣ черезъ Саксонію, народъ встрѣчалъ Густава съ неописанной радостью. Толпами стекался онъ къ своему спасителю, бросался передъ нимъ на колѣна, цаловалъ края его ѳдежды, — такъ что король, досадуя на такія чрезмѣрныя почести, молвилъ однажды: „ужь не считаетъ ли меня богомъ народъ этотъ? Дѣла наши идутъ хорошо; но я боюсь, что правосудіе небесное накажетъ меня за такое заблужденіе, и явитъ этимъ безумнымъ людямъ, что я тоже смертный человѣкъ“.

Густавъ Адольфъ засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, при Наумбургѣ, на Саалѣ. Валенштейнъ думалъ, что король не предприметъ нападенія, по причинѣ поздняго времени года, ибо наступилъ уже ноябрь мѣсяцъ, и послалъ графа Паппенгейма съ значительнымъ отрядомъ взять Морицбургъ при Галле; оттуда Паппенгеймъ долженъ былъ идти къ Рейну. Но лишь только провѣдалъ объ этомъ Густавъ, какъ стянулъ свои войска, и, черезъ Вейсенфельсъ, бросился къ *Люцену*, небольшому городку неподалеку отъ Лейпцига.

Въ тотъ день, который долженъ былъ принесть кровавое рѣшеніе, съ разсвѣта, густой туманъ облекалъ всю окрестность. Въ полумракѣ устроили полководцы свои дружины. Король съ молитвой сталъ на колѣна передъ цѣлымъ войскомъ; подъ звуки полковой музыки, солдаты запѣли хвалу Богу. Затѣмъ, Густавъ сѣлъ на коня, проѣхалъ по всѣмъ рядамъ, и, въ сильныхъ выраженіяхъ, старался воспламенить мужество воиновъ. Съ своей стороны, Валленштейнъ тоже объѣхалъ свои колонны, обѣщая награду храбрымъ и гибель трусамъ. Около 11 часовъ, солнце прорѣзало облака тумана, и оба войска въ боевомъ порядкѣ, со-

шлись лицомъ къ лицу. Король подалъ знакъ къ нападенію. Съ громкимъ воинскимъ крикомъ: „Съ нами Богъ!“, бросились Шведы черезъ большую дорогу на рвы, обстановленные императорскими войсками. Но смертоносный огонь рядами валитъ напирающихъ Шведовъ. Съ отчаянной храбростью бьются войска, побѣда колеблется. Дважды побѣдоносно врываются Шведы въ окопы, захватываютъ пушки, обращаютъ ихъ на непріятеля; и дважды непріятель отбрасываетъ ихъ съ значительнымъ урономъ. Наконецъ, правое крыло Шведовъ, подъ предводительствомъ самого короля, побѣдоносно прорвалось черезъ ряды непріятелей и погнало бѣгущія толпы ихъ передъ собою. Тутъ извѣстили Густава, что лѣвое крыло его дрогнуло и пришло въ безпорядокъ. Съ быстротой молніи, устремился король къ угрожаемому пункту; немногіе могли за нимъ слѣдовать. Близорукость короля привела его слишкомъ близко къ непріятелю; императорскій стрѣлокъ выстрѣлилъ по немъ и раздробилъ ему лѣвую руку. Перемогаемый болью, чувствуя себя готовымъ упасть въ обморокъ, король попросилъ герцога лауенбургскаго, ѣхавшаго позади, вывесть его изъ давки. Въ ту же самую минуту, получилъ онъ второй выстрѣлъ въ спину и упалъ съ лошади, вздохнувъ и промолвивъ: „Боже мой, Боже мой!“ Около тѣла убитаго короля бросились въ рукопашную враги и друзья. Заржалъ королевскій конь, лишенный всадника; облитый кровью, помчался онъ по рядамъ Шведовъ и первый принесъ имъ страшную вѣсть о смерти обожаемаго ихъ полководца. Гнѣвъ еще болѣе придалъ силы Шведамъ. Какъ разъяренные львы подъ предводительствомъ храбраго герцога веймарскаго, напираютъ они на врага, опрокидываютъ передъ собою все, отнимаютъ тяжелыя орудія и направляютъ ихъ противъ императорскаго войска. Уже побѣда рѣшительно остается за Шведами,—какъ вдругъ, со стороны Галле, Паппенгеймъ съ осьмью свѣжими полками конницы является на мѣсто сраженія и битва возгорается снова. Исполненный кроваваго желанія сразиться лично съ ненавистнымъ королемъ шведскимъ, Паппенгеймъ кидается въ самую свалку. Уже обратилъ онъ въ бѣгство одинъ отрядъ непріятелей и готовится напасть на другой, какъ двѣ пули, одна за другой, пронизываютъ грудь храбраго генерала, и насилу могутъ его вытащить сподвижники изъ рукопашнаго боя. Только тогда узналъ онъ, что король убитъ и глаза его оживились радостію. „Скажите герцогу фридландскому, молвилъ онъ,

что я лежу безъ надежды на жизнь, но умираю съ радостію, зная, что непримиримѣйшій врагъ моей вѣры палъ въ *одинъ день* со мною". Со смертію Паппенгейма пропало мужество его всадниковъ; ошеломленные ударомъ, они отступили, и только густой, вечерній туманъ спасъ ихъ отъ конечной гибели. Между тѣмъ, пѣхота Паппенгейма подоспѣла изъ Галле на мѣсто сраженія, и долго еще упорно сопротивлялась. Наступившая ночь прекратила кровавую борьбу.

Битву при Люценѣ считали потерей для побѣдителей и выигрышемъ для побѣжденныхъ, ибо смерть короля была невознаградимой утратой для Шведовъ. На другой только день, недалеко отъ большаго камня, отыскали трупъ короля, едва узнаваемый подъ кровью и ранами, раздавленный копытами лошадей, лишенный всякой одежды. Съ той поры этотъ камень прозывается шведскимъ камнемъ; нынѣ возлѣ него поставленъ новый памятникъ съ надписью и обсаженъ кругомъ тополями. Тѣло Густава Адольфа перенесли сначала въ Вейсенфельсъ, а потомъ, въ сопровожденіи неутѣшной его супруги, переправили въ Стокгольмъ и похоронили въ склепѣ предковъ. Золотую цѣпь и окровавленный колетъ короля, снятые съ него Кроатами, Валленштейнъ отправилъ къ императору. Что было послѣднимъ планомъ короля,—привело ли его въ Германію благочестивое усердіе къ угнетеннымъ единовѣрцамъ, или же привлекла его туда тщеславная жажда завоеваній—тайна эта похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Какъ блестящій метеоръ, явился онъ и исчезъ на небѣ Германіи.

Хотя Валленштейнъ и не признавалъ себя побѣжденнымъ, однако, отказался отъ Саксоніи и отступилъ въ Богемію. Въ Прагѣ держалъ онъ строгій судъ. По приговору военнаго судилища, одиннадцать высшихъ офицеровъ за побѣгъ были публично обезглавлены передъ ратушей, а другіе семь отведены на висѣлицу; имена пятидесяти офицеровъ, не оказавшихъ достаточной храбрости, были прибиты къ висѣлицѣ и знамя полка, прежде всѣхъ обратившагося въ бѣгство, всенародно сожжено рукою палача.

13. Умерщвленіе Валленштейна, 25 февраля 1634 г.

По смерти Густава Адольфа, завѣдываніе шведскими дѣлами въ Германіи принялъ на себя шведскій канцлеръ Оксенштіерна, человѣкъ, ода-

ренный великой прозорливостію и хорошо знакомый съ планами своего государя; а такъ какъ наслѣдницѣ престола было всего семь лѣтъ, то Оксенштіерна, съ соизволенія государственныхъ чиновъ, распоряжался съ неограниченнымъ полномочіемъ. Главное начальство надъ войсками передалъ онъ герцогу Бернгарду веймарскому и старался устроить въ Гейльбронѣ болѣе тѣсное соглашеніе между протестантами. Но отлетѣлъ духъ Густава, который только и могъ придавать всему и всѣмъ силу и единство. Съ той поры, мелочное соперничество ставило преграды всѣмъ великимъ предпріятіямъ. Курфирстъ саксонскій считалъ недостойнымъ себя повиноваться приказаніямъ иностраннаго канцлера. Шведскіе полководцы Баннеръ, Торстенсонъ, Горнъ и Турнъ не хотѣли состоять подъ начальствомъ герцога веймарскаго. Каждый дѣйствовалъ особнякомъ, не поддерживая, другаго, не принимая отъ него приказаній. При такомъ разладѣ, могло статься, легко было бы Валленштейну напасть на нихъ по одиночкѣ и всѣхъ уничтожить; но онъ довольно долго продержался безъ дѣла въ Богеміи и, повидимому, даже радовался успѣхамъ Шведовъ. Его глубоко оскорбляло то, что враги его, съ недовѣріемъ слѣдившіе за каждымъ его шагомъ и все отыскивавшіе въ немъ предательскія намѣренія, безпрестанно чернили его передъ императоромъ, указывая какъ на подозрительнаго въ высшей степени человѣка и домогаясь его отставки: по отзывамъ этихъ враговъ, имѣлъ онъ еще съ Густавомъ Адольфомъ чрезвычайно подозрительную переписку, а теперь будто бы старался дѣйствовать за одно съ протестантами, чтобы, съ помощію ихъ, объявить себя королемъ богемскимъ. Немудрено, что императоръ сталъ подозрѣвать человѣка, неприступная гордость котораго уже давно была ему извѣстна; немудрено, что и Валленштейнъ болѣе прежняго заботился теперь о собственной своей безопасности. Невозможно доказать, что у Валленштейна были предательскіе планы; но несомнѣнно, что самъ онъ далъ много поводовъ къ подозрѣнію. Такъ не отослалъ онъ въ Вѣну для наказанія графа фонъ-Турна, начавшаго безпорядки въ Богеміи и взятаго имъ въ плѣнъ въ Силезіи, а отпустилъ его на свободу, безъ всякаго выкупа. Такъ, когда Бернгардъ веймарскій ворвался во владѣнія курфирста баварскаго, и велѣно было спѣшить къ курфирсту на помощь, Валленштейнъ, только послѣ седьмаго гонца отъ императора, двинулся въ походъ, да и то, достигнувъ Верхняго Пфальца, внезапно воротился

въ Богемію. Вообще, въ послѣдніе два года начальства надъ войскомъ, онъ постоянно щадилъ непріятеля, съ громадными средствами дѣлалъ немногое, владѣнія императора угнеталъ и разорялъ императорскими же войсками. Не рѣшено до сихъ поръ, что было причиной тому; но враги и соперники Валленштейна нашли въ этихъ поступкахъ желанный поводъ очернить его при дворѣ измѣнникомъ. Наконецъ, императоръ, отрѣшивъ Валленштейна отъ главнаго начальства надъ войскомъ, объявилъ его въ опалѣ. Надо было Валленштейну подумать о своей безопасности. Онъ разсчитывалъ на вѣрность войска; но войско уже было отвращено отъ него тайными приверженцами императора. Даже Октавіо Пиколломини, о преданности котораго Валленштейнъ и неразлучный другъ его Сени,—казалося имъ,—прочитали въ звѣздахъ, обманулъ довѣріе, возложенное на него Велленштейномъ. Пиколломини подглядывалъ, слѣдилъ за дѣйствіями и планами друга своего и благодѣтеля и тайно старался навлечь на него подозрѣніе императора. Валленштейнъ, съ тремя полками, поспѣшилъ въ Эгеръ,—онъ думалъ найдти убѣжище за стѣнами этой крѣпости. Но здѣсь-то и сдѣлался онъ жертвой гнуснѣйшаго предательства. Три полковника гарнизона, выведенные имъ изъ ничтожества, ирландецъ Лесли и два шотландца Бутлеръ и Гордонъ составили тайный заговоръ противъ его жизни. И еще до исполненія кроваваго замысла, эти проходимцы яростно перессорились изъ-за дѣлежа домовъ, драгоцѣнностей и лошадей Валленштейна.

Сначала надо было сбыть съ рукъ друзей Валленштейна. 24 февраля, Гордонъ пригласилъ на ужинъ въ цитадель вѣрныхъ приверженцевъ Валленштейна Илло, Терцкаго, Кинскаго и Неймана. Передъ тѣмъ, заговорщики посвятили въ свою тайну Жеральдина, Деверу, Макдональда, Бирша и Песталоцци, по бо́льшой части ирландцевъ и шотландцевъ, уговоривъ ихъ на предполагаемое убійство.

Насталъ роковой вечеръ. Явились приглашенные гости. Они весело сѣли за столъ съ Гордономъ, Бутлеромъ и Лесли—и началось пированье. Вдругъ растворились двери столовой, вошелъ Жеральдинъ, во главѣ шести драгунъ, вооруженныхъ бердышами, и крикнулъ: „Эй вы! кто изъ васъ желаетъ добра императору?“—„Да здравствуетъ Фердинандъ!“ воскликнули Гордонъ, Бутлеръ и Лесли и отошли въ сторону. Убійцы

напали на гостей и всѣхъ ихъ изрубили. За дверьми, на переднемъ дворѣ, двадцать четыре драгуна убили между тѣмъ слугъ.

Затѣмъ, спустили подъемный мостъ и предатели поспѣшили въ городъ. Тамъ все было спокойно. Никто не зналъ и не предчувствовалъ, что рѣзня уже совершилась. Надо было нанести главный ударъ. Дабы предупредить всякое смятенiе, Лесли взялъ на себя занять улицу, ведущую къ жилищу герцога на площади, а Бутлеръ, Жеральдинъ и Деверу, съ отрядомъ драгунъ, втихомолку отправились къ этому жилищу. Было 11 часовъ вечера. Бутлеръ остался у дверей дома, Жеральдинъ занялъ сѣни. Шотландецъ же Деверу съ драгунами бросился вверхъ по лѣстницѣ. Камердинеръ, хотѣвшiй удержать ихъ, былъ изрубленъ въ передней; другой убѣжалъ съ крикомъ: „мятежники, мятежники!“ На шумъ проснулся Валленштейнъ и вскочилъ съ постели. Въ тоже мгновенiе вышибли дверь его спальни, и ворвался Деверу. Герцогъ стоялъ у окна, безъ оружiя, безъ платья, какъ всталъ съ постели. „Не ты ли, мерзавецъ, заревѣлъ Деверу, не ты ли хочешь предать врагамъ народъ императора и сорвать корону съ головы его величества? Умри! Валленштейнъ не сказалъ ни слова, а только важно и холодно посмотрѣлъ на злодѣя. „Умри!“ повторилъ Деверу. Валленштейнъ пошевелилъ губами, поднялъ руки къ небу, и въ туже минуту Деверу нанесъ ему въ грудь смертельный ударъ бердышемъ. Трупъ герцога завернули въ коверъ и отвезли въ цитадель, гдѣ положили съ тѣлами остальныхъ умерщвленныхъ.

Такъ кончилъ этотъ человѣкъ, который, не смотря на свои недостатки, былъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей своего времени. — Заговорщики и ихъ пособники подѣлили значительную движимость герцога. Они захватили и бумаги его; но въ нихъ не нашлось ничего, что хоть сколько-нибудь указывало бы на измѣну императору.

До другаго дня площадь была занята солдатами и уставлена заряженными пушками, — этимъ хотѣли напугать приверженцевъ герцога и отвратить ихъ отъ всякой попытки къ отмщенiю. Но никто не возсталъ за Валленштейна, — только плата да добыча приковывала бо́льшую часть солдатъ къ его знамени.

14. Битва при Нордлингенѣ (7 сентября 1634).

По смерти Валленштейна, главнымъ начальникомъ надъ войсками былъ назначенъ сынъ императора, король Фердинандъ венгерскій, а въ товарищи ему придали опытнаго въ военномъ дѣлѣ графа Галласа. Фердинандъ пользовался любовью войска и вскорѣ оправдалъ возложенное на него довѣріе. Съ войскомъ, усиленнымъ подкрѣпленіями изъ Испаніи, онъ обратился къ Баваріи, дабы изгнать изъ нея Шведовъ. Первымъ военнымъ его подвигомъ было взятіе Регенсбурга. Потомъ занялъ онъ Верхній Пфальцъ и направился къ Нордлингену. Пылая желаніемъ сразиться, юный герцогъ веймарскій, вопреки совѣтамъ Горна, настоялъ на томъ, чтобы дать сраженіе. Битва дана была 7 сентября 1634 г. и окончилась полнымъ пораженіемъ Шведовъ. Двѣнадцать тысячъ Шведовъ осталось на мѣстѣ, четыре тысячи, и между ними Горнъ съ тремя другими шведскими генералами, попали въ плѣнъ; при томъ всѣ орудія и весь обозъ достались побѣдителямъ.

Эта побѣда была тѣмъ же для католиковъ, чѣмъ, за три года и въ тотъ же самый день, была для протестантовъ побѣда при Брейтенфельдѣ. Положеніе Шведовъ сдѣлалось еще неутѣшительнѣе, когда отпалъ отъ нихъ давно уже колебавшійся курфирстъ саксонскій и заключилъ въ Прагѣ миръ съ императоромъ. Остальные нѣмецкіе князья, за исключеніемъ гессенскаго, тоже покинули Шведовъ, одинъ послѣ другаго примирившись съ императоромъ. Теперь, когда сила Шведовъ была сокрушена почти совершенно, когда враждующія партіи дошли до изнеможенія, — всѣ стали пылко желать окончанія войны, которая чуть не всю Германію превратила въ пустыню. Въ такихъ обстоятельствахъ, могъ ли кто думать, что война просвирѣпствуетъ еще 14 лѣтъ. Франція возжгла снова пламя войны въ Германіи.

Давно уже французскій министръ, кардиналъ Ришлье, съ коварной радостію взиралъ на крайность Австріи и всей Германіи. Онъ домогался ослабить ея преобладаніе и усилить Францію на счетъ нѣмецкихъ провинцій. Онъ старался деньгами и обѣщаніями поддерживать раздоры между нѣмцами, чтобы ослабляли они другъ друга и сами способствовали завоевательнымъ его планамъ. Прежде всего, онъ бросилъ взоры

на прекрасный Альзасъ и на крѣпость Филиппсбургъ. Дотолѣ Ришлье только слабо поддерживалъ Шведовъ, но тутъ онъ возобновилъ союзъ съ ними, обѣщалъ щедрое вспомоществованіе людьми и деньгами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, — дабы всю силу Шведовъ обратить противъ императора,—убѣдилъ короля польскаго еще на 26 лѣтъ возобновить съ Шведами истекшее уже перемиріе. Франція и сама нашла случай выступить явно противъ императора и имперіи. Курфирстъ трирскій заключилъ съ Шведами договоръ, которымъ обязывался устраниться отъ всякаго участія въ войнѣ, и затѣмъ, для охраны своего города, принялъ французскій гарнизонъ. Оскорбленный такимъ поступкомъ, король испанскій Филиппъ III выслалъ войска свои изъ Люксембурга противу Трира. Городъ былъ взятъ, французскій гарнизонъ изрубленъ, курфирстъ отведенъ въ плѣнъ. Ришльё объявилъ Испаніи войну, которая открылась въ Нидерландахъ и въ Италіи. Между тѣмъ, и противъ Австріи, союзницы Испаніи, выступило, безъ предварительнаго объявленія войны, французское войско.

Въ то время какъ Бернгардъ веймарскій, съ помощію Франціи, сражался на Рейнѣ, Шведы двинулись изъ Помераніи — вотъ какъ далеко они уже отступили — и 24 сентября 1636 г., подъ предводительствомъ Баннера и Врангеля, одержали при Виттстокѣ блистательную побѣду надъ соединенными австрійскими и саксонскими войсками. Вслѣдствіе этой побѣды, вся Турингія, весь Гессенъ освободились отъ императорскихъ войскъ и довѣріе протестантовъ къ шведскому оружію ожило снова. Несчастной Саксоніи пришлось испытать жестокую месть побѣдителя за союзъ свой съ императоромъ. Императоръ не дожилъ до окончанія войны. Онъ умеръ въ Вѣнѣ 15 февраля 1637 г.; сынъ его, Фердинандъ, наслѣвалъ послѣ него и престолъ и войну.

15. Фердинандъ III (1637—1657).

Всю первую половину своего царствованія Фердинандъ III долженъ былъ провести въ ужасахъ этой войны изъ войнъ. Какъ въ прежнее время война богемо-пфальцская послужила поводомъ къ войнѣ датской, а эта послѣдняя повела за собою войну шведскую, такъ теперь смерть Густава Адольфа и побѣда при Нордлингенѣ произвели французскую

войну. Война началась изъ-за религiозной свободы; но впослѣдствiи религiя мало по-малу отступила на заднiй планъ и мѣсто ея заняли своекорыстные виды разныхъ государей. По этому, съ теченiемъ времени, война эта все больше и больше утрачивала прежнiй свой интересъ. Французы домогались нѣмецкихъ владѣнiй на Рейнѣ, Швецiя хотѣла расширить державу свою при Нѣмецкомъ морѣ. Въ нѣмецкихъ князьяхъ явно преобладало желанiе сдѣлаться независимыми; оттого и помогали они иноземцамъ. Несчастная Германiя походила на великую добычу, которую туземные князья старались подѣлить съ иностранными.

Герцогъ веймарскiй сражался противъ императорскихъ войскъ въ Альзасѣ,—онъ надѣялся для себя самого завладѣть этою страною. Ему посчастливилось въ этомъ предпрiятiи: онъ разбилъ императорскiя войска при Рейнфельдѣ и Брейзахѣ, и осадилъ эту крѣпость. Австрiйское войско, высланное для освобожденiя Брейзаха отъ осады, было тоже разбито и самый городъ взятъ 3-го декабря 1638 г. Но съ покоренiя его, исчезло согласiе между Ришлье и Бернгардомъ. Ришлье надѣялся, что герцогъ ему передастъ важную крѣпость Брейзахъ, этотъ ключъ Германiи со стороны Францiи; а герцогъ отвергъ всякiя чужiя предложанiя и обѣщанiя. Онъ вознамѣрился присоединить Брейзахъ къ завоеванному имъ Альзасу. Но смерть уничтожила всѣ планы его честолюбiя. Онъ умеръ скоропостижно, 18 iюля 1639 г., въ Нейбургѣ на Рейнѣ, 34 лѣтъ отъ роду, вѣроятно отравленный Французами. Французы приняли къ себѣ въ наемники войска умершаго герцога и заняли въ свою пользу Альзасъ,— тогда уяснилась цѣль Францiи, какую имѣла она при поданiи помощи герцогу Бернгарду.

Послѣ столькихъ бѣдствiй безконечной войны, все громче и громче стало выражаться въ Германiи желанiе мира. Въ 1640 году, императоръ созвалъ сеймъ въ Регенсбургѣ: главная цѣль императора въ томъ состояла, чтобы побудить нѣмецкихъ князей отречься отъ иностранцевъ и соединенными силами изгнать изъ имперiи Французовъ и Шведовъ. Провѣдавъ о намѣренiяхъ императора, Баннеръ съ войскомъ своимъ, усиленнымъ французскими полками, поспѣшилъ къ Регенсбургу, съ цѣлью напасть врасплохъ на императора и на собравшихся тамъ князей. Эта смѣлая попытка не удалась однако; по причинѣ наступившей

оттепели, Баннеръ принужденъ былъ удовольствоваться одной кононадой. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (10 мая 1641 г.).

По смерти Баннера, прибылъ изъ Швеціи Торстенсонъ съ деньгами и войсками. Съ нѣжнаго возраста, онъ былъ пажемъ при Густавѣ Адольфѣ, и, подъ руководствомъ его, научился грозному военному ремеслу. Не смотря на то, что съиздавна страдалъ ревматизмами, онъ съ неимовѣрной быстротою дѣлалъ трудные зимніе походы, съ походныхъ креселъ или съ носилокъ отдавая свои приказанія. Изъ Люнебурга, онъ двинулся, черезъ Бранденбургъ, въ Силезію, завоевалъ Гроссглогау, и, 31 мая 1642, разбилъ при Швейдницѣ императорскія войска. Затѣмъ Шведы проникли въ Моравію, взяли Ольмюцъ, и, оставивъ въ сторонѣ крѣпкій Брюнъ, производили по всей странѣ смѣлые набѣги, заходя и внутрь Австріи; такъ шестеро всадниковъ отважились проникнуть даже до вѣнскихъ мостовъ на Дунаѣ, но были взяты въ плѣнъ и отведены въ городъ, гдѣ страннымъ одѣяніемъ, посадкой и языкомъ представили толпамъ народа необыкновенное зрѣлище. При такой явной опасности императорской столицы, поспѣшило къ ней войско, подъ предводительствомъ Пикколомини и эрцгерцога Леопольда, и оттѣснило Шведовъ къ Саксоніи. Но 2 ноября 1642 г., Торстенсонъ одержалъ надъ императорскими войсками блистательную побѣду при Брейтенфельдѣ—мѣстѣ побѣды Густава Адольфа надъ Тилли; вслѣдствіе чего, онъ снова двинулся въ Моравію и сталъ вызывать семиградскаго князя къ тому, чтобы соединился съ нимъ и побудилъ Порту къ разрыву съ императоромъ. Торстенсонъ задумалъ исполинскій планъ: идти прямо въ Вѣну и предписать миръ императору въ собственной его столицѣ. Но планъ этотъ былъ вскорѣ разстроенъ.

Шведы пріобрѣли себѣ новаго врага въ Датчанахъ, давно уже съ завистью смотрѣвшихъ на успѣхи оружія сосѣдей своихъ,—Датчане вступили въ союзъ съ императоромъ. Походъ изъ Моравіи въ Голштинію и Ютландію, до береговъ Нѣмецкаго моря, Торстенсонъ совершилъ какъ прогулку и наводнилъ всю страну своими полчищами. Потомъ обратился онъ назадъ, противъ императорскаго полководца Галласа, и отогналъ его отъ Нѣмецкаго моря, черезъ Эльбу, въ богемскія горы. Но при Янковицѣ встрѣтили его новыя императорскія войска, подъ предводительствомъ Гацфельда и Гёца. Здѣсь, 6 марта 1645 г., произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся совершенно ко вреду Австрійцевъ. Гёцъ и многіе

другіе генералы были разбиты, Гацфельдъ же, съ значительной колонной войска, со всѣми орудіями и обозомъ, попался въ плѣнъ. Остатки войска, въ крайнемъ безпорядкѣ, бѣжали къ Прагѣ, которую императоръ немедленно покинулъ, поспѣшно уѣхавъ въ Вѣну. Въ первую минуту, ужасъ, произведенный этими успѣхами Шведовъ, былъ даже сильнѣе, чѣмъ послѣ пораженія Тилли при Лейпцигѣ. Прага тѣмъ только и спаслась, что гордая мысль Торстенсона вся была направлена на Вѣну. Недѣлю спустя, онъ стоялъ уже на Дунаѣ и угрожалъ столицѣ. Императорское семейство, казну, архивъ перевезли въ Грецъ. Но императоръ рѣшился защищать Вѣну до послѣдней крайности и началъ готовиться къ оборонѣ. Торстенсонъ разсчитывалъ-было, что присоединится къ нему князь семиградскій, но князь хотѣлъ, чтобы Торстенсонъ прежде всего завоевалъ ему Венгрію. Шведскій генералъ потерялъ наконецъ терпѣніе, отступилъ отъ Вѣны и рѣшился сначала взять остававшееся у него въ тылу сборное мѣсто, Брюннъ, а потомъ возвратиться къ Дунаю. Но крѣпость оборонялась упорно, и послѣ многихъ приступовъ, Торстенсонъ принужденъ былъ, съ громаднымъ урономъ, снять осаду. Недовольный всѣмъ, этимъ, отступилъ онъ въ Богемію и сложилъ съ себя главное начальство, которое, послѣ него, принялъ Врангель.

Между тѣмъ, уже двое изъ сподвижниковъ императора сошли съ поля сраженія. Въ 1645 г., жестоко тѣснимый, король датскій заключилъ миръ съ Шведами; черезъ двѣ недѣли, курфирстъ саксонскій, владѣнія котораго были раззорены въ конецъ, тоже заключилъ перемиріе. Курфирстъ баварскій послѣдовалъ этому примѣру, и императоръ остался совершенно одинъ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля. Полководецъ его, Галласъ, умеръ въ это время,—онъ самъ сталъ во главѣ войска и удерживалъ дальнѣйшіе успѣхи Шведовъ. Вскорѣ курфирстъ баварскій приказалъ своимъ войскамъ примкнуть къ войску императора, и Врангель принужденъ былъ отступить изъ Богеміи въ рейнскія области. Тамъ соединился онъ съ знаменитымъ французскимъ генераломъ Тюренномъ, и оба вмѣстѣ, съ страшными опустошеніями, прошли черезъ всю несчастную Баварію, между тѣмъ какъ шведскій генералъ Кёнигсмаркъ, 25 іюля 1648 г., занялъ предмѣстья Праги. Уже предстоялъ приступъ къ столицѣ, когда, наконецъ, послѣ стольких неизреченныхъ бѣдствій и страданій, раздалась, какъ голосъ съ неба, радостная вѣсть о мирѣ!

Въ Прагѣ началась роковая война, въ Прагѣ и погасло губительное пламя.

15. Вестфальскій миръ (1648).

Еще въ 1641 г., два вестфальскіе города, Мюнстеръ и Оснабрюкъ были назначены для переговоровъ посланниковъ воюющихъ державъ о давножеланномъ мирѣ, но только въ 1648 г. начались переговоры съ католиками —въ Мюнстерѣ, съ протестантами—въ Оснабрюкѣ. Папскій нунцій и венеціанскій посолъ, какъ посредники между обѣими сторонами, засѣдали тоже въ Мюнстерѣ. Дѣла же направлялъ преимущественно императорскій посланникъ, графъ фонъ-Траутмансдорфъ. Чрезвычайныя затрудненія возникли при отдѣльныхъ переговорахъ; каждая сторона хотѣла только выиграть, никто не желалъ хоть что-нибудь проиграть; нѣсколько разъ казалось, что переговоры не состоятся. Особенно непомѣрныя требованія дѣлали Французы въ Мюнстерѣ, Шведы въ Оснабрюкѣ. Между тѣмъ, какъ посланники вели переговоры, обоюдными хитростями и обманами до крайности запутывая всѣ отношенія, войска продолжали сражаться, а побѣды и пораженія то задерживали, то ускоряли ходъ переговоровъ посланниковъ. Конецъ переговоровъ даже преднамѣренно оттягивали, ибо воюющія державы со дня на день надѣялись, что успѣхъ оружія склонетъ счастье на ихъ сторону, и посланники ихъ получатъ возможность явиться съ бо̀льшими еще требованіями. Только въ 1648 г., дѣятельность честнаго графа фонъ-Траутмансдорфа, крѣпко и искренно принявшагося за дѣла, привела миръ къ благополучному окончанію. Главные пункты мира были слѣдующіе:

Свобода и независимость Швейцаріи, отъ нѣмецкой имперіи, и Нидерландовъ, отъ Испаніи, формально признаны.

Франція удержала за собою Альзасъ, насколько простирались въ немъ австрійскія владѣнія, получала Зюндгау, крѣпости Брейзахъ и Филиппсбургъ: многія же крѣпости на Рейнѣ должно было срыть, такъ что Франція пріобрѣла открытый путь въ Германію. Сверхъ того, признана была окончательно власть ея надъ лотарингскими епископствами: Мецомъ, Тулемъ и Верднёомъ.

Швеція получила Верхнюю Померанію, островъ Рюгенъ, крѣпость Штетинъ, мекленбургскій городъ Висмаръ и секуляризированныя, т. е. обращенныя въ свѣтскія владѣнія, епископства Бременское и Верденское; притомъ—право засѣданія и голоса на нѣмецкомъ сеймѣ. Кромѣ того, обязывались выплатить Швеціи пять милліоновъ талеровъ за военныя издержки, покуда же соберетъ эти деньги истощенная Германія,—предоставлялось Шведамъ удержать за собою завоеванныя крѣпости.

За всѣми нѣмецкими князьями утверждена по закону давно уже отправляемая ими верховная мѣстная власть и, какъ принадлежность ея, право заключать между собою и съ иностранными державами союзы, съ тѣмъ только, чтобы союзы эти не служили во вредъ имперіи.

Въ отношеніи религіозномъ лютеранамъ и реформатамъ дарованы права наравнѣ съ католиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы оставались за ними всѣ церкви и церковныя имущества, которыми владѣли они съ 1624 г. Стало-быть, годъ этотъ былъ признанъ нормальнымъ. Этимъ самымъ втихомолку былъ отмѣненъ самъ собою прежній эдиктъ о возвратѣ церковныхъ имуществъ.

Миръ съ Швеціей былъ заключенъ въ Оснабрюкѣ 8 августа, съ Франціей—въ Мюнстерѣ 17 сентября; но оба мирные договора обнародованы только 24 октября. Всего унизительнѣе для нѣмцевъ было то, что иностранцы, Шведы и Французы, взяли на себя ручательство въ неприкосновенности германскаго государственнаго устройства и всѣхъ условій мира, и что нѣмцы же должны были кормить и содержать чужеземцевъ до тѣхъ поръ, пока всѣ эти условія были исполнены въ точности.

Такъ окончилась тридцатилѣтняя война, самая бѣдственная, самая позорная, какую когда-либо вела Германія. Нѣкогда столь цвѣтущая, она представляла послѣ войны ужасающее зрѣлище. Тысячи мѣстечекъ, селеній и городовъ лежали въ развалинахъ; бездомно скитались кое-гдѣ несчастные жители. Только въ Богеміи да Моравіи, кромѣ многихъ городовъ и мѣстечекъ, исчезло болѣе 1,000 селеній, исчезло такъ, что и мѣстъ, гдѣ они существовали, опредѣлить невозможно. Цѣлыя страны, гдѣ когда-то цвѣла веселая и дѣятельная жизнь, превратились въ безплодныя, страшныя пустыни. Поля лежали невоздѣланными; торговля и промышленность остановились; учебныя заведенія пришли въ запустѣніе или и совсѣмъ уничтожились,—они лишены были всякой поддержки, ибо

всѣ заботы были обращены исключительно на снаряженіе войска. Въ замѣнъ того, въ опустѣвшихъ странахъ расплодились дикіе звѣри и проникали даже въ города. Погибла почти половина населенія Германіи; заразительныя болѣзни, голодъ и отчаянье свирѣпствовали между тѣми, которые ушли отъ меча враговъ. А къ тому, страшная бѣдность, безпрестанный видъ всеобщей скорби ожесточили сердца. Нигдѣ не было безопасности; вся страна кишѣла разбойниками и убійцами. И чего можно было ожидать отъ юношества, возросшаго во время войны, въ угнетеніи и нищетѣ, въ непрестанномъ ужасѣ и крайности, отъ юношества, не знавшаго отрадныхъ благословленій мира!—Послѣ столькихъ ужасовъ, Германія только мало-по-малу могла отдохнуть.

ГЛАВА V.

Неограниченные монархи.

ЛУДОВИКЪ XIV (1643—1715).

1. Франція и Германія.

Печальныя послѣдствія тридцатилѣтней войны отразились особенно тяжко, когда на французскій престолъ вступилъ самодержецъ, властолюбивый и гордый, поставившій себѣ цѣлію унизить всѣ сосѣдственныя державы и сдѣлать ихъ зависимыми отъ Франціи. Лудовикъ, еще шестилѣтнимъ ребенкомъ, былъ коронованъ королемъ Франціи, но до совершеннолѣтія,—правительницею была мать его, Анна австрійская. На 14-мъ году, онъ объявилъ себя въ парламентѣ совершеннолѣтнимъ и началъ царствованіе, безспорно, самое блестящее въ цѣлой французской исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конецъ разорившее бѣдный народъ.

Министры Ришлье и Мазарини сломили самостоятельность дворянъ; парламенты же, разрѣшавшіе взиманіе податей, принуждены были безпрекословно исполнять во всемъ волю короля. Разъ, члены парламента

рѣшились-было не уступать больше чрезмѣрнымъ требованіямъ правительства, но молодой Лудовикъ, собиравшійся на охоту въ Сен-Жермень, вовесь опоръ прискакалъ въ Парижъ, вошелъ, въ охотничьемъ платьѣ и съ хлыстомъ въ рукѣ, въ собраніе и такъ прикрикнулъ на этихъ членовъ, что они смиренно согласились на всѣ требованія. Воля одного была закономъ для всѣхъ. Однажды, говорили, при Лудовикѣ, о государствѣ: „государство—это я!“ (L'état, c'est moi!) возразилъ онъ быстро. Немудрено, что Лудовикъ пріобрѣлъ такую сильную власть, что императоръ и короли преклонялись передъ нимъ: стоило ему сказать одно слово и цѣлыя войска готовы были исполнять его повелѣнія.

Иное дѣло было въ Германіи, въ этомъ туловищѣ съ сотнею головъ, гдѣ каждый князёкъ и герцогъ хотѣлъ играть роль короля, гдѣ никто не слушался императора и никто не заботился о благѣ имперіи. Въ Германіи, даже иные богатые, мануфактурные и торговые, города пытались достигнуть независимости старыхъ имперскихъ городовъ. Такъ Мюнстеръ, Эрфуртъ, Брауншвейгъ и Магдебургъ противились князьямъ во владѣніяхъ которыхъ они лежали, отказывались платить имъ налоги, не пускали къ себѣ ихъ гарнизоны. Пришлось унимать ихъ вооруженною рукой. Ближайшій совѣтникъ императора, князь Лобковицъ, состоялъ на жалованьи у Франціи,—духовные курфисты кельнскій, майнцскій и трирскій хотѣли, даже подать свой голосъ въ пользу избранія императоромъ германскимъ короля Лудовика XIV. Но протестанты сильно воспротивились этому и остались вѣрными австрійскому дому.

3. Курфирстъ бранденбургскій, противъ Лудовика.

Въ 1672 году, Лудовикъ XIV, самымъ несправедливымъ образомъ, напалъ на Соединенные Нидерланды—и германскіе, прирейнскіе князья были до того ослѣплены, что пособляли ему. Нидерландцамъ грозила великая опасность, — напрасно взывали они къ сосѣдямъ о помощи. Одинъ только курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ бранденбургскій, опасаясь за свои вестфальскія владѣнія, да разчитывая на хорошое вознагражденіе за помощь, обѣщанное ему Голландцами, отважился выступить противъ Лудовика, и мало того: убѣдилъ также и императора приступить къ союзу. Но горько долженъ былъ онъ раскаяться въ этомъ! Онъ не зналъ,

что императорскій министръ, князь Лобковицъ, состоитъ на жалованьѣ у Французовъ, что министръ этотъ далъ тайное приказаніе генералу Монтекукули, который дѣйствительно выступилъ въ походъ съ 17,000 императорскимъ войскомъ, ни подъ какимъ видомъ, не вступать въ сраженіе съ Французами. Въ полной надеждѣ положить конецъ французскому хищничеству въ Голландіи, курфирстъ соединился съ австрійскимъ полководцемъ въ Гальберштатѣ и оттуда прямо двинулся въ Вестфалію, чтобы прекратить грабительства въ ней *Тюренна*. Но Монтекукули различными доводами доказалъ ему, что гораздо выгоднѣе идти на Мозель, отрѣзать тамъ всякій подвозъ Французамъ, и въ Литтихской области соединиться съ Голландцами, — чрезъ то Французы принуждены будутъ сами оставить Вестфалію и Нидерланды. Фридрихъ Вильгельмъ уступилъ авторитету великаго полководца и, безъ ропота, не смотря на большой крюкъ, послѣдовалъ за нимъ, чрезъ гессенскія владѣнія, на Кобленцъ;—а такъ какъ Триръ, Майнцъ и Пфальцъ не позволили имъ, изъ страха Французовъ, пройдти чрезъ свои владѣнія, — они должны были сдѣлать крюку еще больше. Когда уже можно было переправиться черезъ Рейнъ, Монтекукули отнюдь не соглашался на это, подъ тѣмъ предлогомъ, что войска ихъ не въ состояніи сразиться съ генералами Тюренномъ и Конде. Нѣмецкое войско, измученное столькими безполезными маршами, отступило опять, черезъ Гессенъ и Вестервальдъ, въ Вестфалію, на зимнія квартиры, откуда, однако, по причинѣ голода и непріязненныхъ дѣйствій мюнстерскаго епископа, державшаго сторону Французовъ, принуждено было удалиться за Везеръ. Такимъ образомъ превосходное войско, цѣлое лѣто и осень водимое по-напрасну, взадъ и впередъ, погибло отъ вѣроломства предателя!

Обманутый курфирстъ лишился не только войска, но и обѣщанныхъ Голландцами за помощь денегъ; сверхъ того, онъ принужденъ былъ допустить Французовъ не только разорять вестфальскія его владѣнія, но и отнять у него крѣпости Везель и Реесъ. Тяжелыми жертвами онъ купилъ себѣ миръ у Французовъ.

3. Завоевательная война противъ Германіи.

Лудовикъ XIV смѣялся надъ этими несогласіями германскихъ князей и даже дозволялъ себѣ дерзкія выходки противъ нихъ. Такъ было от-

нято, безъ дальнихъ околичностей, имущество у германскихъ купцовъ, проживавшихъ на Рейнѣ; такъ былъ сожженъ рейнскій мостъ при Страсбургѣ; Трирская и Кельнская области, по которымъ столько разъ, взадъ и впередъ, проходили войска,—страшно опустошены; десять же имперскихъ городовъ въ Альзасѣ, по вестфальльскому миру оставленные за имперіей,—присоединены къ Франціи. И все это дѣлалось во время мира. Лудовикъ съ намѣреніемъ дразнилъ императора Леопольда, — ему хотѣлось отнять у него всю Лотарингію и снова заключить миръ, подобный Вестфальскому.

И удалось все, чего добивался, различными поисками, Лудовикъ XIV. Императоръ, дорожа своею честью, не могъ дольше молчать: послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ представленій, онъ объявилъ, въ 1673 году, войну Лудовику. Въ августѣ, 33-тысячный корпусъ, подъ предводительствомъ Монтекукули, двинулся изъ Верхняго Пфальца къ Майну. Тюреннъ шелъ уже ему на встрѣчу; ибо подразумѣвалось, что бѣдная Германія всегда должна быть театромъ военныхъ дѣйствій. При Оксенфуртѣ, во Франконіи, сошлись оба войска. Австрійскому полководцу удалось стѣснить Французовъ до такой степени, что ничего не стоило бы ему уничтожить непріятельское войско, еслибы не получилъ онъ отъ измѣнника Лобковица тайнаго приказанія, ни подъ какимъ видомъ, не давать сраженія. Тюреннъ благополучно отступилъ къ Филиппсбургу, оставивъ, на пути черезъ Пфальцъ, отвратительнѣйшіе слѣды французскаго способа веденія войны. Тюреннъ былъ превосходный полководецъ,— онъ легко понялъ выгоды своего положенія и разбилъ нѣмцевъ при Гольцгеймѣ. Прекрасныя прирейнскія мѣста должны были жестоко поплатиться за недостатокъ единодушія въ имперіи. По приказанію военнаго министра Лудовика XIV, Лувуа, въ Пфальцѣ были выжжены до-тла города и селенія, были прогнаны люди съ пепелищъ своихъ, и вся пограничная полоса земли между Германіею и Франціею превращена въ пустыню.

Фридрихъ Вильгельмъ съ 20,000 войскомъ хотѣлъ-было подать помощь Австрійцамъ,—но послѣдніе отнюдь не желали раздѣлить съ кѣмъ-либо славу побѣды и слишкомъ поторопились начать военныя дѣйствія.

4. Великій курфирстъ при Фербеллинѣ (1675).

И на этотъ разъ пришлось великому курфирсту тяжело поплатиться за свой патріотизмъ. Лудовикъ XIV заключилъ союзъ съ Шведами, — по указаніямъ его, они должны были вторгнуться во владѣнія курфирста. Въ декабрѣ 1674 г., межъ тѣмъ какъ курфирстъ съ своимъ войскомъ стоялъ во Франконіи, Шведы, подъ предводительствомъ фельдмаршала *Врангеля*, вторглись въ Померанію и Маркграфство Бранденбургское, налагая на жителей обѣихъ провинцій громадныя военныя контрибуціи. Лудовикъ торжествовалъ; онъ думалъ, что нашелъ великолѣпное средство разъединить имперскую армію. Между тѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ пытался побудить къ войнѣ противъ Шведовъ дворы вѣнскій и копенгагенскій; но тотъ и другой отказались пособить ему. Напрасно тоже старался онъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. Ему надо было уже надѣяться только на собственныя свои силы. Въ началѣ іюня 1675 г., двинулся онъ внезапно, достигъ форсированнымъ маршемъ Магдебурга, ночью переправился черезъ Эльбу и стоялъ подъ *Ратеновомъ*, когда всѣ думали, что онъ еще далеко во Франконіи. Велико было смущеніе Шведовъ, находившихся въ Ратеновѣ, когда они увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ. Бо́льшая часть изъ нихъ была изрублена, а остальные, равно какъ и Шведы стоявшіе въ Бранденбургѣ и окрестностяхъ, хотѣли-было бѣжать въ Гавельбергъ, гдѣ была главная квартира Врангеля; но курфирстъ послалъ на перерѣзъ имъ конницу и приказалъ сломать всѣ мосты. Принцу Гессенъ-Гомбургскому, съ 1600 конницы, поручено было задержать непріятеля, имѣвшаго до 7800 человѣкъ войска, но не начинать сраженія до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ самъ курфирстъ. При *Фербеллинѣ* Шведы сдѣлали привалъ и заняли выгодную позицію. Принцъ Гомбургскій, увлеченный мужествомъ своимъ, сдѣлалъ-таки нападеніе, но вскорѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Курфирстъ находился еще на цѣлую милю отъ мѣста битвы. Почти цѣлую милю бѣжали туда полнымъ бѣгомъ войска курфирста. Быстро обозрѣлъ онъ позицію, расположилъ свои орудія на незанятомъ еще холму и началъ громить непріятеля. Шведы съ яростію бросились къ холму и на бранденбургскія

орудія; уже поколебались нѣкоторые отряды, но явился курфирстъ и сталъ во главѣ нѣсколькихъ эскадроновъ, лишившихся уже офицеровъ. „Не робѣйте“ воскликнулъ онъ, „я, вашъ государь, теперь вашъ предводитель, хочу или побѣдить или по-рыцарски умереть съ вами!“ Бранденбургцы опрокинули вездѣ непріятеля, и Врангель началъ отступленіе къ Фербеллину. Вся артиллерія и обозъ его достались побѣдителямъ.

То была достопамятная битва, первая, какую выиграли одни Бранденбургцы и у непріятеля, котораго считали еще въ то время непобѣдимымъ. Самъ Монтекукули приказалъ три раза выстрѣлить въ честь побѣды. 2000 телѣгъ и безчисленное множество скота, изъ добычи, курфирстъ отдалъ тяжко пострадавшимъ крестьянамъ.

5. Реюньонныя камеры Лудовика.

Храбрость, однако, немного помогла курфирсту, потому что когда дѣло дошло до Нимвегенскаго мира, императоръ долженъ былъ все уступить Шведамъ; Франшъ-Конте (вольное графство бургундское), — принадлежавшее прежде, какъ имперское лэнное владѣніе, къ Германіи, было присоединено къ Франціи, крѣпость Фрейбургъ тоже ей уступлена. Мнѣнія германскихъ князей на счетъ этихъ уступокъ вовсе и не спрашивали, — а Фридрихъ Вильгельмъ одинъ не могъ прекословить; онъ принужденъ былъ даже возвратить только-что завоеванную Шведскую Померанію.

Завоеванныя нѣмецкія земли, казалось, только разлакомили Французовъ; имъ захотѣлось еще бо́льшаго. Лудовикъ попытался продолжать свои завоеванія и во время мира: парламентскій совѣтникъ въ Мецѣ, Роланъ де-Раво изобрѣлъ средство для того, чтобы „великій король“ могъ завладѣть не только лѣвымъ берегомъ Рейна, но, пожалуй, и всѣми берегами въ мірѣ. Онъ представилъ военному министру, *Лувуа*, что можно сдѣлать отличное употребленіе изъ выраженія въ послѣднихъ мирныхъ договорахъ: „такіе и такіе-то города уступаются Франціи *со всѣмъ*, что́ принадлежитъ къ нимъ“, — слѣдуетъ только заглянуть въ исторію какія земли, города и селенія принадлежали когда-то къ той или другой области и, навѣрное, можно будетъ найдти постоянную связь

между ними. Лувуа, на первыхъ порахъ, счелъ этого человѣка безумнымъ; однако, чѣмъ больше сталъ вдумываться въ это предложеніе, тѣмъ основательнѣе казалось оно ему, особенно же когда онъ сообразилъ, что растерзанной Германіи безнаказанно можно наносить всяческія оскорбленія. Онъ рѣшился представить мысль Ролана де-Раво королю, которому, какъ нельзя лучше, пришлась по душѣ возможность завладѣть, не обнажая меча, всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна. Дѣло началось въ законной юридической формѣ. Въ Мецѣ и Безансонѣ, потомъ въ Дорникѣ и Брейзахѣ были учреждены четыре „достопочтенныя" судилища, называвшіяся „Безсоединительными Камерами". Камеры эти обязаны были изслѣдовать обо всемъ, что̀ принадлежало *когда-то* къ землямъ, уступленнымъ Французамъ по Вестфальскому и Нимвегенскому миру, — а за разслѣдованіемъ должно было идти и возсоединеніе съ Франціей. Можно себѣ представить какія открытія въ исторіи сдѣлали эти господа. Они присудили своему королю до 600 городовъ, селеній и замковъ. Король тотчасъ же пригласилъ владѣльцевъ этихъ городовъ, селеній и замковъ присягнуть новому верховному своему государю, а какъ они не являлись для такой присяги, то объявилъ ихъ лишенными владѣній. Напрасны были вопли и жалобы противъ Лудовика. Онъ, въ одномъ лицѣ своемъ, былъ обвинителемъ, свидѣтелемъ, судьею и исполнителемъ приговора; наглый Лувуа доказывалъ справедливость грабежа тѣмъ, что по этому поводу нарочно учреждены были судныя коммиссіи. Обиженные принесли жалобу нѣмецкому имперскому сейму: но въ сеймѣ шли споры о правахъ на красныя и зеленыя кресла при засѣданіяхъ и о правописаніи слова Kurfürst. Наконецъ-таки всѣ согласились на съѣздъ во Франкфуртѣ, куда и Лудовикъ обѣщалъ прислать пословъ. Но между тѣмъ какъ нѣмецкіе депутаты спорили на съѣздѣ о рангахъ и достоинствахъ, по которымъ подобаетъ имъ размѣститься въ собраніи,—Лудовикъ занялъ *Страсбургъ* и *Казале*, ключи Германіи и Италіи, да приказалъ обезоружить гражданъ страсбургскихъ, соборъ передать католикамъ, городъ же сильно укрѣпить. Епископъ Фюрстенбергъ встрѣтилъ короля въ соборѣ словами: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое!" Такимъ позорнымъ образомъ отнятъ былъ у имперіи городъ, о которомъ Карлъ V такъ говаривалъ: „Еслибы Турокъ стоялъ

подъ Вѣной, а Французъ подъ Страсбургомъ, я бы поспѣшилъ, скорѣе, къ угрожаемому Страсбургу!“

6. Осада Вѣны Турками. Янъ Собіесскій (1683).

Скоро должна была пасть,—такъ думалъ Лудовикъ XIV, —и императорская резиденція, *Вѣна*, этотъ второй ключъ къ Германской имперіи, оплотъ ея съ востока. Въ неутомимомъ старанiи о погибели Германіи, Лудовикъ подбилъ *Турокъ* къ нападенію на императора. Король Франціи, словно въ насмѣшку носившій титулъ христіаннѣйшаго короля, во все свое царствованіе, добивался разомъ сокрушить Германію, съ одной стороны силою собственнаго своего оружія, съ другой — оружіемъ исконнаго врага христіанства. Впрочемъ, и самъ императоръ былъ виною вторженія Турокъ. Онъ далъ полную волю Іезуитской партіи искоренить евангелическое исповѣданіе въ гордившейся своею свободою Венгріи; всѣ, кто держался тамъ этого исповѣданія, подвергались всякимъ угнетеніямъ и насильственно были обращаемы въ католицизмъ. Для предупрежденія возстанія, введены были въ Венгрію нѣмецкія войска, но Венгерцы поднялись за правое свое дѣло. Во главѣ ихъ сталъ отважный *Эммерихъ Текели*. Вскорѣ возстаніе охватило всю Венгрію, а Лудовикъ злорадно разжигалъ мятежъ чрезъ посредство своихъ агентовъ. Текели передался Туркамъ: онъ имѣлъ цѣлію возложить на себя, сдѣлавшись турецкимъ вассаломъ, венгерскую королевскую корону.

Старанія Лудовика XIV подбить Турокъ ко вторженію въ Германію совпадали съ планами великаго визиря *Кара-Мустафы*, человѣка уже пожилаго, но пылкаго, надменнаго и честолюбиваго, человѣка, который считалъ себя призваннымъ докончить дѣло борьбы исламизма съ христіанствомъ. Семь лѣтъ онъ готовился къ своему предпріятію— завоевать Западъ. Подъ его знаменами были собраны цѣлыя арабскія племена, Курды, Мамелюки, Албанцы, Татары, даже Греки. Всю зиму 1683 г., шли турецкія войска отъ Адріанополя на Бѣлградъ и Буду.

Положеніе Германіи, въ виду вторженія въ нее Турокъ, сильно озабочивало короля польскаго, Яна Собіесскаго. Онъ руководствовался тутъ не одними рыцарскими чувствами, ему свойственными, но и разсчетами разумной политики. Удалить опасность отъ Германіи, значило обезопа-

сить Польшу отъ того врага, съ которымъ Собіесскій боролся уже цѣлыхъ 30 лѣтъ; ослабить турецкую силу, значило спасти европейское христіанство отъ постоянной опасности, значило дать возможность всѣмъ славянскимъ народамъ собираться все болѣе и болѣе съ силами для будущаго ихъ развитія. Провидѣніе явно руководило мыслію послѣдняго великаго короля Польши.

Императоръ предложилъ Собіесскому, за его помощь, скрѣпить политическій союзъ союзомъ семейнымъ, лишь только сынъ Собіесскаго достигнетъ возраста необходимаго для брака; онъ обѣщалъ тоже даровать титулъ принцевъ имперіи отцу и брату польской королевы; наконецъ,— обезпечить за королемъ и его семействомъ верховную власть надъ Молдавіей и Валахіей. Но король Янъ не увлекался личными выгодами,—онъ хотѣлъ дѣйствовать только въ интересахъ своего народа и требовалъ, чтобы оба государства взаимно обязались поддерживать другъ друга, покуда продолжится война, чтобы Австрія отказалась отъ притязаній на соляныя копи Велички, чтобы, наконецъ, императоръ далъ денежное вспомоществованіе на первыя издержки похода. И на этомъ не останавливались планы Собіесскаго; онъ предлагалъ тоже возстановить республику Пелопонезскую и Аѳинскую. Когда мусульмане были еще особенно страшны, онъ уже думалъ отнять у нихъ прекраснѣйшую добычу ихъ, Грецію, и прогнать ихъ навсегда въ Азію. Съ этою же цѣлію, онъ старался отдѣлить Венгровъ отъ Турціи, помирить Лудовика съ императоромъ и втянуть въ союзъ противъ Турокъ венеціанскую республику, царя московскаго, даже Персію. Текели, по требованію Собіесскаго, не смѣлъ отказать въ перемиріи съ императоромъ,—оттого, Леопольдъ могъ употребить зиму на пополненіе своихъ магазиновъ, на укрѣпленіе разныхъ мѣстъ, на усиленіе арміи. Между тѣмъ, Лудовикъ XIV хлопоталъ, чтобы императоръ не нашелъ себѣ внѣшней помощи противу Турокъ: для этой цѣли, онъ поручилъ своему посланнику въ Польшѣ, маркизу де-Витри, подготовить паденіе Яна Собіесскаго.

Между знатными, вліятельными Поляками, было много людей, по разнымъ причинамъ, благопріятствовавшихъ видамъ Франціи. Всѣ недовольные, всѣ тѣ, кому наскучилъ покой Польши, кому надоѣла слава ихъ вѣнчаннаго согражданина, Яна Собіесскаго, стали домогаться помѣшать ему въ его намѣреніи подать помощь императору.

27-го января 1683 года, открылся сеймъ въ Польшѣ. Когда были допущены на сеймъ папскій нунцій и посланникъ императора, раздались такія рѣчи на сеймѣ: „Турки хотятъ подчинить своей власти все теченіе Дуная? А намъ что̀ за дѣло! Два года тому назадъ, они угрожали Польшѣ,—помогъ ли намъ тогда императоръ? Теперь султанъ предлагаетъ намъ вѣчный миръ, — зачѣмъ же мы вооружимся противъ него? Турки намъ не враги; наши вѣчные враги—Бранденбургъ и Австрія, уже осмѣливавшіяся составлять договоры о раздѣлѣ Польской Республики. Къ тому же, наши предки всегда заботились о сохраненіи дружбы Франціи, которая угнетать насъ не можетъ, а можетъ только защищать насъ,—и мы ли отвергнемъ полезный союзъ французскій для того, чтобы помочь враждебному намъ государю, желающему посягнуть на наши земли и на наши учрежденія?“

Нѣкоторые изъ великихъ сановниковъ польскихъ, подкупленные Франціею, затѣвали даже низвергнуть Собіесскаго съ престола. Но Собіесскому удалось перехватить корреспонденцію французскаго посланника, въ которой онъ хвастался передъ своимъ государемъ, что онъ подкупилъ многихъ вельможъ, что даже легко было ему сдѣлать это, такъ какъ Поляки легкомысленны и продажны. Король отправился въ сенатъ; тамъ онъ велѣлъ прочитать перехваченные документы, столь обвинявшіе заговорщиковъ, которые, по бо̀льшей части, были тутъ же на лицо. Разумный и великодушный, онъ выразилъ гнѣвъ и презрѣніе только одному вельможѣ, котораго письмо было тоже перехвачено, а затѣмъ объявилъ, что маркизъ де-Витри оклеветалъ прочихъ вельможъ, и, наконецъ, просилъ сеймъ объявитъ войну поддерживаемымъ Франціею Туркамъ, которые, угрожая Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаютъ и Польшѣ. Сеймъ единодушно согласился съ мыслею короля; даже заговорщики спѣшили одобрить её, чтобы избавиться отъ обвиненія въ измѣнѣ и въ продажничествѣ. Между тѣмъ, и общественное мнѣніе гнѣвно выразилось противъ посланника Лудовика XIV-го; онъ подвергся оскорбленіямъ на улицахъ; и одинъ вельможа говорилъ на сеймѣ, что надо отколотить его палками. Витри долженъ былъ оставить Польшу. Желая все-таки выслужиться, онъ представилъ своему государю, что Польша слишкомъ слаба для войны съ Турками; что если и втянется она въ войну, то Янъ Собіесскій, черезъ-чуръ тучный и подверженный подагрѣ, самъ лично не явится въ поле.

31-го марта, союзъ съ императоромъ былъ заключенъ. Императоръ обязался имѣть 60 тысячъ войска, а Польская Республика—40 тысячъ на все время начинающейся войны. Между тѣмъ, отрядъ казаковъ, грабившій около Адріанополя, перехватилъ письмо, въ которомъ говорилось, что Кара-Мустафа приготовляется напасть именно на Вѣну. Король Янъ предупредилъ объ этомъ императора; но императоръ не повѣрилъ извѣстію, какъ не вѣрилъ вообще въ польскую помощь—и не принялъ особенныхъ мѣръ для укрѣпленія Вѣны.

Между Бѣлградомъ и Будою, лѣнивый и роскошный султанъ Магометъ IV торжественно вручилъ Кара-Мустафѣ золотую одежду, лукъ осыпанный бриллiантами, большое знамя пророка Магомета—и громадная турецкая армія тронулась въ походъ. Съ своей стороны, Лудовикъ XIV направился на Рейнъ, чтобы поразить окончательно австрійскій домъ. Въ виду двойной опасности, императоръ принужденъ былъ раздѣлить войска, и на Дунаѣ онъ могъ выставить не болѣе 30 тысячъ. Ожидали-было, что Турки осадятъ сильную крѣпость Раабъ, и туда поспѣшилъ вождь императорскаго войска, Карлъ Лотарингскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ воиновъ своего времени. Но Турки обошли Раабъ. Карлъ Лотарингскій долженъ былъ отступить. Не далеко отъ Вѣны, онъ сразился съ Турками, и хотя не былъ разбитъ, однако, опять-таки принужденъ былъ къ отступленію. При извѣстіи о кровавой битвѣ, объ отступленіи Лотарингскаго (5 іюля), Вѣна была охвачена ужасомъ. А Леопольдъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, *говорить о настоящихъ обстоятельствахъ!* О нихъ, точно, перестали говорить; протекли сутки,—и вотъ, со стороны Венгріи, появились Татары, предавая все огню и мечу. И поплатились тутъ жестоко поселяне, которые мирно убирали свои поля. 7 іюля дворъ, преслѣдуемый проклятіями подданныхъ, справедливо приписывавшихъ все бѣдствіе дурному правленію и слабости императора, сломя голову бѣжалъ въ Линцъ. Гарнизонъ Вѣны, подъ начальствомъ доблестнаго графа Штаремберга, граждане вѣнскіе работали и день и ночь, чтобы затруднить непріятелю подступъ къ городу: они разрушали или жгли дома свои въ предмѣстьяхъ; но Турки дѣйствовали чуть ли не скорѣе чѣмъ пожаръ,—быстро поставили они батареи и открыли траншеи въ 200 только шагахъ отъ линіи укрѣпленій. Съ ужасомъ видѣли Вѣнцы какъ въ четыре дня выросъ во-

кругъ ихъ города другой городъ, гораздо обширнѣе и многолюднѣе, чѣмъ Вѣна, полный корованами купцовъ Европы и Азіи, блестящій всею роскошью Востока, городъ предназначенный поглотить Вѣну. Среди этого города-лагеря, возвышались, господствуя надъ Вѣною, Дунаемъ и лагеремъ, палатки Кара-Мустафы. У Кара-Мустафы тутъ былъ весь его сераль, весь его домъ. Мебель въ его палаткахъ была обтянута кашемиромъ, парчею, бархатомъ; его оружіе, его одежды, самъ онъ, сіяли золотомъ и дорогими каменьями. Не считая евнуховъ, невольниковъ, музыкантовъ, купцовъ, рабочихъ, женщинъ, у великаго визиря было подъ начальствомъ, по крайней мѣрѣ, 300 тысячъ воиновъ. На первыхъ порахъ, грозный вождь распоряжался съ удивительной, ужасающею быстротою: уже 15 іюля, Вѣна была обложена со всѣхъ сторонъ; 16-го началось бомбардированіе по всей линіи, — въ этотъ день театръ, одинъ изъ монастырей, одна богатая церковь, арсеналъ были обращены въ пепелъ; дворецъ императора разрушенъ; траншеи доведены на 30 шаговъ отъ крайней точки оборонительной линіи; воздвигнуты и новыя батареи; графъ Штарембергъ былъ раненъ; и великой визирь уже требовалъ, чтобы Вѣна сдалась на капитуляцію.

При вѣсти объ осадѣ и о началѣ ея, вся Европа пришла въ ужасъ. Самъ Лудовикъ XIV объявилъ, что во все продолженіе войны съ Турками воздержится отъ непріятельскихъ дѣйствій противъ австрійскаго дома, если только императоръ признаетъ, въ теченіи мѣсяца, *справедливость* его притязаній. „Великій“ король, въ этомъ случаѣ, невольно подчинялся общественному мнѣнію Европы, которая упрекала его за воздвигнутую имъ опасность для всего христіанства.

Между тѣмъ, король польскій спѣшно собирался въ походъ. Но императоръ, папа, Лудовикъ XIV, Кара-Мустафа были убѣждены, что Янъ Собіесскій, этотъ великій воинъ, самъ по себѣ уже казавшійся великою помощью, не будетъ находиться при вспомогательномъ польскомъ войскѣ. Это мнѣніе съ разныхъ сторонъ послужило въ пользу имперіи. Лудовикъ XIV пріостановилъ непріязненныя дѣйствія противъ императора: доведя все-таки до крайности имперію, онъ надѣялся сдѣлаться единственнымъ спасителемъ Европы и для того уже заранѣе собирался съ силами. Кара-Мустафа замедлилъ первоначальную свою стремительность въ осадѣ Вѣны. Впрочемъ, тутъ орудовалъ и разсчетъ его жадности: онъ

сообразилъ, что если продолжать осаду съ особенной энергіей, то всѣ богатства двора, духовенства, дворянства, купечества въ Вѣнѣ могутъ погибнуть отъ грабежа во время приступа, — ему все хотѣлось мало-по-малу довести городъ до сдачи. Къ тому-жъ, живя въ лагерѣ со всѣми роскошными удобствами своего обыкновеннаго дома, онъ проводилъ время черезъ-чуръ уже по домашнему,—оттого, только изрѣдка, и то мелькомъ, посѣщалъ онъ осадныя работы.

Время текло; насталъ августъ. Тревога въ Европѣ удвоивалась; но увеличивались и силы императора. Курфирсты Баварскій и Саксонскій выступили въ походъ съ своими войсками на соединеніе съ Карломъ Лотарингскимъ; изъ Рима, отъ папы и кардиналовъ, изъ Испаніи и Португаліи, присылались денежныя пособія; волонтеры со всей Европы, даже Французы, стекались подъ императорскія знамена. Но самая большая помощь ожидалась все-таки отъ короля польскаго. Однажды, посланникъ императора и нунцій папскій бросились къ его ногамъ, обнимали его колѣна. Императоръ предложилъ, наконецъ, Собіесскому навсегда цѣлое венгерское королевство, если только король Янъ возмется завоевать его у Турокъ, да если сохранитъ австрійскому дому древнюю столицу его предковъ. Но король отвѣчалъ, что онъ будетъ дѣйствовать не изъ личныхъ разсчетовъ, а во славу Божію и на пользу христіанскаго міра.

Не выждавъ даже сбора всѣхъ войскъ своихъ, 15 августа, онъ выступилъ въ походъ къ Германіи. Ему было тогда 59 лѣтъ; духъ его былъ бодръ, но тѣло изнемогло отъ трудовъ: безъ посторонней помощи, онъ уже не могъ садиться на коня. При вѣстѣ о его походѣ, возродились надежды на спасеніе въ цѣлой Европѣ; вся Германія ликовала, какъ отъ побѣды; отовсюду стремился народъ на встрѣчу героическому королю. Зато, Лудовикъ XIV весьма разгнѣвался и арміи своей велѣлъ вторгнуться въ Нидерланды. Одинъ только Кара-Мустафа остался спокойнымъ, онъ вовсе не вѣрилъ въ походъ Собіесскаго; онъ продолжалъ вяло вести осаду, довольствуясь лишь расширеніемъ бреши въ вѣнскихъ укрѣпленіяхъ да изрѣдка частными приступами, или же мелкими стычками съ войсками Карла Лотарингскаго.

Между тѣмъ, Вѣна была въ весьма опасномъ положеніи: повальныя болѣзни, бомбардированіе, приступы, истомили гарнизонъ до крайности;

уже почти два мѣсяца продолжалась осада, — въ эти два мѣсяца истощились военные и продовольственные припасы, а притомъ подкопы непріятеля подъ укрѣпленія безпрерывно грозили смертною опасностію. Графъ Штарембергъ далъ знать Карлу Лотарингскому, что осажденные не могутъ болѣе держаться. Императоръ и Европа не сомнѣвались, что помощь Вѣнѣ придетъ слишкомъ поздно. Съ началомъ сентября, опасность еще возросла: бомбардированіе усилилось; передовыя укрѣпленія были разрушены; Штарембергъ наскоро укрѣпилъ входы въ улицы,—то было послѣднее средство его мужества и отчаянія. Каждую ночь, онъ пускалъ съ колокольни Св. Стефана ракеты въ знакъ крайняго своего положенія.—Но вдругъ, на вершинѣ Каленберга блеснуло яркое пламя,—тамъ стояли уже войска польскаго короля, тамъ была цѣлая армія. Несказанно оживило это защитниковъ Вѣны.

Еще 5 сентября, встрѣтился на Дунаѣ Карлъ Лотарингскій съ Яномъ Собіесскимъ. Плача отъ радости, приняли знаменитаго вождя имперцы,—солдаты, дворяне, принцы. Передъ тѣмъ, раздоръ царствовалъ между союзными принцами, но тутъ разомъ раздоръ прекратился: безпрекословно поступили всѣ подъ начальство героя. Не задолго до прибытія короля, Карлъ Лотарингскій, стоявшій на лѣвомъ берегу Дуная, устроилъ черезъ рѣку эту тройной мостъ; Кара-Мустафа допустилъ это сдѣлать безприпятственно. Однако, курфирсты колебались переправиться за рѣку. Погода стояла крайне-ненастная; отъ долгихъ, проливныхъ дождей дороги сдѣлались почти непроходимыми; все это усиливало опасенія нѣмецкихъ вождей. Но король Янъ не колебался.—„Нечего тутъ страшиться,—сказалъ онъ: военачальникъ, который, имѣя трехсотъ-тысячную армію, допустилъ построить мостъ у себя подъ-носомъ, не минуетъ пораженія". 6 сентября, союзное войско перешло Дунай. Поляки шли впереди, изумляя Нѣмцевъ великолѣпіемъ своего оружія, роскошью одежды, красотою коней. Союзная армія состояла изъ 70 т., въ томъ числѣ было 18 т. Поляковъ.

Но и послѣ переправы черезъ Дунай, предстояло одолѣть еще много затрудненій и опасностей. Чтобы достигнуть турецкаго войска и вступить съ нимъ въ битву, приходилось спуститься съ крутыхъ вершинъ, идти сквозь узкія ущелья, черезъ глубокія ращелины, черезъ лѣса и скалы; а надо замѣтить, что значительнѣйшая часть союзнаго войска

состояла изъ кавалеріи, для которой такія мѣста почти недоступны. Мысль провести тутъ армію могла оправдываться только побѣдою, и успѣхъ союзниковъ изъясняется единственно крайней распущенностью оттоманской арміи, ея изумленіемъ, и магическимъ вліяніемъ имени короля польскаго. Съ глубокимъ безпокойствомъ, шли имперцы; оттого, Поляки всегда были впереди. Многія тысячи крестьянъ пролагали дорогу черезъ лѣсъ. Пѣхота тащила на рукахъ артиллерію да и то малаго калибра. Офицеры и солдаты несли на себѣ провизію; въ кормъ лошадямъ шли дубовыя листья. Нѣкоторые изъ передовыхъ солдатъ, достигнувъ вершины горы, прежде арміи, и увидавъ лагерь турецкій, пришли въ ужасъ, который и сообщили-было нѣкоторымъ частямъ союзнаго войска. Но сдержанностью своей, веселостью своихъ рѣчей, король Янъ успокоилъ всѣхъ и каждаго. — Этотъ многотрудный походъ продолжался ровно трое сутокъ.

Въ лагерѣ турецкомъ сначала не хотѣли вѣрить прибытію польскаго короля, но когда увидали его армію, уже спускавшуюся съ горъ, ужасъ распространился между Турками, и безъ того приведенными въ разстройство долгой осадою, болѣзнями и развратомъ лагернымъ; тотчасъ же начались побѣги изъ мусульманскаго войска. Собравъ военный совѣтъ, Кара-Мустафа увидалъ, что уныніе овладѣло и его генералами. Нѣкоторые паши совѣтовали отступить. Но великій визирь и слышать не хотѣлъ объ этомъ: онъ задумалъ, въ одно и тоже время, сдѣлать приступъ къ Вѣнѣ и запереть проходы съ Каленберга. Средства у него были на это: кромѣ отрядовъ, оставленныхъ подъ Раабомъ, подъ Пресбургомъ, передъ Коморномъ, онъ имѣлъ еще до 170 т. войска.

Мы опишемъ знаменитый день 12 сентября 1683 года, день спасенія Вѣны, Германіи, а, можетъ быть, и всей Европы, со словъ письма короля Яна къ супругѣ его Маріи Каролинѣ.

„Да будетъ благословенно имя Господне на вѣки! онъ далъ побѣду нашему народу; онъ далъ ему торжество, подобнаго которому не видали прошедшія времена. Вся артиллерія, весь лагерь мусульманъ, несчетныя богатства, достались намъ въ руки. Подступы къ городу, окрестныя поля покрыты трупами невѣрныхъ, а остатокъ ихъ бѣжитъ въ великомъ ужасѣ. Люди наши поминутно приводятъ верблюдовъ, муловъ, быковъ, овецъ, которыхъ непріятель имѣлъ съ собою, а сверхъ того, без-

численное множество плѣнниковъ. Къ намъ является тоже множество перебѣжчиковъ, бо̀льшою частію ренегатовъ, хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ. Побѣда была такъ внезапна, такъ чрезвычайна, что въ городѣ, равно какъ и въ лагерѣ нашемъ, всѣ еще были въ тревогѣ, — думали какъ бы врагъ не воротился. Онъ оставилъ намъ пороху и снарядовъ на милліонъ флориновъ“.

„Въ эту ночь, я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, котораго давно желалъ видѣть. Наши люди изъ обоза подпалили порохъ во многихъ мѣстахъ: взрывъ былъ, какъ на страшномъ судѣ, однако, никто не раненъ. Тутъ я увидалъ какъ образуются облака въ атмосферѣ. Но все-таки жаль: отъ этого взрыва, потери, по крайней мѣрѣ, на полмилліона“.

„Убѣгая, визирь все покинулъ; я сдѣлался его наслѣдникомъ; бо̀льшая часть его сокровищъ досталась мнѣ въ руки.“

„Наступая съ первой линіей и гоня визиря передъ собою, встрѣтилъ я одного изъ его служителей, который и привелъ меня въ его палатки. Однѣ эти палатки равняются пространствомъ Варшавѣ или Львову. Такимъ образомъ, достались мнѣ всѣ украшенія и знамена, которыя обыкновенно носятъ передъ визиремъ. Большое магометово знамя я отослалъ къ св. отцу. Сверхъ того, мы имѣемъ богатыя палатки, великолѣпные экипажи, тысячи другихъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ вещей. Тебѣ не придется сказать мнѣ, какъ говорятъ татарскія женщины своимъ мужьямъ, возвращающимся безъ добычи: „Ты не воинъ, потому что ничего мнѣ не принесъ, — только воинъ въ переднихъ рядахъ можетъ захватить что-нибудь!“

„Я имѣю тоже лошадь визиря со всѣмъ убранствомъ. За нимъ самимъ очень близко гнались, да онъ успѣлъ-таки ускользнуть. Его каіаія, или первый помощникъ, убитъ также какъ и множество другихъ главныхъ офицеровъ; наши солдаты добыли множество саблей оправленныхъ въ золото. Ночь помѣшала преслѣдованію, да и Турки на бѣгу, защищаются съ остервененіемъ; однако, янычары были забыты въ траншеяхъ и ночью ихъ всѣхъ истребили. Таковы были гордость и надменность Турокъ, что межъ тѣмъ какъ одна часть ихъ арміи дралась съ нами, другая дѣлала приступъ къ городу. Да и было имъ чѣмъ взяться: не считая Татаръ, я полагаю, что у нихъ было до 300,000 подъ ружьемъ; другіе же считаютъ 300,000 палатокъ, что̀ составило бы число людей еще го-

раздо бо̀льшее. Впрочемъ, я полагаю, что палатокъ было тысячъ сто; занимали онѣ три громадные лагеря. Вотъ уже двѣ ночи и цѣлый день распоряжается въ нихъ кто хочетъ; горожане изъ Вѣны тоже принимаютъ участіе въ добычѣ; я увѣренъ, что ее хватитъ на 8 дней. Разбѣгаясь, Турки оставили много плѣнныхъ изъ мѣстныхъ жителей, особенно женщинъ; впрочемъ, они и побили изъ нихъ сколько могли. Много женщинъ убитыхъ, но многія только ранены и, можетъ, еще выздоровѣютъ. Вчера я видѣлъ 3-хъ лѣтняго ребенка, прелестнаго мальчика, которому одинъ изъ этихъ подлецовъ раздробилъ голову зубами. Въ одномъ изъ замковъ императора визирь добылъ себѣ прекраснѣйшаго живаго страуса; но и ему отрубили голову, чтобъ не доставался христіанамъ. Невозможно описать всѣхъ утонченностей роскоши, какія визирь соединилъ въ своихъ палаткахъ. Тутъ были бани, садики съ фонтанами, садики съ кроликами, даже попугай, за которымъ наши солдаты гонялись, но не могли поймать".

„Нынче я ѣздилъ взглянуть на городъ; онъ не могъ продержаться долѣе 5 дней. Дворецъ императорскій обезображенъ ядрами; его огромные бастіоны всѣ въ трещинахъ и на-половину разрушены. Всѣ войска хорошо исполнили свою обязанность; они приписываютъ побѣду Богу и и намъ. Въ ту минуту, какъ непріятель началъ отступать (самый страшный ударъ былъ тамъ, гдѣ я находился, насупротивъ визиря), вся кавалерія остальной арміи понеслась ко мнѣ, на правое крыло, такъ какъ въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ уже почти нечего было дѣлать; тутъ прискакали курфирстъ Баварскій, принцъ Вальдекскій и другіе; они обнимали, цѣловали меня; генералы же цѣловали у меня руки и ноги; солдаты, офицеры пѣшіе и конные, кричали: *Ah! unser braver König!* *) Всѣ повиновались мнѣ, даже лучше чѣмъ мои".

„Сегодня, я видѣлъ герцога Лотарингскаго и курфирста Саксонскаго; вчера мы не могли встрѣтиться, потому что они были на концѣ лѣваго крыла; я имъ давалъ нѣсколько эскадроновъ нашихъ гусаровъ. Комендантъ города, Штарембергъ, тоже являлся ко мнѣ; всѣ называютъ меня спасителемъ. Я былъ въ двухъ церквахъ, гдѣ народъ цѣловалъ мнѣ одежду, руки и ноги; другіе, не могшіе ко мнѣ протѣсниться, кричали:

*) Ахъ! нашъ доблестный король.

„Ахъ дайте намъ цѣловать ваши побѣдоносныя руки!“ Казалось, они хотѣли кричать виватъ! но ихъ удерживалъ страхъ предъ офицерами и другими начальниками; впрочемъ, среди народа слышалось нѣчто въ родѣ „виватъ.“ Я замѣтилъ, что начальники смотрятъ на все это дурно; оттого, пообѣдавши у коменданта, я поспѣшилъ оставить городъ и возвратиться въ лагерь. Толпа проводила меня до воротъ...“

„Какъ только визирь увидѣлъ, что не можетъ больше держаться, онъ призвалъ своихъ сыновей и расплакался, какъ ребенокъ. Потомъ, онъ сказалъ татарскому хану: „Спаси меня, если можешь.“ Ханъ отвѣчалъ: „мы хорошо знаемъ короля польскаго; противиться ему не возможно; подумаемъ лучше какъ бы спастись отсюда....“ Императоръ далъ мнѣ знать, что онъ въ одной милѣ отсюда. Но, кажется, у него нѣтъ большой охоты меня видѣть,—можетъ быть, по причинѣ этикета. Онъ спѣшитъ въѣхать въ Вѣну, чтобы отслужить благодарственные молебны, а я уступаю ему мѣсто. Я очень радъ, что могу избѣжать этихъ церемоній; и такъ кормили ими насъ довольно.“

Прибавимъ еще нѣсколько подробностей къ правдивому разсказу короля о томъ, что было тотчасъ послѣ его знаменитой побѣды.

На другой день, онъ въѣхалъ въ Вѣну въ ту самую брешь, въ которую, безъ него, вошли бы варвары. Народъ вѣнскій, цѣлуя его руки и одежду, кричалъ: „Ахъ зачѣмъ не онъ нашъ государь!“—И сердитые взоры сановниковъ императорскихъ не могли остановить народнаго восторга. Когда король присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи въ соборномъ храмѣ св. Стефана, одинъ изъ священниковъ произнесъ въ восторгѣ: „Бысть человѣкъ, посланъ отъ Бога, имя же ему Іоаннъ!“

Воротившись въ лагерь, въ палатки визиря, король всю ночь писалъ письма къ супругѣ своей и къ Лудовику XIV, этому старшему сыну церкви, христіаннѣйшему королю,—онъ считалъ долгомъ извѣстить его о своей побѣдѣ. Лудовикъ не отвѣчалъ на это письмо.—Кстати скажемъ, что французскій журналъ, *Mercure Galant*, всячески старался умалить заслугу и славу короля польскаго: онъ говорилъ, что и всякой государь тоже бы сдѣлалъ; что Лудовикъ предлагалъ помощь, но слѣпая ненавист Леопольда отвергла её; что, тѣмъ не менѣе, король Франціи бомбардированіемъ Алжира сдѣлалъ полезную диверсію; что Вѣна своимъ спасеніемъ одолжена, прежде всего, благоразумному поведенію графа

Штаремберга, потомъ молитвамъ папы и всей церкви да деньгамъ присланнымъ отъ папы, безъ которыхъ нельзя было бы и войско набрать, и уже наконецъ,—королю польскому, слава котораго такъ сильна, что Турки, *совсѣмъ безъ всякаго боя*, сняли осаду....

Понятно, даже естественно, что Лудовикъ XIV не отдавалъ должной справедливости Яну Собiесскому: на то у него были свои причины. Но не естественнымъ, возмутительнымъ является поведенiе императора Леопольда въ отношенiи великаго человѣка, спасшаго его столицу и всю имперiю.

При первомъ слухѣ о побѣдѣ, Леопольдъ поспѣшилъ въ Вѣну, но узнавъ о встрѣчѣ со стороны народа королю польскому,—замедлилъ свой путь, чтобъ не быть свидѣтелемъ этого торжества. Наконецъ, онъ узналъ, что король Янъ, проникнувшiй въ разсчеты его гордости, бѣжалъ въ свою очередь передъ нимъ, направивъ походъ свой къ Венгрiи,—и появился среди своего народа, „мужеству котораго,—такъ выражается журналъ Лудовила XIV, — одолженъ онъ сохраненiемъ своей столицы, если только государи могутъ быть одолжены чѣмъ-нибудь своимъ подданнымъ.“—Курфирсты, принцы, сановники настойчиво говорили императору, что ему слѣдуетъ имѣть свиданiе съ избавителемъ Вѣны. Взволнованный Леопольдъ держалъ большой совѣтъ для обсужденiя *важнаго* вопроса: какъ быть при свиданiи,—кому имѣть правую руку: ему, императору, или его знаменитому гостю, какъ вообще обратиться къ избирательному королю?—„Съ отверстыми объятiями, если онъ спасъ имперiю,“—отвѣчалъ на послѣднiй вопросъ Карлъ Лотарингскiй.

Вотъ какъ описываетъ самъ король Янъ свиданiе свое съ императоромъ.

„Третьяго дня, я имѣлъ свиданiе съ императоромъ.... свиту его составляли 50 придворныхъ кавалеровъ, разные сановники и министры; сопровождалъ его и курфирстъ Баварскiй.... Мы поклонились другъ другу довольно вѣжливо: я ему сказалъ привѣтствiе по-латыни, въ немногихъ словахъ; онъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, въ изысканныхъ выраженiяхъ. Затѣмъ, я представилъ ему моего сына; императоръ даже и къ шляпѣ не притронулся. Также поступилъ онъ съ сенаторами и гетманами.... Чтобы избѣжать скандала, я еще сказалъ нѣсколько словъ, а затѣмъ мы раскланялись и я возвратился въ мой лагерь.... Императоръ

пожелалъ видѣть нашу армію; но люди наши очень раздосадованы и громко жалуются на то, что императоръ, за всѣ труды и лишенія ихъ, не удостоилъ изъявить имъ своей благодарности даже прикосновеніемъ къ шляпѣ. Разставшись, мы какъ будто и не знали другъ друга. Намъ не даютъ болѣе никакихъ припасовъ....“—Разсказываютъ, что король Янъ на холодное и неловкое выраженіе благодарности императора такъ отвѣчалъ: „я очень радъ, государь, что могъ оказать вамъ эту маленькую услугу.“

Но „маленькая услуга“ имѣла громадныя, и ближайшія и отдаленныя, послѣдствія. Для того времени, она спасла Германію отъ дикаго нашествія Турокъ и отъ безмѣрнаго честолюбія Лудовика XIV; на всѣ последующія времена она подорвала турецкую силу и дала возможность развиться въ будущемъ молодой силѣ другаго славянскаго народа, Провидѣніемъ избраннаго къ великой роли.

7. Принцъ Евгеній, храбрый рыцарь.

Лудовикъ XIV началъ снова хищническія свои войны. Снова отторгаются земли отъ Нидерландовъ и Германской имперіи, снова опустошаются страшно рейнскія провинціи. Французская алчность не щадитъ даже мертвыхъ: изъ соборовъ Шпейера похищено Французами нѣсколько серебряныхъ гробовъ. Побѣду за побѣдой одерживали полководцы Лудовика надъ соединенными войсками Голландіи, Англіи, Испаніи и Австріи. Но въ то время, какъ величіе и гордость Лудовика достигли своего апогея, близко уже было и его паденіе. Французу, по рожденію, суждено было отмстить за все зло, нанесенное имперіи французскимъ тиранномъ.

Принцъ Евгеній былъ младшій изъ пятерыхъ сыновей Евгенія-Морица, графа Суассонскаго, происходившаго отъ боковой линіи герцоговъ савойскихъ. Евгеній родился, въ 1663 г., въ Парижѣ. Ребенкомъ онъ былъ слабаго здоровья, поэтому и предназначили его къ духовному званію. Рано началъ онъ ревностно изучать греческій и латинскій языки; Лудовикъ XIV, иногда видая Евгенія, въ шутку называлъ его „аббатикомъ.“ Но юноша чувствовалъ отвращеніе отъ теологіи—и всего охотнѣе читалъ древнихъ историковъ, въ особенности же тѣхъ, которые описывали военные подвиги великихъ героевъ. Отецъ Евгенія умеръ ра-

но, а мать его была принуждена оставить дворъ и переселиться въ Нидерланды. Старшіе сыновья ея давно уже получили полки; и Евгеній сталъ просить себѣ полкъ, но король, презиравшій его за малый ростъ, нашелъ такую просьбу странною выходкою, и приказалъ сказать ему, что лучше ему быть духовнымъ.

Евгенію было 20 лѣтъ, когда разнеслась вѣсть о войнѣ съ Турками. Многіе недовольные французскіе офицеры вступили въ австрійскую службу, чтобы сразиться съ невѣрными; императоръ Леопольдъ принялъ ихъ съ радостью. Молодой Евгеній такъ храбро сражался при спасеніи Вѣны, что императоръ наградилъ его драгунскимъ полкомъ. Но слабая фигура и сѣрый плащъ, въ которомъ Евгеній имѣлъ обыкновеніе ѣздить верхомъ, долго еще вызывали въ императорскихъ солдатахъ шутливыя слова: „что маленькій капуцинъ вырветъ немного турецкихъ бородъ."

Скоро, однако, онъ съумѣлъ пріобрѣсть себѣ болѣе уваженія. Во время турецкихъ войнъ онъ не отходилъ отъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ принца Лудовика Баденскаго и отъ знаменитаго Карла Лотарингскаго, наблюдалъ за всѣми ихъ планами, выполнялъ самыя трудныя ихъ порученія. Герцогъ Карлъ, возвратившись въ Вѣну, представилъ его императору въ такихъ выраженіяхъ: „въ этомъ молодомъ героѣ разцвѣтаетъ первый полководецъ его вѣка." Слова эти исполнились на дѣлѣ. Въ нѣсколько лѣтъ Евгеній достигъ званія генералъ-фельдмаршала и разбивалъ лучшихъ полководцевъ Лудовика XIV. Гордый король всячески добивался примириться съ опаснымъ врагомъ: онъ предлагалъ ему намѣстничество въ Шампаньи, званіе маршала Франціи и 2,000 луидоровъ ежегодной пенсіи; но принцъ отвѣчалъ французскимъ посланникамъ: „передайте вашему королю, что я—императорскій фельдмаршалъ, и что санъ этотъ стоитъ жезла французскаго маршала. Денегъ мнѣ не надо; пока я честно служу моему государю,—у меня будетъ ихъ достаточно." До самой смерти своей, онъ остался вѣрнымъ австрійскому дому.

Наружность Евгенія была невзрачная; но его маленькое, легкое и весьма подвижное, тѣло нѣсколько окрѣпло въ военныхъ трудахъ, и блѣдный цвѣтъ продолговатаго его лица превратился въ мужественную смуглоту. Онъ держалъ себя всегда прямо и всякому, съ кѣмъ говорилъ, глядѣлъ быстро въ глаза. Голосъ его при командѣ былъ силенъ и ясенъ; въ прочихъ случаяхъ, даромъ-что Французъ, онъ говорилъ обдуманно и

медленно. Онъ имѣлъ длинный носъ и черные, огневые глаза. Носъ онъ постоянно набивалъ испанскимъ табакомъ, какъ и Фридрихъ Великій, отчего и держалъ ротъ всегда открытымъ. Его черные волосы рано посѣдѣли; по тогдашней модѣ, онъ покрывалъ голову огромнымъ парикомъ.

Евгеній былъ скроменъ и снисходителенъ, охотно признавая заслуги другихъ. Его внимательность простиралась даже на мелочи, и офицеры столько же боялись его проницательнаго взгляда, сколько и громадной его памяти. Въ сумятицѣ боя, онъ всегда былъ хладнокровенъ, спокоенъ; страхъ былъ чуждъ ему. Дѣятельность была его стихіей; въ лѣта полной силы, онъ довольствовался только тремя часами сна.

Отдохновеніе онъ находилъ въ занятіяхъ математикой, исторіей и философіей. Даже въ старости, онъ помнилъ наизусть цѣлыя страницы изъ древнихъ исторіографовъ. Всѣ диспозиціи для аттакъ и осадъ онъ набрасывалъ самъ. Солдаты любили его и удивлялись ему. За то и онъ берегъ своихъ людей, не жертвовалъ ими безъ нужды; чрезвычайно заботило его содержаніе войска, въ особенности же на зимнихъ квартирахъ, и когда оказывался въ чемъ-нибудь недостатокъ, онъ рѣшался скорѣе дать впередъ своихъ денегъ, нежели допустить до недостачи въ нихъ, въ день платежа. За то онъ требовалъ точности, исправности въ службѣ и строгаго повиновенія. Дезертировъ онъ часто застрѣливалъ, во время побѣга, собственноручно.

Высшій военный совѣтъ въ Вѣнѣ, предписывавшій каждый шагъ полководцу, да еще послѣ скучнѣйшаго разсматриванья и соображенія, часто поражалъ безсиліемъ лучшія военныя операціи Евгенія. Такъ, когда Турки начали отступать черезъ Тиссу къ *Цантѣ*, совѣтъ не разрѣшилъ Евгенію наступательныхъ дѣйствій. Но Евгеній, не обращая вниманія на вѣнскій военный совѣтъ, напалъ на турецкую армію, когда она переходила черезъ рѣку (1697 г. 11 сент.), и одержалъ рѣшительную побѣду,—Турки потеряли 30.000 убитыми и 6,000 плѣнными. Битва кончилась при закатѣ солнца, „какъ будто“—такъ писалъ Евгеній въ своемъ донесеніи въ Вѣну, „солнца медлило закатомъ для того, чтобы и послѣдними лучами озарить блистательную побѣду императорскаго оружія.“ При началѣ битвы явился курьеръ отъ военнаго совѣта съ приказаніемъ не вступать въ сраженіе; Евгеній, не прочитавъ депешъ, при-

казалъ курьеру ждать—и храбро бился до тѣхъ поръ, пока не одержалъ побѣды. Въ Вѣнѣ хотѣли за это казнить его смертію, но императоръ сказалъ: „сохрани меня Богъ, чтобы я наказалъ человѣка, чрезъ посредство котораго Господь ниспослалъ мнѣ столько добра.“

8. Война за испанское наслѣдство.

1 ноября 1700 г., умеръ испанскій король Карлъ II, послѣдній изъ мужскаго колѣна габсбургскаго дома испанской линіи; ближайшія права на испанскій престолъ доставались теперь габсбургско-австрійской линіи. Но Лудовикъ XIV объявилъ и свои притязніи на великую монархію, къ которой еще принадлежали Неаполь и Миланъ, Сицилія и Нидерланды. Лудовикъ XIV основывался на томъ, что былъ женатъ на старшей дочери Карла II, которая, впрочемъ, торжественно отреклась отъ всѣхъ своихъ правъ на испанскую корону. Предъявилъ свои права и Максиміліанъ-Эммануилъ, курфирстъ баварскій, который тоже находился въ родствѣ съ испанскимъ королевскимъ домомъ. Лишь умеръ Карлъ II, Лудовикъ XIV воскликнулъ: „теперь для Франціи нѣтъ болѣе Пиренеевъ“, и тотчасъ же послалъ войско въ Испанію, съ цѣлью заставить признать королемъ внука своего Филиппа Анжуйскаго, который торжественно въѣхалъ въ Мадридъ и вступилъ на испанскій престолъ подъ именемъ Филиппа V.

Императоръ Леопольдъ объявилъ войну Франціи. Онъ нашелъ союзника въ новомъ королѣ Фридрихѣ I, прусскомъ, который послалъ ему въ помощь 10,000 Бранденбургцевъ; вступили въ союзъ съ императоромъ и могущественныя морскія державы, Англія и Голландія, которыя, ради собственной безопасности, не могли допустить такого увеличенія могущества Французовъ. Позднѣе пристали къ союзу Португалія и Савойя. Союзными войсками предводительствовали два великихъ полководца, *принцъ Евгеній*, и британскій герой, герцогъ *Мальборо*. Лудовикъ XIV тоже нашелъ себѣ союзниковъ. Два нѣмецкихъ курфирста Максиміліанъ баварскій, которому Франція обѣщала Нидерланды, и братъ его, курфирстъ кёльнскій, приняли сторону Лудовика, за что̀ и были объявлены императоромъ въ государственной опалѣ. Кровопролитная война продолжалась на моряхъ и на сушѣ до 1714 года.

Евгеній открылъ компанію въ 1701 году, двинувшись съ тридцатитысячнымъ войскомъ въ Италію, гдѣ утвердился храбрый французскій полководецъ *Катина*. У Альпъ представились ему первыя препоны. Всѣ проходы были заняты Французами, и Катина считалъ совершенно невозможнымъ, чтобы Евгеній перебрался чрезъ горы. Но для этого втораго Аннибала не существовало непроходимыхъ горъ. Крутая гора заграждала одинъ проходъ, о которомъ Французы поэтому и не заботились. Евгеній снабдилъ нѣсколько полковъ крючьями, буравами, порохомъ; солдаты и офицеры начали работать—и въ нѣсколько дней была проложена чрезъ скалу дорога въ 6 миль длины и 9 футовъ ширины. По этой дорогѣ втаскивали одна за другой пушки и разобранныя телѣги; потомъ, посредствомъ канатовъ, воротовъ и подъемныхъ машинъ, спускали подъ гору на другую сторону. Прежде, чѣмъ могъ воспрепятствовать Катина такой переправѣ, Австрійцы заняли равнину отъ Вероны до Эча. Евгеній то обманывалъ Катина маневрами, то оборонялся окопами, не допуская до нападенія на себя, а наконецъ, самъ напалъ на него, при *Карпи*, и разбилъ на голову.

Доблестно сражался Евгеній и въ сообществѣ съ Мальборо, который, завладѣвъ укрѣпленными мѣстами въ Нидерландахъ, обратился въ Германію и соединился съ Евгеніемъ. Они встрѣтили соединенныя силы Французовъ и Баварцевъ при *Гохштедтѣ* (или при сосѣдней деревнѣ *Блиндгеймѣ)*, гдѣ и произошло генеральное сраженіе (1704). Мальборо, во главѣ Англичанъ и Гессенцевъ, стремительно бросился на Французовъ, прорвалъ ряды ихъ, и обратилъ въ бѣгство. Гораздо труднѣе было положеніе Евгенія, сражавшагося на лѣвомъ крылѣ противъ Баварцевъ. Три нападенія были отбиты Баварцами, и только при четвертомъ натискѣ, когда курфирстъ увидѣлъ Французовъ уже въ полномъ бѣгствѣ, далъ онъ приказаніе отступать. 20,000 Французовъ и Баварцевъ остались на полѣ битвы; 15,000 были взяты въ плѣнъ; вся военная касса, 5,300 повозокъ, 117 пушекъ и 300 знаменъ достались въ руки побѣдителямъ. Французы бѣжали за Рейнъ и курфирстъ послѣдовалъ за ними.

Вскорѣ затѣмъ, умеръ императоръ Леопольдъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Іосифъ I, и продолжалъ вести войну, съ одинаковой настойчивостью, въ пользу своего брата, эрцгерцога Карла. Франція высылала лучшія

свои войска, лучшихъ своихъ полководцевъ, но они претерпѣвали пораженіе за пораженіемъ. Въ Нидерландахъ Евгеній и Мальборо выиграли большое сраженіе при *Уденардѣ* (1708), а послѣ того Евгеній взялъ французскую крѣпость *Лилль*, считавшуюся неприступной. Въ то же время Франція испытывала великій голодъ,—слѣдствіе жестокой зимы. Народъ былъ въ отчаяніи; государственная казна истощена; долги возросли непомѣрно. Тогда упалъ духомъ, смирился гордый король, такъ долго и безнаказанно попиравшій права государей и народовъ. „Я охотно откажусь отъ Испаніи, Вестъ-Индіи, Милана и Нидерландовъ, говорилъ онъ, если только оставятъ внуку моему, Филиппу, Неаполь и Сицилію“.— „Ни одной деревни изъ всей испанской монархіи не будетъ уступлено габсбургскимъ домомъ“—таковъ былъ отвѣтъ австрійскаго и англійскаго полководцевъ. И на это согласился Лудовикъ, онъ готовъ былъ даже уступить Альзасъ и многія другія укрѣпленія на границахъ Савойи и Нидерландовъ, но и эти уступки удрученнаго судьбою и старостью короля были отвергнуты побѣдителями. Противники его настаивали, чтобы онъ самъ выгналъ внука изъ Испаніи. Лудовику ничего больше не оставалось, какъ отважиться на крайнее средство. Еще разъ французскій народъ принужденъ былъ выставить войско, начальство надъ которымъ было ввѣрено опытному *маршалу Виллару*. Въ Бельгіи, недалеко отъ *Мальплакэта*, произошло генеральное сраженіе, самое кровопролитное изъ всей войны. Французы сражались въ высшей степени мужественно, тѣмъ не менѣе побѣда осталась на сторонѣ союзниковъ.

Положеніе Лудовика было отчаянное; еще разъ сдѣлалъ онъ предложеніе о мирѣ, согласился на всѣ требованія, даже вызывался помочь деньгами для изгнанія внука своего изъ Испаніи. Но кичливые побѣдители упорно стояли на томъ, чтобы самъ дѣдъ началъ войну противъ внука. Уже эрц-герцогъ Карлъ вступилъ въ Мадритъ, подъ именемъ короля Карла III, и побѣдилъ французскую партію (1710), какъ два неожиданныя событія совершенно измѣнили весь ходъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ (1711) году, умеръ отъ оспы Іосифъ I, и Карлъ III испанскій сдѣлался германскимъ императоромъ и наслѣдникомъ австрійскихъ владѣній; присоединеніе къ этимъ владѣніямъ всей испанской монархіи должно было составить такую державу, которая угрожала бы опасностью всѣмъ государствамъ Европы. А притомъ Мальборо впалъ въ немилость у королевы

своей, Анны, и долженъ былъ сложить съ себя званіе полководца. Вслѣдствіе этого, *Утрехтскій миръ* (1713 г.) былъ выгоднѣе для Людовика, чѣмъ могъ онъ ожидать: внукъ его, Филиппъ V, удержалъ Испанію только подъ условіемъ, чтобы никогда она не соединялась съ Франціею. Испанскіе Нидерланды, Миланъ и Сардинію получилъ Карлъ. Вступивъ на императорскій престолъ, подъ именемъ Карла VII, и будучи оставленъ своими союзниками, онъ согласился на все это, при Раштадтскомъ мирѣ (1714).

9. Уничтоженіе Нантскаго эдикта.

Послѣ юности, исполненной всяческихъ увлеченій и грѣховъ, Людовикъ впалъ въ ханжество; госпожа де-Ментенонъ, на которой онъ тайно повѣнчался, съумѣла, при помощи іезуитовъ, дѣйствовавшихъ на короля посредствомъ духовника его, *Ла-Шеза*,—отлично воспользоваться этой наклонностью. Генрихъ IV утвердилъ нантскимъ эдиктомъ за протестантами (гугенотами) полную свободу вѣроисповѣданія. Уже съ давнихъ поръ это было бѣльмомъ на глазу для руководимой іезуитами, строго-католической партіи. И вотъ, представили «великому» Людовику, какую бы милость Божью онъ заслужилъ, если-бы повелѣлъ обратить совращенныхъ грѣшниковъ къ истинной вѣрѣ. Ему доказывали, что дотолѣ не будетъ онъ настоящимъ самодержцемъ (неограниченнымъ властителемъ), пока два милліона его подданныхъ исповѣдываютъ другую, нежели онъ самъ, вѣру; его увѣрили, что мудрый Генрихъ IV не издалъ бы нантскаго эдикта, еслибъ имѣлъ власть Людовика.

Обманутый король повелѣлъ тотчасъ же приступить къ дѣлу обращенія. Во всѣ провинціи были посланы драгуны и священники. Кто добровольно не откажется отъ своего исповѣданія, того предписывалось принуждать силою. Несчастные клялись, что готовы жизнью жертвовать за короля, но что не могутъ мѣнять вѣру, словно платье. Тогда являлись драгуны. Безчеловѣчные солдаты ставились на квартиры къ гражданамъ реформатамъ и распоряжались ихъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ. Все, что было нажито честнымъ трудомъ, что сберегалось многіе годы, все уничтожили солдаты въ нѣсколько недѣль, варварски насмѣявшись еще при этомъ. Твердыхъ въ вѣрѣ бросали въ тюрьмы, казнили,

духовныхъ лицъ даже колесовали. У женщинъ, пѣвшихъ реформатскіе псалмы, отрѣзывали косы; у родителей отнимали дѣтей и отдавали ихъ въ католическіе сиротскіе дома; съ проклятіями и угрозами, влекли насильно стариковъ къ алтарямъ и тамъ заставляли ихъ принимать св. причастіе по католическому обряду. Дабы никто не могъ ускользнуть изъ Франціи,—на границахъ стояли войска и со всякимъ, кто не имѣлъ свидѣтельства отъ епископа, поступали, какъ съ государственнымъ преступникомъ. Реформатовъ травили словно дикихъ звѣрей.

Неистовства эти начались въ *Беарнѣ*, потомъ очередь дошла до *Верхней и Нижней Гіэнни*, *Сентонжа*, *Пуату*, *Лангедока и Дофине.* Вслѣдъ затѣмъ, демонъ фанатизма обратился на *Нормандію*, *Пикардію*, *Бретань*, *Шампань* и другія внутреннія провинціи. До Лудовика доходили только ничтожныя подробности изъ этихъ сценъ ужаса; напротивъ, его часто радовали извѣстіями, что расколъ въ государствѣ становится все меньше; такъ довели его до убѣжденія, что нантскій эдиктъ сдѣлался излишнимъ, что его должно отмѣнить. 18-го октября 1685 года, обнародованъ былъ новый, утвержденный согласіемъ всѣхъ парламентовъ, эдиктъ, въ которомъ говорилось, что нантскій эдиктъ данъ только въ видахъ содѣйствія къ соглашенію обѣихъ религіозныхъ партій, а такъ какъ цѣль эта уже достигнута, то и нѣтъ болѣе надобности въ немъ; что остальныхъ *немногочисленныхъ* реформатовъ слѣдуетъ признавать людьми безпокойными, которыхъ должно строгостію привести къ повиновенію. Подъ страхомъ тюремнаго заключенія и потери всего имущества, воспрещалось реформатамъ всякое сходбище по дѣламъ вѣры. Всякій реформатъ, покушавшійся выселиться, и всякій пасторъ, въ теченіи двухъ недѣль не оставившій страны, присуждались къ галерамъ.

По изданіи эдикта 18-го октября, начались настоящія *драгонады*. Подземныя темницы наполнялись несчастными, все преступленіе которыхъ состояло лишь въ томъ, что они не хотѣли ходить въ католическія церкви. Отчаяніе гонимыхъ достигло крайнихъ предѣловъ. Но насиліе съ одной стороны, вызвало хитрость съ другой: какъ ни заботливо охранялись войсками границы, все-таки болѣе 50,000 семействъ нашли средство ускользнуть изъ Франціи, перенести свои имущества и способность къ труду въ сосѣднія государства. Бо́льшая часть этихъ эми-

грантовъ были искусные и трудолюбивые ремесленники, оттого протестантскіе государи принимали ихъ съ радостью. Въ Англіи и Германіи стали изготовляться французскія ткани, кружева, шляпы и чулки,— что до тѣхъ поръ привозилось изъ Франціи. Цѣлое предмѣстье Лондона населилось французскими рабочими шелковыхъ издѣлій. Принцъ Вильгельмъ Оранскій и герцогъ Савойскій составляли цѣлые полки изъ французскихъ эмигрантовъ. Курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ бранденбургскій, принявшій ихъ въ числѣ 20,000 человѣкъ, далъ черезъ это многихъ наставниковъ своимъ подданнымъ въ совершенно-неизвѣстныхъ имъ дотолѣ искуствахъ и ремеслахъ.

10. Блескъ и тщеславіе Лудовика.

Лудовикъ былъ не злой и не дюжинный человѣкъ. Тотъ кто совершилъ столь много великихъ предпріятій, кто произвелъ потрясеніе во всей Европѣ, кто смогъ заставить цѣлую націю рабски боготворить себя, кто смогъ представлять всю эту націю въ одномъ лицѣ своемъ, того Провидѣніе, конечно, одарило необыкновенными силами. Онъ былъ одаренъ пламеннымъ желаніемъ славы и величайшія заблужденія не могли усыпить его духа до того, чтобы, хоть на мгновеніе, позабылъ онъ величіе и достоинство своего народа. Всѣ рѣчи и поступки Лудовика клонились къ тому, чтобы показать себя величайшимъ изъ монарховъ; всякаго, кто хотѣлъ содѣйствовать ему въ этомъ, онъ милостиво ободрялъ и награждалъ щедро; не удивительно, что эта жажда къ славѣ распространилась и на всѣ болѣе или менѣе здоровыя головы. Никогда еще французская нація не имѣла разомъ стольнихъ геніальныхъ людей, какъ во время Лудовика XIV.

Лудовикъ былъ хорошъ собою и обладалъ крѣпкимъ организмомъ. Онъ умѣлъ быть въ высшей степени любезнымъ и очаровательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ поступки его выражали такую величавость и достоинство, что даже храбрѣйшіе воины трепетали, когда бывали у него на аудіенціи. Главнымъ средствомъ окружить свою личность блестящимъ ореоломъ былъ этикетъ,—строгій порядокъ обрядовъ и церемоній, доходившій даже до мелочей. Каждая прогулка имѣла свои законы. Въ Версали были одни обычаи, въ Марли—другіе, въ Тріанонѣ — третьи. Въ

Марли всякій могъ ходить съ покрытой головою, въ Версали же носилъ шляпу одинъ только король. Всякій вельможа, по чину, долженъ былъ состоять при дворѣ и постоянно прислуживать королю. Когда, при вставаньи съ постели или ложась спать, Лудовикъ видѣлъ не всѣхъ придворныхъ сановниковъ, въ почтительномъ передъ собою положеніи, то вскорѣ давалъ отсутствующимъ почувствовать свое неудовольствіе. Желалось ли имъ дозволенія на что-нибудь или должности,—они всегда получали отвѣтъ: „я ихъ не знаю, это—люди, которыхъ я не вижу.“

Вотъ въ какомъ порядкѣ проходилъ его день: въ восемь часовъ, будилъ его первый камердинеръ, затѣмъ входила въ спальню оберъ-гофмейстерина и, по древнему суевѣрному обычаю, цѣловала его, за ней входили два лейбъ-медика, чтобы растирать короля и перемѣнить на немъ сорочку; потомъ призывали нѣсколькихъ камергеровъ, изъ которыхъ одинъ подавалъ святую воду, другой—молитвенникъ; тутъ на нѣсколько минутъ король оставался одинъ, пока снова позоветъ всѣхъ. И вотъ онъ всталъ. Ему подаютъ халатъ; вся комната наполняется принцами, сановниками, „господами втораго доступа.“ Въ присутствіи ихъ, король съ граціознымъ приличіемъ надѣваетъ чулки и башмаки, брѣется и надѣваетъ парикъ, при чемъ ведется разговоръ объ обыкновенныхъ предметахъ—бо́льшею частію объ охотѣ.

Затѣмъ, начиналось одѣванье; знатные вельможи подавали королю его одежду, каждый отдѣльную часть. Какъ скоро король одѣтъ, всѣ молились, духовенство на колѣнахъ. Потомъ король отправлялся въ кабинетъ, куда слѣдовали за нимъ и всѣ. Тамъ онъ отдавалъ свои повелѣнія и распускалъ всѣхъ придворныхъ, исключая побочныхъ дѣтей своихъ, ихъ наставниковъ и комнатной прислуги. Тутъ можно было кое-что отъ себя сказать, обыкновенно же говорилось о проэктахъ построекъ, о новыхъ предпріятіяхъ и т. п. Затѣмъ отправлялись къ обѣднѣ, при чемъ долженъ былъ присутствовать весь дворъ. Придворные, чтобы быть замѣченными, ставили передъ собой зажженныя свѣчи! Однажды, Бриссакъ, изъ шутки, увѣрилъ, что король не явится сегодня въ церковь; тотчасъ же всѣ потушили свѣчи и поспѣшно разошлись. Когда прибылъ король, къ удивленію своему, онъ нашелъ церковь пустою и темною.—Послѣ обѣдни, являлись министры и начинался тайный совѣтъ (conseil). Около часу по полудни, король обѣдалъ; обыкновен-

но четырехъугольный столъ накрывался на одинъ приборъ, т. е. король обѣдалъ одинъ, въ присутствіи своего брата, сыновей и внуковъ, которые *стояли* и смотрѣли, какъ король, говоря весьма мало, изволилъ аппетитно кушать. Прислуживали камергеры. Monsieur (братъ короля) подавалъ ему, время отъ времени, салфетку, за что и получалъ иногда позволеніе сѣсть.

Послѣ обѣда, король отправлялся въ кабинетъ, кормилъ собакъ, игралъ съ ними, или разговаривалъ съ женщинами. Потомъ онъ переодѣвался и выѣзжалъ. По возвращеніи, платье снова мѣнялось — каждое время дня требовало особаго костюма,—любимцы и комнатная прислуга получали снова доступъ. Когда король женился на г-жѣ Ментенонъ, онъ регулярно, каждый день, отправлялся въ ея спальню, гдѣ у камина поставлено было два кресла, на одномъ сидѣла г-жа Ментенонъ, другое же занималъ король, имѣя около себя на нѣсколькихъ столикахъ свои бумаги. Сюда являлись министры, которые должны были присутствовать стоя. Г-жа Ментенонъ читала или занималась рукодѣльемъ и, повидимому, мало интересовалась политическими дѣлами; тѣмъ не менѣе она внимательно слѣдила за ними и, обыкновенно, заранѣе обсуживала ихъ съ министрами. Если король въ чемъ-нибудь не соглашался, то дѣло затягивали и откладывали на неопредѣленное время.

Въ 10 часовъ, король садился за ужинъ, при чемъ снова весь дворъ долженъ былъ присутствовать въ полномъ блескѣ. Послѣ ужина, король оставался нѣсколько минутъ въ столовой, прислонившись къ баллюстрадѣ, и окруженный дворомъ. Затѣмъ, онъ раскланивался съ дамами и отправлялся въ кабинетъ, гдѣ продолжался тотъ же пустой разговоръ (часто городскія сплетни). Тутъ снова кормилъ онъ собакъ и, кивнувъ головой, уходилъ въ спальню, въ которую могли слѣдовать за нимъ только лица 1-го и 2-го доступа, въ присутствіи которыхъ онъ точно также, какъ и поутру, совершалъ молитву и раздѣвался. Это называлось le petit coucher. Le grand coucher было блистательнѣе; тогда одинъ изъ принцевъ крови подавалъ королю ночную рубашку.

Этотъ дневной порядокъ нарушался только тогда, когда допускались въ торжественную аудіенцію посланники иностранныхъ державъ, или же когда случались какія-нибудь придворныя празднества. При такихъ случаяхъ, все происходило еще съ большими церемоніями, и дворъ, въ

полномъ составѣ и блескѣ, долженъ былъ дѣйствительно представлять величавое зрѣлище. Тутъ давались карусели, балеты, балы, концерты, спектакли, фейерверки и тому подобныя увеселенія.

11. Дворъ Лудовика XIV.

Лудовикъ жилъ бо̀льшею частію въ Версалѣ, гдѣ находился самый великолѣпный увеселительный его дворецъ. Онъ переселился въ него еще въ первыхъ годахъ самостоятельнаго своего царствованія, потому что Парижъ опротивилъ ему вслѣдствіе мятежей. Окружилъ онъ себя такимъ блескомъ и великолѣпіемъ, какія изображаются въ арабскихъ волшебныхъ сказкахъ, и дворъ его, съ постоянными при немъ торжествами, сдѣлался, къ несчастью, образцомъ для многихъ странъ, по которому устроивали свои дворы и великіе и малые государи. Хотя многое, что̀ устроилъ Лудовикъ, отличалось безвкусіемъ и вычурностью, какъ напр. королевскіе сады, гдѣ, посредствомъ стрижки, придавались деревьямъ совсѣмъ иныя формы, чѣмъ какія дала имъ природа, гдѣ прямолинейныя аллеи раздѣляли все пространство на геометрически-правильныя куртины, однако великолѣпіе, которымъ окружалъ себя Лудовикъ невольно возбуждало удивленіе, увеличивало понятіе о его могуществѣ. Его часто сравнивали съ императоромъ Августомъ, — и не безъ основанія; посреди разряженныхъ и красивыхъ личностей, Лудовикъ оставался все-таки самымъ великолѣпнымъ явленіемъ. Онъ вполнѣ сознавалъ свое вліяніе надъ окружающими его лицами. Весь штатъ его долженъ былъ слѣдовать извѣстнымъ предписаннымъ правиламъ, какъ въ одеждѣ, такъ и во всѣхъ пріемахъ: за обѣдомъ, на молитвѣ, въ церкви, въ оперѣ, на парадѣ, за карточнымъ столомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и составляло такъ-называемый этикетъ. Испанско-итальянскій костюмъ былъ преобразованъ совершенно; короткую мантію замѣнилъ фракъ, камзолъ—длинный жилетъ; короткіе штаны доходили только до колѣнъ, шелковые чулки покрывали верхнюю и нижнюю часть ногъ; но что̀ было особенно пышно, такъ это парикъ, громадное волосяное сооруженіе, изъ безчисленныхъ локоновъ,—онъ надѣвался на гладко-выстриженную голову. Столь же не естественно рядились и дамы; онѣ добивались того, чтобы казаться болѣе чопорными и важными, чѣмъ ми-

ловидными. Природный цвѣтъ волосъ нельзя было видѣть подъ пудрой и помадой, а естественный цвѣтъ лица, — подъ бѣлилами, румянами, мушками и т. п. Притомъ, весь этотъ костюмъ подвергался постояннымъ измѣненіямъ: платье кроилось и клалось на фижмы, парикъ завивался и надѣвался на голову, — безпрестанно на новую стать и все по прихоти короля, либо какого-нибудь придворнаго кавалера, какой-нибудь придворной дамы, даже ихъ прислужницъ и камердинеровъ. Эта мода распространилась вскорѣ изъ Парижа и Версаля по всему свѣту.

Соотвѣтственно костюму, подверглись особымъ правиламъ походка, манера входить и выходить изъ комнаты и всѣ тѣлодвиженія: придуманы были различные комплименты, присѣданья, поклоны. Мущины перестали ходить въ сапогахъ, а подобно женщинамъ манерно выступали въ тонкихъ башмакахъ; опредѣлено было сколько шаговъ отъ двери надо сдѣлать при входѣ, для того, чтобы потомъ приличнымъ образомъ поклониться и т. д. Для Лудовика XIV былъ выдуманъ минуэтъ, ибо всѣ танцы казались великому королю не въ достаточной мѣрѣ приличными. Эта смѣшная напыщенность и важность, отчасти занесенныя во Францію испанками-королевами Анною и Маріею Терезіей, занимали Лудовика больше чѣмъ войны и государственныя дѣла, о которыхъ должны были заботиться министры, но притомъ такъ, какъ будто самъ король всѣмъ руководилъ. Да! онъ безстыдно принималъ прославленія голодныхъ поэтовъ и присвоивалъ себѣ тріумфальныя ворота и торжественные въѣзды за побѣды, одержанныя его полководцами. Не менѣе интересно распредѣленіе часовъ дня, по которому жилъ Лудовикъ XIV, — въ этомъ отношеніи онъ велъ себя совершенно по-восточному. Такое распредѣленіе часовъ дня, въ которомъ измѣненъ былъ естественный порядокъ жизни, сдѣлалось обычаемъ во всей Европѣ и до сихъ поръ еще отчасти существуетъ въ высшемъ классѣ общества.

Вообще цѣль Лудовика въ томъ состояла, чтобы всѣхъ вельможъ своего государства приковать ко двору и пріучить къ мысли, что нѣтъ для нихъ иной обязанности, какъ забавлять его, да пышностію своею и расточительностію увеличивать блескъ его празднествъ. Оттого легко позабыли они прежнія права свои и вольности, и расточивъ по большей части доходы, стали въ полной зависимости отъ доброй воли короля, который и надѣлялъ какою-нибудь выгодною должностью того, кто не-

усыпнымъ вниманіемъ къ малѣйшему мановенію его величества дѣлался достойнымъ его милостей. Часто придворные кавалеры и дамы исполняли сами маскарады, балеты, оперы и являлись при этомъ въ самыхъ дорогихъ костюмахъ. Можно представить, что придворные льстили королю самымъ безсмысленнымъ образомъ. Однажды, Лудовикъ, ночуя въ замкѣ герцога д'Антена, сказалъ вечеромъ, что ему не нравится большая аллея изъ деревъ, потому что заслоняетъ видъ на рѣку. Въ продолженіи ночи, герцогъ собралъ рабочихъ и приказалъ вырубить аллею. По утру, Лудовикъ удивился, замѣтивъ, что опороченныя имъ деревья не существуютъ. „Ваше величество осудили ихъ на истребленіе, стало-быть имъ и не должно существовать", сказалъ придворный. Въ другой разъ, не понравилась королю довольно большая роща въ Фонтенебло. Герцогъ тайно приказалъ рабочимъ подпилить всѣ деревья и во время прогулки направилъ вниманіе государя опять на эту рощу. Король снова выразилъ свое неудовольствіе, тогда герцогъ подалъ знакъ и въ одно мгновеніе всѣ деревья свалились.

Король испытывалъ свои силы и въ стихахъ, которые, впрочемъ, плохо удавались ему. Однажды, спросилъ онъ мнѣнія о своихъ стихахъ у остроумнаго Буало, — тотъ отвѣчалъ ему очень ловко: „для вашего величества нѣтъ ничего невозможнаго, вы хотѣли написать плохіе стихи и какъ нельзя лучше успѣли въ томъ."

За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти Лудовика, вздумали польстить его тщеславію особеннымъ блестящимъ празднествомъ. Ему сказали, будто персидскій шахъ, наслышавшись о знаменитомъ имени его величества, желаетъ удостоиться чести заключить съ нимъ торжественнный союзъ. Вся Францiя пришла въ движеніе отъ вѣсти объ этомъ. Лудовикъ приказалъ барону Бретёйлю встрѣтить за двѣ мили отъ Парижа посла персидскаго шаха и принять его со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Тотчасъ послѣ въѣзда посла, самъ Лудовикъ далъ ему блестящую аудіенцію,—тутъ надѣты были на немъ всѣ драгоцѣнные камни и бриллiанты короны, на сумму въ 12 милліоновъ франковъ. Онъ приказалъ выдавать посланнику ежедневно 100 луидоровъ и выстроить для него баню въ 2,500 экю. На путевыя издержки посланника отъ Марсели было выдано 6,000 экю. Между тѣмъ, мнимый персіянинъ, употребленный для разыгранія этой комедіи передъ слабымъ и тщеславнымъ королемъ, былъ

никто другой, какъ португальскій іезуитъ, котораго собраты его по ордену освободили, незадолго предъ тѣмъ, изъ константинопольской тюрьмы. Замѣтивъ обманъ, Лудовикъ приказалъ посланнику удалиться безъ прощальной аудіенціи.

Когда тяжкая болѣзнь повергла на смертный одръ „великаго короля", почти всѣ придворные и любимцы удалились отъ него и лишь немногіе служители остались. Народъ, не только разоренный но и нравственно развращенный Лудовикомъ, громко порадовался извѣстію о его смерти, а чернь преслѣдовала похоронное шествіе въ С. Дени съ такимъ озлобленіемъ, съ такими ругательствами, что принуждены были везти тѣло короля по проселочной дорогѣ.

КАРЛЪ XII, КОРОЛЬ ШВЕДСКІЙ *).

1.

Карлу XII, правнуку сестры Густава Адольфа, еще не было 15 лѣтъ, когда умеръ отецъ его. Государствомъ сначала управляла умная бабка его. Но Шведамъ не хотѣлось быть подъ властію женщины,—вскорѣ передали они правленіе молодому Карлу. Мальчикомъ, онъ ни чѣмъ особенно не отличался, и вообще считали его за ограниченнаго человѣка. Въ то время Швеція имѣла бо́льшій объемъ, чѣмъ теперь: Финляндія, Ингермаландія (гдѣ нынѣ Петербургъ), Эстляндія и Лифляндія принадлежали Швеціи. Сосѣди уже давно ждали только случая напасть на Швецію и поживиться отъ нея чѣмъ нибудь. Теперь они подумали, что случай насталъ. Петръ царь Русскій, Августъ II Польскій и Фридрихъ IV Датскій тайно заключили союзъ межъ собою. Вдругъ Датчане вторглись въ Голштинію, а Августъ бросился на Лифляндію. Когда Карлъ узналъ про это, онъ молвилъ: „Удивительно, что имъ захотѣлось войны. Но пусть будетъ такъ. Дѣло наше правое: Богъ поможетъ намъ. Сначала

*) Біографическій очеркъ Петра Великаго мы опускаемъ здѣсь, какъ по неудовлетворительности его у Грубе, такъ и потому, что жизнь Преобразователя Россіи будетъ болѣе у мѣста въ приготовляемыхъ нами къ изданію „Очеркахъ изъ исторіи и народныхъ сказаній Славянскаго Міра".

покончу съ однимъ, а тамъ успѣю и съ другимъ поговорить.“ Съ той поры, не взлюбилъ онъ придворныя пиршества. Его постоянно видѣли живо разговаривающимъ съ старыми генералами его отца и дѣда, и вообще развился въ немъ совсѣмъ новый духъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали всѣ, что сдѣлаетъ Карлъ. Его огневой характеръ требовалъ быстраго окончанія дѣла, — онъ рѣшился высадиться въ Зеландію и такъ пугнуть короля Даніи, чтобы тотъ принужденъ былъ заключить миръ. Съ отборнымъ войскомъ, Карлъ переправился черезъ Зундъ. Датчане стояли на берегу. Но не смотря на градъ пуль, Карлъ, со шпагой въ рукѣ, спрыгнулъ съ корабля прямо въ воду, доходившую ему до локтя, и, впереди своихъ солдатъ, державшихъ высоко надъ водою оружіе, бросился на Датчанъ. Когда вокругъ него стали летать пули, онъ спросилъ, что за свистъ онъ слышитъ. — „Государь! Это ружейныя пули“. — „Отнынѣ сказалъ Карлъ — свистъ этотъ будетъ моей любимой музыкой!“ — Враги обратились въ бѣгство. Быстро двинулись Шведы на Копенгагенъ. Карлъ держалъ свое войско въ строгой дисциплинѣ; грабежъ былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни. За то добрые зеландскіе земледѣльцы привѣтливо встрѣчали его. „Да благословитъ васъ Богъ, ваше величество“, говорили они: „мы знаемъ, что вы не сдѣлаете намъ вреда; вѣдь, вы сынъ благочестивой Ульрики“. Король Фридрихъ былъ такъ смущенъ появленіемъ Шведовъ, что тотчасъ же униженно сталъ просить мира. Карлъ охотно согласился; у него много еще дѣла оставалось впереди. Это происходило въ 1700 году.

Шведы быстро сѣли опять на корабли. Карлъ переправился въ Лифляндію, высадился на берегъ и поспѣшилъ на помощь къ городу Нарвѣ. Здѣсь произошла битва 8,000 Шведовъ съ 80,000 Русскихъ, недавно обученныхъ новымъ для нихъ нѣмецкимъ пріемамъ въ военномъ дѣлѣ да притомъ еще имѣвшихъ начальниками большею частію нѣмцевъ. Распоряженія этихъ начальниковъ были нелѣпы: русскія войска были оставлены въ окопахъ, гдѣ не могли свободно развернуть всѣ свои силы. Къ тому же сильный вѣтеръ гналъ имъ въ лицо снѣжные хлопья, — и Шведы почти незамѣтно приблизились къ русскому лагерю. Русская армія была скоро разстроена; отрядъ за отрядомъ кинулись въ бѣгство; а тутъ еще мостъ подъ бѣгущими обрушился. — По-

раженіе русскаго войска было полное, и, казалось, послѣ того, Шведы надолго обезпечены отъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи.

Теперь Шведы обратились противъ третьяго врага, — Августа II. Карлъ объявилъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не свергнетъ его съ польскаго престола. Августъ не ожидалъ, что Карлъ такъ быстро нападетъ на него, ибо прежде, обыкновенно, вели войну только лѣтомъ, а зимой отдыхали. Но Карлу нипочемъ была всякая погода; зимою онъ даже не носилъ шубы. Затруднительныя обстоятельства заставили Августа послать къ Карлу графиню Кенигсмаркъ, женщину замѣчательной красоты. Она должна была испросить у Карла аудіенцію, подъ предлогомъ ходатайства за одного изъ своихъ родственниковъ, и потомъ склонить его къ миру съ Августомъ. Но Августъ ошибся въ разсчетѣ. Карлъ не терпѣлъ женщинъ и потому никогда не женился. При извѣстіи о пріѣздѣ графини, для переговоровъ съ нимъ, онъ сердито отвернулся и не хотѣлъ ее видѣть. Женщина, вмѣшивавшаяся въ мужскія дѣла, была для него чѣмъ-то чудовищнымъ. Точно также безплодны остались и другія посольства Августа. Карлъ хотѣлъ окончательно погубить этого врага, котораго онъ болѣе другихъ ненавидѣлъ. — Онъ быстро отнялъ у Августа почти всю Польшу и принудилъ жителей ея избрать другаго короля. То былъ Станиславъ Лещинскій, человѣкъ скромный и тихій. Августъ убѣжалъ въ Саксонію, (страна эта ему также принадлежала). Карлъ и тутъ преслѣдовалъ его. Онъ шелъ черезъ Силезію. При Штейнау, не дожидаясь наведенія моста, переѣхалъ онъ верхомъ черезъ Одеръ, не смотря на быстроту этой рѣки;—на другомъ берегу окружилъ Карла простой народъ и умолялъ его о защитѣ противъ согражданъ — католиковъ. Въ то время, Силезцы, евангелическаго вѣроисповѣданія, были всячески угнетаемы католиками, не смотра на обѣщанія императора, данныя при заключеніи Вестфальскаго мира. Одинъ старый, сѣдовласый башмачникъ схватилъ за поводья лошадь Карла и такъ говорилъ: „всемилостивѣйшій государь! Да хранитъ васъ Богъ во вѣки вѣковъ. Сжальтесь надъ нашими слезами, не думайте только объ одномъ себѣ, подумайте тоже о насъ несчастныхъ и о нашей угнетенной въ этой странѣ религіи“. Король до десяти разъ молвилъ: „хорошо, хорошо“. Но башмачникъ до тѣхъ поръ не пускалъ его, пока онъ не далъ ему руки въ томъ, что исполнитъ свое обѣщаніе. Карлъ сдержалъ свое

слово. Онъ настоялъ, чтобы императоръ далъ указъ силезскому магистрату о возвращеніи протестантамъ церквей, отнятыхъ у нихъ со времени Вестфальскаго мира, о воспрещеніи похищать дѣтей ихъ, для воспитанія ихъ въ католической религіи, и о дозволеніи общинамъ въ Швейдницѣ, Яуерѣ и Глогау имѣть многихъ духовныхъ при протестантскихъ церквахъ.

2.

Въ 1706 году, Карлъ вторгся въ Саксонію и объявилъ, что всякъ можетъ спокойно оставаться у себя на родинѣ, что никому вреда нанесено не будетъ. Такъ онъ достигнулъ Альтранштедта, неподалеку отъ Люцена. На слѣдующій же день, онъ отправился для обозрѣнія поля сраженія, гдѣ такъ славно палъ великій его предокъ. Глубоко разстроганный, смотрѣлъ онъ на мѣсто, на которомъ смерть настигла Густава Адольфа. „Мы всегда старались жить, какъ жилъ Густавъ Адольфъ,— молвилъ онъ: можетъ быть, сподобитъ насъ Господь и умереть, какъ онъ умеръ".

Строго наказалъ онъ шведскимъ солдатамъ, какъ должны они поступать съ жителями. За все необходимое для нихъ они обязаны были платить чистыми деньгами, воздерживаясь, подъ страхомъ смертной казни, отъ всякаго насилія. Эти повелѣнія Карла соблюдались строго. Въ одной деревнѣ два гвардейскихъ солдата отняли у крестьянина крынку простокваши и прибили мальчика, который хотѣлъ имъ воспрепятствовать въ этомъ. На ту пору Карлъ проѣзжалъ мимо,—онъ тутъ же приказалъ этимъ солдатамъ кинуть жребій, кому изъ нихъ умереть. Приговоръ былъ исполненъ на мѣстѣ.—Нѣсколько дней потомъ драгунъ зарѣзалъ цыпленка противъ воли своего хозяина. По жалобѣ крестьянина, тотъ же часъ повѣсили виновнаго. Такая суровая справедливость держала солдатъ въ порядкѣ, и Саксонцы, наслышавшись отъ своихъ дѣдовъ о злодѣйствахъ, какія производили нѣкогда солдаты Валленштейна, не могли надивиться какъ же сами они живутъ спокойнѣе, имѣя въ странѣ своей враговъ, чѣмъ жили прежде, въ мирное время. — Между тѣмъ, Августъ упалъ духомъ и спѣшилъ заключить миръ. Король шведскій потребовалъ, чтобы онъ отрекся отъ польской короны, — Августъ согласился и на это хотя весьма неохотно.

Только по истеченіи года, Карлъ оставилъ Саксонію. Когда онъ проходилъ назадъ черезъ Силезію, со всѣхъ сторонъ стекались къ нему Силезцы евангелическаго исповѣданія. Поселяне становились на колѣни и со слезами благодарили Карла за доставленную имъ свободу вѣроисповѣданія. Часы молитвъ, которыя Карлъ приказалъ производить по 2 и по 3 раза въ день, такъ подѣйствовали на умы жителей, даже дѣтей, что долго послѣ того въ Верхней Силезіи дѣти отъ 5 до 15 лѣтъ, вечеромъ и утромъ, собирались на полѣ и пѣли всѣ вмѣстѣ духовные стихи.

3.

Одинъ врагъ оставался у Карла — царь Петръ, завладѣвшій мѣстностями около Финскаго Залива, въ то самое время какъ король воевалъ въ Польшѣ и Саксоніи. Карлъ выступилъ и на него, съ намѣреніемъ посѣтить его въ Москвѣ.

Середь зимы, съ несказанными трудностями, прошелъ онъ Польшей и Литвой, странами, черезъ которыя и лѣтомъ ѣздить было неудобно. Русскіе не противились Карлу, но отступая, жгли до-тла деревни и всю страну превращали въ пустыню. Не смотря на это, Карлъ подвигался впередъ и всѣ думали, что онъ идетъ на Москву. Но внезапно онъ поворотилъ на югъ и спустился въ широкія степи Украйны. Поводомъ къ этому было то, что казацкій гетманъ Мазепа увѣрилъ Карла будто въ Украйнѣ, странѣ обильной жизненными припасами, въ которыхъ такъ нуждались Шведы, казаки готовы стать за одно съ Шведами. Но то была неправда: Мазепа былъ честолюбивъ, — онъ надѣялся, съ помощью Шведовъ, сдѣлаться независимымъ государемъ.

Въ Украйнѣ Карлъ нашелъ все не такъ, какъ ожидалъ. Повсюду былъ крайній недостатокъ въ продовольствіи. Казаки остались вѣрными Русскимъ; только немногіе послѣдовали за Мазепою въ станъ шведскій. Карлъ приказалъ одному изъ храбрѣйшихъ своихъ генераловъ, Левенгаупту, доставить жизненныхъ припасовъ и пороху изъ Курляндіи; но на дорогѣ, царь и Меншиковъ отняли у Левенгаупта припасы, побили и переранили многія тысячи солдатъ въ кровавой битвѣ, — небольшой отрядъ, приведенный Левенгауптомъ, только увеличилъ число голодныхъ солдатъ. Наступила зима, суровая, какой никто не запомнилъ. Тысячи

Шведовъ занемогли и умерли. Генералы совѣтовали королю воротиться. Но невозможно было склонить упрямаго Карла; онъ думалъ, что такое возвращеніе будетъ похоже на бѣгство, онъ говорилъ, что умѣетъ только впередъ идти. Такъ подступили Шведы къ городу Полтавѣ и осадили его. Уже русскій гарнизонъ доведенъ былъ до крайности, но подоспѣлъ Петръ, рѣшить дѣло сраженіемъ. Все предвѣщало, что Шведы проиграютъ: Русскихъ было около 100,000, Шведовъ съ небольшимъ 30,000. Къ тому же, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Карлъ пораненъ былъ въ ногу пулею, которая раздробила ему нѣсколько пальцевъ, отъ чего нельзя было ему ни ѣздить верхомъ, ни командовать.

8 іюля 1709 г. (н. с.), произошла роковая битва. Карлъ сидѣлъ въ носилкахъ, запряженныхъ двумя лошадьми; орлиный взоръ его обнималъ все поле сраженія. И въѣхалъ онъ подъ самый частый градъ пуль. Вдругъ одна изъ лошадей, пораженная пулею, упала на землю, сопровождавшіе Карла гвардейцы понесли его на себѣ. Но и то было недолго. Другая пуля разбила одинъ изъ шестовъ его походной постели; Карлъ съ перевязанной ногою принужденъ былъ сѣсть на лошадь. Царь Петръ тоже не берегъ себя. Одна пуля пробила ему шляпу, другая раздробила головку сѣдла. Блистательна была побѣда одержанная царемъ. Одинъ шведскій полкъ сдавался послѣ другаго, и наконецъ, все войско Шведовъ обратилось въ бѣгство. Самъ Карлъ съ Мазепою бросился въ карету и ускакалъ.

На слѣдующій день, Карлъ, съ остатками своего войска, достигъ рѣки. Насилу могъ уговорить его Левенгауптъ поспѣшно переправиться за рѣку эту, и только-что переправился Карлъ, съ 169 чел., какъ явились Русскіе и, въ глазахъ его, взяли въ плѣнъ Левенгаупта, со всѣмъ почти шведскимъ войскомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, Карлу пришла въ голову странная мысль.—Онъ рѣшился отправиться въ Турцію. Посреди разныхъ опасностей, переправился онъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ необъятную пустыню, поросшую травой и мелкимъ кустарникомъ, въ которой нигдѣ не было слѣда человѣческаго, ниже малѣйшей тропинки. Въ глубокой тишинѣ Шведы продолжали путь свой. Каждый занятъ былъ и настоящимъ и будущимъ. Казаки охотились за рябчиками и дикими козами, Шведы ѣли горькій миндаль и дикія вишни да пили воду изъ гнилаго болота. Черезъ два дня бѣглецы достигли Буга. По ту сторону этой

рѣки начинались турецкія владѣнія. Карлъ выслалъ впередъ генерала, чтобы предупредить очаковскаго пашу о своемъ прибытіи. Но паша хотѣлъ напередъ испросить разрѣшенія въ Константинополѣ; а до той поры Шведы могли умереть съ голоду или быть взяты въ плѣнъ преслѣдовавшими ихъ Русскими. Къ счастью для Шведовъ, многіе купцы доставили въ ихъ лагерь съѣстныхъ припасовъ. Вскорѣ значительное число Шведовъ силою переправилось черезъ рѣку. Остальные всѣ были взяты въ плѣнъ Русскими.

Между тѣмъ, бендерскій паша, очарованный подвигами короля, высталъ пословъ на встрѣчу ему и приготовилъ блестящій пріемъ. Но и тогдашній султанъ Ахмедъ III отличался великодушіемъ: онъ приказалъ выстроить около Бендеръ лагерь для Шведовъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство.

Здѣсь поразила Карла смерть многолюбимой имъ сестры. Щадя его, долгое время скрывали извѣстіе объ этой потерѣ, пока не узналъ онъ о ней случайно. Вотъ что̀ разсказываетъ объ этомъ очевидецъ: „Нельзя описать до какой степени онъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Всѣ думали, что жизнь, полная военныхъ тревогъ, притупила въ немъ чувства, да и вообще не имѣлъ онъ обыкновенія обнаруживать ни гнѣва, ни страсти, ни горя, ни радости,—такъ не показалъ онъ ни малѣйшаго разстройства духа, получивъ рану и претерпѣвъ пораженіе при Полтавѣ. Потеря же сестры столь сильно тронула его сердце, что глаза, руки, языкъ выражали глубокую печаль и долгое время онъ оставался въ такомъ состояніи.“ Въ письмѣ къ своей младшей сестрѣ Карлъ говорилъ: «единственная моя надежда на то, что ты, милая сестра, находишься въ добромъ здоровьѣ. Да сохранитъ тебя Господь и на будущее время, да наградитъ онъ меня счастіемъ еще разъ увидать тебя. Надежда эта привязываетъ меня къ жизни съ тѣхъ поръ, какъ пораженъ я горемъ, котораго не думалъ-было пережить. Съ мужествомъ перенесъ бы я все, еслибы суждено было мнѣ первому изъ насъ троихъ достигнуть предписанной судьбою цѣли. Теперь, по крайней мѣрѣ, надѣюсь не дожить до несчастія—остаться послѣднимъ изъ насъ троихъ.“

4.

Прокрасться, безъ арміи, черезъ Польшу или Германію, въ Швецію было ужасною мыслію для горделиваго Карла. „А если бы,“ подумалъ онъ, подговорить султана къ войнѣ съ Россіей?—„Сначала Ахмедъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; но Карлъ достигъ того, что два визиря, отсовѣтовавшіе вступать въ войну, были смѣнены да притомъ подкуплена была и мать султана“. Когда же, спрашивала она сына, „поможешь ты моему льву проглотить царя?“—Ахмедъ назначилъ новаго великаго визиря Балкаджи-Мехмета и приказалъ ему вести войско противъ Русскихъ.

Царь Петръ выступилъ на встрѣчу Туркамъ въ Молдавію. На рѣкѣ Прутѣ внезапно окружили его огромныя полчища Турокъ и Татаръ. Трехдневная битва кончилась въ невыгоду Русскихъ. Ни взадъ ни впередъ нельзя было двинуться имъ; всѣ жизненные припасы у нихъ истощились. Петръ уже предвидѣлъ то мгновеніе, когда придется ему, или умереть съ голоду, или сдаться непріятелю. Но супруга Петра, Екатерина, бывшая съ нимъ въ лагерѣ, подкупила визиря брилліантами своими да значительной суммой денегъ, и визирь скорёхонько заключиль миръ съ царемъ. Узнавъ о мирѣ, Карлъ проскакалъ, не слѣзая съ лошади, 15 миль до турецкаго лагеря,—и заклиналъ и небомъ и адомъ расторгнуть этотъ миръ. „Дай мнѣ,“ говорилъ онъ, 20,000 твоихъ солдатъ и я доставлю царя въ твои руки. Но Мехметъ стоялъ на своемъ: „миръ заключенъ,—нарушить его невозможное“. Разбѣшенный Карлъ оставилъ палатку визиря и обвинилъ его передъ султаномъ. Султанъ смѣнилъ визиря и сослалъ его. Но миръ съ Россіей не былъ нарушенъ.

При первомъ извѣстіи о пораженіи Карла подъ Полтавою, Августъ II объявилъ Альтранштедтскій миръ вынужденнымъ, возвратился въ Польшу, снова соединился съ царемъ и свернулъ съ польскаго престола противника своего, Лещинскаго. Фридрихъ IV, Датскій, тоже объявилъ Шведамъ войну. Всѣ трое напали на шведскія провинціи, и еслибы не столь храбры были Шведы—Карлъ потерялъ бы всѣ свои владѣнія. А между тѣмъ, онъ сидѣлъ въ своемъ лагерѣ, при Бендерахъ, задумывая исполинскіе планы, изъ которыхъ ни одинъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Его положеніе дѣлалось со дня на день все затруднительнѣе:

къ прежнимъ его непріятелямъ присоединились еще Пруссія, Англія и Голландія. Всѣ его старанія подбить султана къ новой войнѣ противъ Россіи остались напрасными. Наконецъ, Ахмедъ далъ замѣтить Карлу, что долгое его пребываніе въ Турціи становится ему, султану, въ тягость, что не мѣшало бы Карлу подумать и объ отъѣздѣ. Но Карлъ, забывая оказанное ему гостепріимство, хотѣлъ остаться въ Турціи на зло султану. Ему погрозили, что употребятъ противъ него силу, а онъ по-прежнему упорствовалъ; даже принялъ оборонительное положеніе съ горстью своихъ Шведовъ — ихъ было 196 человѣкъ: — тогда султанъ приказалъ бендерскому пашѣ взять Карла живымъ или мертвымъ. Со слезами на глазахъ, созвалъ паша, для этого своихъ янычаръ. Загремѣли пушки; окопы Карла были взяты. Но онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности въ своемъ деревянномъ домѣ. Онъ прорубился сквозь 40 янычаръ, къ воротамъ этого дома. Тутъ, съ нѣсколькими солдатами и офицерами, выгналъ онъ изъ дому янычаръ, начавшихъ уже грабить его,— и заперся въ немъ. Онъ защищался въ продолженіи семи часовъ; множество убитыхъ Турокъ легло вокругъ его дома. Наконецъ, удалось янычарамъ поджечь крышу и тогда лишь какъ начали валиться на короля пылающія стропилы, рѣшился онъ покинуть домъ. Съ пистолетомъ въ одной рукѣ, со шпагою въ другой, онъ хотѣлъ перебѣжать въ домъ, находившійся по сосѣдству, но тутъ задѣлъ за что-то шпорами и упалъ. Быстро подскочили Турки и схватили его. Его отправили въ другой турецкій городъ и начали строго слѣдить за нимъ. — Онъ прожилъ въ Турціи еще болѣе полутора года; но наконецъ, послѣ болѣе пятилѣтняго пребыванія въ Турціи, объявилъ, что желаетъ уѣхать. Султанъ не попомнилъ при этомъ всѣ тревоги, причиненныя ему Карломъ: на прощаньѣ, онъ сдѣлалъ ему большіе подарки и приказалъ довести его на свой счетъ со всѣми его людьми, до границы. Карлъ велъ себя такъ, какъ будто султанъ обязанъ былъ все это сдѣлать. Предположено было ѣхать черезъ Семиградію и Венгрію, но Карлу вскорѣ надоѣло долгое путешествіе: онъ рѣшился сократить путь объѣздомъ черезъ Германію. Подъ чужимъ именемъ, съ двумя только приближенными людьми, онъ отправился въ Штральзундъ. Въ 14 дней, онъ проѣхалъ 286 миль. Въ часъ ночи Карлъ прибылъ въ Штральзундъ. Стража и офицеръ, находившійся на караулѣ, не хотѣли-было пропустить его, потому что была ночь; но

Карлъ увѣрилъ, что онъ—курьеръ, привезшій важныя депеши, и комендантъ приказалъ впустить его. Ноги короля такъ распухли отъ долговременной верховой ѣзды, что пришлось разрѣзать сапоги, чтобы снять ихъ.

Карлъ прожилъ еще четыре года и все это время бился съ врагами,—съ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ не имѣлъ отдыха. Въ 1718 году, онъ осадилъ небольшую крѣпость Фридрихсгамъ, на границѣ между Швеціей и Норвегіей. Былъ конецъ ноября; солдаты сильно страдали отъ холода; король, торопясь осадою, самъ ежедневно наблюдалъ за осадными работами. 11 декабря, онъ, по обыкновенію, присутствовалъ при утреннемъ и вечернемъ богослуженіи. Вечеромъ, съ французами, инженеромъ Мегре и адъютантомъ Сиккертомъ, отправился онъ въ траншею, облокотился обѣими руками на брустверъ и спокойно смотрѣлъ на стрѣльбу изъ крѣпости. Офицеры, стоявшіе невдалекѣ отъ него, замѣтили, что король слишкомъ долго остается на одномъ мѣстѣ и думали-было, что онъ заснулъ. Они подошли къ нему—и нашли его уже мертвымъ. Пуля пробила ему голову. Многіе утверждали, что убили его эти два француза, и точно: четыре года спустя, Сиккертъ, въ сумасшествіи, назвалъ себя убійцей короля. Но въ другихъ случаяхъ не вѣрятъ же словамъ сумасшедшихъ, и подозрѣніе это ни въ какомъ случаѣ не доказано. Нечего и говорить, что солдаты отъ всей души сожалѣли о Карлѣ; но подданные выиграли отъ его смерти: вскорѣ былъ заключенъ миръ, по которому, однако, пришлось Шведамъ уступить нѣсколько прекрасныхъ провинцій.

Карлъ обладалъ великимъ умомъ, мужествомъ, граничившимъ съ дерзскою отвагою, твердою, желѣзною волею, предъ которою исчезали всѣ препятствія. Лучшими его качествами были добродушіе и честность. Строгой къ самому себѣ, онъ и въ отношеніи къ другимъ былъ требователенъ. Затрудненія и препятствія только удвоивали его силы. Упрямство его воли было великимъ для него несчастіемъ. Онъ выказывалъ его уже съ самаго дѣтства; однажды вздумалось ему утверждать, что придворный живописецъ—мартышка и никто не могъ разувѣрить его въ этомъ мнѣніи. Впрочемъ, онъ вполнѣ заслуживалъ уваженія; онъ былъ богобоязненъ, исполненъ благочестивой преданности волѣ Божіей, бодраго и непоколебимаго мужества, строгой справедливости, и велъ жизнь

непорочную передъ Богомъ и передъ людьми. Онъ имѣлъ пріятную наружность, былъ высокъ ростомъ и строенъ, держался прямо; голубые глаза его горѣли огнемъ и жизнію. Его легко можно было отличить отъ всякаго по одеждѣ. Онъ носилъ синій, суконный кафтанъ съ вызолоченными мѣдными пуговицами, соломеннаго цвѣта нижнее платье, стригъ себѣ коротко волосы и зачесывалъ ихъ кверху; раструбы его перчатокъ доходили до локтя, а сапоги, снабженные желѣзными шпорами—до колѣнъ. Онъ опоясывался простой, застегнутой пряжками портупеей, шпагу носилъ весьма длинную, съ вызолоченной рукоятью. Маленькую, трехугольную шляпу держалъ онъ обыкновенно въ рукѣ, какъ скоро сходилъ съ лошади. Онъ говорилъ мало, но разумно и весьма опредѣлительно; на слово его всегда можно было положиться.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

1.

Первому королю прусскому, Фридриху I, сыну и преемнику великаго курфирста, наслѣдовалъ, въ 1713 г., Фридрихъ Вильгельмъ I. То былъ строгій правитель и суровый человѣкъ, хотя отъ природы имѣлъ доброе сердце. Онъ мало заботился о процвѣтаніи наукъ и художествъ, но много объ улучшеніи земледѣлія; любимымъ же его занятіемъ были войска, а особенно гвардейскій полкъ, для котораго вербовались вездѣ въ Германіи самые рослые и красивые люди. Онъ охотно платилъ большія деньги за шести-футоваго флигельмана, хотя вообще былъ весьма бережливъ и оставилъ сыну полную казну.

Старшій сынъ Фридриха Вильгельма, Фридрихъ II, родился въ Берлинѣ 24 января 1712 года. Съ ранней молодости, замѣтны были въ немъ наклонности совершенно противныя видамъ его отца. Онъ ненавидѣлъ неволю, съ которою принуждали его, съ осьмилѣтняго возраста, къ военнымъ упражненіямъ. На десятомъ году онъ уже былъ обязанъ, наравнѣ съ простыми солдатами, не смотря на вѣтеръ и стужу, ходить съ ружьемъ и ранцемъ на караулы передъ дворцомъ и стоять на часахъ.

Но живой духъ его требовалъ для себя болѣе благородныхъ занятій; особенное влеченіе чувствовалъ онъ къ поэзіи и музыкѣ. А отецъ его презиралъ все такое,—онъ не терпѣлъ другихъ книгъ, кромѣ Библіи и собранія духовныхъ стиховъ. Съ помощью матери, Фридрихъ могъ украдкою слѣдовать своимъ наклонностямъ. Радостно набрасывалъ онъ на себя, по окончаніи военнаго ученья, шитый золотомъ халатъ, приказывалъ завивать себѣ волосы, читалъ книги, игралъ на флейтѣ. Разъ, сидѣлъ у Фридриха учитель его на флейтѣ, какъ вдругъ сказали имъ, что король идетъ. Оба сильно перепугались. Учитель спрятался въ каминъ; принцъ припряталъ флейту и ноты, сбросилъ халатъ и надѣлъ мундиръ. Вошелъ король. Зоркій глазъ его тотчасъ же открылъ книги, головную прическу, даже халатъ. Халатъ былъ брошенъ въ огонь, книги отосланы къ книгопродавцу, а волосы, такъ красиво подвитые, въ плотную-острижены. Со дня на день отношенія между отцомъ и сыномъ дѣлались все болѣе натянутыми. Суровый король задумалъ женить сына противъ воли его, но принцъ рѣшился бѣжать въ Англію и жениться тамъ на дочери Георга II, брата своей матери. Все уже было готово къ побѣгу. Съ помощію друзей своихъ, *фонъ-Катте* и *фонъ-Кейта*, принцъ хотѣлъ бѣжать изъ Везеля. Королю донесли объ этомъ и онъ втихомолку принялъ свои мѣры. Въ самую минуту отъѣзда, принцъ былъ арестованъ. Король при этомъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что бросился съ обнаженной шпагой на сына и хотѣлъ его заколоть. Генералъ фонъ-деръ-Мозель не допустилъ его, однако, до этого.

Фридрихъ былъ посаженъ въ тѣсное заточеніе въ Кюстринѣ. Креслами ему служила деревянная скамья, кроватью — голый полъ, пищу давали самую скудную. Кейтъ во-время получилъ отъ принца записку съ словами: „спасайтесь, все открыто!“ и благополучно переправился въ Англію. Но бѣднаго Катте осудили на смерть, какъ дезертира, и обезглавили въ Кюстринѣ, передъ глазами принца. „Прости меня, дорогой Катте“, кричалъ изъ окна плѣнникъ несчастливцу. „Сладко умереть за такого принца“, отвѣчалъ Катте.

Король неистово гнѣвался противъ всѣхъ близкихъ къ принцу, и самого его приговорилъ къ смерти военнымъ судомъ. „Если вашему величеству нужна кровь, воскликнулъ тогда старый генералъ Будденброкъ, то возьмите мою; но пока могу говорить, — не допущу васъ пролить

кровь принца“. Въ такомъ же смыслѣ говорилъ князь Дессаусскій, а императоръ приказалъ сказать королю, черезъ своего посла, что кронпринца можно судить только на сеймѣ. На это король отвѣчалъ, что будетъ судить сына своего въ Кюстринѣ, гдѣ нѣтъ надъ королемъ прусскимъ никакой власти. „А власть Божія? возразилъ пробстъ Рейнбекъ: ваше величество должны будете дать отчетъ Богу въ пролитіи крови вашего сына“. Король призадумался и пересталъ говорить о смертной казни. Фридрихъ долго содержался въ Кюстринѣ и сначала такъ строго, что не имѣлъ даже дозволенія зажигать свѣчу въ своей темницѣ. Наконецъ, онъ написалъ отцу, что сознаетъ себя виноватымъ, униженно проситъ прощенія. Король обѣщалъ помилованіе, съ тѣмъ, однако, чтобы принцъ торжественно поклялся не мстить ни кому за прошлое, и впередъ во всемъ повиноваться отцу. Въ присутствіи министровъ и генераловъ, Фридрихъ принесъ клятву, ему возвратили шпагу и ордена, но онъ долженъ былъ еще нѣсколько лѣтъ трудиться въ Кюстринѣ, въ качествѣ члена военнаго совѣта. Эту обязанность Фридрихъ исполнялъ съ великимъ стараніемъ, и основательно ознакомился съ дѣлами правленія. Въ день свадьбы принцессы Вильгельмины, отецъ тайно призвалъ его къ себѣ, внезапно вошелъ съ нимъ въ столовую и подвелъ его къ обрадованной матери. „Вотъ тебѣ Фрицъ“—сказалъ онъ ей. Вскорѣ затѣмъ, король ввѣрилъ принцу начальство надъ гвардейскимъ полкомъ и купилъ ему замокъ Рейнсбергъ.

Въ этомъ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ началась для Фридриха новая, прекрасная жизнь. Онъ уже могъ свободно предаваться наукамъ, читать любимыя свои книги. Онъ собиралъ вокругъ себя даровитыхъ и умныхъ людей, предпочитая всѣмъ прочимъ Французовъ. Особенно же расположенъ былъ онъ остроумному Вольтеру, ибо въ это время нѣмецкій языкъ не пользовался большимъ уваженіемъ даже у самихъ нѣмцевъ, а Фридрихъ получилъ совершенно французское воспитаніе.

Фридрихъ угодилъ королю тѣмъ, что постоянно держалъ полкъ свой въ наилучшемъ порядкѣ; къ тому же онъ всегда оказывалъ отцу сыновнюю преданность и не пропускалъ случая доставить ему удовольствіе. Это трогало до слезъ суроваго короля. „Боже, говорилъ онъ съ умиленіемъ, теперь я могу умереть спокойно, имѣя наслѣдникомъ такого достойнаго сына“.

2.

31 мая 1740 г., скончался Фридрихъ Вильгельмъ I, а на престолъ вступилъ Фридрихъ II. Ему было тогда 23 года. Онъ началъ правленіе съ осмотрительностію и дѣятельностію, которыя всѣхъ изумляли.

Въ октябрѣ, умеръ императоръ Карлъ VI. Не имѣя дѣтей мужескаго пола, онъ назначилъ дочь свою *Марію Терезію* наслѣдницею всѣхъ своихъ владѣній, посредствомъ домашняго закона (прагматической санкціи), признаннаго тогда же всѣми европейскими державами. Но тотчасъ по его смерти, заявили притязанія на австрійское наслѣдіе король испанскій, курфирстъ баварскій и курфирстъ саксонскій, а Фридрихъ II требовалъ уступки герцогства силезскаго. Всѣ вышеупомянутыя державы объявили войну Австріи. Фридрихъ приказалъ посламъ своимъ въ Вѣнѣ спросить — уступятъ ли ему Силезію, и въ такомъ случаѣ изъявилъ готовность доставить императрицѣ сильную помощь. Но получивъ отказъ, онъ приказалъ своимъ войскамъ двинуться въ Силезію и въ нѣсколько недѣль всю ее занялъ. Походъ 1741 года, которымъ открылась первая силезская война, начался взятіемъ крѣпости Глогау и кровопролитной битвой, при деревни Молльвицѣ, недалеко отъ Брига. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожесточеннаго боя, король, въ первый еще разъ поставившій на карту честь свою и счастье, растерялся и передалъ команду опытному фельдмаршалу Шверину. По совѣту Шверина, онъ даже удалился съ поля сраженія, такъ какъ непріятельская артиллерія выхватывала цѣлые ряды изъ пѣхоты. Въ Лёвенѣ, онъ получилъ радостное извѣстіе, что сраженіе выиграно, и тотчасъ за тѣмъ занялъ Бригъ и Бреславль.

Между тѣмъ, курфирстъ баварскій вторгся въ Австрію, въ Линцѣ принялъ присягу австрійскихъ, а въ Прагѣ богемскихъ государственныхъ чиновъ; императрица же, Марія Терезія бѣжала въ Пресбургъ. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ, мужественная королева не потеряла присутствія духа. Съ короной св. Стефана на головѣ, съ маленькимъ сыномъ,—впослѣдствіи императоромъ Іосифомъ,—на рукахъ, явилась она въ собраніи венгерскихъ государственныхъ чиновъ, и изложила на латинскомъ языкѣ печальное свое положеніе, заключивъ рѣчь словами:

„вашей геройской защитѣ, вашей вѣрности вручаю я себя и своего младенца; вы — послѣдній якорь моей надежды“. Молодость, красота, несчастіе королевы произвели сильное впечатлѣніе на собраніе. Съ радостнымъ воодушевленіемъ Венгерцы обнажили мечи и воскликнули: „умремъ за короля нашего Марію Терезію“.

Венгерцы бодро принялись за оружіе. Въ нѣсколько недѣль 15,000 дворянъ, отлично вооруженныхъ, на превосходныхъ лошадяхъ, собрались въ Пресбургѣ; вскорѣ за тѣмъ освобождена была Австрія, и въ тотъ же день, въ который курфирстъ баварскій, избранный нѣмецкимъ императоромъ, подъ именемъ Карла VII, короновался въ Франкфуртѣ, Австрійцы вступили въ резиденцію его, Мюнхенъ.

Фридрихъ счастливо продолжалъ вести войну. Проникши изъ Силезіи въ Моравію, онъ разбилъ, при Хотузицѣ, принца Карла лотарингскаго. Марія Терезія принуждена была уступить ему всю Силезію съ графствомъ Глацомъ. Миръ былъ заключенъ въ Бреславлѣ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ самаго опаснаго своего врага, Марія Терезія получила полную свободу дѣйствія противъ императора Карла VII, который понапрасну призвалъ въ страну Французовъ. И Баварцы и Французы были повсюду разбиты.

3.

Фридрихъ съ основаніемъ опасался, что Марія Терезія, возвративъ себѣ власть, не захочетъ соблюсти условія Бреславльскаго мира. Не по его характеру было долго медлить и задумываться. Въ августѣ 1744 года, восемь тысячъ Пруссаковъ вступили въ Богемію „для поддержанія императора“, — и началась вторая силезская война, въ которой курфирстъ саксонскій соединился съ Австріей противъ Пруссіи. Фридрихъ занялъ-было очень скоро Богемію, но былъ оттѣсненъ оттуда въ Силезію принцемъ Лотарингскимъ. Между тѣмъ Баварцы побѣдоносно шли впередъ, такъ что анти-императоръ могъ возвратиться въ Мюнхенъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Сынъ его получилъ обратно свое курфиршество по Фюссенскому миру, по которому отказался отъ австрійскаго наслѣдія. Тогда Марія Терезія могла уже настойчиво вести войнѣ съ Пруссіею.

Въ началѣ 1745 г., Фридрихъ находился въ дурномъ положеніи. При отступленіи изъ Богеміи, онъ потерялъ бо́льшую часть артиллеріи; казна его была такъ истощена, что онъ былъ принужденъ всю серебряную свою посуду перелить въ звонкую монету; Верхняя Силезія съ важнѣйшими крѣпостями находилась въ рукахъ непріятеля. Скоро, однако, дѣла Фридриха поправились. 4 іюня, онъ одержалъ, при *Гогенфридбергѣ*, блистательную побѣду надъ принцемъ Лотарингскимъ, который потерялъ 56 пушекъ, 7 знаменъ и 7000 плѣнныхъ. Фридрихъ преслѣдовалъ непріятеля даже до Богеміи. Тамъ, при *Соорѣ*, напали на него Австрійцы; но успѣвъ и подъ непріятельскимъ огнемъ построить свое войско, онъ ринулся впередъ съ такою стремительностію, что взялъ непріятельскія баттареи. Двадцать двѣ пушки и около тысячи плѣнныхъ были плодомъ этой побѣды. Самую же блистательную побѣду въ этомъ походѣ одержалъ, 15 декабря, при *Кессельдорфѣ* (близь Дрездена) надъ Саксонцами и Австрійцами принцъ *Леопольдъ Дессаусскій*, прозванный солдатами „старымъ дессаусцемъ.“ Тамъ Пруссаки взобрались на крутое, покрытое льдомъ и снѣгомъ, возвышеніе, и взявъ въ штыки непріятеля, согнали его съ позиціи; битва эта была столь же кровопролитна для побѣдителей, какъ и для побѣжденныхъ, но Пруссаки взяли 5,000 плѣнныхъ и 48 пушекъ; Австрійцы же принуждены были поспѣшно отступить въ Богемію. Десять дней спустя, былъ заключенъ въ Дрезденѣ миръ, по которому Марія Терезія вторично уступила Силезію Фридриху.

4.

По заключеніи этого мира, Фридрихъ посвятилъ себя дѣламъ правленія. Онъ все устроивалъ самъ, предоставляя министрамъ только исполненіе своихъ повелѣній; несмотря на то, у него оставалось еще достаточно времени для занятія науками и искусствами. Каждый часъ у него имѣлъ опредѣленное назначеніе. Онъ вставалъ около 4 часовъ утра; въ нѣсколько минутъ одѣвался, безъ посторонней помощи, и отправлялся къ письменному столу, на которомъ уже лежали пришедшія въ ночь письма. Важнѣйшія изъ нихъ прочитывалъ онъ самъ, изъ прочихъ статсъ-секретари дѣлали короткія извлеченія. Во время же чтенія выслушивалъ

онъ и донесенія своихъ адъютантовъ. Потомъ пилъ онъ кофе, и, играя на флейтѣ, прохаживался часа два по комнатѣ. Какъ скоро клалъ онъ въ сторону флейту, статсъ-секретари входили къ нему съ своими извлеченіями, и Фридрихъ назначалъ что̀ отвѣтить на каждую просьбу, а иногда собственноручно писалъ на поляхъ страницы рѣшеніе въ короткихъ и опредѣлительныхъ словахъ. По окончаніи этого занятія, онъ читалъ или писалъ письма. Ровно въ двѣнадцать часовъ, садился онъ за столъ, за которымъ всегда подавали лакомыя кушанья,—каждое утро Фридрихъ внимательно просматривалъ поварскую записку или даже самъ писалъ ее. Но важнѣе были для него умственныя наслажденія, столь прославившія застольную его бесѣду. Фридрихъ избиралъ для своего общества самыхъ остроумныхъ и образованныхъ офицеровъ, а также знаменитыхъ ученыхъ. Прекрасная плавная рѣчь, начитанность, остроуміе короля дѣлали его постоянно средоточіемъ этихъ бесѣдъ. Послѣ обѣда, онъ еще съ полчаса игралъ на флейтѣ, потомъ подписывалъ письма, изготовленныя между тѣмъ въ его кабинетѣ, пилъ кофе и осматривалъ свои заведенія или отправлялся гулять. Часы отъ 4 до 6 назначались для литературныхъ занятій; съ 6 до 7 часовъ знаменитѣйшіе виртуозы исполняли концертъ, въ которомъ часто участвовалъ и король, а затѣмъ слѣдовалъ ужинъ, продолжавшійся часто до полуночи, и во время котораго шли оживленные разговоры. Этотъ правильный образъ жизни прерывался только походами, а въ мирное время—путешествіями и смотрами. При путешествіяхъ своихъ, король тщательно освѣдомлялся о положеніи каждаго округа, каждой мѣстности, а для того, чтобы не терять даромъ времени въ дорогѣ, приказывалъ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ ѣхать возлѣ кареты его верхомъ и разсказывать ему про свои дѣла.

Съ особеннымъ рвеніемъ Фридрихъ заботился о наукахъ и художествахъ. При самомъ началѣ своего правленія, онъ заложилъ постройку прекраснаго award опернаго театра въ Берлинѣ, и въ 1742 г. на театрѣ этомъ давались лучшими пѣвцами и танцовщиками Италіи и Франціи представленія по три раза въ недѣлю. Фридрихъ увеличилъ тоже библіотеку и положилъ основаніе собранію монетъ; въ Италіи покупали для него картины и старинныя скульптурныя произведенія; Берлинъ и Потсдамъ украсились новыми зданіями: домомъ инвалидовъ, католической церковью, соборомъ и лѣтней резиденціей Сан-Суси.

5.

Но вскорѣ мирныя занятія короля были прерваны. Въ началѣ 1756 г., королю сообщили тайно тревожное извѣстіе. Первоклассныя державы Европы составили союзъ съ цѣлью—возвратить Пруссію къ прежнимъ ея границамъ, а самого Фридриха низвести, если можно, изъ королей въ маркграфы бранденбургскіе. Душой союза была Марія Терезія, которая не могла забыть прекрасной Силезіи. Тяжело становилось у ней на сердцѣ всякій разъ, когда случалось ей видѣть силезца. На ту пору царствовалъ во Франціи изнѣженный король Людовикъ XV; имъ, какъ ребенкомъ, управляла пресловутая маркиза де-Помпадуръ. Эта женщина очень гнѣвалась на короля прусскаго за то, что онъ насмѣхался надъ нею. Про все это знала Марія Терезія и написала маркизѣ льстивое письмо, а чрезъ то двое исконныхъ враговъ сдѣлались друзьями, т. е. Франція заключила съ Австріей союзъ противъ Пруссіи. Въ союзъ этотъ вступила и русская императрица Елисавета, жизнь которой служила тоже предметомъ насмѣшекъ Фридриха. Къ этимъ тремъ державамъ присоединились: Саксонія, всемогущій министръ которой графъ Брюль лично ненавидѣлъ короля прусскаго, и Швеція, желавшая воспользоваться случаемъ возвратить себѣ Померанію, отнятую еще великимъ курфирстомъ прусскимъ.

Фридрихъ рѣшился предупредить враговъ: въ августѣ 1756, онъ вторгся въ Саксонію, занялъ Дрезденъ и важнѣйшіе города Саксоніи, и вызывалъ короля Августа III къ союзу съ Пруссіею. Саксонское войско, въ числѣ 17,000, укрѣпилось окопами въ узкой долинѣ Эльбы, между Кёнигштейномъ и Пирной. Августъ отвергъ предложеніе Фридриха, потому что надѣялся на поддержку со стороны Австріи. Австрійцы дѣйствительно подошли, но Фридрихъ разбилъ ихъ при Ловозицѣ и вслѣдъ затѣмъ взялъ въ плѣнъ саксонское войско при Пирнѣ. Такъ началась замѣчательная семилѣтняя война. Германская имперія объявила вторженіе Фридриха въ Саксонію нарушеніемъ земскаго мира, и стала на сторону Австріи, — такимъ образомъ почти вся Европа вооружилась и выставила противъ него 500 тысячное войско. Всѣ считали Фридриха погибшимъ, враги его уже заранѣе уговаривались между собою о раздѣлѣ его владѣній. Никто не разсчиталъ, что̀ можетъ сдѣлать небольшой на-

родецъ, одушевленный любовію къ своему государю, никто не предвидѣлъ какую геройскую силу явитъ самъ Фридрихъ II. Фридрихъ не струсилъ; напротивъ, онъ еще шутилъ надъ тѣмъ, что довелось ему воевать противъ трехъ женщинъ.

Сначала Фридрихъ обратился противъ самаго могущественнаго врага своего и, въ 1757 г., вторгся въ Богемію. Онъ настигъ Австрійцевъ, подъ начальствомъ Броуна, при Прагѣ, гдѣ они заняли выгодную позицію на крутомъ возвышеніи, обставленномъ пушками. Офицеры Фридриха отсовѣтывали ему дѣлать нападеніе, потому что солдаты были утомлены, но король рѣшился тотчасъ же вступить въ дѣло. Пруссаки ринулись на приступъ. Страшный картечный огонь уничтожалъ ихъ цѣлыми рядами; они уже вездѣ начали отступать, какъ фельдмаршалъ Шверинъ схватилъ знамя и за нимъ бросились на возвышеніе его удальцы. Старикъ былъ пораженъ четырьмя картечными пулями, но смерть его воспламенила ярость солдатъ; неудержимо устремились они къ баттареѣ, взяли ее, и обратили орудія противъ непріятеля, — а самъ Фридрихъ прорвалъ центръ непріятельскаго боеваго порядка. Но дорого досталась эта побѣда: болѣе 16,000 Пруссаковъ легли на мѣстѣ сраженія.

При Коллинѣ, подъ предводительствомъ *Дауна*, стояло другое большое войско Австрійцевъ и Саксонцевъ. Непріятель вдвое превосходилъ Пруссаковъ, но Фридрихъ напалъ на него. Уже побѣда склонялась на его сторону; Даунъ написалъ уже карандашомъ приказъ къ отступленію, какъ вдругъ Фридрихъ, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ, измѣнилъ свой боевой порядокъ. Одинъ саксонскій полковникъ замѣтилъ происшедшій отъ того безпорядокъ, не послалъ приказа Дауна, бросился съ своими всадниками на прусскую пѣхоту, и принудилъ ее къ отступленію. Пруссаки потерпѣли рѣшительное пораженіе, и съ потерей 13,000 убитыхъ и раненыхъ и 45 пушекъ, принуждены были отступить въ Саксонію. Австрійцы наводнили бо́льшую часть Силезіи, а генералъ ихъ Гаддикъ, съ 4,000 Кроатовъ, отважился подступить подъ самый Берлинъ и поджегъ столицу.

Между тѣмъ, Русскіе, грабя и опустошая, вторглись въ Восточную Пруссію, и разбили при Гроссъ-Эгерндорфѣ прусскаго фельдмаршала Левальда; Шведы заняли Померанію; два французскихъ войска вторглись въ Ганноверъ и въ Гессенъ. Положеніе Фридриха было отчаянное. Онъ

раздѣлилъ войско свое на нѣсколько отрядовъ и съ однимъ изъ нихъ обратился противъ Французовъ. Въ первый разъ встрѣтились съ ними Пруссаки при Готѣ, Фридрихъ получилъ тайное извѣщеніе отъ герцогини готской, что французскій генералъ Субизъ, вмѣстѣ съ другими генералами, занялъ для квартиры дворецъ герцога. Тотчасъ смѣлый прусскій генералъ *Зейдлицъ* поскакалъ съ 1,500 чел. въ Готу. Былъ ровно полдень; Французы пировали за роскошнымъ столомъ, когда Зейдлицъ явился у воротъ города. 6,000 Французовъ, бывшихъ въ городѣ, и не думали сопротивляться, но, испуганные, бросили обѣдъ и бѣжали такъ поспѣшно, что вторгнувшіеся въ городъ Пруссаки нашли весьма мало солдатъ, за то взяли въ плѣнъ множество парикмахеровъ, поваровъ, комедіантовъ, камердинеровъ, и захватили цѣлые ящики духовъ да помады, множество париковъ, пудрамантовъ да зонтиковъ—доказательство какая роскошь господствовала тогда во французскомъ лагерѣ.

Субизъ, соединившись при Эрфуртѣ съ имперскимъ войскомъ, пошелъ далѣе. Король смѣло двинулся съ 22,000 человѣкъ противъ непріятеля, имѣвшаго 60,000. 5 ноября, онъ сошелся съ нимъ при деревнѣ Росбахѣ. Непріятели громко радовались и говорили, что Фридрихъ, съ своимъ постдамскимъ вахтпарадомъ, такъ называли они небольшое прусское войско, не уйдетъ отъ смерти или отъ плѣна. При звукахъ трубъ, съ распущенными знаменами, обошли они холмъ, на которомъ расположился Фридрихъ, и хотѣли окружить его. Фридрихъ спокойно наблюдалъ за ихъ движеніями, не дѣлая ни одного выстрѣла; онъ даже приказалъ закрыть всѣ пушки, чтобы дать болѣе увѣренности врагамъ. Палатки оставались разбитыми; солдатамъ приказано было обѣдать; самъ Фридрихъ спокойно пообѣдалъ съ своими полководцами. Французы сочли это беззаботное спокойствіе за чистое отчаяніе. Вдругъ, въ 2 часа полудни, Фридрихъ отдалъ приказаніе снимать палатки; въ одинъ мигъ полки построились въ боевой порядокъ и грянули пушки. Изъ-за холма, примчался вдругъ съ своими всадниками, Зейдлицъ, обошедшій непріятеля, и бросился на изумленныхъ враговъ. Въ то же время подошла скорымъ шагомъ прусская пѣхота. Ужасъ объялъ враговъ, и не прошло получаса какъ все войско ихъ обратилось въ бѣгство.

То была веселая побѣда! Но надо было отстоять отъ Австрійцевъ Силезію, и Фридрихъ поспѣшилъ къ Бреславлю. Тамъ стояли Даунъ и

принцъ Лотарингскій съ большимъ войскомъ, которому Фридрихъ могъ противупоставить только весьма малое. Обѣ арміи сошлись при Лейтенѣ. Австрійская боевая линія имѣла на два часа пути протяженія, поэтому Фридрихъ, чтобъ не быть окруженнымъ, избралъ *косой боевой порядокъ*, въ которомъ войско походитъ на клинъ. Такимъ боевымъ порядкомъ Эпаминондъ побѣдилъ нѣкогда спартанское войско. Фридрихъ одержалъ блистательную побѣду. Около 20,000 плѣнныхъ, 100 орудій, 3,000 повозокъ достались въ руки побѣдителей. Затѣмъ, Пруссаки взяли Бреславль.

Два похода окончились счастливо для Пруссіи. Фридрихъ овладѣлъ снова Силезіей и открылъ третій походъ (1758) взятіемъ крѣпкаго Швейдница. Потомъ проникъ онъ въ Моравію и осадилъ Ольмюцъ, но осада не удалась. Король принужденъ былъ поспѣшно воротиться въ Пруссію, потому что вторглись въ нее Русскіе, подъ предводительствомъ Фермора. Они грабили, жгли, опустошали. Крѣпость Кюстринъ была разгромлена ими, вездѣ развалины обозначали путь ихъ. Фридрихъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и 25 августа произошло сраженіе при *Цорндорфѣ*, близь Кюстрина. То была не битва, а бойня. Фридрихъ хотѣлъ искоренить яростнаго врага, и страшныя слова: „Пруссаки не даютъ пощады" встрѣтили Русскихъ на полѣ битвы. „И мы тоже", отвѣчали Русскіе. Бились съ утра до вечера, бились со всей яростію отчаянія и мести. Прусская артиллерія поражала непріятелей рядами, Зейдлицъ съ своими всадниками дѣлалъ чудеса храбрости; и не смотря на это, Русскіе не отступили. Пруссаки яростно бросались въ штыки, но Русскіе стояли непоколебимо. Даже раненные, простертые на землѣ, свирѣпо боролись между собою. Только темная ночь да изнеможеніе обѣихъ сторонъ положили конецъ этой бойнѣ. Русскіе первые начали отступать. Озлобленіе за произведенныя ими опустошенія такъ подавило чувство человѣколюбія, что крестьяне и солдаты прусскіе, погребая убитыхъ, часто зарывали въ землю живьемъ тяжелораненныхъ Русскихъ.

Послѣ этой кровавой битвы, Фридрихъ поспѣшилъ въ Саксонію, куда обратились имперскія войска. При приближеніи короля, Даунъ заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ; а король сталъ лагеремъ, напротивъ него, при деревнѣ *Гохкирхѣ*. Позиція его была въ высшей степени ненадежна и многіе генералы указывали ему на всю опасность. Генералъ *Кейтъ*

сказалъ королю: „если на этомъ мѣстѣ Австрійцы оставятъ насъ въ покоѣ, то стоятъ быть повѣшанными“. Фридрихъ улыбнулся и возразилъ: „они боятся насъ больше висѣлицы“. Увѣренность короля возросла, когда въ теченіи трехъ дней не произошло сраженія. Но на этотъ разъ, онъ ошибся въ своемъ противникѣ. Даунъ втихомолку готовился къ нападенію. Въ ночь, съ 13 на 14 октября, Австрійцы начали окружать Пруссаковъ. Передовые прусскіе посты побили они врасплохъ, взяли нѣсколько батарей и тотчасъ обратили ихъ противъ непріятеля.

Ночь была темная; на гохкирхенской башнѣ пробило 6 часовъ, когда Пруссаковъ разбудили ядра собственныхъ ихъ орудій. Словно изъ земли выросъ непріятель — и вдругъ появился посреди лагеря. Изумленные Пруссаки схватили оружіе и построились, какъ только дозволила темнота. Пылающая деревня одна освѣщала эту сцену. Напрасно прусскіе полководцы употребляли всѣ старанія привесть въ порядокъ свои войска и выбить непріятеля изъ лагеря. Съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта тѣснимые Пруссаки; но утренняя заря не помогла имъ нисколько: густой туманъ мѣшалъ королю обозрѣвать свое и австрійское войско. Наконецъ туманъ разсѣялся, и скоро король возстановилъ порядокъ въ своемъ войскѣ, но одна сторона арміи была уже обойдена Австрійцами. Король принужденъ былъ отступить, и отступленіе это совершилъ въ такомъ порядкѣ, что Дуанъ не отважился ему воспрепятствовать. Осторожный генералъ возвратился въ свой лагерь; король какъ будто одержалъ побѣду.

Но Пруссаки много потеряли; они потеряли 9,000 чел., почти всю артиллерію и весь обозъ. Несмотря на это, Фридрихъ не упалъ духомъ, и старался ободрить солдатъ. Когда артиллеристы проходили мимо его, безъ орудій, онъ шутя закричалъ имъ: „куда вы дѣвали ваши пушки?“— „Чортъ ихъ взялъ ночью“, отвѣчали артиллеристы. — „Такъ мы возьмемъ ихъ днемъ. Не правда ли, гренадеры?“ — „Да, сказали они, такъ и надобно, они еще дадутъ намъ проценты“. Искусными маршами королю удалось уйдти въ Силезію и освободить отъ осады крѣпость Нейсу.

Четвертый походъ былъ еще несчастливѣе для Фридриха,—онъ проигралъ генеральное сраженіе при *Куннерсдорфѣ*. Русскіе, подъ предводительствомъ Салтыкова, и Австрійцы, подъ предводительствомъ Лаудона, соединились. 12 августа, Фридрихъ напалъ на нихъ при *Куннер-*

сдорфѣ, близь Франкфурта на Одерѣ. Прежде всего, онъ бросился на лѣвое крыло Русскихъ. Они стояли на защищенномъ окопами возвышеніи и многочисленная ихъ артиллерія изрыгала смерть и гибель на наступающихъ. Цѣлыя роты Пруссаковъ были разгромлены, несмотря на это, храбрость ихъ превозмогла, — все лѣвое крыло Русскихъ было опрокинуто и артиллерія взята. Король уже готовился отправить въ Берлинъ гонца съ вѣстью о побѣдѣ. Но правое русское крыло стояло непоколебимо, Австрійцы же и вовсе не вступали еще въ дѣло. Для довершенія побѣды, король, вопреки представленіямъ своихъ генераловъ, двинулся-таки съ истомленными солдатами противъ Австрійцевъ. Тутъ побѣда перешла въ полное пораженіе. Цѣлые полки прусскіе погибли отъ страшнаго картечнаго огня непріятелей; многочисленная непріятельская конница начала наступать на всѣхъ пунктахъ; пораженіе и бѣгство Пруссаковъ были ужасны. Посреди сумятицы, король остановился въ полномъ отчаяніи; однако, онъ все еще не хотѣлъ уступить; насильно должны были увлечь его съ поля сраженія. „Все погибло, — спасайте королевское семейство“, писалъ онъ, вслѣдъ за этой битвой, своему министру Финкенштейну, а нѣсколько часовъ спустя, говорилъ въ письмѣ къ нему же: „я не переживу гибели моего отечества. Прощайте навсегда“. И точно: никогда еще не былъ онъ въ столь отчаянномъ положеніи. На слѣдующее утро, только 5,000 чел. собрались къ его знамени. Артиллерія вся была потеряна.

Походъ 1760 г. начался также несчастливо, какъ окончился предъидущій. Прусскій отрядъ въ 8,000 чел. былъ окруженъ сильнѣйшимъ втрое непріятелемъ, подъ предводительствомъ Лаудона, и частью изрубленъ, частью взятъ въ плѣнъ. Зато Фридрихъ разбилъ Лаудона при Лигницѣ, но тотчасъ же принужденъ былъ идти противъ соединенныхъ Австрійцевъ и Русскихъ, которые, подъ предводительствомъ генерала Тотлебена, взяли даже Берлинъ. Король прогналъ непріятеля изъ Берлина и могъ уже обратиться противъ Саксоніи, гдѣ, на превосходной позиціи, Даунъ засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ,—при Торгау.

3-го ноября, явился Фридрихъ и отважился на битву, отъ которой зависѣла вся судьба его. Будь онъ еще разбитъ, погибъ бы онъ окончательно,—Русскіе стояли уже при Ландсбергѣ на Вартѣ и выжидали благопріятнаго случая ворваться вторично въ Берлинъ. Фридрихъ рѣ-

шился напасть на грозныя укрѣпленія. Онъ хотѣлъ самъ вести часть своего войска противъ торгаускихъ горъ, покрытыхъ виноградниками; а Цитену поручилъ обойдти непріятеля и напасть на него съ тылу. Но обоихъ ихъ задержали болота, рвы и лѣса. Около 2 часовъ по полудни, король вышелъ изъ лѣсовъ и сталъ насупротивъ непріятельскихъ окоповъ. Артиллерія и конница оставались еще позади. Несмотря на это, Фридрихъ немедленно приступилъ къ нападенію, ибо ему слышалась сильная пальба со стороны Цитена и онъ думалъ, что бой съ непріятелемъ тамъ уже завязался. Но то была стычка передовыхъ постовъ, а Цитенъ долго еще не могъ достигнуть назначеннаго мѣста. Когда гренадеры короля сдѣлали приступъ къ окопамъ, — непріятель обратилъ противъ нихъ всѣ свои силы. Четыреста орудій изрыгали смертоносный огонь; рядами падали наступающіе. Король сознавался послѣ, что никогда еще не слыхалъ такого ужаснаго грома. Не взирая на гибель уже падшихъ братьевъ, новые отряды мужественно идутъ на приступъ,—но ихъ опрокидываетъ австрійская конница. Между тѣмъ, прискакала прусская конница и потѣснила-было непріятеля, только вскорѣ же она сама была оттѣснена имъ. Наконецъ подходитъ и артиллерія, но тоже немного можетъ сдѣлать, ибо въ одномъ мѣстѣ побиты лошади, въ другомъ раздроблены колеса лафетовъ. Король останавливается посреди сумятицы и града пуль и ядеръ. Ядро пробило возлѣ него барабанъ, лошадь трубача испугалась и понесла сѣдока. „Скажи Австрійцамъ, закричалъ ему вслѣдъ Фридрихъ, что если они не прекратятъ тотчасъ же огонь, я возьму ихъ пушки“. Короткій ноябрьскій день уже склонился къ вечеру. Наступаетъ и непроглядная темная ночь, а битва все не кончена. Вотъ заблудился отрядъ Австрійцевъ и натыкается на Пруссаковъ, которые берутъ его въ плѣнъ. Въ другомъ мѣстѣ Пруссакамъ не посчастливилось: одинъ отрядъ ихъ стрѣляетъ въ своихъ, пока не открылась ошибка.

Зажигаются многочисленные огни въ торгаускомъ лѣсу. Друзья и враги спѣшатъ къ отрадному свѣту, отогрѣться отъ пронзительнаго холода. Общая бѣда приводитъ всѣхъ къ согласію. Такъ какъ никто не знаетъ, кѣмъ выиграно сраженіе, — съ обѣихъ сторонъ условливаются на слѣдующее утро сдаться побѣдителю.

Ужасно было положеніе раненыхъ. Кто не смогъ дотащиться до сарая или до конюшни сосѣдней деревни, тотъ бился въ страданіяхъ на взмокшей землѣ. А король, межъ тѣмъ, сидѣлъ на ступени алтаря деревенской церкви въ Эслингенѣ. Сердце его раздирала печаль; голова поникла. Лучшіе его воины лежатъ на полѣ битвы, лучшіе офицеры пали, онъ самъ раненъ и ничто еще не рѣшено. Онъ желаетъ смерти себѣ, но до послѣдней минуты не хочетъ допустить до унынія свою армію. Рѣшившись на слѣдующее утро продолжать сраженіе и идти на приступъ въ штыки, онъ пишетъ приказъ при тускломъ свѣтѣ лампады. Съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ разсвѣта, и сгараетъ желаніемъ получить извѣстіе отъ Цитена. Цитенъ же еще не отдыхалъ; онъ въ темнотѣ добрался до *Суптицскихъ высотъ*, взялъ ихъ приступомъ и прорвалъ боевой порядокъ Австрійцевъ. Австрійцы уже не могутъ отважиться на битву, и втихомолку отступаютъ.

Король шлетъ гонца за гонцемъ къ Цитену; занимается утренняя заря, Фридрихъ садится на лошадь и выѣзжаетъ къ деревнѣ. И вотъ, изъ-за сѣдаго тумана, показались бѣлые плащи отряда всадниковъ, выѣзжающаго на встрѣчу короля. Это Цитенъ съ гусарами. Онъ подскакиваетъ къ королю и говоритъ: „ваше величество, непріятель разбитъ и отступаетъ“. Въ ту же минуту оба спрыгиваютъ съ коней, король бросается въ объятія Цитену. Старый полководецъ громко плачетъ, какъ ребенокъ, и не можетъ произнести слова. Потомъ скачетъ онъ къ своимъ всадникамъ и кричитъ имъ: „солдаты! король одержалъ побѣду, непріятель разбитъ. Да здравствуетъ нашъ великій король!“ Всѣ радостно подхватываютъ его слова: „да здравствуетъ нашъ великій король! Да здравствуетъ и отецъ нашъ, Цитенъ, нашъ король гусаровъ!“

Много вытерпѣлъ Фридрихъ II въ семилѣтнюю войну. Онъ на-волосъ былъ отъ погибели. Отчаяніе охватывало неразъ его смѣлую душу. Но судьба помогла ему вывернуться изъ бѣды. Смерть императрицы Елизаветы избавила его отъ самаго страшнаго врага, который уже побывалъ въ его столицѣ, Берлинѣ, который уже принималъ присягу, на вѣрность русской государынѣ, въ нѣсколькихъ прусскихъ областяхъ. Преемникъ Елизаветы, Петръ III, благоговѣвшій передъ славою Фридриха, обѣщалъ ему даже свою помощь — и русскія войска, еслибы Петръ продолжалъ царствовать, по всей вѣроятности, снова должны были бы бороться за

чужое дѣло, но уже не противъ Фридриха, а противъ Маріи Терезіи. 17-го февраля 1763 года былъ заключенъ въ Губертсбургѣ миръ, положившій конецъ семилѣтней войнѣ; поэтому миру Фридрихъ ничего не потерялъ изъ своихъ владѣній.

Главной заботою Фридриха, по заключеніи мира, было залечить раны, нанесенныя Пруссіи войною. Хлѣбъ, закупленный для будущаго похода, онъ раздѣлилъ между обѣднѣвшими поселянами; лошадей назначенныхъ для артиллеріи и для обозовъ роздалъ по деревнямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ войны. Деньги дурнаго качества, вычеканенныя имъ по нуждѣ онъ мало-по-малу вынималъ изъ обращенія. Для занятія лишенныхъ пропитанія работниковъ столицы начата была постройка новаго дворца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ осушить топи около Одера, превратить въ поля и луга безплодное побережье Гавеля, воздѣлать низины Варты, соединить каналами Гавель съ Эльбою.

6.

Фридрихъ былъ снисходителенъ и ласковъ съ простолюдинами. Разъ, старушка протѣснилась къ его каретѣ. „Что̀ вамъ надобно?" спросилъ король. „Только видѣть ваше лицо, а больше ничего," отвѣчала старуха. Король далъ ей нѣсколько фридрихсдоровъ и молвилъ: „вотъ на этихъ вещицахъ вы можете смотрѣть на мое лицо сколько вамъ будетъ угодно."

Фридрихъ любилъ, чтобы ему отвѣчали откровенно, а когда отвѣтъ бывалъ мѣтокъ, онъ не сердился даже за смѣлое слово. Однажды, на смотру, онъ спросилъ солдата, лицо котораго было покрыто глубокими рубцами, полученными имъ при Коллинѣ, въ какомъ кабакѣ его такъ поколотили за пивомъ. „Въ коллинскомъ, отвѣчалъ солдатъ, гдѣ ваше величество расплатились за попойку." Смѣлость, однако, не должна была переходить въ наглость, особенно когда рѣчь шла о предметахъ серіозныхъ. Молодой ландратъ донесъ, что въ округѣ его показались стаи саранчи. Король не повѣрилъ и тогда, въ доказательство, ландратъ прислалъ ящикъ съ живой саранчею, которая, при вскрытіи ящика, разлетѣлась по комнатѣ короля. Фридрихъ не подвергъ взысканію ландрата, но приказалъ, чтобы впредь не назначали на подобныя мѣста молокосо-

совъ, а опредѣляли людей степенныхъ, преимущественно же опытныхъ офицеровъ. Впрочемъ, старымъ, заслуженнымъ генераламъ онъ многое прощалъ. Разъ, на смотру, онъ сказалъ Зейдлицу: „мнѣ кажется, любезный мой Зейдлицъ, что полкъ вашъ идетъ медленнѣе прочихъ.“—Ваше величество, возразилъ Зейдлицъ, мой полкъ идетъ нынче тѣмъ же шагомъ, какимъ шелъ при Росбахѣ.“ Съ той поры король ужь не дѣлалъ доблестному генералу обидныхъ замѣчаній.

Присутствіемъ духа и мужествомъ Фридрихъ обладалъ какъ немногіе. Въ битвѣ при Коллинѣ онъ самъ велъ эскадронъ въ аттаку на непріятельскую батарею. Люди его побѣжали, когда очутились подъ непріятельскими ядрами; но Фридрихъ, не взирая на это, ѣхалъ все дальше, пока одинъ изъ адъютантовъ не закричалъ ему: „государь, неужели вы одни хотите взять баттарею?“ Только тутъ замѣтилъ Фридрихъ свое опасное положеніе, сдержалъ лошадь, обозрѣлъ баттарею въ подзорную трубу и медленно возвратился къ своимъ.

Послѣ битвы при Лейтенѣ, король, въ сопровожденіи немногихъ, отправился верхомъ въ Лиссу и вошелъ въ тамошній замокъ, еще наполненный австрійскими офицерами. Когда входилъ онъ по лѣстницѣ, офицеры вышли на встрѣчу съ зажженными свѣчами, и могли бы взять его въ плѣнъ, непосредственно послѣ самой блистательной его побѣды. „Добрый вечеръ, господа, сказалъ Фридрихъ, не смутившись нисколько: вы, навѣрно, меня не ожидали.“ И онъ прошелъ мимо непріятельскихъ офицеровъ, которые отвѣчали ему только почтительнымъ воскицаніемъ удивленія. Вскорѣ подоспѣлъ эскадронъ прусскихъ гусаровъ и взялъ въ плѣнъ всѣхъ Австрійцевъ.

Разъ, на рекогнисцировкѣ, Фридрихъ слишкомъ приблизился къ непріятельскому передовому посту; пандуръ прицѣлился въ него; но король поднялъ кверху палку, грозно крикнулъ: „ты! ты!“ и привелъ въ такое смущеніе венгерца, что тотъ опустилъ ружье къ ногѣ и король спокойно проѣхалъ мимо.

Фридрихъ требовалъ неустрашимости и отъ своихъ офицеровъ. Подъ однимъ изъ его пажей, при осадѣ Швейдница, убита была ядромъ лошадь, пажъ упалъ и ушибся. Поднявшись, онъ побѣжалъ назадъ, по движеніямъ его было замѣтно, что онъ чувствуетъ сильную боль, но король остановилъ его. „Куда бѣжишь? сказалъ онъ ему: возьми же съ

собой сѣдло.“ Пажъ принужденъ былъ воротиться, отстегнуть сѣдло, и не смѣлъ уже обращать вниманія на ядра, свиставшія вокругъ его и вокругъ короля.

Лучшими чертами въ характерѣ Фридриха были любовь къ строгой справедливости, неусыпное наблюденіе за безпристрастнымъ отправленіемъ правосудія. Извѣстна исторія о вѣтренной мельницѣ при Сан-Суси, которую король хотѣлъ купить у мельника, за тѣмъ что она мѣшала при разбивкѣ парка Сан-Суси. Но мельникъ напрямикъ отказалъ. „Мой дѣдъ построилъ мельницу, говорилъ упрямый старикъ, я получилъ ее по наслѣдству отъ отца и хочу оставить послѣ себя дѣтямъ.“ „А знаешь ли ты, молвилъ король, что я могу, если захочу, взять даромъ твою мельницу?“—„Да, возразилъ мельникъ, колибъ у насъ не было верховнаго суда въ Берлинѣ.“ Король отпустилъ старика и остался очень доволенъ, что такое довѣріе имѣютъ къ прусскимъ судебнымъ мѣстамъ.

Фридрихъ терпѣливо сносилъ немощи старости, ничего не измѣнялъ въ порядкѣ своей жизни, и не ослаблялъ своей дѣятельности. Онъ былъ такъ трудолюбивъ, что хотѣлъ было совсѣмъ отвыкнуть отъ сна, чтобъ имѣть болѣе времени для дѣла. За годъ до смерти, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ въ Бреславлѣ подъ сильнымъ дождемъ; до конца жизни онъ самъ завѣдывалъ правительственными дѣлами. Онъ скончался 17 августа 1786 года.

ИМПЕРАТОРЪ ІОСИФЪ II.

1.

Іосифъ II не прославился геройствомъ на полѣ битвы, какъ Фридрихъ, не имѣлъ и счастія видѣть исполненными благія свои намѣренія, за то великая слава его заключается въ томъ, что онъ былъ человѣкомъ между людьми. Предварительно изложенія дѣлъ его на пользу народу, приведемъ нѣсколько чертъ, обрисовывающихъ собственно его характеръ.

Разъ, Іосифъ прогуливался по городскому предмѣстью. Съ нимъ повстрѣчался мальчикъ, который, протягивая руку, все кричалъ: „дайте мнѣ

гульденъ, одинъ только гульденъ!“ Императоръ приказалъ остановить карету и спросилъ плачущаго мальчика: на что ему столько денегъ? Мальчикъ отвѣчалъ: „мнѣ непремѣнно нуженъ гульденъ. Моя мать больна и послала за докторомъ; я ходилъ уже къ двоимъ, но ни одинъ нейдетъ меньше чѣмъ за гульденъ. Ахъ, дайте одинъ только гульденъ, и я ужъ никогда не стану просить милостыни.“

Императоръ спросилъ мальчика, гдѣ живетъ его мать и далъ ему гульденъ. Мальчикъ тотчасъ же убѣжалъ. А Іосифъ приказалъ ѣхать къ домику, гдѣ жила бѣдная женщина. Чтобы не быть узнаннымъ, онъ закутался въ плащъ, и, вошелъ въ комнату больной. „Ты ли это, дитя, мое!“ спросила она слабымъ голосомъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ Іосифъ, я врачъ, котораго пригласилъ вашъ сынъ.“ Императоръ подошелъ къ постели, сострадательно посмотрѣлъ на бѣдную женщину, какъ будто обдумывая средство для ея излеченія, и молвилъ: дайте перо, чернилъ и бумаги, я пропишу вамъ рецептъ. „Женщина попросила, чтобы онъ взялъ съ полки письменныя принадлежности ея сына. Іосифъ написалъ что-то, и приказалъ отнести рецептъ въ такую-то аптеку. Пожелавъ женщинѣ скораго выздоровленія, онъ удалился. Скоро явился мальчикъ съ настоящимъ врачемъ. Мать немало удивилась, увидавъ этого втораго врача и спросила сына, что̀ это значитъ. Мальчикъ разсказалъ о всемъ случившемся и мать разсказала. Но когда дошла рѣчь до рецепта и врачъ разсмотрѣлъ его, — онъ радостно воскликнулъ: „этотъ человѣкъ можетъ прописывать лучшіе рецепты, чѣмъ я, вашъ докторъ самъ императоръ. Рецептъ его—билетъ на полученіе отъ придворнаго казначея пятидесяти червонцевъ. „Слишкомъ потрясенная радостной неожиданностію больная еще болѣе разнемоглась, но, имѣя возможность пользоваться лучшими лекарствами и здоровой пищей, она скоро оправилась.

Въ Богеміи была страшная дороговизна, многіе жители подверглись жестокой нуждѣ. Іосифъ приказалъ доставить туда много ржи и другихъ жизненныхъ припасовъ и самъ отправился посмотрѣть такъ ли дѣлается раздача, какъ онъ повелѣлъ. Онъ прибылъ, инкогнито, въ небольшой городокъ. Тамъ, передъ дверьми уѣзднаго начальника, стояло множество телѣгъ и фуръ, нагруженныхъ хлѣбомъ; подводчики столпились кучкой и живо говорили промежъ себя. Іосифъ спросилъ ихъ о чемъ говорятъ, и они отвѣчали: „мы уже давно дожидаемся, а намъ надо ѣхать

восемь часовъ, чтобъ поспѣть домой.“—„Это правда, промолвилъ писарь уѣзднаго начальника, да и кромѣ ихъ многіе жители дожидаются уже нѣсколько часовъ, чтобы одѣлили ихъ хлѣбомъ.“ Императоръ, одѣтый въ простой сюртукъ, вошелъ въ домъ и попросилъ писаря доложить о немъ уѣздному начальнику, у котораго на ту пору собралось большое общество.

Кто вы такой? спросилъ уѣздный начальникъ.

—Офицеръ императорской службы, отвѣчалъ императоръ.

—Чѣмъ могу вамъ служить?

—Отпустите бѣдныхъ людей, которые дожидаются васъ внизу.

—Мужики могутъ подождать и еще; я не допущу ихъ мѣшать моимъ удовольствіямъ.

—Но этимъ людямъ далеко ѣхать и они уже довольно васъ ждали.

—А вамъ что́ за дѣло до мужиковъ?

—Надо же имѣть нѣсколько человѣколюбія.

—Ваше нравоученіе не кстати, я знаю что́ мнѣ дѣлать.

„Ну, такъ я открою вамъ, господинъ уѣздный начальникъ, сказалъ императоръ, что хлѣбъ и раздача его васъ не касаются. Отпустите этихъ людей, продолжалъ онъ обратившись къ писарю: съ нынѣшняго дня, вы—уѣздный начальникъ, а вы (молвилъ онъ опять прежнему начальнику), узнайте во мнѣ вашего императара, который отставляетъ васъ отъ службы.“

Іосифъ любилъ народъ и желалъ быть имъ любимымъ. Для увеселенія его, онъ велѣлъ открыть орошаемый рѣкою садъ, доступный дотолѣ одному только дворянству, а у входа выставить надпись: „*всѣмъ людямъ отъ цѣнителя ихъ*.“ Дворянство не одобряло этого поступка. Разъ, нѣкоторые вельможи жаловались императору, что нѣтъ для нихъ мѣста, гдѣ бы никто ихъ не безпокоилъ.

„Еслибъ я хотѣлъ жить исключительно съ равными себѣ, то долженъ бы сойдти въ склепъ церкви капуциновъ, гдѣ покоятся мои предки,“—отвѣчалъ императоръ.

Этотъ отзывъ успокоилъ вельможъ, и Пратеръ, открытый для всей публики, до сихъ поръ остался увеселительнымъ мѣстомъ для жителей Вѣны *всѣхъ сословій*.

2.

15 октября 1781 г., Іосифъ издалъ указъ о вѣротерпимости, по которому дозволялось свободное отправленіе богослуженія лютеранамъ, реформатамъ и грекокаѳоликамъ неуніатамъ, причемъ сравнивались они въ гражданскихъ правахъ съ католиками. Католическая церковь осталась *государственною*, но все чуждое ей устранялось и она должна была сдѣлаться независимою отъ римской іерархіи. ***Никакой буллы не могъ обнародовать папа безъ предварительнаго соизволенія императора.*** Изъ 1443 мужскихъ монастырей и 623 женскихъ, находившихся въ австрійской имперіи, Іосифъ упразднилъ 700, оставивъ только тѣ, которые занимались преподаваніемъ наукъ или уходомъ за больными. Такимъ образомъ возвращались государству многія тысячи людей, жившихъ въ праздности, которая дотолѣ считалась чѣмъ-то святымъ. Имѣнія упраздненныхъ монастырей Іосифъ отобралъ въ казну и обратилъ на общеполезныя заведенія, на основаніе новыхъ учебныхъ школъ, на устройство больницъ, сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Мисса должна была отправляться на нѣмецкомъ языкѣ; Св. Писаніе переведено было на отечественный языкъ; богомолья, подававшія часто поводъ къ безнравственности, были вовсе отмѣнены. Такія рѣшительныя мѣры возбудили большія опасенія въ духовенствѣ, особенно же при римскомъ дворѣ. Въ 1782 г., папа Пій VI отправился въ Вѣну, чтобы значеніемъ своимъ, а также убѣжденіями воздержать императора отъ нововведеній. Іосифъ II принялъ папу торжественно и съ большимъ почетомъ, но не согласился ни на какія его увѣщанія, и, не сдѣлавъ ничего, папа принужденъ былъ возвратиться домой.

Въ отношеніи управленія государствомъ Іосифъ не терпѣлъ посредниковъ между собой и народомъ. Передъ дверьми кабинета, въ которомъ онъ работалъ съ ранняго утра до поздней ночи, стояло всегда множество людей всякаго званія, ибо всякій могъ свободно входить къ императору и говорить съ нимъ. Отъ времени до времени, Іосифъ выходилъ изъ кабинета, принималъ просьбы, а иногда вводилъ просителей въ свою комнату, чтобы они могли высказать ему все, что̀ у нихъ на душѣ лежало. Уже мать Іосифа сдѣлала многія улучшенія, отмѣнила пытки, уничтожила

процессы о колдовствѣ и инквизицію. Іосифъ же пріобрѣлъ себѣ вѣчную славу стараніями даровать образованіе и права столь долго угнетаемымъ *Іудеямъ*, чтобы черезъ это поставить ихъ наравнѣ съ прочими подданными, всего же болѣе—отмѣною, въ 1781 году, крѣпостной зависимости крестьянъ. При этомъ онъ вымолвилъ чисто-царскія слова: „безсмысленно думать, что правительство обладало страною прежде чѣмъ были въ ней подданные.“

3.

Какъ ни желалъ добра императоръ своимъ подданнымъ, однако, бóльшая часть ихъ толковали въ худую сторону его намѣренія; многіе даже преднамѣренно старались разстроить его планы. Вмѣсто любви, нажилъ онъ только ненависть и неблагодарность. Такъ было въ нѣмецкихъ его владѣніяхъ, а еще болѣе высказывалось это въ Венгріи и въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Венгрія, какъ особое королевство, сохранила свои законы и вольности, судебныя дѣла производились въ ней на латинскомъ языкѣ, который зналъ почти каждый венгерецъ; а Іосифъ, желая составить изъ всѣхъ своихъ владѣній *одно* равноправное цѣлое, повелѣлъ, чтобы на будущее время нѣмецкій языкъ и въ Венгріи былъ дѣловымъ языкомъ. Поэтому чиновникъ, не успѣвшій выучиться въ теченіи трехъ лѣтъ нѣмецкому языку, терялъ свою должность. Такое требованіе было несправедливо и жестоко,—оно привело умы въ броженіе, которое усилилось еще болѣе, когда было измѣнено прежнее устройство управленія страною.

Еще хуже было въ Нидерландахъ, въ нынѣшней Бельгіи. Іосифъ ввелъ тамъ многія полезныя учрежденія, имѣвшія послѣдствіемъ, между прочимъ, лучшее образованіе духовенства. Но мѣры эти раздражили епископовъ, а епископы возбудили еще злобу народа, недовольнаго нововведеніями. Въ 1788 г., произошелъ бунтъ; Іосифъ уступилъ, но было уже поздно. Онъ ничего не могъ сдѣлать силою,—войска его на ту пору сражались противъ Турокъ,—и нидерландскія провинціи объявили себя независимыми. Походъ противу Турокъ окончился тоже несчастливо. Разстроенное, и безъ того, здоровье императора было вполнѣ потрясено печалью, томившею его сердце. Въ Венгріи возстало дворянство и взбун-

товало народъ. Немощный и истощенный болѣзнію, Іосифъ принужденъ былъ отмѣнить свои постановленія.

Въ сознаніи, что желалъ добра, онъ говорилъ: „Я бы хотѣлъ, чтобы надписали надъ моей гробницей: „здѣсь покоится государь, намѣренія котораго были чисты, но который имѣлъ несчастіе видѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ.“ Онъ умеръ въ 1790 г.

ГЛАВА VI.

Поборники свободы.

ВАШИНГТОНЪ.

1.

Въ 1497 г., отважный венеціанецъ, Іоаннъ Каботъ, присталъ къ берегамъ Ньюфаундленда и Виргиніи и такимъ образомъ открылъ Сѣверную Америку. Это неизмѣримое пространство земли, равное по объему Европѣ, было тогда, и еще долгое время спустя, сплошною, громадною, дикою, лѣсною пустынею, которая не представляла ничего, что могло бы привлечь жадныхъ до золота Европейцевъ. Ихъ корабли лишь тогда проявлялись у безконечно-длинныхъ береговъ Сѣверной Америки, когда прибивало ихъ туда во время морскихъ плаваній, предпринимаемыхъ для ловли трески. Но въ 1606 году, прибыли сюда выходцы изъ Англіи съ намѣреніемъ поселиться. Они положили основаніе многимъ, теперь цвѣтущимъ, городамъ, (какъ напр. Плимутъ, Чарльстонъ и пр.), число которыхъ значительно увеличилось въ послѣдующіе годы, когда огромное число англійскихъ католиковъ было вытѣснено изъ отечества религіозными послѣдованіями. Быстро, одна за другою, возникали провинціи и города,— Коннектикутъ, Родъ-Исландъ, Южная Каролина и Пенсильванія. Послѣдняя получила свое названіе отъ квакера Пенна,—названіе, въ послѣднихъ слогахъ своихъ, заключающее понятіе объ огромной лѣсистой мѣ-

стности, какою была эта страна при поселеніи въ ней первыхъ колонистовъ. Поселенцы должны были преодолѣть множество препятствій и затрудненій прежде, чѣмъ успѣли воздѣлать почву, покрытую лѣсами и болотами; выгоды же, извлекаемыя ими отсюда, далеко не равнялись выгодамъ отъ золотыхъ рудниковъ красующейся роскошной растительностію Южной Америки. Однако, права и льготы, какія давала переселенцамъ Англія, въ особенности же право устроить, по своей волѣ, мѣстное управленіе, наконецъ безусловная свобода вѣроисповѣданія привлекали въ Сѣверную Америку немало честныхъ и дѣятельныхъ людей изъ Европы, бывшей, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, сценою кровавыхъ, безсмысленныхъ преслѣдованій за мнѣнія и религіозныя вѣрованія. Оттого жители этой части новаго свѣта были самыми свободномыслящими и свободолюбивыми людьми на всемъ земномъ шарѣ. Трудолюбіе же при обработываніи полей, богатство рыбныхъ ловлей поставили ихъ скоро на нѣкоторую степень благосостоянія. Одна лишь торговля, главнѣйшій источникъ обогащенія всѣхъ прибрежныхъ странъ, находилась у Американцевъ долгое время не въ завидномъ положеніи, ибо Англичане совершенно завладѣли ею, вывозя на корабляхъ своихъ всѣ произведенія колонистовъ и привозя все для нихъ необходимое. Это дало поводъ къ запрещенной контрабандѣ, которая приняла особенно большіе размѣры, когда Французы заняли Канаду и старались оттуда по возможности вредить Англичанамъ въ ихъ колоніяхъ. Произошла война между Англіей и Франціей, и во время этой-то войны явился человѣкъ, доставившій независимость своему отечеству, положившій основаніе и до сихъ поръ еще возрастающему величію сѣверо-американскихъ свободныхъ штатовъ, и занявшій мѣсто между величайшими людьми всѣхъ временъ и народовъ.

2.

Георгъ Вашингтонъ—такъ звали великаго человѣка,—сынъ богатаго землевладѣльца, родился 22 февраля, 1732 года, въ Виргиніи. Дѣдъ его, еще въ 1657 году, переселился изъ Англіи въ Амермку. Десятилѣтнимъ ребенкомъ, Георгъ лишился отца. Опекунъ его, честный и образованный человѣкъ, постарался дать ему наилучшее воспитаніе. Особенную

склонность Георгъ показывалъ къ математикѣ и военнымъ наукамъ, и пріобрѣлъ въ нихъ такія познанія, что на 20 году былъ уже произведенъ въ майоры милиціи. Когда Французы начали укрѣпляться на рѣкѣ Огіо, Англичане попытались сначала отклонить ихъ отъ этого посредствомъ переговоровъ и на Вашингтона возложено было это порученіе. Ему предстояло преодолѣть не мало трудностей, потому что надо было вести дѣло съ умными, хитрыми Французами и съ упрамою неподатливостью нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ. Съ однимъ только проводникомъ юноша отправился въ путь за 400 миль, и счастливо прибылъ въ мѣсто своего назначенія. Но французскій начальникъ на-отрѣзъ объявилъ ему, что полоса земли по рѣкѣ Огіо принадлежитъ единственно его королю, и что всякаго, кто появится на этой рѣкѣ безъ его позволенія, онъ будетъ забирать въ плѣнъ. Вашингтонъ возвратился изъ своего посольства, не достигнувъ успѣха; тѣмъ не менѣе путешествіе это было важно для него и для его отечества,—молодой человѣкъ, съ свойственной ему проницательностію и даромъ наблюдательности, пріобрѣлъ много свѣдѣній о направленіяхъ путей, о странѣ и о людяхъ.

Англійскій губернаторъ Виргиніи рѣшился посредствомъ оружія воспрепятствовать планамъ Французовъ. Вашингтону былъ ввѣренъ отрядъ въ 300 человѣкъ, съ которымъ онъ быстро двинулся къ рѣкѣ Огіо и, въ битвѣ съ превосходившими его числомъ Французами, разбилъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но подоспѣли къ Французамъ подкрѣпленія, между прочимъ, многія сотни дикихъ и Вашингтонъ долженъ былъ уступить силѣ. Впрочемъ, онъ такъ мужественно защищалъ свои окопы, что Французы отдали справедливость храброму противнику, и отпустили его, съ честію и съ оружіемъ въ рукахъ. Неудача этого похода побудила Англичанъ къ болѣе сильнымъ мѣрамъ: генералъ Бреддокъ выступилъ въ поле, съ 2000 чел. Въ надменной надеждѣ на свое войско, которое, въ то время и въ тѣхъ странахъ, могло считаться достаточно сильнымъ, Бреддокъ, при наступательномъ движеніи своемъ, пренебрегъ, вопреки убѣжденіямъ Вашингтона, всѣми мѣрами предосторожности. Въ лѣсистыхъ горахъ сдѣлано было на Англичанъ съ двухъ сторонъ внезапное нападеніе; пули Французовъ и стрѣлы Индійцевъ производили страшныя опустошенія. Самъ Бреддокъ палъ смертельно раненый и едвали бы спасся кто-нибудь изъ войска, еслибы Вашингтонъ, во главѣ своихъ

храбрыхъ виргинскихъ стрѣлковъ, не бросился на непріятеля и мѣткой, непрестанной стрѣльбою не произвелъ безпорядка въ его рядахъ; такимъ образомъ онъ сдѣлалъ возможнымъ отступленіе для разбитыхъ своихъ земляковъ. Всѣ удивлялись храбрости и предусмотрительности Вашингтона и общій голосъ избралъ его главнокомандующимъ войска, которое должно было продолжать войну съ Французами. Но подкрѣпленія изъ Англіи были столь незначительны, что нельзя было ничего сдѣлать противъ превосходныхъ силъ непріятеля—и лишь въ 1757 году явились изъ Европы войска съ новыми полководцами. Французы не могли устоять; ихъ вытѣсняли отвсюду; они уступали крѣпость за крѣпостью и, чрезъ годъ, уже вся Канада находилась въ рукахъ Британцевъ. Но не смотря на важныя услуги, оказанныя въ этой войнѣ Вашингтономъ, часто приходилось ему, какъ урожденному американцу, сносить оскорбленія отъ Англичанъ, видѣть обидное пренебреженіе къ мудрымъ своимъ совѣтамъ. Это побудило его, въ 1762 году, когда заключенъ былъ миръ между воюющими державами, сложить съ себя званіе полковника виргинскаго полка.

3.

Вашингтонъ отправился въ родовое свое имѣніе, вскорѣ женился и нѣсколько лѣтъ сряду велъ простой, счастливый образъ жизни. Онъ занимался усердно воздѣлываніемъ обширныхъ своихъ земель и науками,—въ кругу же семейства находилъ лучшій свой отдыхъ.

Тѣмъ временемъ, въ отечествѣ его готовились важныя событія. Между правами, на которыя изъявила притязанія Англія въ отношеніи своихъ сѣверо-американскихъ колоній, однимъ изъ важнѣйшихъ было право облагать колонистовъ податьми и налогами. Хотя налоги эти были и не столь тягостны, какъ въ метрополіи, тѣмъ неменѣе свободному духу Американцевъ не выносимы были эти тяготы отъ далекой Англіи, и именно потому, что Американцы неучаствовали въ ея привилегіяхъ. Гербовый актъ — это учрежденіе англійскаго правительства, по которому предписывалось Американцамъ при извѣстныхъ сдѣлкахъ употреблять дорогую англійскую гербовую бумагу, былъ, правда, отмѣненъ въ 1769 году; зато обложены были новою пошлиною нѣкоторые привозные въ

Америку товары, какъ-то: стекло, бумага, краски и чай. Всеобщее неудовольствіе возникло въ провинціяхъ, когда роспространилось извѣстіе объ этомъ произвольномъ распоряженіи англійскаго правительства; вездѣ, въ многочисленныхъ сборищахъ, стали совѣщаться о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять противъ злоупотребленій власти со стороны метрополіи. Рѣшили не дозволять выгрузки ни одного изъ обложенныхъ новою пошлиною товаровъ. Это повело къ столкновеніямъ между англійскими солдатами и гражданами Бостона, одного изъ важнѣйшихъ приморскихъ городовъ Америки. Англійское правительство приняло энергическія мѣры,—приказано было разстрѣлять, въ 1770 году, трехъ значительныхъ гражданъ Бостона за участіе въ этихъ столкновеніяхъ: тогда озлобленіе Американцевъ противъ метрополіи еще усилилось и не исчезло даже тогда, когда пришло извѣстіе, что пошлина со всѣхъ товаровъ уничтожается и удерживается лишь незначительная—на чай. Американцы не хотѣли долѣе сносить даже малѣйшаго отягощенія, и, при возобновившемся въ 1773 году возстаніи въ Бостонѣ, 17 переодѣтыхъ Индійцами гражданъ отправились на три стоявшіе въ гавани англійскіе корабля и побросали за бортъ весь чай, находившійся на нихъ. Насильственныя мѣры, принятыя правительствомъ для подавленія возстанія, подали поводъ къ союзу всѣхъ 13 провинцій Америки, причемъ провинціи эти обязались другъ предъ другомъ отражать силу силою и отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Совѣтъ, составленный изъ депутатовъ отдѣльныхъ провинцій, наименовалъ себя конгрессомъ, и Вашингтонъ, принимавшій съ самаго начала живѣйшее участіе во всѣхъ предшествовавшихъ событіяхъ и объявившій себя положительно противъ притѣсненій со стороны Англичанъ, былъ единодушно принятъ въ члены этого конгресса.

Не негодованіе за оскорбленія, понесенныя въ англійской службѣ, заставили Вашингтона выступить противъ метрополіи,—какъ утверждали противники и завистники его славы, — но единственно убѣжденіе, что американскія колоніи никогда не достигнутъ, подъ игомъ Англичанъ, того благосостоянія, на которое они имѣли всѣ права и всѣ задатки. Съ этихъ поръ, Американцы рѣшились отказываться отъ всѣхъ пошлинъ и другихъ податей, налагаемыхъ правительствомъ безъ согласія народныхъ представителей. Этотъ союзъ провинцій повелъ къ еще болѣе насиль-

ственнымъ мѣрамъ со стороны правительства. Оно отправило въ Бостонъ генерала Гэ съ 2-мя полками. Соединившись съ другими, разсѣянными по всей странѣ войсками, Гэ овладѣлъ, быстро и неожиданно, всѣми пороховыми и другими военными запасами, находившимися въ городахъ и крѣпостяхъ. При одномъ изъ такихъ нападеній на городокъ Конкордію произошло первое сраженіе между Англичанами и Американцами. Неподалеку отъ Лексингтона, они яростно напали другъ на друга; какъ ни твердо держались Англичане, но должны были уступить упорному натиску Американцевъ, возбужденныхъ энтузіазмомъ свободы и любви къ отечеству. Эта побѣда возвысила мужество колонистовъ. Вскорѣ они завладѣли нѣсколькими фортами, что̀ и проложило имъ путь въ Канаду; кромѣ того, попала имъ въ руки военная шлюпка Англичанъ. Напрасно высаживались въ Америку свѣжія войска изъ Англіи: армія стремившихся къ освобожденію тоже значительно усиливалась, а въ Вашингтонѣ имѣла она главнокомандующаго, таланты и прозорливость котораго брали перевѣсъ надъ численнымъ превосходствомъ и военнымъ искусствомъ притѣснителей.

4.

Безкорыстное поведеніе Вашингтона было столь же извѣстно какъ и военныя его способности; никто не вступалъ съ подобною скромностію въ столь важную должность. Онъ рѣшительно отказался отъ жалованья и отъ всякаго вознагражденія за значительныя суммы, еще прежде того издержанныя имъ изъ своего имущества на различныя военныя потребности и на обмундировку войска. Энергически приступилъ онъ къ тому, чтобы оправдать довѣріе, которымъ почтили его сограждане.

Велики, безчисленны были трудности и препятствія на пути къ этому подвигу. Народонаселеніе американскихъ провинцій было еще незначительно, войско, противупоставленное Англичанамъ, далеко уступало имъ даже числомъ. Духъ жителей, силы и труды которыхъ почти исключительно были посвящены мирнымъ занятіямъ земледѣлія и промышленности, менѣе всего былъ воинственъ; далекія разстоянія между отдѣльными провинціями немало препятствовали развитію общественнаго духа. Къ тому же, территорія, которую предстояло защищать Американ-

цамъ, была необъятна, а Англичане имѣли на ней такое множество укрѣпленій, что они, всюду и во всякое время, безпрепятственно могли приставать съ своимъ флотомъ и подвозить подкрѣпленія и припасы для своей арміи. Но ни эти обстоятельства, ни недостатокъ въ палаткахъ, порохѣ, одеждѣ, въ снарядахъ и запасахъ, ничто не могло поколебать твердость Вашингтона; въ рѣдкихъ дарованіяхъ своихъ, въ стойкости и мужествѣ своихъ воиновъ онъ нашелъ средства побѣдить всѣ препятствія и затрудненія.

Первымъ его предпріятіемъ была осада Бостона. Англичане, нисколько не ожидавшіе найти непріятелей своихъ такъ хорошо вооруженными, изумились, когда Американцы начали бомбардировать городъ. Не считая особенно нужнымъ отстаивать этотъ городъ, Англичане пожертвовали имъ, и Вашингтонъ, послѣ десятидневной осады, вступилъ въ Бостонъ, къ общей радости всѣхъ патріотически-настроенныхъ жителей. Предпріятіе генерала Арнольда, посланнаго конгрессомъ для завоеванія Канады, было менѣе удачно. Хотя онъ и вступилъ побѣдителемъ въ Квебекъ, -столицу этой провинціи, но по малочисленности арміи, не могъ удержать городъ за собою, и принужденъ былъ отступить.

Англія вскорѣ узнала съ какимъ храбрымъ и рѣшительнымъ противникомъ имѣетъ дѣло и выдвинула болѣе значительныя силы для усмиренія мятежниковъ. У сѣверо-американскихъ береговъ появился сильный англійскій флотъ для воспрепятствованія выходу американскихъ судовъ изъ гаваней, и для подкрѣпленія, въ случаѣ нужды, англійской сухопутной арміи. Но послѣ того, какъ Англичане рѣшились силою оружія покорить колоніи и этимъ самымъ довели ожесточеніе Американцевъ до высшей степени, послѣ того, какъ Американцевъ уже ободрила удача нѣсколькихъ предпріятій,—Американскіе Штаты рѣшили объявить себя свободными и независимыми. Въ 1776 году конгрессъ произнесъ это рѣшеніе. Британскій главнокомандующій предлагалъ Вашингтону различныя условія для примиренія и обѣщалъ прощеніе колоніямъ; но Вашингтонъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „Кто не провинился, тому не нужно прощеніе,—Американцы защищаютъ только естественныя права свои.“ Война снова возгорѣлась, и при весьма невыгодныхъ обстоятельствахъ для Американцевъ. При Броклинѣ Англичане одержали блистательную побѣду и доставили своей арміи на долгое время рѣшительный

перевѣсъ. Но тогда-то и выказался весь величавый геній Вашингтона: предусмотрительнымъ выборомъ позицій и искусными движеніями,—что ставитъ его на ряду съ величайшими полководцами, онъ постоянно занималъ и тревожилъ непріятеля, увѣренностью же въ себѣ и спокойствіемъ, онъ поддерживалъ храбрость и стойкость своихъ солдатъ и согражданъ. Изумительно отступленіе Вашингтона въ зиму 1777 года, съ четырехъ-тысячнымъ плохо вооруженнымъ войскомъ, и когда преслѣдовала его цѣлая британская армія. Самые враги не могли отказать ему въ удивленіи. Вскорѣ онъ снова явился на полѣ битвы, во главѣ болѣе сильной арміи, и хотя не могъ выполнить свои смѣлые замыслы, тѣмъ неменѣе возстановилъ этимъ мужество своихъ войскъ и уменьшилъ увѣренность Англичанъ, считавшихъ положеніе его отчаяннымъ. Время отдыха, доставленное Вашингтономъ войскамъ своимъ, употреблено было на привитіе солдатамъ оспы; этой мѣрой онъ сохранилъ многихъ храбрыхъ воиновъ, между тѣмъ, какъ оспа поражала сотни людей въ войскѣ Англичанъ.

5.

Тѣмъ временемъ какъ Вашингтонъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, боролся въ южныхъ провинціяхъ съ превышающимъ его силами непріятелемъ, сѣверныя войска, подъ предводительствомъ генерала Гетса, дѣйствовали неуспѣшно. Всѣ, даже военачальники, кромѣ Вашингтона, упали духомъ. „Мы не должны отчаяваться, писалъ Вашигтонъ одному изъ своихъ товарищей: наше положеніе было то худо, то хорошо, и я думаю, оно опять улучшится". Онъ не удовольствовался одними утѣшеніями, но выслалъ людей, съѣстныхъ и военныхъ припасовъ. Подкрѣпленные и возставшіе духомъ, Американцы снова двинулись впередъ, и, послѣ блистательнаго дѣла при Саратогѣ, принудили англійскаго военачальника сдаться съ пятью тысячами чел. войска и со всякими военными запасами. Въ это же самое время Вашингтонъ подружился съ знаменитымъ Лафайэтомъ. Изъ всѣхъ чужеземцевъ, сражавшихся за свободу Американцевъ, никто болѣе Лафайэта не помогъ имъ словомъ, дѣломъ и совѣтомъ. Связи Лафайэта и старанія американца Франклина въ Парижѣ много содѣйствовали къ склоненію французскаго двора въ пользу Американцевъ; и хотя французскій флотъ, появившійся у береговъ Аме-

рики, не сдѣлалъ ничего особеннаго, однако, онъ развлекъ силы Англичанъ.—Весьма вредны были для американскаго дѣла послѣдствія отпаденія генерала Арнольда, перешедшаго къ врагамъ. При этомъ случаѣ Вашингтомъ выказалъ все благородство, всю человѣчность, всю любовь къ справедливости, составлявшія основу его характера. Арнольдъ измѣнилъ черезъ посредство англійскаго майора Андрэ; этотъ Андрэ попалъ въ руки Американцамъ, и по военнымъ законамъ, былъ осужденъ на висѣлицу, какъ шпіонъ. Вашингтонъ не могъ согласиться на просьбу его о перемѣнѣ рода смерти, но пролилъ слезы о казни человѣка храбраго и несчастнаго. Между тѣмъ, Арнольдъ вступилъ въ Виргинію, производя страшныя опустошенія; онъ потребовалъ также жизненныхъ припасовъ и отъ Моунтъ-Вернонскаго имѣнія, принадлежавшаго Вашингтону. Управитель послалъ что̀ требовалось и просилъ пощадить имѣніе — просьба эта была исполнена въ уваженіе къ прославленному имени Вашингтона, почитаемаго даже врагами. Но Вашингтонъ, написалъ слѣдующее письмо своему управителю: „Болѣе всего мнѣ досадно, что вы были у непріятеля и снабдили его жизненными припасами. Мнѣ было бы не такъ прискорбно узнать, что онъ, въ возмездіе за отказъ вашъ исполнить его требованіе, сжегъ мой домъ, разорилъ мои плантаціи. Вамъ должно бы было смотрѣть на себя, какъ на моего представителя, и подумать какой дурной примѣръ вы подаете, вступая въ сношенія съ врагами и покупая у нихъ пощаду моей собственности". Съ подобнымъ же безкорыстіемъ отказался онъ поспѣшить на помощь провинціи Виргиніи, гдѣ имѣнія его подвергались опустошеніямъ непріятелей, — онъ остался непоколебимо вѣренъ зрѣло-обдуманному плану напрявлять всѣ свои дѣйствія изъ срединнаго пункта. И дѣйствительно,—только такимъ способомъ дѣйствія достигъ онъ освобожденія родины. Послѣ многихъ превратностей военнаго счастія, удалось Вашингтону наконецъ, въ 1781 г., съ помощію французскаго флота, запереть въ Нью-Іоркѣ главную англійскую армію, подъ предводительствомъ лорда Корнуэлльса, и послѣ короткой, но славной, осады, принудить ее къ сдачѣ. Это событіе повело къ окончанію войны; неудовольствіе англійскаго народа, подавленнаго тяжкимъ бременемъ военныхъ издержекъ, принудило министровъ Англіи къ уступкамъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, состоялся въ 1782 г. выгодный и славный для Американцевъ миръ.

Чрезвычайною радостью исполнилась вся освобожденная страна; съ удивленіемъ, гордостью, любовью и энтузіазмомъ взирали на человѣка, которому болѣе всѣхъ обязаны были совершеніемъ великихъ подвиговъ. А онъ, между тѣмъ, наслаждался полнымъ блаженствомъ, какое способенъ ощущать человѣкъ, когда въ сознаніи правоты своей видитъ онъ, что всѣ старанія его для блага общественнаго увѣнчаны успѣхомъ. Великое дѣло Вашингтона было совершено — и, принявъ участіе въ всеобщей радости, онъ удалился въ уединеніе сельской жизни. Торжественно сложилъ онъ съ себя свое званіе и трогательно простился съ товарищами по оружію, которые со слезами проводили его. Предъ отъѣздомъ же, Вашингтонъ явился на конгрессѣ и произнесъ, при безчисленной толпѣ слушателей, трогательную прощальную рѣчь. На нее отвѣчалъ президентъ конгресса и заключилъ отвѣтъ свой слѣдующими словами: „Защитивъ свободу въ нашей новой части свѣта, подавъ спасительный урокъ и угнетеннымъ и притѣснителямъ, провожаемый благословеніями согражданъ, вы удаляетесь съ великой арены. Но слава вашихъ подвиговъ не прекратится съ вашей должностію: она будетъ жить постоянно, воодушевляя отдаленнѣйшія поколѣнія нашихъ потомковъ. Да будутъ ваши послѣдніе дни также счастливы, какъ были славны первые“.

6.

Вашингтонъ возвратился на родину. Моунтъ-Вернонъ сдѣлался поприщемъ мирныхъ гражданскихъ его добродѣтелей. Такъ славно подвизавшійся мечемъ, полководецъ снова ревностно предался простымъ и мирнымъ трудамъ земледѣлія.

Между тѣмъ, въ отдѣльныхъ провинціяхъ происходили волненія и безпорядки — послѣдствія войны. Для устраненія ихъ, рѣшились учредить общее для всѣхъ провинцій правительство и во главѣ его поставить опять Вашингтона. Ни на минуту не задумался онъ и принялъ предложенный ему санъ, принялъ для того, чтобы положить послѣдній камень къ воздвигнутому имъ зданію. И точно: онъ привелъ въ исполненіе самое мудрое государственное устройство, — а въ качествѣ президента, управлялъ отечествомъ, въ теченіи осьми лѣтъ, съ мудростію и силою. Когда же вторично возвратился онъ въ уединеніе, — со всей

справедливостію могли говорить о немъ, что онъ уноситъ съ собою сознаніе честно-исполненной обязанности, благодарность всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ и одобреніе всего міра.

Посреди мирныхъ занятій сельской жизни, смерть постигла Вашингтона 14 декабря 1799 г. Невольники, послѣдней волею его возвращенные къ свободѣ, школы, имъ заведенныя и одаренныя богато для бо́льшаго преуспѣянія, самымъ достойнымъ образомъ, свидѣтельствовали о благодатной его дѣятельности.

ВЕНІАМИНЪ ФРАНКЛИНЪ.

1.

Мало найдется великихъ и знаменитыхъ людей, имя которыхъ произносилось бы съ бо́льшимъ уваженіемъ, какъ имя американца— *Веніамина Франклина*. Человѣкъ этотъ былъ именно человѣкъ, поступавшій по духу Божію. Онъ не ограничивался однимъ желаніемъ добра человѣчеству, онъ дѣлалъ столько добра, сколько дѣлали немногіе изъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ временъ. Прямо и честно шелъ онъ своей дорогой, содѣйствовалъ свободѣ согражданъ, и, при всемъ своемъ величіи, оставался всегда простъ и безкорыстенъ.

Веніаминъ Франклинъ родился 17-го января 1706 г., въ Бостонѣ. Отецъ его, Іосія Франклинъ, честный и прозорливый человѣкъ, не могъ дать Веніамину такого воспитанія, какъ бы желалъ, потому что былъ небогатъ; онъ варилъ мыло и лилъ сальныя свѣчи, и только съ нуждою могъ прокормить своимъ промысломъ многочисленное семейство. Веніаминъ, младшій изъ 16-ти чел. дѣтей, выучился съ прочими коекакъ читать и писать и получилъ также нѣкоторыя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ; впрочемъ, онъ долженъ былъ самъ пролагать себѣ пути и находить средства къ дальнѣйшему образованію. Съ раннихъ лѣтъ, мальчикъ почувствовалъ живую склонность къ наукамъ; однако до 12-тилѣтняго возраста, онъ оставался у отца подъ рукою, раздѣляя его занятія. Чтобы узнать нѣтъ ли у мальчика охоты къ другому какому-ни-

будь ремеслу, отецъ водилъ его по разнымъ мастерскимъ,—къ каменьщикамъ, обручникамъ, мѣдникамъ, столярамъ. Это принесло пользу Веніамину, ибо изощрило его наблюдательность, придало ловкость его рукамъ, — что впослѣдствіи пришлось для него очень кстати, ибо часто онъ самъ долженъ былъ приготовлять машины для физическихъ своихъ опытовъ.

Мальчикъ употреблялъ каждый свободный часъ на чтеніе. Всего охотнѣе читалъ онъ описанія путешествій; большое тоже впечатлѣніе произвела на него книга, воодушевлявшая уже многихъ героевъ,—Жизнеописанія Плутарха. Эту книгу прочиталъ онъ нѣсколько разъ, она много содѣйствовала развитію духовныхъ его способностей. Замѣтивъ въ Веніаминѣ непреоборимую склонность къ книгамъ, старый Франклинъ отдалъ его въ ученіе старшему сыну своему Джемсу, типографщику.

Некрасна была жизнь Веніамина у старшаго брата: Джемсъ былъ суровый, жестокосердый, грубый человѣкъ, онъ не пропускалъ безъ наказанія ни одной оплошности ученика и употреблялъ его на самую черную работу. Но *Веніаминъ* довольно терпѣливо сносилъ суровое обращеніе брата, и только изрѣдка жаловался отцу.

Всякая такая жалоба навлекала Джемсу выговоръ отъ отца, но это нисколько не поправляло обстоятельствъ Веніамина. Наконецъ, мальчикъ совсѣмъ перестало жаловаться и съ полнымъ терпѣніемъ сносилъ свои напасти. Онъ постоянно былъ усерденъ къ работѣ, а вскорѣ сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ дѣлѣ, что даже хозяинъ изумился. Въ свободные часы Веніаминъ занимался чтеніемъ хорошихъ книгъ,—онъ пользовался ночнымъ временемъ для образованія своего ума.

Случалось ли Франклину прочесть хорошо-написанную статью, онъ радовался ей всею душею, и хотѣлось ему также написать, также ясно и вѣрно изложить свои мысли. Прочитавъ одну или двѣ страницы, онъ закрывалъ книгу и пытался передать отъ себя прочитанное, потомъ сравнивалъ написанное съ печатнымъ и исправлялъ ошибки. Мало-помалу ошибки дѣлались все рѣже и рѣже, а иногда онъ съ радостью замѣчалъ, что выраженія его мѣтче выраженій оригинала. Это возбудило его къ новымъ попыткамъ и скоро сталъ онъ владѣть языкомъ въ совершенствѣ.

2.

Братъ Веніамина издавалъ газету, для которой присылали статьи самые значительные и ученые люди въ Бостонѣ. Иногда они собирались въ типографіи, чтобъ обсудить будущую статью или высказать мнѣніе о томъ, что напечатано. Можно представить себѣ, съ какимъ вниманіемъ прислушивался маленькій ученикъ къ такимъ разговорамъ. Однажды, зашла рѣчь о статьѣ, которую хотѣли помѣстить въ газету, для того, чтобы провести какую-то очень важную мысль между гражданами Бостона. Каждый изъ присутствующихъ предлагалъ свое мнѣніе, но ни одинъ не напалъ на сущность дѣла. Веніаминъ подумалъ: „Если-бъ мнѣ довелось написать эту статью, я бы какъ разъ нашелъ что̀ сказать". Онъ не посмѣлъ высказаться, но голова его сильно работала, мысли не давали спать; онъ дождался, пока всѣ разошлись, — всталъ съ постели и разомъ написалъ, что̀ на душѣ лежало. Затѣмъ положилъ онъ статью свою на порогъ типографіи, такъ чтобы утромъ непремѣнно могли найти ее. Имени своего онъ не подписалъ подъ статьею; онъ былъ увѣренъ тоже, что не узнаютъ кто написалъ ее, ибо брату его былъ не знакомъ его почеркъ.

Статью нашли и прочитали въ собраніи сотрудниковъ газеты. Радостно билось сердце Веніамина, когда всѣ единодушно хвалили его статью! Тотъ хвалилъ въ ней ясность и простоту, другой основательность доказательствъ, третій зрѣлость сужденій. Одинъ изъ сотрудниковъ изъявилъ желаніе, чтобъ неизвѣстный сочинитель почаще присылалъ свои статьи. Такъ и вышло: новыя статьи Веніамина опять заслужили похвалу, хотя нѣкоторыя частности въ нихъ и подвергали иногда таинственнаго писателя порицанію. Впрочемъ, ни одна статья не была отвергнута.

Между тѣмъ, Веніаминъ сдѣлался искуснымъ типографщикомъ, и уже нечему было учиться у брата, которому столько услугъ онъ оказалъ, но который былъ грубъ съ нимъ по прежнему, и часто даже билъ его палками. Пребываніе въ домѣ брата сдѣлалсь невыносимо для юноши, столь благороднаго и развитаго; онъ рѣшился тайно оставить Бостонъ и искать счастія гдѣ-нибудь подальше. Но денегъ у него не было и, для

исполненія нелегкаго своего плана, онъ принужденъ былъ продать маленькую свою библіотеку. Онъ отправился въ Нью-Іоркъ, — въ надеждѣ найти кусокъ хлѣба у какого-нибудь типографщика. Но всѣ мѣста были уже заняты, — Франклинъ не унывалъ и рѣшился ѣхать на далекую Филадельфію. Сундукъ съ платьемъ онъ отправилъ на кораблѣ, а самъ сѣлъ на ботъ, чтобы кратчайшимъ путемъ достигнуть Амбоа; въ одну бурную ночь ботъ этотъ чуть не подвергся крушенію.

„Я пріѣхалъ въ Филадельфію, такъ разсказываетъ самъ Франклинъ, въ рабочемъ платьѣ, —лучшія мои платья должны были придти послѣ съ кораблемъ. Я былъ весь покрытъ грязью, а карманы мои набиты были рубашками и чулками. Къ тому же, ни души не зналъ я въ городѣ, не зналъ даже гдѣ найти жилище. Ходьба, гребля на суднѣ, безсонная ночь сильно утомили меня, и холодно мнѣ было чрезвычайно. Весь денежный запасъ мой состоялъ изъ одного голландскаго талера, да нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ, которыя я отдалъ судовщикамъ. Такъ какъ я помогалъ имъ грести, то они и не хотѣли было брать съ меня денегъ, но я настоялъ, чтобы взяли. Случается иногда бывать щедрѣе именно тогда, когда имѣешь мало, чѣмъ тогда, когда кошелекъ туго набитъ“.

3.

Бродя по улицамъ Филадельфіи, повстрѣчалъ Франклинъ ребенка съ кускомъ хлѣба, и зашелъ въ булочную для себя хлѣба купить. Булочникъ, за поданную монету, далъ ему три хлѣба; Веніаминъ подивился этому избытку, и сначала не зналъ что дѣлать съ двумя хлѣбами, да кстати вспомнилъ о бѣдной вдовѣ, которая ѣхала съ нимъ на кораблѣ и была голодна не менѣе его. Съ этими двумя хлѣбами отправился онъ къ пристани, гдѣ и обрадовалъ ими свою спутницу. Не прихотливъ былъ юноша—ему довольно было одного хлѣба да глотка свѣжей воды.

На слѣдующій день, Веніаминъ сталъ искать работы, а напередъ нанялъ себѣ комнатку въ домѣ нѣкоего Рида. Типографщикъ Кейтонъ, дѣла котораго были не въ цвѣтущемъ положеніи, принялъ его къ себѣ въ работу. Вскорѣ Франклинъ такъ поправилъ Кейтоново заведеніе, что другіе типографщики очень раскаявались зачѣмъ не приняли его къ себѣ, а Кейтонъ немало радовался своему счастію. Притомъ молодой че-

ловѣкъ жилъ просто и умѣренно, такъ что и его обстоятельства со дня на день улучшались. Сундукъ его тоже прибылъ и онъ могъ уже являться въ приличномъ платьѣ. Какъ скоро накопилъ онъ нѣсколько денегъ,—опять завелъ маленькую библіотеку полезныхъ книгъ. Искусный, знающій, скромный молодой человѣкъ заслужилъ вниманіе и уваженіе жителей Филадельфіи. Особенно интересовался имъ губернаторъ города Уильямъ Кейтъ; онъ часто приглашалъ его къ себѣ въ домъ, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и одобрительно слушалъ его сужденія. Онъ даже сталъ поощрять Франклина къ тому, чтобы онъ открылъ свою типографію,—и обѣщалъ доставлять въ нее всѣ типографскія работы, потребныя для правительства. Франклинъ возражалъ, что заведеніе типографіи будетъ для него слишкомъ дорого, но губернаторъ обѣщался честнымъ словомъ ссудить его 100 фунтами стерлинговъ (около 650 руб. сер.), если согласиться онъ ѣхать въ Англію для закупки литеръ и машинъ, (въ то время нельзя было найти ихъ въ Америкѣ).

Франклинъ чувствовалъ въ себѣ уже достаточно силы, чтобы самостоятельно заняться типографіей, поэтому онъ принялъ предложеніе Кейта. Но напередъ онъ хотѣлъ попросить согласія у отца, — и отправился домой.

4.

Родители и родственники Франклина были очень встревожены его побѣгомъ, такъ какъ о судьбѣ его ничего не могли провѣдать. Тѣмъ сильнѣе была ихъ радость, когда, Веніаминъ неожиданно явился, здоровый и веселый. Когда сообщилъ онъ отцу о намѣреніи основать типографію, отецъ выразилъ основательныя опасенія на счетъ риску такого предпріятія; но Веніаминъ показалъ ему письмо губернатора и разсказалъ о его благородномъ обѣщаніи: тогда отецъ согласился и Веніаминъ, получивъ отъ него благословеніе, отправился опять въ Филадельфію.

Губернаторъ былъ добродушный, но ненадежный человѣкъ: когда Веніаминъ сталъ просить его, чтобы далъ онъ ему взаймы обѣщанную сумму,—губернаторъ, со дня на день, началъ водить его и, наконецъ, вмѣсто денегъ далъ ему какіе-то письменные документы, которые Фран-

клинъ долженъ былъ предъявить въ Лондонѣ. Франклинъ думалъ навѣрное получить деньги по этимъ бумагамъ, и приготовился въ путь; а передъ тѣмъ обручился онъ съ миссъ Ридъ, дочерью своего домохозяина, съ которою встрѣтился впервые въ Филадельфіи, когда шелъ по улицѣ съ тремя хлѣбами.

24 декабря 1724 г., 18-ти лѣтній Франклинъ прибылъ въ Лондонъ. Его юношески-свѣжая, довѣрчивая душа исполнена была лучшими надеждами, но всѣ онѣ не исполнились. Документы Кейта ни гроша не стоили, и Франклинъ очутился безъ всякой помощи, на чужбинѣ. Человѣкъ менѣе его мужественный, менѣе исполненный упованія на Бога, можетъ быть, погибъ бы въ такомъ печальномъ положеніи; но не таковъ былъ Франклинъ. Глубоко опечалилъ его легкомысленный обманъ губернатора, однако скоро онъ собрался съ духомъ, вышелъ изъ подавлявшей его тоски и искалъ утѣшенія въ молитвѣ къ Богу, на Котораго уповалъ твердо. Онъ не хотѣлъ терять даромъ времени въ праздныхъ мечтахъ, но сталъ ходить изъ одной типографіи въ другую, чтобы гдѣ-нибудь найти работу.

5.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ мѣсто, которымъ могъ поддержать свое существованіе. Но тутъ предстояли ему новыя испытанія. Въ лондонскихъ типографіяхъ былъ тогда обычай, по которому каждый вновь поступающій работникъ долженъ былъ давать старымъ рабочимъ небольшую сумму, которую они пропивали. Франклинъ считалъ обычай этотъ не честнымъ, и рѣшительно отказалъ во взносѣ требуемой суммы. Естественно, что отказъ его былъ принятъ съ большимъ неудовольствіемъ, но Франклинъ не обращалъ вниманія на гнѣвъ своихъ товарищей: онъ зналъ, что поступилъ справедливо и надѣялся, что со временемъ дѣло уладится и неудовольствіе противъ него исчезнетъ.

Однако, онъ ошибся. Товарищи оставались къ нему враждебными, не смотря на то, что Франклинъ былъ постоянно къ нимъ внимателенъ, ласковъ и уступчивъ; они все подшучивали надъ нимъ по-своему: въ отсутствіе его, перемѣшивали литеры въ его наборныхъ ящикахъ, раз-

сыпали уже набранныя имъ колонны, словомъ — вредили ему всячески; Франклинъ переносилъ все это съ невозмутимымъ терпѣніемъ, никому не дѣлалъ упрековъ, не жаловался хозяину, и спокойно исправлялъ умышленно-сдѣланный безпорядокъ. Но непріязненныя отношенія къ нему не прекращались, и онъ рѣшился взнести падавшій на него налогъ. Впрочемъ, онъ замѣтилъ товарищамъ, что такой налогъ совершенно несправедливъ, что подчиняется онъ ему только по принужденію. Наборщики не разсердились за откровенное объясненіе, — высокая нравственная сила Франклина пріобрѣла-таки значительное вліяніе и надъ его товарищами.

Его печалило, что люди эти слишкомъ много пьютъ пива, — онъ употребилъ всѣ старанія отклонить ихъ отъ этого порока. Самъ онъ, съ ранней молодости, привыкъ къ строгой умѣренности, ничего не пилъ, кромѣ воды, а ѣлъ только хлѣбъ, зелень да немного мяса. Строгой образъ жизни поддерживалъ въ немъ здоровье и веселость; притомъ, этимъ Франклинъ сберегалъ деньги, которыя могъ обратить на болѣе полезныя цѣли, а между прочимъ на пріобрѣтеніе книгъ. Все это онъ ставилъ на видъ товарищамъ, доказывая имъ, что чрезмѣрнымъ употребленіемъ пива, они ослабляютъ, а не подкрѣпляютъ свои силы; наконецъ онъ достигъ того, что нѣкоторые изъ нихъ послушались юнаго проповѣдника умѣренности. И много пользы принесъ имъ совѣтъ Франклина: они съ удивленіемъ замѣтили, что силы ихъ освѣжились и увеличились, что кошельки ихъ дѣлаются полнѣе.

6.

Постоянное прилежаніе, правильный, нравственный, благочестивый образъ жизни доставили Франклину друга, по имени Денгама, который и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ въ Америку и основать тамъ торговое предпріятіе. Денгамъ, человѣкъ очень зажиточный, хотѣлъ дать денежныя средства, а Франклину поручить веденіе дѣла и за это давать ему довольно значительное содержаніе. Франклинъ согласился на это предложеніе. 11 октября 1726 года, онъ счастливо прибылъ въ Филадельфію. Но едва ступилъ онъ на родную почвѣ, — судьба снова стала его преслѣдовать.

Прежде всего, сильно его опечалило извѣстіе, что миссъ Ридъ вышла за-мужъ за другаго: она думала, что Франклинъ, среди шума лондонской жизни, забудетъ о ней. Непріятно было ему и то, что Уильямъ Кейтъ, сложившій съ себя должность губернатора, частью отъ стыда, частью отъ гордости, избѣгалъ его. А Веніаминъ давно простилъ ему обманъ и охотно сталъ бы видаться съ нимъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ торговое предпріятіе, Денгама было пущено въ ходъ, — новое, страшное несчастіе поразило Франклина. Оба они, и Франклинъ и Денгамъ, опасно занемогли: Денгамъ умеръ. Франклинъ же, благодаря тѣлосложенію своему, усиленному умѣреннымъ образомъ жизни, скоро оправился; но, со смертію Денгама, торговое предпріятіе рушилось и Франклинъ снова пришелъ въ крайне-стѣсненное положеніе.

Чтобы достать себѣ хотя скудное пропитаніе, Франклинъ опять пошелъ въ работу къ типографщику Кейтону, дѣла котораго въ послѣдніе годы, были очень разстроены. Съ поступленіемъ къ нему Франклина новымъ духомъ повѣяло на предпріятіе, и честный молодой человѣкъ всѣ выгоды предоставлялъ хозяину. Пока Кейтонъ видѣлъ, что есть еще чему поучиться у Франклина, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ нему, но лишь замѣтилъ, что и безъ его помощи можетъ вести дѣло, — сталъ холоденъ, даже грубъ. Франклинъ увидалъ, что человѣкъ этотъ желаетъ отъ него отдѣлаться,—поэтому онъ очень обрадовался приглашенію, одного изъ своихъ товарищей, Мередита, устроить типографію въ Филадельфіи.

7.

Мередитъ былъ безпорядоченъ и преданъ пьянству. Однако, чтобъ развязаться съ Кейтономъ, Франклинъ заключилъ съ Мередитомъ условіе, по которому Мередитъ обязывался пріобрѣсти необходимые инструменты, а Франклинъ принималъ на себя управленіе предпріятіемъ. Франклинъ энергически взялся за него и вскорѣ досталъ много работы. А Мередитъ таскался по трактирамъ и кабакамъ и часто приводили его домой пьянымъ до безчувствія. Всѣ убѣжденія дѣятельнаго его товарища не вели ни къ чему; развратъ же Мередита вредилъ даже доброй славѣ Франклина. Франклинъ основалъ общество, которое собиралось одинъ

разъ въ недѣлю и состояло изъ людей извѣстныхъ умомъ и высокой нравственностью. Изъ нихъ многіе подружились съ Франклиномъ; они хорошо видѣли тяжелыя отношенія, давившія Веніамина, и, разъ, предложили ему ссудить его нужною суммой денегъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отсталъ отъ Мередита. Это глубоко тронуло Франклина; онъ, со слезами на глазахъ, благодарилъ своихъ товарищей,—однако, отказался отъ ихъ предложенія.

„Любезные друзья“ сказалъ онъ, „я хорошо знаю, что поведеніе Мередита препятствуетъ успѣшному ходу моего предпріятія, но не могу же оставить его, — я обязанъ ему настоящимъ независимымъ положеніемъ. Только довѣряя моимъ способностямъ и моей честности, далъ онъ денегъ на устройство типографіи, такъ какъ у меня, кромѣ познаній, ничего не было. Могу ли же теперь покинуть Мередита, оказавшаго мнѣ довѣріе? Скорѣе я удвою свою дѣятельность, чѣмъ покажусь неблагодарнымъ къ человѣку, довѣрившему мнѣ, какъ другу“.

Друзья хвалили благородныя чувства Франклина, но вмѣстѣ съ тѣмъ представили ему, что онъ доведетъ себя до погибели, такъ какъ отецъ Мередита можетъ не выполнить заключеннаго условія—не заплатить по даннымъ векселямъ: все предпріятіе было основано на кредитъ отца и уже по этому должно было пасть. Все это хорошо видѣлъ и самъ Франклинъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ объявилъ своимъ друзьямъ, что готовъ взять деньги отъ нихъ, если Мередитъ самъ скажетъ ему, что отецъ его можетъ и не заплатить. Въ тотъ же вечеръ онъ спросилъ объ этомъ своего компаньона—и тотъ честно подтвердилъ, что предположенія друзей Франклина не безъ основанія. Онъ добровольно предложилъ ему принять на свой счетъ типографію, и Франклинъ съ радостію согласился разстаться съ нимъ. Друзья дали ему обѣщанную сумму и онъ сдѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ.

Быстро поднялась типографія Франклина. Газета, которую онъ началъ еще прежде того издавать, расходилась все больше и больше и постоянно увеличивалась въ объемѣ; рядомъ съ типографіею Франклинъ завелъ то же небольшую книжную лавку. Честностью своей, прилежаніемъ, неутомимой дѣятельностью онъ пріобрѣлъ любовь и довѣріе своихъ согражданъ. Въ 1730 году, женился онъ на прежней своей невѣстѣ, мужъ которой, тайно покинувъ ее, умеръ въ Вестъ-Индіи. Фран-

клинъ былъ весьма счастивъ въ супружествѣ. Все было радостно и свѣтило солнцемъ вокругъ него. И никогда, можетъ быть, не наслаждался онъ такимъ полнымъ счастіемъ, какъ въ это время скромнаго благоденствія, хотя, впослѣдствіи, онъ и сдѣлался болѣе знаменитымъ человѣкомъ.

8.

Франклину минуло только 23 года, а онъ былъ уже богатъ опытностію! И онъ прилежно заботился не объ одномъ своемъ предпріятіи, а еще старался облагородить внутреннюю свою природу. Только добродѣтельный человѣкъ—такова была любимая его поговорка—можетъ быть истинно счастливъ. Чтобы не охладѣть въ постоянномъ стремленіи къ самоусовершенствованію, онъ составилъ себѣ табличку, гдѣ были вписаны главныя добродѣтели, въ которыхъ онъ желалъ упражнять себя. То были: умѣренность, молчаливость, порядокъ и чистота, рѣшительность, бережливость, прилежаніе, прямота, смиреніе и человѣколюбіе. Для полнаго достиженія этихъ добродѣтелей, Франклинъ избиралъ сперва одну и упражнялся въ ней; онъ дѣлалъ отмѣтки, когда согрѣшалъ противъ нее и старался всѣми силами имѣть какъ можно менѣе такихъ отмѣтокъ. Какъ онъ радовался, если, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, не находилъ въ своей табличкѣ ни одной отмѣтки!

Въ 1732 году, для нравственнаго усовершенствованія своихъ согражданъ, Франклинъ издалъ календарь, подъ именемъ „Алманахъ бѣдняка Ричарда". Книга эта была благосклонно принята, потому что полезные совѣты высказывались въ ней языкомъ простымъ и удобопонятнымъ. Неожиданный успѣхъ календаря и газеты доставилъ Франклину значительныя денежные средства, такъ что онъ уже могъ завести торговлю и бумагою. Свободные часы Франклинъ посвящалъ изученію иностранныхъ языковъ. Одинъ послѣ другаго, онъ изучилъ самоучкой языки: французскій, итальянскій, испанскій и латинскій.

Такъ прожилъ Франклинъ десять лѣтъ и тогда явилось у него чрезвычайное желаніе повидаться съ родными. Онъ отправился въ Бостонъ, по пути посѣтилъ своего брата и прежняго мастера, который переѣхалъ на житье въ Нью-Портъ — и заплатилъ добромъ за зло, сдѣланное ему

прежде: когда, вскорѣ послѣ того, братъ умеръ, Веніаминъ взялъ къ себѣ старшаго его сына, далъ ему превосходное воспитаніе и сдѣлалъ его искуснымъ типографщикомъ, который умно и удачно могъ продолжать отцовскія дѣла.

Въ 1736 г., граждане Филадельфіи почтили Франклина, назначеніемъ въ секретари генеральнаго собранія, а годъ спустя, доходнымъ мѣстомъ почтмейстера Филадельфіи. Франклинъ воспользовался своимъ положеніемъ, для посильнаго искорененія злоупотребленій, для лучшаго устройства этого учрежденія. Ничто ему не было чуждо: его великій геній обхватывалъ и великое и малое. Франклинъ обогатилъ и науку. Долго размышляя о явленіяхъ грозы, Франклинъ, въ 1749 году, пришелъ къ убѣжденію, что молнія есть ничто иное, какъ электрическая искра. Онъ сдѣлалъ опытъ: приготовилъ летучій змѣй изъ шелковой матеріи, который и предположилъ спустить во время грозы. На длинной палкѣ змѣя, было прикрѣплено желѣзное остріе, а къ острію этому привязана конопляная бичева, тянувшаяся до руки Франклина. Но чтобы не коснулась руки электрическая искра, онъ привязалъ шелковый шнурокъ къ бичевкѣ, а наконецъ бичевки привѣсилъ ключъ. Въ этомъ-то ключѣ и должны были скопляться электрическія искры, поподающія не остріе змѣя, потому что шелкъ, когда онъ сухъ, не служитъ проводникомъ для электрической матеріи. Лишь наступила гроза, Франклинъ вмѣстѣ съ сыномъ поспѣшилъ въ поле; змѣй поднялся и грозовая туча накрыла его. Вскорѣ нити бичевки начали сами собою развиваться; Франклинъ притронулся пальцемъ къ ключю и вдругъ брызнула искра. Пошелъ сильный дождь и искры, уже лучше проводимыя намокшимъ шнуркомъ, стали сыпаться чаще. Нѣсколько разъ Франклинъ повторилъ опытъ и собиралъ матерію молніи въ банки,—впослѣдствіи оказалосъ, что и въ этихъ банкахъ она точно также дѣйствуетъ какъ и электрическая. Въ достовѣрности опыта нельзя уже было сомнѣваться.

Все это привело Франклина къ открытію громоотвода. Уже въ 1761 году онъ былъ обрадованъ тѣмъ, что одинъ домъ въ Филадельфіи, снабженный громоотводомъ, остался невредимымъ, хоть и ударила въ него молнія. Постоянно думая объ успѣхахъ умственнаго развитія, онъ много заботился объ основаніи университета въ Филадельфіи. По его предложенію, открыта была всеобщая подписка, которою было собрано 50,000

фунтовъ стерлинговъ; на эту сумму основанъ университетъ, процвѣтающій и до сихъ поръ, какъ благодатный памятникъ стараній Франклина. По избраніи его городскимъ совѣтникомъ и депутатомъ въ народное собраніе, онъ основалъ пріютъ для безпомощныхъ стариковъ и неимущихъ больныхъ. Его же стараніями, улицы въ Филадельфіи были вымощены. Такимъ образомъ, каждый годъ былъ ознаменованъ какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ Франклина.

Слава великаго человѣка проникла изъ Америки и въ Европу; а когда вспыхнула сѣверо-американская революція, Франклинъ былъ уже дѣйствительно знаменитъ. Счастливому исходу борьбы между Америкой и Англіей больше всѣхъ способствовали Вашингтонъ и Франклинъ, первый — какъ воинъ, второй — какъ государственный человѣкъ.

Еще передъ началомъ борьбы, Франклинъ отправлялся посланникомъ въ Лондонъ и старался склонить правительство къ умѣренности. Но англійскіе министры не хотѣли и слушать никакого разумнаго совѣта. Возгорѣлась война; Франклинъ былъ отправленъ конгрессомъ во Францію для заключенія съ этой страной союза противъ Англіи. Сначала Франція не показывала себя расположенною къ союзу, но мудрость Франклина довела это дѣло къ желанному концу, и въ 1779 году, отъ имени своего отечества, онъ подписалъ союзный трактатъ съ Франціею. А въ 1783 году, онъ же заключилъ миръ, по которому Сѣверная Америка признана независимою.—Поэтому о Франклинѣ сказали: Eripuit cœlo fulmen, sceptrumque tyrannis! „Онъ похитилъ молнію съ неба и скипетръ у тиранновъ".

Неутомимо-дѣятельный на пользу отечества, Франклинъ не удовольствовался этимъ великимъ успѣхомъ; но для приведенія въ цвѣтущее положеніе торговли Сѣверной-Америки, онъ заключилъ еще съ Швеціей и Пруссіей торговый трактатъ, по которому юная республика пріобрѣла значительныя выгоды.

Въ 1789 году, послѣ девятилѣтняго отсутствія, Франклинъ возвратился въ отечество. Его прибытіе было встрѣчено громкою радостью собравшагося народа, это ликованіе и радостныя крики провожали его до дому. Въ семействѣ своемъ Франклинъ нашелъ все благополучнымъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія, онъ былъ избранъ членомъ въ высшій правительственный совѣтъ, а потомъ президентомъ Пенсильваніи.

Франклинъ былъ постоянно поборникомъ свободы и врагомъ всякаго рабства. Борьбу за свободу и противъ рабства продолжалъ онъ безъ отдыха даже и въ то время, когда ревматизмъ сложилъ его въ постель. Во время болѣзни, онъ постоянно посылалъ въ палату депутатотъ Соединенныхъ Штатовъ статьи, въ которыхъ убѣждалъ ихъ всѣми силами старатъся объ уничтоженіи постыднаго рабства.

Статьи эти были лебединой его пѣснью; болѣзнь усиливалась, Франклинъ страдалъ мучительно. Но духъ его оставался ясенъ, вѣра непоколебима. На смертномъ одрѣ; онъ благодарилъ Бога за всѣ Его милости, даже за свои страданія, на которыя смотрѣлъ онъ, какъ на средство для приготовленія духа къ высшей жизни.

„Я прожилъ долго, говорилъ онъ своему другу, епископу Шингею — и въ продолженіи жизни своей видѣлъ большую часть свѣта. Теперь чувствую возрастающее желаніе познать иной міръ и душа моя радостно, съ сыновнимъ довѣріемъ, предаетъ себя въ руки Отца всѣхъ людей, Который создалъ меня и отъ самаго рожденія такъ милосердо хранилъ и осыпалъ благословеніями“.

Такъ ожидалъ Франклинъ кончины; она послѣдовала 17 апрѣля 1790 года. Весь народъ оплакивалъ смерть его и слѣдовалъ за его гробомъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Простой памятникъ, гладкая мраморная плита, обозначаетъ могилу человѣка, который жилъ просто, безъ претензій, и, однако, сдѣлалъ болѣе многихъ прославленныхъ королей и князей. *Франклинъ былъ гражданинъ человѣчества.*

ТУССЭНЪ ЛУВЕРТЮРЪ.

1.

Туссэнъ Лувертюръ, негръ, родился, въ 1745 г., рабомъ на плантаціи графа Нойе, не далеко отъ Капъ-Франсе, въ сѣверной части острова Сан-Доминго. Онъ взросъ, какъ и всѣ дѣти негровъ, совершенно безъ всякаго образованія, а воспитывался исключительно въ страхѣ передъ плантаторомъ, котораго судьба сдѣлала властелиномъ надъ его жизнью

и смертью. Въ первой молодости, онъ былъ приставленъ къ стадамъ своего господина и тогда уже внимательное наблюденіе его надъ вещами, которыя далеко превосходятъ силу пониманія бо̀льшей части его соплеменниковъ, показывало, что онъ одаренъ необыкновенными способностями. Безъ руководства, безъ помощи ученыхъ бѣлыхъ, одинъ, съ томительной жаждой знанія, онъ превозмогъ безконечныя затрудненія, чтобы усвоить себѣ первоначальныя основанія всякаго знанія—чтеніе и письмо. Когда удалось ему это,—онъ не удовольствовался этимъ и продолжалъ дальнѣйшее образованіе своего ума.

Изъ библіотеки управителя плантаціи, Либертаса, онъ досталъ нѣсколько книгъ, которыя значительно увеличили его познанія и расширили его кругозоръ. Знаніе, пріобрѣтенное такимъ способомъ, не только доставило ему удивленіе и робкое уваженіе его товарищей рабовъ, но обратило на него вниманіе и управителя, который, къ счастью, былъ человѣкъ кроткій и человѣколюбивый. Онъ поддержалъ Туссэна въ стремленіи къ образованію, освободилъ его отъ тяжелыхъ земледѣльческихъ работъ и значительно улучшилъ его внѣшнее положеніе, сдѣлавъ его своимъ кучеромъ. То было уже огромное преимущество передъ прочими невольниками, потому что кучерское мѣсто доставило Туссэну и хорошее содержаніе и болѣе возможности предаваться занятію науками.

Какъ глубоко чувствовалъ Туссэнъ благоволеніе своего господина, доказали послѣдствія, когда черные начали борьбу противъ тираніи бѣлыхъ. Не убилъ онъ своего господина, какъ это сдѣлали многіе негры, и не только спасъ жизнь Либертаса, съ опасностію собственной жизни, но когда достигъ почти царскаго сана,—великодушною щедростію обезпечилъ послѣдніе его дни.

Между многими свѣдѣніями о раннемъ періодѣ жизни Туссэна на о. Сан-Доминго замѣчательны его любовь къ животнымъ и вообще неистощимое терпѣніе. Туссэнъ такъ умѣлъ пользоваться понятливостію лошади, что дѣлалъ чудеса съ нею, и никогда не прибѣгалъ къ жосткимъ мѣрамъ, съ помощью которыхъ въ Европѣ достигаютъ обученія лошадей. Часто видали его, погруженнаго въ задумчивость посреди своего стада, которое какъ будто и само остерегалось нарушать его размышленія. Часто, жестами и взорами, онъ велъ съ животными этого стада нѣчто въ родѣ нѣмой бесѣды, и они, повидимому, вполнѣ понимали его:

всѣ они знали его, и когда появлялся онъ между ними, выказывали ему понятнымъ образомъ свою любовь; съ своей стороны, и онъ чрезвычайно заботился о нихъ. Когда съ какимъ нибудь изъ животныхъ случалась бѣда, онъ тотчасъ же поспѣшалъ на помощь. Только безжалостное обращеніе съ ввѣренными ему животными могло возмутить его безконечное терпѣніе и приводило его въ гнѣвъ. Если онъ видалъ, что рабы вымѣщали наказаніе, полученное отъ господина, на незлобивыхъ, безвинныхъ животныхъ,—что, къ несчастію, часто случалось—сердце его наполнялось яростью, и онъ самъ бивалъ иногда жестокосердыхъ. Во всемъ остальномъ терпѣніе его было такъ велико, что вошло даже въ пословицу,—молодые, шаловливые рабы плантаціи часто, ради забавы, дразнили, старались разсердить Туссэна, но это очень рѣдко имъ удавалось: обыкновенно Туссэнъ на всѣ эти глупыя поддразниванія отвѣчалъ только спокойной улыбкой. Когда Либертасъ сбирался наказывать провинившихся невольниковъ, Туссэнъ, не памятуя обидъ, становился посредникомъ и выпрашивалъ прощеніе бѣднякамъ.

2.

25-ти лѣтъ отъ роду, Туссэнъ женился на дѣвушкѣ, характеръ которой гармонировалъ съ его собственнымъ. Онъ жилъ съ нею счастливо: многихъ дѣтей она подарила ему и не было случая, чтобы когда либо союзъ ихъ возмущенъ былъ ссорою или неудовольствіемъ. Либертасъ умножилъ благодѣянія, которыя и прежде расточалъ своему любимцу,—Туссэнъ былъ поставленъ въ такое спокойное положеніе, что имѣлъ уже много досугу для увеличенія своихъ познаній. Знакомство съ священниками и другими учеными людьми открыло ему новые источники образованія; онъ, съ жаромъ и постоянствомъ, предался занятіямъ, которыя предполагаютъ уже довольно-развитой умъ. Философскія и историческія сочиненія аббата Рейналя Туссэнъ изучалъ съ особеннымъ пристрастіемъ. Въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, размышлялъ онъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги. Французскій переводъ *Эпиктета*, въ судьбѣ котораго Туссэнъ находилъ много сходнаго съ своей судьбою, сдѣлалъ его на нѣкоторое время послѣдователемъ ученія этого философа,—и любилъ онъ повторять извѣстный анекдотъ о бывшемъ рабѣ римлянина Эпафродита:

этотъ римлянинъ, отпущенникъ императора Нерона, былъ человѣкъ вспыльчивый и часто обращался съ Эпиктетомъ очень жестоко. Вѣрный ученію стоиковъ, старавшихся соблюдать всегда хладнокровіе, Эпиктетъ терпѣливо сносилъ жестокости своего господина. Разъ, онъ сильно билъ его по берцу ноги. „Ты переломишь мнѣ ногу,—сказалъ Эпиктетъ спокойно. Господинъ удвоилъ удары и дѣйствительно переломилъ ногу. Эпиктетъ и тутъ остался спокоенъ,—молвивъ только: „не говорилъ ли я тебѣ напередъ? Теперь ты самъ себѣ нанесъ убытокъ.“

Туссэнъ старался подражать Эпиктету, что̀, при его великомъ самообладаніи, удавалось ему легко. Но пытливый умъ его искалъ себѣ иной пищи и онъ нашелъ богатую добычу въ произведеніяхъ древнихъ историковъ. Въ особенности онъ ревностно занимался военными и государственными науками, можетъ быть, смутно предчувствуя, что эти знанія пригодятся для несчастнаго угнетеннаго его народа. Въ маленькой библіотекѣ его были, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: Коментаріи Цезаря, во французскомъ переводѣ, исторія Александра Македонскаго и Цезаря, Геродотова исторія войнъ Грековъ съ Персами, сочиненія Плутарха и Корнелія Непота. Изученіе этихъ твореній не только образовало его умъ, но превосходно дѣйствовало и на его внѣшнее обращеніе: Туссэнъ съ нравственной чистотою соединялъ и привлекательныя манеры.

Такимъ образомъ Туссэнъ вышелъ изъ ничтожества, разорвалъ тяжелый покровъ невѣжества, который наброшенъ былъ, повидимому, обстоятельствами на духъ его, при самомъ рожденіи. Такъ жолудь, занесенный куда-то вѣтромъ, медленно выростаетъ, превращается въ могучее дерево, широкими зелеными вѣтвями своими защищаетъ низменный кустарникъ, и никакая буря не можетъ сокрушить его.

3.

Волненіе умовъ угнетенной цвѣтной расы, постоянно увеличиваясь, предвѣщало кровавую, полную ужасовъ борьбу; Туссэнъ, внимательно слѣдившій за ходомъ событій, сдѣлался совѣтникомъ и вождемъ своихъ товарищей-невольниковъ, которые благоговѣйно преклонялись предъ его нравственной силой. Однако, сначала онъ не хотѣлъ стать во главѣ движенія и тайнымъ вліяніемъ своимъ воспользовался только для спасенія

Либертаса. Вѣроятно, сердце его было глубоко возмущено тѣмъ безобразіемъ, съ какимъ рабы, разорвавъ оковы, въ упоеніи свободы, ринулись на своихъ прежнихъ притѣснителей,—Туссэнъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ грабежемъ, убійствомъ, поджогами и всяческимъ насильствомъ. Яснымъ умомъ своимъ онъ хорошо видѣлъ, что отъ революціи можно ожидать добра скорѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ, поэтому, въ продолженіи нѣкотораго времени, онъ оставался спокойнымъ, выжидая благопріятнаго случая выступить изъ неизвѣстности и принять въ свои мощныя руки бразды правленія.

Первый предводитель черныхъ, прославившійся страшными своими злодѣяніями, былъ негръ, Букманъ. Во главѣ шайки разбойниковъ, пріютившись въ недоступныхъ горахъ, онъ неожиданно нападалъ на плантаціи, грабилъ и убивалъ не только бѣлыхъ, но и черныхъ. Когда возстаніе черныхъ приняло болѣе серьезный характеръ и распространилось по всему острову, Туссэнъ присоединился къ толпамъ мужественнаго предводителя негровъ Біассу, который далъ ему главное, послѣ себя, начальственное мѣсто. Туссэнъ уговорилъ Біассу прекратить злодѣйства безпощаднаго Букмана. Біассу проникъ въ его притонъ и, руководимый совѣтомъ Туссэна, такъ хорошо распорядился, что злодѣй едва успѣлъ бѣжать, а шайка его была бо́льшею частію истреблена или взята въ плѣнъ. Вскорѣ за тѣмъ Букманъ, съ остаткомъ своихъ товарищей, былъ разбитъ и убитъ близъ Капъ-Франсе.

Біассу былъ единогласно избранъ предводителемъ войскъ черныхъ, которые, въ числѣ 60,000 чел., сосредоточились въ сѣверной равнинѣ Гаити. Впрочемъ, онъ не долго предводительствовалъ. Это былъ, безспорно, талантливый человѣкъ, но по характеру совершенно не годился для высокаго поста. Вскорѣ онъ сдѣлался жестокъ и кровожаденъ, какъ Букманъ,—за что́ и былъ лишенъ власти, которою злоупотреблялъ постыднѣйшимъ образомъ. Никто изъ негровъ не былъ способнѣе Туссэна занять упраздненное мѣсто,—умѣренностію, какъ и силою генія, Туссэнъ превосходилъ всѣхъ. Однако, онъ добровольно отказался отъ власти и предоставилъ ее молодому, гордому негру, Жану Франсуа, который прославился блестящими военными подвигами и, по своему происхожденію отъ африканскаго царскаго рода, имѣлъ много приверженцевъ между неграми. Такимъ образомъ Туссэнъ избѣжалъ внутренняго раздора, кото-

рый въ высшей степени могъ бы повредить дѣлу освобожденія негровъ. При ограниченности своихъ умственныхъ способностей, Жанъ Франсуа не умѣлъ достойно оцѣнить мудрости Туссэна, однако, передалъ ему начальство надъ отрядомъ войска, на который возложены были самыя важныя предпріятія.

4.

Слово свободы, такъ мощно превозглашенное на берегахъ Сены, проникло на острова Вестъ-Индіи и въ особенности громко раздалось на о. С. Доминго (Гаити, какъ его называютъ теперь). Испанцы хотѣли возстановить этотъ островъ противъ Французовъ и призывали негровъ подъ свои знамена. Туссэнъ отсовѣтовалъ, но тщетно; обѣщанія Испанцевъ были слишкомъ заманчивы для негровъ. Жанъ Франсуа, возведенный въ рыцарское достоинство, былъ сдѣланъ испанскимъ генералъ-лейтенантомъ, а Туссэнъ произведенъ въ полковники. Война противъ французскихъ плантаторовъ продолжалась съ новою жестокостію. Туссэнъ, безъ сомнѣнія, былъ лучшій и способнѣйшій человѣкъ между неграми. Испанскій маркизъ Германа высоко цѣнилъ его и такъ о немъ говорилъ: „Если-бы самъ Всемогущій сошелъ съ неба на землю. Онъ не носилъ бы въ груди своей лучшаго сердца, чѣмъ Туссэнъ.“ Туссэнъ убѣдился, что отъ союза съ Испаніею нельзя ожидать особеннаго блага для его народа. Французская республика тоже обѣщала чернымъ полную свободу и равенство. Въ 1794 г., Туссэнъ, съ частью своихъ войскъ отправился въ Поръ-де-Пэ, гдѣ находился губернаторъ Гаити, генералъ Лаво, и принесъ ему присягу въ вѣрности. Онъ свято сдержалъ свое слово. Французскій Конвентъ назначилъ Туссэна дивизіоннымъ генераломъ.

Въ 1796 г. генералъ Лаво былъ въ затруднительномъ положеніи: городъ Капъ возмутился и бунтовщики взяли въ плѣнъ генерала. Туссэнъ,—послѣ своего союза съ Франціей, названный *Лувертюромъ*,—поспѣшилъ въ Капъ во главѣ 10-ти тысячнаго войска черныхъ, освободилъ губернатора и возстановилъ его въ должности. За это Туссэнъ-Лувертюръ былъ назначенъ намѣстникомъ Сан-Доминго. Онъ счастливо выполнилъ многія предпріятія противъ Англичанъ и, въ 1797 г., былъ назначенъ французской Директоріею главнокомандующимъ всѣми войсками острова Сан-Доминго. То было большимъ счастьемъ для острова,

потому что подчиненные ему генералы Дессалинъ и Кристофъ были люди жестокіе, которыхъ главнокомандующій едва могъ сдерживать. Чтобъ положить конецъ смутамъ на островѣ и свободнѣе управлять имъ, Туссэнъ отослалъ обратно во Францію депутатовъ, которые безъ толку вмѣшивались во все, но въ доказательство того, что нисколько невраждебно расположенъ онъ самъ къ правительству, Туссэнъ послалъ въ Парижъ для воспитанія двухъ сыновей своихъ. Конечно, сыновья Туссэна были лучшимъ залогомъ искренности его чувствъ, и еслибъ Франція отнеслась къ нему съ такимъ же довѣріемъ, онъ никогда бы не возсталъ противъ ея верховной власти. Но Директорія отправила генерала Гедувиля коммиссаромъ на Санъ-Доминго. Онъ прибылъ туда, въ то самое время, какъ Туссэнъ велъ переговоры съ англійскимъ генераломъ Майтландомъ объ очищеніи острова. Гедувиль протестовалъ и хотѣлъ принять на себя веденіе переговоровъ, но Туссэнъ не поддался ему и заключилъ договоръ, по условіямъ котораго Англичане должны были очистить всѣ укрѣпленныя мѣста на островѣ. Гедувиль подбилъ вождя мулатовъ, генерала Ричарда, не повиноваться Туссэну. Врожденная ненависть между мулатами и неграми возжгла новую кровавую войну, которая окончилась, въ 1800 г., побѣдой Туссэна. Туссэнъ поступилъ человѣколюбиво съ своими врагами: онъ казнилъ только немногихъ изъ нихъ, самыхъ кровожадныхъ,— прочимъ же даровалъ амнистію (всепрощеніе) и жители острова, испытаннаго войной и страшными грабежами, вздохнули свободно подъ кроткимъ правленіемъ главнокомандующаго. Туссэнъ хорошо понималъ и мирныя занятія: стараніями его земледѣліе вскорѣ пришло въ цвѣтущее состояніе; кофейныя и сахарныя плантаціи обогащались; народонаселеніе быстро возрастало.

Тогда то, написалъ онъ три письма первому консулу, Бонапарте, въ оправданіе своихъ поступковъ относительно французскаго правительства. Однако, отвѣтъ Наполеона не доставилъ ему должнаго удовлетворенія: первый консулъ, хотя и хвалилъ прежнія его дѣйствія, но въ тоже время приказывалъ подчиниться во всемъ генералу Леклерку, котораго намѣренъ былъ отправить въ Санъ-Доминго. Съ обычною своею проницательностію, Туссэнъ предвидѣлъ, что возникнутъ снова безпорядки, если онъ оставитъ званіе свое—и съ рѣшимостію приготовился къ сопротивленію.

1-го февраля 1802 года, французскій флотъ появился передъ Капомъ. Туссэнъ увѣдомилъ генерала Леклерка, что всѣми способами будетъ противиться высадкѣ французскихъ войскъ. Леклеркъ отвѣчалъ посланному, что если до 8 часовъ вечера не будутъ доставлены ему ключи отъ города, онъ принудитъ Туссэна къ повиновенію. Въ слѣдующій день началось нападеніе на городъ; негры подожгли его, и отступили въ совершенномъ порядкѣ. Чтобы смягчить Туссэна, Леклеркъ отправилъ къ нему двухъ его сыновей, которыхъ привезъ съ собою изъ Франціи, и обѣщалъ имъ полную свободу, если Туссэнъ покорится его приказаніямъ. Но Туссэнъ, всегда великій въ своихъ рѣшеніяхъ, ставилъ свободу своего народа выше свободы сыновей—и отослалъ ихъ назадъ къ Леклерку.

5.

Началась война,—и на этотъ разъ, не съ тѣмъ счастіемъ, какое обыкновенно благопріятствовало Туссэну. 17-го февраля, Леклеркъ объявилъ его измѣнникомъ и, спустя нѣсколько дней, Туссэнъ былъ разбитъ. Онъ удалился въ лѣсъ съ 500 неграми, собралъ разсѣянные остатки своего войска, соединился съ генераломъ Кристофомъ и составилъ планъ возмутить весь сѣверъ острова. Но ни одна попытка не удалась ему. Его генералы противъ него возмутились. Онъ началъ переговоры съ Леклеркомъ, который и согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Туссэнъ возвратился въ свои помѣстья. Туссэнъ исполнилъ это и жилъ спокойно, въ кругу своего семейства, до начала іюля 1802 года, когда былъ внезапно арестованъ и отправленъ во Францію. Говорятъ, что вѣроломные Дессалинъ и Кристофъ, предвидя близкую перемѣну обстоятельствъ и страшась мщенія Туссэна, рѣшились погубить своего главнокомандующаго. Они подкинули Леклерку письмо, въ которомъ обвиняли Туссэна въ измѣническихъ планахъ. Туссэнъ, тотчасъ по прибытіи во Францію, былъ посаженъ въ фортъ Жу (fort Joux), гдѣ и умеръ, 5 апрѣля 1803 г., не видавъ уже ни своего отечества, ни своего семейства.

Вскорѣ обнаружились послѣдствія этого низкаго поступка: все, что предвидѣлъ Туссэнъ,—сбылось. Раздраженные измѣной, негры взялись за оружіе и островъ опять задымился пролитою кровью. Французы, лишенные руководства прозорливаго Туссэна, не могли болѣе держаться и навсегда потеряли и островъ и 20-ти тысячное войско, которое погиб-

ло частію отъ меча, частію отъ желтой лихорадки. Слабый остатокъ этой арміи принужденъ былъ сдаться Англичанамъ, и Дессалинъ, овладѣвшій правленіемъ, ознаменовалъ свое возвышеніе всеобщимъ избіеніемъ бѣлыхъ.

Дорого поплатились Французы за вѣроломный поступокъ съ благороднѣйшимъ изъ черныхъ, который одинъ былъ въ силахъ утвердить господство метрополіи надъ островомъ.

Внѣшній видъ Туссэна являлъ силу и мужества. Онъ былъ немного выше средняго роста, черты лица его, хотя и безобразныя, носили на себѣ отпечатокъ смѣлости и величія души, которое страшило его враговъ и внушало довѣріе друзьямъ. Его обращеніе было свободно и непринуждено. Когда онъ говорилъ съ низшими, то, не раняя достоинства своего сана, выслушивалъ съ внимательностью, привлекавшею сердца, и показывалъ большое довѣріе. Его форменный костюмъ состоялъ изъ голубой куртки, съ большимъ краснымъ воротникомъ, спадавшимъ съ плечъ и съ красными отворотами, съ восьмью рядами пуговицъ на каждой сторонѣ и двумя большими золотыми аксельбантами, откинутыми назадъ. Кромѣ того, онъ носилъ жилетъ, длинныя красныя штаны, полусапожки и круглую шляпу съ краснымъ перомъ; шляпу онъ часто замѣнялъ чалмой. Онъ былъ весьма искусенъ во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, а особенно въ наѣздничествѣ. Съ ловкостію и вѣрностію, изумлявшими отважнѣйшихъ всадниковъ, онъ укрощалъ самыхъ дикихъ лошадей.—Для установленія повсюду порядка на островѣ, онъ часто являлся невзначай въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. При своей способности легко переносить всякіе труды, онъ ѣздилъ съ величайшей быстротою, день и ночь, такъ что, повидимому, появлялся въ одно и тоже время въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Цѣль его поѣздокъ всегда содержалась въ тайнѣ. Онъ желалъ собственными глазами видѣть, повсюду-ли приводятся его повелѣнія въ надлежащее исполненіе.

Такимъ образомъ, постоянно дѣятельно и неутомимо, правилъ страною этотъ человѣкъ, окончившій благодатную жизнь свою въ мрачной тюрьмѣ, далеко отъ родины. Говорятъ, что онъ умеръ отъ отравы. Но всего вѣроятнѣе, что печаль о разлукѣ съ семействомъ и со всѣмъ, что было ему такъ дорого, а равно непривычная для него суровость европейскаго климата, безвременно прекратили его жизнь.

ГЛАВА VII.

Революціи.

КАРЛЪ I. КРОМВЕЛЛЪ.

1.

По смерти Елисаветы, не оставившей потомства, на престолъ соединенныхъ Англіи и Шотландіи вступилъ Іаковъ I, сынъ Маріи Стюартъ. Протестантъ по вѣроисповѣданію, но въ душѣ преданный католицизму, не поладилъ онъ ни съ той, ни съ другой партіей—и умеръ, унеся съ собой въ могилу ненависть и презрѣніе всего народа.

Сынъ его, Карлъ I, вступилъ на престолъ (1625) при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Уже крайняя его молодость (ему только минуло 15 лѣтъ) послужила поводомъ къ неудовольствію народа; когда же предался онъ совѣтамъ и наставленіямъ любимца своего отца, ненавистнаго герцога Вокингэма, ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Кромѣ того, онъ избралъ себѣ въ супруги принцессу-католичку, Генріету Марію (дочь французскаго короля Генриха IV); англійскимъ реформаторомъ она казалась воплощеннымъ антихристомъ.

Король скоро увидалъ, какъ несчастенъ глава народа, не пользующійся его уваженіемъ и довѣріемъ. Отъ безразсуднаго отца своего онъ наслѣдовалъ войну съ Испаніей, да при томъ сестра его, супруга изгнаннаго германскаго пфальцграфа, требовала его помощи. Онъ вздумалъ-было обложить народъ новыми податями и созвалъ парламентъ для этого, но парламентъ отказалъ его просьбѣ. Король занялъ денегъ, а Бокингэмъ снарядилъ флотъ, съ которымъ отправился въ Кадиксъ. Во время экспедиціи, онъ потерялъ бо́льшую часть экипажа, и, не смотря на это, по возвращеніи въ Англію, велъ себя въ отношеніи парламента чрезвычайно надмѣнно. За то обвинили его въ государственной измѣнѣ. Вмѣсто того, чтобъ удалить неспособнаго министра, Карлъ велѣлъ арестовать двухъ членовъ нижней палаты парламента, которые подписали обвинительный

актъ, однако, вскорѣ же освободилъ ихъ, когда всѣ члены парламента возстали противъ такой насильственной мѣры.

Король не переставалъ внимать вреднымъ совѣтамъ Бокингэма—и распустилъ парламентъ; сверхъ того, на зло протестантскимъ подданнымъ, даровалъ католикамъ полную свободу вѣроисповѣданія, и сталъ налагать подати, не спрашивая согласія парламента. Бокингэмъ снарядилъ флотъ на полученныя такимъ образомъ деньги и поплылъ во Францію, для поданія помощи протестантамъ, осажденнымъ кардиналомъ Ришлье въ ла-Рошели. Но опять-таки возвратился онъ въ Лондонъ, безъ всякаго успѣха по пусту истративъ деньги.

Для наложенія новыхъ податей, король принужденъ былъ вторично созвать парламентъ (1628). Но парламентъ твердо рѣшился защищать народныя права противъ захватовъ королевской власти. Депутаты заговорили неустрашимо и свободно о посягательствахъ на гражданскую свободу, о преступныхъ дѣйствіяхъ министра. Чтобы только достигнуть своей главной цѣли, король согласился съ мнѣніемъ депутатовъ и дѣйствительно—получилъ значительныя подати. Онъ имѣлъ слабость пролить слезы при этомъ снисхожденіи парламента и, конечно, обѣщалъ не требовать впередъ ничего неслѣдующаго. Но депутаты не довѣряли перемѣнчивому королю и изложили свои требованія письменно въ такъ-называемомъ petition of right (прошеніи о правахъ): они выговаривали себѣ права на утвержденіе налоговъ, на освобожденіе гражданъ отъ произвольныхъ постоевъ, и проч. Король очень оскорбился этой петиціей и далъ неопредѣленный отвѣтъ. Въ тоже время была напечатана (по королевскому повелѣнію, какъ оказалось впослѣдствіи) проповѣдь одного важнаго лондонскаго духовнаго лица, которая излагала такое ученіе, что, въ случаѣ нужды, собственность каждаго подданнаго принадлежитъ королю, и что онъ (король) отъ самого Бога получилъ власть налагать на народъ подати, какія ему угодно, не спрашивая согласія парламента. За такія „противныя конституціи" правила, парламентъ призвалъ подкупленнаго оратора къ суду, лишилъ его должности, посадилъ въ тюрьму и приговорилъ къ уплатѣ 1,000 фунтовъ стерлинговъ штрафу. За то, король, изъ ребяческаго желанія досадить парламенту, далъ ему гораздо доходнѣйшее мѣсто. Парламентъ, возстановленный сильнѣе прежняго, потребовалъ вновь признанія petition of right и сдѣлалъ распоряженіе

къ вторичному обвиненію министра передъ судомъ. Чтобы не приносить любимца своего въ жертву, Карлъ рѣшился, хоть и весьма неохотно,— уступить, отправился въ верхнюю палату и призналъ петицію *государственнымъ постановленіемъ* съ обычными словами: „помолимся, и да будетъ петиція ваша закономъ.“

2.

Но тѣмъ неудовольствовался парламентъ. Уже больше ста лѣтъ, англійскіе короли, безъ участія парламента, взимали съ купцовъ и кораблей подать, слывшую подъ названіемъ „вѣсоваго и грузоваго сбора“. Парламентъ счелъ за нужное отнять ее у короля, а король показалъ видъ, что хочетъ выписать нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ рейтаровъ для взысканія подати силою. Но поднялось такое волненіе, что опять долженъ былъ онъ прибѣгнуть къ обычному своему средству—распущенію парламента. Вскорѣ послѣ этого, Бокингэмъ, готовившійся предпринять еще походъ противъ Ришлье, былъ умерщвленъ изувѣромъ Фельтономъ.

Въ началѣ 1629 г., парламентъ опять открылъ свои засѣданія; но не только не думалъ соглашаться на королевскія требованія, а напротивъ, прежде всего, сталъ оспоривать право на вѣсовой и грузовой сборъ. Нижній парламентъ даже велѣлъ арестовать купцовъ, которые добровольно платили эту подать королевскимъ чиновникамъ. Говорились тоже сильныя рѣчи о снисхожденіи короля къ католикамъ, въ этихъ рѣчахъ особенно отличался членъ парламента, *Оливеръ Кромвелль*. Съ каждымъ новымъ засѣданіемъ, ораторы дѣлались смѣлѣе и до того раздражило это короля, что онъ не только распустилъ парламентъ, но и приговорилъ нѣкоторыхъ его членовъ къ тюремному заключенію и къ 1,000 фунтовъ стерлинговъ штрафу. Это подлило масло въ огонь. Оштрафованные ораторы гордились своими узами, хвалились тѣмъ, что сдѣлались мучениками свободы; они не хотѣли даже оправданія, чтобы не быть обязанными королю своей свободой.

Король, вышедшій изъ-подъ опеки Бокингэма, заключилъ миръ съ Испаніей и съ Франціей, миръ, впрочемъ довольно постыдный, потому что черезъ него Карлъ выдавалъ на произволъ католиковъ зятя своего,

Фридриха пфальцскаго, и французскихъ гугенотовъ. Но гдѣжь было ему защищать другихъ, когда не умѣлъ онъ защитить и самаго себя!

Мѣсто убитаго министра занялъ (1630) графъ Страффордъ, человѣкъ умный и рѣшительный, который твердо вознамѣрился не уступать парламенту ни-на-волосъ. Можетъ быть, дѣйствія его въ этомъ смыслѣ и увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ, въ то-же время, король не выбралъ себѣ другаго совѣтника, по церковнымъ дѣламъ, лондонскаго епископа Лауда. То былъ грозный врагъ пуританъ и пресвитеріанъ; реформатское богослуженіе казалось ему слишкомъ бѣдно и онъ вздумалъ оживить его введеніемъ новой литургіи. Это понравилось королю, который видѣлъ въ предполагаемой перемѣнѣ сближеніе католиковъ съ протестантами. Но пуритане хотѣли исключить изъ богослуженія все, что хотя мало-мальски напоминало католицизмъ—и опять возстановили они народъ противъ новыхъ министровъ. Въ Шотландіи взяла большое засилье секта пресвитеріанъ, а имъ казалось мерзостнымъ всякое сближеніе съ католическимъ богослуженіемъ. Не смотря на то, Карлъ хотѣлъ поневольно ввести новое богослуженіе и всѣхъ непокорныхъ заключалъ въ темницы. Тогда яркимъ пламенемъ разгорѣлся гнѣвъ народа; шотландскіе пресвитеріане заключили союзъ,—подъ именемъ *ковенанта*,—которымъ обязывались противиться всякому нововведенію въ дѣлѣ вѣроисповѣданія и защищать другъ друга отъ всѣхъ враждебныхъ нападеній.

Такого посягательства на свои королевскія права король не могъ вынести,—онъ собралъ войско и пошелъ на Шотландцевъ;—англійскій народъ не оказалъ ему содѣйствія, и онъ вынужденъ былъ заключить постыдное перемиріе. Денежныя средства короля опять истощились,—онъ созвалъ въ четвертый разъ парламентъ; но парламентъ, прежде чѣмъ согласиться на взиманіе налоговъ, возобновилъ старыя свои жалобы.

Шотландцы, между тѣмъ, увѣрившись въ безсиліи короля, ворвались въ Англію, вслѣдъ за закрытіемъ парламента, и принудили безпомощнаго Карла созвать пятый парламентъ, который продолжался отъ 1640 до 1648 и извѣстенъ въ англійской исторіи подъ названіемъ „долгаго парламента.“

Уваженіе къ королевскому сану совершенно исчезло. Первымъ дѣломъ депутатовъ, становившихся часъ-отъ-часу смѣлѣе, было осужденіе графа Страффорда и епископа Лауда. Благородный графъ, желавшій добра народу и вѣрно служившій королю, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Напрасно объявлялъ король, что считаетъ своего министра невиннымъ, что готовъ уволить его отъ должности, но по совѣсти не находитъ его достойнымъ казни. Бѣшенство возмущенной черни, которая, съ крикомъ и шумомъ, окружала парламентъ, принудило его подписать смертный приговоръ—и Страффордъ былъ казненъ. Лауда тоже заключили въ тюрьму; прочіе министры спаслись бѣгствомъ. Между тѣмъ парламентъ объявилъ себя избираемымъ отъ народа и потому неподлежащимъ распущенію. Такимъ образомъ, король впалъ совершенно во власть своихъ враговъ, которые возстановили противъ него разомъ Англію, Шотландію и Ирландію.

Ирландскіе католики терпѣли жестокія притѣсненія отъ англійскихъ протестантовъ; они подняли оружіе противъ присланныхъ къ нимъ насильно Англіею колонистовъ,—какъ противъ разбойниковъ, и убили изъ нихъ 6,000 человѣкъ. Этотъ мятежъ парламентъ поставилъ королю въ вину, хотя въ этомъ дѣлѣ онъ нисколько не участвовалъ. Епископы, засѣдавшіе и имѣвшіе голосъ въ парламентѣ, сдѣлали попытку защитить прежнюю конституцію. Они объявили, что по причинѣ невниманія къ нимъ прочихъ членовъ парламента, признаютъ они не дѣйствительными всѣ законы, изданные безъ ихъ согласія. Большая часть членовъ нижняго парламента, будучи пресвитеріанами, съ жадностью ухватилась за это обстоятельство, чтобы обвинить всѣхъ епископовъ въ государственной измѣнѣ и исключить ихъ изъ всѣхъ собраній. Дерзость этихъ членовъ дошла до того, что они оскорбили даже королеву, угрожая и ей обвиненіемъ; у короля же отнимали они одно право за другимъ, старались даже лишить его начальства надъ войскомъ. Тогда Карлъ послалъ въ парламентъ депутата съ приказаніемъ обвинитъ пятерыхъ изъ самыхъ рьяныхъ крикуновъ, которые болѣе всѣхъ оскорбили короля. Но они тайно ушли, и когда на другой день самъ король, въ сопровожденіи своей

гвардіи и офицеровъ, вошелъ въ нижнюю палату парламента, то нашелъ мѣста тѣхъ, кого искалъ, пустыми. Онъ сказалъ рѣчь, въ которой изобразилъ яркими красками тираннію парламента и свою умѣренность,—но все было напрасно. Когда онъ выходилъ изъ залы, поднялись всеобщее шиканье и ропотъ; дерзкіе голоса кричали безпрестанно: „привиллегіи! привиллегіи!"

Вечеромъ, всѣ граждане сити вооружились, какъ для защиты членовъ парламента, такъ потому, что враги короля распустили слухъ, будто онъ хочетъ поджечь ночью городъ со всѣхъ концовъ. На слѣдующій день, Темза покрылась безчисленнымъ множествомъ судовъ и лодокъ, вооруженныхъ маленьками мортирами, и пять гонимыхъ членовъ парламента съ торжествомъ возвратились въ городъ, въ сопровожденіи городской милиціи и при несмѣтномъ стеченіи народа. Ихъ проводили въ залу Вестминстера, гдѣ они заняли свои мѣста въ парламентѣ, при радостныхъ кликахъ присутствующихъ.

4.

Тогда король съ принцами оставилъ Лондонъ и отправился въ Іоркъ, гдѣ имѣлъ много приверженцевъ (1642); парламентъ не обратилъ на него никакого вниманія, навербовалъ солдатъ для парламентскаго войска и учредилъ арсеналъ въ Гуллѣ. Надѣясь склонить на свою сторону смотрителя арсенала, лорда Готгэма, король поѣхалъ туда изъ Іорка съ 30 чел., но Готгэмъ заперъ передъ нимъ ворота и король со стыдомъ принужденъ былъ воротиться. И это еще не все: король пожаловался парламенту на поступокъ Готгэма, но парламентъ оправдалъ и похвалилъ лорда за его распоряженіе.

Впрочемъ, Карлу не слѣдовало еще терять всякую надежду. Отдаленнѣйшія провинціи и все дворянство оставались ему вѣрными, такъ что человѣкъ съ головою могъ бы изъ всего этого составить для себя сильную опору; но самъ король ничего не разумѣлъ въ воинскомъ дѣлѣ, да и во всемъ полагался на своихъ племянниковъ: Рупрехта и Морица пфальцскихъ, которые, со времени изгнанія ихъ отца, пріютились въ Англіи. Жители Іорка даже добровольно предлагали помощь Карлу и многія провинціи послѣдовали ихъ примѣру.

Но изъ парламента вышло немедленное объявленіе, что всякій, кто окажетъ помощь королю, будетъ сочтенъ врагомъ отечества. Карлъ тоже издалъ прокламацію, въ которой парламентъ и его приверженцы объявлялись истинными измѣнниками законнаго правительства. Междоусобная война сдѣлалась неизбѣжною. Обѣ стороны вооружались. Но у короля не было другихъ денегъ кромѣ тѣхъ, которыя онъ занималъ или получалъ въ подарокъ; напротивъ того, парламентъ владѣлъ флотомъ, столицей, всѣми приморскими городами и, сверхъ того, присвоилъ себѣ всѣ королевскіе доходы. Лондонцы пожертвовала столько серебряной посуды для переливки въ монету, что недоставало людей принимать приношенія, между которыми были даже серебряные наперстки и булавки, употребляемыя женщинами для украшенія. Вся лондонская молодежь записалась въ службу, въ одинъ день вызвалось болѣе 4000 человѣкъ. Съ Шотландцами, которые еще были вооружены, заключили союзъ. Конечно, противъ такой силы королевскія средства были ничтожны. Королева заложила въ Голландіи свои драгоцѣнныя вещи и получила за нихъ деньги и корабли. Къ несчастью, часть кораблей была взята англійскими каперами, и такимъ образомъ средства короля еще уменьшились. Иностранныя державы не вмѣшивались въ смуты Англіи: бо̀льшая часть ихъ были запутаны въ 30-лѣтнюю войну; во Франціи же, въ этомъ году, умеръ Ришльё, да и кромѣ того, Англія занимала тогда въ мнѣніи иностранныхъ державъ маловажное мѣсто.

Карлъ хотѣлъ еще попробовать какъ бы кончить дѣло добромъ и протянулъ мятежному парламенту руку на примиреніе; но ему предложили такія тяжелыя условія, что онъ не могъ на нихъ согласиться. Итакъ оставалось ему одно—изъ Шрьюсбёри вторгнуться, съ 10-тысячнымъ войскомъ своимъ, въ Лондонъ. Парламентское войско, подъ предводительствомъ графа Эссекса, заняло позицію при Ворчестерѣ и Эдгеголлѣ; произошло сраженіе; но принцъ Рупрехтъ разсѣялъ непріятелей. Ободренный успѣхомъ, Карлъ двинулся къ Лондону, и теперь уже парламентъ предложилъ миръ. Король принялъ депутатовъ въ Оксфордѣ. Онъ потребовалъ *полнаго возстановленія королевской власти* въ прежнемъ видѣ,—и переговоры остались безплодными. Въ слѣдующемъ году (1644), королевскія войска одержали рѣшительные успѣхи; принцъ Рупрехтъ взялъ Бристоль, королевскія войска два раза разбили на-голову

парламентскую армію. Но король былъ бѣднѣе чѣмъ когда-нибудь, солдаты его роптали, не получая жалованья. Онъ созвалъ въ Оксфордъ второй парламентъ, который все-таки не доставилъ ему денегъ. Лондонскій же парламентъ вышелъ изъ затрудненія, наложивъ акцизъ на пиво, вино и хлѣбъ, и хотя подобной подати прежде никогда не бывало, однако, народъ платилъ ее охотно.

До сихъ поръ Шотландцы не принимали въ войнѣ никакого участія; но такъ какъ вся Англія уже была занята войсками, двинулись и они (1644). Король же, съ помощью разныхъ обѣщаній, набралъ войско въ Ирландіи, и, зимою, оно переправилось моремъ въ Англію.

Томасъ Ферфаксъ, превосходный генералъ парламентской арміи, напалъ на него, при Нантвихѣ, и совершенно его уничтожилъ. Въ томъ же году королевскія войска проиграли генеральное сраженіе противъ Ферфакса же и подчиненнаго ему искуснаго генерала *Кромвелля*. Послѣ втораго, послѣдовавшаго за тѣмъ, сраженія, Карлъ принужденъ былъ отступить къ Оксфорду.

5.

И наступило время, когда Кромвелль занялъ первую роль въ этой трагедіи. *Оливеръ Кромвелль* происходилъ изъ хорошей, хотя и небогатой фамиліи, въ мѣстечкѣ *Гонтингтонъ*. Съ младенческаго возраста, судьба его была замѣчательна: разъ, большая обезьяна вынула его изъ колыбели и, къ ужасу всего семейства, влѣзла съ нимъ на кровлю. Позднѣе, маленькаго повѣсу вытащилъ изъ воды священникъ. Рѣзвый, безпокойный мальчикъ, Оливеръ, вмѣсто ученья, предпочиталъ шататься гдѣ вздумается, да драться съ товарищами. Когда же пропилъ и проигралъ онъ отцовское наслѣдіе, внезапно произошла съ нимъ чудная перемѣна. Онъ принялся за богословскія и военныя сочиненія, свелъ знакомство съ самыми жаркими пуританскими ревнителями, сталъ основывать религіозные клубы, говорилъ домашнимъ своимъ длинныя проповѣди и предложилъ возвратить деньги всѣмъ тѣмъ, у кого прежде ихъ выигралъ. Получивъ отъ дяди нѣкоторую сумму денегъ въ наслѣдство, онъ принялъ его аренду, но спокойная домашняя жизнь была не по немъ, и онъ весь предался глубокой мечтательности. Изъ ненависти къ цер-

ковному управленію, рѣшился онъ переселиться въ Америку, но король этого не дозволилъ. При открытіи „долгаго парламента“, онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Кембриджа. Усердно посѣщалъ онъ засѣданія, но ни отъ кого не пользовался особеннымъ вниманіемъ, потому что появленіе его скорѣе бывало противно, нежели пріятно. Онъ былъ дуренъ собою, неопрятенъ въ одеждѣ, грубъ въ пріемахъ. Онъ имѣлъ глухой, неясный голосъ и говорилъ нескладно. Самъ онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ съ такими блестящими ораторами, какіе были тогда въ нижнемъ парламентѣ,—и выбралъ другую дорогу. Онъ набралъ войско изъ молодыхъ, зажиточныхъ арендаторскихъ сыновей, ввелъ между ними какой-то особенный духъ общежитія и заразилъ ихъ своимъ религіознымъ энтузіазмомъ. Потомъ присоединился онъ къ Ферфаксу, честному, пожилому человѣку, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ и одаренному замѣчательными воинскими дарованіями. Кромвелль оказывалъ ему вездѣ величайшую почтительность и тѣмъ пріобрѣлъ полную его довѣренность; солдаты же давно уже довѣряли ему. Его быстрые, повелительные пріемы и неумолимая строгость также сильно дѣйствовали на трусовъ, какъ и его одобреніе лестно было храбрымъ. Несмотря на то, что онъ уже на 43 году вступилъ въ военную службу, — силой своего генія онъ не отставалъ отъ опытныхъ генераловъ въ предводительствѣ войска.

Изъ всѣхъ его душевныхъ качествъ всего скорѣе сообщался войскамъ религіозный его энтузіазмъ. Кромвелль былъ въ одно и тоже время и военачальникомъ и полковымъ проповѣдникомъ; подобно ему, поступали и многіе въ войскѣ. Они пѣли псалмы, въ разговорѣ употребляли библейскія изреченія. Но проповѣдываемыя приверженцами Кромвелля правила были много суровѣе правилъ пуританъ. Вотъ ихъ ученіе: начальство и чины не допускаются ни въ духовныхъ, ни въ свѣтскихъ отношеніяхъ; всякой рожденъ съ тѣмъ, чтобы свободно думать и дѣйствовать; ни епископы, ни короли не имѣютъ права ограничивать эту свободу. Секта эта, называвшая себя *индепендентами* (*независимыми*), стремилась къ уничтоженію королевской власти и очень хитро дѣйствовала. Сперва, провела она въ нижней палатѣ законъ, въ силу котораго ни одинъ членъ парламента не могъ предводительствовать войскомъ. Этому предложенію обрадовались многіе члены нижняго парла-

мента, потому что они уже давно завидовали вельможамъ верхнаго парламента, стоявшимъ во главѣ арміи. Такимъ образомъ главное начальство надъ войскомъ досталось сэру Томасу Ферфаксу, который не былъ членомъ парламента. По-настоящему, и Кромвелль долженъ бы былъ отказаться отъ своего мѣста, но Ферфаксъ представилъ парламенту, что этотъ помощникъ ему необходимъ, и законъ былъ забытъ въ *пользу Кромвелля*.

Король, продержавшійся цѣлую зиму въ Оксфордѣ, попытался завести новые переговоры. Въ началѣ 1645 г., собрались депутаты той и другой стороны, но въ сущности парламентъ давно уже не желалъ принимать короля. Чтобы еще болѣе огорчить его, возобновили процессъ заключеннаго въ Тоуэрѣ епископа Лауда и приговорили его къ смертной казни. Онъ пошелъ на смерть, съ достоинствомъ и твердостью, какъ подобаетъ человѣку съ характеромъ. „Никто“ — сказалъ онъ на эшафотѣ: — „не можетъ желать сильнѣе меня оставить этотъ свѣтъ“. Съ молитвой, преклонилъ онъ колѣна и положилъ голову на плаху, и съ одного удара она покатилась.

Король терпѣлъ постоянныя неудачи на войнѣ съ тѣхъ поръ, какъ Ферфаксъ и Кромвелль приняли начальство надъ парламентскимъ войскомъ; королевскія войска теряли и крѣпости, одну за другою. 14 іюня 1645 года, королевская армія, подъ начальствомъ принца Рупрехта, была совершенно разбита Ферфаксомъ и Кромвеллемъ при Нэсби. Король бѣжалъ въ Валлисъ, а старшаго сына своего послалъ во Францію, куда королева еще прежде отправилась. Всѣ его войска были разсѣяны и уничтожены.

6.

Въ такой крайности, злополучный король рѣшился искать помощи у Шотландцевъ. Онъ зналъ, что шотландскіе пуритане недовольны англійскими *индепендентами* и надѣялся, обратившись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, привлечь ихъ на свою сторону и направить противъ мятежныхъ Англичанъ. Переодѣтый, въ сопровожденіи только двоихъ слугъ, выѣхалъ онъ ночью изъ Оксфорда, и, 5 мая 1646 г., прибылъ въ шотландскій лагерь. Пріѣздъ короля поставилъ въ затруднитальное

положеніе шотландскихъ генераловъ, такъ какъ парламетъ уже издалъ эдиктъ, въ которомъ грозилъ смертію всякому, кто войдетъ въ сношеніе съ королемъ, — и они имѣли подлость извѣстить парламентъ о пріѣздѣ къ нимъ короля. Между тѣмъ, они дали ему почетную, по-наружности, стражу; на самомъ же дѣлѣ, стража эта должна была слѣдить, чтобы онъ не ушелъ. Король увидѣлъ, что худо устроилъ свои дѣла. Онъ не нашелъ у Шотландцевъ и тѣни участія, онъ не получалъ извѣстій отъ друзей, отъ своего семейства, не имѣлъ никакихъ религіозныхъ утѣшеній, къ которымъ такъ привыкъ; онъ не слыхалъ ничего кромѣ брани и хуленій необузданныхъ пуританъ. Когда онъ присутствовалъ при богослуженіи, проповѣди говорились на тексты, которые наиболѣе могли огорчать его. Одинъ изъ фанатическихъ проповѣдниковъ, разгромивъ въ своей рѣчи безбожныхъ правителей народа, предложилъ общинѣ пѣть псаломъ, который начинается стихомъ: „Что̀ хвалишися о злобѣ, сильне?“. Король же, вставъ съ своего мѣста, громко возгласилъ другой псаломъ: „Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ“. Однако, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что тронутая община предпочла псаломъ, имъ предложенный.

Жаль только, что это участіе не сообщилось вождямъ шотландской арміи. Они находили въ томъ свою выгоду. Парламентъ задолжалъ имъ около 400,000 фунтовъ стерлинговъ вспомогательныхъ денегъ и обѣщалъ аккуратно выплатить эту сумму, въ два срока, если они согласятся выдать короля. Нѣкоторые стыдились такого недостойнаго переговора, но большинство одержало верхъ. Короля выдали англійскому отряду солдатъ, который и отправилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ въ Голмби, въ графствѣ Нортгэмипонскомъ (1647).

7.

Въ тоже время положенъ былъ конецъ преобладанію парламента: Кромвелль, опираясь на своихъ солдатъ, началъ обходися съ нимъ съ такой же тираніей, съ какою парламентъ обходился съ королемъ.

Армія требовала значительныхъ суммъ, невыплаченныхъ ей правительствомъ, а оно, не смотря на огромныя подати, наложенныя имъ на народъ, не могло выдать ихъ немедленно. Чтобы занять войско въ

иномъ мѣстѣ, хотѣли-было послать его въ Ирландію, но это распоряженіе возбудило всеобщее неудовольствіе. Наиболѣе-рѣшительные офицеры представили парламенту адресъ, подписанный всѣми солдатами, въ которомъ войско единогласно требовало вознагражденія за свою службу, отказываясь, въ противномъ случаѣ, идти въ Ирландію. Зачинщики получили желанный отвѣтъ: требованіе ихъ было сочтено возмущеніемъ. Тогда со стороны *независимыхъ* явился протестъ, еще серьезнѣе прежняго, подписанный слишкомъ 200 офицерами. Кромвелль былъ втайнѣ душою возстанія, но, какъ лицемѣръ, скрывалъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ съ такою хитростію, что парламентъ поручилъ именно ему прекратить смуту.

Въ это критическое время Кромвелль поручилъ тайно одному изъ своихъ офицеровъ увезти короля изъ Голмби и доставить его въ лагерь. Предпріятіе это приведено было въ исполненіе съ помощію 500 человѣкъ конницы. Жребій былъ брошенъ. Парламентъ безъ войска былъ также безсиленъ, какъ и король безъ парламента. Угодливый Ферфаксъ предоставилъ Кромвеллю начальство надъ войскомъ, а Кромвелль повелъ армію прямо на столицу. Лондонскихъ жителей это больше обрадовало, чѣмъ испугало, ибо, въ теченіи пяти лѣтъ, они имѣли довольно времени испытать, каково имѣть вмѣсто одного сто повелителей,—и отъ всей души ненавидѣли парламентъ. Чтобы не уронить себя окончательно, нижняя палата поспѣшила согласиться на всѣ требованія арміи. Но армія не остановилась на нихъ: она потребовала наказанія всѣхъ враговъ своихъ въ парламентѣ, а врагами объявила одиннадцать изъ могущественнѣйшихъ предводителей пресвитеріянской партіи, Эти одиннадцать членовъ добровольно сложили съ себя свое званіе, но у войска поспѣло уже другое требованіе. Оно хотѣло, чтобы городская милиція была упразднена и замѣнена отрядомъ *независимыхъ*. И на это парламентъ долженъ былъ согласиться; но тутъ граждане возмутились. Только того и желалъ Кромвелль; у него нашелся теперь предлогъ подступить къ городу. 6 августа 1647 г., вошли въ него полки, при чемъ городская милиція не оказала никакого сопротивленія. Часть войска окружила парламентъ, въ которомъ немедленно были обвинены семь пэровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, во всѣхъ церквахъ было благодарственное молебствіе за возстановленіе свободы.

Съ плѣннымъ королемъ Кромвелль обходился чрезвычайно привѣтливо и бѣдняга уже сталъ-было надѣяться, что Кромвелль опять возведетъ его на престолъ; но мечтѣ этой суждено было скоро разсѣяться. Въ замкѣ Гэмптонкурѣ, куда привезли его, увидѣлъ онъ себя окруженнымъ самыми горячими приверженцами партіи *независимыхъ*; ихъ физіономіи и рѣчи возбудили въ немъ подозрѣніе, что дѣло дойдетъ, пожалуй, и до предательскаго убійства, лишь бы отъ него отдѣлаться. Кромвелль лицемѣрно посовѣтовалъ ему бѣжать; король дѣйствительно нашелъ средство уйдти и достигъ морскаго берега, но тамъ не было ни одного корабля, на которомъ могъ бы онъ переправиться черезъ море. Не зная, что предпринять, онъ вздумалъ просить защиты у губернатора близъ лежащаго острова Уайта, а этотъ человѣкъ былъ вѣрнѣйшій клевретъ Кромвелля. Онъ прислалъ королю нарочнаго съ дружескимъ приглашеніемъ; король явился — и былъ немедленно арестованъ и преданъ въ руки Кромвелля. Послѣ этого, его стали держать подъ строжайшимъ присмотромъ и обходиться съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ. *Независимые* и Кромвеллевы приверженцы говорили во всеуслышаніе, что король, нарушивъ свои обязанности, долженъ быть преданъ суду по законамъ, что парламенту слѣдуетъ произнести надъ нимъ приговоръ.

Тутъ, въ первый разъ, заговорила у народа совѣсть особенно въ Шотландіи; какъ ни сильно ненавидѣли прежде короля, но мысль о его казни показалась всѣмъ ужасною. Послѣ неудачной жалобы Шотландцевъ лондонскому парламенту, лордъ Гамильтонъ, шотландской пэръ, двинулся въ Англію съ 40,000 войскомъ, къ которому присоединились и вѣрные Валлисцы. Но Кромвелль воодушевилъ свою армію новой ревностію, разбилъ королевскихъ защитниковъ во многихъ сраженіяхъ и взялъ въ плѣнъ доблестнаго Гамильтона. За тѣмъ пошелъ онъ къ Лондону, окружилъ парламентъ и 200 человѣкъ изъ депутатовъ частью взялъ подъ стражу, частью прогналъ. Остальные, въ числѣ 60, были всѣ *независимые* и орудія похитителя власти. Немедленно начатъ былъ процессъ противъ короля. Его обвиняли въ томъ, что, обязавшись клятвенно, при вступленіи на престолъ, сохранять вольности подданныхъ, нарушилъ онъ клятву, что рѣшеніе своего дѣла поручилъ Богу браней, а Богъ рѣшилъ не въ его пользу, что поэтому онъ долженъ отвѣчать за

пролитую кровь;—судить же должны его уполномоченные отъ народа, которые для огражденія себя впредь отъ подобныхъ бѣдствій, рѣшаются основать республику. Положено было нарядить немедленно судъ для произнесенія приговора надъ Карломъ Стюартомъ (теперь иначе короля не называли). Верхній парламентъ отвергъ единогласно такое ненавистное рѣшеніе; но злоба *независимыхъ* побѣдила—и нижній парламентъ объявилъ, что и одного его достаточно для того, чтобы представлять собою волю народа. Кромвелль хорошо разыгралъ свою роль лицемѣра. Онъ изъявилъ притворное изумленіе предъ судьбами Божіими, увѣрялъ, что, за нѣсколько недѣль тому назадъ, отвернулся бы онъ съ презрѣніемъ отъ того, кто предсказалъ бы ему казнь короля, говорилъ, что въ такомъ единогласномъ рѣшеніи любимцевъ Божіихъ ясно видно внушеніе свыше, что недавно еще хотѣлъ было онъ заговорить о возстановленіи короля на престолъ, но языкъ прилипъ у него къ гортани, и что этотъ случай—несомнѣнный знакъ воли Божіей.

8.

Пока все это занимало умы, какая-то „вдохновенная“ женщина изъ Герфортшейра явилась передъ военный совѣтъ, наговорила много о полученныхъ ею свыше откровеніяхъ, и увѣряла судей, что избранный ими путь есть истинный, по свидѣтельству Самаго Господа. Это утѣшило и успокоило многихъ, кто дотолѣ все еще сомнѣвался,—и благочестивые люди эти принялись за свое дѣло во имя Божіе. Короля привезли въ Лондонъ, гдѣ стража его поступала съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Депутаты отъ общинъ нарядили въ Вестминстерѣ судъ, который долженъ былъ состоять изъ 133 членовъ, но въ который едва набралось 70 человѣкъ, большею частію офицеровъ и все *независимыхъ*, а во главѣ ихъ стоялъ Кромвелль съ своимъ зятемъ, фанатикомъ Иретономъ. Старый Ферфаксъ не явился, не смотря на приглашеніе. Короля ввели въ собраніе. Зала полна была зрителями. Когда герольдъ провозгласилъ имена судей, упомянувъ между ними генерала Ферфакса, послышался голосъ изъ толпы зрителей: „Этотъ слишкомъ уменъ, чтобы быть здѣсь!“ А когда прочли первые слова обвинительнаго акта: „Именемъ всего англійскаго народа“—тотъ же голосъ закричалъ: Ни даже именемъ деся-

той его части!“ Караульный офицеръ велѣлъ выстрѣлить въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и тогда оказалось, что смѣлый ораторъ была—леди Ферфаксъ.

Обвиненіе сдѣлано было съ величайшею торжественностью. Отвѣты короля были исполнены достоинства и спокойствія. Какъ ни безразсудна была прежняя его жизнь, но долговременное заключеніе въ темницѣ очистило, укрѣпило его душу—и можно сказать, что въ послѣдніе дни свои онъ походилъ на Сократа твердостію и благороднымъ присутствіемъ духа. Солдатамъ, которые вели его на судъ, приказано было отъ офицеровъ кричать громко: „Правосудіе, правосудіе!“—„Жалкіе люди!“ молвилъ Карлъ, за небольшія деньги они такъ же точно поступили бы и съ теперешними своими начальниками!“ Между чернью нѣкоторые дошли до такой дерзости, что плевали ему въ лицо. Онъ вспомнилъ о великомъ Мученикѣ Іисусѣ Христѣ и перенесъ это молча. Какой-то солдатъ, тронутый участью короля, началъ при немъ молиться о его спасеніи. Но одинъ злой офицеръ, замѣтивъ эту молитву, ударилъ его въ голову такъ сильно, что солдатъ упалъ. Король сказалъ кроткимъ голосомъ: „Мнѣ кажется, наказаніе слишкомъ жестоко въ сравненіе съ проступкомъ!“.

Всего три раза король былъ представленъ въ судъ и всякой разъ протестовалъ онъ противъ присвоеннаго парламентомъ права судить его, неоднократно ссылался на изданныя имъ самимъ болѣе кроткія постановленія и напоминалъ о дерзости и упорствѣ парламента. Затѣмъ, совершенно безполезно допросили нѣсколькихъ свидѣтелей, которые должны были показать съ клятвою, что король дѣйствительно велъ войну съ парламентомъ.—и, наконецъ, послѣдовалъ приговоръ (27 января 1649). Народъ безмолствовалъ. Чудовищность событія и суровый видъ вооруженныхъ судей, оцѣпѣнили зрителей, сковали всѣ языки. Но часто, при подобныхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, великія несчастія вызываютъ благороднѣйшія черты въ человѣческой природѣ,—такъ и описываемое нами печальное время было свидѣтелемъ не одного трогательнаго явленія. Четыре графа, прежніе друзья короля, люди достойные всякаго уваженія, явились лично въ судѣ, объявили себя бывшими совѣтниками безвинно-осужденнаго короля, и принимали на себя всѣ промахи, какіе ставились ему въ вину, Они требовали, чтобы короля от-

пустили, а наказали ихъ, такъ какъ характеръ его заслуживаетъ всякаго уваженія. Но имъ отказали.

Послѣ произнесенія приговора, оставалось только три дня до его исполненія. Въ эти дни приводили къ королю дѣтей его, остававшихся еще въ Англіи: 14-лѣтнюю принцессу Елизавету и меньшаго ея брата, герцога Глочестерскаго. Самъ суровый Кромвелль, бывшій свидѣтелемъ перваго свиданія Карла съ дѣтьми своими, признавался, что въ жизнь свою не видалъ онъ зрѣлища трогательнѣе. Эта благослонность была для несчастнаго короля величайшимъ благодѣяніемъ, какое только можно было оказать ему. Она совершенно успокоила его духъ, и какъ ни близко стоялъ онъ къ дверямъ гроба, но всякую ночь пользовался самымъ сладкимъ сномъ, несмотря на шумъ, производимый плотниками передъ его окнами. Они готовили эшафотъ на улицѣ Лондона, гдѣ находится замокъ Уайтголль, готовили публично,—и въ такомъ приготовленіи была та цѣль, чтобы отнять у казни короля всякій видъ тайнаго убійства.

Въ день казни (30 января 1649), король всталъ рано, надѣлъ самое дорогое платье и просилъ своего вѣрнаго друга, епископа *Юксона* проводить его на эшафотъ. Вся улица была усѣяна народомъ; изъ окна, прямо противъ замка, опершись на шелковую подушку, Кромвелль спокойно глядѣлъ на это зрѣлище. Карлъ хотѣлъ говорить народу, но стоявшіе у эшафота солдаты застучали такъ громко оружіемъ, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Король ограничился разговоромъ съ своей свитой, призналъ эту казнь праведнымъ возмездіемъ за согласіе свое на смерть честнаго Страффорда, увѣщевалъ остающихся хранить миръ и простилъ всѣмъ своимъ врагамъ. Юксонъ утѣшалъ его надеждою на лучшую, блаженнѣйшую жизнь. „Я это знаю,“ отвѣчалъ король.—„я перехожу отъ тлѣннаго вѣнца къ нетлѣнному, туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей“. Съ этими словами, онъ сталъ на колѣна и положилъ голову на плаху. Замаскированный палачъ сразу отрубилъ голову,—а другой, также въ маскѣ, поднялъ ее за волосы, показалъ народу и прокричалъ: „Вотъ голова измѣнника!“ Всѣ присутствующіе отвернулись съ горестью и негодованіемъ; а Кромвелль молвилъ спокойно окружающимъ: „теперь вѣра спасена и основана свобода многихъ тысячъ людей. Утверждены столбы англійской республики. По-

ложимъ жизнь свою за благоденствіе государства внутри и за огражденіе его миромъ извнѣ.“

9.

Королевская власть объявлена была на-вѣки упраздненною; верхній парламентъ уничтоженъ, какъ собраніе безполезное и постыдное; сдѣлана новая государственная печать съ надписью: „Въ первомъ году, благословеніемъ Божіимъ, возстановленной свободы, 1649.“ Многіе изъ знатнѣйшаго дворянства были казнены; королевская статуя низвергнута, а на пьедесталѣ ея изображены слова: exiit tyrannus, regum ultimus *) *Независимые* хотѣли-было даже отдать дѣтей короля въ обученіе къ мастеровымъ, но принцесса Елизавета вскорѣ умерла съ горя, прежде чѣмъ успѣли выдать ее замужъ за пуговичнаго мастера; а маленькаго принца самъ Кромвелль отослалъ, изъ предосторожности, за море.

Итакъ, Англія сдѣлалась республикой. Новый парламентъ получилъ названіе Rumpf Parlament (*безглавнаго парламента*), потому что, послѣ уничтоженія верхней палаты, осталась нижняя палата туловищемъ безъ головы. Вдовствующая королева жила съ своими дѣтьми въ Парижѣ, и не смотря на то, что была дочь Генриха IV, терпѣла всяческое пренебреженіе отъ двора; такъ, за недостаткомъ дровъ, принуждена была она въ холодные дни грѣться съ дочерью въ своей постелѣ. Старшій сынъ ея, Карлъ II, проживалъ то въ Голландіи, то во Франціи, то на островѣ Джерзеѣ: бѣдный и покинутый всѣми, онъ все не терялъ надежды рано или поздно вступить на окровавленный престолъ своего отца. Ирландцы и Шотландцы были недовольны новымъ правительствомъ. Вѣрный шотландецъ, маркизъ *Монтрозъ*, первый поднялъ знамя возстанія въ пользу Карла II; но за смѣлое свое предпріятіе, онъ поплатился жизнію. Принцъ Карлъ и самъ прибылъ къ шотландскимъ берегамъ съ семью кораблями; онъ согласился на всѣ требованія Шотландцевъ, если только станутъ они помогать ему, — и весь народъ объявилъ себя противъ Кромвелля и собралъ значительное вой-

*) Тираннъ кончилъ, какъ послѣдній изъ королей.

ско. Но Кромвелль прежде пошелъ на Ирландію; тамъ онъ повсюду побѣдилъ приверженцевъ претендента и обратилъ несчастную Ирландію почти въ пустыню. Потомъ онъ перенесъ губительное свое оружіе въ Шотландію,—и новый король потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе, что съ трудомъ спасся во Францію. Шотландія вынуждена была покориться могущественному побѣдителю и была присоединена къ Англіи.

Кромвеллю уже не хотѣлось возвращаться въ состояніе частнаго человѣка, ему хотѣлось идти выше,—сдѣлать Англію страною великою и сильною, а самому стать не ограниченнымъ ея повелителемъ. Сначала онъ предположилъ затѣять войну съ иностраннымъ государствомъ, для чего надо было собрать войско, а тутъ и Кромвелль становился человѣкомъ необходимымъ. Въ 1650 г., „безглавый парламентъ“ предложилъ соединеннымъ Нидерландамъ дружественный союзъ, но Голландцы приняли холодно англійскихъ пословъ и отклонили предложеніе. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Кромвелль и настроилъ парламентъ объявить войну Голландіи. Первымъ шагомъ къ войнѣ былъ *навигаціонный актъ*, изданный въ началѣ 1651 года,—актъ, въ силу котораго воспрещалось всѣмъ морскимъ державамъ привозить въ англійскія гавани другія товары, кромѣ тѣхъ, которые составляли естественныя или мануфактурныя мѣстныя произведенія. Этотъ актъ столько же приносилъ пользы англійской торговлѣ, сколько вреда нидерландской. Съ той поры англійскіе каперы начали гоняться за голландскими кораблями, поступавшими вопреки акту, и въ короткое время захватили у Голландцевъ около 80 кораблей. Еще прежде формальнаго объявленія войны, англійскій и голландскій флоты столкнулись въ каналѣ,—непріязненныя дѣйствія начались какъ бы случайно и кончились кровопролитнымъ морскимъ сраженіемъ, въ которомъ обѣ стороны потерпѣли сильный уронъ. Кромвелль очень обрадовался этому обстоятельству; англійскій адмиралъ Блэкъ немедленно былъ отправленъ на сѣверъ перехватить голландскій флотъ съ сельдями, и морскія битвы начались во всѣхъ мѣстахъ. Возникшее соперничество Англичанъ нанесло много вреда Голландіи.

Кромвелль крѣпко упрочилъ свое положеніе,—онъ былъ увѣренъ въ преданности солдатъ; но парламентъ хотѣлъ возстановить противъ него нѣкоторые полки, что бы избавиться отъ власти военной партіи. Тогда

Кромвелль созвалъ своихъ офицеровъ и на скоро порѣшилъ дѣло. Съ 300 солдатъ, поспѣшилъ онъ въ Вестминстеръ, гдѣ засѣдали депутаты. Занявъ дворъ, лѣстницы и переднюю солдатами, онъ вошелъ съ нѣсколькими офицерами въ залу собранія, сѣлъ и, съ четверть часа, прислушивался къ преніямъ, потомъ шепнулъ одному офицеру: „Теперь пора и распустить парламентъ“.—Сэръ, отвѣчалъ офицеръ тоже тихо, „прошу васъ хорошенько обдумать, прежде чѣмъ начнете дѣйствовать.“—„Вы правы молвилъ генералъ, и просидѣлъ еще съ четверть часа. Но когда собраніе хотѣло составить рѣшеніе противъ Кромвелля, онъ повторилъ офицеру: „Теперь пора; я долженъ это сдѣлать!“—и вдругъ вскочилъ съ мѣста, вступилъ на середину залы и, посвоему обыкновенію, несвязно и *безтолково*, началъ осыпать депутатовъ жесточайшими укорами за ихъ тиранство, высокомѣріе, притѣсненія. Всѣ встали съ удивленіемъ, но прежде чѣмъ хоть одинъ изъ нихъ нашелъ слово для возраженія на ругательства Кромвелля, онъ страшно затопалъ ногами и на этотъ условленный знакъ вся зала наполнилась солдатами. При видѣ ихъ, дерзость Кромвелля усилилась. „Стыдитесь, кричалъ онъ на членовъ парламента, и убирайтесь вонъ! Очистите мѣсто честнымъ людямъ, которые достойнѣе васъ станутъ отправлять вашу обязанность. Говорю вамъ, вы болѣе не составляете парламента! Вы не надобны Господу Богу! Онъ избралъ Себѣ другія орудія для совершенія Его дѣла!“ Здѣсь прервалъ-было его сэръ Гарри Вэнъ, но Кромвелль перекричалъ его, неистово взывая: О, сэръ Гарри Вэнъ, сэръ Гарри Вэнъ!“ Затѣмъ онъ схватилъ кого-то за платье и сказалъ ему: „Ты прелюбодѣй!“ другому: „Ты пьяница!“ третьему: „Ты ростовщикъ! На что намъ такая сволочь? вонъ отсюда!“ А между тѣмъ солдаты уже выпроваживали членовъ за дверь, одного за другимъ. Кромвелль остался до конца, а когда зала опустѣла, велѣлъ запереть дверь и пошелъ преспокойно домой, въ Уайтгольскій дворецъ.

10.

Такимъ-то страннымъ образомъ, въ нѣсколько минутъ, была уничтожена въ Англіи вся законодательная власть. Всѣ стали ожидать молча и боязливо, въ какомъ видѣ явится новое правительство; а оно все-таки помышляло учредить парламентъ, но не иначе, какъ изъ людей „вдох-

новенныхъ и святыхъ,"—почти всѣхъ ихъ выбралъ самъ Кромвелль. То были 128 человѣкъ изъ разныхъ англійскихъ городовъ, и изъ нихъ лишь пятеро шотландцевъ, да шестеро ирландцевъ. Они обязаны были засѣдать въ продолженіи только 15 мѣсяцевъ, а потомъ сами избирали себѣ преемниковъ, 14-го іюля, собрался этотъ сумазбродный правительствующій конвентъ, большая часть членовъ котораго состояла изъ простыхъ ремесленниковъ. Самый восторженный между ними крикунъ передалъ свое имя и парламенту,—то былъ фанатикъ, кожевникъ, *Хвалибогъ Бэребонъ*. Засѣданія ихъ походили болѣе на сходбища святошей, чѣмъ на засѣданія членовъ государственнаго учрежденія,—онѣ начинались и оканчивались продолжительной молитвой. Тутъ не слышно было другихъ разговоровъ, кромѣ изреченій изъ Вѣтхаго Завѣта и примѣненій къ библейскимъ событіямъ. Депутаты эти называли духовныхъ лицъ жрецами Ваала, Голландцевъ—грѣшными служителями мамона, а себя самихъ величали возрожденными. Одинъ изъ нихъ подписывался такъ: *Утвердимиръ Гитонъ*; другой: *Умертвигрѣхъ Пимпель*; третій: *Стой-твердо-на-высотѣ Стрингеръ*; четвертый: *Неплачь Биллингъ*; пятый: *Бейся-добрымъ-боемъ-вѣры Витъ* и проч.

Кромвелль самъ чувствовалъ, что все это сумазбродство устоитъ недолго; но онъ и затѣялъ весь фарсъ только для того, чтобы подойти ближе къ великой цѣли, которую давно имѣлъ передъ глазами, но къ которой не могли легко привыкнуть и самые жаркіе изъ его приверженцевъ. Между этими изувѣрами многіе только потому служили ему вѣрно, чтобы приготовить на землѣ царство Христово, котораго ожидали; они были совсѣмъ непрочь бросить своего вождя, какъ гнуснѣйшаго лицемѣра, еслибъ напослѣдокъ оказалось, что онъ низпровергъ господство Стюартовъ затѣмъ лишь, чтобъ самому занять ихъ мѣсто. Кромвеллю нерѣдко приходилось выдерживать сильные споры въ военномъ совѣтѣ и часто онъ недоумѣвалъ, на что ему рѣшиться. Наконецъ, смѣлое его властолюбіе взяло верхъ. Онъ подговорилъ тайно нѣкоторыхъ изъ значительнѣйшихъ и особенно ему преданныхъ членовъ Бэребонова парламента на слѣдующую продѣлку: въ одинъ день пришли эти люди въ залу засѣданій часомъ ранѣе положеннаго времени и наскоро отобрали голоса въ пользу мнѣнія, что парламентъ не нуженъ болѣе и что поэтому власть должна перейдти въ руки того, отъ кого

парламентъ ее получилъ. Депутаты поспѣшили торжественно сообщить это рѣшеніе Кромвеллю. Между тѣмъ, собрались остальные члены парламента и немало удивились происшедшему. Но совѣщанія ихъ были прерваны скоро и точно такъ же какъ и совѣщанія „безглаваго парламента“. Полковникъ Витъ явился съ отрядомъ солдатъ и спросилъ ихъ, что они тутъ дѣлаютъ, „Мы ищемъ Господа!“ отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. „Такъ ступайте въ другое мѣсто“, возразилъ полковникъ, „потому что, какъ мнѣ извѣстно навѣрное, Его уже нѣсколько лѣтъ здѣсь не было“. Съ этими словами, онъ выгналъ ихъ изъ залы засѣданій (12-го декабря 1653 года).

Такимъ образомъ, власть перешла опять въ руки военныхъ. Генералъ *Ламбертъ*, вѣрный Кромвеллевъ воспитанникъ, овладѣлъ умами всѣхъ офицеровъ, начерталъ новый планъ правленія и придумалъ для Кромвелля новое достоинство, которое, съ именемъ *протектора* (покровителя), передавало ему всю силу королевской власти. Этимъ онъ надѣялся удовлетворить всѣ партіи. Совѣтъ офицеровъ утвердилъ это предложеніе—и Кромвелль былъ объявленъ протекторомъ пожизненно. Ему придали государственный совѣтъ и каждые три года обязанъ онъ былъ сзывать парламентъ, а послѣ смерти его государственный совѣтъ долженъ былъ назначить ему преемника. Армія, 20,000 пѣхоты и 10,000 конницы, опредѣлена для защиты новаго правительства, а жалованье войску назначалось изъ государственной казны.

11.

На-скоро учрежденное правительство имѣло много недостатковъ, но все выкупалось необыкновенными административными способностями Кромвелля. Въ пятилѣтнее свое управленіе онъ доставилъ Англіи много славы и уваженіе сосѣдственныхъ державъ. Иностранные государи заискивали его дружбы и присылали ему поздравленія; даже гордый Лудовикъ XVI назвалъ его братомъ. Чтобы разстроить всѣ покушенія королевскихъ приверженцевъ, Кромвелль содержалъ сотни шпіоновъ, которые увѣдомляли его о всякомъ замышляемомъ возстаніи, и онъ сейчасъ же могъ принять дѣятельныя и строгія мѣры. Морская война съ Голландіей была окончена со славою, притомъ она доставила 85,000

фунтовъ вознагражденія за военныя издержки. Но Кромвелль хотѣлъ, чтобы Англичане забыли объ утраченной свободѣ и началъ новую войну съ Испаніей.

Знаменитый морской герой Блэкъ создалъ морскую силу Англіи и подвигами своими до того пристрастилъ Англичанъ къ морской службѣ, что его можно считать основателемъ преобладанія Англіи на морѣ. Онъ ввелъ свою эскадру въ Средиземное море, гдѣ, со времени крестовыхъ походовъ, не бывало англійскихъ кораблей; напалъ на морскихъ разбойниковъ въ ихъ гнѣздѣ—Тунисѣ и Алжирѣ, и, послѣ сильной бомбардировки, заставилъ ихъ сдаться. По объявленіи войны Испаніи, онъ взялъ цѣлый испанскій флотъ съ серебромъ и потопилъ многіе корабли, между тѣмъ какъ два другіе англійскихъ адмирала напали на С. Доминго и завоевали Ямайку. Чтобы придать этой войнѣ еще болѣе вѣсу, Кромвелль заключилъ дружественный союзъ со Шведами, врагами Испаніи—со времени 30-лѣтней войны. Восторженный духъ его всегда стремился къ высокому, поэтому онъ и своей націи хотѣлъ внушить геройское стремленіе къ великимъ интересамъ; часто говаривалъ онъ, что желаетъ сдѣлать имя Англичанъ столько же грознымъ и уважаемымъ, каково нѣкогда было имя Римлянъ. И управленіе Кромвелля государствомъ свидѣтельствуетъ о такомъ же энергическомъ стремленіи къ порядку и единству: судьями выбирались люди самые честные; войска, размѣщенныя по разнымъ городамъ государства, содержались въ строгой дисциплинѣ и исправно получали жалованье; для болѣе правильнаго собиранія налоговъ употребляема была вооруженная сила и на этотъ конецъ 10 генералъ-майоровъ были снабжены почти неограниченными полномочіями. — Съ вождями роялистовъ, которые все еще не покидали своихъ плановъ, Кромвелль раздѣлался довольно легко: ихъ посадили на нѣсколько кораблей и отправили въ Барбадосъ на горные промыслы; за то съ своими приверженцами ему было не мало хлопотъ. Такъ-называемые *святые* не давали ему покоя — они хотѣли попрежнему съ нимъ молиться и пѣть, вздыхать и плакать, возводить къ небу глаза и толковать о пророчествахъ Вѣтхаго Завѣта; но Протекторъ не нуждался уже въ такихъ продѣлкахъ, и очень естественно, что онъ со многими приверженцами былъ уже не въ ладахъ. Въ арміи также было много недовольныхъ, поэтому, когда подлый парламентъ поднесъ Кромвеллю коро-

левскую корону, онъ благоразумно отказался отъ ней, вспомнивъ о судьбѣ Юлія Цезаря. Вообще приходилось ему быть постепенно на-сторожѣ, дотого, что наконецъ ему жизнь опротивѣла. Въ подозрительности своей, онъ вездѣ думалъ видѣть однихъ враговъ, жаждавшихъ его смерти; всякое новое лицо тревожило его; въ большомъ обществѣ пугался онъ шуму, въ уединенной комнатѣ — тишины. Онъ постоянно носилъ при себѣ пистолетъ, кинжалъ и шпагу, и мало того—подъ платье надѣвалъ еще панцырь и шагу не дѣлалъ иначе, какъ въ сопровожденіи своихъ гвардейцевъ: ѣздилъ онъ съ быстротою вихря, всегда возвращаясь по другой дорогѣ и никогда не говоря впередъ, когда и куда отправляется. Въ комнатахъ его вездѣ были потаенныя двери; спальню свою мѣнялъ онъ каждые три дня, и входъ въ нее заставлялъ стражей, которой платилъ съ щедростью короля. Однимъ словомъ, совѣсть не давала ему покоя—онъ былъ въ разладѣ и съ Богомъ и съ людьми.

При такомъ состояніи духа не могло не страдать и тѣло его. Слабый припадокъ лихорадки показался ему предвѣстникомъ смерти, онъ немедленно собралъ къ своей постели нѣсколько духовныхъ лицъ и спросилъ ихъ: несомнѣнна-ли та истина, что человѣкъ, избранный Богомъ, не можетъ быть отвергнутъ Имъ впослѣдствіи? Они отвѣчали утвердительно. — „Если такъ, то благо мнѣ! воскликнулъ онъ, я знаю навѣрное, что нѣкогда пользовался благодатіею!“—Съ этого времени надежда его оживилась, но силы уже были истощены. Врачи объявили государственному совѣту, что Кромвелль приближается къ концу. Его спросили не хочетъ-ли онъ назначить преемникомъ себѣ старшаго своего сына; онъ кивнулъ головой и вскорѣ затѣмъ умеръ, на 59 году жизни, 3-го сентября, 1658 г.

ЛУДОВИКЪ XVI. НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.

Лудовикъ XVI.

1.

Лудовикъ XIV оставилъ послѣ себя (1715) тягостный долгъ въ 900 милліоновъ экю и государственные доходы за слѣдующій годъ были уже

впередъ истрачены. Преемникъ его, Лудовикъ XV, который, на-бѣду государства, носилъ королевскій титулъ почти 60 лѣтъ (отъ 1715 — 1774), не умѣлъ ни царствовать, ни беречь денегъ. Что не поглощалось войною, то расточали и расхищали министры и фаворитки. Одна изъ этихъ дамъ, которая особенно умѣла владѣть любовью короля, потратила, въ теченіе пяти лѣтъ, 40 милліоновъ изъ государственной казны. Дошло дѣло до того, что и не знали наконецъ, гдѣ взять денегъ. Тогда король, по совѣту недостойныхъ своихъ министровъ, затѣялъ безчестную, но выгодную спекуляцію: онъ приказалъ выпустить ассигнаціи и повелѣлъ принимать ихъ за чистыя деньги; потомъ скупилъ весь хлѣбъ, необходимѣйшую потребность всякаго рабочаго, и поднялъ на него цѣну, отъ чего самъ получилъ большіе барыши, а все государство страшно обнищало. Трудолюбивые земледѣльцы и ремесленники трудно боролись съ нуждою, которая тяготѣла надъ всѣми. Дворянство и духовенство пользовалось доходными мѣстами и должностями и многими привиллегіями, тогда какъ *третье сословіе*, буржуазія, ничего не значило. Оттого въ низшихъ классахъ таились ненависть и ожесточеніе противъ высшихъ сословій и самой королевской власти. Притомъ, война сѣверо-американцевъ за свободу, въ которой многіе Французы принимали участіе, была у всѣхъ на памяти и разжигала желаніе свободы. Даровитѣйшіе писатели, какъ напримѣръ Руссо и Вольтеръ, нападали съ ѣдкимъ остроуміемъ на привиллегіи дворянства и духовенства и первые заговорили о естественныхъ правахъ человѣка. Все французское общество находилось въ напряженномъ состояніи, всѣ, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ лучшаго будущаго, взирали на вступленіе на престолъ молодаго короля Лудовика XVI, и день этотъ былъ праздникомъ для всей Франціи.

Лудовикъ былъ государь благонамѣренный. Онъ началъ царствованіе съ искреннимъ желаніемъ вывести свое государство изъ тяжелаго положенія; но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы уничтожить зло, которое уже пустило глубокіе корни. Супруга его, Марія Антуанета, дочь императрицы Маріи Терезіи, и нѣкоторые принцы его дома увеличивали долги съ каждымъ годомъ; кредитъ болѣе и болѣе падалъ. Добродушный король велъ самый простой образъ жизни, чтобы уменьшить подати угнетенныхъ подданныхъ; но безразсудная расточительность двора оста-

валась та же.—По совѣту министра финансовъ, Неккера, — король рѣшился созвать государственные чины, которые не собирались съ 1614 г. Имѣя въ виду пополнить дефицитъ въ финансахъ на счетъ дворянства и духовенства и дать перевѣсъ среднему сословію, Неккеръ созвалъ 600 депутатовъ отъ буржуазіи, отъ дворянства же и духовенства только по 300, и сеймъ былъ открытъ въ королевской резиденціи, Версали, 5-го мая 1788 г. Королю и въ голову не приходило, что такимъ образомъ закладываетъ онъ пороховую мину, которая потрясетъ всю Францію, даже всю Европу, а его самого уничтожитъ.

2.

Дворянство и духовенство были очень недовольны, что ихъ ставятъ на ряду съ среднимъ сословіемъ, а при томъ они вовсе не чувствовали охоты приносить отечеству большія жертвы. Съ своей стороны, среднее сословіе требовало поголовной, а не посословной подачи голосовъ, иначе два сословія стали бы противъ одного. Дошло до ожесточенныхъ преній и Лудовикъ XVI распустилъ собраніе; но среднее сословіе, по совѣту аббата Сіэйса, осталось, объявивъ себя *національнымъ собраніемъ*. Эта смѣлая настойчивость внезапно воодушевила весь народъ и многіе депутаты отъ дворянства и духовенства пристали къ среднему сословію, для совѣщаній о перемѣнахъ, какія надо будетъ учинить въ прежнихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Сильно испуганный такимъ самовольнымъ поступкомъ, король самъ отправился въ собраніе, изъявилъ свое неудовольствіе на раздоры сословій и повелѣлъ всѣмъ разойдтись, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день каждое сословіе, отдѣльно одно отъ другаго, снова приступило къ совѣщаніямъ. Дворянстао и духовенство повиновались королю, но депутаты средняго сословія продолжали свои совѣщанія. Явился посланный отъ короля, оберъ-церемонійместеръ его, съ повелѣніемъ разойдтись немедленно. Но собраніе опять не послушалось. Графъ *Мирабо*, человѣкъ съ рѣдкими талантами, но и весьма безнравственный, всталъ съ своего мѣста и сказалъ королевскому сановнику: „подите и скажите тѣмъ, кто прислалъ васъ, что мы собрались здѣсь по волѣ народа и уступимъ только силѣ штыковъ“. Но добродушный король посовѣстился

пустить въ дѣло штыки, онъ думалъ, что все еще уладится миролюбиво, и совѣтовалъ дворянству и духовенству обходиться съ среднимъ сословіемъ снисходительно. Эта-то слабость и была ближайшей причиною *революціи*.

Граждане сдѣлались смѣлѣе, а парижская чернь забушевала на защиту національнаго собранія. Злонамѣренные люди изъ среды самаго дворянства тайно поджигали народъ на разныя неистовства, чтобы тѣмъ заставить правительство строго покарать народъ. Подкупали полицію, чтобы она не мѣшала народу производить безпорядки и представили королю необузданность гражданъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что онъ велѣлъ двинуть къ Парижу пятидесятитысячное войско. Придворная партія думала уже торжествовать, но тѣ самыя мѣры, которыя приняла она себѣ для защиты, послужили ей же на погибель. Солдаты отказались стрѣлять въ гражданъ и единодушно отвергли прибавку жалованья; всеобщая любовь народа была для нихъ наградой. Куда ни являлись они, вездѣ встрѣчали ихъ одобрительные крики и рукоплесканія. Ихъ публично обнимали и цѣловали; знатнѣйшіе граждане ходили съ ними подъ-руку.

Тогда король велѣлъ ввести въ Парижъ нѣмецкія войска и разставить ихъ по улицамъ. Это распоряженіе усилило раздраженіе народа. На ту пору любимцемъ народнымъ былъ министръ Неккеръ; возненавидѣвшая его за это придворная партія, вмѣстѣ съ королевой, уговорила короля приказать Неккеру оставить Парижъ (ночью, 11 іюня 1789 г.). Слухъ объ этомъ изгнаніи воспламенилъ парижскую чернь дикимъ бѣшенствомъ. Всѣ бросились къ оружію, крича по улицамъ: „Свобода или смерть!“ Народъ вломился въ арсеналы и, съ оружіемъ въ рукахъ, бросился къ Бастиліи, этой, давно ненавистной ему государственнной тюрьмѣ. Ее разрушили и сравняли съ землей, перерѣзали гарнизонъ, воткнули на длинный шестъ голову коменданта, и, при радостныхъ кликахъ народа, носили ее по улицамъ. Этой рѣзней начался во Франціи государственный переворотъ (14 іюля 1789 года).

3.

Запуганный король имѣлъ слабость немедленно возвратить Неккера и удалить войска изъ окрестностей Парижа. Тогда народъ подумалъ,

что дерзостію можно все вынудить; изъ провинцій нахлынули въ столицу люди безпокойные и охотники до новизны, люди безнравственные и развращенные,—съ цѣлью въ мутной водѣ ловить рыбу.

Національное собраніе, душой котораго было среднее сословіе, принялось дѣйствовать быстро, энергично, настойчиво. Не касаясь еще финансоваго вопроса, оно объявило *человѣческія права* и *верховную* или *неограниченную власть* народа, главнымъ сановникомъ котораго былъ король. Навсегда отмѣнило оно крѣпостное право, всѣ ленныя права и поборы, которыми пользовались крупные землевладѣльцы, всѣ привиллегіи отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ, всѣ прерогативы дворянства и духовенства, словомъ: всѣ *средневѣковыя феодальныя права*. Это произошло въ достопамятную ночь съ 3 на 4 августа.

Любовь къ порядку и спокойствію заставила короля согласиться на эти постановленія народнаго собранія, но народъ, въ упоеніи новопріобрѣтенной свободы, преступилъ всѣ границы закона и порядка. Многіе, ненавистные ему, люди были убиты на улицахъ. „На висѣлицу!“ былъ обыкновенный сигналъ убійства, съ этимъ словомъ влекли несчастныхъ къ фонарному столбу и тутъ же вѣшали. Примѣру столицы послѣдовали провинціи. *Свобода* и *равенство!* сдѣлалось для всѣхъ лозунгомъ. Какъ въ Парижѣ, такъ и во всѣхъ городахъ, начальствующія лица были замѣнены новыми, болѣе пріятными народу, и вездѣ учреждены городовыя ополченія подъ названіемъ *національной гвардіи*. Въ знакъ революціи, ополченцы носили трехцвѣтныя кокарды: *красную* и *голубую* — цвѣта Парижа, и *бѣлую* — цвѣтъ государства. Вооруженныя шайки бродили повсюду и, съ криками: „война дворцамъ, миръ хижинамъ!“, грабили замки дворянъ и дома духовенства. *Герцогъ Орлеанскій*, двоюродный братъ короля, смертельно ненавидѣвшій королевское семейство, безпрестанно разжигалъ народный мятежъ. Этотъ негодный, злой и развратный человѣкъ думалъ, низпроверженіемъ существующаго порядка, достигнуть престола. Онъ осыпалъ народъ деньгами, чтобы привлечь его на свою сторону. При возрастающей опасности, многіе изъ придворныхъ покинули отечество,—примѣру ихъ послѣдовало тоже множество дворянъ и духовныхъ. Король, безъ защитниковъ и совѣтниковъ, посреди страшной бури событій, былъ отданъ на жертву ярости возму-

щеннаго народа. Даже національное собраніе не могло возстановить порядка и спокойствія. Вскорѣ стремленіе черни увлекло и его во всеобщій коловоротъ.

4.

Чтобы окончательно овладѣть королемъ, парижскіе поборники свободы составили планъ навсегда перевезти его въ Парижъ. Герцогъ Орлеанскій и его сообщники пристали къ этой партіи и искусственными средствами подняли цѣны на хлѣбъ, перехвативъ обозы, шедшіе съ нимъ въ Парижъ. Былъ распущенъ слухъ, что король и аристократы (такъ называли придворную партію) хотятъ морить Парижанъ голодомъ. 5 октября, передъ ратушей, столпилось множество женщинъ, вооруженныхъ топорами, пиками и саблями: рыбныя торговки, прозванныя „les dames de la halle“ (дамами рынка) играли главную роль; но между ними попадались и мущины въ женскомъ платьѣ. Герцогъ Орлеанскій снабдилъ ихъ деньгами и водкою. Ратушу взяли приступомъ. Нашумѣвши и накричавши досыта, скомандовали: „въ Версаль! въ Версаль!“ Негодяй, по имени Мальяръ, принялъ начальство надъ женщинами и вторгся съ ними въ Версаль. Лафайэтъ, герой, прославившійся въ сѣверо-американской войнѣ за свободу, созвалъ національную гвардію, чтобы остановить чернь; но эта гвардія принудила его вести и ее въ Версаль: „Мы не станемъ биться противъ голодныхъ женщинъ“,—кричали грозно гвардейцы. Наступилъ вечеръ, пошелъ проливной дождь, но ничто не могло удержать толпу, которая направилась къ Версали съ двадцатью пушками.

Женщины, еще съ полудня, были уже въ Версали, и вступили въ въ народное собраніе съ пѣснями и барабаннымъ боемъ. Мальяръ, махая обнаженной шпагой, рядомъ съ женщиной, которая на длинномъ шестѣ несла барабанъ, сказалъ рѣчь отъ имени народа. „У насъ нѣтъ хлѣба“, восклицалъ онъ: мы знаемъ, что король и его министры — измѣнники; но народъ поднялъ руку, и разгромитъ ихъ“. Окружающіе Мальяра сопровождали эти слова страшными угрозами противъ короля и королевы. Затѣмъ, вся толпа женщинъ, съ крикомъ и шумомъ, ворвались въ залу и смѣшалась съ депутатами. Одна женщина заняла даже

кресло президента и подражала его дѣйствіямъ съ колокольчикомъ въ рукѣ. Добыли они себѣ съѣстныхъ припасовъ и вина, принялись пить и пѣть, неистово клянясь и ругаясь притомъ, и чуть не задушили нѣкоторыхъ депутатовъ въ объятіяхъ. Собраніе старалось успокоить ихъ; самъ президентъ отвелъ нѣкоторыхъ во дворецъ къ королю, который далъ имъ милостивыя обѣщанія, при чемъ долженъ былъ обнять одну изъ этихъ *дамъ*, потому что только на такомъ условіи соглашались онѣ ему вѣрить. Послѣ того, рыбныя торговки расположились по-солдатски на большой парадной площади, разложили огни, пьянствовали и пѣли въ-запуски.

Около полуночи, пришла парижская національная гвардія. Лафайэтъ употребилъ всѣ старанія остановить дальнѣйшія проявленія грубыхъ страстей. Онъ напередъ взялъ съ отряда своего клятву — сохранить вѣрность королю и уваженіе къ его жилищу; потомъ отправился во дворецъ къ королевской фамиліи, ручаясь, что безпорядковъ болѣе не будетъ.

Едва начало свѣтать, 6-го октября, какъ шайка бунтовщиковъ нашла средство пробраться во внутренность дворца. Мятежники умертвили королевскую стражу, стоявшую у спальни королевы, и черезъ окровавленные трупы вломились въ комнату; но жертва ихъ, обреченная на бо̀льшія страданія, прокралась полуодѣтая потаеннымъ ходомъ въ комнату короля и взбѣшенные убійцы искололи пиками и мечами оставленную ею постель. Подоспѣла вся лейб-гвардія и выгнала убійцъ изъ дворца,—это обратило ярость народной толпы противъ гвардіи, которой невозможно было устоять въ неравной борьбѣ. Всѣ ожидали смерти. Тогда король показался на балконѣ и вскричалъ, простирая руки къ толпѣ: „умилосердитесь надъ моей гвардіей!“—Да здравствуетъ король! — отвѣчала восторженная толпа и убійство мгновенно прекратилось. Мятежники привели даже плѣнныхъ гвардейцевъ и обняли ихъ передъ глазами короля. „Королеву, королеву!“ завопилъ народъ. Съ видимымъ трепетомъ, вышла на болконъ несчастная королева, ведя за руки дѣтей своихъ, „Прочь дѣтей!“ закричалъ кто-то снизу. Она увела дѣтей и возвратилась на балконъ, величавая, съ заплаканными глазами, со сложенными руками. Внизу бушевала неистовая толпа, съ дикимъ бѣшенствомъ потрясая пиками и оружіемъ. Одинъ изъ бун-

товщиковъ прицѣлился въ нее изъ ружья; но кто-то изъ окружающихъ вырвалъ ружье изъ рукъ. Кроткое величіе спокойно стоявшей передъ ними беззащитной женщины дало внезапно народному порыву другое направленіе. Вся толпа закричала съ восторгомъ: „Да здравствуетъ королева!“ Король былъ вызванъ еще разъ и когда показался, на встрѣчу ему загремѣла тысяча голосовъ — „въ Парижъ, въ Парижъ!“ Да, дѣти мои,—отвѣчалъ король: я согласенъ ѣхать въ Парижъ; но не иначе, какъ съ женой и дѣтьми. — „Да здравствуетъ король!“ вторично закричала толпа. Королева вышла опять на балконъ и пробовала говорить; но голоса ея не слышно было за шумомъ. Лафайэтъ поцѣловалъ ея руку и сказалъ народу: „королева изумлена тѣмъ, что̀ видитъ; ее обманули; она обѣщаетъ, что не вдастся болѣе въ обманъ и будетъ любить народъ!“ Въ знакъ согласія, королева два раза подняла руки къ небу; по щекамъ ея струились слёзы.

5.

Около часу по полудни, началось шествіе, но какое шествіе! — Впереди несли головы убитыхъ гвардейцевъ, воткнутые на длинные шесты; остальныхъ гвардейцевъ чернь тащила какъ плѣнниковъ; затѣмъ слѣдовала карета, въ которой сидѣли король, королева, двое дѣтей ихъ и принцесса Елизавета, сестра короля. По обѣимъ сторонамъ кареты, волновались шумныя толпы народа. Одни, глядя на карету, скрежетали, произносили проклятія и угрозы противъ королевской фамиліи, другіе пѣли побѣдныя пѣсни, третьи кричали: „вотъ мы веземъ вамъ хлѣбника съ женой и подмастерьями!“—Позади кареты везли пушки; иныя женщины сидѣли верхомъ на лафетахъ, держа воткнутые на штыкахъ хлѣбъ и мясо. Пьяные мущины и женщины ѣхали безъ всякаго порядка верхами; вся дорога была запружена жителями сосѣднихъ деревень. Послѣ 6-ти часовъ томительнаго страха, доѣхалъ бѣдный Лудовикъ до парижской заставы, гдѣ былъ принятъ мэромъ, который назвалъ счастливымъ день, возвратившій короля въ его столицу. Король отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ съ удовольствіемъ, а королева—что она съ довѣріемъ возвращается въ добрый свой городъ. Послѣ этихъ обоюдныхъ формальностей, униженный государь получилъ позволеніе отправиться въ тюиль-

рійскій дворецъ, гдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ пріѣзду королевскаго семейства, такъ, что оно принуждено было спать на чужихъ постеляхъ.

Съ той поры, король ничѣмъ не могъ распоряжаться свободно и сдѣлался плѣнникомъ парижскихъ вождей и народа. Не лучше шли дѣла и въ національномъ собраніи. Болѣе трехсотъ депутатовъ вышло изъ него, не желая имѣть ничего общаго съ октябрьскими убійцами. Остальные депутаты отправились въ Парижъ, ободренные защитой черни, отмѣняли одно учрежденіе за другимъ, не принимая въ соображеніе, что легче разрушать, нежели созидать. Засѣданія происходили въ карусели, находившейся въ тюильрійскомъ саду и превращенной наскоро въ амфитеатръ. Въ срединѣ засѣдалъ президентъ; съ правой стороны, помѣщалась партія умѣренныхъ, съ лѣвой, особенно на верхнихъ скамьяхъ (на горѣ), неистовые революціонеры. Въ Парижѣ образовались клубы или сборища единомысленныхъ депутатовъ, въ которыхъ напередъ уговаривались, что будутъ предлагать въ національномъ собраніи Въ якобинскомъ монастырѣ собирался клубъ Якобинцевъ, состоявшій изъ опаснѣйшихъ агитаторовъ. Наружнымъ знакомъ Якобинцевъ былъ красный колпакъ. Скоро и вся Франція наполнилась клубами, средоточіемъ которыхъ былъ Парижъ. Зрители, на галлереяхъ національнаго собранія, большею частью приверженцы Якобинцевъ, шумно одобряли и рукоплескали самымъ неистовымъ ораторамъ своей партіи; напротивъ того, ораторовъ умѣренной партіи они освистывали, какъ будто все собраніе, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы совѣщаться о благѣ народа, было не больше какъ комедія. Страсть къ разрушенію не знала предѣловъ. Имѣнія духовенства были конфискованы; для облегченія продажи и купли, ввели бумажныя деньги, которыя называли ассигнаціями, потому что они указывали, „ассигновали" на конфискованныя имѣнія. Изъ-за этихъ-то ассигнацій, для обезпеченія всей новой собственности, присоединились къ революціи и тѣ лица, которыя покупали конфискованныя имѣнія. Впослѣдствіи же, стали выпускать все болѣе и болѣе ассигнацій, (для этого нужна была только бумага), и цѣнность ихъ упала такъ, что пара сапоговъ, напримѣръ, стоила около 20,000 франковъ. Прежнее раздѣленіе Франціи на провинціи было уничтожено: вмѣсто него, Францію раздѣлили на 83 департамента, по расположенію ея

горъ и рѣкъ. Королю назначили годовое содержаніе. Наслѣдственное дворянство было отмѣнено, а вмѣстѣ съ нимъ, изчезли и всякія различія между сословіями, — все, что̀ напоминало привиллегію или рабство. Даже пустой титулъ monsieur былъ запрещенъ, а приказано было всякаго называть „*гражданиномъ*“.

6.

При такихъ переворотахъ, наступило 14 іюля 1790, день годовщины разрушенія Бастиліи. Въ воспоминаніе объ этомъ, столь богатомъ послѣдствіями, происшествіи, былъ данъ *большой союзный праздникъ*, на Марсовомъ полѣ,—пространной равнинѣ на западномъ концѣ Парижа. Еще съ предшествовавшей ночи, равнина была усѣяна народомъ. Національная гвардія заняла свои мѣста и, съ первымъ лучомъ утренняго солнца, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ возвѣстилъ торжественный день. Въ 10 часовъ утра, среди многихъ сотенъ тысячъ зрителей, явились члены національнаго собранія, депутаты отъ департаментовъ, потомъ и король съ своимъ семействомъ. Процессія прошла черезъ разукрашенную тріумфальную арку на Марсово поле. Посрединѣ стоялъ высокой „алтарь отечества“, противъ него, въ галлереѣ, заняли мѣста національное собраніе и король. Талейранъ, епископъ Огёнской, отслужилъ обѣдню и благословилъ департаментскія знамена. При торжественной стрѣльбѣ и праздничномъ звонѣ, передъ лицомъ Неба, національная гвардія, національное собраніе, король и депутаты отъ всего народа клялись повиноваться законамъ и, въ упоеніи радости, всѣ обнимались какъ братья. То была великая, возвышающая душу, минута! Казалось, узы всеобщаго братства соединяютъ короля и народъ въ одну великую семью, что многострадальное государство можетъ надѣяться на самую лучшую будущность.

Но скоро открылось, какъ не проченъ союзъ, заключенный въ минуту увлеченія. Якобинцы все дальше заходили въ насильственныхъ поступкахъ и даже стали дозволять себѣ грубыя ругательства противъ короля и его фамиліи. 18 апрѣля 1791 г., король хотѣлъ ѣхать съ своимъ семействомъ въ близьлежащій замокъ Сен-Клу, чтобы, по обыкновенію, отпраздновать тамъ пасху. Онъ уже сѣлъ въ карету, когда

чернь, съ громкимъ крикомъ, которому вторила и стоявшая на караулѣ національная гвардія, бросилась впередъ и потребовала, чтобы король не выходилъ изъ Тюльери. Явился Лафайэтъ и приказалъ національной гвардіи разогнать чернь, очистить мѣсто для королевской кареты, — но напрасно. Мэръ поспѣшилъ на шумъ и уговаривалъ волнующуюся толпу; король увѣщевалъ и молилъ; королева плакала. Все напрасно! Королевская фамилія принуждена была выдти изъ кареты и съ позоромъ воротилась во дворецъ, обращенный для нея въ тюрьму. Лафайэтъ до того негодовалъ на неповинованіе національной гвардіи, что сложилъ съ себя должность ея начальника.

Тогда король рѣшился бѣгствомъ спастись отъ печальнаго заточенія. Предположено было исполнить это ночью съ 20 на 21 іюня. Сначала предпріятіе шло удачно. Вечеромъ король пріѣхалъ въ С. Менегульдъ (Меню). Тамошній почтмейстеръ, Друэ, ярый революціонеръ, изумился, увидя королеву, которую уже разъ случилось ему видѣть прежде, а скоро узналъ онъ и короля. Лошади были смѣнены и дорожныя кареты отъѣхали, почтмейстеръ же сѣлъ на лошадь, окольными дорогами обогналъ путешественниковъ и прискакалъ въ *Вареннъ*. Немедленно ударили въ набатъ, народъ вооружился, а когда пріѣхали королевскія кареты, ихъ тотчасъ остановили. Семейство Лудовика принуждено было выдти изъ экипажей. Сначала Лудовикъ не сознавался, что онъ — король; но, наконецъ, онъ воскликнулъ жалобно: „да, я вашъ король! Окруженный въ столицѣ кинжалами и штыками, я рѣшился въ провинціи, между своими вѣрными подданными, искать свободы, которою вы всѣ пользуетесь; я не могу долѣе оставаться въ Парижѣ, — я погибну тамъ со всѣмъ моимъ семействомъ“. Слова его никого не разжалобили. Его повезли военноплѣннымъ въ Парижъ, среди раздраженной черни и національной гвардіи, и парижская чернь чуть-было не кинулась на него.

Эта неудавшаяся попытка еще ухудшила положеніе несчастнаго королевскаго семейства. Его стали караулить строже прежняго; королевѣ не позволялось даже запирать двери своей спальни, и когда, однажды, король заперъ ее самъ, караульный офицеръ отперъ ее опять и промолвилъ: „вы только дѣлаете себѣ напрасный трудъ, когда запираете двери.“

7.

Въ сентябрѣ 1791 г., новое государственное устройство (конституція) было окончено. Король, предвидя, что всякое возраженіе будетъ напрасно, принялъ его въ той формѣ, какъ оно было написано и принесъ по немъ присягу. Въ немъ было много хорошаго, но королевскія права были обрѣзаны выше всякой мѣры. Когда собраніе (названное *учредительнымъ*) разошлось, мѣсто его заняло другое, которое приняло на себя опредѣлить права короля и законы страны. Оно называлось *законодательнымъ*. Члены его были, по бо̀льшей части, люди молодые, талантливые, но неопытные и исполненные революціоннаго духа. Между ними видное мѣсто занимали депутаты отъ Жирондскаго департамента (*Жирондисты*). Они имѣли цѣлію ниспровергнуть постепенно королевскій престолъ и, на развалинахъ его, основать республику. Тутъ же присутствовали и необузданнѣйшіе Якобинцы, злыя намѣренія которыхъ клонились къ тому, чтобъ ниспровергнуть престолъ не постепенно, но вдругъ и насильственными мѣрами. Какъ ни сильна была вражда между различными партіями, но всѣ онѣ сходились въ общей ненависти къ королевскому дому. Почти всѣ должности, даже министерскія, были заняты Якобинцами и всѣ, кто былъ поумѣреннѣе, удалились мало-по-малу отъ этого поприща неистовыхъ страстей. Террористы, подобные *Робеспьерру*, *Марату*, *Дантону*, *Манюелю*, *Петіону*, имена которыхъ въ исторіи Франціи покрыты вѣчнымъ позоромъ, дѣлали, въ это смутное время, такія злодѣйства, что всякій отвернется отъ нихъ съ содроганіемъ. Изверги эти составили одну шайку съ легковозмущаемой черныо, чтобы, подъ прикрытіемъ ея, ниспровергнуть существующій порядокъ, а самимъ достигнуть богатства и власти. При такомъ преобладаніи черни, неистовство стало называться патріотизмомъ, умѣренность—измѣной. Какъ во время чумы,—всякій боялся другаго. Всякъ одѣвался въ бѣднѣйшую одежду для избѣжанія ярости черни: стоило только ходить оборванцемъ, чтобы прослыть истиннымъ сыномъ свободы. Названіе: *санкюлотъ*, безштанный, считалось почетнымъ титуломъ.

Законодательное собраніе постановило рѣшеніе, что всѣ эмигранты, которые не возвратятся въ положенный срокъ, присуждаются къ казни

и имѣнія ихъ будутъ конфискованы. Духовныя лица, не присягнувшія новому правительству, тоже осуждались на казнь, какъ мятежники и измѣнники народу. Король отказался-было дать свое согласіе на столь жестокія постановленія, относившіяся и къ его братьямъ, тогда Якобинцы рѣшились вынудить у него это согласіе посредствомъ народнаго возстанія.

Черни прославившихся своей дерзостію предмѣстій роздали они пики, и, 20 іюня 1792 г., толпа въ 40,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ пивовара *Сантерра*, ворвалась въ Тюльери и устремилась по лѣстницѣ прямо къ комнатѣ короля. Дверь взломали, чернь ринулась въ комнату. Король, имѣвшій при себѣ не болѣе шести гренадеровъ, неустрашимо пошелъ навстрѣчу злодѣямъ, которые, какъ бы пораженные величіемъ его сана, остановились въ нерѣшимости. Но нахлынули другія толпы, осыпали короля и королеву жесточайшими ругательствами и потребовали немедленнаго утвержденія постановленій законодательнаго собранія. Въ эту минуту тяжелаго испытанія, король остался непоколебимъ и спокойно выслушалъ ругательства. Какой-то сорванецъ бросилъ ему свою красную якобинскую шапку,—король спокойно взялъ ее и надѣлъ себѣ на голову; другой подставилъ ему бутылку и приказалъ пить за благоденствіе націи; король послушался и такъ какъ подъ рукой не случилось стакана, онъ отпилъ прямо изъ бутылки.

Съ негодованіемъ смотрѣли гренадеры на такое униженіе королевскаго сана и рѣшились защитить короля своей кровію. «Не бойтесь ничего, государь!“ сказалъ ему одинъ изъ гренадеровъ. Король спокойно взялъ его руку, положилъ ее къ себѣ на грудь и отвѣчалъ: „суди, отъ страха ли бьется мое сердце.“

Наконецъ, законодательное собраніе рѣшило отправить во дворецъ депутацію изъ 25 членовъ. Ихъ прибытіе положило конецъ безпорядку. „Бѣдный и добродѣтельный народъ“, какъ называлъ его лицемѣръ Робеспьерръ, разошелся на этотъ разъ не съ окровавленными пиками, самъ дивясь тому, что его вооружали для такой бездѣлицы: а мэръ *Петіонъ* еще похвалилъ его за *мудрость* и *достоинство*, съ которымъ онъ передалъ королю свои желанія.

8.

Это неудачное покушеніе еще болѣе разожгло ярость Якобинцевъ, они вознамѣрились устроить новое возстаніе съ цѣлію убить короля или, по крайней мѣрѣ, лишить его престола. Они выписали изъ Марсели и изъ его окрестностей шайку негоднѣйшей сволочи, которая подъ именемъ *федератовъ*, вошла въ Парижъ 30 Іюля 1792. 10 августа, утромъ, ударили въ набатъ; по этому знаку, поднялась вся сволочь изъ предмѣстій и, соединяясь съ федератами, съ шумомъ и гамомъ, направилась въ Тюльери. Швейцарцы и оставшіеся вѣрными королю гвардейцы стали во фронтъ, заняли всѣ посты во дворцѣ и передъ дворцомъ и рѣшились на все для спасенія короля; но король, по чрезмѣрной добротѣ своей, запретилъ имъ стрѣлять. Рёдереръ, одинъ изъ членовъ городоваго управленія, посовѣтовалъ королю немедленно искать убѣжища въ національномъ собраніи, потому что невозможно предвидѣть размѣровъ, какіе приметъ наступающая гроза. Королева поняла, какъ постыдно будетъ для королевскаго семейства просить защиты у людей, которые не оказывали ему прежде и тѣни участія — и рѣзко отвергла предложеніе Рёдерера. „Государыня, сказалъ Рёдереръ, время дорого, еще минута, еще секунда,—и я не ручаюсь за вашу жизнь.“ Королева поблѣднѣла и отвѣчала съ волненіемъ: „Такъ и быть; принесемъ и эту послѣднюю жертву!“ Подъ ужаснѣйшими проклятіями и угрозами черни, не перестававшей кричать: „долой, долой тирана, ежегодно пожирающаго у насъ 25 милліоновъ!“ блѣдные и разстроенные, достигли царственные бѣглецы національнаго собранія; вступивъ въ него, король сказалъ съ достоинствомъ: „я пришелъ сюда, чтобы избавить Францію отъ великаго преступленія и думаю, что нигдѣ не буду въ такой безопасности, какъ среди васъ, господа!“ Его приняли холодно и отослали со всѣмъ семействомъ на верхъ, въ ложу журналистовъ. Оттуда пришлось ему слушать, какъ совѣщалось собраніе о сверженіи его съ престола.

Между тѣмъ, громъ пушекъ и ружейные выстрѣлы возвѣстили, что кровопролитіе, котораго столько опасался король, не было остановлено его удаленіемъ. Швейцарская гвардія, послѣ геройскаго сопротивленія, большею частію была умерщвлена; дворецъ взятъ приступомъ. Послѣ

того, вся чернь, съ закоптѣлыми отъ пороховаго дыма лицами, съ обагренными кровью руками, вошла въ національное собраніе и потребовала сверженія короля. Депутаты рѣшили созвать *національный конвентъ*, потому что королевская власть не нужна болѣе Франціи. Короля и семейство его заключили въ Тампль, старую башню, служившею тюрьмой. 21 сентября 1792 г., былъ учрежденъ національный конвентъ изъ яростнѣйшихъ Якобинцевъ. Немедленно отмѣнены прежняя конституція и королевское достоинство; Франція превратилась въ республику. Лѣтосчисленіе начали вести отъ начала республики и первый годъ начинался съ 21 сентября 1791. Перемѣнили даже названія мѣсяцевъ, вмѣсто недѣль ввели „декады", изъ которыхъ въ каждой было 10 дней. 36 языческихъ праздниковъ заступили мѣсто 52 христіанскихъ воскресныхъ дней. Съ упраздненіемъ королевскаго достоинства, были уничтожены всѣ гербы и статуи короля; самъ конвентъ натравлялъ на это дѣло шайки народа. Даже королевскія гробницы въ Сенъ-Дени были взломаны, трупы изъ гробовъ вынуты, — кости мертвыхъ разбросаны. Ничто не должно было впредь напоминать о королевской власти.

9.

Положеніе злополучнаго короля возбуждало участіе и заботило прочихъ государей Европы, особенно же императора Леопольда II, связаннаго съ нимъ тѣсными узами родства. Просьбы выѣхавшихъ за границу и поселившихся въ Кобленцѣ французскихъ принцевъ возбуждали еще болѣе жаркое сочувствіе къ дѣлу короля. Подъ знаменами этихъ принцевъ соединились эмигранты. Съ своей стороны, національное собраніе дѣлало все, чтобы вызвать войну. Чѣмъ болѣе вооружались защитники короля, для освобожденія его изъ рукъ злодѣевъ, тѣмъ дерзновеннѣе наносили они ему обиды. Якобинцы даже заставили его объявить войну Леопольду II, который вооружался для его защиты. Это объявленіе войны пришло въ Вѣну, когда императоръ уже умеръ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Францъ II, который, въ союзѣ съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, прусскимъ, открылъ военныя дѣйствія. Ни одинъ изъ нихъ и не подозрѣвалъ тогда, что война, въ быстромъ и благопріятномъ окончаніи которой они не сомнѣвались, протянется, съ неболь-

шими промежутками, до 1815 года и разрушить благосостояніе безчисленнаго множества семействъ.

Прусское войско, къ которому примкнули 20, 000 эмигрантовъ и 6000 Гессенцевъ, двинулось, подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго, въ Лотарингію, а между тѣмъ, непріятельскія дѣйствія уже были открыты между Французами и Австрійцами, на границахъ австрійскихъ Нидерландовъ. Союзники, взявъ крѣпости Лонгви и Вердюнъ, побѣдоносно вступили въ Шампань. Парижъ волновался и на долго сдѣлался театромъ ужасающихъ сценъ убійства. 25-го іюля, герцогъ Брауншвейгскій издалъ прокламацію къ французской націи — несчастное произведеніе надменности и ослѣпленія: „Вся Франція, и особенно Парижъ, говорилось въ ней, подвергнуться тягчайшей карѣ, если не признаютъ немедленно священныя права своего короля. *Городъ мятежей* будетъ разрушенъ, какъ нѣкогда Іерусалимъ; въ немъ не останется камня на камнѣ; гордыня его будетъ стерта съ лица земли!“ Такая рѣчь и нужна была, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ раздраженіе всѣхъ Французовъ, даже тѣхъ, которые держались партіи короля; старый и малый стремились къ знаменамъ оскорбленаго отечества. При С. Менегульде, *Дюмурье* остановилъ побѣдоносные успѣхи Пруссаковъ и принудилъ ихъ къ бѣдственному отступленію. Нужда, заразительныя болѣзни, дурная погода (непрерывные проливные дожди сдѣлали дороги почти непроходимыми), лишали нѣмецкія войска всякой бодрости; они принуждены были очистить всю завоеванную территорію и всѣ крѣпости. Не далѣе какъ 23-го октября, громъ пушекъ по всей французской границѣ возвѣщалъ уже, что „страна свободы (такъ гласило французское объявленіе) очищена отъ рабовъ деспотизма.“ Французскій генералъ Кюстинъ проникъ до Средне-Рейнскихъ провинцій и быстро подступилъ къ Майнцу: простая угроза генерала заставила сдаться эту важную нѣмецкую крѣпость, господствующую надъ двумя судоходными рѣками. Затѣмъ, Кюстинъ обратился на богатый Франкфуртъ и наложилъ на него большую контрибуцію; но тутъ напали на него Гессенцы и Пруссаки и прогнали за Рейнъ. 6-го ноября Дюмурье разбилъ Австрійцевъ въ генеральномъ сраженіи при Жемаппѣ и австрійскіе Нидерланды, еще прежде отказавшіеся повиноваться императору Іосифу II, съ радостію

приняли Французовъ. Другое французское войско отняло у сардинскаго короля Ниццу и Савоію за то, что онъ присоединился къ союзникамъ.

Всѣ думали, что французскіе солдаты, бо̀льшей частію незнакомые съ военнымъ искусствомъ молодые люди, не устоятъ противъ опытныхъ австрійскихъ и прусскихъ солдатъ; однако, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что Французы вездѣ побѣждаютъ. Они шли съ пѣснями подъ страшнѣйшій градъ пуль и, съ хладнокровнымъ презрѣніемъ къ смерти, нападали на непріятеля въ такихъ позиціяхъ, которыя онъ считалъ неприступными. Случалось, что какой-нибудь полкъ этихъ фанатиковъ свободы былъ уничтожаемъ совершенно, но его сейчасъ же замѣнялъ новый,—вся Франція рвалась „защищать свободу противъ тирановъ.“

10.

Эти побѣды еще болѣе увеличили отчаянную дерзость Конвента, и какъ бы на зло приведенной нами выше грозной прокламаціи, онъ положилъ казнить Лудовика. По рѣчамъ *Робеспьерра*, одинъ уже тотъ фактъ, что Лудовикъ былъ королемъ, составлялъ преступленіе, достойное смерти. Но противъ него возстали Жирондисты, которые хоть и желали учредить республику, но не хотѣли казнить короля, они настояли на томъ, чтобы сперва было произведено надъ Лудовикомъ судебное изслѣдованіе. Противная партія уступила, конечно, только для виду, и, 11-го декабря, парижскій мэръ былъ отправленъ въ тюрьму за королемъ. Когда онъ прочелъ ему рѣшеніе Конвента: „Лудовикъ Капетъ долженъ предстать, въ 5 часовъ, передъ Конвентомъ,“ Лудовикъ возразилъ: „Капетъ! — это не мое имя; его носилъ одинъ изъ моихъ предковъ. Впрочемъ, и такое названіе очень подъ-стать ко всему, что я терплю здѣсь уже столько мѣсяцевъ.“ Онъ сѣлъ съ мэромъ въ карету и, посреди угрозъ и проклятій черни, повезли его въ Тюльери, куда Конвентъ перенесъ свои засѣданія. Король вступилъ въ залу съ спокойствіемъ и преданностію волѣ Божіей, съ полнымъ сознаніемъ своей невинности; при входѣ его, настало глубокое молчаніе; глаза всѣхъ обратились на него. „Лудовикъ, — сказалъ ему президентъ Барреръ, — французская нація обвиняетъ васъ; Конвентъ положилъ васъ судить; вамъ прочтутъ списокъ вашихъ преступленій. Теперь вы можете сѣсть.“ Король сѣлъ,

выслушалъ, безъ смущенія, длинный обвинительный актъ, въ которомъ взводили на него будто имѣлъ онъ тайныя сношенія съ врагами Франціи и приписывали ему всѣ бѣдствія, произведенныя революціей. Спокойствіе и ясность, съ которыми король отвѣчалъ на каждый обвинительный пуктъ, изумили даже враговъ его. Затѣмъ, его отвели назадъ въ темницу, подъ угрозами и оскорбленіями той же сволочи, чрезъ ряды которой онъ уже проходилъ. Съ той поры, его разлучили съ дорогими товарищами несчастія, съ женой, сестрой и съ сыномъ.

Послѣ удаленія короля, въ Конвентѣ начался страшный шумъ. Якобинцы требовали, чтобы „тиранъ" былъ немедленно же приговоренъ къ смерти, чтобы приговоръ этотъ исполненъ былъ въ ту же ночь; но Жирондисты настояли на соблюденіи, по крайней мѣрѣ, обычныхъ, въ отношеніи каждаго преступника, формальностей. Такимъ образомъ, король получилъ дозволеніе избрать себѣ совѣтника для защиты. Выборъ Лудовика палъ на знаменитаго юриста Тронше, который ни минуты не колебался взять на себя веденіе опаснаго процесса. Равно-знаменитый своимъ талантомъ и честностью старецъ, нѣкогда королевскій министръ, *Мальзербъ*, добровольно предложилъ королю свои услуги и оба эти адвоката выбрали себѣ въ помощники молодаго талантливаго Десеза. Но такая благосклонность судей доставила королю только утѣшеніе пользоваться обществомъ благородныхъ людей въ такую минуту, когда никто изъ друзей его, кромѣ вѣрнаго камердинера Клери, не могъ къ нему приближаться.

26-го декабря, король былъ приглашенъ въ судъ, вмѣстѣ съ своими адвокатами. Ихъ не тотчасъ же допустили въ залу засѣданій и они прохаживались по передней. Одинъ депутатъ, проходя мимо, услыхалъ, что Мальзербъ обращается къ своему кліенту со словами: „Государь, ваше величество!" „Что даетъ вамъ смѣлость—спросилъ депутатъ,—произносить слова, запрещенныя Конвентомъ!" — „Презрѣніе къ жизни!" отвѣчалъ почтенный старикъ. Наконецъ ихъ впустили въ залу. Мальзербъ былъ такъ растроганъ, что не могъ говорить; тогда выступилъ пылкій Десезъ и защищалъ короля съ такой удивительной энергіей и искусствомъ, что Лудовикъ былъ бы спасенъ, еслибы яростные Якобинцы давно не рѣшили его смерти.

Лудовика увели, и опять раздались крики кровожадныхъ Якобинцевъ; въ залѣ, въ дверяхъ, въ окнахъ, съ галлереи кричали: „Смерть! смерть!“ Одинъ якобинецъ, прежде бывшій мясникъ, потребовалъ даже изрубить короля на куски, и отправить по куску въ каждый департаментъ. Споры партій о томъ, какъ произнести приговоръ, продолжались нѣсколько сутокъ. Отмѣненъ былъ законъ, по которому обвиненный могъ быть приговоренъ къ смерти, не иначе, какъ двумя третями голосовъ, и опредѣлено простое большинство голосовъ. Наконецъ, 17 января 1793 года, король былъ приговоренъ къ смерти большинствомъ 5-ти голосовъ (366 противъ 361). Мальзербъ первый принесъ эту горестную вѣсть королю. Но Лудовикъ не смутился и отвѣчалъ спокойно: „Хорошо, по крайней мѣрѣ, я выведенъ теперь изъ недоумѣнія.“ Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: „Болѣе двухъ часовъ я обдумываю—могу ли въ чемъ нибудь упрекнуть себя въ отношеніи моихъ подданныхъ, но клянусь вамъ, съ чувствомъ человѣка, готоваго предстать передъ лицо Божіе, я всегда желалъ только блага моему народу.“

Несчастному государю дано было позволенія избрать священника для утѣшенія и укрѣпленія себя на послѣдній шагъ въ жизни; дозволили ему тоже проститься съ семействомъ. Трогательна была сцена, когда король, послѣ долгой ужасной разлуки, въ послѣдній разъ свидѣлся съ милыми родными. Долго и молча обнимались они,—пока потоки слезъ не облегчили стѣсненнаго сердца. Тогда безутѣшная горесть сказалась такими громкими воплями и рыданіями, что ихъ слышали даже внѣ башни. Наконецъ изсякли слезы и начался спокойный разговоръ, продолжавшійся около часу,—послѣ чего король почти насильно вырвался изъ объятій своего семейства.

11.

12 января 1793 г., съ разсвѣтомъ Лудовикъ всталъ съ постели и потребовалъ духовника своего, Еджеворта. Съ искреннымъ благоговѣніемъ, отслушалъ онъ обѣдню и принялъ изъ рукъ священника Святое Причастіе. Между тѣмъ, парижскія улицы стали оживляться. Забили генеральный маршъ, подвезли пушки; говоръ людей и топотъ конскій слышались даже въ башнѣ. Король прислушался и молвилъ спокойно: „кажется, они приближаются.“ Ему хотѣлось еще разъ проститься съ родными, но

священникъ не допустилъ этого, чтобъ избавить короля отъ лишняго страданія. Въ девять часовъ, вошелъ Сантерръ, со стражей, взять короля. „Еще минуту!“ сказалъ король, отошелъ въ сторону, преклонилъ колѣна на молитву и принялъ отъ духовника благословеніе. Потомъ онъ всталъ и подалъ муниципальному чиновнику свое завѣщаніе; но тотъ дерзко оттолкнулъ бумагу: „я здѣсь не за тѣмъ, промолвилъ онъ грубо, чтобы принимать отъ васъ завѣщаніе, а затѣмъ, чтобъ вести васъ на эшафотъ.“ Но другой чиновникъ взялъ завѣщаніе молча. „Пойдемте,“ сказалъ Лудовикъ, и вся толпа двинулась. Король съ духовникомъ и двумя жандармами сѣлъ въ карету, которая его ожидала. 400 или 500 благомыслящихъ друзей короля соединились-было для освобожденія его силою; но Якобинцы такъ ловко приняли свои мѣры, что о спасеніи нечего было думать. Подъ страхомъ смерти, было запрещено, на протяженіи всей дороги, растворить дверь или открыть окно; всѣ улицы, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были заняты двойнымъ рядомъ національной гвардіи; на всѣхъ углахъ стояли пушки; карету окружалъ сильный отрядъ конницы, подъ предводительствомъ Сантерра.

Ровно въ 10 часовъ, карета остановилась на площади Лудовика XV, въ срединѣ которой воздвигнутъ былъ эшафотъ. Это мѣсто избрали нарочно, потому что къ нему примыкаетъ тюльерійскій садъ, и король чрезъ него могъ видѣть дворецъ тюльерійскій. Вся площадь, даже кровли домовъ были покрыты народомъ. Кругомъ эшафота стояло 15,000 солдатъ. Какъ скоро король, который все время молился про себя, замѣтилъ, что карета остановилась, онъ сказалъ тихо Эджеворту: Мы пріѣхали, если я не ошибаюсь!“ Немедленно одинъ изъ палачей открылъ дверцу, король вышелъ и твердой поступью поднялся на эшафотъ, на которомъ была поставлена машина, называемая гильотиною. Палачи хотѣли раздѣтъ короля, но онъ величаво отстранилъ ихъ, снялъ самъ свое платье и обнажилъ шею. Тогда палачи окружили его снова, чтобъ связать руки. „Что́ вы затѣваете!“ воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. „Мы хотимъ связать васъ!“ отвѣчалъ одинъ изъ палачей. „Меня вязать?“ возразилъ Лудовикъ, „я никогда не позволю“. Но подошелъ духовникъ и напомнилъ королю примѣръ Іисуса Христа. „Такъ, я выпью чашу до дна!“ отвѣчалъ Лудовикъ. Онъ подошелъ къ краю эшафота, сдѣлалъ знакъ барабанщикамъ умолкнуть и внятно сказалъ:

„Французы, я умираю невиннымъ во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ меня обвиняютъ! я прощаю виновникамъ моей смерти и молю Бога, чтобъ кровь, которую вы проливаете, не возстала нѣкогда противъ Франціи! А ты, несчастный народъ“... Но Сантерръ бросился со шпагой на барабанщиковъ и барабанный бой заглушилъ остальныя слова короля. Палачи повлекли свою жертву подъ гильотину. Духовникъ сталъ возлѣ короля на колѣна, воскликнувъ: „Иди на небо, сынъ святаго Лудовика!“ Опустилась гильотина и голова безвиннаго короля упала съ эшафота. Одинъ изъ помощниковъ сначала поднялъ ее торжественно, показалъ народу,—и отвсюду раздались крики: „Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ народъ!“ Шляпы полетѣли на воздухъ; чернь принялась пѣть и плясать вокругъ эшафота.

Такъ совершилось во Франціи, тоже суднымъ порядкомъ, какъ и за 144 года передъ тѣмъ въ Англіи, ужасное преступленіе,—цареубійство. Во всей древней исторіи мы не находимъ слѣда подобнаго преступленія. Но Французы не остановились на этомъ: 16 октября 1793 г., пролила кровь свою подъ гильотиной Марія-Антуанета, дочь Маріи-Терезіи, королева Франціи; на слѣдующій годъ дошла очередь до кроткой и добродѣтельной сестры Лудовика, Елизаветы, а тамъ,—стали душить и рѣзать людей безъ счету. Но самымъ постыднымъ дѣломъ было убійство дофина, наслѣднаго принца. Онъ былъ отданъ на руки башмачнику Симону, развратному извергу, который до тѣхъ поръ мучилъ его побоями, голодомъ, холодомъ и безсонницей, пока бѣдный ребенокъ не отдалъ Богу душу (10 іюля 1795 г.).

12.

Извѣстіе о казни короля наполнило ужасомъ и негодованіемъ всю Европу, но революціонеры, казалось, смѣялись надо всей Европой и удачно усмирили возстаніи внутри государства. Въ Вандеѣ, мѣстности лежащей между Гаронной и Луарой, вдоль по берегу Атлантическаго океана, все народонаселеніе возстало для отмщенія за позорную смерть любимаго короля; большая часть городовъ южной Франціи: Бордо, Тулонъ, Марсель и Ліонъ тоже подняли оружіе противъ цареубійцъ; но Конвентъ вооружилъ всю націю, и пока три арміи спѣшили къ грани-

цамъ, внутри государства принимались кровавыя мѣры для подавленія возстаній. Но и парижскія власти были въ раздорѣ между собою; въ Конвентѣ поднялась *гора*, во главѣ которой стояли Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ, противъ *долины*, образованной Жирондистами, занимавшими нижнія скамейки. Съ помощію черни, партія *горы* одержала побѣду, Жирондисты, неуспѣвшіе спастись бѣгствомъ, погибли на эшафотѣ. За то и недостойный герцогъ Орлеанскій, который, чтобъ польстить Якобинцамъ, называлъ себя, citoyen Egalite (гражданинъ Равенства), палъ подъ гильотиной, потому что приверженцы хотѣли сдѣлать его королемъ. Для упроченія безопасности республики, Маратъ требовалъ 60,000 головъ на гильотину. Но онъ недолго злодѣйствовалъ: *Шарлотта Кордэ*, испросивъ у этого изверга аудіенцію, заколола его кинжаломъ въ ваннѣ. Затѣмъ, *Робеспьерръ* сталъ неистовствовать, съ неограниченнымъ могуществомъ, перехитривъ и погубивъ на гильотинѣ страшнаго Дантона. То было *правленіе ужаса*—террорь. Каждодневно влекли на эшафотъ сотни людей. Всякъ показывался на улицѣ не иначе, какъ одѣтый *санкюлотомъ*, въ полотняную блузу, съ краснымъ якобинскимъ колпакомъ на головѣ. Коляска и кареты исчезли; торговля и промышленность прекратилась. 7 ноября 1793 г., и *христіанская религія была отмѣнена*; церкви были разграблены, распятія и образа разбиты, священные сосуды превращены въ монету, колокола перелиты въ пушки. Велѣно было почитать одинъ *разумъ* и, въ качествѣ богини разума, торжественно возили по улицамъ оперную танцовщицу. Наконецъ, когда Робеспьерръ захотѣлъ положить руку еще на нѣкоторыхъ членовъ Конвента, они его предупредили, и, съ помощью народнаго возстанія, арестовали кровожаднаго тигра. Когда его вели на казнь, одинъ старикъ подошелъ къ нему и молвилъ: „Стало, есть еще Богъ!“

Послѣ этого, умѣреннѣйшіе члены Конвента взяли перевѣсъ; переполненныя тюрьмы были открыты; якобинскіе клубы заперты. Въ 1795 года, Національный Конвентъ учредилъ новое правленіе, съ болѣе-умѣренной народной властью, въ которомъ было два народныя собранія: *совѣтъ пятисотъ*, предлагавшій и составлявшій законы, и *совѣтъ старшинъ* (изъ 250 членовъ), который утверждалъ законы. Исполнительная власть поручена была пятерымъ директорамъ.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ.

1.

Наполеонъ Бонапарте родился, 15 мая 1769 г., въ *Аяччіо*, главномъ городѣ итальянскаго острова *Корсики*, незадолго передъ тѣмъ присоединеннаго къ Франціи. Отецъ его, корсиканскій дворянинъ, былъ небогатый адвокатъ; его мать, съ величайшей заботливостью, воспитывала восьмерыхъ дѣтей своихъ (пять сыновей и три дочери). По ходатайству намѣстника Корсики, Наполеонъ помѣщенъ былъ королевскимъ стипендіатомъ въ Бріеннскую военную школу, откуда и вышелъ офицеромъ. Еще мальчикомъ, менѣе 14-ти лѣтъ отъ роду, Наполеонъ уже былъ удивительно серьозенъ, презиралъ игры товаращей и искалъ уединенія. Въ немъ проявлялась рѣшительная склонность къ военнымъ наукамъ; онъ любилъ заниматься математикою, примѣняя ее къ военному дѣлу. Военныя науки, неминуемо, имѣли могущественное вліяніе на его характеръ: онѣ заставили его смотрѣть на людей, какъ на машинъ или какъ на враговъ, которыхъ надо перехитрить, одолѣть, или, по правиламъ мудрости,—уничтожать и истреблять. Побѣждать и властвовать съ раннихъ поръ сдѣлалось страстью Наполеона. Онъ для того лишь и сближался съ своими товарищами, чтобы вмѣстѣ съ ними и посредствомъ ихъ, вести войну въ маломъ видѣ,—а въ тоже время безпрестанно мечталъ онъ и о настоящей войнѣ: извѣстно, какъ онъ ссорилъ товарищей, какъ затѣвалъ маленькіе заговоры противъ учителей, какъ пріобрѣталъ отъ всего этого вліяніе надъ сверстниками. Замѣчательно и то, что онъ особенно сдружился съ двумя, отличавшимися тупоуміемъ, товарищами и такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они, въ благоговѣйномъ сознаніи его превосходства, служили слѣпыми орудіями для исполненія его плановъ.

Послѣ математики, больше всего занимала Наполеона исторія древняго міра. Смѣлыя, великія предпріятія древности возбуждали въ немъ сознаніе собственной нравственной силы, а каждый удавшійся подвигъ, каждая побѣда приводили его въ восторгъ,—насколько онъ былъ способенъ восторгаться. Особенно по-душѣ были ему герои Плутарха, за то Тацита

онъ не терпѣлъ и называлъ клеветникомъ Нерона. Впослѣдствіи, нравились ему мрачныя картины сѣвера, въ пѣсняхъ Оссіана. Примѣромъ для себя онъ избралъ Спартанцевъ, какъ въ перенесеніи всяческихъ трудовъ и невзгодъ, такъ и въ воинственности и сжатости рѣчи, сжатости, дѣлавшей иногда сомнительнымъ истинный смыслъ словъ. Подрожая спартанскимъ оборотамъ рѣчи, онъ, точно, пріобрѣлъ большой навыкъ выражать многое въ немногихъ словахъ и такъ еще, чтобы смыслъ этихъ словъ всегда заключалъ въ себѣ больше, чѣмъ могли понять слушатели.—Уже на 14-мъ году отъ роду, во всемъ существѣ его рѣзко отпечатался твердо-очертанный, самостоятельный (être carrè— какъ онъ самъ о себѣ говорилъ), замкнутый и могучій характеръ. Одинъ изъ учителей его высказалъ о немъ такое мнѣніе: „Корсиканецъ по рожденію и по характеру, онъ пойдетъ далеко, если обстоятельства будутъ благопріятны“.

Онъ, прежде другихъ, прошелъ курсъ въ Бріеннской школѣ и былъ отправленъ въ Парижъ для окончанія образованія. Спустя восемь мѣсяцевъ, онъ поступилъ артиллерійскимъ офицеромъ въ королевскую армію. При исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ отличался точностью и вообще ревностью къ службѣ. Когда вспыхнула революція, онъ принялъ сторону народа, а въ 1793 г., въ первый разъ отличился, направляя дѣйствія осадной артиллеріи противъ Тулона, занятаго въ то время Англичанами. Въ 1794 г., онъ былъ уже генераломъ; но, по низверженіи Робеспьерра, былъ арестованъ, какъ сторонникъ его принциповъ. Впрочемъ, онъ скоро получилъ свободу, но оставался безъ дѣла до 1795 г., когда Конвентъ поручилъ ему усмирить мятежныхъ гражданъ и онъ исполнилъ это, приказавъ стрѣлять въ нихъ картечью. Дѣло это показало, чего можно было ожидать и чего опасаться отъ молодаго генерала, ибо и тогда уже замѣчали въ немъ что-то грозное, что-то весьма пригодное для военныхъ цѣлей, и, въ обыкновенное время, заставлявшее сторониться отъ него. Впрочемъ, такимъ знали его только тѣ, кто былъ къ нему близокъ.

Директорія, ставшая во главѣ правленія, задумала уничтожить Австрію, могущественнѣйшаго врага своего на материкѣ. По плану Директоріи, въ сердце Австріи должны были проникнуть: генералъ ***Журданъ*** черезъ Франконію, ***Моро*** черезъ Швабію, а ***Бонапарте*** черезъ Италію,—чтобы потомъ, подъ стѣнами столицы, предписать императору

условія мира. Такимъ образомъ, Бонапарте былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянскою арміею.

2.

Главнокомандующему итальянскою арміею приходилось бороться съ величайшими затрудненіями: войско его было въ бѣдственномъ положеніи,—безъ денегъ, безъ одежды, безъ дисциплины и порядка; то было истинное скопище оборванцевъ. Но лишь явился Бонапарте, все перемѣнилось; духъ полководца, съ непреодолимой силой, овладѣлъ сердцами его солдатъ; бодрость и порядокъ водворились въ войскѣ; одушевленное новымъ мужествомъ, послѣдовало оно за своимъ вождемъ. Австрійскій генералъ Болье, посѣдѣвшій въ войнахъ, былъ разбитъ; испуганный король Сардинскій первый отсталъ отъ союза съ Австріей и попросилъ перемирія,—онъ получилъ его, но цѣною огромныхъ пожертвованій. Неудержимо стремился Наполеонъ все впередъ и впередъ. При *Лоди*, Австрійцы поставили, при входѣ на мостъ черезъ рѣку Адду, страшную батарею. Но Наполеонъ рѣшился на приступъ. По приказанію его, 3,000 гренадеръ, съ криками: „да здравствуетъ республика!" бросились въ штыки къ мосту. Смертоносный картечный огонь вырвалъ цѣлые ряды нападающихъ, оробѣвшіе гренадеры начали-было отступать, но вдругъ генералы *Бертье*, *Массена* и *Ланнъ* стали во главѣ колонны, перевели ее бѣгомъ черезъ мостъ, захватили пушки батареи, разбили и обратили въ бѣгство австрійское войско. Эта побѣда, одержанная 10 мая 1796 г., привела въ изумленіе и ужасъ всю Италію. Прежде всѣхъ поспѣшили просить мира герцоги Пармскій и Моденскій. Но миръ дорого достался имъ: они принуждены были заплатить громадную военную контрибуцію да выдать Бонапарте драгоцѣнныя картины и другіе памятники искусства, которые онъ отослалъ въ Парижъ, чтобы пріобрѣсть трофеями этими расположеніе тщеславныхъ и пристрастныхъ ко всякимъ зрѣлищамъ гражданъ столицы Франціи. Папа и король Неаполитанскій тоже просили мира и заплатили за него огромныя суммы денегъ. Императоръ Францъ отправилъ въ Италію генерала *Вурмзера* со свѣжими войсками; но не смотря на храбрость свою, и Вурмзеръ не смогъ остановить успѣховъ республиканскаго генерала и солдатъ его, вдохновен-

ныхъ энтузіазмомъ. Разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Вурмзеръ принужденъ былъ запереться въ Мантуѣ. Здѣсь защищался онъ, какъ левъ, и не терялъ мужества, не смотря на страшный недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. На выручку осажденныхъ, императоръ послалъ въ Италію новое войско, подъ предводительствомъ генерала *Альвинци*. Тогда, послѣ многихъ незначительныхъ стычекъ, произошло, 18 ноября 1796 г., генеральное сраженіе при дер. *Арколи*.

Деревня эта лежитъ на рѣчкѣ Альпонѣ, которая, протекая чрезъ пересѣченную болотами равнину, впадаетъ въ Эчъ (Адижъ). Мостъ на Альпонѣ находился подъ прикрытіемъ австрійской артиллеріи, стоявшей на другомъ берегу. За обладаніе мостомъ и деревней три для сряду бились почти съ нечеловѣческими усиліями. Цѣлыя колонны наступавшихъ республиканцевъ были уничтожены смертоноснымъ огнемъ Австрійцевъ. Нѣсколько разъ французскіе генералы бросались на мостъ съ своимъ войскомъ въ штыки и нѣсколько разъ были отброшены съ большимъ урономъ. Тогда Бонапарте, схвативъ знамя, съ крикомъ: „за мной!" бросился самъ, подъ градомъ ядеръ, на мостъ. Уже достигъ онъ середины моста и водрузилъ знамя въ знакъ побѣды, какъ явился новый отрядъ Австрійцевъ—и страшная свалка произошла на мосту. Передовые ряды Французовъ начали отступать, увлекая за собою отважнаго своего генерала. Въ суматохѣ, столкнули его съ моста и онъ увязъ по поясъ въ болотѣ. Австрійцы уже окружили-было его, когда гренадеры замѣтили опасность. Раздался общій крикъ: „впередъ! спасайте генерала!"—солдаты яростно ринулись на непріятеля, оттѣснили его за мостъ и спасли Наполеона. Въ то же время французская колонна показалась въ тылу Австрійцевъ; пораженное ужасомъ, австрійское войско отступило.

Эта кровопролитная битва рѣшила участь Мантуи. Истощивъ всѣ средства сопротивленія, Вурмзеръ сдался военно-плѣннымъ со всѣмъ своимъ 20-ти-тысячнымъ гарнизономъ. Австрія принуждена была заключить Кампо-формійскій миръ, по которому уступила Франціи Бельгію и итальянскія свои владѣнія, а взамѣнъ того получила бо́льшую часть Венеціанской Республики, которую Бонапарте отдалъ Австріи, еще прежде чѣмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ, т. е. онъ напередъ обѣщалъ ее Австріи, а потомъ уже завоевалъ. Изъ австрійскихъ владѣній въ Италіи

Бонапарте образовалъ Цизальпинскую-Республику съ главнымъ городомъ Миланомъ, а изъ Генуезской территоріи—Республику Лигурійскую.

3.

Увѣнчанный славою, покинулъ Наполеонъ мѣсто своихъ первыхъ блестящихъ побѣдъ и возвратился во Францію. Въ это время у Французской Республики оставался одинъ только врагъ, еще непобѣжденный,—могущественная владычица морей, Англія. Всѣ усилія Директоріи были направлены противъ этой державы, и 28 октября 1797 г. Бонапарте былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, собранной для борьбы съ Англіей. Во всѣхъ гаваняхъ сѣверныхъ береговъ Франціи начались грозныя приготовленія къ войнѣ. Множество войскъ было собрано возлѣ Канала. Всѣ французскія газеты возвѣщали высадку въ Англію, что немало озаботило лондонскихъ жителей и заставило ихъ принять сильныя мѣры къ оборонѣ. Пока готовились вооруженія на Каналѣ,—въ Тулонѣ и на итальянскомъ берегу тоже собирались корабли и войска. Съ апрѣля 1798 г. начали громко поговаривать, что эти приготовленія предназначаются противъ Египта, дабы двинуть армію въ Остъ-Индію и положить конецъ британскому владычеству въ Азіи.

Предпріятіе это казалось всѣмъ до того рискованнымъ и даже страннымъ, что никто не хотѣлъ и вѣрить ему. Однако, Директорія охотно поддерживала смѣлый планъ уже изъ-за того одного, чтобы удалить изъ Франціи страшнаго корсиканца съ храброй его арміей. 19 мая 1798 г. Бонапарте съ сорокатысячнымъ сухопутнымъ войскомъ отплылъ изъ Тулона на флотѣ, состоявшемъ болѣе чѣмъ изъ 400 кораблей. Попутный вѣтеръ быстро гналъ по великому водному пространству пловучій городъ. Всѣ солдаты были одушевлены мужествомъ и бодрой увѣренностью. Знаменитые генералы: Десе, Клеберъ, Мюратъ участвовали въ экспедиціи; тутъ были то же ученые и художники—они надѣялись сдѣлать драгоцѣнныя открытія на древней почвѣ прославленнаго чудесами Египта.

10 іюня флотъ показался передъ Мальтою. Почти неприступная, расположенная на скалѣ, крѣпость была взята безъ боя, черезъ измѣну французскихъ рыцарей, находившихся въ Мальтѣ. Оставивъ на островѣ

гарнизонъ въ 4,000 чел., Бонапарте поплылъ дальше. Между тѣмъ, англійскій адмиралъ Нельсонъ съ большимъ флотомъ крейсировалъ по Средиземному морю, гоняясь за Французами,—и только благодаря необыкновенно- счастливой случайности, проплыли они незамѣченными мимо англійскаго флота. 1 іюля Французы пристали къ берегу, близъ Александріи, въ Египтѣ. Въ ту минуту, какъ подплывали они къ твердой землѣ, показался вдали корабль, который приняли-было за непріятельскій. „О счастье!—воскликнулъ Наполеонъ: неужель ты покинешь меня? Еще пять дней—и все спасено.“ Счастье не измѣнило ему. Замѣченный вдали корабль былъ французскій. Бонапарте безпрепятственно высадилъ на берегъ войска, вслѣдъ затѣмъ взялъ приступомъ Александрію и быстро двинулся къ *Каиру*, столицѣ Египта. Для успокоенія туземнаго народа, онъ возвѣстилъ прокламаціей, что является въ Египетъ, какъ другъ султана, что идетъ войною на враговъ его, *Мамелюковъ*, что только и желаетъ освободить отъ нихъ страну. Но Порта не поддалась этимъ увѣреніямъ и объявила войну Наполеону. Французамъ пришлось бороться съ чрезвычайными трудностями: дорога въ Каиръ шла черезъ обширную, песчаную пустыню, гдѣ они подвергались безпрестанно нападеніямъ наѣздниковъ Мамелюковъ,—кто хоть нѣсколько отдѣлялся отъ войска, тотъ погибалъ непремѣнно; на быстрыхъ коняхъ своихъ Мамелюки налетали неожиданно и мгновенно исчезали. Но не смотря на всѣ труды и опасности, Французы шли бодро впередъ, даже шутили иногда и смѣялись; такъ, во время похода они тѣшились тѣмъ, что ословъ, навьюченныхъ поклажею ученыхъ, называли полуучеными. Всякій разъ, какъ при аттакѣ Мамелюковъ, генералъ командовалъ: „стройся въ каре! ословъ и ученыхъ въ середину!“—громкій смѣхъ раздавался въ рядахъ солдатъ.

21 іюля 1798 при восхожденіи солнца Французы увидали пирамиды. Изумленное войско само собою остановилось и привѣтствовало криками эти исполинскіе памятники глубокой древности. Замѣтивъ это, Бонапарте воскликнулъ съ энтузіазмомъ: „Французы! вы дадите сегодня битву повелителямъ Египта. Не забывайте, что съ высоты этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ взираютъ на васъ!“ Съ невиданнымъ дотолѣ мужествомъ, напали Французы на стоявшія у пирамидъ войска Мамелюковъ и одержали блистательную побѣду. Со времени этой побѣды Египтяне

неиначе называли Наполеона, какъ султаномъ Кабиромъ, т.-е. „отцомъ огня.“ Спустя нѣсколько дней, Каиръ отворилъ ему ворота.

4.

Межъ тѣмъ какъ Наполеонъ вступалъ въ столицу Египта, Нельсонъ настигъ-таки (1-го августа) французскій флотъ въ Абукирской гавани и тутъ произошла страшная морская битва. Бились ровно полтора сутокъ, — и наконецъ весь французскій флотъ былъ уничтоженъ. Англичане властвовали теперь надъ Средиземнымъ моремъ отъ Гибральтара до Александріи, Бонапарте былъ отрѣзанъ отъ Франціи; Турки и Англичане готовились напасть на него на Суэзскомъ-Перешейкѣ. Но онъ предупредилъ ихъ, прошелъ черезъ Суэзскій-Перешеекъ въ Сирію и Палестину и сталъ передъ крѣпостью Акрой. Тамъ, въ первый разъ, упорство его было сломлено. Болѣе двухъ мѣсяцевъ стоялъ онъ подъ крѣпостью; три дня сряду пытался взять ее приступомъ—и все было тщетно. Онъ принужденъ былъ отступить—и всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ покинулъ на жертву озлобленному непріятелю.

Онъ хорошо понималъ, что роль его въ Египтѣ — кончена. А между тѣмъ изъ писемъ, получаемыхъ имъ изъ Европы, онъ видѣлъ, что тамъ открывается поприще выгодное для его честолюбія. Съ тѣмъ же счастьемъ, какое провожало его въ Египетъ, онъ воротился во Францію. Не соблюдая строгихъ карантинныхъ правилъ, прямо съ берега отправился онъ въ Парижъ. Вся Франція, запутанная въ несчастную войну противъ Россіи и Австріи, отъ него одного ожидала спасенія и побѣды—и Директорія, слишкомъ слабая для великой своей задачи, вынуждена была уступить силѣ. Скоро Бонапарте склонилъ на свою сторону многихъ вліятельныхъ людей и, между прочими, хитраго Сійэса. Перепуганные Директоры подали въ отставку — и онъ получилъ отъ Сената (Совѣта Старшинъ) верховное начальство надъ всѣми военными силами Франціи. Уже и въ началѣ, многіе предчувствовали, къ чему поведетъ такая военная диктатура. Республиканская партія въ Сенатѣ и въ Пятисотенномъ Совѣтѣ рѣшилась дѣйствовать. Въ засѣданіи Пятисотеннаго Совѣта, въ Сенъ-Клу, раздавались голоса республиканцевъ: „Долой диктатора! поставить его внѣ закона!“ Бонапарте вошелъ въ залу засѣданія съ нѣсколькими гре-

надерами. Страшные крики встрѣтили его; кто-то схватилъ его за воротникъ; разсказываютъ даже, что нѣкоторые члены Совѣта бросились на него съ кинжалами. Только съ помощью гренадеровъ, избавился онъ отъ ярости враговъ. На дворѣ онъ собралъ солдатъ, и сказалъ имъ: „у меня есть враги; могули на васъ положиться?“ „Да здраствуетъ Бонапарте!“ отвѣчали солдаты. Тотчасъ же приказалъ онъ генералу Моро двинуться сомкнутой колонной въ залу и разогнать собраніе. Забили тревогу, разломали двери залы и по командѣ: „впередъ!“ гренадеры съ примкнутыми штыками заняли все протяженіе залы. Въ одну минуту всѣ члены собранія повыскакали изъ оконъ и дверей.

15-го декабря 1799 г. введена была въ дѣйствіе новая государственная конституція — четвертая въ теченіи десяти лѣтъ. Трое консуловъ были избраны на десять лѣтъ; первымъ консуломъ и собственно правителемъ сдѣлался Бонапарте. Отъ него зависѣли всѣ назначенія на военныя и гражданскія должности; онъ одинъ былъ главнокомандующимъ войска. Впрочемъ, пора уже было установить болѣе прочный порядокъ, а порядокъ этотъ могла поддержать только желѣзная рука властителя.

Франція возродилась, военное поприще открылось побѣдами. *Моро* перешелъ Рейнъ, самъ Бонапарте, какъ нѣкогда Аннибалъ, перешелъ въ Италію черезъ Большой Сен-Бернардъ; 5-го мая 1800 г. онъ выигралъ у Австрійцевъ большое сраженіе при *Маренго*. Послѣдствіемъ этой побѣды было завоеваніе всей Италіи. Когда же Моро одержалъ блистательную побѣду (3-го декабря) при *Гогенлинденѣ*, въ Германіи, и дошелъ до Линца, когда, съ другой стороны, русскій императоръ Павелъ отсталъ отъ союза противъ Франціи—императоръ Францъ, средства котораго были истощены десятилѣтней войною, былъ вынужденъ заключить въ 1801 г. миръ въ *Люневиллѣ* (въ Лотарингіи). По миру этому, Германія лишилась всего лѣваго берега Рейна; а всѣ нѣмецкіе князья въ вознагражденіе за то, что не помогали императору въ послѣдней войнѣ, получили отобранныя у духовенства (секуляризованныя) владѣнія.

Послѣ мира Бонапарте началъ неусыпно заботиться о внутреннемъ благосостояніи Франціи, объ уврачеваніи ранъ, нанесенныхъ ей революціею. Сообща съ папою Піемъ VI, онъ устроилъ церковныя дѣла и востановилъ торжество общественнаго богослуженія. Онъ возстановилъ

также школы для воспитанія юношества, возроставшаго въ невѣжествѣ; для поощренія же торговли проводилъ искусственные пути сообщенія и ввелъ вообще болѣе порядка въ общественное управленіе. Казалось, что онъ желаетъ пріобрѣсть такую же славу правителя, какую пріобрѣлъ какъ полководецъ. Панегиристы говорили о немъ, что съ величіемъ Александра онъ соединяетъ мудрость Солона. За великія заслуги отечеству, сенатъ назначилъ его (3-го августа 1802) консуломъ *на всю жизнь*. Въ то же время основанъ былъ орденъ Почетнаго Легіона для награды людямъ, чѣмъ бы то ни было оказавшимъ заслуги отечеству. Нетрудно было уже славолюбивому Бонапарте сдѣлать послѣдній шагъ къ единодержавію. Мнимый заговоръ противъ консула, участниками котораго были будто бы Пишегрю, завоеватель Голландіи, Жоржъ, Моро и принцъ Энгіенскій (внукъ принца Конде), подалъ ему легкій предлогъ къ достиженію цѣли. Пишегрю былъ заключенъ въ темницу, въ которой и умеръ, вѣроятно, отъ руки убійцъ; Жоржъ погибъ на гильотинѣ; Моро былъ изгнанъ; а принцъ Энгіенскій, коварно похищенный Французами изъ Германіи, разстрѣлянъ въ Венсенѣ, близъ Парижа, 20-го марта 1804 г.

Друзья всемогущественнаго Бонапарте безъ труда убѣдили народъ, что нельзя ожидать спокойствія, коли Бонапарте не сдѣлается монархомъ. Но королевскій титулъ былъ ненавистенъ для многихъ, поэтому Бонапарте долженъ былъ наименоваться императоромъ и въ этомъ санѣ возстановить великую французскую монархію *Карла Великаго*. Такое предложеніе польстило тщеславію Французовъ, а послушный сенатъ принялъ на себя предложить консулу императорскую корону. Когда поднесли ему рѣшеніе Сената, онъ сказалъ съ притворнымъ равнодушіемъ: „я принимаю титулъ, который Сенатъ считаетъ полезнымъ для славы націи, и надѣюсь, что Франція никогда не раскается въ чести, дарованной ею моему дому". 2-го декабря 1804 папа Пій VI торжественно и съ необычайнымъ великолѣпіемъ короновалъ его въ церквѣ Парижской Богоматери императоромъ, подъ именемъ Наполеона I.

Такимъ образомъ круговоротъ революціи, исходя отъ одной монархіи, довелъ до другой, почти также какъ было это и въ древнемъ Римѣ. Празднества всякаго рода, устроенныя съ восточной пышностію, возбуждали народъ радоваться окончанію грезъ его о свободѣ. Вскорѣ за тѣмъ ***итальянская республика*** избрала Бонапарте наслѣдственнымъ ко-

ролемъ Италіи. 26-го мая 1805 г. возложилъ онъ на свою голову желѣзную корону Лангобардовъ, промолвивъ при этомъ: „Богъ даровалъ мнѣ эту корону; горе тому, кто ея коснется!“

6.

Казнь принца Энгіенскаго, произволъ, съ какимъ Наполеонъ обращался съ государями и народами, побудили прежнихъ враговъ Франціи снова вооружиться — уже противъ ея императора. Душой союза былъ неугомонный англійскій министръ *Питтъ*. Русскій императоръ *Александръ*, наслѣдовавшій Павлу, приступилъ къ коалиціи; напротивъ того, нѣкоторыя нѣмецкія государства: Баварія, Баденъ и Виртембергъ пристали къ Французамъ. Наполеонъ быстро переправился черезъ Рейнъ, обошелъ австрійскаго главнокомандующаго, заперъ его въ *Ульмѣ* и и принудилъ сдаться съ 24,000 войска (1805 г.). Наполеонъ стремительно велъ походъ: не обнаживъ меча, вступилъ онъ въ Вѣну, потомъ обратился въ Моравію, гдѣ соединились русскія и австрійскія войска. Оба императора, Францъ и Александръ, находились при войскахъ своихъ. 2-го декабря 1805 г. произошло при *Аустерлицѣ* рѣшительное сраженіе, въ которомъ союзныя войска были совершенно разбиты. Сокрушенный горемъ и заботами, императоръ Францъ принужденъ былъ заключить Пресбургскій миръ, по которому Австрія лишилась Венеціи, всего Тироля и владѣній въ Швабіи. Таковы были бѣдственныя послѣдствія для жалкой германской имперіи „битвы трехъ императоровъ,“ какъ называлъ Наполеонъ Аустерлицкое сраженіе въ высокопарномъ своемъ бюллетенѣ. Для довершенія же позора Германіи, Наполеонъ основалъ *Рейнскій Союзъ*, по которому шестнадцать нѣмецкихъ князей отреклись отъ императора и отъ имперіи, *признали Наполеона протекторомъ* (покровителемъ) и обязались выставлять Наполеону, для всякой войны его, 63,000 вспомогательныхъ войскъ. Тогда Францъ сложилъ съ себя неимѣвшій болѣе смысла титулъ германскаго императора, и съ 6-го августа 1806 г. сталъ именоваться императоромъ австрійскимъ. Такъ кончилась германская имперія, существовавшая тысячу лѣтъ.

Съ той поры Наполеонъ не зналъ границъ своей гордынѣ; какъ дешевые товары раздавалъ онъ владѣнія и короны своимъ генераламъ

родственникамъ. Король Фердинандъ Неаполитанскій дозволилъ англійскимъ и русскимъ войскамъ высадиться въ его королевствѣ: тотчасъ Наполеонъ лаконически выразился: „Фердинандъ пересталъ царствовать", и большое войско подъ предводительствомъ Массены, „сына побѣды", и Наполеонова брата, *Іосифа Бонапарте*, исполнило приговоръ властителя. Фердинандъ бѣжалъ за море въ Палермо, а 30-го марта 1806 г. Наполеонъ назначилъ королемъ Неаполитанскимъ брата своего Іосифа. Чтобы пристроить другаго брата, *Лудовика*, Наполеонъ такъ подстроилъ дѣла, что Батавская республика (Нидерланды) выпросила себѣ Лудовика въ короли (въ іюнѣ 1806 г.). *Мюратъ*, бывшій прежде поваромъ, а впослѣдствіи сдѣлавшійся зятемъ императора, получилъ герцогство Бергское и Клэвское; маршалъ *Бертье* былъ сдѣланъ герцогомъ Нёфшательскимъ.

7.

Съ неограниченной властію распоряжался Наполеонъ государями и народами въ Германіи. Воля его сдѣлалась закономъ; кто отваживался выражать другое мнѣніе, того непремѣнно достигала Наполеоновская инквизиція и карала, какъ государственнаго измѣнника. Нюренбергскій книгопродавецъ *Пальмъ* распространялъ, не имъ, впрочемъ, написанную брошюру: „объ униженіи Германіи". За это внезапно схватили его французскіе жандармы, и онъ былъ разстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона.

Одна только Англія счастливо выдерживала тяжелую борьбу. Адмиралъ *Нельсонъ* вторично разбилъ и уничтожилъ французскій флотъ, близъ мыса *Трафальгара*. Къ счастью для Наполеона, умеръ непримиримый врагъ его, великій *Питтъ*, а отъ преемника Питта можно было ожидать выгоднаго мира. Для достиженія этого мира, и чтобы сдѣлать угодное Англіи, надо было уничтожить Пруссію, до тѣхъ поръ спокойно взиравшую на раздробленіе германской имперіи, на униженіе Австріи. Прусскій король, *Фридрихъ Вильгельмъ II*, много заботился о сохраненіи мира для своего народа; поэтому онъ согласился на предложеніе Наполеона, въ замѣнъ уступки Аншпаха, Клэве и Берга, принять въ свое владѣніе *Ганноверъ*. Но вдругъ Наполеонъ предложилъ воз-

вратить Англичанамъ этотъ же самый Ганноверъ: тогда королю Прусскому не оставалось ничего другаго, какъ объявить войну Франціи. Пруссія стояла одна противъ завоевателя, только курфирстъ Саксонскій выслалъ ей 22,000 вспомогательныхъ войскъ. Борьба была не равная. Притомъ, прусскіе генералы были по бóльшей части люди весьма пожилые и мало знакомые съ новыми способами веденія войны, а молодые офицеры были неопытны и заносчивы. Отъ всего этого и случилось несчастіе. Быстро, форсированными маршами, двинулась главная армія Наполеона въ Турингію. Войско Пруссаковъ, раздѣленное на два корпуса, стояли подъ *Ауерштедтомъ* и подъ *Іеной*; первый корпусъ, подъ начальствомъ стараго герцога *Брауншвейгскаго*, второй подъ начальствомъ князя фонъ-*Гогенлоге*. Не успѣли они оглянуться, какъ непріятель стоялъ уже у нихъ въ тылу. 14-го октября произошла двойная битва при Іенѣ и при Аерштедтѣ. Въ этотъ бѣдственный день король потерялъ болѣе 50,000 солдатъ. Безпримѣрны были смятеніе и безпорядокъ. Принцъ Гогенлоге, настигнутый во время бѣгства, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 17,000 войска. Съ постыдной трусостію коменданты крѣпостей *Эрфурта*, *Магдебурга*, *Шпандау*, *Штетина* и *Кюстрина* передали ихъ Французамъ.

На третій день послѣ битвы курфирстъ Санконскій разстался съ товарищемъ по несчастію; онъ приступилъ къ Рейнскому Союзу и, въ награду за это, получилъ отъ Наполеона титулъ короля. Печальна была судьба герцога Брауншвейгскаго, предводителя прусскихъ войскъ при Ауерштедтѣ. Тяжело раненный, бѣжалъ онъ въ свою резиденцію, и оттуда отправилъ пословъ къ Наполеону, просить у него пощады. Но разгнѣванный императоръ отвѣчалъ: „я не знаю никакого герцога Брауншвейгскаго, а знаю только прусскаго генерала этого имени“. Больной, лишенный зрѣнія, преслѣдуемый, старый герцогъ принужденъ былъ выѣхать въ Альтону, гдѣ и умеръ въ печальномъ изгнаніи.

8.

Остатки прусскаго войска соединились, по ту сторону Одера, съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь русскими войсками; 7-го и 8-го февраля 1807 г. произошла кровопролитная битва при *Прейсишь-Эйлау*

Обѣ стороны похвалялись побѣдою, и обѣ отступили съ поля сраженія. Наполеонъ издалъ прокламацію къ жителямъ Польши, возбуждая ихъ къ возстанію противъ старинныхъ ихъ притѣснителей и обѣщая возстановить королевство Польское. Радостно поднялся народъ польскій на призывъ этотъ. 14-го іюня 1807 г. произошло, при *Фридландѣ*, кровопролитное сраженіе, въ которомъ Наполеонъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ русскими и прусскими войсками. Тогда императоръ Александръ сталъ просить перемирія и мира. Наполеонъ согласился на то и на другое. Оба императора и король прусскій съѣхались на рѣкѣ Нѣманѣ для личныхъ переговоровъ. Дальнѣйшіе переговоры повели они въ *Тильзитѣ*. Туда явилась и королева *Луиза* прусская, типъ красоты и величія. Она хотѣла вымолить у грознаго побѣдителя почетный миръ, пощаду для народа и для государства. Но Наполеонъ остался непоколебимъ. Пруссія лишилась всѣхъ владѣній между Эльбой и Рейномъ, а сверхъ того, потеряла и польскія свои области съ городомъ Данцигомъ; польская страна получила названіе великаго герцогства Варшавскаго и почти вся была предоставлена королю Августу Саксонскому, часть прусской Польши получила Россія. Изъ странъ, лежащихъ между Рейномъ и Эльбой, изъ Ганновера, Брауншвейга и Гессенъ-Касселя, Наполеонъ составилъ Вестфальское королевство для младшаго своего брата Іеронима. Такимъ образомъ миніатюрная Франція образовалась въ самомъ сердцѣ Германіи.

Обрѣзанная въ своихъ владѣніяхъ, окруженная государствами, державшими сторону Франціи, Пруссія была совершенно подавлена. Въ это тяжелое время король Фридрихъ-Вильгельмъ, полагаясь на нравственную крѣпость и вѣрность своего народа, поддерживаемый благородными патріотами, предпринялъ ввести рѣшительныя улучшенія въ государственномъ управленіи и въ войскѣ. Онъ назначилъ первымъ министромъ барона *Штейна*, который подвергъ все старое пересмотру и преобразованію. Привиллегія дворянства владѣть исключительно рыцарскими имѣніями была отмѣнена; среднее сословіе и крестьяне получили право пріобрѣтать такія имѣнія. Принужденіе нести службу прекращено. Крестьяне получили свободу. Превосходное *городовое устройство* возвратило среднему сословію древнія, муниципальныя права его, тѣ права, которыя сдѣлали его столь великимъ и сильнымъ. Каждая город-

ская община получила право избирать своихъ представителей. Въ подобномъ же духѣ преобразовано было и войско, — тутъ помогалъ королю совѣтомъ и дѣломъ генералъ *Шарнгорстъ*. Между прочимъ, отмѣнено было позорное наказанie палками. Возрожденie чувства чести вызвало къ новой жизни чувство народности; солдатъ, сознавая въ себѣ гражданина, а не раба, какъ прежде, сражался съ охотой и любовью, между тѣмъ, какъ нѣкогда бился онъ только по принужденiю. Скоро народъ понялъ чего ему не доставало. Нѣсколько человѣкъ, одушевляемыхъ любовью къ отечеству, съ цѣлiю усилить эту любовь, основали къ Кенигсбергѣ, въ Пруссiи, *ферейнъ* (т. е. клубъ), который, подъ названiемъ *тугендбунда* (союза добродѣтели), вскорѣ распространился по всей Пруссiи. Фонъ-Штейнъ былъ душою всѣхъ этихъ стремленiй, но Наполеонъ провѣдалъ объ этомъ, и Штейнъ былъ вынужденъ выдти въ отставку и даже удалиться изъ Германiи, потому что императоръ подвергъ его опалѣ, какъ возмутителя народа.

На мѣсто Штейна, поступилъ фонъ-*Гарденбергъ*, такой же, какъ Штейнъ, горячiй патрiотъ и ревностный врагъ чужеземнаго владычества. Онъ былъ счастливѣе своего предмѣстника, ибо успѣлъ обмануть недовѣрчивость Французовъ и могъ безпрепятственно продолжать дѣятельность свою по части улучшенiй. Умственное и нравственное образованiе проникало все могущественнѣе во всѣ сословiя народа, между тѣмъ какъ отдѣльныя благородныя личности, исполненныя пламенной любви къ родинѣ, какъ напр. Эрнестъ Морицъ *Арндтъ* и Лудовикъ *Янъ*,—образовывали возрастающее поколѣнie. Устроены были гимнастическiя заведенiя, гдѣ юношество упражнялось въ верховой ѣздѣ, питалось благороднымъ ученiемъ о свободѣ и нравственности, и прiобрѣтало мужество и воинственность.

Какъ въ Пруссiи, такъ и во многихъ другихъ германскихъ государствахъ, *нацiональное чувство* пробудилось подъ гнетомъ тяжелаго уничиженiя и вызвало негодованiе противъ чужеземнаго владычества.

9.

Въ 1808 г. Наполеонъ силою и хитростiю свергнулъ съ испанскаго престола Бурбоновъ и сдѣлалъ королемъ Испанiи брата своего,

Іосифа. Тогда возсталъ испанскій народъ и повелъ страшную войну противъ чужеземнаго войска. Наполеонъ узналъ, наконецъ, что такое *сила народа*. Онъ лично отправился въ Испанію, чтобы дать болѣе благопріятный оборотъ дѣлу. Между тѣмъ императоръ австрійскій приготовился къ войнѣ. Ободренный примѣромъ Испаніи, гдѣ военное искуство Наполеона сокрушилось о непоколебимую вѣрность народа, императоръ Францъ призвалъ весь народъ свой къ борьбѣ. Эрцгерцогъ *Карлъ* издалъ прокламацію ко всей нѣмецкой націи; въ ней говорилъ онъ: „Мы сражаемся за возстановленіе независимости и народной чести Германіи. Наше дѣло есть дѣло всей Германіи. Только тотъ изъ Нѣмцевъ врагъ нашъ, кто самаго себя забываетъ". Многія другія прокламаціи то же взывали къ германскимъ племенамъ: „Германцы! возстаньте изъ смертнаго сна безчестія! Неужели ваше имя сдѣлается посмѣшищемъ для всѣхъ вѣковъ?" Наполеонъ приказалъ князьямъ Рейнскаго Союза двинуть войска свои противъ Австріи; Пруссія находилась еще подъ гнетомъ Франціи, и Наполеонъ, поспѣшно возвратившись изъ Испаніи, разбилъ австрійское войско. 10-го мая 1809 г. онъ вступилъ въ Вѣну и расположился въ императорской резиденціи Шёнбруннѣ.

Эрцгерцогъ Карлъ двинулъ свое войско, изъ Богеміи къ Дунаю, на освобожденіе Вѣны. Наполеонъ выступилъ противъ него. Близъ селеній *Асперна* и *Эслингена* произошла битва, продолжавшаяся два дня. Съ той и съ другой стороны сражались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Иные клики служили какъ бы отголоскомъ классической древности; такъ на вызовъ скакавшей большими массами конницы Наполеона: „долой оружіе!" австрійская пѣхота, непоколебимо сомкнутая рядами, гордо и мужественно отвѣчала: „возьмите!" Обаяніе непобѣдимости Наполеона было разсѣяно: въ первый еще разъ онъ потерпѣлъ пораженіе и съ трудомъ спасся на островѣ *Лобау*, лежащемъ на Дунаѣ. Храбрый маршалъ *Ланнъ* остался на мѣстѣ сраженія; *Массена*, *Бессьэръ* и многіе генералы были ранены. Французское войско непремѣнно погибло бы, еслибъ подоспѣло ожидаемое эрцгерцогомъ Карломъ подкрѣпленіе. Но подкрѣпленіе не пришло; Наполеонъ выигралъ время для сбора своего войска, и при *Ваграмѣ* разбилъ Австрійцевъ. По *Шёнбруннскому* миру Австрія потеряла опять 2058 квадр. миль изъ своихъ владѣній и три съ половиной милліона подданныхъ.

Увѣнчанный новыми лаврами, Наполеонъ возвратился въ Парижъ. Вскорѣ затѣмъ, онъ развелся съ достойной любви супругой своей, *Жозефиной*, не давшей ему наслѣдника престола, и сталъ просить руки *Маріи Луизы*, дочери австрійскаго імперетора, котораго лишилъ онъ половины его владѣній. Въ надеждѣ на миръ, сокрушенный императоръ долженъ былъ принести и эту жертву, свадьба была отпразднована въ Парижѣ 2 апрѣля 1810 г. съ необыкновенной пышностію.

10.

Всемогущій Наполеонъ стоялъ на недосягаемой высотѣ: одной рукою онъ угрожалъ изнемогшимъ врагамъ своимъ, другой захватывалъ области и цѣлыя государства. Съ престола Голландіи согналъ онъ благомыслящаго брата своего Лудовика за то, что тотъ не хотѣлъ содѣйствовать угнетенію своихъ подданныхъ — Голландія была присоединена къ Франціи; всю сѣверозападную Германію, при устьяхъ Везера, Эмса и Эльбы, съ старинными ганзейскими городами: Бременомъ, Любекомъ и Гамбургомъ, отхватилъ въ свою власть, черезъ что Нѣмцы лишились великихъ своихъ рѣкъ, морскаго берега и морской торговли; папу изъ Рима увлекъ насильственно, присоединилъ римскую область къ Франціи и назначилъ римскимъ королемъ первенца своего сына. Могло ли чтонибудь противиться сильному властителю? Русскій императоръ былъ его союзникомъ, Пруссія и Австрія были обезсилены, Англія не могла ничего предпринять противъ него на твердой землѣ.

Зато, па морѣ Англичане были страшными врагами Наполеону. Они уничтожили всю морскую силу его и всю торговлю на морѣ. Какъ только французскій корабль выходилъ изъ гавани, Англичане тотчасъ захватывали его. Британцы и Испанцы, продолжавшіе храбро защищать свою свободу, казались единственными помѣхами для плановъ Наполеона. Онъ употреблялъ всѣ средства свергнуть Англію съ высоты, на которой она стояла. Страна эта была богата и могущественна черезъ торговлю, поэтому Наполеонъ задумалъ уничтожить торговлю ея, — и заперъ англійскимъ кораблямъ всѣ гавани Европы. Когда контрабандисты тайкомъ привозили англійскіе товары, Наполеонъ принуждалъ государей отъискивать эти товары и сожигать ихъ. Наполеону удалось уговорить Россію

приступить къ этой, такъ-называемой, „континентальной системѣ;“ Швецію же онъ принудилъ къ тому. Императоръ Александръ увидалъ скоро какіе неисчислимые убытки несутъ его подданные отъ запрещенія Англичанамъ торговать въ Россіи—и смягчилъ принятыя противъ нихъ мѣры. Этимъ Наполеонъ очень оскорбился. Въ свою очередь оскорбилъ и онъ Александра, отнявъ владѣнія у его родственника, герцога Ольденбургскаго. Судьба влекла Наполеона къ роковому жребію,—онъ захотѣлъ помѣряться еще разъ съ императоромъ Александромъ, для того чтобы сломить окончательно силу Россіи и затѣмъ уже властвовать въ Европѣ на всей своей волѣ.

Наполеонъ сосредоточилъ всѣ силы своего государства для этой исполинской борьбы. Сборнымъ мѣстомъ для подвластныхъ ему народовъ онъ избралъ Польшу. Къ 480,000 чел. Французовъ и Италіанцевъ повелѣлъ онъ присоединить 100,000 союзныхъ нѣмецкихъ войскъ; Пруссія и Австрія принуждены были выставить каждая по 30,000 чел., для прикрытія фланговъ главной арміи Наполеона. Съ войскомъ болѣе чѣмъ въ полмилліона Наполеонъ перешелъ 24 и 25 іюня 1812 г. черезъ пограничную рѣку *Нѣманъ* и раздѣлилъ „великую армію“ на два войска: одно, подъ предводительствомъ маршаловъ *Макдональдо* и *Удино*, выслалъ онъ на Петербургъ, другое лично повелъ на Москву.

Итакъ, одновременно, онъ угрожалъ обѣимъ столицамъ Россіи. Но Петербургъ былъ спасенъ мужественными и искусными дѣйствіями генерала *Витгенштейна*; за то, Москвѣ предстояла страшная участь непріятельскаго нашествія.

Русское войско, противупоставленное арміи самого Наполеона, сначала было тоже раздѣлено на двѣ арміи, подъ начальствомъ генераловъ *Барклая-де-Толи* и *князя Багратіона.* Обѣ арміи эти постоянно отступали передъ стремительно-наступавшимъ непріятелемъ. Наполеонъ хотѣлъ, не допустивъ ихъ до соединенія, по-одиночкѣ разбить; но несмотря на всѣ его усилія, русскія арміи, послѣ многихъ сраженій, изъ которыхъ особенно замѣчательно кровопролитное сраженіе подъ Смоленскомъ, окончательно соединились. Тѣмъ не менѣе, русское войско, поступившее подъ начальство одного уже Барклая-де-Толли, продолжало отступать. Планъ русскаго вождя состоялъ въ томъ, чтобы, не рискуя въ одну битву съ могучимъ непріятелемъ потерять все войско или осла-

бить его совершенно,—заманивать отступленіемъ Наполеона въ глубь страны, черезъ что должны были неминуемо ослабляться силы и средства непріятеля. Между тѣмъ, войско русское, народъ русскій громко роптали, видя это постоянное отступленіе и не понимая его цѣли; къ ропоту даже примѣшивались глухія и несправедливыя обвиненія въ измѣнѣ,—и, удовлетворяя требованіямъ общественнаго мнѣнія, императоръ Александръ назначилъ новаго главнокомандующаго, фельдмаршала князя *Кутузова-Смоленскаго*.

Вскорѣ по прибытіи арміи, Кутузовъ перешелъ къ наступательному движенію и рѣшился дать сраженіе при с. *Бородинѣ*. То была страшная битва: болѣе ста тысячъ человѣкъ выбыло изъ строя съ обѣихъ сторонъ; Французы называютъ Бородинское сраженіе *битвой генераловъ*,—такъ много было убито и ранено ихъ въ этомъ сраженіи. Побѣда осталась нерѣшенною оттого, что Наполеонъ, ошеломленный грознымъ ходомъ боя, не рѣшился ввести въ дѣло свои резервы,—но русская армія, чрезвычайно-ослабленная громадными потерями, опять отступила къ Москвѣ. Войско, народъ, почти всѣ генералы русскіе, ждали *новой*, рѣшительной, *послѣдней* битвы, подъ стѣнами древней столицы Россіи, ждали потому, что не могли допустить мысли оставить безъ боя Москву непріятелю,—но патріотическимъ ожиданіямъ этимъ не суждено было осуществиться. На военномъ совѣтѣ, въ подмосковномъ селѣ *Филяхъ*, Барклай-де-Толи подалъ мысль оставить Москву—Кутузовъ согласился съ нимъ, отступилъ фланговымъ движеніемъ на Калужскую дорогу, до с. Тарутина, и тѣмъ прикрылъ южныя, хлѣбородныя губерніи. Такъ рѣшена была участь Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшилась судьба великой войны и самого неугомоннаго завоевателя.

Наполеонъ думалъ, что, со вступленіемъ его въ Москву, война будетъ кончена, что онъ заключитъ тамъ миръ на всей своей волѣ,—но страшно ошибся онъ въ своемъ разсчетѣ! 14 сентября (н. с.), онъ вступилъ безпрепятственно въ обширную и славную столицу Россіи. Къ великому изумленію его, не высыпали къ нему на встрѣчу толпы любопытнаго народа, какъ бывало въ другихъ, завоеванныхъ имъ, столицахъ. Мрачная тишина царствовала по всѣмъ улицамъ, словно на кладбищѣ, посреди могилъ. Почти всѣ жители бѣжали изъ Москвы и вывезли съ собой имущество, кто сколько могъ; оставшіеся въ городѣ—скрывались

внутри домовъ. Императоръ расположился въ Кремлевскомъ дворцѣ—и вдругъ предстало предъ нимъ страшное зрѣлище: Москва загорѣлась во многихъ мѣстахъ. Поднявшаяся буря разнесла пламя во всѣ концы,—скоро весь громадный городъ обратился въ огненное море. Напрасны остались всѣ старанія потушить пожаръ. Высоко воздымавшееся пламя возвѣщало всему міру, что начался судъ надъ горделивымъ, грознымъ деспотомъ!—Войско Наполеона принуждено было расположиться лагеремъ, частью на выгорѣвшихъ до-тла пустыряхъ города, частью же вокругъ его. Толпами бросались французскіе солдаты на дымящіяся развалины и отыскивали тамъ добычи. Вскорѣ, однако, кусокъ хлѣба сталъ для нихъ цѣннѣе, чѣмъ слитки золота.

Сожженіе Москвы разстроило весь планъ Наполеона. Войско его не имѣло ни жизненныхъ припасовъ, ни одежды, необходимой на зимнее время, ни даже крова. Окруженный отвсюду врагами, отдѣленный громаднымъ пространствомъ отъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было бы получать подкрѣпленія людьми, жизненными припасами и военными снарядами, Наполеонъ видѣлъ, что нельзя ему зимовать въ Москвѣ. Отправлялись ли Французы на фуражировку,—на нихъ нападали казаки и простой народъ, дикая ненависть котораго къ вторгнувшимся чужеземцамъ, *нехристямъ* была возбуждена до высшей степени. Между тѣмъ приближалось суровое время года; миновала уже половина октября. Наполеонъ предлагалъ-было миръ, но ему отвѣчали, что война только-что начинается. Наконецъ, онъ рѣшился двинуться въ обратный путь (19 октября) и попытался-было прорваться въ южныя губерніи Россіи, гдѣ могъ бы найдти обильныя средства для содержанія своихъ войскъ; но это не удалось ему: послѣ кровопролитной битвы при Маломъ Ярославцѣ онъ принужденъ былъ начать отступленіе по той же трудной и дальней дорогѣ, по которой достигъ до Москвы, все черезъ тѣ же, и вообще скудныя мѣста, которыя были уже до-тла разорены недавнимъ движеніемъ громадныхъ войскъ, грабежами французскихъ фуражировъ, погромомъ отъ русскихъ партизановъ, наконецъ, самими жителями, не хотѣвшими, чтобы запасы ихъ доставались въ руки врагамъ.

Ужасно было это отступленіе! Само небо казалось въ союзѣ съ Русскими; наступила необыкновенно ранняя, жестокая зима и настигла Французовъ на ихъ возвратномъ пути. Люди и лошади падали, истощенные

голодомъ и холодомъ, и снѣгъ, бѣлымъ саваномъ, покрывалъ павшія жертвы; вся дорога черезъ пустынныя равнины, усѣялась трупами людей и лошадей, обломками орудій, багажемъ. Многіе замерзали въ полѣ, вокругъ разложенныхъ огней, другіе были избиваемы казаками. Русская армія, преслѣдовавшая Французовъ, высылала противъ нихъ безпрестанно летучіе отряды казаковъ и легкой кавалеріи — и того было довольно для совершеннаго разстройства *великой арміи*: ежедневно гибли цѣлые ея отряды. И нигдѣ не пришлось отдохнуть несчастнымъ Французамъ, впереди тоже не предвидѣлось отдыха; напротивъ, надо было спѣшить, во что бы ни стало, отступленіемъ: русскія арміи, подъ начальствомъ адмирала *Чичагова* и генерала Витгенштейна, спѣшили къ р. *Березинѣ*, на перерѣзъ великой арміи,—тутъ грозила ей конечная гибель. 27-го ноября Наполеонъ достигъ рѣки Березины, черезъ которую наскоро навели два моста. Страшная давка произошла на этихъ мостахъ, — ибо Русскіе слѣдовали по пятамъ и производили непрерывный картечный огонь по густымъ толпамъ французскаго войска. Всякій спѣшилъ спастись, пока спасеніе было *еще возможно*. Иные изъ столпившихся на мосту сталкивали товарищей своего бѣдствія въ воду, чтобы только самимъ поскорѣе перебраться черезъ мостъ: многіе тутъ же были раздавлены колесами повозокъ и лафетовъ: другіе пытались достигнуть противуположнаго берега на пловучихъ льдинахъ—и погибали въ волнахъ. Наконецъ, мостъ подломился: переправа стала невозможна; всѣ, неуспѣвшіе перебраться на другой берегъ, были отрѣзаны и взяты въ плѣнъ. Французы потеряли при Березинѣ болѣе 30,000 человѣкъ.

5 декабря Наполеонъ покинулъ войско. Какъ нѣкогда Ксерксъ бѣжалъ изъ Греціи на утлой ладьѣ, такъ и Наполеонъ, не дождавшись жалкихъ остатковъ своей великой арміи, въ плохихъ санишкахъ спѣшилъ во Францію по снѣжнымъ равнинамъ Россіи, чтобы наскоро набрать новое войско. Главное начальство надъ уцѣлѣвшими остатками арміи онъ поручилъ Мюрату, королю Неаполитанскому. Съ той поры не стало уже вовсе порядка и дисциплины; солдаты, офицеры, генералы бѣжали куда попало; всякій думалъ только о своемъ спасеніи. Самая незначительная часть конницы имѣла еще лошадей. Голодные солдаты бросались на павшихъ животныхъ и пожирали ихъ съ жадностію. Когда

падалъ солдатъ, товарищи кидались на него, чтобы оставшеюся послѣ него одеждою обернуть себѣ руки и ноги. Часто, когда окоченѣвшіе отъ стужи солдаты разводили огонь, вдругъ раздавался устрашающій крикъ: „казаки! казаки!“ и бѣдняки напрягали послѣднія силы свои къ бѣгству. Погибло болѣе 300,000 человѣкъ и 100,000 лошадей: жалкіе остатки великой арміи, оборванные и нищіе, пришли въ Германію. Такъ окончился столь гордо начатый походъ завоевателя.

11.

Генералъ *Іоркъ*, стоявшій съ прусскими вспомогательными войсками у Нѣмецкаго моря, узнавъ объ отступленіи Наполеона, 30 декабря заключилъ съ Русскими договоръ, въ силу котораго всѣ находившіяся подъ его командою войска были объявлены нейтральными и заняли позицію между Мемелемъ и Тильзитомъ. Князь Шварценбергъ сдѣлалъ тоже самое въ отношеніи австрійскихъ войскъ. Эти двѣ мѣры много содѣйствовали къ измѣненію порядка вещей въ Германіи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, за которымъ Наполеонъ всегда подозрительно наблюдалъ и которому грозилъ постоянно, проникнутый духомъ всего нѣмецкаго народа, принялъ внезапное рѣшеніе: въ январѣ 1813 г. онъ отправился изъ Берлина въ Бреславль, заключилъ тамъ союзъ съ русскимъ императоромъ Александромъ и издалъ знаменитое „Воззваніе къ моему народу,“ которое глубоко тронуло всѣхъ Пруссаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ. Воззваніе заключалось словами: „Богъ и твердая воля даруютъ побѣду нашему доброму дѣлу, а вмѣстѣ съ побѣдой возвратятся для насъ лучшія времена.“ Прусскій народъ, раздѣлявшій мысли и чувства короля, возсталъ съ восторгомъ. Юноши и пожилые люди добровольно спѣшили стать въ ряды войска, съ рѣшимостью биться за высочайшія блага свои: за честь и свободу, за короля и отечество. Никого не надо было приневоливать къ военной службѣ: люди всѣхъ сословій: пасторы, школьные учители, студенты, дворяне, горожане и поселяне радостно становились подъ знамена; у всѣхъ была одна цѣль—свергнуть съ себя постыдное иго Французовъ. Горожане и крестьяне образовали ландверъ (земское ополченіе), и вождей ихъ король уровнялъ въ чести и достоинствѣ съ прочими предводителями войска. Такъ какъ де-

нежныя средства государства были истощены, народъ добровольно принялъ на себя налоги; самые бѣдные клали на алтарь отечества сбереженную копейку. Женщины и дѣвушки продавали свои украшенія; нѣкоторыя изъ нихъ стригли даже себѣ косы и вырученныя за нихъ деньги приносили въ даръ отечеству.

Пруссія отважно сдѣлала первый шагъ въ общемъ дѣлѣ всего нѣмецкаго отечества; Австрія держала себя пока нейтрально; весь Рейнскій Союзъ, въ особенности же Саксонія, король которой считалъ себя обязаннымъ благодарностію Наполеону, держались еще за иноземное владычество. Между тѣмъ, Наполеонъ съ необычайными усиліями собралъ новое войско, наскоро обучилъ его и вывелъ въ поле. Онъ все еще надѣялся на свое военное искусство, на обаяніе своего имени. Первое генеральное сраженіе произошло при *Люценѣ* и *Гроссгершенѣ*. Наполеонъ побѣдилъ, но союзники отступили за Эльбу въ отличномъ порядкѣ. Второе сраженіе было при *Бауценѣ*; опять побѣдилъ Наполеонъ, но Пруссаки и Русскіе такъ местерски отступили, что непріятель не осмѣлился ихъ преслѣдовать.

Наполеонъ заключилъ перемиріе, продолжавшееся съ 4 іюня до 17 августа; обѣ стороны приготовились съ свѣжими силами вступить въ новую борьбу. Тесть Наполеона, императоръ *Францъ*, выступилъ посредникомъ и устроилъ конгрессъ въ Прагѣ. Но Наполеонъ не хотѣлъ уступить ни на волосъ и показывалъ, что не желаетъ мира. Тогда и императоръ Францъ объявилъ ему войну; 300,000 его солдатъ примкнули къ войскамъ союзниковъ. Нападеніе на Наполеона, при Дрезденѣ, не удалось, зато союзники одержали побѣды при Кульмѣ, Кацбахѣ, Гросбергенѣ и при Денневицѣ.

Чередъ дошелъ и до самого Наполеона. Союзныя войска стянулись плотнѣе и старались зайдти ему въ тылъ. Онъ отступилъ къ Лейпцигу. Союзники послѣдовали за нимъ. 16 октября началась исполинская битва. Болѣе 300,000 союзниковъ (Австрійцевъ, Пруссаковъ, Русскихъ, Шведовъ) стояли противъ 200,000 Французовъ; съ осьми часовъ утра гремѣло болѣе 1000 пушекъ, земля колебалась отъ этого грома. Нѣсколько времени побѣда оставалась нерѣшенную. Всѣ усилія союзниковъ сокрушались о стремительную храбрость Французовъ и Поляковъ; самъ Наполеонъ нѣсколько разъ проскакалъ посреди огня, ободряя войска и

генераловъ. Въ три часа по полудни Французы сдѣлали уже такія успѣхи, что Наполеонъ послалъ гонца въ Лейпцигъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и приказалъ звонить во всѣ колокола. Но Австрійцы и Русскіе заняли опять свои позиціи, а вождь Пруссаковъ Блюхеръ опрокинулъ Французовъ и оттѣснилъ ихъ къ Лейпцигу. 17 октября пришлось воскресенье и битва была пріостановлена. Наполеонъ предложилъ союзникамъ перемиріе, но они уже не хотѣли слушать его предложеній. Рано утромъ, 18 октября, возобновился страшный бой; тогда давно-ожидаемый наслѣдный принцъ шведскій подоспѣлъ съ сѣверной арміей. Во время сраженія, Саксонцы измѣнили Наполеону и почти всѣ погибли. Но напрасно Наполеонъ употреблять всѣ силы свои и искусство: онъ былъ побѣжденъ, войска его отступили къ Лейпцигу.

Утромъ 19-го начался съ трехъ сторонъ приступъ къ Лейпцигу. Нѣсколько дней уже весь городъ былъ наполненъ убитыми и ранеными; принуждены были открыть шлюзы, чтобы могла стечь накопившаяся кровь. Макдональдъ и Понятовскій должны были защищать городъ до послѣдней минуты, и потомъ прикрывать отступленіе. Послѣ десяти часовъ Наполеонъ оставилъ городъ; вскорѣ затѣмъ взлетѣлъ на воздухъ, подкопанный минами, каменный мостъ на Эльстерѣ. Тогда возобновился березинскій день. Многіе потонули при переправѣ черезъ Эльстеръ, а между прочими и князь Понятовскій; почти всѣ остальные были отрѣзаны и взяты въ плѣнъ. Потеря Французовъ, въ этой четырехдневной „битвѣ народовъ", простиралась до 80,000 чел.; союзники лишились около 50,000. Съ остатками войска Наполеонъ бѣжалъ къ Рейну; могущество его было сломлено.

12.

Союзники предложили миръ Наполеону съ условіемъ, чтобы онъ удовольствовался одною Франціею, съ границами до Рейна, но онъ не согласился на это, и они рѣшились перенести войну во Францію, чтобы уничтожить силу и власть завоевателя, въ теченіи столькихъ лѣтъ нарушавшаго спокойствіе Европы и дерзко игравшаго, для потѣхи своего честолюбія, судьбами народовъ.

Началась компанія 1814 г. Несмотря на побѣды Наполеона, развернувшаго въ это время свой военный геній, союзники, силы которыхъ значительно превышали силы императора Французовъ, все подвигались впередъ, къ Парижу. 31 марта они вступили въ столицу Франціи, послѣ битвы на высотахъ *Монмартра.* Затѣмъ учреждено было временное правительство, во главѣ котораго находился *Таллеранъ.* Этотъ хитрый дипломатъ и интригантъ тутъ же началъ дѣйствовать въ видахъ возстановленія Бурбоновъ.

Между тѣмъ, маршалы стали измѣнять Наполеону; силъ для дальнѣйшей борьбы у него уже не было—и онъ сначала отказался отъ трона (4 апрѣля) въ пользу своего сына, а потомъ подписалъ актъ безусловнаго отреченія. Онъ получилъ во владѣніе островъ *Эльбу*, у береговъ Италіи, съ титуломъ императора и съ 2 милліонами франковъ ежегоднаго дохода, а супругѣ его, Маріи-Луизѣ, дано было герцогство Пармское. Горестно простился онъ на дворѣ замка Фонтенебло, гдѣ подписалъ и отреченія, съ гренадерами своей гвардіи—и 4 мая высадился на свой маленькій островъ. Но не тутъ должна была кончиться его тревожная жизнь.

Франція была приведена въ границы 1792 г. Бурбоны во Францію возвратились; король *Лудовикъ XVIII* долженъ былъ царствовать въ ней при конституціонномъ устройствѣ. Но Бурбоны и возвратившіеся съ ними эмигранты, въ изгнаніи своемъ, „ни чему не научились и ничего не забыли.“ Правительство видимо стремилось къ реакціи, эмигранты добивались возвращенія потерянныхъ своихъ имѣній и феодальныхъ правъ. Ненависть партій сильно разъигралась; всеобщее неудовольствіе на новый порядокъ господствовало всюду, въ столицѣ и провинціяхъ,— и тѣмъ было сильнѣе оно, что у всѣхъ еще свѣжо и ярко было воспоминаніе о недавней славѣ Франціи, о недавнемъ преобладаніи ея надъ всей Европою. Вѣсти объ этотъ положеніи дѣлъ во Франціи постоянно доходили до Наполеона и шевелили въ немъ надежды на возвращеніе утраченной власти, а къ надеждамъ присоединились и опасенія за свою участь: доносились къ нему слухи, что на Вѣнскомъ конгрессѣ, собравшемся для возвращенія законныхъ династій на потерянные ими троны, для окончательнаго подавленія началъ, пущенныхъ въ ходъ революціею, а также для раздѣла завоеванныхъ и упраздненныхъ зе-

мелъ и вознагражденія союзниковъ, шла уже рѣчь о перемѣщеніи бывшаго императора Французовъ съ острова Эльбы на островъ св. Елены.

Наполеонъ недолго задумывался. 1 марта 1815 г. съ немногими приверженцами онъ высадился въ Фрежюсѣ, на берегъ Франціи. Выходя на берегъ, онъ обратился къ бывшей тутъ толпѣ народа съ однимъ только, но многозначительнымъ словомъ: „граждане!"—въ словѣ этомъ онъ давалъ уразумѣть, что будетъ править уже не по-прежнему, на основаніи одного своего произвола, но соображаясь съ волею и желаніями народа. Скоро обаяніе недавней славы, а также ненависть къ Бурбонамъ и олицетворяемому ими старому порядку увлекли на сторону Наполеона все войско, многихъ генераловъ и государственныхъ людей, даже изъ тѣхъ, которые еще недавно ему измѣнили, и наконецъ,—весь народъ. Бурбоны опять бѣжали изъ Франціи, а императоръ опять водворился въ Тюильри. Онъ далъ конституцію странѣ, созвалъ представителей народа,—дѣятельность его въ эти *сто дней* правленія была истинно-громадна; но само-собою-разумѣется, что вся она проникнута была военнымъ характеромъ. Наполеону нужны были войска, всякіе военные припасы, деньги для веденія войны; война была единственной цѣлію всей этой страшной дѣятельности возстановленнаго правительства и народа, войнѣ не предвидѣлось даже конца,—и бѣдный, славолюбивый народъ опять готовъ былъ жертвовать всѣми своими средствами для поддержанія честолюбца, котораго, однако, счастье начинало уже покидать видимо и навсегда.

Борьба, предстоявшая императору и несчастной Франціи, съ перваго же взгляда являлась неровною. Объявивъ Наполеона внѣ покровительства закона, европейскія державы двинули противъ него громадные силы. И опять началась война, опять начались кровопролитныя битвы. Послѣдній актъ страшной трагедіи разъигрался на поляхъ Бельгіи. Первыя сраженія (при *Линьи* и *Катрбра*) кончились въ пользу Французовъ. Но 18 іюня произошла при *Ватерлоо* послѣдняя битва Наполеона, рѣшившая его участь. Французская армія сражалась геройски, побѣда видимо клонилась на ея сторону, Англичане, подъ предводительствомъ *Веллингтона*, готовились уже отступить, но къ нимъ на подмогу подоспѣлъ *Блюхеръ* съ прусской арміей—и дѣло приняло иной оборотъ; Французы были уже истомлены прежнимъ боемъ, не вмочь имъ было

BAYER. STAATS BIBLIOTHEK MUENCHEN

бороться съ свѣжими силами другой непріятельской арміи, а генералъ *Груши*, котораго все ждалъ императоръ, не явился—пораженіе французской арміи было ужасно. Этотъ роковой день погубилъ всѣ надежды Наполеона.

Дѣло его было проиграно окончательно; дальнѣйшая борьба сдѣлалась невозможною. Онъ потерялъ не одну только армію, но и вѣру въ себя и въ свое счастье. Подписавъ опять отреченіе отъ престола въ пользу своего сына, онъ хотѣлъ-было бѣжать въ Америку. Но и это оказалось невозможнымъ: англійскіе крейсеры сторожили зорко всѣ французскія гавани. Тогда Наполеонъ рѣшился отдаться великодушію стариннаго своего врага, народа англійскаго. Англійскій корабль Беллерофонъ принялъ развѣнчаннаго завоевателя. И тутъ скоро объявлено было Наполеону, что англійское правительство назначаетъ ему для мѣстопребыванія островъ св. Елены, на Атлантическомъ Океанѣ. Онъ протестовалъ,—но тщетно; 18 октября его доставили въ мѣсто печальной ссылки.

Въ нездоровомъ климатѣ, подъ суровомъ надзоромъ губернатора острова, сэра Гудсона Лоу, снѣдаемый скорбными воспоминаніями о недавнемъ своемъ величіи, о страшномъ паденіи, Наполеонъ томился около шести лѣтъ. Онъ скончался 5 мая 1821 г. Въ послѣднія минуты, въ предсмертномъ бреду, ему представлялись все битвы и битвы.

Такъ кончилъ этотъ грозный завоеватель, жизнь котораго представляется какъ-то особенно странною, коли вспомнить, что онъ дѣйствовалъ, играя, по прихоти своей, судьбами народовъ и считая людей цифрами, среди самыхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, что онъ вышелъ изъ того великаго переворота, основной мыслью котораго была свобода. Грозной бурею пронесся надъ Европой этотъ человѣкъ, одаренный великими душевными силами, но потратившій ихъ на гибель многихъ людей и самому себѣ.—Судьба его—великой урокъ для всего человѣчества.

КОНЕЦЪ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

.9.

Государственная Центральная Книжная Палата
БЮРО
Международного
Книгообмена.

UNIVERSITÄTS-
BIBLIOTHEK
MÜNCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Očerki iz istorii i narodnych skazanij <Novaja istorija>. Perevod s ně
meckago

Moskva 1873

H.misc. 360 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11159023-2